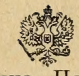

С. Князьковъ.

Изъ прошлаго Русской земли.

Типографія Т-ва. И. Д. Сытина, Пятницкая улица, собств. домъ.
МОСКВА.—1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Собранные въ этой книгѣ очерки отдѣльныхъ сторонъ прошлаго Русской земли были написаны, какъ объяснительный текстъ къ картинамъ по русской исторіи, приложеннымъ къ журналу „Дѣтскій Отдыхъ въ 1903—05 гг. Предназначались они, слѣдовательно, какъ для самостоятельнаго чтенія въ школѣ и дома, такъ и въ пособіе къ школьному учебнику. Настоящее изданіе этихъ статей имѣетъ ту же цѣль—дать матеріалъ для школьнаго и внѣшкольнаго чтенія тѣмъ учащимся, кого интересуютъ вопросы прошлаго Русской земли.

Въ своемъ изложеніи отдѣльныхъ сторонъ нашего прошлаго авторъ поставилъ себѣ задачей держаться послѣднихъ выводовъ русской исторической науки, какъ бы ни шли въ разрѣзъ иногда эти выводы съ традиціоннымъ изложеніемъ учебника. Ставя себѣ задачей дать на каждую тему цѣльный и связный разсказъ, авторъ не могъ избѣжать нѣкоторыхъ повтореній, не могъ и излагать воззрѣній отдѣльныхъ ученыхъ по тѣмъ спорнымъ вопросамъ, относительно которыхъ еще не достигнуто соглашеніе. Тутъ пришлось всегда выбирать тотъ взглядъ или то мнѣніе, которое авторъ самъ раздѣляетъ. Имена историковъ и ихъ труды, которыми пользовался авторъ, пусть защитятъ его отъ возможныхъ нареканій въ односторонности и излишней смѣлости въ выборѣ для изложенія тѣхъ, а не иныхъ взглядовъ.

Преподаватели въ школѣ и самостоятельное чтеніе всегда поправятъ эту односторонность. Авторъ только хотѣлъ дать

отправную точку для самостоятельнаго чтенія и этимъ быть полезнымъ школѣ. Это его горячее желаніе и оправдываетъ появленіе предлаемыхъ статей отдѣльной книгой.

Приношу мою глубокую благодарность Я. Л. Барскову и А. Ѳ. Гартвигу за постоянное сочувствіе моей работѣ и тѣ цѣнныя указанія, которыя я имѣлъ отъ нихъ.

С.-Петербургъ 12 января 1907 г.

Предки русскаго народа.

Ни лѣтописи наши ни устныя преданія не помнятъ, когда и откуда появились въ Европѣ предки русскаго народа—славяне. Древнему міру они были извѣстны очень мало, а потому древніе писатели—греческіе и римскіе—не сохранили о нихъ почти никакихъ записей, а то, что записали, записано у нихъ очень туманно и сбивчиво, видимо, дошло до нихъ самихъ черезъ третьи или четвертыя руки. Читая ихъ записи, часто можно только догадываться, что рѣчь идетъ о славянахъ.

Кромѣ письменныхъ памятниковъ, о прошлой жизни народа позволяютъ судить вещественные слѣды его быта — то, что онъ строилъ и выработалъ. Разбирая эти видимые остатки, можно судить о степени древности народа, объ его распространеніи по лицу земли, объ его бытѣ, нравахъ, вкусахъ и наклонностяхъ. Древніе люди имѣли обычай хоронить со своими покойниками тѣ вещи домашняго обихода, къ которымъ покойникъ привыкъ, когда былъ живъ. Клали въ могилы и такіе предметы, которые считались вообще необходимыми для жизни. Древніе вѣрили, что человѣкъ и послѣ

смерти продолжаетъ жить подъ землей такъ же, какъ жилъ на землѣ. Поэтому, заботясь объ удобствахъ умершаго, они клали съ нимъ въ могилу оружіе, охотничью и рыболовную снасть, сосуды, украшенія, закалывали надъ могилой и клали туда же домашнихъ животныхъ и даже людей — рабовъ и женъ покойнаго. Когда разрываютъ такія могилы, то находятъ въ нихъ болѣе или менѣе сохранившіеся остатки положенныхъ туда предметовъ и по нимъ судятъ, какъ жилъ, чѣмъ занимался народъ, къ которому принадлежалъ покойникъ.

Ничто не сохраняетъ такъ долго въ человѣческомъ общежитіи свою форму, внѣшній видъ и качество, какъ предметы домашняго обихода. Если внимательно сравнивать предметы, отрытые въ очень древнихъ могилахъ, съ отрытыми въ могилахъ болѣе новыхъ, уже извѣстно, какому народу принадлежавшихъ, то можно установить болѣе или менѣе достовѣрно, какому народу принадлежали древнѣйшія могилы: тому ли самому, что и новѣйшія, извѣстныя, или другому. Такимъ-то вотъ путемъ, изслѣдуя могильники тѣхъ странъ, которыя и по сіе время обитаемы славянами, сравнивая при изслѣдованіи древнѣйшіе могильники съ позднѣйшими и принимая въ расчетъ древнѣйшія письменныя извѣстія, ученые установили, что первоначальнымъ поселеніемъ славянства въ Европѣ были сѣверо-восточные склоны Карпатскихъ горъ, та часть ихъ, гдѣ берутъ свое начало Днѣстръ, оба Буга, правые притоки верхней Вислы и правые притоки верхней Припети. Здѣсь, въ теперешней Галиціи и Волынской губерніи, славяне обитали еще въ то время, когда имъ не было извѣстно добываніе и употребленіе желѣза, и всѣ свои орудія: топоры, ножи, скребки и т. п., они дѣлали изъ кремня, изъ костей и роговъ животныхъ. Сколько-нибудь устойчивыхъ извѣстій объ этомъ времени жизни славянъ не сохранилось. Можно только сказать, что жизнь ихъ въ то время, навѣрное, ничѣмъ не отличалась отъ жизни народовъ, стоящихъ на такой степени развитія, которую принято называть „каменнымъ вѣкомъ“.

Долго сохраняются въ жизни народовъ обычаи и обряды, празднества, выраженія общественной и семейной радости и горя, пѣсни, сказанія, сказки, примѣты, пословицы, поговорки. Прислушиваясь къ нимъ, сравнивая разныя описанія обрядовъ въ разное время у одного и того же народа, ученые легко выдѣляютъ древнѣйшія черты отъ позднѣйшихъ, которыя прибавляетъ жизнь, и могутъ болѣе или менѣе отчетливо представить себѣ, какъ жили, во что и какъ вѣрили древніе люди. Сохранившіяся въ обиходѣ черты древности принято называть пережитками. Часто бываетъ, что такой пережитокъ потерялъ уже давнымъ-давно всякій дѣйствительный смыслъ своего существованія, а между тѣмъ держится среди людей, и всѣ его исполняютъ. Случалось ли, напримѣръ, вамъ обратить вниманіе на тѣ двѣ-три пуговицы, которыя портные пришиваютъ къ нижней части рукава? Какой въ нихъ толкъ? Ни застегивать ни пристегивать тутъ нечего, да и красоты никакой нѣтъ. Обычай пришивать эти пуговицы унаслѣдованъ отъ тѣхъ временъ, когда обшлага рукавовъ шились съ большими отворотами, которые пристегивались къ рукаву пуговицами. На картинкахъ, изображающихъ людей начала XVIII и конца XVII вѣковъ, можно видѣть костюмы съ такими отворотами у рукавовъ. Давно уже они вывелись изъ моды, а пуговицы все-таки пришиваются!

Исторія начинаетъ знать ближе славянъ уже въ то время, когда они уже умѣютъ владѣть сдѣланнымъ изъ желѣза оружіемъ. Страна, заселенная славянами, лежала на пути тѣхъ азіатскихъ ордъ, которыя въ первые вѣка послѣ Рождества Христова стремительнымъ потокомъ обрушились на европейскія страны. То были: готы, авары, гунны и др. Они вовлекли въ свои ряды и славянскія племена Прикарпатья. Вслѣдъ за ними славяне прознали пути въ богатыя владѣнія Византійской имперіи, лежавшія по нижнему Дунаю, въ сосѣдствѣ съ которымъ славянскія племена, спустившись съ Карпатъ, утвердились очень давно и жили очень долго, настолько долго, что лѣтопись наша не помнитъ настоящей праро-

дины славянъ — Карпатъ, и считаетъ Дунай тѣмъ мѣстомъ, откуда вышли предки восточныхъ славянъ въ обитаемыя ими страны.

Живя на Дунаѣ, славяне постоянно сталкивались съ греками. Первоначально это были чисто хищническіе набѣги дикарей-славянъ на богатыя, но слабо защищенныя, границы Византійской имперіи. Набѣги эти славянскія племена предпринимали подъ предводительствомъ сильнѣйшаго племени. Такимъ считалось у нихъ около VI вѣка племя дулѣбовъ, кстати и обитавшее ближе другихъ къ византійскимъ владѣніямъ. Въ VI вѣкѣ, во второй его половинѣ, союзъ славянскихъ племенъ подъ верховенствомъ дулѣбовъ, былъ разрушенъ нашествіемъ аваровъ, воспоминаніе о которомъ сохранила и наша лѣтопись въ слѣдующей записи: „Си же обрѣ (авары) воеваху на словенѣхъ и примучиша дулѣбы, сущая словѣни, и насилье творяху женамъ дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи три-ли, четыре-ли, пять-ли женъ въ телѣгу и повезти обрина. Тако мучаху дулѣбы. Быша бо обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я: помроша вси, и не остася ни единъ обринъ. Есть притча на Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ“.

Авары погибли, сметенные слѣдовавшей за ними волной варваровъ, но и дулѣбы были такъ обезсилены, что уже не могли болѣе стоять во главѣ славянскихъ племенъ. Къ этому времени относятся смутныя извѣстія о ссорахъ и раздорахъ славянскихъ племенъ другъ съ другомъ. Каждое племя живетъ съ этого времени какъ бы само по себѣ, и общая связь поддерживается только общими вѣрованіями, обрядами, обычаями и языкомъ.

Набѣги на греческую имперію, однако, не прекратились и продолжались до первой четверти VII вѣка. Опасности, которымъ подвергалась имперія отъ нападенія славянъ, заставили образованныхъ греческихъ людей ближе присмотрѣться къ своимъ врагамъ и узнать, какъ они живутъ и

управляются, каковы ихъ обычаи и нравы. Свои наблюденія надъ жизнью славянъ они записали. Благодаря ихъ записямъ, а также вещественнымъ памятникамъ славянскаго житья-бытья, сохранившимся въ могилахъ, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, какъ жили предки русскаго народа — славяне — около VI вѣка по Р. Х.

По неяснымъ и скуднымъ извѣстіямъ византійцевъ, славяне управлялись многочисленными царьками или филархами, т.-е. племенными князьками и родовыми старѣйшинами, и имѣли обычай собираться на совѣщанія объ общихъ дѣлахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ византійскіе писатели указываютъ на недостатокъ согласія и частыя усобицы среди славянъ. Эти извѣстія относятся къ VI и VII вв. по Р. Х. Наша лѣтопись тоже сохранила глухое извѣстіе о князьяхъ у отдѣльныхъ племенъ восточныхъ славянъ. Неизвѣстно, что это были за князья и княженія, какъ и въ чемъ выражалась власть князя въ племени, какъ относились къ его власти люди, составлявшіе племя. Вѣроятнѣе всего, что это были мелкіе родовые князьки, выбранные отдѣльными родами, или союзами большихъ семей, вести порядокъ въ племени, предводительствовать на войнѣ и на большой охотѣ, держать третейскій судъ и приносить торжественныя жертвы богамъ.

Описывая жизнь славянъ на Дунаѣ и на Карпатахъ, греческіе писатели всегда отмѣчаютъ, что славяне „часто переселяются“. Причинъ тому было много. Увеличивалось количество народу, такъ что жить и кормиться въ Прикарпатской сторонѣ становилось трудно. Слишкомъ участились набѣги дикихъ племенъ, дѣлавшихъ жизнь здѣсь опасной и тревожной. Особенно должно было подѣйствовать въ этомъ смыслѣ на славянъ аварское нашествіе. Одинъ современникъ разсказываетъ, что послѣ нашествія аваровъ славяне раздѣлились на отдѣльныя племена. Наконецъ собственная страсть славянъ къ набѣгамъ пріучала ихъ все меньше дорожить родиной и все больше влекла на чужбину. А изъ Прикарпатскаго края, благодаря вытекающимъ отсюда во всѣ четыре стороны свѣта

рѣкамъ и рѣчкамъ, открывался широкій и свободный путь на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ.

Ушедшія къ западу племена славянъ поселились въ нынѣшней Чехіи и отсюда по рѣкамъ Савѣ, Дравѣ и Моравѣ проникли далеко на западъ. Отъ этихъ славянъ произошли нынѣшніе чехи, моравы, словаки, хорутане и другія племена западныхъ славянъ. Ушедшіе на Вислу и тамъ поселившіеся славяне сдѣлались родоначальниками нынѣшнихъ поляковъ. Двинувшіяся на сѣверъ отъ Карпатъ племена сѣли, главнымъ образомъ, по рѣкѣ Эльбѣ, которая тогда называлась Лабой. Отсюда и сами они получили названіе полабскихъ славянъ. Часть ихъ ушла еще далѣе на сѣверъ и заселила южное побережье Балтійскаго моря — сѣверо-восточную часть нынѣшней Пруссіи. Эти племена прозвались поморянами. Обѣ вѣтви славянства — полабскіе славяне и поморяне — столкнулись здѣсь съ нѣмцами и послѣ долгой борьбы съ ними не устояли, подчинились нѣмцамъ и мало-по-малу путемъ браковъ и насильственнаго подчиненія слились съ нѣмцами, образовавъ съ ними одинъ народъ — прусскій...

Спустившіяся къ югу отъ Карпатъ славянскія племена проникли за Дунай и заселили почти весь Балканскій полуостровъ. Отъ этихъ племенъ произошли нынѣшніе сербы, болгары, черногорцы, босняки и герцеговинцы. Не мало славянской крови влилось путемъ браковъ и въ жилы нынѣшнихъ грековъ.

Отошедшая на сѣверо-востокъ отъ Карпатъ вѣтвь славянства по Припети достигла Днѣпра и, разселяясь по этой могучей рѣкѣ и ея притокамъ, столкнулась и смѣшалась съ другой вѣтвью славянства, проникшей на Днѣпръ съ юга отъ Дуная. Здѣсь славяне осѣли сначала по нижнему и среднему теченію Днѣпра, занявъ западный его берегъ, затѣмъ они овладѣли и верховьями его. Часть ихъ перебралась и на восточную сторону рѣки и достигла, постепенно распространяясь, до Оки и Средней Волги. Другіе же двинулись по Западной Двинѣ и, идя далѣе къ сѣверу за Западную Двину, добрались до Ильменя озера, до Ладоги и Невы.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
около 862 г.
Славяне:
Восточные или Русскіе
Западные и Южные
Море Варяжское
Бѣлое море
Печора
Каменный поясъ
Черемисы
Мурома
Мордва
Камскіе Болгары
Печенѣги
Новгородъ
Поляне
Древляне
Кіевъ
Поморяне
Пруссы
Чехи
Моравы
Хорутане
Словенцы
Словаки
Хорваты
Сербы
Авары
Болгары
Балканы
Русское море
Царьградъ
Итилъ
Визант

Восточные славяне раздѣлялись на нѣсколько племенъ. То были: *поляне*, обитавшіе по среднему Днѣпру, около нынѣшняго Кіева; *древляне*, жившіе по Припети; *дреговичи* — по Березинѣ; *полочане* — по Западной Двинѣ; *сѣверяне* — по Деснѣ; *радимичи* — по Сожи; *вятичи* — по Окѣ и Угрѣ; *кривичи* — между Западной Двиной и Верхнимъ Днѣпромъ; часть ихъ проникла на Ильмень озеро и получила названіе *ильменскихъ славянъ*; *тиверцы и уличи* жили по южному Днѣпру и Днѣстру; *дулѣбы* и *волыняне*, по Бугу.

Эти-то вотъ племена, разселяясь постепенно все дальше на востокъ и сѣверъ, заняли всю сѣверо-восточную половину Европы и создали русское государство.

Каждое племя восточныхъ славянъ состояло изъ соединенія многихъ родовыхъ и семейныхъ союзовъ. Выражался этотъ союзъ тѣмъ, что старѣйшины или князьки отдѣльныхъ родовъ собирались вмѣстѣ на сходки, на которыхъ обдумывали и рѣшали дѣла всего племени, затѣвали и обсуждали различныя военныя предпріятія или охоты сообща.

Въ своей домашней жизни славяне этого времени были, по преимуществу, охотники; они жили въ лѣсу, и вплоть до IX вѣка свидѣтельства иностранныхъ писателей рисуютъ славянъ, какъ лѣсныхъ добычниковъ, у которыхъ можно пріобрѣсти шкуры звѣрей, кожи, воскъ, медъ дикихъ пчелъ.

Земледѣліе врядъ ли было особенно развито — слишкомъ безпокойна и полна опасностей отъ людей и звѣрей была тогдашняя жизнь, чтобы дать достаточно мира и досуга для занятія земледѣліемъ. Тѣмъ не менѣе, начатки хлѣбопашества можно найти у древнихъ славянъ до VII в. Они знаютъ уже въ это время рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, просо.

Зерна хлѣбныхъ растеній они размалывали на ручныхъ жерновахъ, умѣли, впрочемъ, какъ кажется, кое-гдѣ строить и водяныя мельницы. Изъ муки славяне пекли хлѣбы и блины. Кромѣ хлѣба, они ѣли печеное и вареное мясо, молоко, сыръ, занимались, слѣдовательно, скотоводствомъ; знали

кое-какіе овощи, пили медъ, приготовляя его особымъ способомъ, какъ напитокъ очень опьяняющій.

Жили славяне небольшими поселками — одиночными, семейными, или большими—родовыми.

Объ этомъ знаетъ и наша лѣтопись. Тамъ читаемъ, что славяне „живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще родомъ своимъ". Жить родомъ значило то, что всѣ люди, происходившіе по родству отъ одного родоначальника, жили вмѣстѣ, вмѣстѣ работали, все имѣли общее и работали — пахали землю или охотились — сообща.

Во главѣ рода стоялъ родоначальникъ, старѣйшина, которымъ всегда бывалъ самый старѣйшій по лѣтамъ изъ всѣхъ родичей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда трудно было рѣшить, кто старѣйшій по лѣтамъ, старѣйшину выбирали изъ взрослыхъ и почтенныхъ по годамъ и жизни родичей. Родовой старѣйшина наблюдалъ за сохраненіемъ мира и порядка въ родѣ, былъ судьей въ мирное время и предводителемъ на войнѣ.

Итакъ, слѣдовательно, родомъ называлось собраніе родственныхъ по происхожденію семей, жившихъ подъ управой старѣйшаго родича — родоначальника, родового старѣйшины.

Въ семейной жизни славянъ господствовало единобрачіе. Многоженство, хотя и встрѣчалось, было въ общемъ рѣдко. Браки у разныхъ славянскихъ племенъ заключались не одинаково. Въ то время, какъ одни, по словамъ лѣтописи, „умыкаху у воды дѣвица", другія же „схожахуся межю селы на игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся", у третьихъ „женихъ по невѣстѣ не хожаше, но привожаху (ему невѣсту) вечеръ, а заутра приношаху по ней, что вдадуче", т.-е. у этого племени славянъ женихъ покупалъ себѣ невѣсту, давая за нее ея родичамъ, терявшимъ работницу, выкупъ — вѣно.

Брачные обычаи — особенно умыканіе, т.-е. воровство дѣвицъ, — вносили не мало разлада во взаимныя отношенія родовъ. Каждый родъ берегъ своихъ дѣвушекъ, какъ работницъ. Умычка работницы приносила убытокъ роду, и

родъ искалъ возмѣстить свой убытокъ съ похитителя, требовалъ вознагражденія съ укравшаго и его родичей и въ случаѣ отказа, брался за оружіе. Обыкновенно, похититель соглашался заплатить выкупъ, и тогда все улаживалось мирно. Иногда женихъ заранѣе уговаривался съ родителями невѣсты о платѣ за нее, и тогда умычка была только исполненіемъ стараго обычая, если только считали нужнымъ его соблюсти. Невѣсту, по выплатѣ вѣна, передавали жениху съ рукъ на руки. До сихъ поръ въ народныхъ свадебныхъ обычаяхъ сохранились отголоски тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда бракъ являлся куплей-продажей невѣстъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи соблюдается слѣдующій обычай: подлѣ невѣсты передъ приходомъ жениха садится братъ ея или другой родственникъ. Дружко спрашиваетъ его: „Зачѣмъ сидишь здѣсь?“ — „Я берегу свою сестру“, отвѣчаетъ тотъ. „Она уже не твоя, а наша!“ возражаетъ дружко. „А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормъ. Я одѣвалъ ее, поилъ, кормилъ“. — „Сколько же она тебѣ стоила?“ спрашиваетъ дружко. Сидящій возлѣ невѣсты начинаетъ перечислять, что онъ истратилъ на ея прокормъ. Дружко, выслушавъ, даетъ ему монету, но тотъ говоритъ: „Мало!“ Дружко даетъ еще, и такъ до трехъ разъ. Потомъ сидящій встаетъ, и на его мѣсто садится женихъ.

Если обиженному роду, у котораго чужаки похищали женщину, они отказывались уплатить ея рабочую стоимость, то начиналась вражда родовъ. Проливалась кровь.

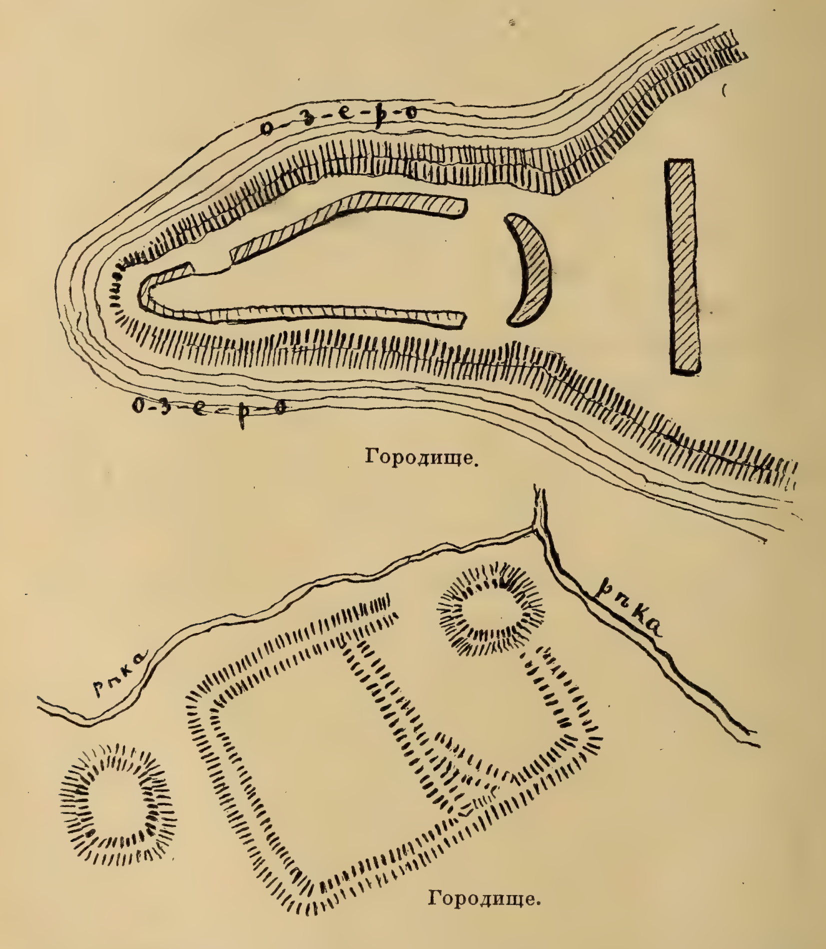
А такъ какъ у славянъ было въ обычаѣ мстить за убійство, при чемъ обязанность эта переходила отъ одного родича къ другому, и каждое новое убійство вызывало и новыхъ мстителей, то понятно, что происходило: члены отдѣльныхъ родовъ рѣзались на-смерть, подстерегали и убивали другъ друга, и это длилось иногда до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ соперничествовавшихъ родовъ не бывалъ вырѣзанъ дочиста, до послѣдняго человѣка. Родовая месть возбуждалась и по всякому другому поводу — нечаянное убійство, ссора, кража,—

словомъ, всякое столкновеніе грозило разрѣшиться этимъ страшнымъ обычаемъ. Умычка невѣстъ и обычай родовой мести поселяли и поддерживали большую рознь между отдѣльными родами.

По мѣрѣ того, какъ разрасталось количество членовъ отдѣльныхъ родовъ и увеличивалось родовое имущество, родовыя связи становились менѣе крѣпки. Старому, дряхлому родоначальнику становилось уже не подъ силу управлять сильно разросшимся родомъ. Все труднѣе и труднѣе становилось и родичамъ рѣшать, кто изъ нихъ старше. Стали часты случаи, когда племянникъ по годамъ оказывался много старше своего дяди, или слишкомъ дряхлый старѣйшій родичъ явно не годился быть главой рода. Первое время въ такихъ разросшихся родахъ стали допускать, чтобы старѣйшина избиралъ себѣ преемника при жизни и правилъ бы вмѣстѣ съ нимъ, такимъ путемъ какъ бы узаконяя его власть послѣ своей смерти. Но случалось, что родоначальникъ умиралъ неожиданно, внезапно, бывалъ, напримѣръ, убитъ на войнѣ и не успѣвалъ назначить себѣ преемника. Тогда родичамъ разросшагося рода приходилось самимъ избирать себѣ родовладыку.

Распаденію родового быта больше всего способствовала необходимость переселенія подъ напоромъ враговъ. Уже на Поднѣпровье племена славянъ должны были прійти съ нарушеннымъ строемъ родовой жизни. Передвигаясь подъ натискомъ аваровъ съ Карпатъ и Дуная на Днѣпръ, они, вѣроятно, въ очень рѣдкихъ случаяхъ доходили сюда цѣлыми родовыми группами. А если доходили, то въ новомъ краю, глухомъ и лѣсистомъ, находили крайне неблагопріятныя условія для жизни цѣлыми родами. Большому роду трудно было найти здѣсь мѣсто, на которомъ онъ могъ бы сразу поселиться всей кучей, достаточно тѣсно, чтобы не рисковать разставить отдѣльныя семьи слишкомъ далеко одна отъ другой и уже этимъ однимъ ослабить родственную связь. Отдѣльнымъ семьямъ невольно приходилось здѣсь отбиваться отъ рода въ поискахъ удобнаго

мѣстожительства, къ тому же и самое переселеніе не было свободной перекочевкой не спѣша, заранѣе обдуманной и положенной: люди бѣжали, спасая свою жизнь отъ свирѣпыхъ аваровъ, тутъ было не до сохраненія родовой связи. Отдѣль-

Городище.

Городище.

ныя семьи иногда очень далеко отбивались отъ рода, власть старѣйшины рода уже, такъ сказать, не достигала ихъ. У такой отдѣлившейся семьи появлялось и свое отдѣльное иму-

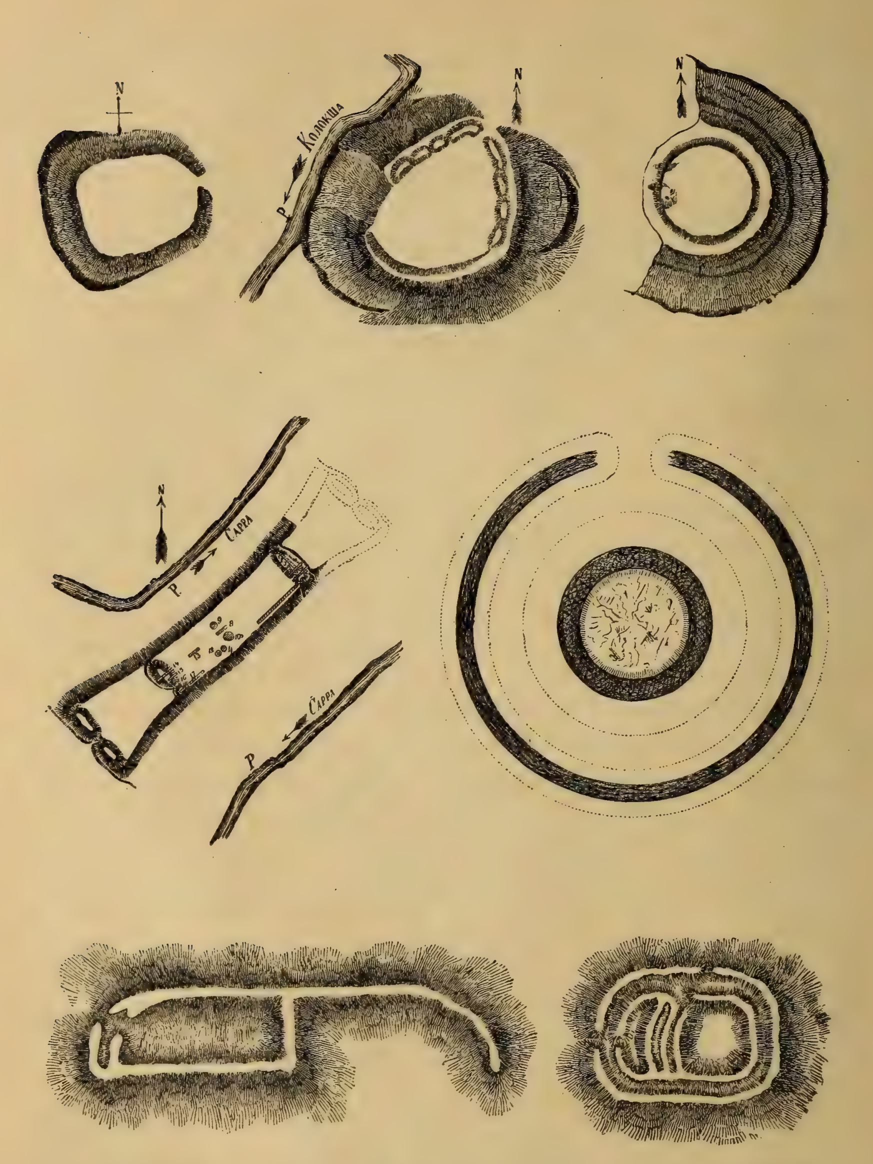
щество, такъ какъ работать, добывать себѣ пропитанiе ей приходится одной и только на себя, на свой страхъ и рискъ и своими только средствами.

Но одной семьѣ было трудно бороться за свое существованiе въ той суровой и новой обстановкѣ, какую создавали для жизни естественныя условiя Поднѣпровья. Подъ давленiемъ нужды отдѣльнымъ семьямъ и лицамъ различныхъ родовъ, случайно основавшимся на новыхъ мѣстахъ близко другъ отъ друга, пришлось соединиться для совмѣстной работы и для самозащиты. Такiе союзы семей, связанные не столько родствомъ и происхожденiемъ отъ одного родоначальника, сколько взаимной выгодой и сотрудничествомъ, скоро стали господствующей и основной формой общежитія у восточныхъ славянъ. У черногорцевъ и герцеговинцевъ можно еще теперь наблюдать существованiе такихъ союзовъ-семей, которые называются у нихъ „задруги", „велики кучи", „заедины".

Основныя задруги были, вѣроятно, очень немногочисленны, заключая въ себѣ человѣкъ 20 или 25 взрослыхъ мужчинъ работниковъ, не считая стариковъ, женщинъ и дѣтей; бывали, конечно, задруги и болѣе обширныя, заключавшiя однихъ взрослыхъ мужчинъ до 50 и болѣе человѣкъ.

Гдѣ-нибудь у опушки большого лѣса, неподалеку отъ рѣки или озера, на высокомъ сухомъ мѣстѣ располагалось жилье такой задруги. Жилье побольше, обнесенное землянымъ валомъ, служитъ домомъ старшинѣ; здѣсь же, внутри вала или возлѣ него, собираются задружники для совѣщанiя объ общихъ дѣлахъ. Въ студеную зимнюю пору здѣсь горитъ всегда огонь въ прочномъ очагѣ, и каждый задружникъ можетъ прiйти сюда изъ своей на живую нитку смётанной хибарки погрѣться. Жилья остальныхъ семей разбросаны вокругъ въ безпорядкѣ: всякiй ставитъ свое жилье тамъ, гдѣ ему удобнѣе, окружая его землянымъ валомъ какъ для тепла, такъ и въ цѣляхъ безопасности отъ дикаго звѣря и злого человѣка.

Самыя жилища славянъ этого времени сгорожены въ родѣ шалаша изъ жердей и тонкихъ бревенъ, сколоченныхъ дере-

Виды различныхъ типовъ городищъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи.

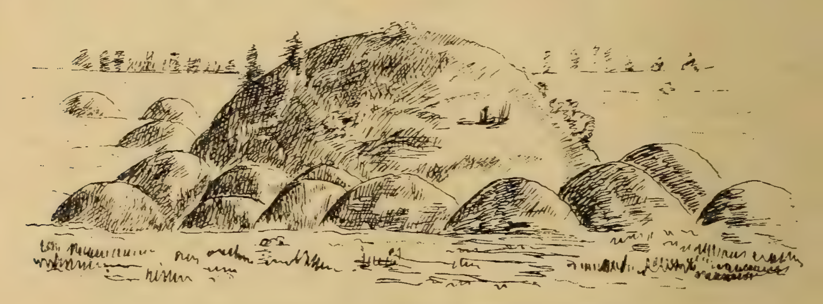
вянными гвоздями, связанныхъ лыкомъ и скрѣпленныхъ смолой, хворостомъ, дерномъ; внутри „жилитва“ находился очагъ, истопка, отсюда произошло и наше слово — изба (истба).

По всему пространству нашей равнины находятся многочисленные остатки земляныхъ валовъ, которыми были окружены древнія „жилитва“; иногда они еле замѣтны, стертые всесокрушающей рукой времени, но часто и очень явственны и сохранились сравнительно хорошо. Всѣ они имѣютъ довольно однообразный видъ и размѣры; форма ихъ, большею частью, овальная, слегка разогнутая къ востоку, откуда продѣлывался, очевидно, входъ. Такой валъ охватываетъ очень небольшое пространство, еле достаточное для того, чтобы въ немъ умѣстился современный среднiй крестьянскiй дворъ. Валы разсѣяны, обыкновенно, на разстоянiи 3, 4, 5, даже 8 верстъ одинъ отъ другого. Ихъ принято называть городищами. Около такихъ городищъ иногда находятся курганы — это древнія кладбища, въ которыхъ обитатели городищъ хоронили своихъ покойниковъ.

Славяне древнѣйшихъ временъ обыкновенно сожигали трупы своихъ покойниковъ. Пепелъ помѣщали въ особые глиняные сосуды, возлѣ которыхъ ставили малые сосуды съ пищей и питьемъ для покойника. Сосуды съ пепломъ закапывали въ землю „при путяхъ“. Съ половины IX вѣка на сѣверѣ славянской земли, у славянъ ильменскихъ и новгородскихъ, утверждается подъ влiянiемъ варяговъ обычай насыпать большiе курганы надъ сожженными трупами покойниковъ. Курганы эти, разсѣянные по всему новгородскому краю, достигаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 15 и болѣе аршинъ высоты. Обыкновенно это крѣпкiя крутобокiя насыпи, окруженныя по подошвѣ крупными камнями. Отъ новгородскихъ славянъ обычай насыпать курганы надъ сожженными трупами покойниковъ приняли и другiя славянскiя племена. Особенно сталъ распространяться этотъ обычай со времени водворенiя среди славянъ варяговъ и появленiя варяжскихъ князей. Принятiе христiанства не нарушило обычая насыпать курганы надъ могилами

покойниковъ, но прекратило обычай сожженія труповъ. Тогда въ силу стараго обычая, отъ котораго трудно было отстать, стали только сожигать костры на могилахъ, сжигая при этомъ иногда остатки поминальнаго пира. Понемногу вывелось и это, но до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ, какъ бы въ воспоминаніе стараго обычая, посыпаютъ вырытую могилу золой. Существуетъ также обычай посыпать пепломъ покойника во время церковнаго обряда погребенія.

Когда семья, построившая себѣ жилище, размножалась и не умѣщалась болѣе въ одной избѣ, то строили рядомъ второе, третье и т. д. жилье и обносили всѣ однимъ валомъ. Тогда получалось укрѣпленное село. Такія села начинаютъ

Типъ кургана въ Новгородской области.

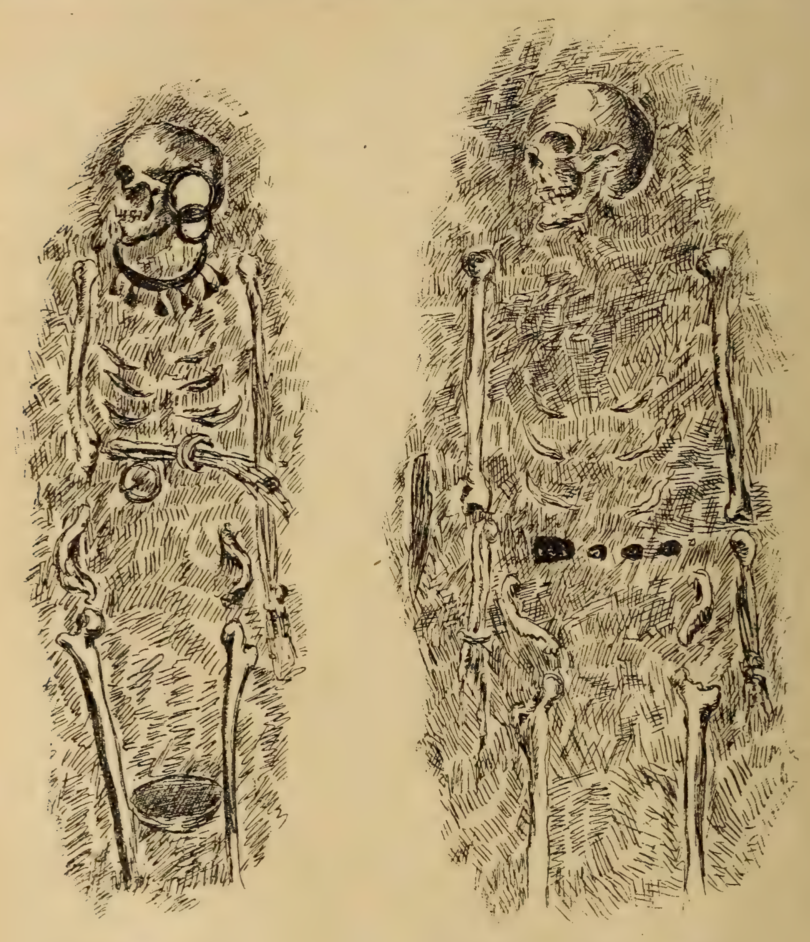
основываться съ тѣхъ временъ, когда земледѣліе дѣлается столь же важнымъ занятіемъ у славянъ, какъ и охота. Это совершилось уже послѣ того, какъ племена славянъ переселились съ Карпатъ и Дуная въ тѣ мѣстности, гдѣ потомки ихъ живутъ и теперь.

Но вотъ задруга разрастается. Рождаются и вырастаютъ младшіе, а такъ какъ почти всегда родится и выживаетъ людей больше, чѣмъ умираетъ, взрослыхъ людей въ задругѣ становится больше. Число ихъ увеличиваютъ приходящіе со стороны новые насельники, покинувшіе прежнія свои мѣстожительства и вошедшіе въ задругу. Вокругъ главнаго жилья выростаетъ уже порядочное число отдѣльныхъ жилищъ.

Становится тѣсно и работать, т.-е. охотиться и обрабатывать землю. Въ тѣ времена землю подъ пашню подготовляли тѣмъ, что выжигали росшій на ней лѣсъ. Удобренная золой земля давала богатый урожай нѣсколько лѣтъ подъ рядъ — лѣтъ пять - шесть, а потомъ истощалась, и тогда приходилось выжигать новый лѣсной участокъ; земли для такого способа веденія хозяйства требовалось очень много, и потому не мудрено, что семьи рода стремились селиться какъ можно рѣже. Охота и бортничество, бывшія самыми распространенными промыслами, требовали тоже большихъ пространствъ земли на каждую семью.

По вычисленіямъ и наблюденіямъ одного ученаго, пока люди занимаются только охотой, которой живутъ и кормятся, каждому охотнику, чтобы просуществовать и прокормиться, нуженъ огромный просторъ. У охотниковъ эскимосовъ, напримѣръ, на каждые сто километровъ (километръ — безъ малаго 469 саженъ) приходится всего только два человѣка населенія, а въ Амазонской провинціи Бразиліи на томъ же пространствѣ живетъ 3 человѣка охотниковъ. Когда люди занимаются скотоводствомъ, то та же площадь земли можетъ прокормить попрежнему немного людей. Такъ, въ киргизскихъ степяхъ на километръ приходится по 1 жителю, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Туркестана одинъ житель приходится на два километра. Когда люди занимаются земледѣліемъ, то могутъ жить уже значительно гуще: тогда на одномъ километрѣ могутъ жить до 40 человѣкъ. При занятіи промышленнымъ трудомъ, когда искусственно удобряется земля, когда можно удобно и скоро продать въ городѣ хлѣбъ и купить платье, обувь и прочее, на одномъ километрѣ могутъ уже прожить и прокормиться до 160 человѣкъ. Наконецъ когда люди занимаются только торговлей, т.-е. получаютъ хлѣбъ изъ другихъ странъ и платятъ за него своими промышленными и фабричными издѣліями, тогда на одномъ километрѣ земли можетъ просуществовать громадное количество населенія.

Благодаря тѣснотѣ, возникавшей по мѣрѣ разрастанія отдѣльныхъ задругъ, среди нихъ стали увеличиваться случаи взаимнаго недовольства. Охотники одной задруги, сталкиваясь

Женскій костякъ. Мужской крупный костякъ.

въ своихъ скитаньяхъ съ охотниками, членами имъ чуждой задруги, не всегда могли мирно разойтись. Начнутъ, напримѣръ, гнать звѣря одни, а его переймутъ нарочно или не-

чаянно сосѣди. Подымается ссора, споръ, драка. То же происходитъ и у земледѣльцевъ. Запалятъ огонь на облюбованномъ участкѣ земли въ одной задругѣ, но не разсчитаютъ силы и направленія вѣтра, глядишь, огонь перекинуло дальше намѣченной черты, сгорѣла огромная площадь лѣса, выгорѣли и тѣ участки, гдѣ, можетъ-быть, черезъ годъ или два рѣшили жечь лѣсъ сосѣди. Опять недоразумѣніе, ссора, драка, есть раненые, даже убитые.

А по старому обычаю за убійство надо мстить. Начинается охота за людьми, и создаются новые поводы для мести. Родъ возстаетъ на родъ, семья рѣжется съ семьей, члены одной задруги организуютъ походъ на сосѣднюю задругу.

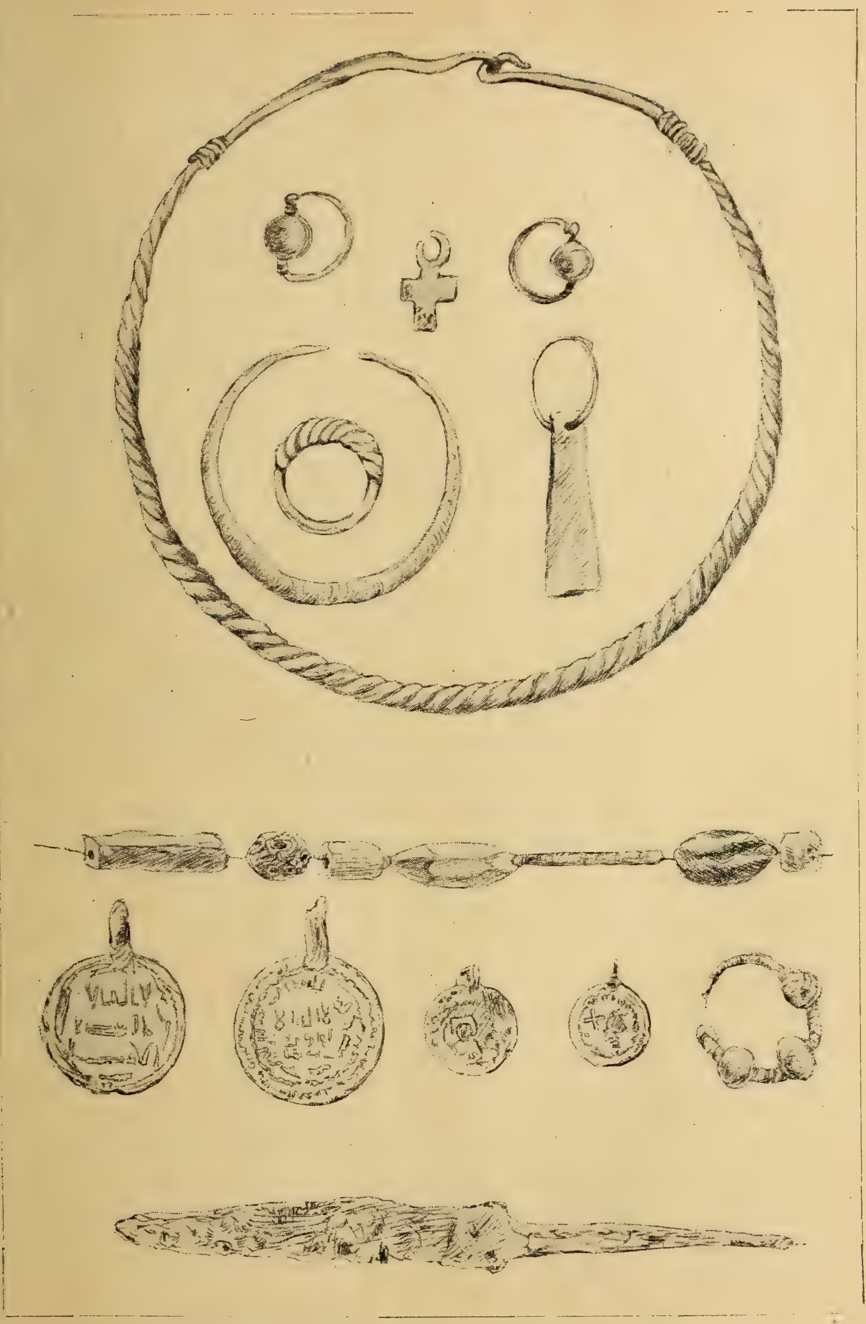
Межъ тѣмъ члены всѣхъ задругъ данной области — люди одного племени, говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ одни обычаи, живутъ одинаково и потому, какъ бы ни была сильна внутренняя вражда отдѣльныхъ частей племени, когда имъ всѣмъ грозитъ одинаковая опасность, напримѣръ, нападеніе чужеземцевъ, или представляется одинаковая выгода, воспользоваться которой можно только сообща, имъ легко сговориться дѣйствовать вмѣстѣ.

Внѣшняя опасность, боязнь нападенія людей чужого племени или инородцевъ заставляетъ отдѣльныя задруги сообща позаботиться о томъ, чтобы подъ рукой у нихъ было такое вѣрное и крѣпкое мѣсто, куда, въ случаѣ опасности, можно было бы спрятать имущество, укрыть женщинъ и дѣтей, наконецъ, гдѣ могли бы съ оружіемъ въ рукахъ отсиживаться воины.

Для этого гдѣ-нибудь на высокомъ берегу рѣки, на полуостровѣ, образуемомъ впаденіемъ въ эту рѣку ея притока, на мѣстѣ, съ котораго далеко и широко видно во всѣ стороны, насыпаютъ единоплеменники высокій и широкій земляной валъ, плотно утрамбовываютъ его, укрѣпляютъ плетнемъ и по вершинѣ вбиваютъ стоймя частоколъ — рядъ заостренныхъ дубовыхъ бревенъ. Въ такой стѣнѣ продѣлываютъ ворота, строятъ даже башни, конечно, тоже деревянныя — камня нѣтъ на той равнинѣ, гдѣ они живутъ.

Предметы, находимые въ древнихъ могилахъ.

Предметы, находимые въ древнихъ могилахъ.

Внутри такого огороженнаго пространства можно поставить жилища и жить въ нихъ подъ защитой стѣны. Такое крѣпко огороженное пространство называютъ *городомъ* — отъ слова „городить“.

Не мало и такихъ остатковъ большихъ древне-славянскихъ укрѣпленій разсѣяно по нашей равнинѣ. Нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ по поверхности до двухъ квадратныхъ верстъ. Собственно, эти остатки большой городьбы и слѣдуетъ называть городищами. Такіе большіе города являются укрѣпленными средоточіями для цѣлаго племени: тутъ происходили собранія племени для различныхъ совѣщаній и суда, здѣсь же приносились общія жертвы богамъ. Жить возлѣ города—это значило не только жить близко къ мѣсту, гдѣ при опасности можно укрыться, но и близко къ средоточію жизни всего племени, гдѣ и поживиться легче и новостей узнать можно больше. Благодаря этому, города становятся обширными и населенными.

Управлялось древнеславянское племя „вѣчемъ“, т.-е. сходкой всѣхъ домохозяевъ. „Обо всемъ, что имъ полезно или вредно, они разсуждаютъ сообща“, пишетъ о славянахъ одинъ греческій писатель того времени.

Какъ не было у славянъ единой постоянной власти, такъ же не знали они раздѣленія по сословіямъ или по богатству; это и понятно: сначала они жили родами, потомъ большими семьями, и каждый родъ, семья, сообща занимались всякимъ дѣломъ. Все, что добывалось ими отъ земледѣлія, скотоводства, пчеловодства и охоты, шло, главнымъ образомъ, на собственную потребу семьи или рода, а не для продажи на сторону. Рѣдко - рѣдко представлялся случай вымѣнять на добытыя шкуры пушныхъ звѣрей у заѣзжаго купца-иноземца какой-нибудь товаръ иноземнаго производства. Каждая семья сама строила себѣ жилище, женщины въ семьѣ сами дѣлали ткани, необходимыя для одежды. По словамъ одного писателя тѣхъ временъ, славяне „жили скудно и беззаботно, постоянно пребывая въ грязи“ По словамъ другого, „за-

каленные, выносливые, привыкшіе къ самому беззаботному житью, славяне готовы выносить самое жалкое существованіе ради этого беззаботнаго житья".

О домашней жизни славянъ — ихъ бытѣ и нравахъ — извѣстно очень немного. Иностранные писатели того времени отмѣчаютъ прежде всего гостепріимство славянъ.

„Они радушны къ пришельцамъ, — пишетъ одинъ грекъ, — и дружелюбно провожаютъ ихъ изъ одного мѣста своей страны въ другое, куда нужно иноземцамъ. Если по небрежности хозяина приключится гостю вредъ, сосѣди ополчаются противъ такого хозяина, считая за безчестіе обиду иноземца". „Въ приглашеніи гостя, — добавляетъ другой, нѣмецкій, писатель, — славяне какъ бы соперничаютъ другъ съ другомъ, и никогда не приходится страннику самому просить у нихъ пріема... Если же случится, что кто-нибудь отвергнетъ странника и не приметъ его, то у славянъ считается справедливымъ сжечь домъ и имуществс такого человѣка; всѣ единогласно считаютъ его безчестнымъ, подлымъ, достойнымъ всякаго презрѣнія".

По внѣшнему виду иностранцы писатели изображаютъ славянъ людьми сильными, здоровыми, высокаго роста, съ свѣтлыми волосами и глазами. Въ характерѣ хвалятъ храбрость, любовь къ свободѣ, привязанность къ родинѣ, довѣрчивость, вѣрность; но выгодное впечатлѣніе древнихъ писателей относительно домашнихъ нравовъ славянъ мѣняется, когда заходитъ рѣчь о войнѣ со славянами и ихъ воинственности. На войнѣ славяне, какъ и всѣ дикіе народы, были сущими варварами: жгли, грабили, убивали, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ. Плѣнныхъ они предавали мучительной смерти: вбивали имъ въ голову желѣзные гвозди, вырѣзывали изъ спинъ ремни, сажали на заостренные колья, — словомъ, совершали надъ беззащитными людьми всякія звѣрства и насильства. Но съ рабами обращались сравнительно хорошо. Вооружены они были плохо. Оружіемъ служили имъ: лукъ со стрѣлами въ колчанѣ, при чемъ стрѣлы

были часто напитаны ядомъ, обоюдоострый мечъ, копье или сулица, сѣкира, палица, ножъ, праща, щитъ, шлемъ и кольчуга,—все, главнымъ образомъ, желѣзное.

Сражаться стройными отрядами славяне не умѣли и рѣдко были въ силахъ выдержать правильный бой. Они больше предпочитали нападать на непріятеля врасплохъ или изъ-за засады. „Славяне любятъ схватываться съ непріятелемъ, — пишетъ грекъ, наблюдавшій военную жизнь славянъ, — въ узкихъ, трудно проходимыхъ и утесистыхъ мѣстахъ. Они умѣютъ пользоваться засадами, неожиданными нападеніями и ловушками, дневными и ночными, и не затрудняются въ придумываніи всевозможныхъ уловокъ. Они превосходятъ кого угодно въ умѣньѣ переправляться черезъ рѣки и могутъ подолгу оставаться въ водѣ. Въ случаѣ неожиданнаго вторженія въ ихъ страну, они погружаются въ глубину воды, держа во рту длинные, нарочно для того сдѣланные, полые внутри стволы тростника. Лежа навзничь въ глубинѣ, они выставляютъ стволы на поверхность воды и черезъ нихъ дышатъ, такъ что могутъ по нѣскольку часовъ оставаться въ этомъ положеніи, не возбуждая никакого подозрѣнія: неопытные, видя тростникъ, считаютъ его растущимъ въ водѣ. Но кто знаетъ объ этой уловкѣ, можетъ догадаться по виду и по положенію надрѣзанныхъ стеблей и проткнуть имъ ротъ тростникомъ или вытащить его изъ воды и этимъ лишить ихъ возможности долѣе скрываться подъ водой... Не подчиняясь общей власти и находясь во взаимной враждѣ, славяне не умѣютъ сражаться въ строю и не любятъ встрѣчаться съ непріятелемъ въ открытомъ и ровномъ мѣстѣ. Если же и случится имъ отважиться на рукопашный бой, они поднимаютъ общій крикъ и понемногу подвигаются впередъ. Если непріятель начнетъ отступать передъ ихъ крикомъ, они неудержимо устремляются на него. Если же нѣтъ, они поворачиваютъ назадъ, нисколько не спѣша извѣдать силу враговъ въ рукопашной схваткѣ. Они предпочитаютъ держаться лѣсовъ, пріобрѣтая тамъ значительный перевѣсъ, такъ какъ

умѣютъ искусно сражаться въ тѣснинахъ. Очень часто, неся съ собой добычу, они при малѣйшей тревогѣ бросаютъ ее и бѣгутъ въ лѣсъ; когда же непріятель столпится около брошенной добычи, они съ тою же легкостью возвращаются и наносятъ имъ вредъ".

Что касается религіозныхъ вѣрованій славянъ, то они, какъ и всѣ первобытные народы, обоготворяли силы природы и умершихъ своихъ предковъ. Они чтили мать-

Одежды Святослава.

Простой русскій воинъ X вѣка.

сыру землю и свѣтлое небо. Небо обоготворяли они подъ именемъ Сварога, а всѣ небесныя знаменія и явленія — громъ, дождь, вѣтеръ, радугу и т. п. — приписывали дѣтямъ Сварога — Сварожичамъ. Особеннымъ почетомъ пользовался у нихъ одинъ изъ Сварожичей — Перунъ, котораго они чтили, какъ бога грома и молніи. Возможно, что этотъ Перунъ, владѣвшій, по понятіямъ славянъ, громомъ и молніей, былъ богомъ воинственнымъ, которому приходилось

бороться со злыми силами, поэтому онъ считался у славянъ и покровителемъ войны. Заключая миръ съ врагами, славяне клялись Перуномъ не начинать новой ссоры и въ знакъ этого полагали передъ изображеніемъ Перуна оружіе. Другимъ богомъ-сварожичемъ былъ у славянъ Дажь-богъ — богъ огня и солнца, какъ силъ благодѣтельныхъ и животворящихъ. Губительную силу огня и солнечнаго зноя почитали славяне подъ именемъ Хорса. Богомъ вѣтра и бури былъ у нихъ Стри-богъ.

Не умѣя себѣ многаго объяснить изъ того, что видѣлъ въ природѣ глазъ, слышало ухо и наблюдалъ разумъ, славяне все приписывали богамъ, а чудного, вѣщаго, для первобытнаго ума кругомъ было много, и славянинъ видѣлъ и слышалъ особыхъ боговъ въ шелестѣ листьевъ, въ плескѣ рѣки, въ шорохѣ травы, въ шумѣ зрѣющихъ колосьевъ. Въ рѣкѣ, по вѣрованіямъ славянъ, жилъ и плескался водяной, въ лѣсу стоналъ и свисталъ межъ деревьевъ лѣшій, въ полѣ шуршалъ травой — полевикъ, на пашнѣ шумѣлъ колосьями житный. Наблюдая, что лѣсъ, рѣка, поле, пашня то дарятъ человѣка своими благами, то, несмотря на всѣ его старанія, не даютъ ничего, древній славянинъ приписывалъ такую измѣнчивость капризамъ боговъ и старался умилостивить ихъ жертвами и празднествами. Каждому богу шла особая, имъ любимая жертва. Такъ, водяному приносили въ жертву чернаго пѣтуха, убивая его надъ омутомъ; чтобы умилостивить лѣшаго, загоняли въ непроходимыя дебри чернаго козла и т. п.

Празднества древнихъ славянъ находились въ соотвѣтствіи съ сознаніемъ зависимости человѣческой жизни и существованія отъ благодѣтельныхъ или дурныхъ воздѣйствій природы. Славяне наблюдали, какъ солнце каждое утро прогоняетъ ночную тьму, а вечеромъ тьма какъ бы подавляетъ солнце. Они видѣли, какъ солнце, распространяя тепло и свѣтъ, пробуждаетъ дѣятельность матери-сырой земли, кормилицы людей и животныхъ. Они видѣли, какъ живительный дождь, нагоняемый Стри-божіимъ сыномъ — вѣтромъ, поитъ землю.

Страшное явленіе грозы, непонятное затменіе солнца и луны, наводненіе, моръ, лѣсной пожаръ, — все это сильно отзывалось на жизни человѣка тѣхъ отдаленныхъ временъ, зависѣвшаго отъ природы гораздо больше, чѣмъ человѣкъ нашего времени. Поневолѣ приходилось близко приглядываться ко всему, что совершалось вокругъ, и, по свойству человѣческаго ума, стремиться объяснить себѣ все. Древніе видѣли прежде всего, что все въ природѣ движется. Привыкнувъ представлять себѣ, что движеніе свойственно лишь тому, что живетъ, они и окружающую природу стали считать живой. Явленія этой жизни — дѣйствія силъ природы — поражали первобытный умъ своей силой и величіемъ. Не умѣя объяснить себѣ эти явленія, древній человѣкъ приписывалъ ихъ волѣ — гнѣву или милости — какихъ-то сверхъестественно сильныхъ и могучихъ существъ. Зная, что сильнаго и суроваго человѣка можно умилостивить дарами и покорностью, они перенесли это представленіе и на тѣ существа, отъ воли которыхъ, по ихъ мнѣнію, зависѣла природа, и старались умилостивлять ихъ празднествами, выражавшими передъ этими существами ихъ преданность и покорность, мольбы и надежды. Празднества эти смѣняли одно другое, слѣдуя круговороту временъ года.

Радостно встрѣчали славяне красавицу весну. Еще съ зимняго солнцестоянія, съ декабря мѣсяца, начинались у нихъ празднованія близкаго пришествія весны — колядованіе. Тогда гасили на очагѣ старый огонь и зажигали новый, разжигая круглое дубовое полѣно, означавшее солнце. Второе весеннее празднество совершалось въ февралѣ. Къ этому мѣсяцу приближеніе весны начинало чувствоваться сильнѣе, поэтому съ торжествомъ топили чучело зимы въ проруби, а весну возили на саняхъ въ видѣ разряженнаго мужчины, сидѣвшаго на колесѣ. Съ появленіемъ первой травки на пригоркахъ „шли на горы“, т.-е. на холмы и пригорки, по склонамъ которыхъ прежде всего показывается первая весенняя травка.

Здѣсь пировали, и кликали съ „горъ“ весну, распѣвая особыя весеннія пѣсни. Когда солнце входило въ полную силу, а поля и лѣсъ одѣвались зеленью, тогда справлялись у древнихъ славянъ „зеленыя святки“ („святки“ значитъ праздники). Дѣвушки убирали разными украшеніями березку и несли ее на поле. Объ эту пору заключали браки, устраивая „игрища“ (игры) „межю селъ“, какъ говорится въ лѣтописи. Во время этихъ игръ — завиванья вѣнковъ, горѣлокъ и др.—парни сговаривались съ тѣми дѣвушками, которыя имъ нравились, и тѣ уходили съ ними въ ихъ семьи.

Наканунѣ начала лѣтнихъ полевыхъ работъ — сѣнокоса и жатвы — справлялся праздникъ Купалы, во время котораго купались ночью въ рѣкѣ и прыгали черезъ огонь, какъ бы омываясь и очищаясь передъ началомъ такого святого дѣла, какъ жатва. Пора полевыхъ работъ оканчивалась тоже торжествомъ: первый сжатый снопъ — „житнаго дѣда“ — украшали всякими уборами и несли съ пѣснями въ жилище, гдѣ и ставили его на почетномъ мѣстѣ. Когда опадалъ листъ съ деревьевъ, наступало время проводовъ лѣта: бабы развѣвали по вѣтру соломенное чучело, а дѣвушки жалобно причитали, припадая къ землѣ, по которой уже кружились раннія снѣжинки, грозя одѣть ее на всю долгую зиму тяжелымъ снѣжнымъ покровомъ. Какъ только ледъ оковывалъ рѣчку, и снѣгъ плотно покрывалъ увядшую и изсохшую траву, славяне знали, что наступало холодное царство зимы — кощея безсмертнаго да бабы-яги.

Умершихъ своихъ славяне также обоготворяли. Каждый родъ и каждая семья чтили своего предка-основателя подъ именемъ щура или чура. Рѣченія эти сохранились у насъ въ словѣ „пращуръ“ и въ присловіи „чуръ меня!“ (разумѣется: чуръ меня сохрани). Называли щура и просто родомъ, а всѣхъ остальныхъ умершихъ предковъ — рожаницами, или навью. Славяне вѣрили, что умершіе продолжаютъ жить послѣ смерти невидимо для живыхъ и сохраняютъ своихъ живыхъ родичей отъ всякихъ напастей.

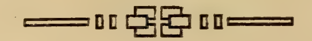
Щуръ или чуръ — основатель рода — жилъ тутъ же въ домѣ со всѣми живыми и охранялъ ихъ; другимъ названіемъ щура было поэтому домовой. Славяне вѣрили, что на зиму покойники улетаютъ въ рай, потому оставшимся на землѣ живымъ безъ помощи предковъ и жилось зимой холодно и голодно. Весной они опять, по вѣрованіямъ славянъ, приходили на землю. Какъ только появлялись признаки весны, какъ только оттаивавшіе прежде всего пригорки и высокія могилы начинали куриться легкимъ паромъ подъ горячими лучами весенняго солнца, славяне говорили себѣ: „Родители изъ могилъ тепломъ дохнули!“—и шли на могилы покормить и поблагодарить ихъ за это. Какъ только начинали шелестѣть первые листья по деревьямъ, славяне говорили, что это „людки“, или „русалки“ прилетѣли, т.-е. возвратились умершіе, и чествовали ихъ также праздникомъ. Когда поздней осенью вѣтеръ вылъ и завывалъ въ оголившемся лѣсу, славяне думали, что это жалуются умершіе, покидая на зиму землю и улетая далеко отъ своихъ.

Такъ тѣсно переплеталось въ сознаніи древняго человѣка обоготвореніе силъ природы и умершихъ предковъ. Но въ то время, какъ обоготворенныя силы природы были богами общими у всѣхъ славянскихъ племенъ, умершіе предки обоготворялись каждый только своимъ родомъ. Не надо только думать, что одинъ родъ не признавалъ за боговъ умершихъ другого рода. Нѣтъ, для всякаго рода умершіе чужеродцы были существами сверхъестественными—„навью“—богами, но только чужими, у которыхъ не стоило просить помощи, такъ какъ они помогаютъ только своимъ, но сердить ихъ непочтеніемъ тоже нельзя. Иначе „навь“ жестоко мститъ за себя, избивая живыхъ; такъ объяснили себѣ древніе славяне моръ и всякія повальныя болѣзни.

Храмовъ у славянъ не было. Изображеній боговъ они тоже долгое время не дѣлали никакихъ и молились богамъ неба и земли на полѣ, подъ развѣсистымъ деревомъ, гдѣ ставили камень или колоду для жертвоприношеній. Позднѣе появились

и идолы — грубо сдѣланныя изъ дерева фигуры боговъ. Домашнимъ богамъ—щуру и рожаницамъ—они приносили жертвы на „огнищи“, т.-е. на очагѣ. Жрецовъ — особыхъ посредниковъ между богами и людьми — тоже не было у славянъ, и жертвы могъ приносить всякій, кто хотѣлъ. Зато существовали у славянъ волхвы-вѣдуны или кудесники — люди, умѣвшіе по различнымъ, якобы извѣстнымъ имъ, признакамъ и примѣтамъ узнавать волю боговъ. Они гадали о будущемъ и путемъ заговоровъ и наговоровъ думали, что умѣютъ такъ настраивать волю боговъ, что они посылаютъ, чего у нихъ просятъ.

Такъ жили славяне до конца VIII вѣка послѣ Рождества Христова. Съ этого времени ихъ бытъ, нравы, самый образъ жизни начинаютъ сильно мѣняться, потому что измѣнились внѣшнія и внутреннія условія ихъ жизни *).

*) Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія сочиненія: *А. Нидерле*, „Человѣчество въ доисторическія времена“; *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. I; *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи“, вып. I; *Ѳ. И. Леонтовичъ*, „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Руси“; *А. А. Шахматовъ*, „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“; *А. Спицинъ*, „Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ“.

Заставка и начальная буква (см. стр. 3) взяты изъ Остромирова евангелія (1056—57 гг.).

Торговля у восточныхъ славянъ.

нѣпръ къ концу VIII вѣка по Рождествѣ Христовѣ сталъ уже совсѣмъ славянской рѣкой, и на всемъ теченіи его слышалась славянская рѣчь. По удачному сравненію одного ученаго, Днѣпръ въ то время являлся какъ бы становымъ хребтомъ, а притоки его — ребрами, и на этомъ скелетѣ прочно, однимъ тѣломъ, держались племена восточныхъ славянъ. Удобство сообщенія другъ съ другомъ по водѣ, одинъ языкъ, одинаковые обычаи и вѣрованія, — все это не позволяло восточнымъ славянскимъ племенамъ терять другъ друга изъ вида.

Днѣпръ далъ имъ всѣмъ еще и одинаковое дѣло, одинаковое занятіе, которое требовало постоянной близости отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. То была торговля. Надобно только присмотрѣться къ картѣ теченія Днѣпра, чтобы понять, какъ и отчего возникло здѣсь торговое движеніе.

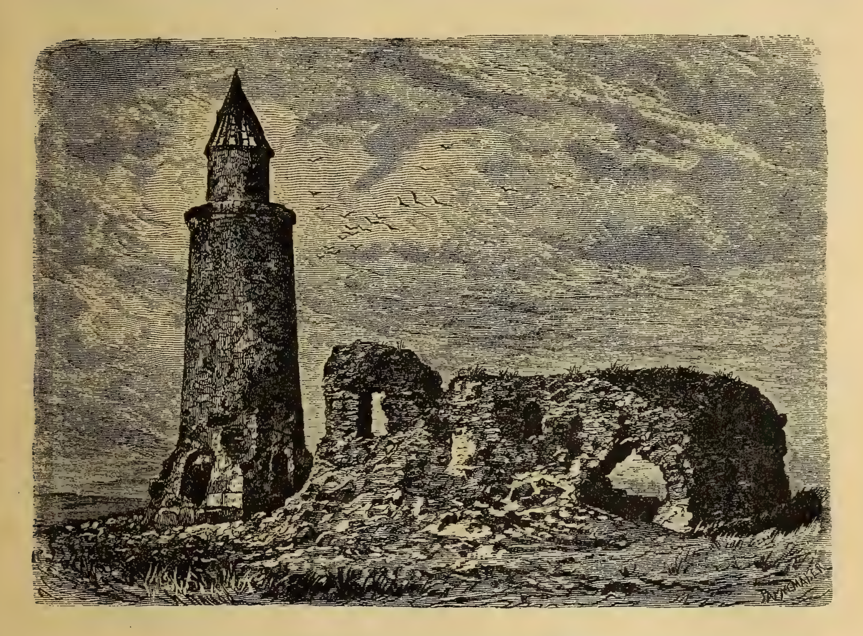
Своими верховьями Днѣпръ близко подходитъ къ Западной Двинѣ и къ притокамъ Ильмень-озера, т.-е. къ двумъ важнѣйшимъ дорогамъ съ восточной равнины въ Балтійское море, впадаетъ же Днѣпръ въ Черное море. Притоки Днѣпра—все большія многоводныя рѣки, издалека идущія къ нему справа и слѣва— съ одной стороны приближаютъ поднѣпровскія страны къ Днѣстру и Вислѣ, т.-е. къ Западной Европѣ, а съ другой—къ притокамъ Волги и Дона, т. - е. къ Каспійскому и Азовскому морямъ.

При тогдашнемъ значеніи рѣкъ, какъ удобнѣйшихъ путей сообщенія сквозь дремучіе, непроходимые лѣса, покрывавшіе большую часть русской равнины, Днѣпръ, естественно, сдѣлался большой столбовой дорогой между Балтійскимъ и Чернымъ морями съ одной стороны, между Каспійскимъ моремъ и Западной Европой—съ другой.

Въ начальной русской лѣтописи такъ описывается этотъ великій водный путь: „Бѣ путь изъ Варягъ (шведское побережье Балтійскаго моря) въ греки и изъ грекъ по Днѣпру, и верхъ нѣпра во локъ (перетаскивали суда по суху) до Ловати, и по Ловати внити въ Ильмень озеро великое, изъ него же потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево (Ладожское), и того озера устье (рѣка Нева) внидеть въ море Варяжское (Балтійское море), и по тому морю итти до Рима (т.-е. до странъ Западной Европы), а отъ Рима прійти по морю же ко Царю-городу, а отъ Царя-города прійти въ Понтъ море (въ Черное море), въ него же втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Волковьскаго лѣса и потечеть на полъдне, а Двина истого же лѣса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на востокъ и втечеть семьюдесятью жерелъ (устій) въ море Хвалисское (Каспійское). Тѣмъ же изъ Руси можно итти по Волзѣ въ Болгары (Прикамскій край), и въ Хвалиссы (Закаспійскія страны), и далѣе на востокъ доити въ жребій Симовъ (арабы), а по Двинѣ въ Варяги (Швеція и Прибалтійскія страны), изъ Варягъ до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова (сѣверъ Африки)“. Такъ подробно и точно зналъ древній русскій лѣтописецъ направленія путей въ тѣ отдаленныя страны, которыя онъ называетъ. Не одинъ вѣкъ долженъ былъ уйти на то, чтобы вызнать эти направленія отъ области средняго Днѣпра.

По сѣверному берегу Чернаго моря еще въ глубокой древности основались греческія поселенія—Херсонесъ, Ѳеодосія, Оливіополь, Танаисъ и др. Жители этихъ колоній и положили начало торговому движенію по Днѣпру. Греки еще

до Р. Х. проникали далеко вверхъ по Днѣпру, гдѣ пріобрѣтали столь цѣнимый ими янтарь, шедшій съ Балтійскаго моря. Незамѣтно втянулись въ эту торговлю и племена поднѣпровскихъ славянъ. Сначала они только продавали пришлымъ купцамъ-грекамъ то, что добывали на своихъ лѣсныхъ угодьяхъ: мѣха, воскъ, медъ, а потомъ понемногу и сами стали ѣздить съ товарами въ чужія страны и обмѣнивать тамъ

Развалины Булгаръ на Волгѣ.

произведенія своей суровой родины на такіе товары, въ какихъ нуждались сами и для себя и для перепродажи.

Торговля получила особенное развитіе у славянъ съ конца VIII вѣка, когда въ степяхъ, на пространствѣ между Днѣпромъ и Волгой, утвердилось племя хозаръ.

Славяне, обитавшіе по среднему теченію Днѣпра, легко подчинились господству хозаръ и согласились платить имъ небольшую дань.

Хозары скоро измѣнили свой кочевой образъ жизни и стали жить осѣдло, занимаясь ремеслами и торговлей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ среди ихъ поселеній стали появляться торговцы евреи и арабы съ востока, изъ-за Каспійскаго моря.

Развалины Булгаръ на Волгѣ.

Хозарская столица Итиль, стоявшая въ устьяхъ Волги, сдѣлалась большимъ рынкомъ, гдѣ сходились и магометане-арабы, и евреи, и христіане-греки, и язычники-славяне.

Славяне, какъ подданные хозаръ, пользовались ихъ особымъ покровительствомъ на Волгѣ и на степныхъ дорогахъ къ ней и поэтому скоро втянулись и въ торговлю съ арабскимъ востокомъ.

Это было время, когда арабы подъ управленіемъ ближайшихъ преемниковъ Магомета расширили далеко свое государство. Отъ предѣловъ Индіи, черезъ все побережье сѣверной Африки, до самыхъ Пиренеевъ простиралась власть арабовъ. Столица ихъ Багдадъ сдѣлался въ VIII вѣкѣ средоточіемъ торговли между Индіей, Африкой, Китаемъ и сѣверными странами. Арабскіе купцы сами ѣздили въ Китай и глубь Индіи, ѣздили и въ южную Африку, и Каспійскимъ моремъ и Волгою черезъ всю нынѣшнюю Россію проникали до странъ средней Европы.

На сѣверъ арабскіе купцы ѣздили черезъ страну хозаръ. По Каспійскому морю достигали они Итиля и далѣе, вверхъ по Волгѣ, плыли до мѣстности Булгаръ возлѣ нынѣшней Казани. Здѣсь былъ большой торгъ, куда приходили купцы и изъ средней Россіи, и съ Запада, и съ Балтійскаго моря. Въ Итилѣ, столицѣ хозаръ, былъ даже особый славянскій кварталъ, самый богатый, по мнѣнію араба-современника.

Въ Итилѣ арабскіе купцы встрѣчали славянскихъ купцовъ съ юга, съ области Днѣпра, а въ странѣ булгаръ имъ приходилось вести торгъ съ сѣверными славянскими купцами и норманнами, въ земли которыхъ арабскіе купцы ходить уже не рисковали.

Другимъ средоточіемъ торговли, посѣщавшимся арабскими купцами, былъ Кіевъ. Здѣсь южные купцы — греки — встрѣчались и обмѣнивались товарами съ славянскими и восточными купцами. Сюда же стремились сѣверные купцы-воины — варяги, норманны.

Славяне не только торговали съ пришлыми къ нимъ иноземцами, они и сами ѣздили торговать въ отдаленныя страны. Одинъ арабскій путешественникъ писалъ въ 860 годахъ, т.-е. уже во времена Рюрика и Аскольда и Дира, что славянскіе купцы возятъ товары изъ отдаленнѣйшихъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ греки берутъ десятину съ ихъ товаровъ, что тѣ же купцы ходятъ на лодкахъ по Волгѣ, спускаются до хозарской столицы, вла-

дѣтелю которой тоже выплачиваютъ десятину, выходятъ затѣмъ въ Каспійское море, проникаютъ на юго-восточные берега его и даже иногда привозятъ свои товары на верблюдахъ въ столицу арабскаго царства — Багдадъ. Въ страну булгаръ славянорусскіе купцы приходили въ лодкахъ, цѣлыми дружинами; здѣсь они строили свои балаганы и раскладывали въ нихъ товары, ожидая покупателей. Въ числѣ ихъ товаровъ главное мѣсто занимали мѣха, которые цѣнились очень дорого у арабовъ и считались царскимъ украшеніемъ. Кажется, весь торгъ у нихъ со славянами шелъ на мѣха; куньи мѣха шли со стороны славянъ вмѣсто монеты; слово „куны“ долго, до татаръ, значило у насъ — деньги. Двѣ куньи шкурки равнялись $2^1/_2$ арабскимъ диргемамъ, потому что „чеканной монеты своей у нихъ нѣтъ, — замѣчаетъ арабъ-современникъ, — и звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха“. Особенно цѣнили арабы мѣхъ чернобурыхъ лисицъ, и когда татарское нашествіе прекратило всякую торговлю съ Русью, арабы отмѣтили съ сожалѣніемъ это прекращеніе отсутствіемъ привоза въ ихъ страну чернобурыхъ мѣховъ (1224 г.).

Продавали славяне дары своего лѣса: мѣха, кожи, медъ, смолу, а также и плоды военной удачи — рабовъ. Въ тѣ суровыя времена плѣнные всегда становились рабами своихъ побѣдителей.

Покупали славянскіе купцы у грековъ шелковыя ткани золото, кружева, всякія лакомства, вина, мыло, губки; у хазаръ и арабовъ пріобрѣтали они бисеръ, драгоцѣнные камни, сафьянъ, сабли, ковры, пряности; съ Варяжскаго моря привозили они янтарь, бронзовыя и желѣзныя издѣлія, олово, свинецъ и особенно славившееся тогда сѣверное оружіе — мечи и топоры. Купленнымъ у однихъ, они торговали съ другими, и такимъ путемъ число предметовъ ихъ торга было очень значительно.

При торговлѣ съ образованными народами славяне употребляли иностранную монету — „арабчики“, или греческую — „златницы“. Впрочемъ, чаще всего мѣняли товаръ на товаръ.

Съ дикими народами они вели уже исключительно мѣновую торговлю.

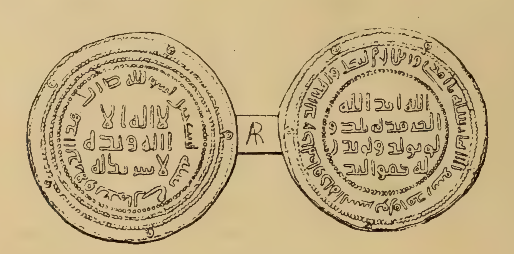
Тѣсное торговое общеніе съ арабами оставило слѣды и въ нашемъ языкѣ. Ткани шли къ намъ изъ Византіи и отъ арабовъ — вотъ почему нѣкоторыя части одежды у славянъ носятъ восточныя названія — сарафанъ, парча, камка, армякъ, корзно; отъ арабовъ шла знаменитая дамасская сталь и издѣлія изъ нея, а также драгоцѣнные камни—отсюда въ русскомъ языкѣ слова сабля, кинжалъ, харалугъ (вороненая сталь), алмазъ, бирюза, яхонтъ, сапфиръ, — всѣ они съ арабскаго востока и утвердились въ нашемъ языкѣ съ давнихъ поръ.

Заходя часто въ такія страны, языка которыхъ не знали, славянскіе купцы все-таки ухитрялись и покупать и продавать, ведя такъ называемую „нѣмую“ торговлю. Лѣтопись сохранила одно воспоминаніе о такой торговлѣ. „Есть горы около моря, — читаемъ тамъ, — высота ихъ до небесъ; въ горахъ тѣхъ живутъ люди, и языка ихъ нельзя понять: показываютъ на желѣзо и помаваютъ рукой, прося желѣза; и если кто дастъ имъ ножъ или топоръ, даютъ въ обмѣнъ мѣха“.

Одинъ арабскій писатель такъ разсказываетъ о торговлѣ приволжскихъ болгаръ съ дикими народами, населявшими лѣса къ сѣверу отъ средней Волги. „Болгары, — говоритъ онъ, — приносятъ свои товары для продажи, и каждый, отмѣтивъ свой товаръ знакомъ, оставляетъ его на томъ мѣстѣ, куда приходятъ туземцы, а сами удаляются. Спустя немного времени, купцы приходятъ опять и находятъ на томъ мѣстѣ товаръ, какой продаютъ жители этой страны. Если купецъ доволенъ количествомъ и качествомъ положеннаго туземцами, то оставляетъ свой и беретъ то, что принесли туземцы; если же недоволенъ, то беретъ обратно свой товаръ“. Также торговали съ дикарями, вѣроятно, и славянскіе купцы.

Что торговля велась славянами большая, видно изъ того обилія кладовъ, которые находятъ въ землѣ по всему пространству нынѣшней Россіи. По монетамъ этихъ кладовъ и

можно судить, съ кѣмъ торговали славяне. Много попадается въ кладахъ арабскихъ монетъ, при чемъ нѣкоторые клады достигаютъ семи и болѣе пудовъ вѣсу. Возлѣ г. Мурома, Владимирской губ., былъ найденъ, напр., кладъ, состоявшій изъ 11.077 монетъ, почти исключительно арабскихъ. Одновременно съ арабскими монетами, иногда въ однихъ кладахъ съ ними, находятъ немалое количество монетъ западно-европейскихъ, а на югѣ, въ Малороссіи, часто находятъ въ землѣ монеты греческія и древне-римскія; у тамошнихъ крестьянъ явилось даже особое названіе для этихъ находокъ; они называютъ ихъ „Ивановы головки", находя, вѣроятно,

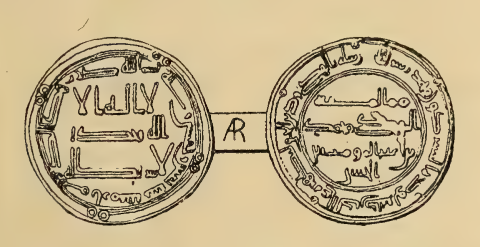
Диргемъ Умейадскій 708 года.

сходство въ изображеніи на монетахъ головъ римскихъ императоровъ съ изображеніемъ усѣкновенной главы Іоанна Предтечи.

Зарывались тогда деньги въ землю потому, что въ то тревожное время нельзя было найти хранителя-банкира вѣрнѣе. Уходя торговать или воевать далеко на чужую сторону, славянинъ хоронилъ свое добро въ полѣ, около жилища, въ лѣсу, на берегу рѣки, — словомъ, гдѣ ему казалось укромнѣе. Дѣлалъ поблизости знакъ — набрасывалъ камень или садилъ деревцо. Возвратившись домой, часто послѣ многолѣтняго отсутствія, онъ по оставленнымъ примѣтамъ легко находилъ зарытое добро. Но если зарывшій кладъ человѣкъ не возвращался, убитый на войнѣ или погибшій какъ-нибудь иначе, что въ тогдашней жизни было совсѣмъ не диковина, то безотвѣтный

банкиръ, мать сыра земля, навсегда сохраняла въ своихъ нѣдрахъ ввѣренную ей тайну, и только случай, иногда черезъ сотни лѣтъ, обнаруживалъ кладъ.

Находки монетъ арабскихъ, греческихъ, римскихъ и западно-европейскихъ по всему пространству Россіи ясно говорятъ о размѣрахъ и распространеніи древне-славянской торговли. Находятъ клады чаще всего поблизости старинныхъ городовъ, вблизи отъ большихъ рѣкъ, на волокахъ, т.-е. на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перетаскивали лодки посуху изъ одной рѣки въ другую [1]), на мѣстахъ, гдѣ, по преданію, стояли большія селенія. Все это показываетъ, что не грабежъ, не

Аббасидскій диргемъ 772 года. (Монета, обращавшаяся у славянъ.)

военная добыча, а именно торговля была источникомъ этихъ кладовъ.

Благодаря развитію торговли, по всей землѣ, заселенной славянами, стали появляться большіе торговые города. Тогда возникли Ладога, Новгородъ Великій, Смоленскъ, Полоцкъ, Любечъ, Кіевъ, Черниговъ и др.

Города эти стоятъ цѣпью по великому водному пути изъ варягъ въ греки, т.-е. по Днѣпру и его притокамъ, и далѣе по Двинѣ, Волхову. Нѣкоторые изъ нихъ забираются очень далеко къ востоку, на верхнюю Волгу, какъ, напримѣръ, Ростовъ Великій. Къ 900 годамъ въ странѣ восточныхъ славянъ насчитывалось болѣе 20 крупныхъ горо-

[1]) Названіе „волокъ“ сохранилось до сихъ поръ въ названіи нѣкоторыхъ городовъ и поселеній, напр., Волоколамскъ, Вышній-Волочекъ, Переволочня и др.

довъ, мелкихъ же было столько, что сѣверные сосѣди славянъ, норманны-варяги, называли славянскую землю на своемъ языкѣ „Гардарикъ", что значитъ страна городовъ.

Очень можетъ быть, что города эти возникли изъ тѣхъ крѣпостей, которыя каждое племя строило для себя и куда „затворялось" на случай нападенія враговъ.

За крѣпкой изгородью городовъ люди тѣхъ временъ отсиживались, пока не минуетъ опасность. Съ развитіемъ торговли къ прежнему военному значенію городовъ прибавилось значеніе торговое. Стоя на самомъ великомъ водномъ пути, или вблизи отъ него, вообще на большой торговой дорогѣ, города эти сдѣлались складами, въ которые изнутри страны свозились для продажи добытые тамъ товары. Здѣсь налаживались караваны-артели купцовъ, отсюда они отправлялись въ чужія страны, сюда же пріѣзжали и иностранные купцы.

У каждаго изъ такихъ большихъ городовъ выросталъ понемногу, такъ сказать, свой приходъ изъ болѣе мелкихъ торговыхъ и промысловыхъ поселеній, забравшихся далеко въ сторону отъ большой рѣки, въ глубь лѣсовъ и полей. Эти мелкія торгово-промысловыя мѣста назывались погостами; сюда сходились для торговли, для „гостьбы", какъ тогда говорили, звѣроловы, бортники, бобровники, смолокуры, лыкодеры,—словомъ, всякіе лѣсные промышленники.

Съ распространеніемъ христіанства на этихъ рынкахъ, какъ на мѣстахъ привычныхъ людскихъ сборищъ, начали ставить церкви: тогда погостъ получилъ значеніе мѣста, гдѣ стоитъ сельская церковь; при церквахъ хоронили покойниковъ отсюда значеніе слова погостъ, какъ кладбище.

На погосты наѣзжали купцы изъ большихъ городовъ, скупали и вымѣнивали у приходившихъ сюда добычниковъ плоды ихъ труда и удачи и увозили въ города, гдѣ продавали дары лѣса пришлымъ купцамъ, или сами везли ихъ въ чужія страны.

Торговля въ то время была дѣломъ опаснымъ и труднымъ. Не считая опасностей самаго пути, шедшему или ѣхавшему съ товаромъ купцу всюду угрожали враги. Могли ограбить

недобрые люди, могли налетѣть со степи кочевые хищники и, перебивъ купцовъ, увезти товаръ въ свои становища. Приходилось отбиваться и отъ дикаго звѣрья, которымъ полны были тогдашніе лѣса. Купцу тѣхъ временъ надо было владѣть мечомъ и копьемъ столь же умѣло, сколько и безменомъ [1]).

Такъ какъ очень цѣннымъ товаромъ на иноземныхъ рынкахъ тѣхъ временъ были рабы, то славянскіе купцы выступали иногда, надо думать, и въ роли охотниковъ за людьми, нападая на беззащитные поселки чужого племени и уводя въ плѣнъ ихъ обитателей. Не даромъ же по всему тогдашнему міру славились славянскіе рабы. Въ Царьградѣ, если кому нуженъ былъ рабъ, тотъ шелъ покупать его на тотъ рынокъ, гдѣ русскіе купцы [2]) „приходяще куплю дѣяше". Рабовъ-славянъ можно было найти тогда въ Персіи и Италіи, въ Испаніи и Египтѣ.

Греческій императоръ Константинъ Багрянородный записалъ со словъ русскихъ людей, какъ шла у нихъ на родинѣ торговая жизнь. По его словамъ, какъ только наступалъ ноябрь мѣсяцъ, т.-е. какъ только устанавливался санный путь, русскіе купцы выходили изъ городовъ и отправлялись въ глубь страны. Тамъ они проводили зиму, собирали съ окрестныхъ жителей дань за ту охрану, какую имъ давалъ городъ, и скупали по погостамъ привезенные туда лѣсными промышленниками товары. Къ апрѣлю, когда вскрывается Днѣпръ, всѣ возвращались по полой водѣ въ Кіевъ. Межъ тѣмъ прибрежные жители рубили деревья, дѣлали изъ нихъ лодки и ко времени возвращенія купцовъ въ Кіевъ сплавляли ихъ туда. Купцы покупали эти лодки, грузили въ нихъ товары и по Днѣпру направлялись къ Царьграду. Тутъ были лодки купцовъ смоленскихъ, любечскихъ, черниговскихъ, новгородскихъ, вышегородскихъ и др. Тѣснымъ сплоченнымъ караваномъ плыли они по Днѣпру до пороговъ. Отсюда наступала тяжелая часть плаванія.

[1]) Безменъ — вѣсы особаго устройства.

[2]) Русскіе купцы, т.-е. варяго-славянскіе.

Пороги засорили русло Днѣпра на цѣлыя 60 верстъ. Съ большой осторожностью пробирались торговыя лодки сквозь первые три порога, у четвертаго же, Неясытя, караванъ останавливался. Здѣсь приходилось разгружать суда, переносить товары на рукахъ, а невольниковъ перегонять скованными по берегу, пока не минется опасное мѣсто. Около этого порога

Неясытецкій порогъ.

ждали, обыкновенно, славянскихъ купцовъ степные хищники, поэтому купцы, дойдя до Неясытя, спѣшили высадить здѣсь на оба берега по вооруженному отряду, чтобы отгонять степняковъ подальше отъ берега. Оба отряда не садились въ лодки и послѣ того, какъ караванъ миновалъ пороги. За порогами начиналась степь, по которой кочевали дикіе народы. Подлетѣвъ къ высокому берегу на своихъ степныхъ коняхъ, хищники легко могли перестрѣлять всѣхъ, кто былъ въ лод-

кахъ, и овладѣть караваномъ. Задачей стражи было не допускать ихъ до этого.

Выплывши благополучно въ устье Днѣпра, купцы приносили здѣсь жертву богамъ и плыли дальше по морю, постоянно держась въ виду берега, такъ какъ мореходы они были неопытные. Подойдя къ Дунаю, караванъ входилъ въ его устья для отдыха и для торговли съ придунайскими жителями. Тутъ снова приходилось высылать на сушу сторожевой отрядъ, чтобы предупредить неожиданное нападеніе степняковъ.

Наконецъ добирались до Царьграда. Тамъ, по заключеннымъ договорамъ, славянскіе купцы могли торговать шесть мѣсяцевъ. Оставаться зимовать не смѣли. Останавливались славянскіе купцы не въ самомъ городѣ, а въ одномъ изъ его предмѣстій „у святого Мамы“ (монастырь св. Мамонта). Императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа лодокъ, переписывали имена княжескихъ приказчиковъ и купцовъ.

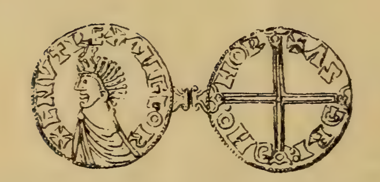
Во время своего пребыванія въ Царьградѣ славянскіе купцы пользовались отъ греческаго правительства даровымъ кормомъ и даровой баней. Входить въ самый городъ для торговли славяне могли не иначе, какъ въ сопровожденіи греческаго пристава, безъ оружія и не болѣе 50 человѣкъ за разъ. Въ городѣ они продавали свои товары и покупали греческіе, не платя пошлинъ. По окончаніи торга, греки должны были давать славянскимъ купцамъ съѣстные припасы и нужныя корабельныя снасти для обратнаго пути. Еле-еле къ октябрю попадали купцы обратно въ Кіевъ, а въ ноябрѣ имъ приходилось уже ѣхать по внутреннимъ торгамъ и торжкамъ, распродавая купленные лѣтомъ заморскіе товары, скупая для будущаго лѣтняго похода за море лѣсные продукты.

Такъ совершался въ тѣ отдаленныя времена круговоротъ торговой жизни у восточныхъ славянъ.

Это неустанное торговое движеніе имѣло большія послѣдствія не только для всего строя и склада тогдашней жизни, но и оказало рѣшительное вліяніе на будущее восточныхъ

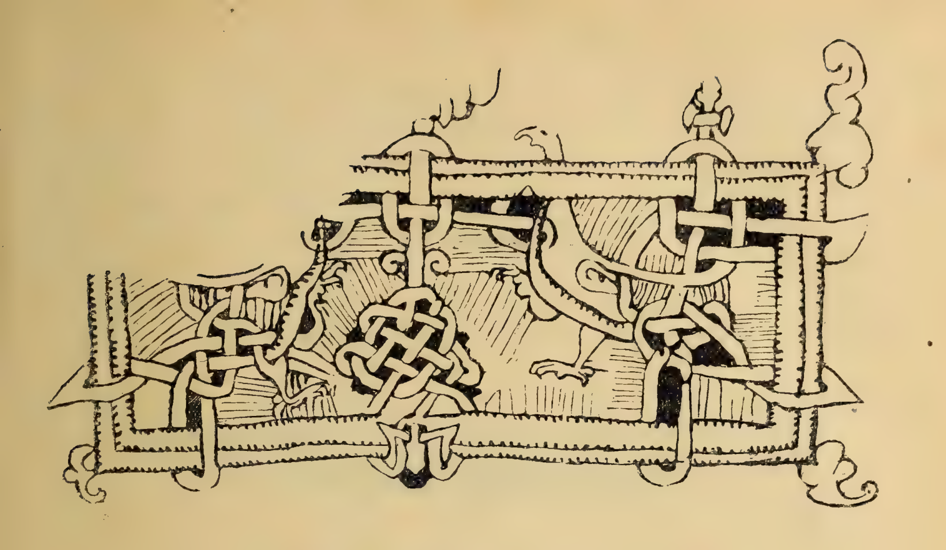
славянъ. Торговля, создавъ большіе города съ тянувшими къ нимъ областями и объединивъ эти города одинаковымъ интересомъ, способствовала тѣмъ самымъ слiянію этихъ областей въ одно цѣлое, когда тому приспѣло время. Торговое движеніе, шедшее по Днѣпру и далѣе по сѣвернымъ рѣкамъ, связывавшее Черное море съ Балтійскимъ, привлекло на Днѣпръ сѣверныхъ витязей, варяговъ, подъ руководствомъ которыхъ и произошло сліяніе славянскихъ областей въ одно цѣлое.

Благодаря торговому общенію съ греками, восточные славяне издавна присмотрѣлись къ христіанству, и оно издавна дѣлало въ ихъ средѣ большіе успѣхи. Христіанство же принесло съ собой грамотность, образованіе и просвѣщеніе *).

Монета конунга Канута Великаго.

*) Составлено по сочин.: *И. Е. Забѣлинъ*, „Исторія русской жизни"; *В. О. Ключевскій*. „Курсъ русской исторіи", ч. I. Заставка и начальная буква статьи взяты съ рукописи конца XI в.

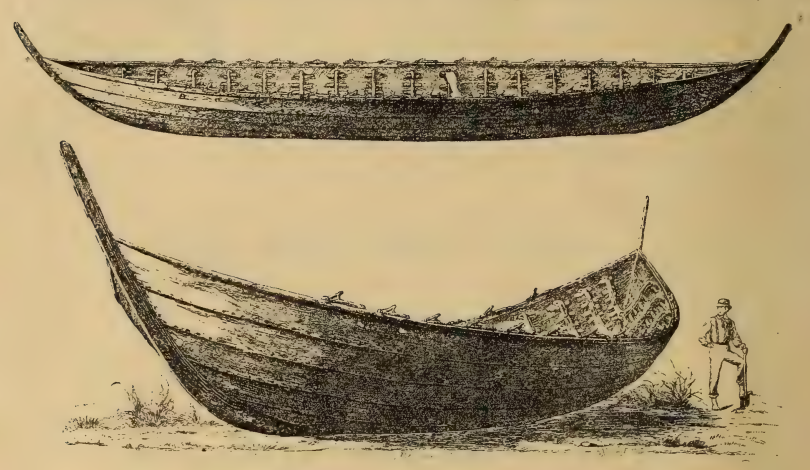

Варяги и первые князья русскіе.

Появленіе торговыхъ городовъ съ тянувшими къ нимъ пригородами нарушило прежнее раздѣленіе восточныхъ славянъ на племена. Торговые города возникали тамъ, гдѣ это было удобнѣе для торговцевъ и промышленниковъ: на большой рѣкѣ, близко къ Днѣпру и часто въ такой мѣстности, куда было удобно сводить свою добычу семьямъ и задругамъ различныхъ племенъ. Они и стали такъ поступать, а это привело къ тому, что они отставали отъ своихъ, соединялись съ чужими и привыкали къ такому соединенію.

Къ XI вѣку почти уже забываются старинныя племенныя названія—древлянъ, полянъ, кривичей и т. п., и славяне начинаютъ называть себя по городамъ, въ которые ѣздятъ торговать—кіевляне, смольняне, новгородцы, полочане и т. п. Вся страна восточныхъ славянъ стала, такимъ образомъ, распадаться не на племенныя земли, а на городскія области или волости. Во главѣ каждой сталъ большой городъ. Мелкіе го-

рода, находившіеся въ волости крупнаго, назывались пригородами и во всемъ зависѣли отъ „великихъ“, т.-е. старшихъ городовъ — самыхъ богатыхъ и сильныхъ. Не во всѣхъ земляхъ славянскихъ племенъ сразу появились городовыя волости. Появленіе ихъ происходило постепенно; въ то время, какъ въ однѣхъ частяхъ населенной славянами страны появлялись большіе города и образовывали вокругъ себя волости, собирали людей торговымъ интересомъ и выгодой, въ

Норманская 28-весельная ладья, найденная при раскопкахъ въ Шлезвигѣ. Длина—77 фут. ширина—$10^1/_2$ фут.

другихъ краяхъ славяне продолжали жить попрежнему разбитыми на мелкія общества, около своихъ маленькихъ городковъ, „пашуще нивы своя“.

Появленіе городовъ и образованіе городскихъ волостей въ странѣ славянъ положило начало раздѣленію славянъ на горожанъ и сельчанъ, или смердовъ, какъ тогда называли земледѣльцевъ. Главнымъ занятіемъ первыхъ сдѣлалась торговля, смерды же занимались лѣсными промыслами и земледѣліемъ — доставляли, такъ сказать, тотъ матеріалъ, тотъ товаръ, которымъ торговали горожане съ иноземцами.

Большому торговому городу было, слѣдовательно, очень важно, чтобы на его рынокъ доставлялось какъ можно больше товару. Поэтому обитатели городовъ издавна начинаютъ стремиться привлекать всячески къ себѣ—и лаской и оружіемъ—населеніе своей округи, чтобы оно въ ихъ городъ свозило и приносило для продажи плоды своихъ трудовъ. Не довольствуясь естественнымъ тяготѣніемъ окружного населенія къ городу, какъ къ мѣсту сбыта товара добываемаго въ лѣсу и на пашнѣ, горожане начинаютъ силой обязывать смердовъ—„примучивать“ ихъ платить извѣстную дань или оброкъ городу, какъ бы въ уплату за ту защиту, какую даетъ имъ городъ въ минуты опасности, пряча ихъ за своими стѣнами или ограждая мечомъ.

Конечно и управленіе города устраивалось такъ, чтобы военную защиту главному занятію жителей — торговлѣ и промысламъ — можно было найти сейчасъ же, какъ понадобится. Весь торговый городъ представлялъ изъ себя поэтому какъ бы укрѣпленный торговый складъ. Обитатели же его являлись, какъ бы оберегателями и защитниками этого лагеря-склада.

Во главѣ большого города, а, слѣдовательно, и всей его округи стояло вѣче, т.-е. сходка всѣхъ взрослыхъ горожанъ, которые и рѣшали всѣ дѣла по управленію. На вѣчѣ выбирали и всю городовую старшину, т.-е. начальниковъ. Торговля раздѣлила людей на богатыхъ и бѣдныхъ и отдала малоимущихъ въ услуженіе болѣе состоятельнымъ, или поставила ихъ въ денежную зависимость отъ нихъ. Понятно поэтому, что большимъ значеніемъ въ городѣ и на вѣчѣ пользовались тѣ, кто были богаче, самые богатые. Они держали въ рукахъ всю сходку, изъ ихъ среды выбиралось все начальство города, они воротили, какъ хотѣли, городскими дѣлами.

Отправляясь торговымъ караваномъ въ далекія страны, купцы тѣхъ временъ снаряжались какъ бы въ военный походъ, составляли цѣлое военное товарищество — артель, или дружину, и шли походомъ подъ начальствомъ выбраннаго вождя, какого-нибудь опытнаго воина-купца.

По мѣрѣ того, какъ торговля развивалась все больше, а военныя опасности на торговыхъ путяхъ становились сильнѣе, славянамъ все труднѣе и труднѣе становилось оберегать себя и свою торговлю отъ нападеній со стороны разныхъ кочевниковъ, засѣвшихъ по всѣмъ торговымъ путямъ. Хозарское царство, защищавшее доселѣ славянъ, какъ своихъ данниковъ, было уже почти разрушено печенѣгами, засѣвшими и по нижнему Днѣпру. Отрѣзывая пути славянской торговлѣ, печенѣги разоряли все благосостояніе славянскихъ городовъ.

Отъ дикихъ степняковъ не было проходу на югъ и сѣвернымъ купцамъ-воителямъ — норманнамъ, или варягамъ, давно уже прознавшимъ путь по Невѣ, Волхову и Днѣпру на Черное море къ Царю-городу. Не имѣя уже возможности маленькими партіями пробиваться сквозь печенѣговъ въ Византію, гдѣ они торговали и нанимались въ военную службу, варяги все больше и больше стали застаиваться въ славянскихъ городахъ и сживаться со славянами. Занимаясь однимъ дѣломъ — торговлей, они скоро сходились со славянами, легко перенимали ихъ языкъ и обычаи и оставались навсегда жить въ славянскихъ городахъ. Славянамъ это было очень на руку, такъ какъ варяги славились, какъ опытные воины, и помощь ихъ въ это время для передвиженія торговыхъ каравановъ была очень не лишняя.

Варяги были жителями Скандинавскаго края, нынѣшнихъ Швеціи, Норвегіи и Даніи. Суровый край рано заставилъ варяговъ искать средствъ для жизни на сторонѣ. Прежде всего они обратились къ морю — занялись рыболовствомъ и грабежомъ поморскихъ жителей. На легкихъ судахъ, съ измалолѣтства привыкшіе къ борьбѣ съ бурями и къ тягостямъ военно-морской жизни, варяги дерзко налетали на побережья Балтійскаго и Нѣмецкаго морей.

Еще въ VI вѣкѣ грабили они берега Галліи. Карлъ Великій ничего не могъ подѣлать съ отважными пиратами; при его слабыхъ потомкахъ норманны держатъ въ страхѣ и

осадѣ всю Европу; съ IX вѣка дружины ихъ появляются одновременно въ Шотландіи, Англіи, Франціи, Андалузіи, Сициліи и Швейцаріи.

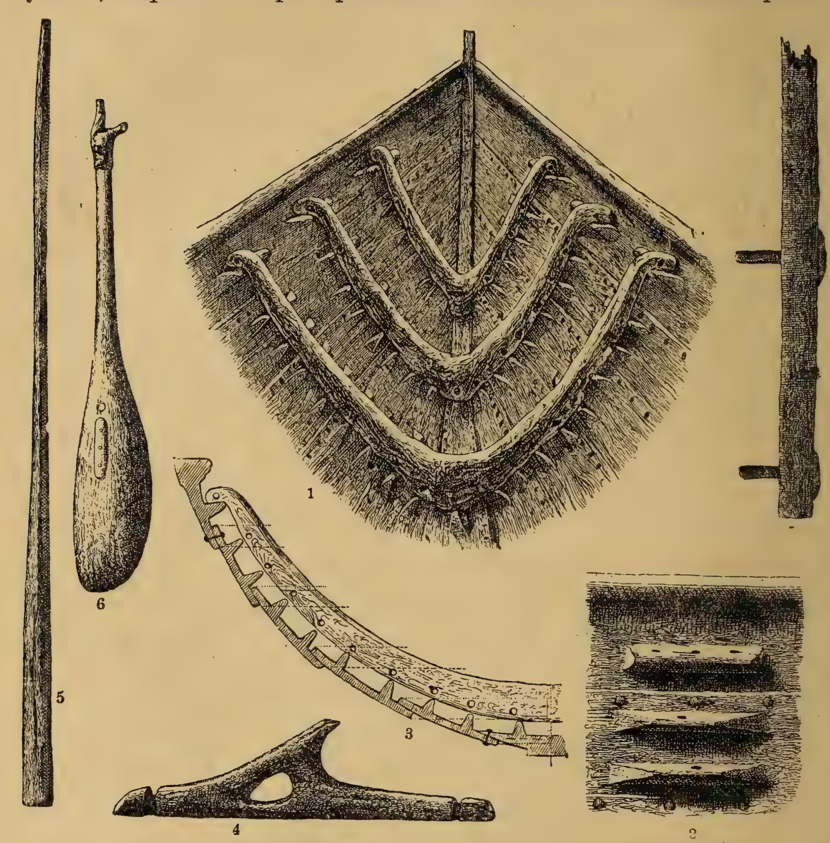
Въ 911 году норманны овладѣли сѣверо-западной частью Франціи и заставили французскаго короля признать этотъ край его государства норманскимъ владѣніемъ, герцогствомъ норманскимъ; эта часть Франціи и до сихъ поръ извѣстна подъ именемъ Нормандіи. Въ 1066 году норманскій герцогъ Вильгельмъ покорилъ Англію. Отдѣльныя дружины норманновъ завладѣли Исландіей, а оттуда проникали даже до береговъ Сѣверной Америки

На легкихъ парусныхъ и гребныхъ судахъ забирались они въ устья большихъ рѣкъ и плыли вверхъ, пока было можно. Въ разныхъ мѣстахъ они высаживались на сушу и жестоко грабили прибрежныхъ жителей. На меляхъ, перекатахъ, порогахъ они вытаскивали свои суда на берегъ и волокли ихъ посуху до тѣхъ поръ, пока не миновали препятствіе. Изъ большихъ рѣкъ они вторгались въ меньшія и, перебираясь изъ рѣки въ рѣку, забирались далеко въ глубь страны, всюду неся съ собой смерть, пожары, грабежъ. Въ устьяхъ большихъ рѣкъ они овладѣвали, обыкновенно, островами и укрѣпляли ихъ. Это были ихъ зимнія квартиры, сюда сгоняли они плѣнниковъ, сюда же сносили все награбленное добро. Норманновъ страшно боялись въ Западной Европѣ, потому что двигались они необыкновенно быстро и сражались такъ храбро, что устоять противъ ихъ стремительныхъ натисковъ казалось совершенно невозможнымъ. На своемъ пути они ничего и никого не щадили. Во всѣхъ церквахъ Западной Европы возносилось тогда одно моленіе къ Богу: „Отъ свирѣпости норманновъ избави насъ, Господи!“

На западъ отправлялись большею частью норманны — обитатели Даніи и Норвегіи. Норманны же Швеціи нападали преимущественно на побережье Балтійскаго моря. Изъ Финскаго залива они проникали Невой въ Ладогу, а Волховомъ и Ильменемъ доходили до Новгорода, который назывался у

4*

нихъ Голмгардъ, т.-е. островной городъ. Новгородъ расположенъ на островѣ, образуемомъ Волховомъ при выходѣ изъ Ильменя-озера. Изъ Новгорода, пользуясь великимъ воднымъ путемъ, норманны пробирались до Кіева. Они знали хорошо

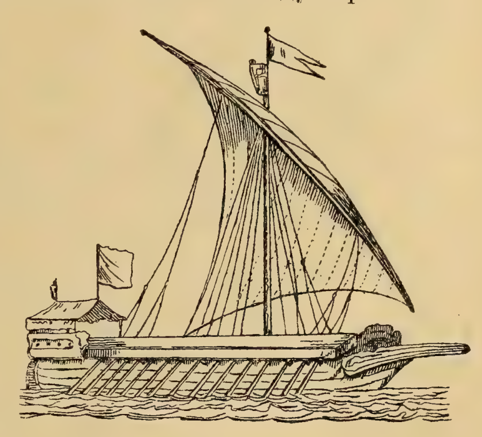
Детали норманской ладьи.

1. Внутренній видъ носовой части. 2. Способъ скрѣпленія бортовыхъ планокъ — изнутри. 3. Устройство скрѣпленія планокъ. 4. Уключина. 5. Весло. 6. Руль. 7. Часть дубовой планки съ желѣзными гвоздями.

Полоцкъ, Ладогу, и названія этихъ городовъ часто встрѣчаются въ ихъ сказаніяхъ — сагахъ. Упоминаютъ саги и о далекой Біарміи, т.-е. Перми, Пермскомъ краѣ. Что норманны

часто и большими отрядами проникали въ страну славянъ говорятъ и надгробные памятники, встрѣчающіеся въ юго-восточныхъ провинціяхъ Швеціи и относящіеся къ X и XI вв. На этихъ памятникахъ древнимъ норманскимъ письмомъ — рунами — попадаются надписи, гласящія, что покойный палъ „въ битвѣ на Востокѣ", „въ странѣ Гардаръ", или „въ Голмгардѣ".

Добираясь до истоковъ Волги, норманны спускались внизъ по рѣкѣ, торговали и воевали съ камскими болгарами и доходили до Каспійскаго моря. Арабскіе писатели впервые отмѣтили ихъ появленіе на Каспіи въ 880 г. Въ 913 году норманны появились здѣсь цѣлымъ флотомъ, будто бы, въ 500 кораблей, по сто человѣкъ на каждомъ.

Норманское судно.

По Днѣпру норманны спускались въ Черное море и нападали на Византію. „Въ 865 г.,—сообщаетъ лѣтописецъ, — норманны осмѣлились напасть на Константинополь на 360 корабляхъ, но, не будучи въ состояніи нанести вредъ самому непобѣдимому городу, они храбро повоевали его предмѣстья, перебили народа, сколько могли, и затѣмъ съ торжествомъ вернулись домой".

Кремонскій епископъ Ліутпрандъ посѣтилъ Константинополь въ 950 и 968 гг. Въ своемъ разсказѣ о Греческой имперіи онъ упоминаетъ и норманновъ, которые незадолго до него сдѣлали большое нападеніе на Константинополь. „На сѣверѣ, — говоритъ онъ,—живетъ народъ, который греки называютъ русью, мы же норманнами. Царемъ этого народа былъ Ингеръ (Игорь), который пришелъ къ Константинополю болѣе чѣмъ съ тысячью кораблей".

Въ славянскихъ земляхъ, по Волхову и по Днѣпру, норманны-варяги появились сначала, такъ сказать, мимоходомъ, здѣсь они сперва мало застаивались, а больше направлялись по великому водному пути въ богатыя южныя страны, преимущественно въ Грецію, гдѣ не только торговали, но и служили за хорошее вознагражденіе въ греческой военной службѣ.

Норманнъ по представленію проф. Крузе, на основаніи вещей, найденныхъ на Балтійскомъ поморьѣ.

Изъ норманновъ былъ набранъ отрядъ императорскихъ тѣлохранителей. Норманскіе наемники назывались въ Византіи варангами; за греками такъ называли ихъ и славяне. Пишется слово варягъ по славянски черезъ юсъ малый послѣ р, а юсъ малый произносился тогда, какъ слогъ эн.

Богатый всякимъ обиліемъ славянскій край не могъ не возбуждать въ варягахъ желанія забрать его въ свои руки, по крайней мѣрѣ, овладѣть великимъ воднымъ путемъ. Варяги издавна селились среди славянъ, въ ихъ городахъ, на болѣе или менѣе продолжительное время. Арабъ Аль-Бекри около половины X вѣка писалъ, что „племена сѣвера завладѣли нѣкоторыми изъ славянъ и до сей поры живутъ среди нихъ, даже усвоили ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними. Города охотно нанимали варяговъ для военной охраны своихъ торговыхъ каравановъ, направлявшихся въ Византію.

Но, по мѣрѣ того, какъ варяговъ все больше и больше накоплялось въ славянскихъ странахъ, они стали выказывать все больше желанія сдѣлаться господами славянской страны. И вотъ.

читаемъ въ лѣтописи, около половины IX вѣка, стали „варяги изъ заморья брать дань на словенехъ и на кривичей“, т.-е. съ новгородскихъ славянъ. Утвердились, значитъ, на сѣверномъ концѣ великаго воднаго пути. Въ то же время хозары брали дань съ полянъ, сѣверянъ и вятичей, т.-е. съ обитателей южнаго конца воднаго пути.

Новгородскіе славяне не вытерпѣли, и года черезъ два, какъ читаемъ въ лѣтописи, „изгнаша варяги за море и начаша сами въ собѣ володѣти“. Но тогда начались въ странѣ ссоры и раздоры изъ-за властвованія, „возсталъ родъ на родъ,— читаемъ въ лѣтописи, — произошла среди нихъ усобица, и воевать начали другъ съ другомъ“. И вотъ всѣ сѣверныя племена „рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. И идоша за море къ варягомъ, къ Руси: сице бо тіи варязи звахуся—русь, яко се друзіи зовутся свіе (шведы), друзіи же урмане (норвежцы), англяне (англичане), друзіи гъте (готы) — тако и си“. Посланные отъ славянъ, чуди, кривичей и веси сказали варягамъ руси: „Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣти княжить и володѣти нами“. Но, несмотря на такой зазывъ „едва изъбрашеся три брата съ роды своими, взяли съ собой всю русь и пришли“ (862 годъ). То были три брата конунга — такъ назывались по-варяжски князья — Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

Братья-князья, прибывъ въ страну, принялись „города рубить и воевать всюду“, т.-е. начали оборонять славянъ отъ враговъ ихъ, для чего всюду воздвигали укрѣпленные городки, и часто ходили въ походы. Князья и поселились по краямъ страны. Рюрикъ — въ Ладогѣ, Синеусъ — на Бѣлоозерѣ, а Труворъ — въ Изборскѣ.

Немного времени спустя, умерли братья Рюрика, и онъ остался одинъ и переѣхалъ на житье въ Новгородъ. По преданію это не очень-то понравилось новгородцамъ, и они стали говорить: „Быть намъ рабами и много зло пострадать отъ Рюрика и земляковъ его!“ Составился даже какой-то заговоръ

среди новгородцевъ съ цѣлью прогнать Рюрика съ его варягами обратно за море. Но Рюрикъ убилъ вождя этого заговора, „храбраго Вадима“, и перебилъ многихъ новгородцевъ. Это событіе сразу измѣнило положеніе Рюрика, взаимныя отношенія его и новгородцевъ. До того Рюрикъ былъ только призванный новгородцами князь-охранитель новгородской торговли и третейскій судья въ различныхъ новгородскихъ недоразумѣніяхъ. Послѣ усмиренія возстанія Вадима Рюрикъ сталъ смотрѣть на Новгородъ, какъ на свою военную добычу, и множество новгородцевъ бѣжали отъ него на югъ.

Снимокъ съ изображенія въ Кенигсбергскомъ спискѣ лѣтописи сцены призванія варяжскихъ князей (лѣвая часть рисунка) и отправленія ихъ въ Новгородъ (правая часть рисунка).

А на югѣ, въ Кіевѣ, въ это время тоже утвердились варяги. Какъ можно думать, вслѣдъ за Рюрикомъ нахлынуло въ славянскія земли много этихъ пришельцевъ съ сѣвера. Быть-можетъ, подражая Рюрику, они стали пробовать тверже основываться въ славянскихъ городахъ. Въ Полоцкѣ сталъ княжить Рогволодъ, у племенъ, обитавшихъ по Припети, образовалось княжество какого-то Тура или Тора.

О занятіи южнаго конца воднаго пути варягами наша лѣтопись повѣствуетъ такъ: „Были у Рюрика два мужа, не племени его, но боярина; и они отпросилися ко Царю-городу съ родомъ своимъ“.

Пошли по Днѣпру и на пути увидѣли на горѣ городокъ и спросили: „Чій се градокъ?“ Имъ объяснили, что городокъ прозывается Кіевъ и платитъ дань хозарамъ.

Аскольдъ и Диръ — такъ звали этихъ Рюриковыхъ бояръ — предложили кіевлянамъ освободить ихъ отъ хозаръ. Тѣ согласились, и Аскольдъ съ Диромъ остались въ Кіевѣ княжить: „Много варяговъ собрали и начали владѣть Полянской землей. Рюрикъ же княжилъ въ Новгородѣ“.

Итакъ, значитъ, во второй половинѣ IX вѣка на обоихъ концахъ великаго воднаго пути возникли варяжскія княжества. Варяжскіе князья — Рюрикъ на сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ на югѣ — заняты однимъ дѣломъ: строятъ крѣпости, берегутъ землю. До прихода Аскольда и Дира въ Кіевъ, кіевлянъ обижали древляне и другія племена. Аскольдъ и Диръ, утвердившись въ Кіевѣ, предприняли борьбу съ древлянами и избавили отъ нихъ Кіевъ. Попробовали греки обидѣть славянскихъ купцовъ, Аскольдъ и Диръ сдѣлали набѣгъ на греческую землю. Все это, конечно, только вызывало сочувствіе населенія и утверждало князей въ занятыхъ ими городахъ.

Но оба конца великаго воднаго пути находились въ рукахъ разныхъ князей. Неудобства отъ этого должны были происходить не малыя, и рано или поздно должна была возгорѣться изъ-за этого борьба сѣверныхъ князей съ южными.

Для сѣверныхъ князей и горожанъ являлось въ высшей степени неудобнымъ то, что исходный конецъ великаго воднаго пути — Кіевъ, находился не въ ихъ рукахъ. Стоитъ присмотрѣться къ положенію Кіева на картѣ, чтобы сообразить, въ чемъ тутъ дѣло. Кіевъ стоялъ почти на границѣ славянскихъ земель, и южнѣе его начиналось царство степи. Ни одного сколько-нибудь крупнаго, текущаго по населенной сторонѣ, притока не впадаетъ въ Днѣпръ южнѣе Кіева. Всѣ большія рѣки, протекающія по населеннымъ мѣстамъ, впадаютъ въ Днѣпръ сѣвернѣе Кіева. Отъ Кіева начиналась прямая дорога къ морю. Къ Кіеву, слѣдовательно, по безчисленнымъ рѣкамъ, рѣчкамъ и рѣчушкамъ, притокамъ самаго

Днѣпра и притокамъ его притоковъ, сплавлялись богатства славянскихъ земель. Обитатели всѣхъ городовъ, лежавшихъ по сѣвернымъ притокамъ Днѣпра, направляя свои товары въ Византію, должны были плыть мимо Кіева. Слѣдовательно, кто владѣлъ Кіевомъ, у того въ рукахъ находились и главныя ворота внѣшней русской торговли того времени, а кто держалъ въ своихъ рукахъ торговлю славянскихъ городовъ — ихъ главное занятіе, тотъ, естественно, владѣлъ и самими племенами.

Стоило задержать у Кіева торговыя ладьи съ сѣвера, и всѣ города отъ Любеча до Новгорода и Ладоги несли огромные убытки.

Рюрику не удалось пробиться къ Кіеву. Овладѣлъ Кіевомъ только родичъ и преемникъ Рюрика — Олегъ.

Изъ Новгорода, по издавна проторенному пути, по Волхову, Ильменю и Ловати спустился онъ до верховьевъ Днѣпра и овладѣлъ здѣсь, въ сторонѣ кривичей, городомъ Смоленскомъ. По Днѣпру добрался онъ до Любеча и захватилъ и этотъ городъ. Подплывъ къ Кіеву, онъ выманилъ изъ города Аскольда и Дира и убилъ ихъ, а самъ остался въ Кіевѣ — „матери городовъ русскихъ", какъ онъ, по преданію, назвалъ этотъ городъ.

Утвердившись здѣсь, Олегъ продолжалъ дѣло Аскольда и Дира; строилъ вокругъ Кіева все новые городки-крѣпостцы для защиты кіевскаго края отъ набѣговъ со стороны степи, а потомъ, соединивъ подъ своей рукой ополченія всѣхъ занятыхъ имъ славянскихъ городовъ, пошелъ на Царьградъ и, по преданію, пригвоздилъ свой щитъ на воротахъ Царьграда въ знакъ побѣды надъ греками.

Слѣдовавшіе за Олегомъ князья—Игорь, вдова его—Ольга, сынъ Игоря—Святославъ съ успѣхомъ продолжали объединеніе славянскихъ городовъ. Уже Олегъ захватилъ всю страну древлянъ сѣверянъ и радимичей; Игорь продолжалъ захваты Олега и забралъ подъ свою руку весь средній Днѣпръ. Ольга окончательно „примучила" древлянъ, Святославъ захватилъ страну вятичей.

Такимъ образомъ къ половинѣ X в. большинство славянскихъ племенъ и городовъ собралось около Кіева и кіевскаго князя.

Земля кіевскихъ князей занимаетъ къ этому времени обширное пространство. Съ сѣвера на югъ подвластная имъ земля простиралась тогда отъ Ладожскаго озера до устьевъ рѣчки Роси — степного притока Днѣпра, а съ востока на западъ—отъ впаденія Клязьмы въ Оку до верхняго теченія Западнаго Буга. Въ обширномъ краѣ этомъ жили всѣ племена восточныхъ славянъ и нѣкоторыя финскія, напримѣръ, чудь прибалтійская, весь бѣлозерская, меря ростовская, а по средней Окѣ — мурома. Среди этихъ племенъ князья строили городки-крѣпости, чтобы изъ стѣнъ этихъ городковъ держать вооруженной рукой въ повиновеніи инородцевъ и собирать съ нихъ вѣрную дань. Такъ среди прибалтійской чуди Ярославъ построилъ городъ Юрьевъ. Еще раньше возникли города Муромъ, Ростовъ, Бѣлозерскъ. На берегу Волги Ярославъ построилъ городъ, назвавъ его по своему имени — Ярославль.

Ставя, такимъ образомъ, по всему пространству города, заводя всюду одинаковый порядокъ, всюду оберегая всѣхъ, платившихъ ему дань, князь невольно становился видимымъ средоточіемъ для всего населенія, обитавшаго на этомъ обширномъ пространствѣ. А если какое племя или волость, волей или неволей, переставала тянуть къ князю, объ этомъ напоминалъ сидѣвшій въ каждомъ городѣ княжой посадникъ.

Князь расчищалъ дороги, ставилъ мосты, заводилъ погосты, „чинилъ судъ и правду людемъ“, вообще „думалъ“ объ устройствѣ всей земли. То была суровая, полная лишеній и опасностей служба князя землѣ.

Вотъ какъ, по разсказу лѣтописи, совершалъ свои походы Святославъ, этотъ наиболѣе типичный князь-воитель тѣхъ отдаленныхъ временъ. „Святославъ,— читаемъ въ лѣтописи, — легко ходилъ, какъ барсъ... Въ походѣ ни котловъ, ни возовъ съ собой не возилъ, и мяса не варилъ, но, изрѣзавъ

тонкими ломтями конину ли, или звѣрину, или говядину на угляхъ пекъ себѣ обѣдъ; шатра онъ тоже не имѣлъ и спалъ, постлавъ конскій чепракъ, а подъ голову положивъ сѣдло; таковы же и воины его всѣ были".

Живя вмѣстѣ, около одного князя, отдѣльныя племена и волости славянъ, говорившія однимъ языкомъ, имѣвшія одни обычаи, невольно стали забывать свои мѣстныя прозванія и отлички. Къ XI вѣку все очерченное мечомъ кіевскихъ князей пространство зовется уже однимъ именемъ — Русью, Русской землей, по варяжскому племени, слѣдовательно, изъ котораго вышли первые князья. Сначала Русью называли только Кіевскую область, бывшую землю полянъ, потому что въ ней поселился и утвердился русскій князь со своей дружиной, которую лѣтопись тоже называетъ Русью, а потомъ это названіе перешло и на все пространство земель, которое князь „строилъ".

Описывая разселеніе славянъ, лѣтописецъ замѣчаетъ — „тако разыдеся словеньскій языкъ (народъ), тѣмъ же и грамота прозвася словеньская". А далѣе, подъ 898 годомъ, разсказавъ уже о призваніи князей и о походахъ на Царьградъ, лѣтописецъ, точно желая предупредить какія-либо сомнѣнія, говоритъ: „А Словеньскый языкъ и Рускый одно есть, отъ варягъ бо прозвашася Русью, а первее бѣша Словене".

Но было время, когда умѣли различать оба языка. Различіе между ними было еще очень замѣтно въ X вѣкѣ. И въ лѣтописи и въ другихъ памятникахъ древней нашей письменности славянскія имена чередуются съ „русскими" и отличаются, какъ слова чуждаго одинъ другому языка. Среди именъ первыхъ князей и ихъ дружинниковъ насчитывается около 90 именъ скандинавскаго происхожденія — Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Аскольдъ, Диръ, Олегъ, Игорь — это все скандинавскія, т.-е. варяжскія или норманскія имена — Hroerekr, Signiutr, Torwardt, Hoskuldr, Dyiri, Helgi, Ingvarr.

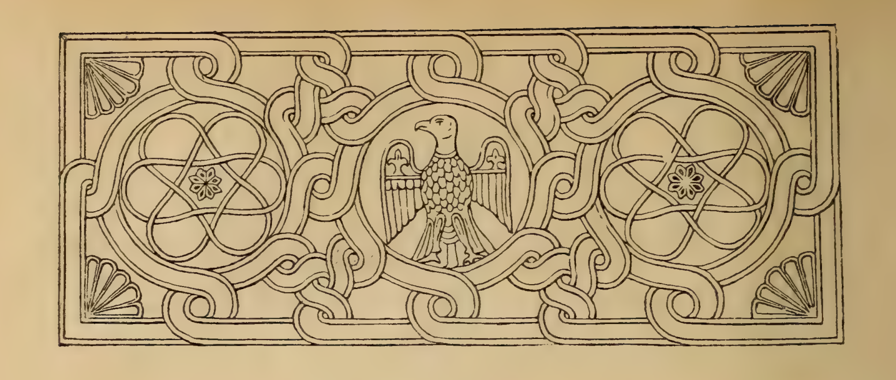
Сами князья и пришлая съ ними ихъ дружина быстро ославянились. Уже внукъ Рюрика — Святославъ, хотя и вы-

глядитъ истымъ варягомъ по всѣмъ своимъ поступкамъ и привычкамъ, но носитъ чисто славянское имя.

Пришедшіе въ страну восточныхъ славянъ варяги, можно сказать, растаяли въ славянскомъ морѣ, слились въ одно племя со славянами, среди которыхъ поселились, и пропали, оставивъ по себѣ незначительные слѣды въ языкѣ славянъ. Такъ отъ варяговъ сохранились въ славяно-русскомъ языкѣ слѣдующія слова: гридь, кнутъ, ларь, лавка, стягъ, хоругвь, ябедникъ, якорь, витязь, и нѣкоторыя другія *).

*) Составлено по соч.: *В. О. Ключевскій*, „Курсъ русской исторіи", ч. 1. *В. Томсенъ*, „Начало русскаго государства". Заставка и начальная буква статьи взяты изъ Лаврентьевскаго списка лѣтописи.

Начало христіанства на Руси.

азвитіе торговли по всему Поднѣпровью, дѣятельное участіе въ ней всѣхъ славянскихъ племенъ, сближая ихъ одно съ другимъ, въ то же время сближало славянъ и съ тѣми народами, съ которыми они торговали.

Съ конца IX вѣка, послѣ того, какъ пути торговли съ арабскимъ востокомъ оказались сильно засоренными со стороны степныхъ кочевниковъ — всякихъ ясовъ, косоговъ, торковъ и печенѣговъ, — главное значеніе пріобрѣла для славяно-руссовъ торговля съ Византіей; больше всего, слѣдовательно, знакомились и сходились обитатели Поднѣпровья съ греками, исповѣдывавшими христіанскую вѣру и стоявшими на высокой степени образованности. Много христіанъ было и среди варяговъ, христіанами были западно-славянскіе, а также и нѣмецкіе купцы, съ которыми славяно-руссамъ приходилось вести торговыя дѣла.

Были знакомы и вели торговыя дѣла славяне съ исповѣдывавшими магометанство арабами и приволжскими болга-

рами. Отъ хозаръ, исповѣдывавшихъ еврейство, славяне могли познакомиться съ основами этого вѣроученія. Ко всѣмъ этимъ религіямъ язычники славяно-руссы относились очень терпимо. Вѣроятно, какъ и всѣ первобытные язычники, они признавали, что всякій народъ имѣетъ своихъ боговъ и что, придя въ чужую землю, не лишнее почтить и чужого бога. Они свободно позволяли молиться въ своей странѣ любымъ богамъ. Въ Новгородѣ съ давнихъ поръ пріѣзжіе нѣмецкіе купцы имѣли свою церковь — „Варяжскую божницу". Въ Кіевѣ издавна существовали особые польскій (т.-е. латинскій, католическій) и еврейскій кварталы, гдѣ постоянно и подолгу жили иностранцы и евреи и, конечно, отправляли обряды своей вѣры.

Соприкасаясь такъ близко съ людьми разныхъ вѣръ, славяно-руссы не могли не заинтересоваться другими вѣрами, особенно христіанствомъ, потому что съ христіанами греками имъ приходилось больше всего имѣть дѣла. Христіанство было довольно замѣтно распространено среди славяно-руссовъ задолго до Владиміра Святого. Въ самой княжеской семьѣ были уже христіане. Такъ, извѣстно, что крещеніе приняла еще бабушка Владиміра Святого — св. княгиня Ольга. Въ дружинѣ его дѣда — Игоря, было такъ много христіанъ, что когда этому князю пришлось заключать договоръ съ греками, то часть его дружины клялась соблюдать миръ Перуномъ, а другая — по христіанскому обряду. Уже въ то отдаленное время существовала въ Кіевѣ церковь св. Иліи, были, вѣроятно, и другія церкви. Смутное преданіе указываетъ на то, что Аскольдъ и Диръ были христіане. Если преданіе даже и ошибается — все равно, это свидѣтельство лѣтописи ясно говоритъ, что тогдашніе люди не только чуждались христіанства но даже вводили въ свою семью христіанъ. Такъ Святославъ далъ въ жены своему старшему сыну Ярополку греческую монахиню взятую въ плѣнъ. Среди женъ Владиміра упоминаются „чехиня, болгарыня и грекиня", которыя, навѣрное можно сказать, были христіанками.

Ко времени Святослава христіанство оказывается очень распространеннымъ въ Кіевѣ. Какъ можно думать, подъ покровительствомъ его матери, св. Ольги, христіане изъ славянъ дѣятельно стали проповѣдывать христіанство среди своихъ соплеменниковъ-язычниковъ. Сама Ольга, напримѣръ, усиленно склоняла Святослава принять христіанство, но онъ отказывался.

Успѣхи новой вѣры возбуждали неудовольствіе и вражду среди приверженцевъ старой. Сторонники язычества косо смотрѣли на успѣхи христіанства и любили насмѣхаться надъ обратившимися, какъ надъ перевертнями. По крайней мѣрѣ, Святославъ, какъ запомнила лѣтопись, отвѣтилъ матери на ея увѣщанія креститься: „Како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ? а дружина моя сему смѣятися начнуть!" Отпугивали Святослава, какъ и многихъ другихъ язычниковъ, отъ христіанства, вѣроятно, и высоко-нравственныя основы этого ученія. Суровый, непреклонный воинъ, какимъ былъ Святославъ, не понималъ ученія кротости, любви, всепрощенія и воздержанія. Ему, вѣроятно, какъ говоритъ лѣтопись вообще объ язычникахъ, „вѣра христіанская уродьство бѣ", такъ что онъ даже отказывался „во уши принимати" то, что ему говорила мать. Мало того, по преданію, онъ даже поддался чувству вражды къ христіанству, когда потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ христіанами-греками. Тогда онъ легко повѣрилъ языческой молвѣ, обвинявшей въ неудачѣ похода христіанъ, и былъ готовъ воздвигнуть на нихъ гоненіе. Но въ общемъ отношеніе князя-воителя къ христіанамъ было равнодушное и въ его время, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, „аще кто хотяше креститися, не браняху (т.-е. не возбраняли), но ругахуся ему".

Его наслѣдникъ былъ человѣкъ совсѣмъ другого характера. Святославъ, занятый постоянно войной, мало и рѣдко бывалъ дома, такъ что воспитаніе двухъ его сыновей—Ярополка и Олега—всецѣло находилось въ рукахъ его матери-христіанки, св. княгини Ольги. Ясно, какія внушенія должны были получать

отъ нея молодые князья. Третій сынъ Святослава—Владиміръ—еще совсѣмъ малолѣтнимъ ребенкомъ былъ отправленъ въ Новгородъ, гдѣ язычество было гораздо сильнѣе христіанства.

По смерти Святослава въ Кіевѣ сталъ княжить старшій сынъ его Ярополкъ. Воспитанный бабушкой христіанкой, женатый на христіанкѣ, Ярополкъ былъ, судя по лѣтописному преданію, иного нрава, нежели его отецъ. Онъ любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, то только изъ боязни дружины, другимъ же креститься не препятствовалъ. Понятно, что ругавшаяся надъ христіанами и потерпѣвшая на войнѣ съ ними неудачу дружина отца его, Святослава, не любила молодого князя, приверженнаго къ непріятной ей вѣрѣ, и стала ясно склоняться на сторону княжившаго въ Новгородѣ Владиміра, ставшаго извѣстнымъ за ревностнаго поклонника старыхъ боговъ.

Кіевскіе сторонники язычества воспользовались случайно возникшей распрей между Ярополкомъ и Олегомъ и довели дѣло до того, что Олегъ былъ убитъ. Это обстоятельство, въ свою очередь, поселило вражду между Ярополкомъ и Владиміромъ. Послѣдній, опасаясь, чтобы его не постигла участь Олега и желая по обычаю мстить убіицѣ, пошелъ на брата войной. Когда дѣло дошло до рѣшительнаго столкновенія между войсками братьевъ, то кіевская языческая дружина стала на сторону Владиміра, и Ярополкъ погибъ. Владиміръ остался тогда единственнымъ представителемъ княжескаго рода и сѣлъ въ Кіевѣ.

Такъ какъ торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанской, то новый кіевскій князь ознаменовалъ начало своего княженія сильной ревностью къ язычеству. Онъ поставилъ идоловъ на кіевскихъ высотахъ; на холмѣ, внѣ своего двора, воздвигъ статую Перуна, деревянную, съ серебряной головой и золотыми усами, также поставилъ онъ идоловъ другихъ боговъ и усердно приносилъ имъ жертвы, даже человѣческія. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ лѣтопись.

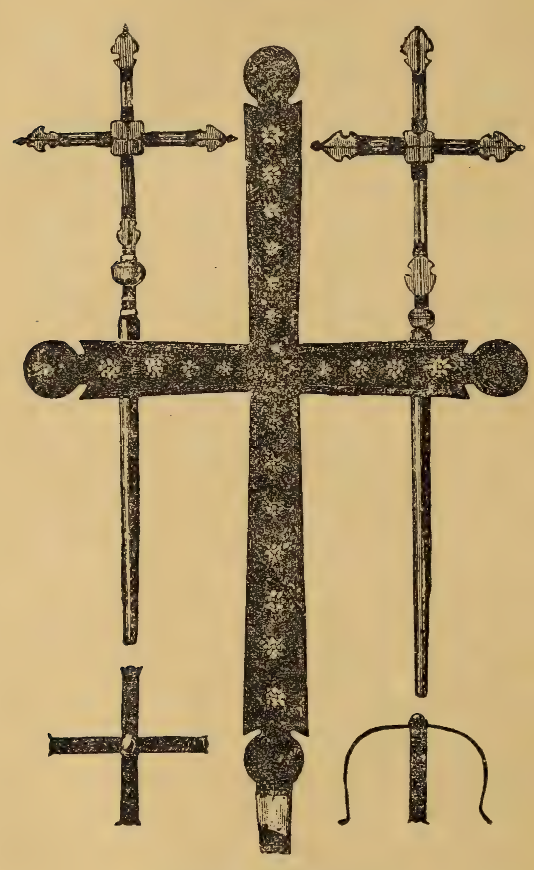
Когда Владимiръ побѣдилъ ятвяговъ (983 г.), то старцы градскiе и дружина сказали:

— Мечемъ жребiй на отрока и дѣвицу; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ!

Жребiй палъ на сына одного варяга-христiанина. Варягъ отказался выдать сына, сказавъ:

— Не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изгнееть; не ядять бо, не пьють, не молвять: суть дѣлани руками въ деревѣ; а богъ есть единъ, ему же служатъ греки и кланяются, иже сотворилъ небо, и землю, и звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и далъ есть ему жити на земли; а си бози, что сдѣлаша? сами дѣлани суть! не дамъ сына своего бѣсамъ!

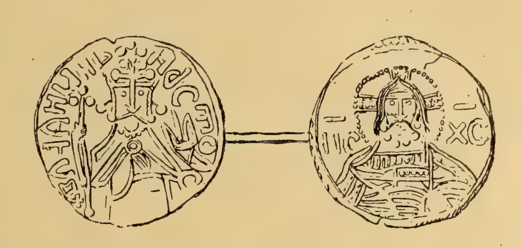
Народъ разъярился на такую отповѣдь и убилъ обоихъ варяговъ, домъ же ихъ разрушили.

Корсунскiе кресты.

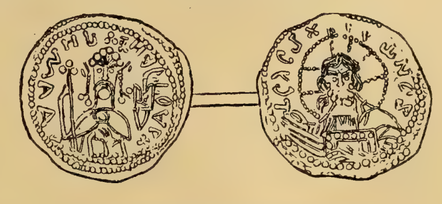
Самъ Владимiръ жилъ совершенно по-язычески и безъ мѣры предавался всякимъ излишествамъ, а на войнахъ отличался неумолимой жестокостью. Но отъ природы онъ былъ

человѣкомъ умнымъ, наблюдательнымъ, разсудительнымъ и потому не могъ не замѣчать тѣхъ успѣховъ, какіе дѣлало и продолжало дѣлать на Руси христіанство. Въ Кіевъ продолжали попрежнему заходить отовсюду по торговымъ дѣламъ люди различныхъ вѣръ: и евреи, и магометане, и варяги, и греки. Владиміру приходилось со всѣми ими бесѣдовать. Пришлые гости заводили разговоры о вѣрѣ, и каждый восхвалялъ свою. Въ этихъ разговорахъ затрогивались вопросы о будущей жизни за гробомъ, о наказаніи за грѣхи злыхъ, о блаженствѣ добро творившихъ, говорилось о грѣхѣ, Единомъ Богѣ—Невидимомъ и Вездѣсущемъ. Своя, языческая, вѣра не знала этихъ вопросовъ и не умѣла дать отвѣта на нихъ, тогда какъ христіанство давало отвѣты поучительные и опредѣленные.

Монета Владиміра Святого.

У Владиміра на совѣтахъ его съ дружиной и старцами градскими, конечно, заходила рѣчь о христіанствѣ, и тутъ совѣтники, склонные къ христіанству, говорили князю:

Златникъ Владиміра Святого.

— Аще бы лихъ былъ законъ греческій, то не бы баба твоя пріяла Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ!

Люди, имѣвшіе случай присутствовать на торжественномъ христіанскомъ богослуженіи, свое впечатлѣніе выразили замѣчаніемъ, что не вѣдали тогда, гдѣ находились: на землѣ или на небѣ.

Увлекаемый волной все шире и шире распространявшагося христіанства, Владиміръ мало-по-малу сталъ совсѣмъ склоннымъ принять греческій законъ.

Современникъ сына Владимірова Ярослава, первый митрополитъ изъ русскихъ, св. Иларіонъ, въ своемъ „словѣ о законѣ и благодати“ особенно выдвигаетъ то обстоятельство, что Владиміръ принялъ христіанство, не будучи никѣмъ просвѣщенъ, не слышавъ никакихъ проповѣдниковъ и руководствуясь только своимъ наблюдательнымъ и великимъ отъ природы умомъ. „Не видя апостола, пришедша въ землю твою,— говоритъ св. Иларіонъ, прославляя князя Владиміра,—не видя (проповѣдника) бѣса изгоняюща именемъ Христовымъ, болящіи здраствующа, огня на хладъ прелагаема, мертвыхъ встающе: сихъ всѣхъ не видѣ, како убо вѣрова? Дивное чудо! Иніе цари и властели, видяще все бывающа отъ святыхъ мужъ, не вѣроваша, но паче на страсти и муки предаша ихъ. Ты же, о, блаженниче, безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу токмо отъ благаго смысла и остроумія разумѣвъ, яко есть Богъ единъ, Творецъ видимымъ и невидимымъ, небеснымъ и земленымъ... И си помысливъ, вниде во святую купель. И иже инимъ юродство мнится, тебѣ сила Божія вмѣнися“. Жившій около 1070 года мнихъ Іаковъ написалъ „похвалу“ князю русскому Володимеру. Въ этой „похвалѣ“ мнихъ Іаковъ говоритъ о причинахъ, расположившихъ Владиміра оставить язычество и принять христіанство. Ничего не зная и ни единымъ словомъ не говоря и не намекая о послахъ, будто бы приходившихъ къ Владиміру убѣждать его перемѣнить вѣру, авторъ объясняетъ поступокъ Владиміра, „во-первыхъ, тѣмъ, что Самъ Богъ, провидѣвъ доброту сердца его и призрѣвъ съ небеси милостію Своею, просвѣтилъ сердце его принять св. крещеніе“, во-вторыхъ, тѣмъ, что Владиміръ очень чтилъ бабку свою, княгиню Ольгу, принявшую крещеніе, и хотѣлъ подражать ей.

Опровергая въ этомъ отношеніи обычный лѣтописный разсказъ, составленный много позднѣе послѣ того, какъ писали св. Иларіонъ и мнихъ Іаковъ, эти древнѣйшіе авторы разрушаютъ и легенду о фактѣ принятія Владиміромъ христіанства послѣ войны его съ греками, когда онъ взялъ

городъ Корсунь. Мнихъ Іаковъ говоритъ, что Владиміръ крестился не въ Корсунѣ, а гдѣ то въ другомъ мѣстѣ, года за два до похода на Корсунь, который предпринялъ уже будучи христіаниномъ. Ничего не знаютъ о крещеніи Владиміра въ Корсуни и греческіе лѣтописцы, хотя и упоминаютъ о женитьбѣ его на ихъ царевнѣ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Владиміръ былъ расположенъ къ принятію христіанства кіевскими христіанами и крещенъ былъ, по всей вѣроятности, славяно-русскими священниками.

Составитель лѣтописи предпочелъ вмѣсто простого разсказа о крещеніи Владиміра включить въ свое повѣствованіе разукрашенную легенду, но не могъ не считаться съ фактами, и ему пришлось поставить ихъ въ подозрѣніе, передъ своими читателями замѣчаніемъ, что это „не свѣдуще право глаголють, яко крестился есть (Владиміръ) въ Кіевѣ, иніи же рѣша: въ Василёвѣ, друзіи же ино скажють“. „Намъ кажется, — говоритъ историкъ Церкви Е. Голубинскій, — что въ этомъ, по мнѣнію автора повѣсти, неправомъ на самомъ дѣлѣ и нужно искать праваго, а именно — намъ думается, что вѣроятнѣйшимъ мѣстомъ крещенія Владиміра должно считать Василёвъ... Свое названіе послѣдній, очевидно, получилъ отъ христіанскаго имени Владиміра (Василій): не весьма ли естественно предположить, что Василёвъ получилъ это названіе въ память крещенія тамъ князя?“

Принявъ христіанство, Владиміръ воодушевился желаніемъ распространить христіанскую вѣру въ странѣ, въ которой княжилъ. Вслѣдъ за княземъ крестились многіе дружинники. Въ народѣ все это не могло оставаться неизвѣстнымъ. Пошли толки. Одни были противъ „уродьства“, другіе говорили, что если бы вѣра христіанская была не добра, то князь и дружина не приняли бы ее. Должно-быть, вторыхъ было больше, и вотъ Владиміръ, спустя два слишкомъ года послѣ собственнаго крещенія, задумываетъ окончательно утвердить христіанство въ странѣ. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, онъ рѣшаетъ войти въ сношеніе съ греками, такъ какъ для будущей

русской Церкви нужны были епископы и весь церковный чинъ. Получить это правомѣрно всего естественнѣе было у ближайшихъ сосѣдей — грековъ, отъ ихъ царя и константинопольскаго патріарха. Но греки имѣли обычай считать всѣхъ принявшихъ отъ нихъ христіанство своими подданными. Этого, конечно, не хотѣлъ Владиміръ и потому рѣшилъ

Церковь, построенная Петромъ Могилою изъ остатковъ Десятинной.

начать переговоры съ греками объ устройствѣ у насъ церковнаго чина не иначе, какъ побѣдитель.

Воспользовавшись какимъ-то недоразумѣніемъ, Владиміръ осадилъ принадлежавшій имперіи городъ Херсонесъ Таврическій, или, по русскому произношенію, Корсунь. Когда Корсунь была взята, Владиміръ немедленно отправилъ посольство въ Константинополь къ тогдашнимъ императорамъ Василію и Константину съ просьбой, во-первыхъ, прислать для нарождающейся русской Церкви іерархическій чинъ и,

во-вторыхъ, отдать замужъ за него — русскаго князя — сестру императоровъ царевну Анну. Императоры согласились подъ условіемъ, чтобы русскій князь прислалъ имъ въ помощь своихъ воиновъ для борьбы съ однимъ ихъ полководцемъ, который поднялъ знамя возстанія.

Женившись въ Корсунѣ на царевнѣ и заручившись обѣщаніемъ императоровъ прислать митрополита и епископовъ для

Софійскій соборъ въ Кіевѣ.

будущей русской церкви, Владиміръ взялъ съ собой много священниковъ и нѣкоторыя святыни и возвратился въ Кіевъ.

По возвращеніи Владиміра изъ Корсуня, началось крещеніе кіевлянъ. Оглашенные къ принятію христіанства славяно-русскими и греческими священниками кіевляне съ радостью и ликованіемъ шли креститься. Несомнѣнно, были среди нихъ и такіе, которые крестились только потому, что *всѣ* это дѣлали, были и

такіе, которые не хотѣли креститься. По словамъ св. Иларіона „благовѣріе (Владимірово) со властію сопряжено бѣ“— это значитъ, что упорствовавшихъ креститься заставляли это дѣлать. Владиміръ крестилъ всю свою семью и приближенныхъ, а потомъ велѣлъ истреблять идоловъ. Перуна привязали къ хвосту лошади и поволокли съ холма, на которомъ онъ стоялъ, въ Днѣпръ. Княжьи приставники колотили идола палками, приговаривая:

— Много ты ѣлъ и пилъ, Перунище, будетъ съ тебя!

Дѣлали все это „не для того, чтобы дерево чувствовало, а на поруганіе бѣсу, который въ этомъ образѣ прельщалъ людей; пусть отъ людей же и возмездіе пріемлетъ“, замѣчаетъ въ заключеніе разсказа объ этомъ лѣтопись. Многіе изъ некрещенныхъ бѣжали по берегу вслѣдъ за уплывавшимъ Перуномъ и молили его:

— Выдыбай, боже, выдыбай (т.-е. выплывай)!

По почину св. князя Владиміра въ память крещенія народа въ Кіевѣ былъ воздвигнутъ храмъ во имя Пресв. Богородицы. Въ пользу этой церкви онъ отчислилъ десятую часть своего имѣнія и доходовъ, отчего церковь и стали называть Десятинной. Всюду по городамъ тоже стали строить церкви и приводить людей ко крещенію. Во главѣ отдѣльныхъ городовъ Владиміръ поставилъ въ качествѣ посадниковъ и намѣстниковъ своихъ двѣнадцать сыновей, разослалъ съ ними священниковъ и епископовъ и повелѣлъ крестить всю землю. Не вездѣ это, однако, было легко сдѣлать. Въ самомъ Кіевѣ нашлись упорные приверженцы язычества. Страшась мести князя, они бѣжали въ лѣса и горы и занялись разбоемъ. По преданію, нѣкто Могута собралъ большую шайку такихъ недовольныхъ, и Владиміру пришлось вести серьезную борьбу съ ними.

Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ глуше, дичѣе была страна, тѣмъ меньше видали всякихъ видовъ ея жители, и тѣмъ приверженнѣе они были къ языческой старинѣ. Самый сѣверъ Руси — Новгородская земля, оказала особенно сильное сопро-

Божія Матерь Нерушимая Стѣна (мозаика Кіево-Софійскаго собора).

тивленіе намѣренію Владиміра утвердить здѣсь христіанство. Подстрекаемые волхвомъ, прозваннымъ за краснорѣчье Соловьевымъ, новгородцы съ оружіемъ встрѣтили посланныхъ

крестить ихъ Добрыню — дядю Владиміра и Путяту. Но и въ Новгородѣ были уже христіане, и существовала церковь Преображенія. Новгородцы-христіане стали, конечно, на сторону Добрыни, и сопротивленіе язычниковъ было сломлено. Язычниковъ силкомъ тащили къ Волхову креститься. Долго потомъ дразнили новгородцевъ жители другихъ краевъ, говоря:

— Васъ Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ.

Нельзя сказать, чтобы и вообще въ странѣ утвержденіе христіанства шло ровно и не встрѣчало сопротивленія со стороны приверженцевъ язычества. Вождями этого сопротивленія были волхвы—прорицатели будущаго и чудотворцы, по представленію славянъ-язычниковъ. Надо думать, что волхвы имѣли то же значеніе въ жизни славянъ, какое имѣютъ шаманы у современныхъ дикарей дальняго сѣвера Сибири.

Подъ 1071 г. лѣтописецъ разсказываетъ, какъ явился волхвъ въ кіевской землѣ и началъ проповѣдывать народу, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, и земли переступятъ со своихъ мѣстъ на чужія, что греческая земля станетъ на мѣстѣ русской, а русская — на мѣстѣ греческой. „Невѣгласи послушаху его, — говоритъ лѣтописецъ, — вѣрніи же смѣяхуся“.

Смута въ народѣ все-таки была, и вотъ „въ едину нощь волхвъ бысть безъ вѣсти“, т.-е. исчезъ, былъ, вѣроятно, схваченъ.

Въ 1074 году явился волхвъ въ Новгородѣ. По словамъ лѣтописи, онъ „творился аки богъ“, говорилъ, что знаетъ будущее, хулилъ вѣру христіанскую и въ доказательство своей правоты обѣщалъ пройти со всѣми ему вѣрными по Волхову, какъ посуху.

Новгородцы заволновались, почти всѣ стали на сторону волхва и хотѣли убить епископа. Епископъ, облекшись въ ризы и взявъ крестъ, вышелъ на площадь и сказалъ:

— Кто хочетъ вѣрить волхву, пусть идетъ за нимъ, а кто вѣруетъ во Христа, пусть идетъ ко кресту.

Къ епископу подошелъ только князь Глѣбъ Святославичъ со своей дружиной, а весь народъ, „производя великій мятежъ“, устремился за волхвомъ.

Тогда князь Глѣбъ, спрятавъ подъ полой своей одежды топоръ, подошелъ къ волхву и сказалъ:

— Знаешь, что будетъ завтра поутру и во весь день до вечера?

— Все знаю! — отвѣчалъ волхвъ.

— А знаешь ли, что будетъ сегодня?

— Сотворю великія чудеса! — отвѣчалъ волхвъ.

Тогда князь выхватилъ топоръ и разсѣкъ ему голову.

Народъ въ ужасѣ разошелся.

Ростовскіе язычники прогнали отъ себя первыхъ епископовъ, Ѳеодора и Иларіона, и едва не убили третьяго — св. Леонтія.

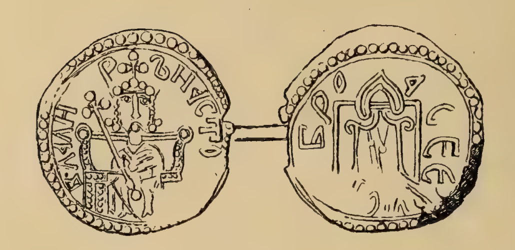
Не скоро могло утвердиться христіанство и въ Муромской землѣ, несмотря на старанія св. князя Глѣба, которому Владиміръ поручилъ эту область. Князю Глѣбу пришлось даже жить внѣ Мурома, жители котораго оказались горячими приверженцами язычества.

Въ Курской области христіанство стало распространяться только въ началѣ XI в., въ области же вятичей лишь въ XII в.; также въ Вологодскомъ и Вятскомъ краѣ, а въ Олонецкомъ оно стало утверждаться лишь въ XIII в.

Многіе изъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ продолжали существовать очень долго, до самыхъ московскихъ временъ, среди принявшихъ крещеніе. Даже при царѣ Иванѣ Грозномъ духовенству приходилось жаловаться на приверженность простонародья къ несомнѣнно языческимъ вѣрованіямъ.

Тѣмъ не менѣе, христіанство все-таки распространялось въ народѣ, все шире и глубже входило въ народное сознаніе. Привязывая народъ къ Церкви, оно заставляло людей сильнѣе чувствовать взаимную связь; отдѣльные края, исповѣдуя одну вѣру, ближе сливались другъ съ другомъ, сплачиваясь

въ одинъ православный народъ. Въ этомъ смыслѣ христіанство много сдѣлало для роста Русской земли — не даромъ эта земля издавна привыкла называть себя православной Русью, святорусской землей, указывая тѣмъ на христіанство, какъ на одну изъ основныхъ чертъ своей народности *).

Монета Владиміра Святого.

*) Составл. по соч.: *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи“, т. I; *Е. Голубинскій*, „Исторія русской Церкви“, т. I; *преосв. Макарій*, „Исторія русской Церкви“, т. I. Заставка—снимокъ съ шиферной плиты въ Кіевской Софіи.

Вѣче.

ѣчемъ въ древней Руси называлась сходка взрослыхъ домохозяевъ, жителей одного города, для рѣшенія сообща какихъ-либо дѣлъ, касающихся ихъ городской жизни. Сходки эти существовали издавна, задолго до призванія князей, при первыхъ князьяхъ и до самыхъ тѣхъ поръ, какъ поднялась Москва, вобравшая въ свои предѣлы отдѣльныя земли или волости, на которыя распадалась въ древнѣйшее время Русь.

Волостью или землею назывался въ XI — XII вв. цѣлый округъ, вмѣщавшій въ себѣ нѣсколько городовъ. Одинъ изъ этихъ городовъ считался старшимъ или „великимъ", а другіе города были только „пригородами" этого старшаго города, по имени котораго называлась, обыкновенно, и самая земля. Лѣтописецъ, жившій въ концѣ XII вѣка, отмѣтилъ такое устройство Русской земли, какъ исконное: „Новгородци бо *изначала,*—писалъ онъ,—и смоляне (жители Смоленской области), и кыяне (кіевляне), и полочане (жители Полоцка), и вся власти (волости), яко же на думу, на вѣча сходятся; на что же старѣйшии (города) сдумають, на томъ же и пригороди станутъ". Вѣче, слѣдовательно, было формой, въ которой выражалась тогдашняя государственная власть. Надо, впрочемъ, отмѣтить, что вѣчемъ называли тогда вообще совѣщаніе и вообще народное собраніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда и

то и другое не имѣли своей задачей вынести какое-нибудь рѣшающее то или иное государственное дѣло постановленіе. Но по преимуществу вѣче въ кіевское время является органомъ политической власти народа. Другой формой выраженія государственной власти въ древней Руси былъ князь.

Варяжскіе князья, какъ извѣстно, утвердились въ странѣ восточныхъ славянъ тогда, когда славянскія племена жили уже довольно сложной, разработанной жизнью, какъ въ государственномъ, такъ и въ хозяйственномъ смыслѣ. Варяжскіе князья пришли не на пустое мѣсто и не къ бѣднымъ племенамъ дикарей. Славянскія племена того времени уже объединились въ волости, сосредоточившіяся около большихъ торговыхъ городовъ. Новгородскіе славяне призвали Рюрика съ братіей его только къ себѣ. Отвага и военное счастье самого конунга и его ближайшихъ преемниковъ отдали имъ въ руки княженіе во всей странѣ восточныхъ славянъ. Варяжскіе конунги стали князьями славянскихъ городовъ, съ которыхъ собирали дань, но не столько, какъ знакъ подчиненія этихъ городовъ ихъ власти, а скорѣе какъ вознагражденіе за ту тяжелую службу, какую пришлось нести имъ по охранѣ страны и ея торговли. Дань князья собирали тѣмъ сырьемъ, которымъ торговала древняя Русь. Это обстоятельство, превращая князя въ перваго и богатѣйшаго торговца города, связывало его интересы съ интересами всѣхъ горожанъ и заставляло его жить съ ними въ ладу, признавая въ извѣстной мѣрѣ ихъ самостоятельность. Вѣче горожанъ въ древней Руси является поэтому властью, стоящей рядомъ съ княжеской властью, какъ величина отъ нея независимая.

Мало того, можно привести случаи, которые указываютъ, что власть вѣча становилась выше власти князя. Такъ, вѣче могло показывать князю путь отъ себя, т.-е. изгонять его и на его мѣсто приглашать другого изъ того же княжескаго рода. Жить и управляться безъ князя не приходило въ голову тогдашнимъ людямъ — до этого не доросла еще политическая мысль тѣхъ временъ. Князь считался необходи-

мымъ въ правительствѣ, какъ главный судья и полководецъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ плохимъ судьей, или плохимъ вождемъ, путь ему и указывался. Кіевляне изгнали отъ себя великаго князя Изяслава, какъ плохого военачальника, который не только не сумѣлъ защитить земли отъ половцевъ, но еще, вопреки желанію горожанъ, отказался продолжать борьбу съ ними. Причиной неудовольствія противъ Всеволода Ярославича было у кіевлянъ то, что онъ не самъ судилъ, а поручалъ судъ пристрастнымъ тіунамъ. Зато какъ дорожатъ кіевляне княземъ, который умѣетъ водить ихъ ополченіе къ побѣдѣ и справедливо держитъ судъ: Владиміра Мономаха они призвали къ себѣ, нарушая всѣ правила княжескаго старшинства, только за его справедливость и большія военныя способности, и долго поминали добромъ этого князя, предпочитая имѣть на столѣ своего города его потомковъ. На приглашеніе одного князя пойти противъ *сына* мономахова кіевское вѣче отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ: „На мономахово племя у насъ рука не поднимется", сказали собравшіеся на вѣчѣ кіевляне.

Вѣче правило волостью наравнѣ съ княземъ, и, конечно, строгаго раздѣленія власти вѣча и князя не могло существовать въ то время. Люди тогда жили не по писаному закону, а по обычаю, одинаково обязательному и для князей, и для народа, но не вносившему никакого строгаго распорядка въ теченіе дѣлъ. Можно говорить, что вѣче управляло волостью, но и князь тоже ею управлялъ; ходъ этихъ двухъ управленій и опредѣлялся обычаемъ, при чемъ, при всегда возможныхъ столкновеніяхъ, не малое значеніе пріобрѣтало то, какіе люди стояли во главѣ вѣча: очень ли рьяно стоявшіе за самостоятельность вѣча или нѣтъ. Пожалуй, еще большее значеніе имѣло то, каковъ былъ князь — легко или не легко поддающійся вѣчевому требованію, умѣющій или не умѣющій съ нимъ ладить. Взаимныя чувства народа и князя опредѣляли все въ ихъ отношеніяхъ, какъ правителей. Любилъ народъ князя, какъ, напримѣръ, кіевляне любили Мономаха или сына его

Мстислава,—и никакихъ разногласій не возбуждалось; а былъ князь не понутру народу въ силу своего поведенія или характера, и тогда столкновенія его съ вѣчемъ бывали часты и не всегда оканчивались благополучно для князя. Въ 1146 году кіевскій князь Игорь былъ убитъ разбушевавшимся народомъ.

У князей былъ свой распорядокъ того, какъ имъ владѣть землей. Князья, потомки Рюрика, „володѣли" русской землей всѣмъ родомъ, всѣ сообща, и старались, обыкновенно, размѣщаться по городамъ по старшинству. Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ болѣе выгодный и доходный городъ приходилось ему занимать. Умиралъ самый старшій, занимавшій кіевскій столъ, на его мѣсто становился слѣдующій за нимъ по старшинству, и за нимъ такъ, лѣствицей, передвигался по городамъ весь княжескій родъ. Но этотъ порядокъ скоро спутался. Съ ростомъ княжескаго рода перестали ясно различать, кто старше, кто моложе изъ князей; поднялись нескончаемые споры изъ-за старшинства. Самые города съ теченіемъ времени тоже нарушились въ степени своей доходности; богатый прежде городъ становился бѣднѣе, и, по обычаю, старшему князю приходилось тогда покидать богатый младшій городъ для бѣднаго старшаго. Все это и создало ту кровавую путаницу, которую принято называть временемъ княжескихъ усобицъ.

Въ это-то смутное время вѣча городовъ и стали рѣшительно высказываться въ пользу тѣхъ князей, какихъ сами хотѣли имѣть, мало считаясь съ запутавшимся княжескимъ обычаемъ занимать города по старшинству. Когда умиралъ князь, горожане собирались на вѣче и сговаривались, кого изъ князей звать къ себѣ, если ближайшій по старшинству былъ не по нраву и если подъ силу было городу не допустить его къ себѣ. Остановившись на какомъ-нибудь извѣстномъ имъ князѣ, горожане посылали сказать ему:

— Поиде, княже, къ намъ! Нашего князя Богъ поялъ, а мы хощемъ тебя, а иного не хощемъ!

Когда князь пріѣзжалъ въ городъ, вѣче цѣловало ему крестъ на вѣрность, а князь цѣловалъ крестъ передъ вѣчемъ

въ томъ, чтобы ему „любити народъ и никого же не обидѣти“.

Такъ, напримѣръ, рядились кіевляне въ 1146 году съ княземъ Игоремъ, вмѣсто котораго на вѣчѣ присутствовалъ, замѣщая Игоря, его братъ — Святославъ.

— Ныне, княже Святославе,—говорили кіевляне,—цѣлуй намъ хрестъ изъ братомъ своимъ (за брата своего): аще кому насъ будетъ обида, то ты прави!

Святославъ на это отвѣчалъ:

— Язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ насилья никотораго же.

Затѣмъ кіевляне цѣловали крестъ Игорю.

Заключая „рядъ“ съ княземъ, горожане уговаривались, какой доходъ долженъ получать князь съ города, какъ онъ долженъ судить, самъ ли, или чрезъ тіуновъ своихъ, т.-е. особыхъ, княземъ назначенныхъ, судей; уговаривались далѣе о томъ, чтобы князь поручалъ управленіе отдѣльными частями страны мужамъ добрымъ и справедливымъ и т. п. Заключенныя условія соблюдались свято обѣими сторонами, и вѣче зорко слѣдило, чтобы они не нарушались.

По своей формѣ вѣче было непосредственнымъ участіемъ народа въ государственномъ управленіи, а не чрезъ представителей. Участвовать на вѣчѣ имѣлъ право каждый свободный взрослый и матеріально независимый горожанинъ. Но это право никого ни къ чему не обязывало. „Людинъ“ могъ пойти на вѣче, а могъ и не пойти, могъ тамъ стоять и молчать, могъ и говорить, отстаивая полюбившееся ему мнѣніе. Созывались вѣча, смотря по надобности: въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, а иной разъ и въ цѣлый годъ не созывалось ни одного. Созывать вѣче имѣлъ право каждый „людинъ“, но, конечно, пользоваться этимъ правомъ по капризу было опасно: можно было дорого поплатиться, и небольшія группы людей рисковали созванивать вѣче только тогда, когда были увѣрены, что вопросъ, подлежащій вѣчевому обсужденію, важный вопросъ, всѣмъ близокъ

и всѣхъ интересуетъ. Обыкновенно вѣче созывалось по почину городовой старшины или князя. Созывалось вѣче или по звону особаго колокола, или чрезъ герольдовъ—бирючей. Сходилось на вѣче обыкновенно „многое множество народа“, и, конечно, такія собранія могли помѣщаться только подъ открытымъ небомъ.

Во всѣхъ городахъ были постоянныя мѣста для вѣчевыхъ собраній, но вѣче могло собираться и на другихъ мѣстахъ, если это почему-либо было удобнѣе. Такъ, въ 1147 году кіевляне собирались на вѣче разъ подъ Угорскимъ, другой — у Туровой божницы, несмотря на то, что у собора св. Софіи было мѣсто, издавна предназначенное для вѣчевыхъ собраній: тамъ были даже подѣланы скамьи, на которыхъ вѣчники могли сидѣть. Случалось и такъ, что горожане, раздѣлившись рѣзко въ мнѣніяхъ, собирали одновременно два вѣча въ разныхъ мѣстахъ.

Особаго порядка совѣщаній на вѣчѣ не было. Какъ только соберется народъ и наполнитъ площадь, такъ и начиналось обсужденіе дѣла. Конечно, не всѣ, собравшіеся на вѣче, въ одинъ голосъ говорили и рѣшали всѣ дѣла; изъ всего „многолюдства“ выдѣлялись наиболѣе рѣшительные, смѣлые и лучше понимавшіе дѣло, они-то и вели весь разговоръ.

Размѣщались на вѣчѣ люди въ нѣкоторомъ порядкѣ. Въ серединѣ, ближе къ князю и епископу и къ выборной городской старшинѣ — посаднику и тысяцкому — собирались тѣ, кто пользовался бо́льшимъ значеніемъ въ городѣ или за свое богатство, или за услуги, или по преклонному возрасту. Въ этой сравнительно небольшой кучкѣ и сосредоточивалось все обсужденіе дѣла, а толпа присоединялась къ какому-либо одному изъ мнѣній, и тогда оно торжествовало. Бывало, разумѣется, и такъ, что толпа, возмущенная или раздраженная тѣмъ дѣломъ, которое обсуждалось, и пришедшая на вѣче съ заранѣе рѣшеннымъ мнѣніемъ, заставляла „лучшихъ людей“ принять то, что она принесла съ собой, быть-можетъ, послѣ долгихъ предварительныхъ разсужденій по дворамъ и

горницамъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ вѣче становилось иногда слишкомъ шумнымъ и безпорядочнымъ сборищемъ, и тогда „людіе, — по словамъ лѣтописи, — (были) яко взбѣснѣша, или яко звѣри дикіи, и рѣчи слышати не хотяху, біяху въ колоколы, кричаху и лаяху“...

При обсужденіи дѣлъ никакого подсчета голосовъ не велось, и требовалось всегда или единогласное рѣшеніе, или такое большинство, которое было бы ясно видно и безъ всякаго подсчета голосовъ. Рѣшеніе вѣча, такимъ образомъ, дѣйствительно, исходило отъ всего города. Единогласіе получалось мирнымъ путемъ, если успѣвали сговориться и поставить на чемъ-нибудь одномъ, но если страсти разгорались, то дѣло рѣшалъ не словесный бой, а кулаки и топоры. Никакихъ записей того, что происходило на вѣчѣ, не велось; что касается до самаго порядка совѣщаній, то онъ былъ изустный и не былъ заключенъ ни въ какія формы. Ни предсѣдателя ни руководителя преній не было—по крайней мѣрѣ, лѣтопись совершенно не указываетъ на существованіе ихъ. Первый вопросъ предлагался вѣчу обыкновенно тѣмъ, кто его созвалъ,—княземъ, посадникомъ или кѣмъ инымъ, а затѣмъ начиналось самое совѣщаніе. Есть указанія въ лѣтописяхъ, что люди богатые подкупали людей бѣдныхъ для того, чтобы они своимъ говоромъ и крикомъ на вѣчѣ заглушали рѣчи противниковъ и способствовали проведенію мнѣній тѣхъ, кто подкупалъ ихъ.

Такъ какъ на вѣчевыхъ собраніяхъ не требовалось присутствія опредѣленныхъ лицъ, въ опредѣленномъ числѣ, а нужно было только, чтобы присутствующіе были горожане, то составъ вѣча бывалъ очень непостояненъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Сегодня собрались въ такомъ соотношеніи, что большинство высказывается за извѣстную мѣру, а назавтра созвонили вѣче, собрались въ большинствѣ противники принятаго вчера рѣшенія, и вотъ принято вмѣсто вчерашняго — противоположное ему. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣче собиралось однородное, оно настолько зависѣло отъ на-

строенія духаподвижной массы своихъ членовъ, что очень легко мѣняло свои рѣшенія. Такой порядокъ вещей очень способствовалъ развитію извѣстной партійности въ средѣ горожанъ и создавалъ обстановку, очень способствовавшую развитію партійной борьбы.

Кромѣ избранія князя, вѣче, какъ высшее правительственное учрежденіе, какъ правительство само, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ. Но вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшалъ также и князь. Какъ устраивались въ этомъ вопросѣ обѣ власти? Дѣло въ томъ, что князь и вѣче вѣдали войны, такъ сказать, различнаго характера. Если князь велъ войну на свой страхъ и рискъ, то вѣче въ нее не вступалось, если же князь требовалъ помощи горожанъ, то вершителемъ вопроса войны или мира и съ рѣшающимъ голосомъ становилось и вѣче.

Лѣтопись рисуетъ намъ не одну картину взаимоотношеній князя и вѣча на почвѣ вопросовъ войны и мира. Въ 1147 г. шла борьба между старшимъ внукомъ Мономаха, Изяславомъ, и его дядей, младшимъ сыномъ Мономаха, Юріемъ. Старинные противники Мономаховичей, черниговскіе Ольговичи, предложили союзъ Изяславу. „Изяславъ, —разсказываетъ лѣтопись,—созвалъ бояръ своихъ, всю дружину свою и всѣхъ кіевлянъ, т.-е. вѣче, и сказалъ имъ:

— Вотъ я съ братіей моей хотимъ пойти на дядю своего къ Суздалю. Пойдутъ съ нами и Ольговичи.

Кіевляне на это отвѣтили:

— Князь! Не ходи на дядю своего въ союзѣ съ Ольговичами, лучше уладь съ нимъ дѣло миромъ. Ольговичамъ вѣры не давай и въ одно дѣло съ ними не путайся.

— Они крестъ мнѣ цѣловали, — отвѣчалъ Изяславъ, — и мы сообща порѣшили этотъ походъ; не хочу мѣнять моего рѣшенія, а вы помогите мнѣ.

— Князь,— сказали тогда кіевляне,— ты на насъ не гнѣвайся: не пойдемъ съ тобой — не можемъ поднять руку на Владимірово племя. Вотъ если на Ольговичей, такъ съ дѣтьми пойдемъ.

Тогда Изяславъ рѣшилъ итти одинъ съ дружиной и охотниками, кликнувъ кличъ по нихъ:

— А тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ!

Воиновъ-охотниковъ собралось много, и Изяславъ двинулся въ походъ. Но кіевляне оказались правы — Ольговичи нарушили крестное цѣлованіе и измѣнили Изяславу. Положеніе, въ которомъ очутился Изяславъ, оказалось крайне опаснымъ. Тогда онъ отправилъ въ Кіевъ двухъ посланцевъ — Добрынку и Радила. Посланцы явились къ намѣстнику Изяслава, его брату Владиміру, и къ кіевскому тысяцкому Лазарю. Съ посланными Изяславъ такъ говорилъ брату Владиміру.

— Брате! Ѣди къ митрополиту и съзови кыяны вся, ать молвита си мужа лесть черниговскыхъ князій!

Владиміръ поѣхалъ къ митрополиту и созвалъ — „повабилъ“ — кіевское вѣче. И вотъ, повѣствуетъ лѣтопись, „придоша кыянъ много множество народа и сѣдоша у святое Софьи. И рече Володимеръ къ митрополиту:

— Се прислалъ братъ мой два мужа кыянины, ать (т.-е. пусть) молвятъ братьѣ своей.

И выступи Добрынка и Радило и рекоста:

— Цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся поклонялъ, и Лазаря цѣловалъ, и кыяны всѣ.

Рекоша кыяне:

— Молвита, съ чимъ васъ князь прислалъ?

Посланные изложили тогда то, что велѣлъ имъ сказать Изяславъ, и отъ имени князя звали городское ополченіе итти къ Чернигову:

— А нынѣ, братья, поидета по мнѣ къ Чернигову; кто имѣетъ конь, ли не имѣеть кто, ино въ лодьѣ: ти бо (т.-е. черниговцы) не мене единаго хотѣли убить, но и васъ искоренити.

Такимъ образомъ, требуя помощи горожанъ, князь указываетъ, что теперь походъ не его только личное дѣло, но и дѣло города.

Вѣче зашумѣло:

— Рады, что Богъ избавилъ тебя и братій нашихъ отъ великой напасти. Идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, какъ ты того хочешь.

Но тутъ поднялся одинъ человѣкъ и сказалъ:

— Хорошо. Пойдемъ за княземъ, но подумаемъ и вотъ о чемъ. У насъ здѣсь сидитъ у св. Ѳеодора (т.-е. въ монастырѣ) врагъ нашего князя — Игорь. Помните, какъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ отцы наши вывели не изъ монастыря, а изъ темницы князя Всеслава и посадили его на мѣсто Изяслава Ярославича, и что было, когда вернулся Изяславъ. Какъ бы не случилось и теперь того же. Мы уйдемъ къ Чернигову, а сторонники Игоря призовутъ его и сдѣлаютъ княземъ. Пойдемъ, сначала убьемъ Игоря, а потомъ и двинемся къ Чернигову.

Противъ этого предложенія возстали и митрополитъ и тысяцкій Лазарь; говорили противъ же старый тысяцкій Владиміръ и нѣкто Рагуйло. Но толпа не слушала ихъ и пошла убивать Игоря.

Война, начатая съ согласія вѣча, прекращается, если народъ потребуетъ заключенія мира. Въ такихъ случаяхъ вѣче властно говорило князю.

— Мирися или промышляй о себѣ самъ.

Точно такъ же, если князь хотѣлъ мириться противъ воли вѣча, то слышалъ такой отвѣтъ:

— Аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы!

Во время похода князю тоже приходилось считаться съ желаніями городского полка. Въ 1178 г. князь Всеволодъ не хотѣлъ брать приступомъ городъ Торжокъ. Это возбудило неудовольствіе городского полка:

— Мы не цѣловаться съ ними пріѣхали, — сказалъ полкъ, — они, князь, лгутъ Богу и тебѣ! — и городъ былъ взятъ приступомъ.

Такъ сосуществовали въ правительствѣ кіевскихъ временъ два начала — князь и вѣче. Легко замѣтить, что сосуществованіе ихъ покоилось на единеніи ихъ, на ихъ согласіи, которое создавалось на почвѣ нужды другъ въ другѣ и иногда оформливалось даже договоромъ съ крестнымъ цѣлованіемъ.

Права обѣихъ частей правительства были въ сущности одинаковы. Но князь, такъ сказать, существовалъ и проявлялся постоянно, вѣче же созывалось не всегда, дѣйствовало съ перерывами. Въ силу одного этого такія постоянныя дѣла, какъ судъ, управленіе, конечно, должны были болѣе сосредоточиваться въ рукахъ князя, и вѣче почти не вмѣшивалось въ нихъ. Оно требовало отъ князя праваго суда, но жаловаться вѣчу на судъ князя было не въ обычаѣ. Но, оставаясь постоянно во главѣ текущихъ дѣлъ, князь не былъ избавленъ отъ извѣстнаго контроля своихъ дѣяній со стороны вѣча. Этотъ контроль устанавливался самъ собой въ силу гласности и несложности всѣхъ дѣлъ тогдашняго государственнаго строительства, а затѣмъ онъ обезпечивался участіемъ лучшихъ горожанъ и избранной городской старѣйшины въ постоянномъ совѣтѣ князя, въ его думѣ съ дружиной.

Торговый городъ тѣхъ временъ былъ въ то же время извѣстной военной организаціей; какъ купецъ тѣхъ временъ былъ одновременно съ тѣмъ воиномъ и не могъ быть купцомъ, не будучи воиномъ, такъ и весь городъ былъ устроенъ на военную ногу. Для устройства торгово-военныхъ экспедицій и артелей древне-русскій городъ составлялъ полкъ, или тысячу. Эта тысяча дѣлилась на сотни и десятки по улицамъ. Во главѣ всей тысячи стоялъ избранный начальникъ ея — тысяцкій, во главѣ сотенъ и десятковъ — избранные же сотники и десятскіе. Кромѣ тысяцкаго, лѣтописи упоминаютъ еще одно высшее должностное лицо въ городѣ — посадника. Можно думать, что посадникомъ называли лицо, замѣщавшее князя въ его отсутствіе, какъ судью и управителя. Посадникомъ могъ быть родственникъ князя, назначенный имъ на эту должность съ согласія вѣча, или даже избранный прямо вѣчемъ человѣкъ изъ „людей“, когда князя вообще не было у города. Въ такихъ случаяхъ тысяцкій являлся какъ бы военнымъ начальникомъ, а посадникъ — гражданскимъ управителемъ и судьей города. На обязанности тысяцкаго, какъ кажется, лежала и охрана внутренней тишины и спокойствія

города, его полиція. Посадники и тысяцкіе, отбывшіе свою должность, именовались почетнымъ названіемъ — „старыхъ“ посадниковъ и „старыхъ“ тысяцкихъ, тогда какъ посадникъ и тысяцкій, находившіеся въ должности, назывались степенными — отъ той „степени“ или возвышенія на вѣчевой площади, на которой они стояли во время вѣчевого собранія, руководя имъ, или давая ему объясненія.

Вся эта городовая старшина, избранная всегда изъ лучшихъ, наиболѣе уважаемыхъ, сильныхъ и богатыхъ горожанъ, конечно, находилась въ постоянномъ дѣловомъ общеніи съ княземъ. Князь въ своихъ дѣлахъ по суду и управленію въ силу уже однихъ личныхъ удобствъ долженъ былъ справляться съ мнѣніями и желаніями этихъ „старцевъ градскихъ“. Объ участіи ихъ въ совѣтѣ князя извѣстно еще изъ временъ Владиміра Святого. Вмѣстѣ съ наемными слугами князя, съ людьми, порядившимися ему на службу, съ дружиной князя, старцы градскіе составляли княжескую думу. „Бѣ Владиміръ, — говоритъ лѣтопись, — любя дружину и съ ними думая о строѣ земленемъ, и о ратехъ, и о уставѣ земленемъ“. По лѣтописи, вопросъ о принятіи христіанства князь Владиміръ рѣшилъ по совѣту съ дружиной и старцами градскими. Участвуя въ совѣтѣ князя, избранная городовая старшина тѣмъ и поддерживала единеніе князя съ вѣчемъ; избранные изъ людей сильныхъ и вліятельныхъ, эти старцы градскіе, съ одной стороны, могли властно заявлять князю желанія и настроенія вѣча, а съ другой, подкрѣпляя своимъ авторитетомъ князя, въ совѣтѣ котораго участвовали, они могли вліятельно ратовать за него на вѣчѣ и поддерживать его передъ народомъ.

Такъ можно въ общихъ чертахъ представить себѣ основу княжеско-вѣчевого устройства правительства Русской земли въ кіевское время*).

---

*) Составлено по сочиненіямъ: *В. О. Ключевскаго*, „Курсъ русской исторіи“, ч. I; *И. Линниченко*, „Вѣче въ кіевской области“; *В. И. Сергѣевичъ*, „Вѣче и князь“. Заставка и буква — изъ Остромирова евангелія (1056—57 г.).

Законъ и судъ во времена Русской Правды.

Когда новгородскіе славяне прогнали отъ себя варяговъ и „почаша сами въ собѣ володѣти“, то не стало въ нихъ правды, разсказываетъ лѣтопись, „въста родъ на родъ и быша въ нихъ усобицѣ“. Тогда они порѣшили такъ:

— Поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву.

Какъ извѣстно, они призвали изъ-за моря Рюрика съ братьями княжить и володѣть у нихъ на землѣ. Родъ Рюрика утвердился въ странѣ восточныхъ славянъ, объединилъ подъ собой всѣ племена ихъ, охранялъ землю отъ всѣхъ враговъ ея и давалъ людямъ судъ и правду.

Князь судилъ или самъ лично, или черезъ своихъ намѣстниковъ, посадниковъ и тіуновъ. Каждую зиму князь отправлялся обыкновенно на „полюдье“, т.-е. за сборомъ дани

съ подвластныхъ ему племенъ. Останавливаясь на погостахъ, куда отдѣльные роды и семьи свозили дань, князь тутъ и творилъ судъ.

Мѣстомъ, гдѣ происходилъ судъ, былъ дворъ князя. Князь выходилъ на крыльцо своего дома и садился тамъ. Кругомъ собирались дружинники. На дворѣ задолго до появленія князя толпились уже тяжущіеся и обвиняемые, свидѣтели и просто любопытные.

Одинъ за другимъ подходили тяжущіеся и обвиняемые къ крыльцу; разсказывали князю, въ чемъ заключается тяжба, или какое преступленіе совершилъ обвиняемый, и онъ, поговоря съ дружинниками, выслушавъ хорошо знающихъ старые обычаи людей, стариковъ и свидѣтелей-послуховъ, ставилъ свой приговоръ „по старинѣ и по пошлинѣ", т.-е. по обычаю, какой пошелъ отъ предковъ. Кромѣ наказанія, виноватая сторона платила штрафъ въ пользу князя.

Писанаго закона тогда не существовало, и приговоръ ставился на основаніи обычая, устно передававшагося отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Обычай основывался и вытекалъ изъ естественныхъ побужденій человѣческой природы и мало считался съ какими-либо нравственными ограниченіями. Убьетъ кто-нибудь человѣка, близкіе родичи убитаго изъ естественнаго чувства мести старались убить погубителя. Побьютъ кого—побитый чувствуетъ злобу и стремится выместить ее на обидчикѣ. Украдутъ у кого-либо, потерпѣвшій, понятно, старается отыскать вора, отобрать у него похищенное, да еще постарается причинить вору побольше зла, чтобы отвадить его отъ воровства.

Такого рода побужденія и легли въ основу судебныхъ обычаевъ древности. „Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь"—вотъ основной смыслъ ихъ.

Принятіе и распространеніе христіанства нанесло рѣшительный ударъ такому положенію дѣла. Оно учило людей любить другъ друга, воздавать добромъ за зло, прощать враговъ. Христіанское ученіе говорило, что преступленіе, зло,

нанесенное брату-человѣку другимъ человѣкомъ, есть не только ущербъ наносимый однимъ другому и нарушеніе обычая людей, но и грѣхъ передъ Богомъ. Благодаря христіанству, и стали исчезать жестокіе обычаи въ родѣ кровавой мести за убійство.

Съ распространеніемъ христіанства на Руси судебную власть получили и епископы. Они, во-первыхъ, судили всѣхъ людей по всѣмъ церковнымъ дѣламъ; имъ подвѣдомственны были, напримѣръ, такія дѣла, какъ святотатство, разводъ и т. п.; во-вторыхъ, ихъ суду подлежали по всѣмъ дѣламъ всѣ люди церковные, т.-е. священники, монахи, клирошане, а также нищіе и врачи.

Первые епископы на Руси были иностранцы — греки, не знавшіе русскихъ судебныхъ обычаевъ, а межъ тѣмъ имъ приходилось судить по чисто свѣтскимъ дѣламъ цѣлые разряды людей.

Тогда-то вотъ, для свѣдѣнія иностранцевъ судей, и потребовалось записать судебные обычаи. До этого существовали записи договоровъ съ греками. Первая запись обычныхъ законовъ была сдѣлана, вѣроятно, уже во времена княженія Ярослава, сына Владиміра Святого, поэтому эти первые русскіе записанные законы и называются Ярославовъ судъ, или Русская Правда, т.-е. русскій законъ.

Существуютъ два основныхъ текста Русской Правды — краткій и пространный. Краткій текстъ считался болѣе древнимъ и самостоятельнымъ, нежели пространный. Правда древнѣйшихъ списковъ не дѣлится на статьи; мало того, отдѣльныя предложенія не отдѣлены одно отъ другого никакими знаками препинанія. Самые списки Правды дошли до насъ въ сравнительно очень позднихъ копіяхъ, съ большими описками и ошибками, внесенными переписчиками; повторенія, пропуски, недописки, неясность изложенія — обычны въ спискахъ Правды. Для уразумѣнія текста древнѣйшей Правды ученые разбили его на статьи, руководствуясь смысломъ ихъ. Такихъ статей, или параграфовъ, въ древнѣйшихъ спискахъ

установлено 25. Пространные списки Правды испещрены заголовками, которые написаны въ строку киноварью — красной краской. Статей въ пространной Правдѣ насчитывается до 159 по такъ называемому Троицкому списку конца XV вѣка. Читать Русскую Правду, особенно въ краткой ея редакціи, очень трудно. „Представьте себѣ рукопись,—говоритъ проф. В. И. Сергѣевичъ,—написанную хотя и четко, но со словами не вполнѣ написанными, а подъ титлами, со словами, не отдѣленными одно отъ другого, а поставленными слитно и безъ знаковъ препинанія. Не только слова не отдѣлены другъ отъ друга и придаточныя предложенія отъ главныхъ, но и главныя отъ главныхъ. Гдѣ прекращается мысль автора, что съ чѣмъ слито и что отъ чего отдѣлить — на это нѣтъ ни малѣйшаго намека въ рукописи. Это дѣло самого читателя“.

Снимокъ съ рукописи Русской Правды изъ Кормчей 1280 г.

Списки пространной Правды находятъ въ Кормчихъ, т.-е. спискахъ церковныхъ законовъ, въ „Мѣрилахъ Праведныхъ“ *), въ лѣтописяхъ. Краткая Правда записана только одинъ разъ въ новгородскую лѣтопись. То обстоятельство, что пространная Правда встрѣчается въ Кормчей и Мѣрилѣ Правед-

---

*) Такъ назывались сборники, составлявшіеся въ старину и заключавшіе въ себѣ различныя статьи изъ св. Писанія судебнаго и законодательнаго характера, выписки изъ церковныхъ уставовъ и Русскую Правду; сборники эти надо думать, служили своего рода руководствомъ для старинныхъ судей.

номъ, и свидѣтельствуетъ, кто и зачѣмъ ей пользовался: конечно, духовные судьи при разборѣ свѣтскихъ дѣлъ или тяжебъ. Если бы Русская Правда была офиціальной записью закона, въ нее, конечно, вошли бы статьи о такихъ судебныхъ обычаяхъ, которыя являлись необходимой принадлежностью древняго суда даже въ московское время. Однимъ изъ такихъ обычаевъ было „поле“, т.-е. судебный поединокъ тяжущихся, ихъ драка оружіемъ до смерти или тяжелой раны одного изъ бойцовъ, причемъ побѣдившій и выигрывалъ тяжбу. Объ этомъ обычаѣ у русскихъ знаютъ греки и арабы X вѣка, знаетъ наше преданіе и позднѣйшая судебная практика московскаго времени. Но Правда молчитъ объ этомъ обычаѣ. Дѣло въ томъ, что духовенство всегда возставало противъ этого языческаго обычая; Церковь даже наказывала епитимьей и покаяніемъ поединщиковъ. Понятно, что она не могла въ *свое* судебное руководство включить этотъ осуждаемый ею обычай и присуждать къ нему тяжущихся.

Снимокъ съ рукописи Русской Правды XIII вѣка.

Не найдемъ мы въ Русской Правдѣ и указаній на существованіе пытокъ и смертной казни. Тѣмъ не менѣе, и пытка и смертная казнь были извѣстны нашей древности. Только Церковь, памятуя начала любви и всепрощенія, лежащія въ основѣ ея ученія, не могла самостоятельно прибѣгать къ этимъ

кровавымъ обычаямъ и потому не включила ихъ въ свое судебное руководство. Къ тому же самыя тяжкія преступленія, какъ душегубство и татьбу съ поличнымъ, церковный судъ разбиралъ всегда съ участіемъ княжескаго суда, который, вѣроятно, и произносилъ, когда этого требовалъ обычай, смертный приговоръ. Существовалъ, такимъ образомъ, обычай осужденнаго церковнымъ судомъ предавать въ руки свѣтской власти и свѣтскаго суда, если приговоръ долженъ былъ вести за собой казнь. Въ лѣтописи есть указаніе, что христіанскіе епископы были первые, указавшіе князю Владиміру, только что оставившему язычество, на его право казнить разбойниковъ. Эти разбойники были, вѣроятно, тѣ ненавистники христіанства, которые отказались принять крещеніе и скрылись въ лѣса около Кіева, откуда и повели борьбу съ новокрещенами. Лѣтопись разсказываетъ объ этомъ такъ: „Когда умножились разбои около Кіева, то епископы пришли къ князю Владиміру и сказали ему:

— Вотъ умножились разбойники. Отчего не казнишь ихъ?

Владиміръ отвѣчалъ:

— Боюсь грѣха!

Епископы же сказали ему:

— Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ—на милованіе; слѣдуетъ тебѣ казнить разбойниковъ, но, конечно, испытывая вину ихъ!

Владиміръ отвергъ тогда виры—такъ назывался штрафъ за преступленіе — обычное наказаніе, которое несли по закону русскому преступники, и сталъ казнить ихъ. Но количество послѣдовавшихъ казней испугало и самихъ совѣтчиковъ и вызвало недовольство въ народѣ. Пришли тогда къ князю опять епископы, но уже въ сопровожденіи старцевъ градскихъ и сказали:

— Слишкомъ много смертей; пусть лучше будетъ попрежнему вира!

И Владиміръ сказалъ:

— Пусть такъ будетъ! — и возстановилъ обычай отцовъ и дѣдовъ.

Съ теченіемъ времени обычай забывался, самыхъ обычаевъ накопилось такъ много, что трудно стало держать ихъ въ памяти; было и такъ, что давно возникшіе обычаи не согласовались ни съ позднѣйшими ни съ новыми условіями жизни. При судопроизводствѣ происходила отъ всего этого путаница. Тогда и княжескій судъ началъ пользоваться записями судебныхъ обычаевъ.

Въ дошедшихъ до нашего времени спискахъ Русской Правды, кромѣ записей старинныхъ судебныхъ обычаевъ, находимъ уставы и узаконенія князей кіевскихъ — Ярослава, его сыновей, Владиміра Мономаха.

Князья давали свои уставы, когда возникала въ жизни такая потребность, которую въ судебномъ отношеніи нельзя было подвести ни подъ одинъ обычай. Такъ, напримѣръ, сыновья Ярослава отмѣнили кровную месть — обычай, совершенно не вязавшійся съ утвердившимся уже къ тому времени на Руси христіанствомъ. Отмѣнили они также убійство раба за оскорбленіе свободнаго человѣка. Владиміръ Мономахъ далъ уставъ о взиманіи процентовъ по займамъ, болѣе милостивый къ задолжавшимъ.

Въ Русской Правдѣ всякое дѣло называется „тяжбой“, или „тяжей“. Въ настоящее время то лицо, которое что-либо ищетъ на судѣ, которое вчинаетъ дѣло, называется истецъ, а тотъ, противъ котораго искъ направленъ, которое должно отвѣчать по тому, что съ него ищутъ, называется отвѣтчикомъ. Русская Правда и то и другое лицо называетъ истцомъ, такъ что при чтеніи ея трудно бываетъ иногда понять, объ истцѣ или объ отвѣтчикѣ она говоритъ.

Судъ временъ Русской Правды никогда не начинаетъ судить самъ. Пострадавшій, истецъ, долженъ былъ самъ начать слѣдствіе, собрать свидѣтелей, улики и привлечь отвѣтчика къ суду. Такъ было даже въ случаяхъ убійства. Положимъ, находили около села мертвое тѣло. Если убитый былъ человѣкъ никому неизвѣстный, то никакого слѣдствія и суда не было. Начать судебное дѣло могли только люди, близкіе уби-

тому, его родственники. Родственники убитаго требовали отъ села, или отъ улицы, въ предѣлахъ которой было совершено убійство, помощи для разысканія убійцы. Если село или улица не желали помогать, то платили „дикую виру“, и тѣмъ дѣло кончалось. Но если истцы находили помощь, и находились „видоки“, т.-е. люди, видѣвшіе фактъ убійства, или знавшіе о немъ, то находили обвиняемаго. Обвиняемый со своей стороны искалъ „послуховъ“, свидѣтелей своего добраго поведенія. Затѣмъ всѣ шли на судъ. „Послуховъ“ надо было представить семь человѣкъ. При производствѣ суда случалось, что „видоки“ и „послухи“ „налѣзали“, т.-е. являлись, сами.

Судъ начинался съ того, что повѣрялось слѣдствіе путемъ допроса истца и отвѣтчика, ихъ присяги, поединка, суда Божія между ними путемъ испытанія ихъ желѣзомъ и водой. Въ заключеніе судъ произносилъ приговоръ.

Клятва при присягѣ называлась тогда „ротою“. По договору Олега съ греками извѣстно, что язычники клялись Перуномъ, слагая съ себя щитъ и оружіе. Послѣ утвержденія христіанства присяга заключалась въ цѣлованіи креста и Евангелія при произнесеніи словъ, призывающихъ имя Божіе во свидѣтельство истины. Присягать могъ и истецъ и отвѣтчикъ. Отказъ отъ присяги велъ за собой обвиненіе. Если обѣ стороны шли на присягу, то споръ ихъ долженъ былъ разрѣшиться поединкомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не довольствуясь показаніями „послуховъ“, тогдашній судъ часто прибѣгалъ къ такимъ мѣрамъ, какъ испытаніе огнемъ или водою. Состояло это испытаніе въ томъ, что обвиняемый, но не сознающійся въ своей винѣ человѣкъ, долженъ былъ взять голыми руками изъ огня кусокъ раскаленнаго желѣза, или изъ котла съ кипящей водой вынуть камешекъ. Если рука оставалась невредимой — обвиняемаго оправдывали. Для рѣшенія спора между двумя сторонами, когда ни одна не хотѣла уступить, а показанія свидѣтелей разнились, прибѣгали къ жребію. Жеребья клались въ опредѣленномъ мѣстѣ, и

слѣпецъ долженъ былъ взять одинъ изъ нихъ. Оправдывали того, чей жребій попадался подъ руку слѣпому.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у кого-нибудь украли какую-либо вещь, и обокраденный находилъ ее у другого лица, а это лицо утверждало, что купило эту вещь у третьяго собственникъ вещи вмѣстѣ съ тѣмъ, у кого онъ находилъ ее, шелъ къ тому, у кого держатель вещи купилъ ее, если этотъ продавецъ купилъ ее еще у кого-нибудь, то шли втроемъ къ тому, у кого она была куплена продавцомъ, и т. д. до тѣхъ поръ, пока не находили вора. Это хожденіе со двора во дворъ называлось „сводомъ“. Обокраденный долженъ былъ производить его до суда, самъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ полагалось посаднику дать потерпѣвшему на помощь при сводѣ „отрока“, т.-е. полицейскаго солдата, низшаго служителя при посадникѣ.

Исполненіе приговора часто принадлежало торжествующей сторонѣ: обиженный холопомъ свободный человѣкъ могъ „бити его развязавше“, несостоятельнаго должника кредиторъ прямо съ суда самъ уводилъ къ себѣ домой, или велъ на торгъ для продажи, спорную вещь собственникъ самъ бралъ у отвѣтчика.

Главное содержаніе Русской Правды составляетъ опредѣленіе дѣяній, которыми одно лицо причиняетъ другому вредъ физическій или матеріальный. За нѣкоторыя изъ этихъ дѣяній законъ полагаетъ лишь вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, за другія, сверхъ того, еще и правительственную кару со стороны князя.

Русская Правда различаетъ право уголовное и право гражданское.

Вообще всѣ судебныя дѣла можно раздѣлить на два разряда: 1) дѣла гражданскія и 2) дѣла уголовныя. Гражданскія дѣла это тѣ, гдѣ разбираются споры двухъ сторонъ изъ-за чего-либо, напримѣръ, изъ-за наслѣдства, изъ-за имущества и т. п. Въ гражданскомъ дѣлѣ нѣтъ преступника или обвиняемаго, а есть только спорящіе изъ-за права. Въ уголовныхъ дѣлахъ разбираются поступки лица, причинившаго вредъ окружающимъ. Напримѣръ, убійство, составленіе подлож-

наго духовнаго завѣщанія, кража, — все это будутъ дѣла уголовныя. Въ уголовномъ дѣлѣ есть преступникъ и потерпѣвшій. Дѣло суда — покарать преступника въ возмездіе за зло, причиненное имъ. Въ гражданскомъ дѣлѣ судъ никого не караетъ, а только разбираетъ тяжбу и взыскиваетъ развѣ только судебныя издержки съ неправой стороны.

Новгородскія гривны.

Штрафъ, который уплачивается по Русской Правдѣ преступникомъ князю, назывался „вирой“. Та сумма, которую преступникъ платилъ потерпѣвшему отъ причиненнаго зла, носила названіе „головничества“.

Штрафъ взимался тогдашними деньгами — гривнами кунъ. Гривной кунъ назывался слитокъ серебра различной формы, обыкновенно продолговатой и сплющенной. Гривна кунъ раздѣлялась на 20 ногатъ, на 25 кунъ, на 50 рѣзанъ; рѣзана дѣ-

лилась на векши — на сколько именно, точно, неизвѣстно Слово „гривна“ значитъ фунтъ, а слово „куны“ — деньги. Въ разное время, сообразно тому дешево или дорого на Руси было серебро, гривна кунъ имѣла не одинаковый вѣсъ. Въ X вѣкѣ она равнялась приблизительно 1/3 фунта, въ XI и началѣ XII она вѣсила даже 1/2 фунта, а къ концу XII и въ XIII уже только 1/4 фунта. Серебро на Русь притекало путемъ торговли. X и XI вѣка являются расцвѣтомъ торговли Руси, и поэтому серебра было много, и гривна кунъ вѣсила 1/2 фунта. По мѣрѣ того, какъ торговля падала, привозъ серебра становился меньше, оно дорожало и за 1/4 фунта его стало возможнымъ покупать столько, за что прежде платили полфунта. Другими словами, тотъ, кто въ XIII вѣкѣ продаетъ за серебро опредѣленное количество своего товара, получаетъ за него меньше серебра, чѣмъ давали за это же количество этого же товара въ XI вѣкѣ.

Въ Русской Правдѣ точно и аккуратно расцѣнено, когда и сколько долженъ платить обвиненный или неправый. Вира за убійство, напримѣръ, была троякая: двойная, равнявшаяся 80 гривнамъ, шедшая за убійство „княжа мужа“, простая — въ 40 гривенъ—за убійство простого свободнаго человѣка, и половинная — за убійство женщины, а также за отсѣченіе руки, ноги, носа. Головничество не было опредѣлено такъ послѣдовательно; убившій „княжа мужа“ платилъ его родственникамъ двойную виру, родственникамъ же убитаго смерда, т.-е. земледѣльца, уплачивалось всего 5 гривенъ. Если преступникъ скрывался, то виру должна была уплачивать за него вся община, членомъ которой онъ былъ, т.-е. все село, или, если это былъ горожанинъ, вся улица, гдѣ жилъ убійца. Такой штрафъ назывался „дикая вира“.

Конокрадство и поджогъ карались „потокомъ и разграбленіемъ“. Это значитъ, что преступника выгоняли изъ села или изъ города и отымали у него имущество. За всѣ прочія преступленія законъ наказывалъ „продажею“ въ пользу князя и „урокомъ за обиду“ въ пользу потерпѣвшаго.

Такъ въ Русской Правдѣ оцѣнено и переведено на деньги всякое преступное дѣяніе. Оцѣнивая назначаемыя по Русской Правдѣ наказанія проф. В. О. Ключевскій говоритъ, что хотя Русская Правда и умѣетъ отличать обиду, причиненную лицу, отъ ущерба причиненнаго его имуществу, но и личную обиду разсматриваетъ преимущественно съ точки зрѣнія хозяйственнаго ущерба. Она строже наказываетъ за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, потому что въ первомъ случаѣ потерпѣвшій становился менѣе способнымъ къ труду, т.-е. къ пріобрѣтенію имущества. Смотря на преступленія преимущественно, какъ на хозяйственный вредъ, Правда и карала за нихъ возмездіемъ, соотвѣтствующимъ тому матеріальному ущербу, какой они причиняли. Когда господствовала родовая месть, возмездіе держалось на правилѣ: жизнь за жизнь, зубъ за зубъ. Потомъ возмездіе перенесено было на другое основаніе, которое можно выразить словами: гривна за гривну, рубль за рубль. Это основаніе и было послѣдовательно проведено въ системѣ наказаній по Русской Правдѣ. Правда не заботится ни о предупрежденіи преступленій ни объ исправленіи преступной воли. Она имѣетъ въ виду лишь непосредственныя матеріальныя послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника матеріальнымъ же, имущественнымъ убыткомъ. Законъ какъ будто говоритъ преступнику: „Бей, воруй, сколько хочешь, только за все плати исправно по таксѣ“.

Понятія о преступленіи, какъ о грѣхѣ, не только передъ людьми, но и предъ Богомъ, заботы объ исправленіи преступника наказаніемъ — нѣтъ въ Русской Правдѣ. Она вся еще проникнута вѣрованіями и представленіями людей нехристіанъ, язычниковъ, и очень отчетливо отмѣтилась въ ней та жестокость, сухость, какую сообщала тогдашнему язычнику его бурная, опасная жизнь и дѣятельность.

Человѣкъ могъ тогда существовать, если только былъ хорошо вооруженъ, если у него было много имущества, которымъ онъ жилъ и торговалъ; и по Русской Правдѣ имуще-

ство человѣка цѣнится дороже его здоровья и безопасности. Одна пеня, напримѣръ, въ 3 гривны кунъ и одно головничество въ 1 гривну грозитъ и за отсѣченіе пальца и за покражу охотничьяго пса на мѣстѣ лова. Произведеніе труда для Правды важнѣе рабочей силы человѣка. Поэтому имущественная безопасность, цѣлость капитала, неприкосновенность собственности обезпечиваются въ Правдѣ личностью человѣка. Если купецъ, торговавшій въ кредитъ, дѣлался несостоятельнымъ по своей винѣ, то кредиторы могли продать его въ рабство. Наемный сельскій рабочій, получившій при наймѣ отъ хозяина ссуду и обязавшійся за нее работать на хозяина, терялъ личную свободу и превращался въ раба, полнаго холопа, за попытку убѣжать отъ хозяина не расплатившись.

Все раздѣленіе людей, составъ общества, какъ онъ отражается въ Правдѣ, опредѣляется ею по имущественной состоятельности лицъ. По отношенію къ князю Правда дѣлитъ все общество на два слоя: на княжихъ мужей и людей. „Княжими мужами“ Правда называетъ тѣхъ, кто служитъ князю, составляетъ его дружину. Это были военные люди — офицеры и солдаты, которые дрались съ врагомъ плечо-о-плечо со своимъ княземъ и помогали ему во всѣхъ дѣлахъ его княженія. За это они получали жалованье и полное содержаніе отъ князя. „Людьми“ Правда называетъ всѣхъ свободныхъ жителей селъ и городовъ. Люди несвободные, рабы, называются въ Правдѣ холопами. По Русской Правдѣ холоповъ не всегда даже можно счесть за людей; Правда относится къ нимъ какъ къ вещамъ или рабочей силѣ, находящейся въ полномъ распоряженіи хозяина. За убійство холопа Правда требуетъ не виры и головничества, а „продажи“ въ пользу князя и „урока“ въ пользу хозяина, какъ за порчу чужой вещи. Если же убійцей холопа былъ его хозяинъ, то онъ не несъ никакого наказанія, кромѣ церковнаго покаянія.

По имущественному различію Русская Правда различаетъ бояръ, смердовъ и наймитовъ, или ролейныхъ закуповъ. Боя-

риномъ Русская Правда называетъ богатаго землевладѣльца, обладающаго большими количествами пахотной земли и лѣсныхъ угодій. Это значитъ, что обладатель большого денежнаго капитала захватывалъ для пользованія большія пространства земли, и подчиненные ему люди, его рабы использовывали эти земли въ интересахъ своего хозяина. Такіе бояре выходили и изъ среды княжескихъ дружинниковъ и изъ среды богатыхъ горожанъ, которые руководили городскимъ вѣчемъ и имѣли вѣскій голосъ на совѣщаніяхъ князя съ дружиной. Но уже и тогда бояриномъ называютъ преимущественно служилаго человѣка — „княжа мужа". Смердами Русская Правда называетъ людей, которые обрабатывали землю отъ себя, а наймитами, или ролейными закупами, она называетъ тѣхъ земледѣльцевъ, которые селились на земляхъ, занятыхъ другими, брали у собственниковъ земли ссуду на ея обработку и обязывались уплачивать свой долгъ какъ трудомъ, такъ и натурой. Это были полусвободные люди, которыхъ извѣстный хозяйственный неуспѣхъ легко превращалъ въ холоповъ. Хозяинъ могъ тѣлесно наказывать наймита, на судѣ свидѣтельство наймита принималось лишь въ очень незначительныхъ случаяхъ, даже за нѣкоторыя преступленія, за кражу, напримѣръ, наймитъ отвѣчалъ не самъ, и пеню за него платилъ хозяинъ, въ полнаго холопа котораго наймитъ послѣ этого превращался.

Особенно тонко и отчетливо разработаны въ Правдѣ статьи, касающіяся различныхъ имущественныхъ сдѣлокъ и обязательствъ. „Правда, — говоритъ проф. В. О. Ключевскій, — строго отличаетъ отдачу имущества на храненіе — „поклажу" отъ „займа"; простой заемъ, одолженіе по дружбѣ, отъ отдачи денегъ въ ростъ изъ опредѣленнаго условленнаго процента, процентный заемъ краткосрочный отъ долгосрочнаго, и, наконецъ, заемъ — отъ торговой комиссіи и вклада въ торговое компанейское предпріятіе изъ неопредѣленнаго барыша или дивиденда. Правда даетъ далѣе опредѣленный порядокъ взысканія долговъ съ несостоятельнаго должника при ликвидаціи

его дѣлъ, умѣетъ различать несостоятельность злостную отъ несчастной! Что такое торговый кредитъ и операція въ кредитъ — хорошо извѣстно Русской Правдѣ. Гости, иногородные или иноземные купцы „запускали товаръ“ за купцовъ туземныхъ, т.-е. продавали имъ въ долгъ. Купецъ давалъ гостю, купцу-земляку, торговавшему съ другими городами или землями, „куны въ куплю“, т.-е. на комиссію для закупки ему товара на сторонѣ; капиталистъ ввѣрялъ купцу „куны въ гостьбу“, т.-е. для оборота изъ барыша“.

Такимъ образомъ Русская Правда является выраженіемъ и отраженіемъ такихъ интересовъ, которые могли выработаться въ обществѣ, главнымъ занятіемъ котораго является торговля. Въ Правдѣ все переведено на деньги, за преступленія она наказываетъ денежными взысканіями, самое преступленіе разсматривается ею только какъ хозяйственный ущербъ, который виноватый долженъ возмѣстить. Сложиться такія законодательныя постановленія, очевидно, могли только въ большомъ торговомъ городѣ, всѣ интересы жителей котораго являются такъ или иначе связанными съ торговлей *).

---

*) Составл. по соч.: *Н. Л. Дювернуа,* „Источники права и судъ въ древней Россіи“; *М. Ф. Владимирскій-Будановъ,* „Обзоръ исторіи русскаго права“; *В. О. Ключевскій,* „Курсъ русской исторіи“, ч. I; *В. И. Сергѣевичъ,* „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“, т. I. Заставка со списка Русской Правды XIII в.

Княжескія усобицы.

Въ лѣтописи подъ 6562 годомъ отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова подъ 1054, читаемъ: „Преставися великый князь русьскый Ярославъ“. Далѣе лѣтопись повѣствуетъ, какъ Ярославъ, лежа на смертномъ одрѣ, призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и сказалъ имъ: „Вотъ я отхожу отъ этого міра, дѣти мои! Любите другъ друга: вѣдь вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами; Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ вашихъ, и будете вы жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ,

которую пріобрѣли они трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, заботясь другъ о другѣ. Свой столъ—Кіевъ— поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались: пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня; Святославу поручаю Черниговъ, Всеволоду — Переяславль"... Поручивши остальныя волости другимъ сыновьямъ, Ярославъ наказалъ имъ не выступать

Славяно-русскіе воины X—XI вв.

изъ предѣловъ назначенныхъ имъ областей, а потомъ, обратясь къ старшему сыну, Изяславу, прибавилъ: „Если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному!"

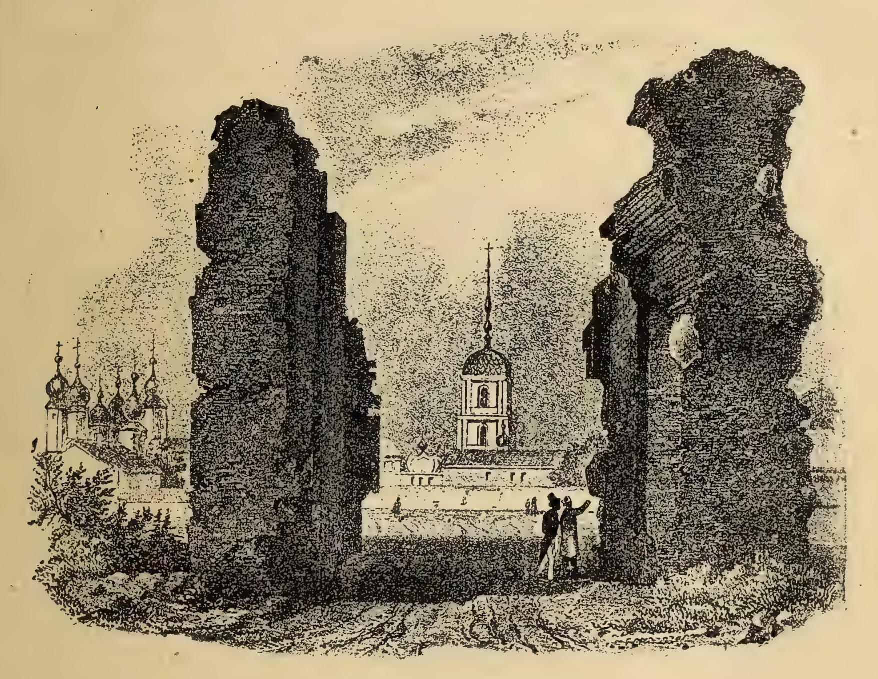
Трудно сказать, какой порядокъ княжескаго владѣнія существовалъ на Руси до Ярослава. Родоначальникъ русскихъ князей—Рюрикъ—былъ призванъ княжить вмѣсѣ съ братьями „съ родомъ своимъ". Кажется, это начало—княженіе родомъ— и легло изстари въ основу княжескаго владѣнія на Руси кіев-

скихъ временъ. Какъ скоро у князя подрастало нѣсколько сыновей, то каждый изъ нихъ получалъ отъ отца какую-нибудь волость въ княженіе. Святославъ, оставшійся послѣ отца своего Игоря малолѣтнимъ, еще при жизни его уже княжилъ въ Новгородѣ. Самъ Святославъ, собираясь въ походъ противъ болгаръ, роздалъ волости тремъ своимъ сыновьямъ въ княженіе. Сыновья Владиміра Святого тоже получили отъ отца волости. Можно подмѣтить, что и послѣ смерти отца извѣстная зависимость младшихъ отъ старшихъ не нарушалась. Когда по смерти Владиміра Святого дружина стала совѣтовать одному изъ младшихъ князей св. Борису занять Кіевскій столъ помимо старшаго его брата Святополка, то Борисъ отвѣчалъ: „Не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то сь ми буди въ отца мѣсто“.

Ярославъ былъ послѣднимъ „самовластцемъ Рустѣй земли“, державшимъ „власть русскую всю“. По смерти его единовластіе болѣе уже не повторяется, потому что родъ Ярослава размножается все болѣе и болѣе, и княжеская власть въ Русской землѣ постоянно дѣлится и передѣляется между подрастающими князьями. Въ этихъ безконечныхъ передѣлахъ можно установить существованіе извѣстнаго порядка, на основѣ котораго эти передѣлы происходили. Порядокъ этотъ основывался на „родствѣ“ князей, на ихъ общемъ происхожденіи отъ одного родоначальника и устраивался на степени старшинства князей по отношенію къ родоначальнику. Такимъ образомъ, можно представить себѣ, что князья потомки Рюрика княжили въ Русской землѣ всѣмъ родомъ, имѣя старшаго во главѣ. Всѣ вмѣстѣ, цѣлымъ родомъ, охраняли они Русскую землю отъ ея враговъ; всѣ одинаково „творили судъ и правду людемъ“. При жизни отца, сыновья его сидѣли князьями въ главныхъ городахъ земли. Когда князь-отецъ, старшій во всемъ княжескомъ родѣ, умиралъ, на его мѣсто становился слѣдующій по старшинству князь. Онъ становился для всѣхъ „въ отца мѣсто“. Какъ отецъ, старшій князь долженъ былъ блюсти выгоды всего рода, думать и

гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей. „А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, — говорили младшіе князья, обращаясь къ старшему,—а думай, гадай о Русской землѣ, и о своей чести, и о нашей!“

Старшій князь судилъ и наказывалъ младшихъ, наблюдалъ, чтобы каждый князь сидѣлъ въ своемъ городѣ и не зарился

Золотыя ворота въ Кіевѣ.

на братнее добро; старшій князь заботился объ осиротѣлыхъ семьяхъ князей, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ и женилъ сиротъ сыновей.

Младшіе князья должны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ „въ правду“, „ходить въ его волѣ“, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда старшій велитъ.

Младшій князь, какъ тогда говорили, „ѣздилъ подлѣ стремѣни старшаго“, „былъ въ его волѣ“, „смотрѣлъ“ на него. „Нынѣ, отче, кланяютися, прими мя, яко сына своего... тако же и мене, — говорилъ младшій, обращаясь къ старшему, — оть ѣздить (сынъ твой) подлѣ твой стремень по одной сторонѣ тобѣ, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣждю всими своими полкы“.

Но если младшій долженъ былъ имѣть старшаго отцомъ „въ правду“ и слушаться его, какъ отца, то и старшій былъ обязанъ любить младшаго, какъ сына, „имѣть весь родъ, какъ душу свою“.

Пока была крѣпка эта родовая связь князей, они дружно княжили „за одинъ“ и слушались старшаго, но какъ только довѣріе и любовь къ старшему исчезали, младшіе говорили ему: „Ты намъ братъ старшій, но если ты насъ обижаешь, то мы сами будемъ искать (правду)“. Разъ старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ ихъ городовъ и итти, куда хотятъ. Тогда младшіе послали сказать старшему: „Ты насъ гонишь изъ Русской земли безъ нашей вины... Мы до сихъ поръ чтили тебя, какъ отца, по любви, но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ простымъ людямъ, то дѣлай, какъ знаешь, а Богъ за всѣхъ“... и подняли оружіе на старшаго.

Вообще же старшій не предпринималъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись съ младшими, если не со всѣми, то съ ближайшими къ нему по старшинству.

Обыкновенно, сдѣлавшись старшимъ, князь „дѣлалъ рядъ“ съ младшими о томъ, кому въ какомъ городѣ сидѣть. Дѣла, касавшіяся всѣхъ князей, какія-либо предпріятія сообща, обсуждались князьями предварительно на съѣздахъ, которые созывались старѣйшимъ, и тутъ уже старшій князь былъ скорѣе предсѣдателемъ съѣзда, и всѣ дѣла вершились съ общаго согласія.

Старѣйшій въ княжескомъ родѣ князь назывался великимъ. Слово великій значило въ то время — старшій.

Шлемъ XIV в.

Шлемъ отъ X — XIII в., найденный въ Кіевѣ на берегу Днѣпра.

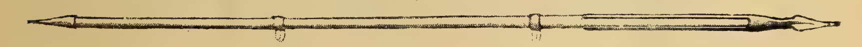
Мисюрка XIII в., найденная въ Подольской губ.

Кольчуга XII в., найденная въ Подольскѣ.

Мечъ X вѣка.

Лукъ отъ X — XIV в.

Сулица отъ XII в., найденная въ окрестностяхъ Кіева.

Воинскіе доспѣхи отъ X — XIV вѣка, хранящіеся въ Арх. музеѣ Кіевскаго университета.

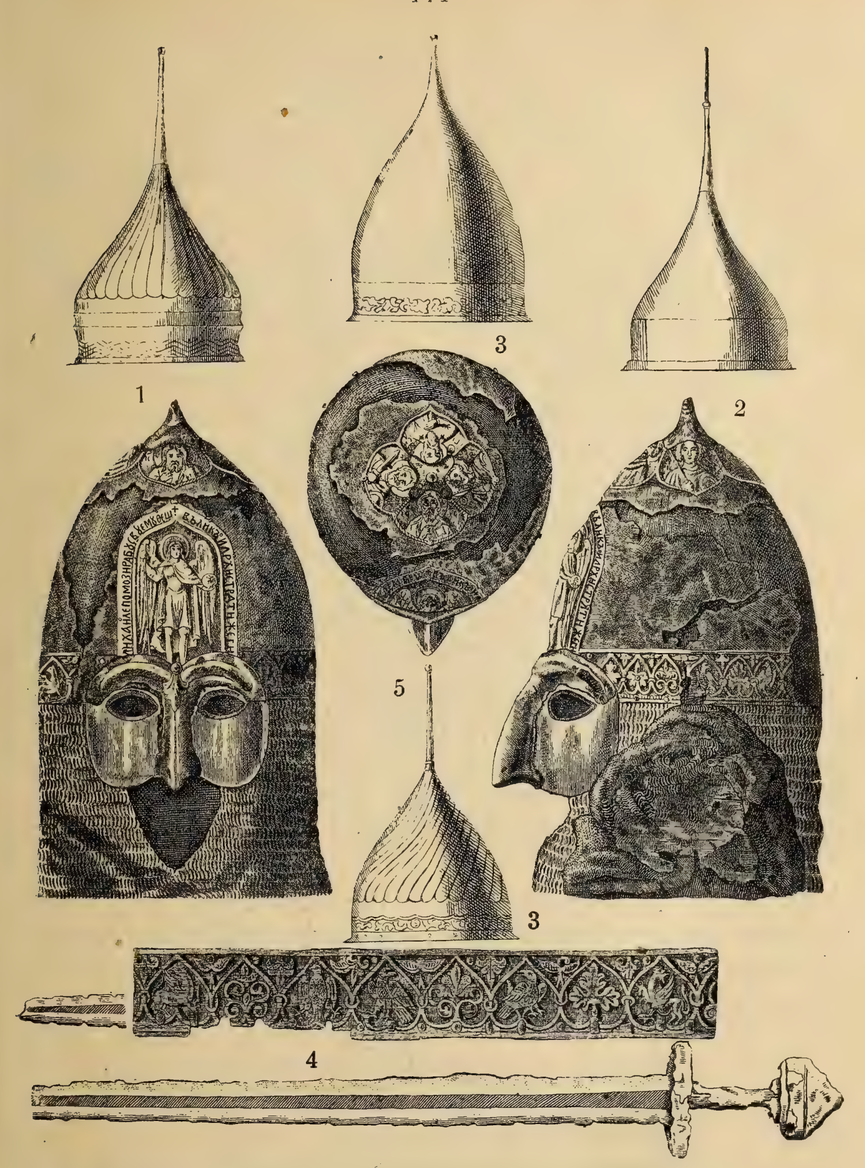
Для расчета старшинства среди князей существовалъ цѣлый рядъ точно опредѣленныхъ правилъ. Такъ дядя считался старше племянниковъ, старшій братъ старше младшихъ, тесть старше зятя, мужъ старшей сестры старше младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ старше младшихъ зятьевъ и т. д.

Когда великій князь-отецъ умиралъ, то старшій его сынъ заступалъ мѣсто отца, становился великимъ княземъ только въ томъ случаѣ, если у покойнаго не оставалось въ живыхъ брата. Но все же сыновья умершаго великаго князя становились выше своихъ двоюродныхъ братьевъ, считались братьями своихъ дядей, переходили въ высшій рядъ въ родѣ, переходили какъ бы изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было больше дѣда, и старшина рода — великій князь — былъ имъ отцомъ; дядья такъ и зовутъ своихъ старшихъ племянниковъ—братьями.

Дѣти младшихъ братьевъ покойнаго великаго князя, двоюродные братья его сыновей, оставались попрежнему на степени внуковъ, потому что надъ ними попрежнему стояли двѣ степени: 1) старшій въ родѣ, ихъ старшій дядя, который, какъ великій князь, считается отцомъ ихъ отцовъ, и 2) ихъ собственные отцы.

Такимъ образомъ, мало-по-малу всѣ молодые князья черезъ старшинство своихъ отцовъ сами приближались къ старшинству въ родѣ и достигали великаго княженія.

Но если какой-нибудь князь умиралъ раньше, чѣмъ до него доходила очередь сдѣлаться старшимъ въ родѣ, великимъ княземъ, то дѣти такого князя оставались навсегда въ степени внуковъ. Какихъ бы почтенныхъ лѣтъ ни достигъ такой князь, отецъ котораго умеръ, не бывши великимъ княземъ, надъ нимъ все равно всегда стояли двѣ степени родства: его дядя, братъ покойнаго отца, который, ставъ великимъ княземъ, дѣлался „въ отца мѣсто“ своему осиротѣлому племяннику, и сыновья великаго князя, племянники по родству осиротѣлому князю, которые становились теперь какъ бы его дядями. Дѣти же этихъ сыновей, внуки великаго князя, по

1, 2, 3. Шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича (1216 г). 4. Древній желѣзный мечъ. 5. Древніе шлемы.

степени княжескаго старшинства оказывались на одной ступени съ преждевременно осиротѣлымъ княземъ.

При этихъ условіяхъ такіе князья — сыновья отцовъ, умершихъ не на великомъ княженіи, — никогда не могли достичь старѣйшинства и выпадали изъ рода, становились, какъ тогда говорили, „изгоями".

Такой порядокъ восхожденія до великокняжескаго стола по старшинству принято называть очереднымъ, или лѣствичнымъ восхожденіемъ (отъ слова лѣствица", т.-е. лѣстница).

Такъ, всѣмъ родомъ и княжили потомки Рюрика въ Русской землѣ тѣхъ временъ.

По смерти старшаго князья не раздѣлялись между собой разъ навсегда и не передавали своимъ дѣтямъ доставшихся имъ областей. По смерти старшаго они, по очереди старшинства, передвигались изъ одной волости въ другую. Для этого всѣ города были раздѣлены по степенямъ ихъ доходности и населенности, и каждой степени родового старѣйшинства соотвѣтствовала своя волость.

Старѣйшій въ родѣ, великій князь, всегда сидѣлъ въ самомъ обширномъ и богатомъ городѣ тогдашней Руси — въ Кіевѣ. Отъ него же обыкновенно зависѣлъ и верхній конецъ великаго воднаго пути — Новгородъ. Кажется, было въ обычаѣ, что великій князь посылалъ княжить въ Новгородъ своего старшаго сына.

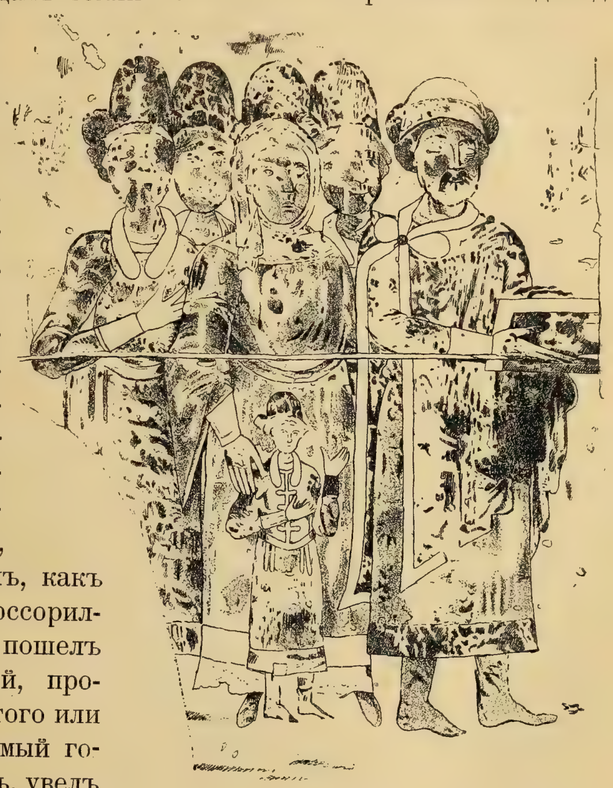
Когда умиралъ старшій въ родѣ, великій князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, на его мѣсто долженъ былъ перейти слѣдовавшій за нимъ по старшинству князь, княжившій во второмъ по значенію и доходности городѣ страны. Такимъ вторымъ городомъ долгое время считался Черниговъ.

На мѣсто второго долженъ былъ передвинуться третій по старшинству князь, княжившій до того въ третьемъ по богатству и доходности городѣ и т. д.

Такимъ образомъ существовало требованіе, чтобы всякій князь, подымаясь на одну ступень выше по лѣствицѣ родового

старшинства, получалъ и болѣе богатый городъ, соотвѣтствовавшій этой степени старшинства.

Этотъ порядокъ княженія всѣмъ родомъ и размѣщенія князей въ городахъ земли по степени старшинства и доходности городовъ въ концѣ концовъ, съ ростомъ княжескаго рода и измѣненія доходности городовъ, привелъ къ большой запутанности княжескихъ отношеній въ кіевское время. Читая разсказы лѣтописи о событіяхъ X—XIII вв., только и узнаемъ, какъ одинъ князь поссорился съ другимъ, пошелъ на него войной, прогналъ его изъ того или иного города, самый городъ разграбилъ, увелъ множество плѣнныхъ, не оставивъ въ городѣ „ни челядины ни скотины", самъ сѣлъ на мѣсто выгнаннаго, но тотъ воротился съ другими князьями, выгналъ, въ свою очередь, обидчика, взялъ его въ плѣнъ и ослѣпилъ или подослалъ къ нему убійцу. Вотъ событія, которыя наполняютъ исторію Русской земли тѣхъ временъ.

Изображеніе семейства великаго князя Святослава Ярославовича. Изъ Сборника 1073 г.

Чтобы лучше понять причину этихъ кровавыхъ княжескихъ усобицъ, при господствѣ которыхъ Русская земля все же оставалась единой и нераздѣльной, надо посмотрѣть, что произошло на Руси по смерти Ярослава.

Сыновья его по смерти отца размѣстились по городамъ, какъ указалъ имъ отецъ. Старшій—Изяславъ—сталъ княжить въ Кіевѣ и Новгородѣ. Въ его рукахъ очутились, такимъ образомъ, оба конца великаго воднаго пути, а, слѣдовательно, и всѣ нити русской торговли. Это дѣлало Изяслава самымъ богатымъ и могущественнымъ изъ князей и позволяло ему съ честью держать свое старшинство.

Второй сынъ Ярослава—Святославъ—занялъ второй по достоинству городъ — Черниговъ. Третій Ярославичъ — Всеволодъ — сталъ княжить въ Переяславлѣ. Четвертый — Вячеславъ — въ Смоленскѣ. Пятый — Игорь — во Владимірѣ-Волынскомъ.

Кромѣ сыновей, у Ярослава былъ еще внукъ Ростиславъ, сынъ старшаго его сына Владиміра, умершаго еще при жизни Ярослава. Ростиславъ, въ силу того, что его отецъ умеръ, не бывши великимъ княземъ, становился изгоемъ, выпадалъ изъ лѣствицы старшинства и не могъ занять ни одного города. Но Ростиславъ, воинственный и предпріимчивый князь, захотѣлъ пересилить свою долю—собралъ дружину, бросился на Тмутаракань (у Азовскаго моря), захватилъ этотъ городъ и остался тамъ княжить. Въ это же время другой изгой, полоцкій князь Всеславъ *), напалъ на Новгородъ, разграбилъ городъ, снялъ даже колокола съ храма св. Софіи. Еле одолѣли старшіе князья Всеслава, потому что онъ былъ опытный и храбрый воинъ. Обманомъ взяли его въ плѣнъ и посадили въ Кіевѣ въ тюрьму.

На время все успокоилось. Какъ вдругъ въ степяхъ появились тучи новыхъ кочевниковъ — половцевъ, и начались ихъ опустошительные набѣги на предѣлы Русской земли.

---

*) Внукъ Владиміра Святого и Рогнѣды.

Въ 1068 году половцы разбили русскихъ князей и разсыпались по всей южной Руси, неся всюду огонь, смерть, гибель. Князья затворились по городамъ. Кіевляне потребовали у великаго князя Изяслава коней и оружія, говоря:

— Половцы разсѣялись по землѣ; дай намъ, князь, оружіе и коней, хотимъ еще биться съ ними!

Изяславъ заупрямился. Тогда вѣче зашумѣло, закричали, что не надо князя Изяслава, пусть Всеславъ будетъ княземъ. Кіевляне освободили изъ темницы Всеслава, а Изяславъ убѣжалъ. Межъ тѣмъ половцы, опустошая Русь, дошли уже до Чернигова. Здѣсь ихъ встрѣтилъ Святославъ, князь черниговскій, и разбилъ. Половцы бѣжали въ степь, земля очистилась, и Изяславъ опять могъ вернуться въ Кіевъ по приглашенію самихъ кіевлянъ. Сѣвъ опять на княженіе, Изяславъ сталъ жестоко мстить всѣмъ, кто способствовалъ удаленію его изъ Кіева.

Одежда XI вѣка.
Реставрація по изображенію въ Сборникѣ 1073 г.

Въ народѣ поднялся ропотъ на великаго князя Изяслава; съ братьями — Святославомъ и Всеволодомъ — онъ тоже разссорился, и кончилось дѣло тѣмъ, что ему снова пришлось покинуть Кіевъ, и на этотъ разъ уже надолго. Изяславъ бѣжалъ за границу, и всѣ думали, что онъ пропалъ безъ вѣсти, погибъ. Его мѣсто въ Кіевѣ занялъ тогда слѣдовавшій за нимъ по старшинству братъ, Святославъ черниговскій. Святославъ и прокняжилъ въ Кіевѣ до своей смерти.

По смерти Святослава вернулся Изяславъ и опять сталъ великимъ княземъ. Въ 1054 году Изяславъ погибъ въ борьбѣ съ племянниками своими, сыновьями Святослава, и великимъ княземъ сдѣлался третій сынъ Ярослава — Всеволодъ.

Всеволодъ былъ послѣднимъ, оставшимся въ живыхъ изъ сыновей Ярослава. Вторымъ по старшинству слѣдовалъ за нимъ старшій изъ *внуковъ* Ярослава, т.-е. сынъ Изяслава — Святополкъ. Всеволодъ послалъ его княжить въ Новгородъ, а въ Черниговѣ посадилъ сына своего Владиміра, прозваннаго Мономахомъ, третьяго по старшинству внука Ярослава. Второй же по старшинству внукъ — старшій сынъ Святослава, остался безъ города. Всеволодъ счелъ его изгоемъ и не хотѣлъ дать ему Чернигова. Всеволодъ припомнилъ, что Святославъ занялъ кіевскій столъ при жизни старшаго брата, котораго онъ же и прогналъ, занялъ великое княженіе, значитъ, незаконно и умеръ раньше старшаго брата. Слѣдовательно, если бы Изяславу не пришлось покинуть Кіева, Святославъ никогда не попалъ бы на кіевскій столъ, не сдѣлался бы великимъ княземъ, и тогда дѣти его были бы несомнѣнными изгоями. На этомъ-то основаніи Всеволодъ и не далъ Чернигова старшему сыну Святослава.

Но въ такомъ поступкѣ Всеволода было много спорнаго, особенно не могли согласиться съ нимъ сыновья Святослава. Вѣдь ихъ отецъ сѣлъ въ Кіевѣ и сталъ великимъ княземъ потому, что Изяслава не было, онъ убѣжалъ, и одно время всѣ думали, что онъ погибъ. Если бы Изяславъ былъ въ то

время налицо, Святославъ, можетъ-быть, и не сѣлъ бы на кіевскомъ столѣ. Тогда бы онъ и умеръ, не побывавъ великимъ княземъ, и сыновья его, дѣйствительно, выпали бы изъ родовой лѣствицы, стали бы изгоями, но теперь, когда ихъ отецъ сидѣлъ въ Кіевѣ и считался до самой смерти великимъ княземъ, Святославичи не хотѣли признавать себя изгоями и заявили свои права на старшинство передъ сыномъ Всеволода—Владиміромъ Мономахомъ.

Одежда князей и зажиточныхъ людей XI вѣка.
Реставрація по изображенію въ Сборникѣ 1073 г.

При жизни Всеволода Святославичи не рисковали поддерживать свои притязанія оружіемъ, но когда Всеволодъ умеръ, они стали смѣлѣе.

По смерти Всеволода великимъ княземъ сталъ старшій внукъ Ярослава, сынъ Изяслава, Святополкъ, княжившій до того въ Новгородѣ. Онъ и занялъ кіевскій столъ, въ Черниговѣ же остался Владиміръ Мономахъ. Вотъ тутъ-то Святославичи, считая себя старше Всеволодовича Мономаха, потребовали, чтобы въ Черниговѣ сѣлъ старшій сынъ Святослава, а Владиміръ Мономахъ занялъ бы менѣе важный городъ.

Началась распря. Спорами князей воспользовались прежде всего половцы, нагрянули изъ своихъ степей и стали жечь и грабить Русскую землю. Поднялись и князья-изгои, сыновья младшихъ сыновей Ярослава, которые перемерли раньше своихъ старшихъ братьевъ, не достигши великаго княженія. Въ свое время Всеволодъ успокоилъ ихъ тѣмъ, что далъ имъ небольшіе города, теперь они потребовали большаго.

Поднялась всюду война и не было порядка. Великій князь Святополкъ былъ человѣкъ слабый и безхарактерный; его никто не слушался, а онъ еще больше ронялъ себя во мнѣніи младшихъ князей, постоянно вмѣшиваясь въ ихъ взаимныя дрязги, и держалъ слишкомъ явно сторону однихъ противъ другихъ, руководствуясь корыстью да личными расчетами.

Послѣ смуты, длившейся четыре года, князья рѣшили, наконецъ, покончить всѣ распри миромъ, уладивъ все съ общаго согласія. Ради этого всѣ спорившіе съѣхались въ городѣ Любечѣ (1097 г.).

— Зачѣмъ губимъ Русскую землю, поднимая сами на себя вражду?—говорили князья.—А половцы землю нашу разоряютъ и рады, что между нами идутъ усобицы. Станемъ же теперь, съ этихъ поръ, жить въ одно сердце и блюсти Русскую землю.

На съѣздѣ князья прежде всего признали права Святославичей на старшинство передъ Мономахомъ и отдали Черниговское княженіе старшему Святославичу. За князьями-изгоями утвердили данныя имъ еще Всеволодомъ города на Волыни. Уладившись, князья цѣловали крестъ блюсти уговоръ.

— Если теперь кто-нибудь изъ насъ подыметъ оружіе на другого, — говорили они, — то мы всѣ встанемъ на зачинщика, и крестъ честной будетъ на него же.

Всѣ повторили:

— Крестъ честной на зачинщика и вся земля Русская!

Затѣмъ князья братски перецѣловались и разъѣхались по своимъ княженіямъ.

Миръ длился недолго. Одному изъ князей-изгоевъ—Давиду—показалось, что другой князь-изгой, Василько, не только по-

лучилъ лучшую волость, но еще думаетъ присвоить себѣ и волость Давида.

Василько былъ извѣстенъ своей предпріимчивостью и воинскою отвагою, но онъ былъ человѣкъ честный и неспособный на клятвопреступленіе. Давидъ все-таки сталъ нашоптывать великому князю Святополку, что Василько замышляетъ зло противъ него, Давида, не спроста и не самъ отъ себя, а умыслилъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ, которому хочется выгнать изъ Кіева Святополка и сѣсть на его мѣсто. Святополкъ повѣрилъ, допустилъ Давида не только схватить врасплохъ Василько, когда тотъ пріѣхалъ на богомолье въ Кіевъ, но и ослѣпить несчастнаго князя.

Одежда зажиточныхъ людей XII вѣка Реставрировано по фрескѣ XII в., изображающей князя Новгородскаго Ярослава Димитріевича.

Вѣсть объ этомъ преступленіи всполошила всѣхъ князей. Мономахъ, когда узналъ, что Василько ослѣпленъ, ужаснулся, заплакалъ и сказалъ:

— Такого зла никогда не бывало въ Русской землѣ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ.

Всѣ князья поднялись на попустителя зла Святополка. Готова была разгорѣться жестокая война, но кіевляне умолили старшихъ князей не враждовать. Изгои, межъ тѣмъ, уже на чали рѣзню. Старшіе князья заставили было Святополка схватить Давида и прекратить тѣмъ борьбу князей-изгоевъ. Но Святополкъ не сумѣлъ этого сдѣлать, былъ разбитъ Давидомъ и бѣжалъ въ Кіевъ.

Тогда князья опять рѣшили съѣхаться и устроить порядокъ. Съѣздъ состоялся въ городѣ Увѣтичахъ или Вятичевѣ (1100 годъ). Собрались Святополкъ, Владиміръ Мономахъ и Святославичи. Пришелъ и зачинщикъ зла Давидъ Игоревичъ. Онъ дерзко спросилъ собравшихся князей:

— Зачѣмъ меня призвали? Вотъ я! Кто на меня жалуется?

Владиміръ Мономахъ отвѣчалъ ему за всѣхъ:

— Ты самъ присылалъ къ намъ: хочу, говорилъ, братья, прійти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришелъ и сидишь съ братьями на одномъ коврѣ, что же не жалуешься? На кого тебѣ изъ насъ жалоба?

Давидъ не отвѣчалъ на это ни слова.

Тогда всѣ князья встали, сѣли на коней и разъѣхались по своимъ шатрамъ, каждый къ своей дружинѣ, а Давидъ сидѣлъ одинъ: никто не хотѣлъ быть съ нимъ, и никто не пускалъ его къ себѣ.

Посовѣтовавшись, князья послали къ Давиду довѣренныхъ дружинниковъ и велѣли сказать ему отъ имени всѣхъ князей:

— Не хотимъ дать тебѣ стола Владимірскаго (на Волыни), потому что ты бросилъ ножъ между нами, сдѣлалъ то, чего не бывало доселѣ на Русской землѣ; мы тебя не посадимъ въ темницу и не сдѣлаемъ тебѣ никакого другого зла, а ступай садись въ Бужскѣ и Острогѣ.

У Давида, слѣдовательно, отняли лучшую волость и дали незначительную и бѣдную. Василько же остался княжить въ

своемъ городѣ и, хотя слѣпой, не разъ еще водилъ свои полки противъ ляховъ и возвращался побѣдителемъ.

Въ началѣ 1113 года Святополкъ умеръ. Съ его смертью старшинство въ княжескомъ родѣ и великокняжескій столъ должны были перейти къ старшему Святославичу. Но потомство Святослава не пользовалось любовью кіевлянъ, и они не захотѣли принять его, разграбили дворъ тысяцкаго Путяты, державшаго сторону Святославичей, и послали сказать Владиміру Мономаху, чтобы онъ шелъ княжить въ Кіевъ.

— Приходи, князь, въ Кіевъ, — говорили Мономаху посланные, — если же не придешь, то знай, что много зла сдѣлается: ограбятъ не одинъ ужъ Путятинъ дворъ, а пойдутъ и на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ!

Одежда русскихъ XI вѣка, по византійскимъ источникамъ.
Реставр. по фрескѣ въ Кіевской Софіи.

Владиміръ Мономахъ долженъ былъ принять старшинство и отправился княжить въ Кіевъ, гдѣ и былъ принятъ горожанами „съ честью великой“.

Это новое нарушеніе старшинства, хотя и случившееся не по винѣ самихъ князей, должно было внести еще больше смуты и недовольства въ ихъ отношенія.

При жизни сильнаго и всѣми любимаго Мономаха, Святославичи затаили свою ненависть и смирно сидѣли въ Черниговѣ, который Мономахъ оставилъ за ними. Но они не простили Мономаху того, что считали нарушеніемъ своихъ правъ, и впослѣдствіи потомки Святославичей затѣяли кровавую борьбу съ потомками Мономаха изъ-за старшинства. Эта борьба особенно усилилась, когда произошли раздоры въ потомствѣ самого Мономаха, тоже вслѣдствіе нарушенія лѣствицы старшинства.

Всѣ эти усобицы князей изъ-за старшинства осложнялись еще тѣмъ, что съ теченіемъ времени все увеличивалось количество князей-изгоевъ. Съ разрастаніемъ княжескаго рода все труднѣе становилось младшему пережить всѣхъ старшихъ и достичь великаго княженія. Князья-изгои плохо мирились со своимъ незавиднымъ положеніемъ вычеркнутыхъ изъ лѣствицы старшинства и стремились добывать себѣ княженія силой. Такъ, уже упоминавшійся выше Давидъ Игоревичъ, тотъ самый, который ослѣпилъ Василько, предвидя послѣ смерти отца, умершаго раньше своихъ старшихъ братьевъ, свою горькую долю, собралъ дружину и ушелъ на устья Днѣпра. Здѣсь онъ захватилъ греческихъ купцовъ и отнялъ у нихъ всѣ товары. Другими словами, Давидъ, засѣвъ у воротъ русской торговли, остановилъ все торговое движеніе по Днѣпру. А вѣдь днѣпровской торговлей жила и кормилась вся тогдашняя городовая Русь, отъ этой торговли богатѣла и великокняжеская казна. Итти на Давида войной было и далеко и не съ руки, и великій князь Всеволодъ только тѣмъ и прекратилъ грабежи Давида, что далъ ему особое княженіе—городъ Дорогобужъ на Волыни.

Подобными же средствами старались добывать себѣ столы и другіе князья-изгои. Чтобы усмирить ихъ, старшіе князья стали отдавать изгоямъ и ихъ потомству самые бѣдные, обыкновенно крайніе, лежавшіе далеко отъ торговаго пути города. Такіе города были обыкновенно пограничные, и

на князя-изгоя возлагалась обязанность беречь городъ и охранять границу земли. На это ему выдавалось иногда вспомоществованіе деньгами или натурой.

Не передвигаясь уже по общей лѣствицѣ старшинства, изгои въ своемъ потомствѣ устраивали свою особую лѣствицу, которая приводила за собой тѣ же ссоры и недоразумѣнія, тѣ же кровопролитія и раздоры, что и въ лѣствицѣ старшихъ князей, ведшей къ кіевскому столу. Въ XII вѣкѣ образовалось нѣсколько такихъ изгойскихъ княжествъ: муромо-рязанское, туровопинское и городенское, не считая ранѣе возникшихъ волынскихъ княжествъ и княжества полоцкаго.

Одежда князей и зажиточныхъ людей XII вѣка.
Реставр. по рукописному изображ. XII в.
По византійскимъ источникамъ.

Постоянныя войны и усобицы князей не мало способствовали тому, что въ княжескомъ родѣ терялось, забывалось уваженіе къ старшинству, и часто стало случаться, что какой-нибудь младшій воинственный князь, сражаясь со старшимъ, порой даже не за себя лично, а за своего ближайшаго сродника, собиралъ въ своихъ рукахъ много волостей и отказывался

очищать ихъ. Такъ, внукъ Мономаха, Изяславъ, бралъ княженія съ бою, приговаривая:

— Не мѣсто идетъ къ головѣ, а голова къ мѣсту!

Когда княжескій родъ разросся, стало очень трудно считать старшинство. Вообще старшинство пріобрѣтается лѣтами, и при обычномъ порядкѣ всегда бываетъ такъ, что дядя лѣтами старше своего племянника. Поэтому дядя былъ всегда „въ отца мѣсто" племяннику. Но когда княжескій родъ размножился, часто стало выходить такъ, что иной племянникъ уже и бородатъ и женатъ, а кого - нибудь изъ его дядей еще баюкаютъ въ люлькѣ. Конечно, старшему годами племяннику не легко было считать „въ отца мѣсто" младенца-дядю.

Одежда женщины XI вѣка.
Реставр. по фресковымъ изображеніямъ въ Кіевской Софіи.

Когда всѣ счеты и расчеты старшинства въ княжескомъ родѣ окончательно запутались, то каждый изъ князей сталъ почитать справедливымъ то, что ему было выгодно. Княженія стали тогда добывать себѣ силой, только прикрывая правилами старѣйшинства свои личныя выгоды.

Межъ тѣмъ, охранять эти выгоды тоже становилось все труднѣе. Было въ обычаѣ, что чѣмъ старше князь, тѣмъ болѣе доходный городъ дается ему въ княженіе. Въ привычкахъ князей такъ ужъ и составился такой порядокъ, что извѣстной степени старшинства соотвѣтствуетъ и извѣстный городъ. Но вотъ уже съ конца XI вѣка началъ мѣняться порядокъ доходности городовъ. Такъ, Переяславль Южный, когда-то третій по богатству городъ, совсѣмъ обѣднѣлъ и сталъ менѣе доходнымъ, нежели бѣдный когда-то Суздаль. Нарушился порядокъ доходности и другихъ городовъ.

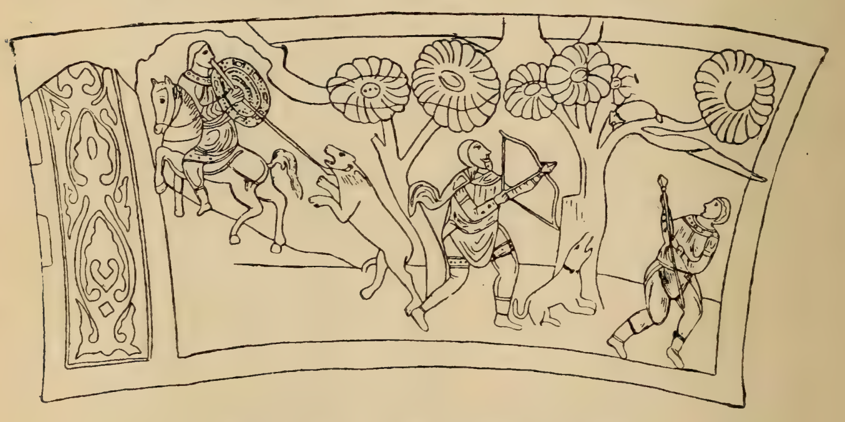
Одежда дѣвицы XI вѣка.
Реставр. по изображенію въ Сборникѣ Святослава 1073 г.

Понятно, что отъ этого происходило: младшій князь сидѣлъ часто въ болѣе доходномъ городѣ, нежели старшій. Отсюда взаимное неудовольствіе, переходящее при первомъ поводѣ въ усобицу.

Города тоже не оставались безучастными зрителями княжескихъ усобицъ, вмѣшивались въ ссоры князей и, приглашая къ себѣ изъ нихъ кого полюбится, часто младшаго помимо старшаго, вносили не мало запутанности въ княжескія отношенія. Такъ, когда послѣ смерти

Всеволода Ярославича великимъ княземъ сталъ Святополкъ, въ Новгородѣ долженъ былъ сѣсть на княженіе, по обычаю, сынъ Святополка. Тогда Владиміръ Мономахъ послалъ сказать сыну своему Мстиславу, княжившему при Всеволодѣ въ Новгородѣ, чтобы онъ покинулъ Новгородъ и очистилъ мѣсто для сына Святополкова. Мстиславъ повиновался и пошелъ къ отцу. Но съ Мстиславомъ прибыли въ Кіевъ послы отъ новгородцевъ и сказали Святополку:

— Мы, князь, присланы сюда, и вотъ что намъ велѣно сказать тебѣ: не хотимъ Святополка, ни сына его! Если у твоего сына двѣ головы, то пошли его къ намъ!

Охота. Фреска Кіево-Софійскаго собора.

Святополкъ много спорилъ съ новгородцами, ссылаясь на обычай, но тѣ стояли на своемъ, и пришлось уступить имъ. Самъ Мономахъ сталъ великимъ княземъ помимо старшаго его Святославича только потому, что этого потребовали кіевляне.

Вообще надо сказать, что за время княжескихъ усобицъ города вошли въ большую силу, и вѣча ихъ, т.-е. сходки горожанъ, пріобрѣли большое значеніе. Горожане стали „рядиться“ съ княземъ при его вступленіи въ городъ, уговариваясь съ нимъ на вѣчѣ, чтобы онъ судъ судилъ и правду людямъ давалъ „безъ лести“.

При такомъ обиліи поводовъ къ усобицамъ, описываемое время отличалось бурнымъ воинственнымъ характеромъ. Году не проходило безъ того, чтобы какой-нибудь князь не повздорилъ съ другимъ и между ними не завязалась кровавая усобица. Если на промежуткѣ 150 лѣтъ со смерти Ярослава сосчитать однѣ крупныя усобицы, то и тогда выйдетъ на пятьдесятъ лѣтъ мира — сто войны. И тѣмъ не менѣе, мысль о единой, недѣлимой Русской землѣ никогда не оставляла князей и твердо жила въ умахъ народа.

Плясуны и гусляры. Фреска Кіево-Софійскаго собора.

„Володѣли", т.-е. управляли, Русской землей князья всѣмъ родомъ, не обособляя ни городовъ ни волостей кому-либо въ потомственное владѣніе. Если и выдѣляли какой-нибудь городъ съ общаго согласія тому или иному князю-изгою, то это значило лишь то, что изгой будетъ „володѣть" этимъ городомъ, пока то полюбится остальной братіи. Постоянно передвигаясь со своими дружинами изъ города въ городъ, слѣдуя лѣствицѣ родового старшинства, князья пріучали и города съ ихъ вѣчами думать и гадать не только лишь о своихъ

мѣстныхъ дѣлахъ и нуждахъ, но и зорко и неотступно присматриваться и прислушиваться къ тому, что дѣлается въ сосѣднихъ городахъ. Всегда вѣдь можно было приблизительно разсчитать, кто изъ князей передвинется въ данный городъ, если умретъ великій князь или кто-нибудь изъ старшихъ родственниковъ даннаго князя. А это было важно знать, чтобы во-время сообразить, какъ-то новый князь будетъ судъ судить и какую дастъ людямъ правду.

Поэтому-то, связанные однимъ занятіемъ — торговлей, расположенные по большой торговой дорогѣ того времени — по Днѣпру и его притокамъ, охраняемые князьями одного княжескаго рода, города тогдашней Руси не могли не сознавать, что они всѣ вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое, которымъ они крѣпки и славны — Свято-Русскую землю *).

*) Составлено по соч.: *С. М. Соловьева*, „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома"; *В. О. Ключевскаго*, „Курсъ русской исторіи", ч. I. Заставка и буква изъ Святославова сборника 1073 г.

Татарское иго.

Въ 1223 г. явился около предѣловъ Русской земли народъ, котораго никто хорошо не знаетъ, откуда пришелъ, на какомъ языкѣ говоритъ, какого племени, какой вѣры...“ Такъ отмѣтила лѣтопись первое появленіе татаръ. Русскіе князья вышли навстрѣчу незнаемой татарской силѣ, и на рѣкѣ Калкѣ, послѣ жестокаго боя, были разбиты. Неслыханное пораженіе повергло въ печаль всю землю. Всѣ ждали, что татары нападутъ на беззащитную страну и опустошатъ ее вконецъ. Но этого не случилось. Татарскія рати дошли до Кіевской земли, разорили нѣсколько городовъ и повернули обратно въ степь.

Кто же были татары? Какъ произошло завоеваніе ими Руси? Какое значеніе имѣли они въ исторіи Россіи, владѣя ею около двухъ слишкомъ вѣковъ?

Новѣйшія изслѣдованія монгольско-тюркской исторіи даютъ ясные и отчетливые отвѣты на вопросъ о происхожденіи татаръ и о причинахъ ихъ страшнаго могущества и успѣха. Первыя свѣдѣнія о происхожденіи монголовъ даютъ намъ китайскіе историки. За много лѣтъ до Рождества Христова Китай уже былъ сильной и цвѣтущей имперіей. Но жизнь

этой имперіи не могла назваться мирной. По огромной границѣ ея отъ Тихаго океана до Байкала и отсюда на югъ до области нынѣшняго Туркестана и Афганистана окраины Китайской имперіи были населены кочевыми и осѣдлыми народами, которые носили разныя имена, но были одного происхожденія — тюркскаго—и говорили на одномъ тюркскомъ нарѣчіи. Китайцы называли ихъ чіунгъ-ну, что значитъ мятежные рабы.

Эти „мятежные рабы“ страшно разоряли границы имперіи, и въ защиту отъ нихъ китайское правительство за двѣсти слишкомъ лѣтъ до Р. Х. построило знаменитую стѣну, которая должна была помогать китайскимъ войскамъ сдерживать напоръ варваровъ, среди которыхъ особенно выдѣлялось племя ту-кіу, т.-е. собственно тюрки. Страна этихъ ту-кіу лежала къ сѣверу отъ пустыни Гоби. Это были воинственные люди. „Они стремятся часто къ бою, — разсказываетъ о нихъ китайскій историкъ, — смерть отъ болѣзни считается у нихъ позоромъ“. У нихъ господствовало строгое подчиненіе младшихъ старшимъ, и военная дисциплина ихъ не знала жалости въ своихъ требованіяхъ строжайшаго повиновенія старшимъ. Знатные люди въ ту-кіу были воины по природѣ. Китайцамъ плохо приходилось отъ нихъ, и великая стѣна съ ея гарнизономъ часто была не въ силахъ задержать дикіе набѣги племени ту-кіу.

Въ 76 г. до Р. Х. китайцы рѣшили напрячь всѣ силы и истребить варваровъ. Для этого китайскій полководецъ Панъ-Чао организовалъ нѣсколько огромныхъ армій, которыя, двигаясь по опредѣленному плану, должны были охватить варваровъ желѣзнымъ кольцомъ и задавить ихъ. Планъ удался частью. Стиснутые китайцами въ предгорьяхъ Алтая, варвары прорвали окружавшее ихъ желѣзное кольцо и бѣжали далеко въ степи. Это они показались позднѣе между Ураломъ и Волгой, затѣмъ на Кубани и, наконецъ, на Дунаѣ. Мы знаемъ ихъ подъ именемъ гунновъ, аваровъ, мадьяровъ, или угровъ, а еще позднѣе, какъ печенѣговъ, кипчаковъ и половцевъ, или кумановъ.

Все это были отдѣльныя волны моря варваровъ одного племени, вытолкнутыхъ изъ азіатскихъ степей великимъ броженіемъ, произведеннымъ китайцами.

Судьба варваровъ, попавшихъ въ дикія степи нижняго Поволжья и Урала, была не одинакова съ тѣми, которые попали на югъ Средней Азіи между Китаемъ и Персіей. Въ то время, какъ первые остались дикарями и кочевниками, вторые подъ вліяніемъ арабовъ и частью Византіи стали быстро цивилизоваться. Уже въ IV вѣкѣ здѣсь появляется христіанство. Въ 503 г. существуютъ епископства въ Гератѣ и Самаркандѣ, въ 718 г. патріархъ Тимоѳей посылаетъ священниковъ въ Каракорумъ. Отсюда христіанство распространяется среди монгольскихъ народностей нынѣшней юго-западной и южной Сибири; свидѣтельствуютъ объ этомъ христіанскія надписи на китайскомъ, сирійскомъ, тюркскомъ языкахъ, находимыя на могильныхъ плитахъ въ Семирѣченской области, въ Прибайкальѣ и въ другихъ мѣстахъ этой части Сибири.

Племена тюрковъ образовали независимыя государства, которыя, однако, не прерывали сношенія другъ съ другомъ и съ Китаемъ. Мало того, одинъ изъ властителей Алтая посылалъ посольство въ Византію и предлагалъ имперіи черезъ свое посредство союзъ и прочное общеніе съ Китаемъ. Въ Византіи VI вѣка не рѣдкимъ явленіемъ были тюркскіе и китайскіе купцы.

Благодаря постоянному общенію отдѣльныхъ тюркскихъ племенъ другъ съ другомъ, въ средѣ ихъ зародилась мысль объ объединеніи всѣхъ ихъ и завоеваніи міра. Благодаря грамотности и широкому торговому общенію, мысль эта сдѣлалась скоро національной мечтой. Скоро явился и человѣкъ, который попробовалъ осуществить ее. Это былъ нѣкто Темучинъ, принявшій имя Чингисъ-хана. Человѣкъ этотъ любилъ говорить, что душа всякаго дѣйствія заключается въ томъ, чтобы оно было доведено до конца. Начать и довести до конца онъ задумалъ созданіе монгольской имперіи, которая объединила бы всѣ народности тюркскаго происхожденія отъ Тихаго океана до

Дуная. Человѣкъ необычайной силы воли, ума и таланта, Темучинъ скоро и легко объединилъ около себя монгольскія племена тюрковъ и бросился на Китай. Старая Китайская имперія защищалась геройски, и Темучину потребовалось 24 года упорной войны прежде, чѣмъ было сломлено могущество Китая. Для этой борьбы ему пришлось поднять всѣ тюркскія племена, потребовать отъ всѣхъ помощи людьми и деньгами. Съ этой цѣлью во время войны съ Китаемъ Темучинъ отрядилъ часть своихъ войскъ, около 25.000 человѣкъ, подъ начальствомъ одного изъ лучшихъ своихъ генераловъ — „богатора“ Субутая черезъ Кавказъ на югъ нынѣшней Россіи къ кочевавшимъ здѣсь тюркскимъ племенамъ кипчаковъ, чтобы возвѣстить имъ монгольскую славу и привлечь ихъ къ общему дѣлу.

Войско Темучина состояло изъ конницы и было раздѣлено на отряды по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ. Боевой единицей являлся отрядъ въ сто человѣкъ, который строился въ десять рядовъ, такъ что во фронтѣ находилось десять человѣкъ. Воины первыхъ четырехъ рядовъ носили доспѣхи изъ желѣзныхъ бляхъ, скрѣпленныхъ ремнями, или чешуйчатые желѣзные панцыри. Оружіемъ ихъ былъ лукъ, кривая сабля и копье. Кони ихъ тоже были защищены латами. Оборонительное оружіе воиновъ шести послѣднихъ рядовъ состояло изъ кожаныхъ колетовъ или изъ кольчугъ; сидѣли они на легкихъ коняхъ незащищенныхъ броней, а вмѣсто копій имѣли дротики. Изъ этихъ эскадроновъ по сто человѣкъ составлялись полки по пяти тысячъ каждый, десять такихъ полковъ образовывали корпусъ.

Жившій въ то время возлѣ современнаго Тифлиса армянскій священникъ Кирьякъ былъ взятъ въ плѣнъ во время похода Субутая. Субутай взялъ его себѣ въ секретари и переводчики; Кирьякъ во время этой службы составилъ записки, въ которыхъ разсказываетъ, какъ монголы переходили черезъ Кавказскій хребетъ, заваливая пропасти деревьями и камнями.

Обитавшимъ здѣсь кипчакамъ, раздавая имъ подарки, они говорили:

— Вы наши братья, а аланы (вѣроятно, осетины) чужой народъ и вамъ и намъ; вы не должны имъ помогать, вы должны итти съ нами!

Но кипчаки были темные люди, давно утратившіе всякую даже отдаленную память объ общей монгольской прародинѣ. Подарки они брали очень охотно, но разговоры о монгольской славѣ трогали ихъ мало. Монголы, межъ тѣмъ, разгромили черкесовъ, по-китайски сер-ке-су, и лезгиновъ, а среди своихъ братьевъ кипчаковъ стали заводить свои порядки, накладывали тавра на ихъ коней, пересчитали всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, стали набирать изъ нихъ полкъ. Всюду на своемъ пути Субутай назначалъ своихъ дарога — губернаторовъ, при которыхъ сейчасъ же возникалъ ямынь—канцелярія по управленію страной и для сбора дани, съ монгольскими чиновниками, и ямъ — станція, гдѣ держали лошадей для гонцовъ отъ полководца къ Чингисъ-хану и просматривались пропуски, которые давались въ ямыняхъ проѣзжимъ. За всякое сопротивленіе монгольскому дарогѣ и его чиновникамъ виновные безпощадно карались смертью. Киріакъ даетъ яркую картину этой приказной тиранніи, которую всюду устанавливали монголы. „Они прислали, — говоритъ онъ, — управителей со множествомъ чиновниковъ, которые ихъ сопровождали. Имъ было поручено переписать народъ, и они записывали всѣхъ, начиная съ десятилѣтняго возраста, кромѣ женщинъ. Они наложили подати на всѣхъ трудящихся, на рыболовные пруды и озера, желѣзные рудники, кузнецовъ и каменщиковъ. Но они всегда щадили священнослужителей и не требовали отъ нихъ никакой подати. Затѣмъ они обезоруживали населеніе; кто имѣлъ мечъ, тотъ пряталъ его изъ страха, чтобы его не казнили, если у него откроютъ оружіе.

Всѣ эти мѣры страшно напугали кипчаковъ, и они бросились отъ этой напасти въ степи по направленію къ Дону, гдѣ жили половцы — ихъ постоянные пріятели и союзники. Своими разсказами кипчаки такъ напугали половцевъ, что ханъ ихъ Котянъ обратился за помощью къ своему тестю,

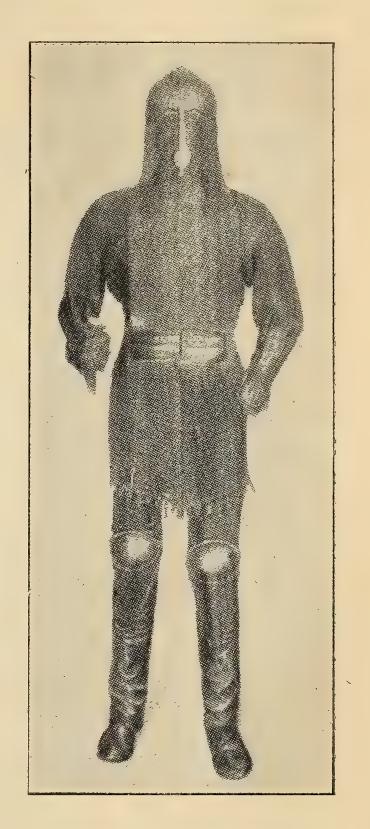
галицкому князю Мстиславу, котораго китайскія лѣтописи называютъ Ми-чи-се-лао Малый, въ отличіе отъ кіевскаго Мстислава—Ми-чи-се-лао Большой. Мстиславъ, какъ извѣстно, поднялъ на помощь половцамъ всѣхъ южно-русскихъ князей. Субутай, межъ тѣмъ, рѣшилъ примѣрно наказать кипчаковъ за измѣну общему дѣлу и двинулся вслѣдъ за ними. Скоро онъ узналъ, что союзники кипчаковъ, половцы, обратились за помощью къ народу Руси. Тогда-то онъ и послалъ сказать русскимъ князьямъ, узнавши, что они идутъ противъ него:

— Мы не на васъ идемъ. Пришли мы на холопей своихъ и конюховъ, на поганыхъ половцевъ, а съ вами у насъ нѣтъ войны.

Русскіе князья не повѣрили посламъ, пошли навстрѣчу татарамъ и были разбиты на рѣкѣ Калкѣ (1223 г.). Но полководецъ Чингисъ-хана говорилъ правду — у него не было приказа воевать съ русскими, а дисциплина въ арміи Чингисъ-хана была такова, что никто не смѣлъ дѣлать ничего сверхъ приказаннаго. Но на Кавказѣ Субутай очень сошелся съ венеціанцами, которые давно уже прознали торговые пути въ Персію, и есть основаніе думать проникали даже въ Китай черезъ нынѣшнюю Персію и Афганистанъ. Быть-можетъ, монголы уже тамъ знали венеціанцевъ. Торговыми соперниками венеціанцевъ были генуэзцы, имѣвшіе многочисленныя факторіи въ Крыму. По указанію венеціанцевъ Субутай отправилъ отрядъ своихъ воиновъ въ Крымъ, чтобы разорить генуэзскія конторы. Другой отрядъ его войска взялъ было прямое направленіе на Кіевъ, черезъ который продолжала итти богатая транзитная торговля Востока съ Западомъ, и гдѣ венеціанскіе купцы имѣли свои конторы, но, кажется, во главѣ торговли не стояли. Генуэзскія поселенія въ Крыму были разорены, но до Кіева Субутай не дошелъ и повернулъ обратно, будучи отозванъ своимъ государемъ.

Такимъ образомъ оказывается, что татары или монголы вовсе не были такимъ дикимъ и невѣдомымъ народомъ, неожиданно, какъ гнѣвъ Божій, нагрянувшимъ на Русь. Ко-

нечно, среди народностей, составлявшихъ армію монголовъ, было много дикарей, но вожди и тѣ, кто составляли силу войска, отнюдь не были дикарями — это были люди, прошедшіе сквозь китайскую цивилизацію, испытавшіе вліяніе арабовъ, выработавшіе на этой почвѣ своеобразную военную тактику и проникнутые идеей національнаго величія, которое должно было вести ихъ къ завоеванію міра. Самъ Чингисъ-ханъ чрезвычайно уважалъ науку, знаніе, просвѣщеніе. Себѣ онъ исходатайствовалъ китайскую ученую степень задолго до того, какъ покорилъ Китай, а своихъ сыновей заставилъ много учиться; ученые, ремесленники, художники были у него въ большомъ почетѣ.

Вооруженіе монгольскаго воина.

Къ 1225 г. Чингисъ закончилъ завоеваніе Азіи. „Отъ года Дракона до года Пса, — пишетъ китайскій историкъ, — государь водворялъ порядокъ и законность среди своего великаго народа, установлялъ свою власть и свое правительство на прочныхъ столбахъ, доставлялъ мирную работу ногамъ и рукамъ и увеличивалъ счастье и благосостояніе всѣхъ и каждаго“.

По смерти Чингисъ-хана его имперія, захватившая въ свои предѣлы всю Азію, распалась на четыре части. Китай, Тибетъ и часть Татаріи составили первое по значенію государство, властитель котораго именовался Великимъ ханомъ. Страна къ западу отъ Алтая образовала второе государство. Область Персіи являлась

третьимъ, а страны къ сѣверу отъ Каспія и Чернаго моря образовали четвертое. Скоро раздробились и эти четыре основныя государства, и къ XIV вѣку потомки Чингиса потеряли Китай, Персію и властвовали ужъ только надъ кочевниками. Но по этому позднѣйшему факту нельзя судить о монголахъ, завоевавшихъ всю Азію и Русь, какъ о дикаряхъ кочевникахъ.

Чингисъ-ханъ умеръ въ 1227 году. Сынъ старшаго его сына Батый, прозванный добрымъ господиномъ, еще при жизни Чингиса былъ отправленъ на далекій западъ имперіи. Чтобы отвлечь его отъ мысли сдѣлаться великимъ ханомъ, на что онъ имѣлъ право, какъ старшій внукъ Чингиса, ему задали работу двинуться на западъ до Туны, т.-е. Дуная, и покорить эти страны. Самъ Батый былъ человѣкъ добрый, безхарактерный, бездарный и лѣнивый, и двоюродные братья звали его бабой съ бородой. Такой человѣкъ въ полководцы не годился, и войско его пришлось вести знаменитому вождю богатору Субутаю.

Благодаря монгольскимъ, турецкимъ и китайскимъ лѣтописямъ, ученые установили, что у Батыя было не болѣе 150.000 войска, но это войско было организовано по всѣмъ правиламъ военной китайско-монгольской науки и было закалено почти пятидесятилѣтней войной въ степяхъ Азіи и въ Китаѣ. Когда сравнительно небольшія ополченія русскихъ князей столкнулись съ обученнымъ отрядомъ монголовъ, то были наголову разбиты.

Тактика монголовъ, ихъ стратегическое искусство во много разъ усиливали дѣйствительную силу ихъ войска. Итальянецъ Плано Карпини, близко наблюдавшій монголовъ, говоритъ объ ихъ военномъ искусствѣ, что они „даже когда ихъ мало, умѣютъ заставить думать соперника, что ихъ много, и приводятъ этимъ въ ужасъ и смущеніе своихъ враговъ“. Монголы, благодаря необычайной аккуратности и размѣренной точности своихъ движеній, умѣли соединять и приводить къ извѣстному пункту въ извѣстное время большія военныя массы; особенно

мастерски дѣлали они обходы непріятеля. Управленіе арміей въ движеніи было у нихъ организовано чрезвычайно стройно, и они умѣли держать строгую дисциплину. Ихъ войско было устроено такъ, что каждый солдатъ могъ сдѣлаться генераломъ. Чингисъ запретилъ офицерамъ, принадлежавшимъ къ одному корпусу, переходить въ другой, и младшимъ—принимать приказанія отъ кого бы то ни было помимо ихъ старшихъ. Когда русскіе, а потомъ поляки, венгры и нѣмцы, увидали, что монгольскіе полки неожиданно вырастаютъ какъ будто изъ-подъ земли, надвигаются тучами со всѣхъ сторонъ и окружаютъ ихъ, то имъ стало казаться, что этимъ страшнымъ врагамъ нѣтъ числа. Отсюда и пошла легенда о безчисленной арміи монголовъ.

Въ 1236 г. осенью татары появились со стороны приволжской Болгаріи, которую и завоевали. Въ слѣдующемъ году татары вторглись въ восточныя окраины Рязанской земли и скоро поплѣнили всю Рязань. Съ побѣжденныхъ татары потребовали по своему обычаю десятину, т.-е. десятой части со всего и съ всѣхъ—съ князей и простыхъ людей, требовали десятой части коней бѣлыхъ, вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ, пѣгихъ. Рязанскіе князья отвѣтили:

— Когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше!

Татары начали тогда опустошать и грабить Рязанскую землю. Одно ополченіе русскихъ князей за другимъ падало подъ ихъ ударами. Жители затворялись по городамъ, дѣятельно готовились къ осадѣ и защищались до послѣдней капли крови. Но татары и въ осадѣ городовъ оказывались столь же знающи, опытны и храбры, какъ и въ открытомъ бою.

3 февраля 1237 г. войско татаръ подступило къ Владиміру на Клязьмѣ. Нѣсколько наѣздниковъ татарскихъ приблизились къ Золотымъ воротамъ и стали спрашивать у жителей:

— Великій князь Юрій въ городѣ ли?

Владимірцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ градъ стрѣлъ.

— Не стрѣляйте!—закричали изъ татарскихъ рядовъ.

Когда выстрѣлы прекратились, татары подвинулись еще ближе къ воротамъ города. Передъ собой они влекли блѣднаго исхудалаго, изможденнаго человѣка.

— Узнаете ли вашего княжича?!—кричали въ толпѣ татаръ.

Владимірцы присмотрѣлись къ плѣннику и узнали сына ихъ князя Юрія, княжича Владиміра, сидѣвшаго на княженіи въ Москвѣ. Этотъ горестный видъ ясно сказалъ владимірцамъ, что передовой оплотъ ихъ княжества, Москва, сторожившій пути съ кіевскаго юга, взятъ татарами, что, слѣдовательно, нечего надѣяться на помощь оттуда.

Межъ тѣмъ татары, оставивъ наблюдать за Владиміромъ отрядъ войска, пошли съ главными силами къ другому укрѣпленному пункту Владимірской земли—Суздалю—и взяли его. Возвратившись къ Владиміру, татары начали ставить лѣса и пороки (стѣнобитныя орудія), ставили съ утра до вечера, а въ ночь нагородили тынъ около всего города для защиты своего лагеря отъ выстрѣловъ съ городскихъ стѣнъ.

7 февраля начался приступъ. Къ полудню татары овладѣли новымъ городомъ и зажгли его. Владимірцы отступили за стѣны Стараго или Печернаго города. Князь Всеволодъ, видѣвшій, что отбиться нельзя, рѣшилъ сдать городъ на милость побѣдителя, думая, что татары хоть пощадятъ тогда жителей. Съ малой дружиной, неся въ знакъ покорности дары, вышелъ онъ изъ города, но татары зарѣзали его.

Видя тогда неминуемую гибель, епископъ Митрофанъ и вся княжеская семья, со множествомъ бояръ и простыхъ людей, заперлись въ Богородичной церкви „на полатяхъ“, т.-е. на хорахъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу около нея и въ самую церковь и зажгли. Всѣ бывшіе на хорахъ задохнулись отъ дыма и сгорѣли или были перебиты.

Изъ Владиміра татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ. Одни отправились къ Ростову и Ярославлю, другіе—на Волгу и на Городецъ, третьи—къ Пере-

ярославлю. Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь—одинъ городъ за другимъ были взяты татарами въ теченіе февраля мѣсяца. 4 марта татары разбили послѣднее русское ополченіе на рѣкѣ Сити и двинулись на западъ, къ Новгороду. Только ста верстъ не дошли они до Новгорода, отступивъ передъ весенней распутицей.

Повернувъ въ сторону степи, татары двинулись западнымъ краемъ Рязанской земли къ югу. На этомъ пути имъ пришлось выдержать не одно стойкое сопротивленіе. Особенно памятна осталась имъ защита Козельска, семь недѣль храбро отбивавшагося отъ несмѣтныхъ татарскихъ полчищъ.

Въ 1239 году татары наводнили южную Русь, въ 1240 г. палъ Кіевъ. Къ этому году вся Русская земля оказалась поплѣненною татарами. Покоривъ Русь, татары схлынули на нижнюю Волгу. Здѣсь и возникло тогда татарское царство, которое русскіе называютъ Золотой Ордой. Столицей его сдѣлалось становище Сарай, превратившееся скоро въ своеобразный полукочевой, полуосѣдлый городъ, очень многолюдный и богатый. Сюда венеціанцы черезъ Крымъ доставляли предметы роскоши европейскаго Запада — византійскія драгоцѣнности, итальянскіе обои, французскія ткани; подданные татарамъ болгары и киргизы-кипчаки привозили имъ сѣверной дорогой по Камѣ и Волгѣ драгоцѣнные мѣха и охотничьихъ кречетовъ; у армянъ они покупали рѣдкости Багдада.

На покоренныхъ русскихъ татары стали смотрѣть какъ на своихъ подданныхъ. Батый потребовалъ, чтобы русскіе князья ѣхали на поклонъ къ хану и везли ему дары. Первымъ откликнулся на этотъ призывъ князь Ярославъ, оставшійся старшимъ въ княжескомъ родѣ по смерти убитаго на Сити Юрія. Батый, по словамъ лѣтописи, принялъ Ярослава съ честью и сказалъ ему:

— Будь ты старшій между всѣми князьями въ русскомъ народѣ.

Послѣ такого страшнаго погрома, какой перенесла Русская земля, никто изъ князей не смѣлъ и подумать о сопротивле-

ніи татарамъ. Уступилъ даже такой могущественный князь какъ Даніилъ галицкій — гроза венгровъ, ляховъ и нѣмцевъ. Татары потребовали у него сдачи городовъ его княжества. Даніилъ сказалъ:

— Не дамъ. Самъ поѣду говорить съ Батыемъ.

По дорогѣ въ орду Даніилу пришлось смириться. Онъ увидѣлъ, какъ разорена земля, какъ сильны татары. Даніилу разсказывали, какимъ униженіямъ подвергаются въ Ордѣ русскіе князья. Они должны были проходить между двухъ огней на пути къ ханской ставкѣ, чтобы очиститься огнемъ, какъ того требовала татарская вѣра.

Сильно скорбѣлъ душой горячій и храбрый Даніилъ, но надо было смириться, чтобы не навлечь бѣды на свой народъ. Даніилъ исполнилъ унизительный обычай и приблизился къ хану.

— Данило,—встрѣтилъ его Батый,—отчего ты не приходилъ до сихъ поръ? Но хорошо, что пришелъ. Пьешь ли наше питье кумысъ?

— До сихъ поръ не пилъ,—отвѣчалъ Даніилъ,—нынѣ же, если повелишь, выпью.

— Ты нашъ теперь, татаринъ,—сказалъ ему на это ханъ,— пей наше питье!

Даніилъ выпилъ, поклонился и сказалъ:

— Пойду теперь поклониться ханшѣ!

— Иди!—сказалъ ханъ.

А надо знать, кто былъ для своего времени князь Даніилъ галицкій, чтобы понять всю степень униженія, выпавшаго ему на долю. Храбрый, неукротимый воинъ, онъ объединилъ подъ своей сильной рукой всю юго-западную Русь, галицію, Кіевскую землю. Даніила знали и уважали во всей Западной Европѣ. Папа заискивалъ его союза и прислалъ ему королевскую корону, и Даніилъ короновался королемъ галицкимъ. И вотъ этотъ-то князь и герой стоялъ на колѣняхъ передъ ханомъ, называлъ себя холопомъ, обѣщалъ дань платить хану.

Лѣтописецъ, разсказывая объ униженіяхъ Даніила въ ордѣ, не можетъ сдержать своей скорби и негодованія. Батый прислалъ Даніилу вина въ знакъ особаго уваженія и велѣлъ сказать:

— Не привыкли вы пить кумысъ. Пей вино!

„О злѣе зла честь татарская, — со скорбнымъ негодованіемъ восклицаетъ лѣтописецъ, разсказавъ объ этой любезности хана.—Отецъ (Даніила) былъ царемъ въ Русской землѣ, покорилъ Половецкую землю, воевалъ и иныя страны. И вотъ такого-то отца сыну не воздаютъ татары чести. Кто жъ другой получитъ отъ нихъ что-нибудь лучшее?“

Покорился хану и Александръ Невскій, побѣдитель шведовъ. Значитъ, не было возможности сопротивляться. Попытки же нѣкоторыхъ князей противиться дорого имъ обходились: такихъ смѣльчаковъ сажали въ темницу, мучили, убивали. Всѣмъ извѣстно, какъ погибъ въ ордѣ князь черниговскій Михаилъ.

Да и гдѣ было взять силъ на сопротивленіе и борьбу съ могущественнымъ врагомъ.

Страна была опустошена. Словно моровая язва прошла, словно землетрясеніе и лютые пожары свирѣпствовали неустанно. Груды обгорѣвшихъ развалинъ городовъ и селъ, бѣлѣющія повсюду кости непогребенныхъ людей, поля, заросшія сорной травой, — вотъ, что представляла изъ себя Русь послѣ нашествія.

Татары оставили русскихъ князей владѣть и управлять Русской землей, требовали только покорности и дани.

Но князья должны были получать ярлыки, т.-е. письменные указы отъ хана на княженіе. Въ первыя сто лѣтъ владычества татаръ ни одинъ князь — ни великій ни удѣльный—не считался княземъ, не получивъ ярлыка. При каждой перемѣнѣ хана князья должны были ѣздить въ Орду испрашивать у новаго владыки новый ярлыкъ. Ярлыки должны были получать митрополиты и епископы. Всѣ споры между князьями подчинялись ханскому суду или суду дароги, поставленнаго

ханомъ надъ Русью. Возлѣ князей постоянно жили ханскіе чиновники, зорко слѣдившіе за ихъ поступками.

Дань, по-татарски ясакъ, которую они собирали съ русскихъ, была велика и тяжка. Кромѣ десятины со всего, татары брали особые сборы со всѣхъ промысловъ и занятій, требовали подводъ и корма для служителей и гонцовъ хана, наѣзжавшихъ постоянно на Русскую землю и составлявшихъ видимую связь русскаго улуса съ ордой. Въ этихъ цѣляхъ устроены были особыя почтовыя станціи—ямы, гдѣ проѣзжіе должны были предъявлять свои подорожныя и получали лошадей и подводы, доставлять которыя обязано было окрестное населеніе. Пошлина, собираемая на торгу отъ покупки и продажи товаровъ, называлась тамгой; отсюда наше слово таможня. Содержаніе ханскихъ чиновниковъ, обязательные дары имъ, работа на нихъ,—все это порабощенное населеніе должно была отбывать неукоснительно, въ противномъ случаѣ грозила карательная татарская экспедиція, послѣ которой въ округѣ не оставалось ни кола ни двора. Общее названіе дани было—„царева дань“, или „ордынскій выходъ“.

Сборъ дани и всѣхъ пошлинъ производился или особо командированными изъ орды чиновниками лично или подъ ихъ неослабнымъ наблюденіемъ. При исполненіи своихъ обязанностей эти чиновники пускали въ ходъ обычные въ китайско-монгольскомъ государствѣ пріемы, однимъ изъ которыхъ являлось тяжкое тѣлесное наказаніе. Относительно устройства дани и ея сбора надобно сказать, что введенные татарами дани и сборы остались и послѣ нихъ, и въ финансовомъ хозяйствѣ Московскаго государства существовали такія подати, какъ мытъ, мостовщина, или становое, въѣзжее и мимоходное должностнымъ лицамъ, тамга,—все это Москва унаслѣдовала отъ татаръ.

Кромѣ дани, покоренные русскіе должны были высылать хану въ первыя сто лѣтъ ига вспомогательные отряды подъ командой князей или воеводъ, назначаемыхъ ханомъ. До насъ дошли извѣстія, что у великаго хана въ Каракорумѣ были

отряды русской гвардіи, которую ханъ въ благодарственной грамотѣ, сохраненной китайскимъ лѣтописцемъ, называетъ „своей вѣрной и неизмѣнной“.

Татарская дань была тѣмъ невыносимѣе, что сборщики никому никакого отчета не давали и, пользуясь случаемъ, сами наживались на счетъ разореннаго народа. Они и назывались баскаками, т.-е. притѣснителями. Обыкновенно это были бухарскіе и вообще азіатскіе купцы, бравшіе дань на откупъ у татаръ.

Спасаясь отъ баскаковъ, жители прятались въ лѣса. Но баскакъ умѣлъ находить скрывавшихся. Съ толпой свирѣпыхъ татаръ гнался онъ за бѣглецами, у нищихъ отнималъ дѣтей. Малѣйшее ослушаніе приводило къ гибели цѣлые города. Баскакъ жаловался въ орду, и оттуда присылался отрядъ татаръ съ порученіемъ все опустошить въ непокорной мѣстности.

Для уплаты дани весь народъ былъ сосчитанъ татарскими численниками, и каждый человѣкъ долженъ былъ платить съ десятилѣтняго возраста.

Тяжело жилось на Руси при татарскомъ владычествѣ, много приходилось дрожать за свою жизнь, за свое благосостояніе, особенно первое время. Потомъ тяжесть татарскаго владычества стала ощущаться легче. Татары, кромѣ дани, ничѣмъ не вмѣшивались въ распорядокъ русской жизни: оставили князей и предоставили русскимъ людямъ жить, какъ хотятъ, только бы платили дань. Скоро самый сборъ дани они стали поручать князьямъ.

Ограничившись только общею зависимостью отъ нихъ Руси, татары во внутреннихъ дѣлахъ предоставили Русь самой себѣ и только наблюдали за внѣшнимъ ходомъ ея жизни. Татарская власть ничѣмъ не вмѣшивалась въ господствовавшій первыя сто лѣтъ ига очередной порядокъ владѣнія, не вмѣшивалась и въ начинавшій тогда устанавливаться удѣльный. Она только утверждала князей, предоставляя имъ враждовать и ссориться другъ съ другомъ

сколько угодно. На эти ссоры они даже смотрѣли, какъ на источникъ дохода, и заявляли князьямъ такъ: „Если дашь хорошій выходъ (т.-е. дань), то и будешь великимъ“. Князья прямо торговались въ Ордѣ изъ-за великаго княженія. Такое положеніе вещей, не являясь первой причиной новаго порядка княжескаго владѣнія на Руси, тѣмъ не менѣе, очень способствовало развитію взгляда князей на ихъ княжества, какъ на ихъ личную собственность. Пріобрѣтая у татаръ ярлыки на княженіе, помимо всякихъ счетовъ другъ съ другомъ, князья укрѣплялись во взглядѣ на княженіе, какъ на свою личную собственность. Съ помощью татаръ, покупкой у нихъ ярлыковъ и пользованіемъ за плату ихъ войскомъ, сильнѣйшіе князья скорѣе и легче соединяли подъ своей властью слабѣйшія княжества. Первые московскіе князья своимъ успѣхомъ много обязаны дружбѣ съ татарами. Въ этомъ смыслѣ татарское иго, несомнѣнно, способствовало объединенію Руси, которое произошло бы и безъ татаръ въ силу вещей, но татары ускорили и облегчили это объединеніе. Записавъ въ свои окладные листы плательщиками налоговъ одинаково и людей, и княжихъ мужей, и самихъ князей, татары въ извѣстномъ смыслѣ способствовали объединенію и русскаго общества; въ такой объединенной средѣ легче могли зарождаться и развиваться идеи о политическомъ объединеніи и освобожденіи страны, раздѣленной на удѣлы. Общая вражда къ поработителямъ явилась не послѣднимъ двигателемъ дѣла освобожденія и ярко сказалась въ событіяхъ, закончившихся Куликовской побѣдой.

Такимъ образомъ о вліяніи татарскаго ига на Русь можно говорить только очень условно. Оно много способствовало развитію и укрѣпленію началъ, сложившихся до него и помимо его, само же по себѣ внесло мало существенно новаго въ русскую жизнь.

Сами татары жили далеко, въ степяхъ, были гораздо менѣе образованы, нежели русскіе, и русскій народъ въ своемъ бытѣ и нравахъ остался почти свободенъ отъ татарскаго

вліянія. Развѣ только въ одеждѣ можно найти его. Къ намъ не перешло ни одного татарскаго обычая. Въ нѣкоторыхъ распорядкахъ жизни, да и то придворной, княжеской, въ манерѣ управлять, въ нѣкоторыхъ пріемахъ внутренняго управленія проскользнуло кое-что напоминающее татарскую грубость и жестокость. Были усвоены и кое-какія формы управленія. Въ языкѣ нашемъ осталось немного словъ, заимствованныхъ отъ татаръ. Любопытно, что эти слова, такъ прочно основавшіяся въ языкѣ, по смыслу всѣ обозначаютъ предметы внѣшней жизни, чуть ли не самими татарами введенные на Руси — это, напримѣръ: алтынъ, арбузъ, аршинъ, атаманъ, базаръ, деньга, есаулъ, кабакъ, казакъ, караулъ, сундукъ, халатъ, чепракъ, ярлыкъ и нѣкоторыя другія.

Но зато татары, опустошивъ Русь, разрушили благосостояніе жителей, своими данями не давали имъ оправиться; народъ бѣднѣлъ; спасаясь отъ баскаковъ, люди забирались въ дикія, непроходимыя трущобы съ открытыхъ плодородныхъ земель. Лѣса, покрывавшіе Суздальскій край, ставшій теперь на мѣсто Кіевской земли средоточіемъ русской жизни, дробили населеніе на мелкіе поселки и затрудняли сообщеніе ихъ другъ съ другомъ.

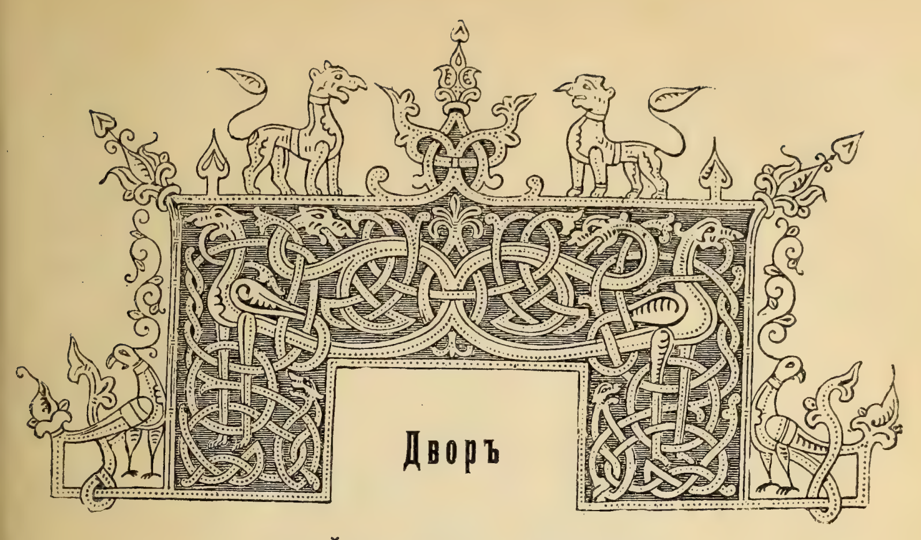
Городовъ было мало. Торговля за отсутствіемъ хорошихъ и безопасныхъ путей сообщенія и дальности поселеній одного отъ другого затихла совсѣмъ. Къ тому же татары отрѣзали Русскую землю отъ юга и запада Европы. Сама Русь, переселившись въ Суздальскую область, стала заниматься земледѣліемъ и заботилась лишь объ одномъ, какъ бы прокормиться самой да заплатить во - время татарскую дань.

Обезсиленіе татарами сѣверо-восточной Руси привело къ тому, что Кіевская Русь потеряла всякую связь съ Сѣверомъ, ослабѣла и легко сдѣлалась добычей усилившейся за это время Литвы. Вотъ это обстоятельство — раздѣленіе Руси на двѣ половины, которымъ пришлось долго жить чуждой другъ

для друга жизнью, является, пожалуй, самымъ важнымъ слѣдствіемъ господства татаръ надъ Русью.

Татарское иго имѣло, слѣдовательно, вліяніе на ходъ ближайшихъ событій русской исторической жизни, на дальнѣйшія же судьбы ея повліяло мало и не глубоко*).

*) Составлено по сочиненіямъ: *Léon Cahun*, „Introduktion à l'Histoire de l'Asie. Turcs et Mongols"; *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи", т. III; *Н. К. Бестужевъ-Рюминъ*, „Русская Исторія", т. I. Заставка и буква — съ рукописи XIV в.

Дворъ удѣльнаго князя.

Жизнь въ южной Руси никогда не отличалась особымъ спокойствіемъ и миромъ. Какихъ только народовъ не насылала степь на ея предѣлы. Сначала печенѣги, потомъ половцы, а раньше всякіе авары, угры, торки, косоги и др. жгли и грабили ея города, требовали неустанной готовности къ защитѣ и бою какъ отъ князей, такъ и отъ простыхъ людей.

Южно-русскіе князья XII в. уже разучились твердо держаться одинъ за другого, заводили злые раздоры изъ-за „малыхъ словъ“, какъ говорится въ Словѣ о полку Игоревѣ. Они постоянно воевали другъ съ другомъ и въ своихъ распряхъ нерѣдко сами наводили „поганыхъ“ на Русскую землю, отдавая имъ на разграбленіе волости своихъ враговъ. „Плакали“ тогда города, „тужила“ земля, по образному выраженію „Слова“. Отдыхаютъ, бывало, монахи Печерскаго монастыря въ Кіевѣ послѣ утрени, вдругъ ихъ будитъ страшный вой: то половцы подкрались къ монастырю и грабятъ его. Никакія стѣны, никакія укрѣпленія не могли охранить городъ. Какъ изъ-подъ земли вырастали полчища хищниковъ, убивали, грабили, жгли, вытаптывали поля. Выѣдетъ, бывало, крестьянинъ въ поле

пахать — неизвѣстно откуда возьмется половецъ, убьетъ стрѣлой пахаря, заберетъ въ плѣнъ его семью и угонитъ въ свои вежи.

Главное занятіе жителей Кіевской Руси—торговля—давно уже положила рѣзкую грань между бѣдными и богатыми. Въ рукахъ князей и бояръ XI и XII в. сосредоточились очень большіе капиталы. Въ половинѣ XII в. смоленскій князь получалъ съ своего княжества только одной дани, не считая другихъ доходовъ, 3.000 гривенъ кунъ, что по нашему счету составитъ около 150.000 рублей. Владиміръ Мономахъ былъ въ состояніи поднести своему отцу обѣденный подарокъ въ 300 гривенъ золота. Сынъ нѣкоего Шимона, пожелавъ оковать гробъ св. Ѳеодосія, могъ пожертвовать на это 500 фунтовъ серебра и 50 фунтовъ золота.

Богатство южно-русскихъ людей держалось на рабовладѣніи. Поля князей и бояръ обрабатывались рабами, рабы долго составляли предметъ вывоза изъ Руси въ Византію. Рабами становились не только военноплѣнные, но и всѣ задолжавшіе неоплатно; рабовладѣніе получило особенное развитіе съ тѣхъ поръ, какъ стала падать торговля; паденію торговли съ Византіей способствовали больше всего безпорядки въ самой Византіи, завоеванной крестоносцами - латинянами, а затѣмъ засореніе торговыхъ путей степняками. Тогда въ Кіевской Руси начинаетъ пріобрѣтать особое значеніе земледѣліе; поля князей и бояръ обрабатываются рабами и полусвободными наймитами, которыхъ тогдашній законъ стремился обратить въ полныхъ рабовъ, пользуясь для этого всякой неисправностью наймита. Князья въ своихъ усобицахъ начинаютъ преслѣдовать и цѣли обогащенія своихъ княжествъ рабами; если прежде было въ обычаѣ угонять иноземныхъ плѣнниковъ съ ихъ родины и селить ихъ у себя, то теперь это дѣлается и по отношенію къ соотечественникамъ. Поговорка о волынскомъ князѣ (XII в.), Романѣ — „Романе, Романе, худымъ живеши, Литвою ореши“, — свидѣтельствуетъ о случаѣ, когда этотъ князь переселилъ къ себѣ на Волынь плѣнныхъ ли-

Успенскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, заложенный великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1158 году.

товцевъ и заставилъ ихъ работать на своихъ поляхъ; лѣтопись XII в., разсказывая объ удачномъ вторженіи какого-либо князя въ область его соперника, иногда заканчиваетъ разсказъ замѣчаніемъ, что побѣдители воротились, „ополонившись че-

лядью и скотомъ". Послѣ иныхъ походовъ случалось, что плѣнныхъ рабовъ, за излишкомъ, распродавали по крайне удешевленнымъ цѣнамъ, какъ, напримѣръ, въ Новгородѣ въ 1169 г. послѣ неудачнаго похода Андрея Боголюбскаго продавали суздальцевъ по двѣ ногаты за человѣка.

Жить на Кіевскомъ югѣ простому человѣку было, слѣдовательно, не только опасно, но и тяжело. На этой почвѣ опасности и невыгоды не могло не выростать у людей желанія уйти отсюда туда, гдѣ спокойнѣе. Съ XII вѣка и начинается постепенное запустѣніе Кіевской Руси. Уже въ 1159 г. черниговскому князю Святославу приходится жаловаться, что въ такомъ богатомъ и славномъ прежде краѣ, какъ Черниговскій, занимавшемъ первое послѣ Кіева мѣсто по богатству и многолюдству, живутъ только княжескіе псари да замиренные половцы. Рѣчная полоса по среднему Днѣпру, съ его притоками, издавна хорошо заселенная, пустѣетъ; исчезаютъ цѣлые города, какъ Юрьевъ на Роси или

Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, построенный около 1194 г.

Святополчъ; становятся небольшими селеніями цвѣтущіе когда-то города, какъ, напримѣръ, Любечъ. Это запустѣніе Кіевской Руси, начавшееся въ XII в., завершилось въ XIII в. татарскимъ погромомъ, превратившимъ цвѣтущія когда-то области Кіевской Руси въ пустыню. Въ 1246 г. проѣзжалъ изъ Польши черезъ Кіевъ къ татарамъ папскій посолъ Плано Карпини. На своемъ пути черезъ Кіевскую землю онъ встрѣчалъ обгорѣлыя развалины селъ и городовъ да безчисленное

Фреска Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ (XII в.).

множество человѣческихъ костей и череповъ, разбросанныхъ по полямъ. Въ самомъ Кіевѣ, когда-то столь обширномъ и многолюдномъ, что путешественники сравнивали его только съ Царьградомъ, послѣ татарскаго погрома едва насчитывалось 200 домовъ.

Главная волна переселенцевъ съ Кіевской Руси направлялась отсюда на сѣверо-востокъ въ отдаленный Ростово-Суздальскій край. Сюда до сихъ поръ проникали переселенцы только изъ Новгорода, а съ юга не было прямоѣзжей дороги

въ этотъ глухой залѣсскій край. Когда въ 1015 г. князю Глѣбу пришлось изъ его Муромской области проѣхать въ Кіевъ, то онъ взялъ путь на Волгу, пересѣкъ ее выше Твери и отсюда поѣхалъ на Смоленскъ, чтобы по Днѣпру спуститься въ Кіевъ. Вотъ какой кружный путь надо было продѣлать, чтобы попасть въ началѣ XI вѣка изъ Мурома въ Кіевъ. Въ концѣ вѣка считается за особый подвигъ пройти прямо въ Ростовскую землю „сквозѣ вятичей“, т.-е. черезъ нынѣшнія Орловскую и Калужскую губерніи. Самъ Владиміръ Мономахъ, перечисляя свои подвиги, упоминаетъ о походѣ „сквозѣ вятичей“, какъ достойномъ памяти дѣлѣ. Но къ серединѣ XII в. эта дорога сквозь вятичей становится настолько прямоѣзжей, что сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, водитъ по ней свои полки. Движеніе непрерывныхъ волнъ переселенцевъ проложило, очевидно, къ этому времени свободный прямой путь съ юга на сѣверъ.

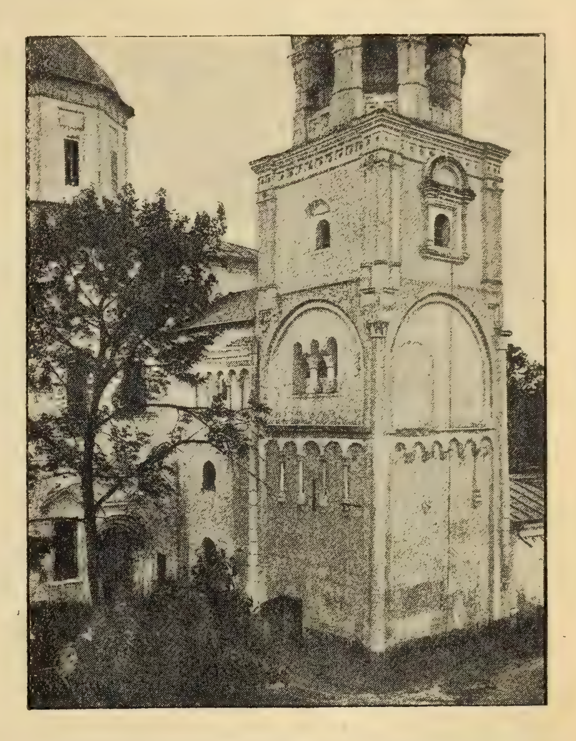
Не находя на родинѣ спокойствія и безопасности, необходимыхъ для мирнаго труда, люди стали уходить на сѣверъ, за Оку, въ отдаленный Суздальскій край.

Нелегко удавалось поселенцу устроиться на новомъ мѣстѣ. И теперь еще здѣсь не сразу можно найти мѣста, удобныя для поселенія; а въ XII вѣкѣ новоселъ съ великимъ трудомъ отыскивалъ сухое и чистое мѣсто, на которомъ можно было бы хоть съ нѣкоторымъ удобствомъ поселиться. Мѣстами, гдѣ прежде всего селились здѣсь люди, были нагорные берега рѣкъ, сухія рамени вѣковыхъ, непроходимыхъ лѣсовъ.

Заниматься земледѣліемъ въ этихъ краяхъ можно было, только выжигая лѣсъ и расчищая пашни. Кромѣ земледѣлія, къ услугамъ поселенца была разработка лѣсныхъ угодій—охота, бортничество, лыкодерство, рыболовство, смолокуреніе и т. п.

Эта глухая страна всегда доставалась въ княженіе самымъ младшимъ членамъ княжескаго рода. За ней никто изъ князей и не гнался: велика ли корысть отъ смолокуровъ и лыкодеровъ, которыхъ еще не сразу и разыщешь въ ихъ лѣсныхъ дебряхъ.

Но вотъ съ конца XII вѣка эта земля перестаетъ быть такой глухой и незавидной. Волна переселенцевъ, все увеличиваясь въ размѣрахъ, текла сюда уже цѣлую сотню лѣтъ. Сторона становилась все заселеннѣе, обработаннѣе, стала давать большой доходъ.

Остатки палатъ кн. Андрея Боголюбскаго въ Боголюбовомъ монастырѣ; въ нихъ былъ убитъ кн. Андрей въ 1174 г.

А главное — жилось здѣсь спокойно. Никакое нападеніе враговъ не могло сюда достигнуть.

Въ 1097 г. собравшіеся на съѣздѣ въ г. Любечѣ князья послали княжить въ области Ростова и Суздаля одного изъ самыхъ младшихъ въ своей средѣ — младшаго сына Владиміра Мономаха Юрія Долгорукаго. Въ то время это еще была незавидная глухая сторона, и потому всѣ князья охотно уступили ее младшему родичу. Но съ половины XII в. дѣло начало круто мѣняться: Кіевская Русь начинаетъ пустѣть, а Суздальская — заселяться. Прекрасно понимая, что увеличеніе населенія усилитъ и обогатитъ страну, а слѣдовательно, сдѣлаетъ сильнѣе и богаче ея князя, Юрій Долгорукій, его сынъ— Андрей Боголюбскій и ихъ преемники охотно принимаютъ новоселовъ и стараются устроить ихъ возможно лучше. Уже

Юрій Долгорукій заботливо строитъ цѣлые города для переселенцевъ, даетъ имъ всякія льготы, ссуды, разсрочки платежа податей и тѣмъ, конечно, больше привязываетъ новоприходцевъ къ новому мѣсту. И Юрій и Андрей справедливо могли считать себя устроителями и создателями этой страны. „Я всю бѣлую Русь городами и селами великими заселилъ и многолюдной учинилъ!“ говорилъ про себя Юрій Долгорукій.

Кіевскіе князья этого про себя сказать не могли. Тамъ, на югѣ, князья были пришельцами въ страну, въ которой они нашли готовый государственный укладъ, тамъ всю землю устроили города съ ихъ вѣчами во главѣ. Здѣсь же, на суздальскомъ сѣверѣ, народъ приходилъ въ землю, которую устраивалъ князь. Эта перемѣна не могла не отозваться на взаимныхъ отношеніяхъ князей и народа и не измѣнить ихъ въ пользу верховенства первыхъ. Почувствовавъ себя старше, князь, какъ первый заемщикъ и устроитель земли, сталъ считать себя и свою семью *собственникомъ* этой земли. Вѣдь на его землю, по его зову, идетъ народъ, отъ него получаетъ подмогу, значитъ, онъ князь, хозяинъ и господинъ всего.

Край оживалъ на глазахъ князя: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на новяхъ, возникали промыслы, новые доходы прибывали въ княжескую казну. Князю казалось, что это онъ все дѣлалъ, что это все плоды его личной дѣятельности.

Здѣшніе князья привыкали поэтому смотрѣть на свои княженія, какъ на свою полную собственность, которую они сами себѣ заработали, а потому въ правѣ распоряжаться ею, какъ хотятъ: могутъ завѣщать ее кому хотятъ, отдать въ приданое за дочерью, оставить женѣ.

Съ XIII вѣка у князей Суздальской области и устанавливается такой взглядъ на свои княженія. Они смотрятъ на нихъ, какъ на свои хозяйства, удѣлы, которыми они владѣютъ и которые устраиваютъ.

Старый городъ — Ростовъ Великій — не сразу подчинился увеличившейся власти князей, но обѣ его попытки вернуть

прежнее соотношеніе были подавлены князьями при дѣятельной помощи новаго города — Владиміра на Клязьмѣ. Только одинъ Новгородъ Великій со своими пригородами не сдавался и велъ упорную борьбу съ суздальскими князьями за свою старую самостоятельность и сумѣлъ остаться независимымъ вѣчевымъ городомъ до самыхъ московскихъ временъ, до торжества единодержавія во всей великорусской землѣ.

Новый порядокъ отразился прежде всего на жизни самихъ князей. Родовые счеты, порядокъ старшинства,— все это замерло еще въ южной Руси и способствовало тамъ больше возникновенію безпорядка, чѣмъ господству порядка. На смѣну отжившему *очередному*, на сѣверѣ устанавливается новый порядокъ княжескаго владѣнія—*удѣльный*.

Въ 1246 г. великій князь Святославъ Всеволодовичъ, братъ Ярослава Всеволодовича, утвердилъ своихъ племянниковъ на удѣлахъ, *данныхъ* имъ отцомъ. Съ этого момента и можно считать начало раздѣленія Великороссіи на удѣлы, т.-е. на княжества, передаваемыя по наслѣдству отъ отца къ сыну, какъ собственность. До этого времени не было удѣловъ на Руси, и южная лѣтопись не знаетъ даже самаго слова — „удѣлъ". Она знаетъ волости, города, столы, княженія, переходящія въ родѣ князей по лѣствицѣ старшинства отъ одного князя къ другому, она знаетъ случаи, когда княженіе по старшинству переходило отъ отца къ сыну, но удѣла, передаваемаго отцомъ сыну въ наслѣдство, по завѣщанію и раздробляемаго, какъ завѣщатель хочетъ, южная лѣтопись не знаетъ.

Отдѣльныя княженія, на которыя, въ силу торжества этого взгляда, раздѣлилась великорусская земля, стали называться удѣлами своихъ князей, ихъ вотчинами. Слово удѣлъ значитъ особое хозяйство, и удѣльныхъ князей болѣе всего можно сравнивать съ хозяевами-владѣльцами. Какъ истые хозяева, удѣльные князья больше всего заняты увеличеніемъ своихъ хозяйствъ. Ихъ главная мысль — мысль о постоянномъ про-

мыслѣ, о добычѣ земли, призывѣ людей къ себѣ, устройствѣ доходности своихъ имѣній-княжествъ. Ради этой цѣли пускаются въ ходъ всѣ средства: кто посильнѣе, тотъ оттягиваетъ куски земли, города и села у слабѣйшихъ, пуская въ ходъ вооруженную силу. Города и села даются и получаются, какъ приданое и наслѣдство, продаются, покупаются. Пронырливому, достаточно дерзкому и упорному человѣку представляется среди этихъ обстоятельствъ широкій просторъ и возможность постоянно увеличивать свои владѣнія. Съ конца XIII и въ XIV вѣкѣ нѣкоторые удѣлы разрастаются очень значительно, и въ предѣлахъ ихъ возникаютъ новыя удѣльныя княжества, князья которыхъ пошли отъ того перваго князя, который этотъ удѣлъ основалъ; это значитъ: его дѣти, внуки, племянники, получая въ наслѣдство земли и города изъ его пріобрѣтеній, чувствуютъ себя въ зависимости отъ этого родоначальника и готовы его именно и его ближайшихъ наслѣдниковъ признавать великимъ княземъ. Такъ возникаютъ съ XIV в., на ряду съ владимірскимъ великимъ княженіемъ, считающимся по традиціи старѣйшимъ, еще тверское, нижегородское, ярославское, рязанское и московское.

Завѣщая отдѣльныя части своихъ удѣловъ сыновьямъ и внукамъ, князья дробили свои владѣнія все больше и больше. Съ каждымъ поколѣніемъ все увеличивалось число мелкихъ удѣльныхъ княжествъ.

Это измельчаніе удѣловъ къ XV в. въ нѣкоторыхъ областяхъ достигло крайнихъ предѣловъ. На рѣкѣ Андогѣ, среди тянувшихся по ней селъ и деревень, не было ни одного городка, а межъ тѣмъ, здѣсь находилось цѣлыхъ три удѣла — Андожскій, Шелешпанскій и Вадбольскій. Самая резиденція иного удѣльнаго князя въ этомъ краю имѣла видъ простой барской усадьбы, одинокаго большого двора. Въ XIV в. на рѣкѣ Кубени стоялъ княжескій дворъ Заозерскаго князя Димитрія Васильевича. Подлѣ двора находился храмъ во имя св. Димитрія Солунскаго, вѣроятно, этимъ же княземъ и построенный въ

честь своего ангела; въ сторонѣ отъ княжескаго двора, по берегу озера, раскинулось сельцо Чирково,—вотъ и вся резиденція мелкаго удѣльнаго князя тѣхъ временъ.

По своему строю удѣльныя княжества больше походили на большія и мелкія имѣнія — вотчины своихъ князей, чѣмъ на государства. Удѣльные князья больше думали о хозяйственномъ устройствѣ своихъ владѣній, объ ихъ доходности и величинѣ, чѣмъ объ устройствѣ государственной жизни, законодательствѣ, управленіи, о благахъ и удобствахъ жившихъ въ ихъ княжествахъ людей. Ни одного законодательнаго памятника, исходящаго отъ княжеской власти и сколько-нибудь общаго характера, не дошло до насъ отъ этихъ временъ.

Церковь Покрова во Владимірѣ на Клязьмѣ (XII в.).

Народъ, поставленный въ новыя условія жизни, тоже измѣнилъ свои прежніе взгляды на князей. Въ Кіевской Руси торговля вызвала и поддерживала существованіе множества

городовъ и городковъ. Здѣсь, на верхней Волгѣ, торговому движенію негдѣ было развернуться, — нечего и некуда было возить на продажу.

Край лѣсной, глухой. Съ юга запираетъ его безпокойная степь, съ запада—враждебная Польша и Литва, на востокъ—податься некуда — татары и пустыня, на сѣверъ — мерзлыя тундры и льды Бѣлаго моря. Рѣки края текутъ въ разныхъ направленіяхъ, и теченіемъ своимъ образуютъ крайне прихотливую и запутанную сѣтку рѣчныхъ путей. Благодаря этому, создается прекрасная возможность передвигаться по этой глухой лѣсистой странѣ, но выбраться изъ нея на широкій морской просторъ нельзя. Самая большая рѣка страны—Волга, впадаетъ въ закрытое Каспійское море и въ громадной части своего теченія пролегаетъ по чужой и враждебной странѣ. Сѣверная Двина далека и идетъ въ льды, Днѣпръ сталъ почти чужой рѣкой, Западная Двина — также.

Народу, поселившемуся здѣсь, волею судьбы предстояло жить своимъ трудомъ, работая на себя только. И мы видимъ, какъ широкая внѣшняя торговля замираетъ здѣсь совсѣмъ, превращается въ узкую внутреннюю, еле прозябавшую. Главнымъ занятіемъ жителей становится земледѣліе. Города возникаютъ здѣсь туго, да и то ихъ обитатели по занятіямъ мало чѣмъ отличаются отъ жителей селъ и деревень. Села и деревни разставлены рѣдко и немноголюдны. Здѣсь съ трудомъ могъ поселенецъ отыскать сухое мѣсто, болѣе или менѣе чистое отъ лѣса, гдѣ можно было безъ опасенія половодья и безъ особаго труда по очисткѣ поставить избу. На такихъ удобныхъ мѣстахъ можно было поставить одинъ, два, три двора, — иначе не хватило бы чистой земли на пашню и лугъ.

Такъ, городская торговая Кіевская Русь, переселившись на верхнюю Волгу, превратилась въ сельскую, земледѣльческую.

При раздробленности населенія и при слабости городовъ, значеніе вѣча очень скоро сошло здѣсь на нѣтъ, и люди про-

тивопоставились по отношенію къ власти не цѣлыми организованными единицами, сжившимися одной исторической жизнью, сплотившимися за однимъ общимъ имъ всѣмъ, всѣхъ ихъ обогащавшимъ дѣломъ, а отдѣльными лицами и семьями или очень слабыми организаціями. На этой почвѣ и у населенія утвердился взглядъ на князей, какъ на хозяевъ страны, у которыхъ эту землю надо снимать для обработки.

Въ такомъ соотношеніи не было подданныхъ, не было и государей: были хозяева и работники, вольнонаемные слуги и арендаторы. Кто въ какомъ княжествѣ жилъ, князю этой земли и подчинялся, у него искалъ суда, ему жаловался на обидчиковъ, ему платилъ дани и оброки, какіе тотъ назначалъ, какъ признанный собственникъ земли. Переходя въ другое княжество, человѣкъ тѣхъ временъ никакой измѣны прежнему князю не совершалъ, онъ только переходилъ къ другому хозяину.

Можно представить себѣ, какъ складывалась жизнь въ удѣльныхъ княжествахъ-хозяйствахъ XIII и XIV вв. Вотъ молодому князю отказано по духовной грамотѣ его отцомъ въ удѣлъ болѣе или менѣе обширный край, мало населенный, необработанный. Пріѣхавъ въ доставшуюся ему землю, князь находилъ въ ней все въ полномъ безпорядкѣ: ни управленіе ни сборъ доходовъ не налажены, неизвѣстно даже, могутъ ли еще быть какіе-либо доходы. Съ княземъ пріѣхали бояре и слуги, данные ему отцомъ, или сами вызвавшіеся служить ему. Съ ихъ помощью онъ начинаетъ устраивать свой удѣлъ.

Прежде всего выбиралось мѣсто для резиденціи князя. Княжій дворъ невольно становился средоточіемъ управленія землей. Отсюда князь однихъ бояръ посылаетъ въ города и волости, чтобы они на мѣстѣ устраивали сборъ доходовъ, судили и управляли волостью отъ его имени. За этотъ трудъ онъ опредѣляетъ имъ часть сборовъ съ населенія. Съ этого сбора эти бояре—волостели и намѣстники—будутъ кормиться, потому и самая должность ихъ получаетъ названіе не службы, а кормленія.

Другіе бояре остаются при князѣ, это ближайшіе его подручные и совѣтники, его „бояре введенные“ по тогдашнему выраженію. Одному изъ нихъ князь поручаетъ вѣдать дворовыхъ слугъ, другому хранить домашній скарбъ, домовую казну, третьему править конюшней съ приписанными къ ней лугами и людьми и т. п. Такъ каждымъ „путемъ“, т.-е. отраслью хозяйственнаго управленія удѣльнаго князя, завѣдуютъ его бояре. Путями могли завѣдывать и не бояре, тогда такихъ управителей называли „путниками“. Введенные бояре обыкновенно пользовались извѣстными дворцовыми землями и угодьями „въ путь“, какъ тогда говорили, т.-е. для кормленія, и тогда ихъ называли боярами путными. Бояринъ введенный могъ быть и путнымъ, но ни одинъ „путникъ“ не могъ быть одновременно и бояриномъ введеннымъ.

Но всѣ эти должности не подолгу остаются на плечахъ одного и того же лица. Черезъ годъ или даже меньше одни возвращаются съ кормленій, другіе ѣдутъ на ихъ мѣста „покормиться“ послѣ дворцовой службы.

Должности кормленщиковъ и бояръ введенныхъ мало того, что неустойчивы и краткосрочны, они еще и очень неопредѣленны. Часто князь возьметъ, да и назначитъ казначея вмѣстѣ съ дворцовымъ дьякомъ въ посольскую поѣздку къ другому князю, или на съѣздъ съ боярами другого удѣльнаго князя для улаженія пограничнаго спора, а волостелю пошлетъ приказъ позаботиться о поимкѣ соколовъ для его княжой потѣхи—соколиной охоты.

Каждое утро собирались у крыльца княжого дворца его бояре и ждали выхода князя. Здѣсь, сообща съ ними, поговоря, князь давалъ отдѣльнымъ боярамъ различныя порученія по своимъ хозяйственно - правительственнымъ дѣламъ, выслушивалъ жалобы и просьбы, сюда же приходившихъ, жившихъ на его земляхъ людей, разбиралъ эти жалобы и, посовѣтовавшись съ боярами, ставилъ свое рѣшеніе. Дѣла тутъ возникали самыя разнообразныя, но много ихъ не могло быть, а потому рѣшались они тутъ же, на мѣстѣ, устнымъ словомъ.

При князѣ хотя и есть дворовый дьякъ, но его познанія по письменной части пускаются въ ходъ рѣдко — развѣ понадобится сосѣду князю написать что-либо, или „несудимую грамоту“ дать монастырю, прописавъ въ ней, что монастырь освобождается въ тяжбахъ съ посторонними людьми отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ и судится прямо самимъ княземъ или его бояриномъ введеннымъ.

Наружныя украшенія собора въ Юрьевѣ-Польскомъ (XII—XIII вв.).

Всякая грамота, когда она пишется, свидѣтельствуется двумя боярами, упоминаетъ ихъ имена, чтобы въ случаѣ какого-либо недоразумѣнія можно было сослаться на этихъ бояръ и ихъ показаніемъ засвидѣтельствовать, что грамота настоящая, княжеская. Своей под-

писи князь не ставитъ; сплошь и рядомъ онъ и писать-то не умѣетъ, „книгамъ не ученъ бѣаше“.

Бояре всегда рядомъ съ княземъ, во всѣ минуты его жизни—радостныя и грустныя. Князь слушаетъ ихъ, думаетъ съ ними „добрую думу; кая пошла бы на добро“; князь знаетъ, что его бояре хотятъ ему добра, ищутъ какъ бы ему „безбѣдно прожити“; они служили еще отцу его, знаютъ, что посовѣтовать князю, чтобы ему „княжити на добро христіаномъ малымъ и великимъ“

Заболѣвъ тяжко, князь велитъ писать духовную. Кругомъ него собираются бояре; съ ними онъ всю жизнь „веселился и скорбѣлъ, отчину соблюдалъ и укрѣплялъ“, они же должны присутствовать при его смертномъ часѣ. Въ своей душевной грамотѣ князь описываетъ весь заведенный имъ порядокъ и завѣщаетъ дѣтямъ поддерживать его. Его сотрудники, бояре, лучше всѣхъ знали, чего хотѣлъ князь, къ нимъ обращалъ умирающій и свое послѣднее слово, заклиная ихъ служить вдовѣ своей и дѣтямъ. „Припомните, — писалъ князь, обращаясь къ боярамъ,—на чемъ вы дали мнѣ слово нѣкогда: положить головы свои, служа мнѣ и дѣтямъ моимъ; и вы, братія моя бояре, послужите имъ отъ всего сердца, въ скорби не оставьте ихъ, напоминайте имъ, чтобы жили въ любви и княжили, какъ я въ грамотѣ душевной указалъ имъ, какъ раздѣлилъ между ними свою вотчину“.

Въ большихъ удѣльныхъ княжествахъ распорядокъ жизни и управленія былъ такой же, развѣ только практика придала ему больше сложности. Если княжество было побольше, то и князь былъ побогаче, и дворецъ его пообширнѣе. Тогда дѣла велись не на крыльцѣ и не на дворѣ, а въ самомъ дворцѣ. Сюда, въ сѣни, собирались по утрамъ правительственныя лица. Межъ тѣмъ въ дворцовыхъ избахъ дьяки докладывали боярамъ текущія дѣла по ихъ вѣдомствамъ и писали грамоты.

Спорныя дѣла докладывались князю, и онъ рѣшалъ ихъ, поговоря съ нѣсколькими боярами, которыхъ приглашалъ къ себѣ „въ комнату“ изъ числа собравшихся въ сѣняхъ.

Сюда же приходили за судомъ и съ просьбами частныя лица. Они не только входили къ боярамъ въ дворцовыя избы, но допускались и къ самому князю.

Челобитчикъ излагалъ свою просьбу передъ княземъ и его боярами. Князь опрашивалъ истца и отвѣтчика съ ихъ свидѣтелями, послухами, и, разобравъ дѣло, приказывалъ дьяку дать правой сторонѣ грамоту и въ ней прописать имена бояръ, бывшихъ при разбирательствѣ дѣла.

И управленіе въ большихъ княжествахъ было устроено опредѣленнѣе, устойчивѣе. Дѣлъ было больше, а потому неудобно было мѣшать ихъ и отрывать боярина, которому приказано было вѣдать одинъ путь, для исполненія какого-либо посторонняго для даннаго пути порученія.

Постоянныя должности получали названіе „Приказовъ". Князь какъ бы приказывалъ ту или иную должность въ завѣдываніе боярину. Возникали Приказы въ связи съ развитіемъ хозяйства. Усилится въ княжествѣ, напримѣръ, въ лѣсахъ князя, бортной промыселъ, и вотъ поселки бортниковъ выдѣляются изъ круга дворцовыхъ земель въ особое вѣдомство, которое поручается чашнику; онъ и судитъ бортниковъ и дань съ нихъ собираетъ, и ходатайствуетъ за нихъ передъ княземъ. Военное управленіе городомъ поручалось тысяцкому, общее управленіе дворомъ—дворецкому; названія такихъ должностей, какъ казначей, конюшій, стольникъ, чашникъ, сокольничій, ловчій—не требуютъ объясненія.

Лица, занимавшія эти должности, управляли ими и составляли верховный хозяйственно-правительственный совѣтъ при удѣльномъ князѣ.

Всѣ княжества того времени жили такой строго обособленной хозяйственной жизнью. Но связь ихъ одного съ другимъ не нарушалась. Собственностью князей считалась земля, а люди, жившіе на ихъ земляхъ, считались свободными и могли жить въ какомъ княжествѣ хотѣли, легко переходя изъ одного въ другое—„путь между княжествами былъ чистъ,

безъ рубежа“, какъ тогда говорили. Въ чьемъ княжествѣ жилъ тогдашній русскій человѣкъ, тому князю онъ и платилъ подати, у него и судился. Всѣ вѣдь князья были одного рода, всѣ княженія были русскими княженіями, всѣ говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну вѣру, а потому распаденія Великорусской земли на отдѣльныя государства и произойти не могло.

Произошло другое. Удѣльныя княжества, которыя раздробились на слишкомъ мелкія хозяйства, потеряли характеръ княженій и превратились въ простыя большія и малыя имѣнія. Тѣ же княжества, которыя не дробились между многочисленными наслѣдниками, а росли и собирались въ однѣхъ рукахъ, усиливались, вбирали въ себя мелкія княжества, пуская для этого въ ходъ и свою силу и свои богатства.

Между такими крупными княжествами возникало соперничество, невольно приводившее къ столкновеніямъ. Въ концѣ-концовъ, жизнь привела къ тому, что одолѣло всѣ удѣльныя княжества одно, оказавшееся самымъ сильнымъ. То было Московское. Силою и золотомъ оно вобрало въ себя всѣ удѣльныя княжества Великорусской земли и тѣмъ самымъ превратилось въ Московское и всея Руси государство *).

*) Пособіемъ при составленіи статьи служило сочин. В. О. Ключевскаго, «Боярская Дума древней Руси», и его же, «Курсъ русской исторіи», ч. I. Заставка изъ рукописи XV в.

Господинъ Великій Новгородъ.

Послѣ того, какъ замерла жизнь на кіевскомъ югѣ, а въ глухой Залѣсской странѣ образовалась своя, новая, не похожая на кіевскую, оставалась въ Русской землѣ область, гдѣ долго еще жили и процвѣтали основы государственной жизни, чуждыя сложившемуся въ Суздальской странѣ удѣльному порядку, но бывшія плотію отъ плоти и костью отъ костей тѣхъ порядковъ, которые составляли основу государственной и общественной жизни Кіевской Руси. Эта область — владѣнія Господина Великаго Новгорода и его сначала пригородовъ, а потомъ младшихъ братій — Пскова и Вятки.

Съ давнихъ поръ Новгородъ Великій былъ такимъ же средоточіемъ исторической жизни сѣверной Руси, какимъ былъ Кіевъ для юга. Новгородъ былъ началомъ великаго воднаго пути изъ варягъ въ греки черезъ русскую равнину, а Кіевъ—исходнымъ концомъ его. Благодаря одинаковому занятію—торговлѣ—и однородному устройству всей жизни, Новгородъ жилъ въ тѣсномъ единеніи со всей южной Русью. Когда же Кіевская Русь заглохла, а въ новыхъ краяхъ, въ Залѣсской сторонѣ, возникли иные порядки, и люди стали жить не тор-

говлей, а земледѣліемъ, тѣсная связь между Новгородомъ и Суздальской землей не могла установиться, возникла даже вражда, во время которой Новгородъ, охраняя свою самостоятельность, замкнулся, такъ сказать, въ себѣ и жилъ началами той жизни, которая становилась все болѣе и болѣе чуждой удѣльнымъ порядкамъ и совершенно уже шла въ разрѣзъ съ порядками, установившимися въ Великороссіи послѣ объединенія ея около Москвы.

Когда и какъ возникъ Новгородъ Великій неизвѣстно, несмотря на то, что названіе города характеризуетъ его словомъ „новый". Вѣроятно, какъ и Кіевъ, Новгородъ возникъ изъ соединенія нѣсколькихъ селеній, слѣды которыхъ ученые изслѣдователи видятъ въ распредѣленіи города на отдѣльныя части—концы, но по отношенію къ какому „старому" городу это соединеніе „концовъ" въ одно поселеніе было названо „новымъ" городомъ—неизвѣстно, и никакое преданіе, богатаго вообще преданіями новгородскаго края, не открываетъ причину такого названія.

Рѣка Волховъ, вытекающая изъ недалекаго отъ города озера Ильмень, дѣлитъ Новгородъ на двѣ части: правая, по восточному берегу, называлась Торговой, потому что здѣсь находился главный городской торгъ; лѣвая, по западному берегу, звалась Софійской, съ той поры, конечно, какъ здѣсь была построена соборная церковь Новгорода, храмъ св. Софіи Обѣ стороны соединялись Великимъ волховскимъ мостомъ. На Торговой сторонѣ, возлѣ самаго торга, находилась площадь, которую называли Ярославовымъ, или Княжимъ дворомъ, потому что здѣсь стоялъ дворъ Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ. Здѣсь возвышалась „степень"—помостъ, вокругъ котораго собиралось вѣче; съ этого помоста новгородская „старшина" обращалась съ рѣчами къ народу; возлѣ степени находилась вѣчевая башня, на которой висѣлъ колоколъ, звонъ котораго созывалъ новгородцевъ на вѣче; въ низу башни помѣщалась вѣчевая канцелярія, гдѣ сидѣли дьяки и подьячіе, записывавшіе постановленія вѣча и составляв-

Планъ Господина Великаго Новгорода (XVI в.) въ Знаменскомъ новгородскомъ соборѣ.

шіе грамоты по порученію вѣча и старѣйшинъ. Торговая сторона дѣлилась на два конца — Плотницкій и Словенскій. Словенскій конецъ считаютъ мѣстомъ древнѣйшаго поселенія изъ тѣхъ, которые составили Новгородъ. Вся Торговая сторона именовалась иногда по этому концу — Словенской. Софійская сторона дѣлилась на три конца: Наревскій, Загородскій и Гончарскій или Людинъ. На Софійской сторонѣ, возлѣ начала великаго моста возвышались стѣны „дѣтинца“, т.-е. городской крѣпости, гдѣ стоялъ храмъ св. Софіи. Всѣ пять концовъ Новгорода были обнесены крѣпкимъ землянымъ валомъ съ башнями и рвомъ. За этой оградой начинались многочисленные посады, монастыри, монастырскія слободы, широкой и многолюдной цѣпью окаймлявшіе Новгородъ.

Обширныя владѣнія Великаго Новгорода дѣлились на „пятины“ и „волости“. Дѣленіе на „пятины“ установилось довольно поздно, какъ кажется, не ранѣе XIV в., а до этого земля Новгорода Великаго дѣлилась на „земли“ и „ряды“. Пятины новгородской земли начинались вплоть у самаго Новгорода, только одна Бѣжецкая отступала отъ самаго города. На сѣверо-западъ отъ Новгорода между рѣками Волховомъ и Лугой по направленію къ Финскому заливу шла пятина Вотьская, называвшаяся такъ по финскому племени вотъ, обитавшему здѣсь; на сѣверо-востокъ справа отъ Волхова, до самаго Бѣлаго моря, по обѣ стороны Онежскаго озера тянулась пятина Обонежская; къ юго-востоку между Мстою и Ловатью находилась пятина Деревская; къ юго-западу, между Ловатью и Лугой, по рѣкѣ Шелони располагалась Шелонская пятина; на отлетѣ отъ города, между Обонежской и Деревской начиналась пятина Бѣжецкая, простиравшаяся далеко на востокъ, склоняясь къ югу. Очень можетъ быть, что округа Новгородской земли, получившіе названіе пятинъ, выросли изъ древнѣйшихъ и ближайшихъ къ городу владѣній путемъ постепеннаго ихъ расширенія и дѣленія между концами. Пятины во всѣхъ дѣлахъ своихъ по суду и управленію зависѣли отъ тѣхъ концовъ, къ которымъ были приписаны.

Волостями назывались владѣнія болѣе отдаленныя и позднѣе пріобрѣтенныя. Таковы были волости городовъ Волоколамска, Бѣжичей, Торжка, Ржева, Великихъ Лукъ. За пятинами Обонежской и Бѣжецкой далеко на сѣверо-востокъ простиралась Двинская земля; по рѣкѣ Вычегдѣ и ея притокамъ расположилась земля Пермская, еще далѣе къ сѣверо-востоку находилась волость Печора по рѣкѣ того же имени до Уральскаго хребта, а за нимъ простиралась дикая волость Югры; на сѣверномъ берегу Бѣлаго моря была волость Тре или Терскій берегъ.

Всѣ эти волости были рано пріобрѣтены Новгородомъ; уже въ XI вѣкѣ новгородцы собирали дань за Двиной и Печорой, ходили въ область Великой Біарміи, т.-е. въ Пермскую землю, знали пути и за Каменный поясъ, т.-е. за Уралъ. Всѣ эти волости являлись какъ бы колоніями Новгорода, обязанными доставлять то сырье, которымъ Новгородъ торговалъ. Путемъ военно-торговыхъ экспедицій за пушнымъ и другимъ товаромъ новгородцы прознали давно путь въ эти области; скоро тамъ образовались поселки, такъ сказать, конторы и факторіи новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ съ туземцами. При воинственномъ характерѣ тогдашней торговли, туземцы обязывались платить дань пришельцамъ и работать на заведенныхъ ими лѣсныхъ, соляныхъ и другихъ промыслахъ. Слѣдствіемъ всей этой предпріимчивой дѣятельности и было то, что названныя земли стали волостями Великаго Новгорода. Каждая волость имѣла свой городъ, который именовался пригородомъ Великаго Новгорода. Управлялась волость вѣчемъ пригорода, но посадникъ въ пригородъ присылался изъ Новгорода. Пригородъ платилъ дань Новгороду и выставлялъ по его требованію войско.

Историческое преданіе, лѣтопись, народныя сказанія и пѣсни, наконецъ, ученыя изслѣдованія рисуютъ Новгородъ Великій, какъ богатый торговый городъ. Торговля, какъ главное занятіе жителей, опредѣлялась самымъ положеніемъ Новгорода и условіями того края, гдѣ онъ возникъ. Новгородъ лежитъ близко къ главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ русской равнины — къ Западной Двинѣ, Днѣпру и Волгѣ, а Волховъ соединяетъ его пря-

мымъ воднымъ путемъ съ Финскимъ заливомъ. Благодаря этой близости къ большимъ торговымъ путямъ Руси, Новгородъ очень рано втянулся въ торговую дѣятельность. Хлѣбопашество въ Новгородскомъ краю никогда не могло развиться, благодаря почвѣ очень неудобной для земледѣлія, всякаго же лѣсного товара этотъ край доставлялъ большое изобиліе, создавая такимъ образомъ для своихъ обитателей самый предметъ торговли. Расположившись на выходѣ въ море изъ страны, богатой всякимъ сырьемъ, Новгородъ естественно и сдѣлался мѣстомъ вывоза товаровъ, которые эта страна производила, и ввоза тѣхъ, въ которыхъ она нуждалась.

Сношенія Новгорода съ Западной Европой установились очень давно — путь въ Гардарикъ черезъ Остергардъ, т.-е. Восточный городъ, какъ они называли Новгородъ, варяжскіе воины и купцы прознали очень давно. Въ XI и XII вв. Новгородъ велъ уже обширную торговлю съ городомъ Висби на Готландѣ, или съ „готскимъ берегомъ", какъ называли его новгородцы. Готландскіе купцы имѣли въ Новгородѣ свой дворъ и церковь; на Готландѣ тоже былъ новгородскій дворъ и церковь. Такъ какъ Висби очень оживленно торговалъ съ нѣмцами, то и нѣмцы черезъ Висби рано стали проникать въ Новгородъ, а новгородскіе купцы торговали въ Швеціи и въ Даніи, слѣдовательно, знали дороги и въ нѣмецкіе прибалтійскіе города. Уже въ XII в. рядомъ съ готскимъ дворомъ стоитъ въ Новгородѣ дворъ нѣмецкій, а въ Любекѣ въ это же время проживаютъ русскіе купцы изъ Новгорода.

Въ XIII вѣкѣ нѣмецкіе города, какъ извѣстно, образовали союзъ, получившій названіе Ганзейскаго. Этотъ союзъ мало-по-малу сталъ не только посредникомъ въ торговлѣ южно-европейской и средне-европейской, а черезъ Новгородъ сдѣлался посредникомъ въ обмѣнѣ товаровъ европейскихъ и азіатскихъ. Вмѣстѣ съ ростомъ торговаго могущества, союзъ ганзейскихъ городовъ пріобрѣлъ скоро и значеніе сильнаго государства, въ договоры съ которымъ не гнушались вступать самые сильные владѣтели тѣхъ временъ. Во главѣ, союза стоялъ городъ Любекъ. Островъ Готландъ сдѣлался

союзнымъ и подвластнымъ Ганзѣ и ганзейскіе нѣмцы-купцы взяли тогда въ свои руки и торговлю съ Новгородомъ. „Нѣмецкіе купцы въ Новгородѣ,—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—составляли совершенно особую, тѣсно замкнутую общину. По договорамъ, заключеннымъ съ Новгородомъ, они пользовались полнымъ самоуправленіемъ. Новгородскія власти не имѣли права вступаться въ дѣла, возникавшія между нѣмцами; судить нѣмцевъ должны были ихъ собственные выборные ими начальники — ольдермены, т.-е. старшины. Безъ разрѣшенія ольдермена ни одинъ новгородскій чиновникъ не могъ войти во дворъ нѣмецкой конторы въ Новгородѣ. Случаи несогласія нѣмца съ новгородцемъ должны были разбираться ольдерменами, и если только новгородецъ былъ недоволенъ судомъ, то могъ жаловаться высшимъ новгородскимъ чиновникамъ — посаднику или тысяцкому. Договорами было также постановлено, что съ задолжавшаго новгородца первое взысканіе дѣлалось въ пользу его иностранныхъ кредиторовъ.

Оградивъ себя такими привилегіями, нѣмецкіе купцы торговали не иначе, какъ цѣлой общиной. Совѣтъ нѣмецкой компаніи установлялъ, какіе товары привозить въ Новгородъ, какіе купить у новгородцевъ, на какую сумму каждый изъ купцовъ могъ купить товару; совѣтъ опредѣлялъ также и цѣны какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ товаровъ.

Вести торговлю нѣмецкимъ купцамъ позволялось только оптовую; они не имѣли права ни брать у новгородцевъ денегъ взаймы ни давать имъ. Пріѣзжать въ Новгородъ нѣмецкіе купцы могли только два раза въ годъ: на зиму и на лѣто; сообразно съ этимъ они и назывались зимними или лѣтними гостями. Зимніе пріѣзжали осенью, жили зиму и со вскрытіемъ рѣкъ уѣзжали, взамѣнъ ихъ пріѣзжали гости лѣтніе.

Суда нѣмецкихъ торговцевъ плыли, обыкновенно, цѣлыми караванами, подъ охраной военныхъ ганзейскихъ кораблей, такъ какъ море было небезопасно отъ пиратовъ, до города Висби, а отсюда держали путь ужъ прямо на островъ Кетлингенъ, или Котлинъ, въ Финскомъ заливѣ, передъ устьемъ

р. Невы. Здѣсь иноземныхъ гостей встрѣчали новгородскіе лоцмана и пристава, державшіе „стражу морскую“, и провожали гостей до самаго Новгорода. Пройдя мимо Котлина, суда вступали въ Неву, потомъ въ Ладожское озеро и достигали устья Волхова, гдѣ заморскій товаръ перегружался съ глубоко сидѣвшихъ морскихъ судовъ на мелкія рѣчныя и сплавлялся по Волхову. Не доѣзжая до Новгорода, суда останавливались: здѣсь производился счетъ товаровъ, и они облагались пошлиной. Въ Новгородѣ товаръ выгружали съ судовъ и на извозчичьихъ телѣгахъ доставляли на нѣмецкій дворъ. Чтобы не было запросовъ со стороны извозчиковъ и чтобы не возникало какихъ-либо недоразумѣній съ нанимателями - чужеземцами, а также во избѣжаніе промедленія въ доставкѣ товара, новгородское правительство установило постоянную таксу за провозъ товара отъ берега до нѣмецкаго двора. До двора нѣмецкаго полагалось 10 кунъ съ воза, а до готскаго—15 кунъ.

Кромѣ этого пути, нѣмцы могли возить свои товары черезъ Псковъ, и черезъ Нарву по сухому пути; это былъ преимущественно зимній путь. Возить иноземный товаръ другими дорогами въ Новгородъ запрещалось, и товары, привезенные неуказанными путями, отбирались въ казну.

Нѣмецкій дворъ былъ обнесенъ высокой стѣной, и его охраняла масса цѣпныхъ собакъ и нѣмецкая стража. По договорамъ, новгородцы не могли строить зданія около этого двора и держать здѣсь товаръ, не могли даже просто собираться возлѣ и играть въ свайку. Во дворѣ стояла церковь и большое зданіе съ обширной палатой—„гридницей“, гдѣ собирались иностранные купцы; около этой комнаты была меньшая для слугъ, тутъ же помѣщались и отдѣльныя спальни. Кругомъ всего зданія были выстроены клѣти или амбары для склада товаровъ; но товаровъ привозили такое множество, что они не помѣщались въ амбарахъ и сваливались въ общей комнатѣ и даже въ церкви.

Благодаря тѣмъ привилегіямъ, какими нѣмцы сумѣли обставить себя въ Новгородѣ, и тяжелому кулаку Ганзы, ко-

торая не скупилась показывать его слабѣйшимъ друзьямъ и союзникамъ, новгородская торговля съ заграницей скоро совершенно очутилась въ нѣмецкихъ рукахъ, и роль новгородскихъ купцовъ свелась къ покупкѣ того, что привозили нѣмцы и перепродажѣ внутрь страны. Нѣмецкіе купцы заранѣе уговаривались между собой и покупали товаръ у новгородцевъ по тѣмъ цѣнамъ, по какимъ хотѣли, и новгородцы ничего не могли съ этимъ подѣлать, несмотря на то, что нѣкоторые товары, напримѣръ, восточные, нѣмцы только отъ новгородцевъ и могли получить. Лучшая организація, какъ всегда, побѣждала. Иностранные товары Новгородъ покупалъ, конечно, не только для себя, но и для перепродажи въ другія русскія области. Новгородскіе купцы постоянно ѣздили въ Суздаль, Владиміръ, Кіевъ, Черниговъ, Галичъ, даже въ Литву. Являясь продавцами иноземныхъ товаровъ, новгородцы были въ то же время и покупателями туземныхъ для заграничнаго рынка.

Самымъ важнымъ предметомъ торговли Новгорода съ другими русскими княжествами былъ хлѣбъ, въ которомъ Новгородъ нуждался не только для перепродажи иноземцамъ, но и для себя, такъ какъ болотистая новгородская почва родила хлѣба мало. Хлѣбъ шелъ въ Новгородъ изъ Рязани, по Окѣ и Москвѣ-рѣкѣ, на Волоколамскъ, а съ верхняго Поволжья на Тверь и Торжокъ. Неурожаи и войны, стѣснявшіе доставку хлѣба въ Новгородъ, бывали иногда причиной страшныхъ голодовокъ въ Новгородской землѣ. Такъ, въ 1187 г. цѣны на хлѣбъ въ Новгородѣ поднялись такъ, что родители продавали нѣмцамъ своихъ дѣтей, только бы спасти ихъ отъ ужаса голодной смерти. Такая зависимость Новгорода въ столь существенномъ вопросѣ, какъ хлѣбъ насущный, отъ другихъ русскихъ земель была причиной того, что сильные князья, какъ Андрей Боголюбскій, а впослѣдствіи и московскіе, могли держать Новгородъ въ повиновеніи, не прибѣгая къ оружію: стоило имъ только прекратить доставку хлѣба на новгородскіе рынки, и смирённый ожиданіемъ голода Господинъ Великій Новгородъ шелъ на уступки даже передъ побѣжден-

нымъ въ открытомъ бою противникомъ, державшимъ въ своихъ рукахъ ключи отъ житницъ Поволжья и Рязани.

Крайняя небезопасность тогдашней торговли, отдаленность рынковъ, трудность дороги къ нимъ, необходимость быть сильными и вооруженными при торгово-промысловыхъ экспедиціяхъ въ страны дикарей,—всѣ эти обстоятельства заставляли новгородскихъ купцовъ вести свою торгово-промысловую дѣятельность артелями или компаніями. Купеческихъ артелей было въ Новгородѣ много; раздѣлялись онѣ или по товару, которымъ участники ихъ торговали, или по мѣстности, куда они ходили; сообразно съ этимъ, въ Новгородѣ были артели купцовъ низовскихъ, т.-е. торговавшихъ съ Низовой землей, какъ тогда въ Новгородѣ называли Суздальскую область; поморскими купцами звались тѣ, которые ходили на Балтику или на Бѣлое море; купцы, торговавшіе солью, назывались прасолы.

Особенное значеніе имѣла въ городѣ артель купцовъ, соединившихся около храма св. Іоанна Предтечи, или, по-новгородски, у Ивана Великаго въ Опокахъ; Опоки — мѣстность возлѣ Ярославова двора. Всякій купецъ, пожелавшій вступить въ „Иваново сто", долженъ былъ внести вкладъ — 50 гривенъ и, кромѣ того, пожертвовать $29^1/_2$ гривенъ въ пользу церкви св. Ивана на Опокахъ. Такой купецъ уже навсегда дѣлался участникомъ Ивановой сотни и передавалъ это право своимъ дѣтямъ. Въ отличіе отъ другихъ купцовъ его называли „пошлымъ", т.-е. стариннымъ купцомъ, и въ этомъ заключалось много гордости и довольства для тогдашняго купца; принадлежность къ Ивановой сотнѣ сильно способствовала кредиту и положенію купца въ торговомъ мірѣ. Купцы, записавшіеся въ „Иваново сто", имѣли большія привилегіи; такъ, они имѣли право получать отъ города военный отрядъ для конвоя ихъ торговыхъ экспедицій, отправлявшихся, напримѣръ, на Уралъ; въ минуты торговыхъ затрудненій, грозившихъ ивановскому купцу „изгойствомъ", т.-е. банкротствомъ, онъ получалъ изъ общественной кассы подмогу, которая раскладывалась на всѣхъ участниковъ сотни.

Звонница Софійскаго собора въ Новгородѣ.

У Ивана Великаго на Опокахъ находился общественный гостиный дворъ, гдѣ купцы складывали свои товары и гдѣ въ особой „гридницѣ“, т.-е. обширной палатѣ, они собирались для разсужденій объ общихъ дѣлахъ. Для веденія текущихъ дѣлъ общества они выбирали изъ своей среды старосту, который самъ выбиралъ себѣ помощниковъ. Общественная касса помѣщалась въ самой церкви. На хорахъ церкви св. Ивана находились лари — вдѣланные въ стѣну шкапы, гдѣ хранились

торговыя книги, документы, всѣ новгородскія грамоты и договоры; церковь св. Ивана являлась, такимъ образомъ, государственнымъ архивомъ для всего Новгорода вмѣстѣ съ храмомъ св. Софіи, гдѣ хранились еще и духовныя грамоты. Въ подвалахъ церкви св. Ивана складывались товары и находилась общественная касса. Около церкви помѣщался рынокъ, торгъ, и стояли вѣсы, на которыхъ вѣшали товары; при вѣсахъ состояли особые выборные присяжные чины, которые производили взвѣшиваніе и наблюдали за правильностью вѣса и торговли; за взвѣшиваніе, какъ и при продажѣ товара, взималась съ покупателя особая пошлина. Рядомъ съ большими вѣсами находились еще малые, служившіе для взвѣшиванія драгоцѣнныхъ металловъ, слитки которыхъ замѣняли тогда чеканную монету. При церкви св. Ивана состоялъ и торговый судъ, предсѣдателемъ котораго былъ тысяцкій. Такимъ образомъ, церковь св. Ивана на Опокахъ, возлѣ которой объединились богатѣйшіе купцы, являлась какъ бы центромъ всей новгородской торговли.

Успѣшная торговая дѣятельность подняла необыкновенно силу и значеніе Великаго Новгорода; торговлей жило все новгородское населеніе, и торговый человѣкъ въ Новгородѣ — самая большая сила; никакой договоръ, никакое рѣшеніе не проводится на вѣчѣ безъ согласія купца; предпріимчивая, полная опасностей, удачи и неудачи торговая жизнь вырабатывала изъ новгородцевъ и людей предпріимчивыхъ, упорныхъ, настойчивыхъ, дерзкихъ и смѣлыхъ. Новгородскія былины о Васькѣ Буслаевѣ и о Садко рисуютъ яркими красками надменную и безшабашную удаль новгородскаго купца-богача. Эта удаль и отвага, не находя себѣ исхода на родинѣ, заставляла многихъ новгородцевъ уходить на сторону, на Волгу, главнымъ образомъ, въ страну старинныхъ враговъ Новгорода — суздальцевъ, чтобы грабить здѣсь людей и торговыя суда. Эти разбойничьи походы новгородскихъ удальцовъ-ушкуйниковъ часто бывали причиной большихъ и опасныхъ для Новгорода недоразумѣній съ сосѣдями.

Въ 1375 г. какой-то новгородецъ Прокопъ собралъ ватагу въ 2.000 человѣкъ и изъ Двинской земли прошелъ на Волгу. Здѣсь ушкуйники напали на Кострому. Великокняжескій воевода бѣжалъ, и Прокопъ съ товарищами разграбилъ городъ, набралъ много всякаго добра, плѣнилъ жителей, не щадя женщинъ и дѣтей, и пошелъ внизъ по Волгѣ, гдѣ пограбилъ окрестности Нижняго-Новгорода, разграбилъ множество купеческихъ судовъ, перебилъ бесерменскихъ, т.-е. татарскихъ, персидскихъ и бухарскихъ купцовъ. Въ г. Булгарахъ онъ продалъ татарамъ весь свой полонъ и добрался до Астрахани, гдѣ какой-то татарскій князь перебилъ всю ватагу Прокопа. Новгородскихъ ушкуйниковъ знали и въ Перми и въ Заволочьи, на своихъ лодкахъ проникали они на Бѣлое море и грабили сѣверные берега Норвегіи.

Постоянные грабежи и убійства были довольно обычнымъ дѣломъ и въ самомъ Новгородѣ. Новгородская „голка", какъ тамъ звали чернь, часто производила большія буйства, на которыя ее легко было и купить. Кому надо было, тотъ всегда могъ натравить „голку" на своего врага или недруга. До кровавыхъ столкновеній эти буйства, впрочемъ, доходили рѣдко, ограничиваясь шумомъ и дракой; зато во время пожаровъ „голка" расходилась во-всю—грабила, тащила имущество погорѣльцевъ, мѣшала тушить пожаръ; вѣче строго наказывало виновныхъ: кого схватывали, тѣхъ присуждали къ старинной новгородской казни—къ сверженію въ Волховъ съ высокаго Волховскаго моста.

Другой особенностью Великаго Новгорода, кромѣ широко развитой торговой жизни, являлось то державное самоуправленіе, которое этотъ городъ выработалъ себѣ, пользуясь особенностями своей исторической жизни.

Въ кіевское время Новгородская область, какъ начало великаго воднаго пути, находилась всегда въ завѣдываніи великаго князя кіевскаго. Великій князь посылалъ, обыкновенно, въ Новгородъ намѣстникомъ своего старшаго сына. Княжескія усобицы влекли за собой частую смѣну князей въ Нов-

городѣ; частыя смѣны князей сопровождались перемѣнами въ средѣ новгородскаго начальства, потому что когда князь покидалъ городъ, то слагалъ съ себя должность и назначенный имъ посадникъ, такъ какъ обычай требовалъ, чтобы новый князь назначалъ всегда своего.

Въ промежуткахъ, когда одинъ князь ушелъ, а другой еще не приходилъ, новгородцы сами „давали посадничество“ кому хотѣли.

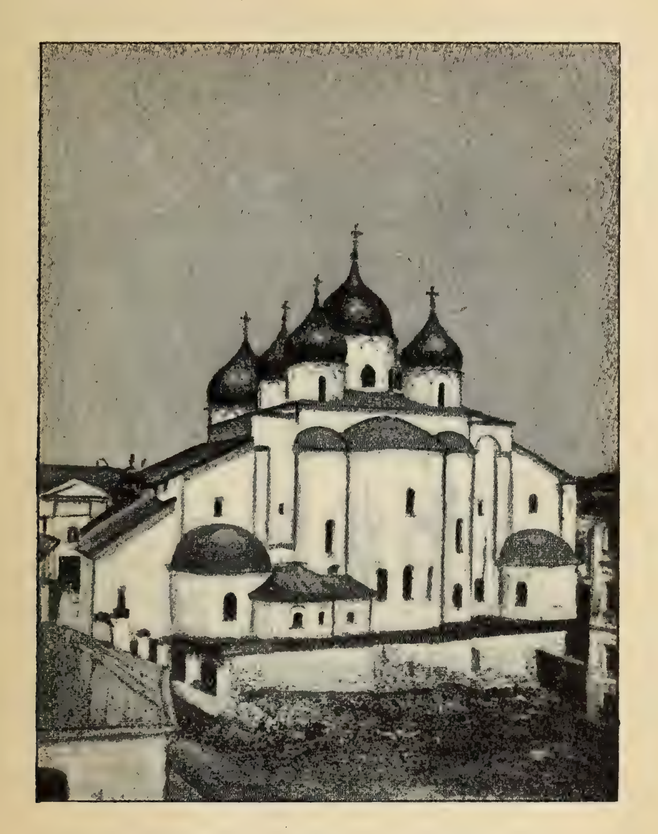
Усиленіе княжескихъ усобицъ въ началѣ XII в. имѣло своимъ слѣдствіемъ вообще усиленіе значенія вѣча во всѣхъ городахъ. Въ Новгородѣ это усиленіе, благодаря отдаленности отъ Кіева, сказалось и скорѣе и рѣзче, чѣмъ въ другихъ городахъ. Новгородцы стали принимать къ себѣ князей, непремѣнно заключая съ ними договоры о томъ, что княжье и во что князю не вмѣшиваться, и сдѣлали высшія городскія должности—посадника и тысяцкаго—независимыми отъ воли князя и выборными.

Во второй половинѣ XII вѣка новгородцы стали выбирать и епископа, т.-е. выбирали изъ мѣстнаго своего духовенства лицо, которое хотѣли имѣть у себя архіереемъ, и митрополиту всея Руси оставалось только посвящать въ санъ этого избранника.

При заключеніи договора съ княземъ, онъ обязывался крестнымъ цѣлованіемъ блюсти новгородскія права, „держать Новгородъ по старинѣ, по пошлинѣ“. Эта старина и пошлина заключалась въ томъ, что князь являлся высшей правительственной и судебной властью въ городѣ, но дѣйствовалъ не одинъ и не по личному усмотрѣнію, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго новгородскаго посадника: „безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ ти ни даяти“, гласитъ соотвѣтствующая статья одного договора. На низшія должности князь могъ назначать только новгородцевъ, а не кого-либо изъ своихъ дружинниковъ, да и то эти назначенія могли осуществляться лишь съ согласія посадника. Безъ согласія вѣча посадникъ не могъ быть смѣненнымъ.

Въ 1218 году новгородскій князь Святославъ потребовалъ у вѣча, чтобы оно удалило неугоднаго ему чиновника, выбраннаго вѣчемъ, посадника Твердислава. Новгородцы спросили:

— А какая его вина?

Соборъ св. Софіи въ Новгородѣ.

Князь отвѣтилъ, что Твердиславъ „безъ вины" не угоденъ ему. Тогда новгородцы сказали Святославу:

— Княже! Оже нѣту вины его, ты къ намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа власти не лишити. А тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ! т.-е.: „Вотъ ты лишаешь

мужа должности, а ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа должности не лишать. Мы его выбрали, не хотимъ мѣнять!“

Князь уступилъ „и бысть миръ“.

Въ своихъ договорахъ съ князьями новгородцы особенно тщательно уговаривались о вознагражденіи князя. Князь получалъ „даръ“ съ новгородскихъ волостей, входившихъ въ составъ коренныхъ новгородскихъ земель; затѣмъ онъ получалъ дары отъ новгородцевъ по пути, когда ѣхалъ на княженіе, но не получалъ ничего, уѣзжая изъ Новгородской земли.

Затѣмъ князь пользовался судными и проѣзжими пошлинами, и въ его распоряженіе были предоставлены разныя угодья, особыя княжескія рыбныя ловли, сѣнокосы, звѣриные гоны, но этимъ всѣмъ князь могъ пользоваться по правиламъ точно опредѣленнымъ, въ урочное время и въ установленныхъ размѣрахъ. Особыми статьями въ договорахъ съ княземъ ему запрещалось пріобрѣтать въ собственность села и слободы въ Новгородской землѣ и принимать людей-новгородцевъ въ закладъ.

Князь не могъ также имѣть въ Новгородѣ какихъ-либо доходныхъ статей независимо отъ города. Торговать съ заморскими купцами князь могъ только черезъ новгородскихъ купцовъ; не смѣлъ затворять нѣмецкаго двора и ставить къ нему своихъ приставовъ. Главной задачей князя—основной цѣлью, ради которой Новгородъ держалъ его, была обязанность его защищать Новгородъ отъ нападеній внѣшнихъ враговъ.

Неисполненіе княземъ условій договора было предметомъ страшнаго шума на вѣчѣ и кончалось въ обидныхъ для города случаяхъ тѣмъ, что князю, „исписавши вся вины его“, указывали путь, т.-е. просили его оставить Новгородъ.

Въ 1270 году новгородцы сказали своему князю Ярославу:

— Почему ты, князь, завладѣлъ всѣмъ Волховомъ и полями, всюду разставивъ своихъ ловцовъ? Зачѣмъ отнялъ дворъ у Алексы Мартынича? Зачѣмъ взялъ лишнія деньги съ Никифора Манускинича? Зачѣмъ гонишь изъ города инозем-

цевъ, которые у насъ живутъ? Не можемъ больше, князь, терпѣть твоего насильства; уѣзжай отъ насъ, а мы себѣ промыслимъ другого князя!

Выбирая себѣ князей и отпуская ихъ отъ себя по произволу, Новгородъ является собственно республикой, а не монархическимъ союзомъ, несмотря на присутствіе князя.

Церковь Θеодора Стратилата на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ (XIV в.).

Князь—пришлый гость въ Новгородѣ, избранный городомъ охранитель и судья; новгородскій князь—князь кормлёный, т.-е. приглашенный по договору за кормъ или жалованье. Онъ и живетъ не въ самомъ городѣ, а внѣ его, на особомъ подворьѣ, называвшемся городище.

Какъ и всѣ старинные города Руси, Новгородъ составлялъ изъ себя тысячу, которая дѣлилась на сотни. Въ мирное

время сотня является полицейскимъ дѣленіемъ города, въ военное—рекрутскимъ округомъ. Во главѣ всей этой военно-полицейской части становился выборный тысяцкій. Каждая сотня со своимъ выборнымъ сотскимъ составляла особую общину, которая сама вѣдала свои дѣла.

Сотни дѣлились на улицы съ уличанскими или улицкими старостами во главѣ; каждая улица сама на уличномъ сходѣ вѣдала свои дѣла.

Каждый изъ пяти концовъ Новгорода состоялъ изъ двухъ сотенъ; во главѣ конца стоялъ выборный кончанскій староста, управлявшій дѣлами конца, однако, не единолично, а при содѣйствіи особой управы изъ наиболѣе уважаемыхъ, сильныхъ и знатныхъ обывателей конца, подъ контролемъ кончанской сходки. Такимъ образомъ Новгородъ состоялъ изъ множества мелкихъ и крупныхъ самоуправляющихся общинъ, при чемъ крупныя общины составлялись изъ соединенія мелкихъ.

Общій тонъ и направленіе, объединявшее всѣ эти общины въ одинъ крѣпкій и сильный организмъ, давало Новгороду вѣче—общая сходка всѣхъ горожанъ.

Путемъ частой практики выработался въ Новгородѣ довольно стройный порядокъ вѣчевыхъ собраній. Какъ и въ другихъ городахъ, въ Новгородѣ присутствовать на вѣчѣ и говорить могли всѣ взрослые новгородцы-домохозяева, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре и купцы, такъ и черные люди.

По звону на вѣче новгородцы собирались, какъ можно думать, каждый конецъ и каждая улица со своими кончанскими и уличанскими старостами на своихъ концахъ и улицахъ около храмовъ и потомъ уже двигались на вѣчевую площадь, откуда несся хорошо знакомый новгородскому уху звонъ вѣчевого колокола. Когда вѣче собиралъ князь, и вообще, когда князь былъ въ согласіи съ новгородцами и находился въ городѣ, то и онъ являлся на вѣче. Если же князь былъ въ отъѣздѣ, вмѣсто него приходилъ намѣстникъ князя. Иногда, въ

особо важныхъ случаяхъ, когда вѣчу приходилось рѣшать дѣло очень серьезное, приглашался вѣчемъ для преподанія благословенія новгородскій архіепископъ.

Пришедши на Ярославовъ дворъ, горожане садились или становились, вѣроятно, каждая улица и каждый конецъ вмѣстѣ при своихъ старостахъ и сотскихъ. Около самой степени размѣщались князь и вся выборная власть города. Тутъ же находился и вѣчевой дьякъ со своими подьячими, которые вели всѣ письменныя дѣла по вѣчу. Дьякъ составлялъ и

+ бл҃гословлениe ѿ влдкы поклананиe ѿ посадни
ка михаила и ѿ тысяцьскаго кондрата и ѿ всего
новагорода и ѿ всѣхъ старѣишихъ и ѿ всѣхъ ме
ньшихъ къ кн҃зю ярославоу на семь кнѧже цѣлоуи
хрѣстъ ко всемоу новоугородоу на чемь то цѣловали
дѣди и оци и оць твои ярославъ новъгородъ ти
дьржати въ старинѣ по пошлинѣ что волости
всѣхъ новгородьскыхъ того ти кнѧже не дьржа
ти своими мужи нъ дьржати мужи новгоро
дьскыми а даръ имати ти отъ тѣхъ волостии а
без посадника ти волостии не раздавати а ко
моу раздалъ волости братъ твои александръ и
дмитрии съ новгородци то бе тѣхъ волостии бе
звины не лишати а оу тотьи кнѧже пошло на торо
жку и на волоцѣ тивоунъ свои дьржати

Новгородская договорная грамота XIII вѣка.

скрѣплялъ вѣчевую грамоту, въ которой излагалось рѣшеніе вѣча. Грамота эта писалась отъ всего Новгорода такъ: „Отъ посадника Великаго Новгорода (такого-то), отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ и отъ тысяцкаго (такого-то) Великаго Новгорода и отъ всѣхъ старыхъ тысяцкихъ, и отъ бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, отъ всего Великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣче, на Ярославлѣ дворѣ, положили сдѣлать то-то и то-то“. Къ грамотѣ привѣшивалась печать, на которой стояло: „печать Новгородская“ или „печать Великаго Новгорода“.

Когда новгородцы почему-либо не надѣялись на успѣхъ вѣча, составленнаго только изъ горожанъ-новгородцевъ, то приглашали на вѣче выборныхъ отъ пригородовъ. Но вообще исконное правило,—что старшіе города сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ,—соблюдалось строго. Какъ и въ другихъ городахъ, всѣ дѣла на вѣчѣ рѣшались большинствомъ голосовъ, и рѣшеніе ставилось единогласное. Въ тѣхъ случаяхъ, когда страсти слишкомъ разгорались, это единогласіе достигалось насильственнымъ путемъ. Раздѣлившійся на два мнѣнія городъ составлялъ два вѣча: одно на Торговой сторонѣ, другое у Софійскаго храма. Споръ разрѣшался, какъ и у частныхъ лицъ, когда они не могли согласиться на чемъ-либо и безъ конца обвиняли другъ друга, „Судомъ Божіимъ", т.-е. поединкомъ. Оба вѣча сходились на Волховскомъ мосту и вступали въ драку. Бились на смерть оружіемъ, безпощадно сталкивая противниковъ въ воду. Драка длилась до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ не сдастся и не побѣжитъ, или пока на Волховскій мостъ не явится архіепископъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, сопровождаемый крестнымъ ходомъ, и видомъ святыни не прекратитъ кровопролитіе.

Печальная слава Волховскаго моста создала о немъ такую легенду: при Владимірѣ Святомъ, когда новгородцы, принимая христіанство, сбросили въ Волховъ идола Перуна, то онъ, доплывъ до моста, кинулъ на него свою палку и сказалъ: „Вотъ вамъ, новгородцы, отъ меня на память!" Съ тѣхъ-то поръ и стала литься новгородская кровь отъ новгородской же руки на Волховскомъ мосту.

Вѣче существовало въ Новгородѣ до 1478 г., когда, неужившись съ выработанными Москвою порядками, оно „перестало быть". Въ Псковѣ, младшемъ братѣ Новгорода, оно пало по одному приказанію изъ Москвы въ 1510 году, а въ Вяткѣ, завоеванной Москвою, вслѣдъ за Новгородомъ, въ 1485 году.

По характеру своему вѣче не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы, и дѣятельность его сводилась къ

простому принятію или отрицанію предлагавшагося законопроекта. Подготовлялъ всѣ дѣла къ вѣчу и собственно распоряжался въ городѣ новгородскій совѣтъ господъ, или господа. Эти господа то же самое, чѣмъ были старцы градскіе въ совѣтѣ кіевскаго князя. Но только въ Новгородѣ, благодаря служебному положенію самого князя и частому отсутствію его, они занимали неизмѣримо болѣе важное мѣсто. Князь не присутствовалъ на совѣтѣ новгородской господы, и

Судебная вѣчевая грамота.

предсѣдателемъ совѣта господъ былъ владыка архіепископъ. Совѣтъ состоялъ изъ степенныхъ посадниковъ и тысяцкаго, т.-е. изъ тѣхъ, которые находились на степени или на дѣйствительной службѣ, изъ кончанскихъ старостъ и сотскихъ, и изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, т.-е. тѣхъ, которые отбыли свою должность и не были избраны на нее вновь. Всѣ члены господы, кромѣ архіепископа, назывались боярами. Совѣтъ этотъ, состоя изъ людей знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ, которые были въ состояніи оказывать могуще-

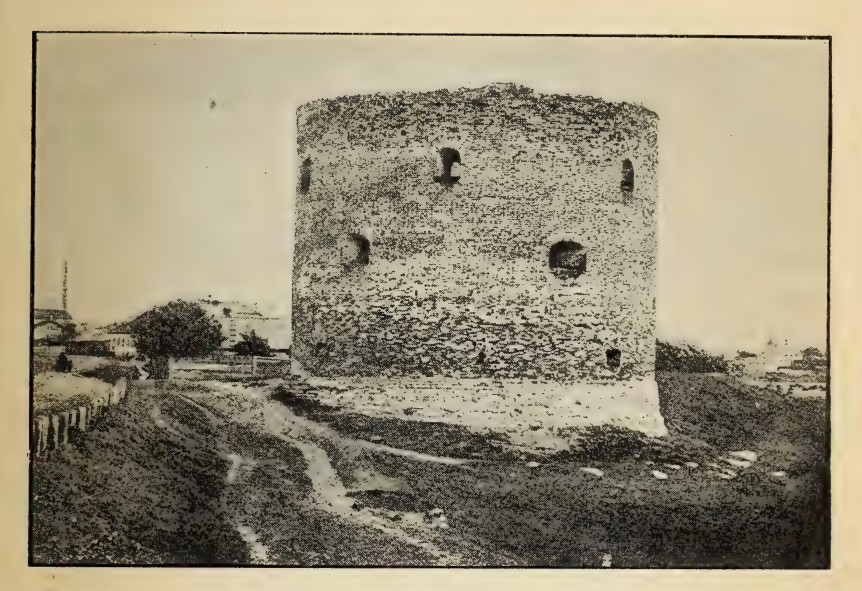
ственное вліяніе на простыхъ гражданъ, держалъ собственно въ рукахъ все вѣче и, не имѣя законодательной власти, умѣлъ проводить на вѣчѣ тѣ законы и положенія, какіе хотѣлъ.

Населеніе Новгорода Великаго раздѣлялось на бояръ, житьихъ людей, купцовъ и черныхъ людей. Боярами въ Новгородѣ назывались всѣ тѣ лица, которыя занимали по выбору вѣча высшія правительственныя должности и засѣдали въ совѣтѣ господы. Управляя городомъ по выбору вѣча, боярство руководило, благодаря своимъ капиталамъ, и всей торгово-промышленной дѣятельностью страны. Въ рукахъ бояръ сосредоточились огромныя земельныя владѣнія, богатыя разными промысловыми угодьями. Отсюда доставляли они на новгородскій рынокъ мѣха, кожи, воскъ, медъ, смолу, лѣсъ и пр. Торговля этимъ товаромъ сосредоточила въ рукахъ боярства и большіе денежные капиталы. Сами бояре, являясь владѣтелями иногда огромныхъ промысловыхъ угодій, не торговали съ иноземцами. Посредниками бояръ въ торговлѣ съ нѣмцами являлись купцы, которыхъ бояре ссужали и деньгами на торговыя дѣла.

Люди средняго состоянія, капиталисты средней руки, постоянные городскіе обыватели и домовладѣльцы назывались въ Новгородѣ житьими людьми. Житьи люди владѣли и землями, иногда въ довольно крупныхъ размѣрахъ. По своему значенію въ торговой и государственной жизни Новгорода житьи люди приближались къ боярству, но, являясь людьми новыми, недавно нажившимися, они не могли войти въ боярство. Новгородскій бояринъ, кромѣ того, что онъ крупный землевладѣлецъ и капиталистъ, еще и старинный новгородецъ, предки котораго давно уже поднялись своимъ богатствомъ надъ уровнемъ среднихъ людей и насчитывали въ своей средѣ не одного посадника и тысяцкаго, отбывающихъ эту должность по выбору всего Великаго Новгорода. Новгородцы всегда старались избирать свою старшину изъ бояръ.

Люди, которые занимались собственно торговлей, работая съ помощью боярскихъ капиталовъ и торгуя получаемымъ отъ

бояръ товаромъ, назывались купцами. Какъ уже упоминалось. купцы въ Новгородѣ дѣлились на общества, самымъ богатымъ и вліятельнымъ изъ которыхъ было Иваново. Мелкіе ремесленники, рабочіе, все мелкое городское населеніе, жившее трудомъ на состоятельныхъ и обезпеченныхъ людей, называлось въ Новгородѣ черными людьми.

Бѣлая башня въ Новгородѣ.

Все свободное сельское населеніе Новгородской земли дѣлилось на смердовъ и половниковъ. Смерды—это тѣ земледѣльцы, которые обрабатывали государственныя земли; половниками назывались тѣ, кто обрабатывалъ земли на условіяхъ аренды у частныхъ владѣльцевъ; обыкновеннымъ условіемъ аренды было обрабатывать землю исполу, изъ половины урожая, отсюда и самое названіе—половникъ. Половники находились въ извѣстной зависимости отъ владѣльцевъ земли и, такимъ образомъ, были людьми до извѣстной степени подневольными.

Кромѣ смердовъ и половниковъ, въ Новгородской землѣ существовали земледѣльцы - собственники, которые владѣли небольшими участками земли и сами обрабатывали ихъ. Они назывались земцами или своеземцами.

Владѣнія ихъ рѣдко стояли въ одиночку, и чаще всего были расположены цѣлымъ гнѣздомъ, при чемъ они владѣли землей и обрабатывали ее часто совмѣстно, связанные родствомъ или договоромъ.

Такимъ образомъ, люди новгородскаго общества раздѣлялись на особые разряды, при чемъ основой дѣленія являлось не только имущественное первенство, но и происхожденіе (бояре). На почвѣ этого раздѣленія на разряды по имуществу создалось и неравенство людей различныхъ разрядовъ при участіи ихъ въ общественной и государственной жизни. Не было такого закона, который бы запрещалъ вѣчу избирать посадника изъ какого-либо другого разряда людей, кромѣ бояръ, но вѣче ни разу, сколько извѣстно, не выбрало на эту высокую должность кого-либо изъ купцовъ или житьихъ людей. Въ отбываніи нѣкоторыхъ повинностей бояре и житьи люди пользовались нѣкоторыми льготами. Положеніе смердовъ или многочисленныхъ холоповъ также не могло сравниться съ положеніемъ боярина или житьяго человѣка.

Но на вѣчѣ могли принимать участіе всѣ свободные новгородцы съ одинаковымъ правомъ голоса. Получалось, такимъ образомъ, правило, что въ высшемъ правительствѣ должны значить одинаково голоса всѣхъ новгородцевъ — и бояръ, и житьихъ людей, и купцовъ, и черныхъ людей, — но спрашивается: могли ли они имѣть одинаковое значеніе при томъ неравенствѣ и зависимости одного разряда отъ другихъ? Конечно, нѣтъ. Встрѣчаясь на вѣчѣ съ лучшими — „лѣпшими“ или „вятшими“ людьми, по - тогдашнему, какъ съ равноправными вѣчниками, люди меньшіе должны были съ особой горечью чувствовать свою зависимость въ трудѣ отъ лѣпшихъ.

И вотъ на этой почвѣ рѣзкаго имущественнаго неравенства гражданъ и тяжкой зависимости низшаго рабочаго на-

селенія отъ немногихъ капиталистовъ разыгрывается борьба, наполняющая всю внутреннюю исторію Великаго Новгорода буйными и кровавыми сценами. Поводомъ къ проявленію этой розни служило все. Въ 1418 г. нѣкто Степанко, простой черный человѣкъ, схватилъ на улицѣ одного боярина и закричалъ:

— Господа, пособите мнѣ на этого злодѣя!

Пособники сейчасъ же нашлись. Боярина схватили, притащили на вѣче, избили до полусмерти и сбросили съ моста, какъ государственнаго преступника. Проѣзжавшій на челнокѣ подъ мостомъ рыбакъ сжалился надъ несчастнымъ и вытащилъ его. За это народъ разграбилъ домъ рыбака. Спасенный бояринъ захотѣлъ отомстить обидчику и, улучивъ время, схватилъ его. Тогда созвали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и чернь и бояре стали другъ противъ друга. Вооруженная чернь разграбила домъ боярина и всю улицу, гдѣ онъ имѣлъ домъ. Бояре рѣшили тогда освободить Степанка, и архіепископъ отправился съ крестомъ въ рукѣ на вѣчевую площадь умолять толпу разойтись, указывая ей, что Степанко свободенъ. Но толпа не угомонилась. Начался грабежъ другихъ боярскихъ домовъ. Бояре, обитатели Прусской улицы, дали отпоръ нападавшимъ. Тогда тѣ кинулись на свою демократическую сторону съ криками:

— Софійская сторона хочетъ дома наши грабить!

Поднялся звонъ по всему городу; съ обѣихъ сторонъ повалили люди къ Волховскому мосту, и началось настоящее сраженіе. Въ довершеніе всего разразилась страшная гроза. Владыка архіепископъ съ крестнымъ ходомъ, благословляя крестомъ на обѣ стороны, съ трудомъ усмирилъ озлобленныхъ противниковъ.

Въ болѣе раннее время, когда князья были болѣе или менѣе постояннымъ явленіемъ на новгородскомъ столѣ, новгородцы рѣдко умѣли единогласно сойтись на выборѣ одного князя. Обыкновенно, лица, торговавшія въ Смоленской землѣ, предпочитали имѣть князя изъ смоленскихъ Мономаховичей, а тѣ, кто велъ дѣла съ Черниговомъ, непремѣнно требовали князя изъ черниговскихъ Ольговичей, — все въ надеждѣ полу-

чить большія льготы и преимущества на мѣстахъ ихъ торговой добычливости отъ князей-родичей избраннаго вѣчемъ князя.

Глубокая рознь между богатыми и бѣдными, наполняя смутой и усобицей жизнь Новгорода, зародила мысль у обезпеченныхъ и сытыхъ искать управы противъ „голковъ" и черныхъ людей на сторонѣ, у великаго князя московскаго, отъ котораго Новгородъ зависѣлъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ хлѣбъ насущный. Это тяготѣніе одной части новгородскаго населенія къ Москвѣ вполнѣ совпадало со стремленіями московскихъ великихъ князей прибрать къ рукамъ Новгородъ. Когда это стремленіе опредѣлилось вполнѣ и стало дѣйствительно угрожать новгородской свободѣ, противъ Москвы поднялись и ея сторонники въ Новгородѣ, но Новгородъ оказался уже не въ силахъ противостоять Москвѣ. Издавна существовавшая рознь у Новгорода съ его пригородами на почвѣ насильственнаго захвата и пользованія со стороны новгородцевъ богатствами и землями пригородовъ, конечно, не сплотила пригороды дружнымъ оплотомъ вокругъ Новгорода, когда опредѣлилась ясно конечная побѣда Москвы. Военное устройство самого Новгорода было очень несовершенно. Оно состояло въ томъ, что на время войны набирался полкъ „по розрубу", т.-е. по разверсткѣ, изъ обывателей самого Новгорода, его пригородовъ и селъ. Это войско было настолько несовершенно и слабо, что въ 1456 г. двѣсти человѣкъ передового московскаго отряда опрокинули подъ Старой Руссой 5.000 отрядъ новгородцевъ. То же повторилось во дни рѣшительной борьбы съ Москвой въ 1471 г., когда Новгородъ потерялъ одну за другой двѣ арміи, а собранная наспѣхъ изъ совсѣмъ неопытныхъ воиновъ-ополченцевъ третья 40.000 армія была разбита на Шелони $4^1/_2$-тысячнымъ московскимъ отрядомъ, потерявъ на мѣстѣ боя 12.000 человѣкъ. Борьба Новгорода съ Москвой обострилась въ то время, когда при Иванѣ III произошло окончательное объединеніе около Москвы всей Великороссіи, и Москва и Новгородъ стояли какъ два соперника. Чувствуя свою гибель и гибель своихъ вольностей, которыхъ Москва не хотѣла сохранять, потому

что они совершенно не вязались со всѣмъ выработаннымъ ею строемъ, новгородцы обратились за помощью къ католической Литвѣ, но это сочли измѣной православію всѣ великорусскіе города, и послѣдній походъ на Новгородъ Ивана III благодаря этому неудачному обращенію къ чужеземцамъ, принялъ характеръ національнаго дѣла, отъ котораго зависѣла будущность всей Великороссіи. Отсюда и происходило то воодушевленіе, съ какимъ московскіе полки шли на новгородцевъ.

Окрестности Новгорода. Церковь на Волотовѣ, построенная въ 1352 г.

Составлено по сочиненіямъ: Н. И. Костомарова, „Сѣверно-русскія народоправства“, т. 1 и 2; В. И. Сергѣевичъ, „Вѣче и князь“; А. И. Никитскій, „Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода“; его же, „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода“. Ж. М. Н. Пр. 1869 г. 10 и 1870 года, 8.; В. О. Ключевскаго, „Курсъ русской исторіи“, ч. II. Заставка — съ рукописи XIV в.

Великій Государь Царь и Самодержецъ всея Руси.

Московское удѣльное княжество счастливо расположилось по теченію рѣки Москвы. Низовьями своими рѣка Москва связываетъ городъ и край съ областью рѣки Оки, а верховьями забирается на верхнюю Волгу. Это положеніе дѣлало рѣку Москву большой и удобной дорогой съ Новгородскаго края на Рязанскій. По рѣкѣ Москвѣ новгородцы ѣздили въ хлѣбородную Рязань за хлѣбомъ, котораго имъ

всегда не хватало. Москва стояла и на перепутьи съ кіевскаго юга на ростовско-суздальскій сѣверъ; она была пограничнымъ городомъ этой области; когда сѣверные князья хотѣли видѣться съ южными, то выбирали мѣстомъ свиданія Москву; кстати, и крайнее сѣверное владѣніе южныхъ, черниговскихъ, князей — Лопасня — находилось всего верстахъ въ шестидесяти отъ Москвы.

Москва впервые и упоминается въ лѣтописи (подъ 1147 годомъ), какъ мѣсто, гдѣ свидѣлся князь Юрій Долгорукій, княжившій въ Суздальской области, съ южнымъ княземъ Святославомъ Ольговичемъ черниговскимъ.

Когда съ кіевскаго юга, угрожаемаго половцами и раздираемаго княжескими усобицами, покатилась волна переселенцевъ, то первымъ приваломъ ихъ, первой большой остановкой въ новомъ краю была Московская область. Здѣсь многіе и оставались жить, потому что рѣка Москва давала заработокъ, почва края не могла быть названа безплодной, а жилось сравнительно спокойно: со всѣхъ сторонъ этотъ уголокъ русской равнины укрывали отъ нападенія враговъ другія княжества— Рязанское, Тверское, Ростовское; на нихъ на первыхъ должны были пасть удары непріятеля, вторгавшагося въ Верхне-Волжскія страны. Пограничная со степью Рязанская область часто терпѣла отъ татарскихъ налетовъ въ теченіе XIV и XV вв., а Москва послѣ разоренія 1293 г. не видѣла татаръ до самаго Тохтамыша (1382 г.). Тверь постоянно страдала отъ литовскихъ нападеній и отъ усобицъ мѣстныхъ князей, такъ же какъ и Ростовская область. Жить въ Московской области было, слѣдовательно, не только выгодно, но и сравнительно безопасно. Все это и заставляло населеніе другихъ областей переходить въ московскія владѣнія.

Увеличеніе народонаселенія въ княжествѣ обогащало казну московскихъ князей и дѣлало ихъ сильнѣе сосѣдей. Уже Иванъ Калита былъ такъ богатъ, что покупалъ цѣлыя княжества тѣхъ князей, которые почему-либо оказывались не въ состояніи платить татарскую дань. Задаривая деньгами и

подарками хана и его вельможъ, московскіе князья пріобрѣли особое расположеніе и довѣренность татаръ. Такъ что, когда въ 1327 г. тверской князь не выдержалъ и, поднявшись со всѣмъ городомъ, перебилъ находившихся въ городѣ пословъ хана со всей ихъ свитою, ханъ поручилъ московскому князю Ивану Калитѣ расправиться съ Тверью. Иванъ Калита скоро исполнилъ ханское порученіе, и за это ханъ далъ ему великое княженіе. Съ этихъ поръ великокняжескій столъ навсегда остался въ родѣ московскихъ князей. Ивану же Калитѣ ханъ поручилъ сборъ дани со всѣхъ княженій русскихъ и доставку этой дани въ Сарай. Благодаря этому, исчезли навсегда изъ Русской земли свирѣпые татарскіе баскаки, страшно опустошавшіе землю и избивавшіе много народу своимъ „вымучиваніемъ" дани. Лѣтописецъ, оцѣнивая княженіе этого князя, отмѣчаетъ уже, что Москва и ея князь — источникъ порядка и тишины на землѣ. „Благовѣрному великому князю Ивану Даниловичу... вся... добрѣ управляя,— читаемъ въ лѣтописи,— злодѣйственныхъ разбойниковъ и хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своея. Во дни же его бысть тишина велія христіанамъ по всей Русской землѣ на многія лѣта. Тогда и татарове престаша воевать русскія земли"... Затѣмъ, собирая для татаръ дань со всѣхъ князей, московскій князь тѣмъ самымъ получилъ ихъ всѣхъ въ свои руки, и всѣ князья начинаютъ чувствовать свою зависимость отъ московскаго князя. Эта зависимость становится еще ощутительнѣе, когда ханъ передалъ въ руки московскаго князя судебную власть надъ всѣми князьями русскими.

Сынъ Ивана Калиты, Семенъ, прозванный Гордымъ, „былъ, — по словамъ лѣтописи, — въ великомъ почтеніи у хана, а всѣ князья — и рязанскіе, и тверскіе, и ростовскіе — столь подручны ему были, что все по его слову творили".

Понятно поэтому, что обитатели всей Великороссіи, почувствовавъ, что Москва и ея князь-хозяинъ правитъ землей, что это московскій князь установилъ тишину и миръ по всей землѣ, что только онъ сильной рукой всегда умѣетъ стать

за своихъ, толпами шли селиться въ московскіе предѣлы. „Гдѣ межи сошлися межами,— говорили тогдашніе люди, — и гдѣ ни изобидятъ московскія дѣти боярскія, то пропало, а

Великій князь московскій Василій III.
(По рисунку изъ путешествія Герберштейна).

гдѣ тверичи изобидятъ, то князь московскій съ поношеніемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому и отвѣтамъ его вѣры не иметъ и суда не даетъ“.

Дружа съ татарами, московскіе князья пользовались этой дружбой для того, чтобы торжествовать надъ своими врагами, другими удѣльными князьями, для всей же земли они старались получить отъ татаръ разныя облегченія: скупали у нихъ, напримѣръ, плѣнныхъ, чѣмъ, во-первыхъ, увеличивали народонаселеніе своего княжества, а, во-вторыхъ, пріобрѣтали славу милосердыхъ освободителей изъ горькой неволи тысячъ людей.

На московскихъ князей поэтому привыкали во всей Великороссіи смотрѣть, какъ на избавителей отъ ига, и когда обстоятельства сложились такъ, что московскій князь долженъ былъ открыто выступить противъ татаръ, подъ его знаменами твердо и единодушно собралась вся Великорусская земля: и привыкшіе видѣть въ московскомъ князѣ старшаго и великаго, судью и управителя, другіе южные и сѣверные князья, и весь великорусскій народъ, приписывавшій труду московскихъ князей всякое облегченіе отъ ига. На Куликовомъ полѣ подъ предводительствомъ московскаго великаго князя Димитрія Ивановича великорусское ополченіе впервые побѣдоносно сразилось съ татарами, и это достопамятное событіе рѣшительно и безповоротно сдѣлало московскаго князя вождемъ всей Великорусской земли.

Это значеніе народнаго вождя, пріобрѣтенное московскимъ княземъ, укрѣпилось благословеніемъ Церкви, когда со времень Ивана Калиты митрополитъ русскій сталъ жить въ Москвѣ. „Если, сынъ, меня послушаешь,—говорилъ, по народному сказанію, святой митрополитъ Петръ, благословляя великаго князя Ивана Калиту, — и церковь Святой Богородицы воздвигнешь и меня успокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и сыновья, и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ среди всѣхъ городовъ русскихъ, и святители станутъ жить въ немъ, и взойдутъ руки его на плечи враговъ его, да и кости мои въ немъ положены будутъ“...

Москва стала, такимъ образомъ, столицей церковной жизни Россіи; всякое начинаніе ея князей происходитъ теперь съ

благословенія митрополита и тѣмъ самымъ получаетъ особое значеніе въ глазахъ народа. Немудрено, что „инымъ князѣмъ,—по выраженію лѣтописи, — не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имать въ себѣ живуща“.

Но пока московскій князь былъ только старшимъ и наиболѣе могущественнымъ изъ всѣхъ другихъ удѣльныхъ князей, онъ жилъ и управлялъ, какъ и всѣ остальные удѣльные князья.

Московскіе князья сначала ничѣмъ не выдвигаются изъ среды другихъ удѣльныхъ князей: такъ же заняты заботами о доходности своего имѣнія-княжества, такъ же постоянно думаютъ о „примыслахъ“, т.-е. увеличеніи его размѣровъ на счетъ сосѣдей. Но московскимъ князьямъ, благодаря положенію ихъ княжества, дававшаго имъ силу и богатство, удавалось дѣлать это успѣшнѣе, и къ половинѣ XV вѣка московскій князь оставилъ далеко за собой по силѣ и значенію всѣхъ другихъ князей. Уже большая часть Великорусской области вошла въ предѣлы московскаго княжества, великорусскій народъ смотритъ на московскаго князя, какъ на вождя въ борьбѣ съ врагами всей земли—татарами и литовцами. Московскій князь, дѣйствительно, ведетъ эту борьбу, и когда другіе князья, спасая свою самостоятельность, обращаются за помощью къ литовцамъ или татарамъ, московскій князь объявляетъ ихъ измѣнниками. Измѣнниками начинаютъ считать и тѣхъ, кто по-старинному продолжаетъ переходить изъ княжества въ княжество. Теперь вѣдь всѣ княжества становятся въ большую зависимость отъ московскаго великаго князя. Недовольному имъ или спасавшемуся отъ его гнѣва можно уйти только въ Литву или къ татарамъ, но это враги Русской земли, и переходъ къ нимъ, конечно, не то, что переходъ отъ одного удѣльнаго русскаго князя къ другому.

Московскому князю приходится теперь думать не только о томъ, какъ бы „примыслить“ земли отъ сосѣдей — такихъ же удѣльныхъ князей и увеличить тѣмъ свое княжество. Передъ нимъ встаетъ болѣе широкая задача—вернуть въ Рус-

скую землю тѣ области и города, какіе отняли у удѣльныхъ князей иноземцы — литовцы и поляки. Въ 1503 г. литовскій князь, при заключеніи перемирія, жаловался московскому государю, что тотъ не отдаетъ ему захваченныхъ московскимъ войскомъ земель, что ему, великому князю литовскому, жаль своей вотчины. „А мнѣ,—возразилъ Иванъ III, великій князь московскій, — развѣ не жаль своей вотчины Русской земли, которая за Литвой: Кіева, Смоленска и другихъ городовъ?" Такъ, московскій князь объявляетъ теперь, что его вотчина— не только области Великороссіи, но вся Русская земля.

Два событія, случившіяся во второй половинѣ XV вѣка, окончательно превращаютъ московскаго князя, собравшаго около себя всю Великорусскую область, изъ прежняго удѣльнаго князя-хозяина въ государя надъ всей землей, царя.

Событія эти — взятіе Константинополя турками, сопровождавшееся разрушеніемъ Византійской имперіи, и паденіе татарскаго ига.

Послѣ паденія татарскаго ига московскій князь остался во главѣ всей Великороссіи независимымъ ни отъ кого ея владѣтелемъ, а послѣ паденія Византійской имперіи онъ сталъ единственнымъ на землѣ независимымъ православнымъ владѣтелемъ. Огромное большинство прежнихъ удѣльныхъ князей еще раньше стало слугами московскаго великаго князя. Такимъ образомъ, ко второй половинѣ XV вѣка Великороссія является объединенной, независимой и сильной

На тогдашнихъ людей эти событія произвели сильное впечатлѣніе. Русскіе люди начинаютъ говорить, что русскій народъ—первый народъ во вселенной, избранникъ Божій, получившій отъ Бога преимущественное право на истинную божественную благодать. Русскіе люди издавна привыкли смотрѣть на Византію, какъ на колыбель и охрану православія. Русская Церковь была только митрополіей Церкви греческой, константинопольскій патріархъ былъ главой всего русскаго духовенства. Русскій митрополитъ назначался въ Константинополѣ, византійскій императоръ считался главой и охрани-

телемъ всего православія. Другіе православные государи назывались въ Византіи только его слугами и помощниками. Русскихъ князей византійскіе императоры считали ниже себя и въ знакъ особаго расположенія именовали нѣкоторыхъ изъ нихъ „сродниками“. Византійскіе писатели утверждаютъ даже, что русскій великій князь носилъ званіе стольника византійскаго императора. И императоры включали въ свой титулъ званіе царей русскихъ даже въ XIV вѣкѣ.

Сынъ Димитрія Донского, великій князь Василій, попробовалъ было отказаться признавать такое главенство византійскаго императора и сталъ запрещать митрополиту поминать императора на ектеніяхъ.

— Мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ!—сказалъ онъ.

На это великій князь получилъ отъ патріарха грамоту, въ которой глава греческаго и русскаго духовенства писалъ: „Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ не то, что другіе помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы, они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей... За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ Церкви. И если по Божію попущенію язычники окружили владѣнія и земли царя, все же до настоящаго дня царь получаетъ то же самое поставленіе отъ Церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ миромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, т.-е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, неимѣющіе никакого общенія съ нашею

Церковью, и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую оказывали въ прежнія времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане. И если язычники окружили землю царя, то христіанамъ не слѣдуетъ презирать его за это; напротивъ, это самое да послужитъ для нихъ урокомъ смиренія и заставитъ ихъ подумать, что если великій царь, господинъ и начальникъ вселенной, облеченный такой силой, поставленъ въ столь стѣснительное положеніе, то что могутъ потерпѣть разные другіе мѣстные властители и мелкіе князья...

„Одинъ только царь во вселенной... Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоили себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противоестественное, противозаконное, дѣло тиранніи и насилія. Въ самомъ дѣлѣ, какіе отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ царяхъ? Но все и сверху и снизу гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются во всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье-либо другое".

И вотъ не стало этого царя, защитника православія, титуловавшаго себя „святымъ". Московскому князю уже разъ пришлось выступить защитникомъ православія, когда тѣ же самые греки со своимъ императоромъ, въ поискахъ за помощью противъ тѣснившихъ ихъ турокъ, обратились къ папѣ и поманили его обѣщаніемъ соединенія церквей. Во Флоренціи въ 1439 г. былъ созванъ папой соборъ восточныхъ и западныхъ пастырей Церкви. На этомъ соборѣ было рѣшено, что католическая и православная Церкви могли бы соединиться. Участники собора—католическія и православныя духовныя лица — выработали и условія соединенія. Это соглашеніе извѣстно въ исторіи подъ именемъ флорентійской уніи. Русскій митрополитъ Исидоръ, грекъ по происхожденію, былъ тоже на этомъ соборѣ и принялъ унію. Великій князь Василій Васильевичъ усиленно уговаривалъ митрополита Исидора не ѣздить во Флоренцію на соборъ, а когда тотъ все-

таки поѣхалъ, великій князь молилъ его много „да принесетъ къ намъ нашего православнаго христіанства благочестіе". Исидоръ принесъ вмѣсто того унію. За это Исидоръ

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.
(Изъ „Титуларника" XVII в.)

былъ лишенъ сана и осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ.

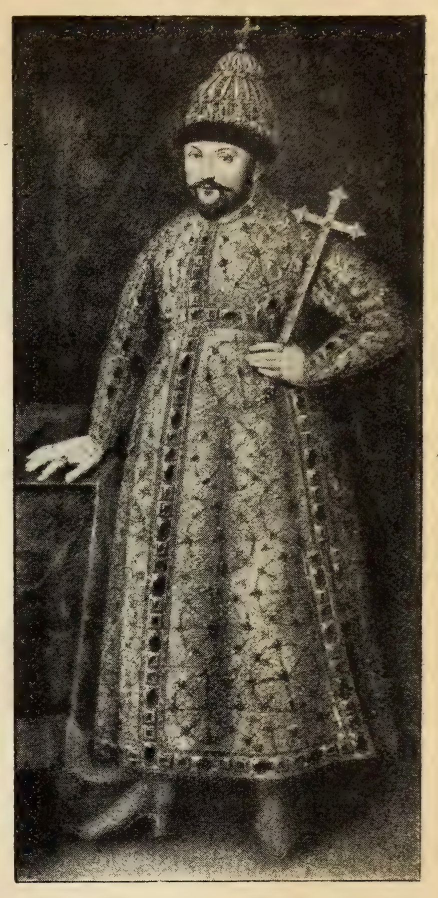
Великаго князя Василія стали славить, какъ „всея русскія земли утвержденіе, а греческія вѣры подтвержденіе и поддержателя".

Паденіе Константинополя начали русскіе люди приписывать отпаденію грековъ отъ православія, стали смотрѣть на это несчастье, какъ на наказаніе Божіе грекамъ. Въ это же время пало тяготѣвшее надъ Русью Божеское наказаніе—татарское иго. А московскій и всея Руси великій князь Иванъ III женился на Софіи Палеологъ, племянницѣ послѣдняго византійскаго императора, и тѣмъ самымъ сталъ какъ бы наслѣдникомъ его власти и значенія и по родству.

Всѣ эти событія совпали съ концомъ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. Всѣ ждали, что долженъ наступить конецъ свѣта, но онъ не наступилъ, всѣ ожидавшіеся сроки его наступленія прошли благополучно, и люди стали готовиться жить на восьмую тысячу лѣтъ. Паденіе византійской имперіи въ концѣ седьмой тысячи лѣтъ отъ ударовъ мусульманъ, и освобожденіе Россіи въ то же время отъ ига мусульманъ же, конечно, вызывало на размышленіе; и вотъ русскій митрополитъ Зосима, составляя въ 1492 г. „пасхалію", т.-е. расчетъ дней празднованія св. Пасхи на восьмую тысячу лѣтъ, пишетъ, какъ „нынѣ прославилъ Богъ" „въ православіи просіявшаго благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константина—Москвѣ и всей Русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государя".

Такъ впервые была высказана мысль о перенесеніи на Москву прежняго значенія столицы Византійской имперіи. Мысль эта продолжала развиваться. Окончательно утвердилъ ее старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей. Въ своихъ посланіяхъ онъ писалъ, что престолъ вселенскія и апостольскія Церкви имѣетъ теперь, послѣ паденія Царьграда, представительницей своей церковь Успенія Пресвятой Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вмѣсто римской и константинопольской, теперь она „едина во всей вселенной паче солнца свѣтится", такъ какъ церкви стараго Рима пали „отъ невѣрія и ересей", второго же Рима—Константинова града—церкви „агаряне сѣкирами и оскордами

разсѣкоша", „понеже они (т.-е. греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство". Соотвѣтственно этому и московскій государь, какъ „браздодержатель святыхъ Божіихъ престолъ" вселенской Церкви, явился „пресвѣтлѣйшимъ и великостольнѣйшимъ государемъ", „иже во всей поднебесной христіаномъ царь, и во едино царство его сошлись всѣ пришедшія вконецъ царства православныя христіанскія вѣры"; „два Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть". Итакъ, всѣ христіанскія царства „потопишася" отъ невѣрныхъ, и только царство московскаго государя благодатію Христовою стоитъ и „инымъ не достанется". Такъ Москва стала называться „богохранимымъ, преименитымъ царствующимъ градомъ, третьимъ Римомъ, благочестіемъ цвѣтущимъ". Приведенныя изъ посланія старца Филоѳея слова переписывались въ сборники, были занесены въ государственную лѣтопись—въ Степенную книгу — и приведены въ Уложенной грамотѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.
Со стариннаго портрета.

Со временъ Ивана III византійскій гербъ — двуглавый орелъ—становится гербомъ Русскаго царства. Впервые этотъ

гербъ появился въ 1497 году на печати великаго князя, скрѣпившей его договоръ съ наслѣдниками удѣльнаго волоцкаго князя Бориса. Тогда же московскіе книжники записали сказаніе о происхожденіи перваго русскаго князя Рюрика отъ римскаго цесаря Августа, стали указывать, что русская Церковь не ниже греческой и пришла на Русь не изъ Византіи, а установлена апостоломъ Андреемъ, который, „первее благословивый землю нашу русскую и прообразивый намъ святое крещеніе истиннаго благочестія“, поставилъ крестъ на горѣ на берегу Днѣпра, знаменуя тѣмъ крестомъ священное чиноначаліе Русской земли. Царь Иванъ Грозный, на предложеніе Антонія Поссевина признать, по примѣру грековъ, флорентійскую унію, отвѣтилъ іезуиту: „Мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской Церкви, когда апостолъ Андрей, братъ апостола Петра пришелъ въ эти стороны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи, и съ тѣхъ поръ доселѣ соблюдали ее ненарушимою“...

Царь Алексѣй Михайловичъ.
Со стариннаго портрета.

Установивъ свою церковную независимость отъ грековъ, русскіе люди стали говорить, что царство русское тоже „изначала бѣ“, что еще Владиміру Мономаху, великому князю кіевскому, сроднику греческихъ царей, дѣдъ его, царь Константинъ Мономахъ, прислалъ „діадему и вѣнецъ и крестъ животворя-

щаго древа“, какъ бы переводя тѣмъ славу греческаго царства на россійскаго царя. „Вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ Владиміръ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ... и оттолѣ боговѣнчанный

Одежда царицъ въ XVII вѣкѣ.
Царица Евдокія Стрешнева (2-ая жена царя Михаила) и царица Наталія Кирилловна.

царь нарицается въ россійскомъ царствіи“, говоритъ сказаніе.

Предшественники Ивана III, великіе князья московскіе, просто „садились на великокняжескій столъ отцовъ и дѣдовъ“.

Иванъ III вѣнчалъ своего преемника на великое княженіе торжественнымъ церковнымъ обрядомъ и возложилъ на него вѣнецъ и бармы Мономаха, а во время вѣнчанія митрополитъ обратился съ рѣчью къ великому князю и назвалъ его „преславнымъ царемъ и самодержцемъ“. Московскій государь и самъ начинаетъ высоко цѣнить и ставить свое достоинство. Германскій императоръ просилъ у Ивана III руки его дочери для одного изъ своихъ племянниковъ и предложилъ московскому великому князю титулъ короля. Въ Москвѣ поблагодарили за любезное предложеніе, но велѣли передать императору: „А что ты намъ говоришь о королевствѣ, то мы, Божіей милостью, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а постановленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ быть такъ, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а постановленія, какъ и прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь!“

Одежда царя въ XVII вѣкѣ.
Царь Алексѣй въ полномъ царскомъ облаченіи.

Иванъ III уже начинаетъ зваться царемъ самодержцемъ. Сынъ его Василій III зовется такъ чаще, наконецъ, внукъ Ивана III, Иванъ Васильевичъ Грозный, принимаетъ титулъ

царя самодержца какъ единственный неотъемлемый титулъ московскихъ государей. Уже Иванъ III завелъ при московскомъ дворѣ обстановку и церемоніалъ, напоминавшіе византійскій придворный; его внукъ, первый признанный всѣми царь, въ своихъ указахъ и грамотахъ торжественно именуетъ себя такъ: „Мы, великій государь, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ, Божіею милостію всея Русіи самодержецъ, владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковскій и великій князь смоленскій“... и т. д.

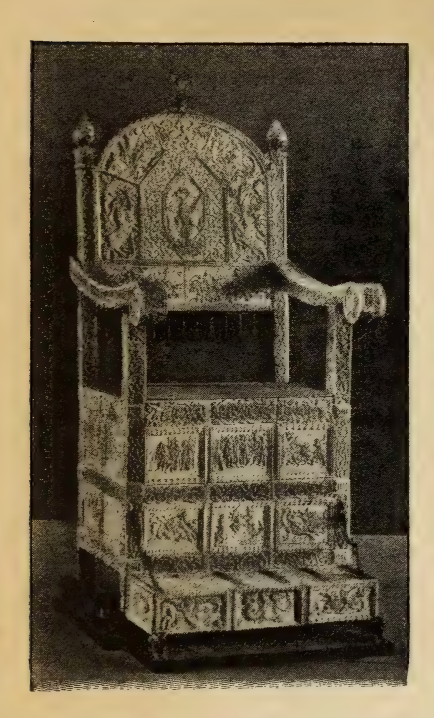
Царица Марѳа Матвѣевна.
Конецъ XVII в.
Со стар. портрета.

Слова царь и самодержецъ не были новостью въ русской рѣчи тѣхъ временъ. Древнерусскіе книжники давно уже ввели ихъ въ обиходъ русскаго языка. Слово „царь“ есть сокращенная форма отъ „цесарь“, которая образуется при начертаніи этого слова подъ титломъ. Слово самодержецъ есть переводъ греческаго слова „автократоръ“, равнозначущаго латинскому слову императоръ.

Царемъ въ древней до-московской Руси постоянно именовали византійскаго императора и татарскаго хана, владѣвшаго Русской землей съ XII вѣка до половины XV в.

Св. князь Михаилъ черниговскій, отказываясь исполнить въ Ордѣ обрядъ прохожденія между двухъ огней на пути въ ханскую ставку, такъ обращается къ хану: „Тебѣ, царю, кланяюся, понеже ти Богъ поручи царствіе“. Титулъ царя считался гораздо болѣе почетнымъ, чѣмъ княжескій. Своихъ кня-

зей древніе книжники именовали царями только въ особую почесть. Такъ св. Илларіонъ и мнихъ Іаковъ величали святого князя Владиміра. „Помилуй меня, сынъ великаго царя Владиміра!“ взывалъ Даніилъ Заточникъ къ Юрію Долгорукому. „Царь мой благій, кроткій, смиренный“, причитала по своемъ умершемъ супругѣ, князѣ Романѣ, смоленская княгиня (XII вѣкъ). Интересно, что всѣ случаи наименованія древнихъ нашихъ князей царями, находимые въ древней письменности, относятся къ эпохѣ до нашествія татаръ. Случаи, когда бы царемъ былъ наименованъ хоть одинъ князь временъ татарщины, неизвѣстны. Точно такъ же и „самодержцемъ“ книжники древней Руси величали въ особую почесть не только великихъ князей кіевскихъ, но и областныхъ до нашествія татаръ, и слово „самодержецъ“ встрѣчается въ нашихъ памятникахъ только въ приложеніи къ князьямъ, княжившимъ до порабощенія Руси татарами.

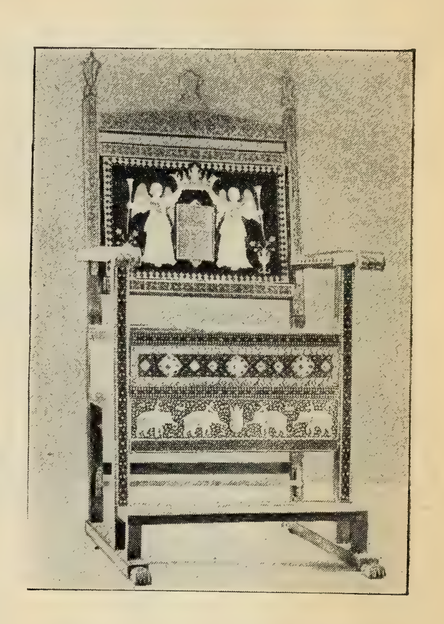

Тронъ великаго князя Іоанна III, сдѣланный изъ слоновой кости.

Это обстоятельство, что царемъ и самодержцемъ величали въ почесть русскихъ князей до татарщины и никогда во время ига, позволяетъ заключить, какую власть хотѣли разумѣть древне-русскіе люди, когда произносили слова „царь“ и „самодержецъ“. Самодержцемъ древняя Русь называла государя, не зависимаго ни отъ какого другого владѣтеля, не платящаго никому дани, государя *суверреннаго*, говоря языкомъ нашей современности

Словомъ самодержецъ древне-русскій человѣкъ опредѣлялъ внѣшнее международное положеніе государства, а не внутреннее значеніе государя, противополагая самодержца государю, зависимому отъ другого государя — *вассалу,* а не государю, ограниченному въ своихъ внутреннихъ политическихъ правахъ.

И великій князь московскій и всея Руси Иванъ III сталъ употреблять титулы самодержца и царя только послѣ того, какъ освободилъ себя отъ обязанности платить дань татарскому хану и получилъ нѣкоторое право считать себя наслѣдникомъ власти и значенія въ христіанскомъ и православномъ мірѣ византійскихъ императоровъ.

Алмазный тронъ царя Алексѣя Михайловича.

Иностранцы, наблюдавшіе политическій бытъ Московскаго государства при отцѣ Грознаго, уже отмѣчали, что московскій государь властію своею надъ подданными превосходитъ всѣхъ государей на свѣтѣ. „Не нужно было большой наблюдательности, — говоритъ проф. В. О. Ключевскій, — чтобы замѣтить это. Такая власть была въ Москвѣ XV в. не вчерашнимъ явленіемъ, она прямо развилась изъ значенія удѣльнаго князя-хозяина, окруженнаго дворовыми слугами, холопами. Но именно потому, что она имѣла такой источникъ, въ ней былъ одинъ существенный пробѣлъ. *Московскій государь имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ...* Великій князь Василій Ивановичъ бранилъ своихъ совѣтниковъ смердами и прогонялъ ихъ изъ Думы съ глазъ долой, но въ полковыхъ росписяхъ какого-нибудь неблагонадежнаго полити-

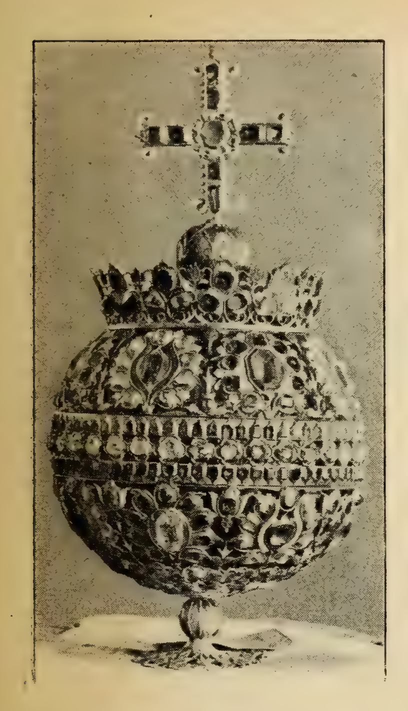
чески князя Горбатаго Шуйскаго назначалъ на много мѣстъ выше вѣрноподданнаго потомка старинныхъ московскихъ бояръ... Если бы тому же великому князю какой-нибудь политикъ сталъ бы доказывать, что несогласно съ его державнымъ достоинствомъ ввѣрять управленіе строптивымъ боярамъ, жаловать въ боярское званіе знатныхъ людей только потому, что ихъ отцы носили его, ставить ихъ выше усердныхъ не-

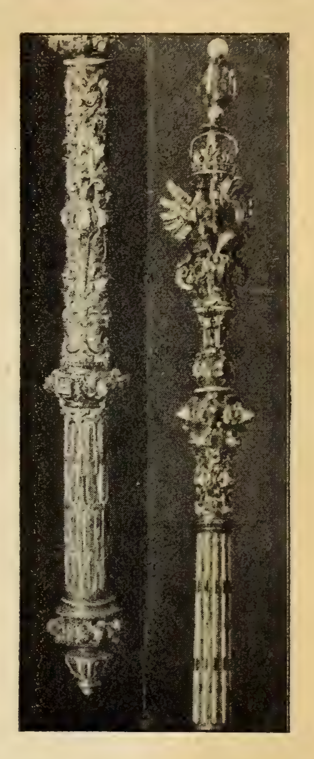
Шапка Мономаха.

родовитыхъ слугъ только потому, что такъ слѣдуетъ по боярскому мѣстническому отечеству, то великій князь едва ли бы принялъ подобныя разсужденія. Съ московской точки зрѣнія поступить такъ было бы „безлѣпично“, такой актъ, съ тогдашней точки зрѣнія, былъ бы не актомъ самодержавной власти, а поступкомъ, какихъ дѣлать „не повелось“, и московскіе государи менѣе всего поддавались соблазну такого самодержавія, когда и порядкомъ можно было бы распоряжаться, какъ лицами“.

„Московскій самодержецъ дѣлилъ свою власть съ правительственнымъ аристократическимъ классомъ — съ потомками прежнихъ удѣльныхъ князей и старыхъ московскихъ бояръ, составлявшими Думу, постоянный совѣтъ, высшее правитель-

Держава царя Алексѣя Михайловича.

Скипетръ царя Михаила Ѳеодоровича.

ственное учрежденіе Московскаго государства. Это ограниченіе держалось прочно на обычаѣ и выражалось въ опредѣленныхъ формахъ. Верхній слой московскаго боярства составляли потомки удѣльныхъ державцевъ, которые владѣли прежде своими удѣлами, какъ московскій удѣльный князь владѣлъ своимъ. Въ большинствѣ случаевъ они добровольно

пришли въ Москву, много помогли ея успѣхамъ и считали себя въ правѣ надѣяться, что за ними останутся если не всѣ, то часть ихъ прежнихъ вотчинъ и вотчинныхъ правъ съ долей прежней правительственной власти. Все это Москва и признала за ними". „По воззрѣніямъ того времени, не только государь дается Богомъ, но и бояре, совѣтники государя, даны ему Богомъ". Этотъ взглядъ и вытекавшая изъ него мысль, что такъ составленная Дума есть необходимая и есте-

Большая государственная печать царя Ивана Грознаго.

Государственная малая печать царя Алексѣя Михайловича.

ственная посредница между государемъ и землей, былъ прямо признанъ царемъ Иваномъ IV въ самый разгаръ его борьбы съ боярствомъ, когда онъ раздѣлилъ государство на земщину и опричнну, и во главѣ земщины поставилъ Боярскую Думу. Черезъ Думу царь Иванъ проводилъ всѣ свои опричныя распоряженія.

Въ составъ Думы входили со временъ Грознаго и неродовитые люди, жалуемые чинами думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ, но до самаго конца Думы въ нее было легче войти родовитому княжичу, чѣмъ потомку простого московскаго

Торжественный выходъ царицы Маріи Ильиничны, жены царя Алексѣя, въ праздничный день въ церковь. Старшаго ея сына, по обрядамъ того времени, несетъ передъ нею на рукахъ оберъ-гофмейстерша. За царицею идутъ три сестры супруга ея, царевны: Татіана, Марѳа и Евдокія.

(Съ рисунка въ сочиненіи Олеарія).

боярина. Высшій чинъ боярина или окольничьяго родовитый человѣкъ получалъ, какъ только входилъ въ извѣстный возрастъ. Царь долженъ былъ послать „сказать думу" такому знатному человѣку.

По Судебнику 1550 г. было постановлено, чтобы всѣ новые вопросы, не предусмотрѣнные закономъ, разрѣшались не иначе, какъ „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору". Каждое распоряженіе Думы, хотя бы она засѣдала безъ государя, имѣло силу закона и могло быть отмѣнено только царемъ съ Думой, не иначе, какъ „поговоря".

Вообще эта идея рѣшенія дѣлъ „поговоря" не только съ боярами, съ духовенствомъ, но и съ простымъ „всенародствомъ" не была чужда московскому самодержавію и нисколько не стѣсняла его. Въ правительствѣ это начало выражалъ Земскій соборъ.

Царь Иванъ Васильевичъ два раза созывалъ соборы за время своего царствованія: въ 1550 и 1566 гг. Соборъ 1550 г. имѣлъ задачей обсудить улучшеніе мѣстнаго управленія и суда; соборъ 1566 г. рѣшилъ вопросъ о войнѣ съ Польшей. Даже для учрежденія опричнины и оправданія наступившихъ съ ней казней царь Иванъ искалъ признаковъ формальнаго согласія и одобренія народа, какъ свидѣтельствуютъ событія, предшествовавшія опричнинѣ. Съ самодержавіемъ грознаго царя уживалось широкое довольно развитіе мѣстнаго самоуправленія съ выборнымъ мѣстнымъ начальствомъ, обязаннымъ отчетностью и передъ избравшимъ его населеніемъ и передъ центральной властью. Послѣ смерти бездѣтнаго наслѣдника царя Ивана наступило тяжелое безгосударное время. Земскій соборъ избираетъ государей. Сами государи признаютъ, что безъ Земскаго собора не можетъ состояться избраніе царя. Авторъ одной хроники о Смутномъ времени разсказываетъ, какъ царь Василій встрѣтилъ ворвавшихся къ нему мятежниковъ: „Если вы убить меня хотите, я готовъ умереть, но если вы хотите свести меня съ престола и царства, то не имѣете

права этого сдѣлать, дондеже не снидутся вси большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди да и азъ съ ними (такъ обозначилъ царь Василій Земскій соборъ). И какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и азъ готовъ по тому совѣту творити". По наказу царя Василія его послы въ Польшѣ должны были говорить, что московскій народъ имѣлъ право „осудить истиннымъ судомъ" и казнить за злыя богомерзкія дѣла такого царя,

Успенскій соборъ въ Москвѣ.

какимъ былъ Лжедимитрій. Послы говорили и больше: они доказывали панамъ, что теперь, хотя бы явился и прямой прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государство не похотятъ, ему силой нельзя быть на государствѣ.

Тогда же у представителей различныхъ слоевъ общества появляются первые планы государственнаго устройства,

основаннаго на политическомъ договорѣ съ государя подданными. Есть основанія думать, что бояре хотѣли ограничить уже царя Бориса. Тоже избранный царь Василій даетъ „запись“ и присягаетъ въ Успенскомъ соборѣ, цѣлуя крестъ: 1) никого не предавать смертной казни безъ законнаго суда, „не осудя истиннымъ судомъ съ бояры“; 2) не отбирать имущества у родственниковъ виновнаго, если они не были участниками преступленія; 3) не слушать ложныхъ доносовъ. Вотъ все содержаніе записи царя Василія. Никакихъ основъ новаго государственнаго устройства она не содержитъ; самое большее, что въ ней можно видѣть, это развѣ только нѣкоторую попытку создать гарантію личной и имущественной неприкосновенности подданныхъ. Въ этомъ смыслѣ удѣльному взгляду на подвластныхъ государю, какъ на его безотвѣтныхъ рабовъ и холоповъ, ставилось записью царя Василія первое ограниченіе, требовавшее обращенія власти съ подданными не на основѣ каприза гнѣва или милости, а на почвѣ закона, опредѣляющаго взаимоотношеніе сторонъ.

Когда въ Москвѣ зашла рѣчь объ избраніи въ цари королевича Владислава, то ему предложено было дать подданнымъ за крестнымъ цѣлованіемъ запись болѣе распространенную. Королевичъ, принимая московское государствованіе, долженъ былъ обѣщать, кромѣ охраны и обереженія православія, не нарушать личныхъ и имущественныхъ правъ подданныхъ, не вводить новыхъ налоговъ безъ согласія Боярской Думы и не издавать безъ Совѣта всея земли новыхъ законовъ. Такимъ образомъ мысль о необходимости гарантіи въ законѣ извѣстныхъ гражданскихъ правъ, высказанная въ записи царя Василія, дополняется здѣсь мыслью объ участіи народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи страной. Королеавичу Владиславу быть на Московскомъ и всея Руси престолѣ не пришлось. Земскій соборъ, собравшійся при войскѣ князя Д. М. Пожарскаго, взялъ правленіе страной въ свои руки и постановилъ, что избраніе царя, и непремѣнно изъ прирожденныхъ русскихъ, должно совершиться только тогда, когда

страна будетъ очищена отъ иноземныхъ враговъ и „своихъ воровъ“, а пока вручилъ правительство воеводамъ земскаго ополченія, оставивъ за собой право смѣнить этихъ начальниковъ въ случаѣ негодности или неспособности ихъ.

Есть извѣстіе, что новый избранный единодушнымъ совѣтомъ всея земли царь Михаилъ вступилъ на престолъ съ

Благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ.

ограниченною властью. Повѣсть о Смутномъ времени, составленная въ Псковѣ, разсказываетъ, что бояре, сажая царя Михаила на царство, заставили его цѣловать крестъ на томъ, чтобы ему не казнить смертью за преступленія людей боярскихъ родовъ, а только наказывать заточеніемъ. Подьячій Посольскаго Приказа, Григорій Котошихинъ, бѣжавшій въ Швецію черезъ 19 лѣтъ послѣ смерти царя Михаила, увѣ-

ряетъ, что всѣ цари, избиравшіеся на престолъ по прекращеніи старой династіи, правили съ ограниченною властью, что „на нихъ были иманы письма“ съ извѣстными обязательствами. Обязательства „обиранныхъ“ царей, по Котошихину, состояли въ томъ, чтобы „имъ быть не жестокимъ и не опальчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнить ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми собча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлать“. Только нынѣшняго царя (т.-е. царя Алексѣя Михайловича),—говоритъ далѣе Котошихинъ,—„обрали на царство, а писма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ“.

Врядъ ли Котошихинъ достаточно полно передалъ содержаніе записи царя Михаила. Прусскій дипломатъ І. Г. Фоккеродтъ, наблюдавшій русскую жизнь въ началѣ XVII вѣка, передаетъ извѣстіе, что царь Михаилъ обязался не рѣшать безъ Собора изданія новыхъ законовъ, введенія новыхъ налоговъ, объявленія войны и заключенія мира. Если теперь припомнить, какое важное значеніе въ правительствѣ царя Михаила, особенно въ первое десятилѣтіе его царствованія, имѣли Земскіе соборы, то словамъ Фоккеродта придется дать вѣру. Такъ, на обсужденіе Земскаго собора 1616 г. предлагались вопросы о новыхъ налогахъ. Тогда же Боярская Дума на просьбу агента англійскаго правительства относительно дозволенія англичанамъ искать Обью пути въ Индію и Китай и искать желѣзо и олово около Вологды и др. отвѣтила, что „такого дѣла теперь рѣшить *безъ совѣту всего государства* нельзя ни по одной статьѣ“ Можно привести не одинъ фактъ правительственной дѣятельности временъ царя Михаила въ подтвержденіе той руководящей роли въ управленіи страной, какую имѣлъ тогда Земскій соборъ.

Итакъ, въ XVII вѣкѣ мы имѣемъ случай, когда московскій самодержецъ былъ ограниченъ по формальной записи Боярской Думой и Земскимъ соборомъ, и всё-таки именовался

самодержцемъ. Царь Василій не упускалъ никогда случая отмѣтить, что онъ „самодержецъ“. Царь Михаилъ первый изъ русскихъ государей сталъ употреблять этотъ титулъ постоянно, а до него онъ не былъ необходимою принадлежностью царскаго „богословія“.

Мысль о томъ, что въ словѣ „самодержавіе“ заключается и извѣстное опредѣленіе отношеній государя къ подданнымъ, возникаетъ въ до-петровской Руси. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный, конечно, былъ однимъ изъ первыхъ напавшихъ на мысль, что это слово можетъ обозначать не одну только внѣшнюю независимость государя и страны. Онъ горячо воспринялъ церковно-религіозныя обоснованія царской власти, какъ ихъ передала въ нашу старинную книжность Византія, и возгласилъ, что „земля правится Божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы милостью и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводами“. Задачей царскаго властвованія царь Иванъ Васильевичъ ставитъ „привести подданныхъ къ познанію Бога“. Царь „Божіею милостію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію“, долженъ самъ лично управлять своимъ государствомъ, а не подчиняться своимъ совѣтникамъ: „Русскіе владѣтели, — говоритъ царь Иванъ,—не даютъ отчета никому и вольны подвластныхъ своихъ жаловать и казнить. Но эти казни и милости не произволъ. Царь поставленъ Богомъ на то, чтобы воздать благимъ благое, а злымъ—злое“. Свое право на царствованіе царь Иванъ считаетъ древнимъ и неизмѣннымъ: „Самодержавства нашего начало,—пишетъ онъ,—отъ св. Владимира; мы родились на царствѣ, а не чужое похитили“. Въ укоръ польскому королю по избранію, Стефану Баторію, царь Иванъ Грозный писалъ: „Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію“. Въ другой разъ Грозный говорилъ полякамъ, что онъ считаетъ себя выше римскаго императора и французскаго короля. „Кромѣ насъ да турецкаго султана

ни въ одномъ государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно двѣсти лѣтъ“... „Мы отъ государства господари, изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно“...

Опредѣливъ такъ полно и широко обоснованія своей власти надъ лицами, царь Иванъ, однако, нигдѣ не указалъ отношенія этой своей власти къ порядку, къ государственному строю страны. „Какъ же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?“ спросилъ одинъ только разъ царь Иванъ, остановившись на этомъ словѣ „самъ“, но дальше не сталъ развивать эту промелькнувшую въ его головѣ мысль о самодержавіи, какъ о полной независимости царской власти не только отъ „совѣтниковъ“, но и вообще свободной въ вопросахъ государственнаго строительства. На дѣлѣ царь Иванъ не былъ государемъ, какимъ хотѣлъ вообразить себѣ самодержца; въ концѣ-концовъ „самодержавіе Грознаго,—говоритъ проф. В. Сергѣевичъ,—обозначаетъ самостоятельность его власти по отношенію къ боярамъ и вельможамъ, а не право дѣлать, что угодно“. Сражаясь всю жизнь съ боярствомъ, царь Иванъ охранялъ мѣстническія права великородныхъ князей и очень любилъ разбираться въ тонкостяхъ мѣстническаго счета изъ-за „отечества“ „по родословцу“ и „по разрядамъ“. Не могъ царь Иванъ отрѣшиться и отъ обычаевъ ненавистнаго ему удѣльнаго времени и самъ создалъ удѣлъ для своего младшаго сына Димитрія. Даже въ извѣстной степени прямое раздѣленіе власти, хотя только номинальное, не затруднился устроить царь Иванъ, когда дѣлилъ государство на земщину и опричнину. Во главѣ земщины онъ оставилъ Боярскую Думу, а предсѣдателемъ ея назначилъ касимовскаго царя Симеона съ титуломъ великаго князя всея Руси, самъ же звался княземъ московскимъ. Не лишено значенія въ этомъ смыслѣ и извѣстіе, что царь Иванъ хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, какъ царь, наслѣдовалъ земщину, а второй, какъ удѣльный князь, — опричнину.

Самая опричнина и по названію своему и по устройству была заимствована Грознымъ изъ ставшихъ уже отжившими

даже для XVI вѣка условій удѣльнаго времени. Управленіе въ опричнинѣ было устроено по удѣльному образу. „Въ опричнинѣ онъ (царь Иванъ) чувствовалъ себя дома, среди своихъ холоповъ, страдниковъ, могъ безъ помѣхи проводить свою личную власть, стѣсненную въ земщинѣ нравственнымъ обязательнымъ почтеніемъ къ почитаемымъ всѣми преданіямъ и обычаямъ“. Итакъ, воззрѣнія на власть государя, какъ на власть абсолютную, не сложилось въ Московскомъ государствѣ. Одни изъ государей были болѣе абсолютны, другіе менѣе. Въ законѣ значеніе верховной власти, ея права и преимущества совсѣмъ не были опредѣлены и покоились на обычаѣ, освященномъ Церковью. Отсюда и получалась, съ одной стороны, та необычайная полнота власти надъ лицами, а съ другой—та легкость, съ которой эта власть сама подчинялась обычаю и житейскому факту.

Вотъ почему первый изъ русскихъ государей, захотѣвшій въ словѣ самодержецъ прочесть не только обозначеніе своей внѣшней независимости, но и внутреннюю полноту державныхъ правъ, дѣлитъ власть съ Боярской Думой и истребляетъ бояръ-княжатъ; ставитъ въ упрекъ англійской королевѣ, что у ней „владѣютъ мужики торговые“, и созываетъ Земскіе соборы съ тѣми же „торговыми мужиками“ и по совѣту съ ними вводитъ самоуправленіе городовъ и уѣздовъ, а въ важномъ вопросѣ войны или мира поступаетъ такъ, какъ эти „торговые мужики“ совѣтуютъ.

О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Котошихинъ разсказываетъ, какъ о государѣ, который „наивысше пишется самодержцемъ и государство свое правитъ по своей волѣ“. Начать ли войну, или заключить миръ, вступить въ союзъ, даже уступить часть земли государства,—все это, по Котошихину, въ волѣ царя Алексѣя: „что хочетъ, то учинити можетъ... и всякія великія и малыя дѣла своего государства учиняетъ по своей мысли, а съ бояры и съ думными людьми спрашивается о томъ мало“. Пришлось бы на слово вѣрить Котошихину, если бы не сохранилось документальныхъ свидѣтельствъ о томъ, что

царь Алексѣй безъ Думы не провелъ ни одного важнаго дѣла, а такія дѣла, какъ изданіе Уложенія и присоединеніе Малороссіи, провелъ черезъ Земскій соборъ, какъ провелъ черезъ церковный соборъ съ участіемъ восточныхъ святителей и своихъ бояръ всю распрю свою съ патріархомъ Никономъ и всѣ дѣла по расколу Церкви, вызванному необдуманнымъ и канцелярски проведеннымъ исправленіемъ церковныхъ книгъ и обрядовъ.

Царь Алексѣй такъ же, какъ и царь Иванъ, можетъ наградить кого хочетъ чиномъ думца, деньгами и помѣстьями, но родовой чести дать никому не можетъ. Князя Хованскаго царь Алексѣй величаетъ дуракомъ въ глаза, а бояриномъ въ Думу его назначаетъ. Не правъ Котошихинъ и въ своемъ утвержденіи, что царь Алексѣй „великія и малыя дѣла учиняетъ по своей волѣ, не говоря съ боярами“. Именно царь Алексѣй, быть-можетъ, даже больше другихъ нашихъ царей работалъ вмѣстѣ съ боярами по управленію страной. Онъ готовился къ засѣданіямъ Думы, составлялъ конспекты того, что говорить, обозначая, въ чемъ уступить, на чемъ настоять. Даже въ церкви, когда приходили къ нему со спѣшными дѣлами, онъ рѣшалъ ихъ, подозвавъ двухъ-трехъ бояръ.

Въ жизни Русскаго государства XVII в. можно отмѣтить случаи, когда власть царя-самодержца не только допускала извѣстное ограниченіе, но и дѣлилась въ лицахъ, допускала раздѣленіе своихъ правъ между двумя и болѣе лицами. Если не считать за раздѣленіе верховной власти упомянутый уже случай назначенія Грознымъ въ великіе князья всея Руси касимовскаго царя Симеона, первымъ такимъ случаемъ будетъ единовременное господство великаго государя царя и великаго князя самодержца всея Руси Михаила Ѳеодоровича и его отца святѣйшаго великаго государя патріарха Филарета.

Какъ было считать отца-патріарха: подданнымъ сыну-царю или нѣтъ? По „отечеству“, конечно, не подданнымъ, а если онъ не подданный, то, значитъ, по крайней мѣрѣ, такой же,

какъ и сынъ, государь. И мы видимъ, что патріархъ Филаретъ именуется великимъ государемъ, забираетъ въ свои руки все управленіе государствомъ и правитъ имъ вмѣстѣ съ сыномъ, рядомъ съ нимъ, нисколько не прячась за его царское величіе, но и не ставя авторитетъ царя сына выше своего патріаршаго великогосударскаго достоинства. Такое положеніе дѣла задавало не малую работу московскимъ юристамъ, такъ какъ практическаго разрѣшенія вопроса требовала сама жизнь. Чѣмъ было, напримѣръ, руководствоваться при рѣшеніи спора о томъ, чье мѣсто выше—боярина ли, посланнаго для встрѣчи иноземнаго посла отъ имени великаго государя царя, или боярина отъ великаго государя патріарха? Рѣшеніе было таково: „Каковъ онъ, государь, таковъ и отецъ его, государевъ, великій государь, святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно". Значитъ, оба государя не только одинаковы, какъ носители власти, но и нераздѣльны, когда ихъ всё-таки двое,—все это темно, запутано и, конечно, не рѣшаетъ вопроса и не мѣшаетъ существованію при самодержавномъ монархѣ другого великаго государя, который „таковъ же", какъ и самодержецъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ раздвоеніе власти повторилось, когда патріархъ Никонъ также титуловался великимъ государемъ и развивалъ свою мысль о преимуществѣ своей духовной власти передъ свѣтской властью царя совершенно въ духѣ римскихъ папъ, уподобляя власть царскую лунѣ, а власть патріаршую—солнцу, „ибо не отъ царства помазуются на священство, а отъ священства на царство". Наконецъ раздвоеніе самодержавной власти наиболѣе рѣзко обозначилось послѣ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича, когда на московскій престолъ выбрали двухъ царей—Ивана и Петра, управляло же государствомъ третье лицо—царевна Софія съ титуломъ самодержицы. Когда венеціанцы осторожно спросили русскаго посланника Волкова, какъ же это служатъ ихъ царскимъ величествамъ подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ персонамъ государскимъ?—то Волковъ отвѣтилъ,

что подданные всѣхъ трехъ персонъ вмѣстѣ повелѣнія исполняютъ.

Для человѣка XVII вѣка слово самодержавіе продолжало означать внѣшнюю независимость государя и страны, и только намеками у отдѣльныхъ лицъ проскальзываетъ мысль о соединеніи съ „самодержавіемъ“ полноты правъ и самостоя тельности государя во внутреннихъ отношеніяхъ. Если Котошихинъ и замѣчаетъ о царѣ Михаилѣ, что онъ, „хотя самодержцемъ писался, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего“, какъ бы придавая слову „самодержавіе“ значеніе неограниченнаго проявленія власти, то протопопъ Аввакумъ знаетъ это слово только въ его исконномъ значеніи: „У насъ Божіею милостью самодержство, къ намъ пріѣзжайте учиться православію, вы, данники турецкаго султана“,—такъ кололъ онъ глаза греческому духовенству, ставя грекамъ тѣхъ временъ на видъ ихъ зависимость отъ турецкаго сул- тана и подчеркивая словомъ „самодержство“ независимость Москвы.

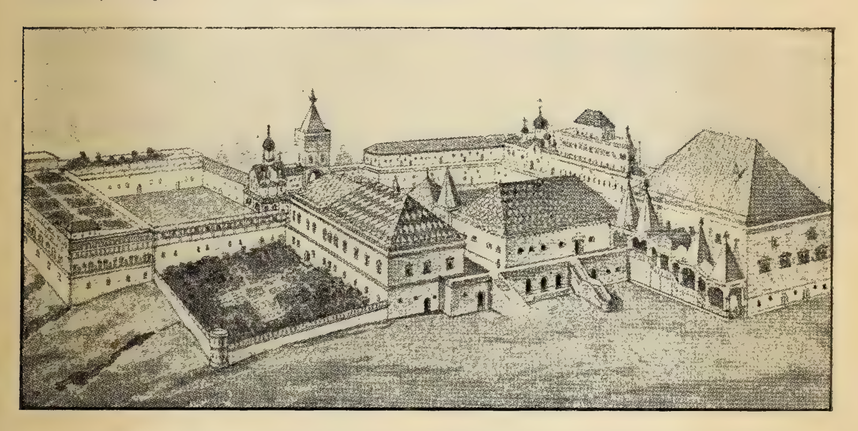
„Самодержавіе“ въ его новомъ смыслѣ абсолютной власти надъ лицами и порядкомъ наше законодательство знаетъ лишь въ XVIII вѣкѣ.

Имя государево стояло необыкновенно высоко въ сознаніи русскихъ людей XV—XVII в. Власть и воля государя надъ каждымъ изъ подданныхъ признавалась неограниченной, и извѣстное противодѣйствіе царской волѣ создавалось только тогда, когда носитель царской власти „нарушалъ“ обычаи. На этой почвѣ возникло первое неудовольствіе въ народѣ Названнымъ Димитріемъ; во времена царя Алексѣя и послѣ его на этой почвѣ возникло, такъ называемое, раскольничье движеніе.

Иностранцы дивились благоговѣйной покорности, съ которой подданные московскаго государя относились къ его повелѣніямъ. Иностранцамъ русскіе люди тѣхъ временъ говорили, что воля государева—воля Божья, и государь—исполнитель Божіей воли.

Когда иностранцы спрашивали ихъ о какомъ-нибудь дѣлѣ, касающемся государя, войны, мира и т. п., они отвѣчали

затверженными словами: „про то знаетъ Богъ да великій государь“, или „одинъ великій государь знаетъ все“, „что мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, успѣхи въ нашихъ предпріятіяхъ, здоровье,—все это имѣемъ мы по милости государя“; по словамъ иностранцевъ, никто въ Московскомъ государствѣ не считалъ себя полнымъ хозяиномъ своего имущества, но всѣ смотрятъ на себя и на все свое, какъ на полную собственность государя. Если среди бесѣды упомянутъ имя государя, и кто-нибудь изъ присутствующихъ не сниметъ при этомъ шапки, ему тотчасъ же напомнятъ эту обязанность.

Видъ государева дворца въ московскомъ Кремлѣ въ XVII вѣкѣ. (Реставрація).

Въ день именинъ царя никто не работаетъ. Въ челобитныхъ царю всѣ пишутся уменьшительными именами, знатнѣйшіе бояре называютъ себя холопами, всѣ прочіе—сиротами и рабами.

Самое жилище государя, его дворецъ, отражаетъ на себѣ величіе царскаго имени. „Честь государева двора“ охраняется съ благоговѣйной строгостью. Не только къ крыльцу царскаго дворца, но даже ко двору нельзя подъѣхать. Одни только высшіе сановники — бояре, окольничіе, думные и ближніе люди имѣли право сходить съ лошадей въ разстояніи нѣ-

скольких саженъ отъ дворца. Къ самому крыльцу на царскій дворъ никто не смѣлъ въѣзжать. Люди младшихъ чиновъ сходили съ лошадей далеко отъ дворца, возлѣ Ивановской колокольни, и во дворецъ шли пѣшкомъ, несмотря ни на какую погоду. Наконецъ люди нечиновные, всякіе подьячіе, купцы, посадскіе люди, не смѣли въѣзжать въ самый Кремль и должны были входить пѣшкомъ.

У тогдашнихъ людей было въ обычаѣ еще издали, завидя царское жилище, снимать шапку, „воздаючи честь" государеву дому. Безъ шапки русскій человѣкъ тѣхъ временъ и подходилъ ко дворцу и проходилъ мимо его. Свободно входить во дворецъ могли только служилые и дворовые, т.-е. придворные чины, но и для нихъ были установлены границы, строго опредѣленныя для каждаго чина.

Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди могли входить даже на „верхъ", т.-е. въ жилые покои государя. Здѣсь, по обыкновенію, они собирались всякій день въ „передней" и ожидали царскаго выхода изъ внутреннихъ покоевъ. Ближніе бояре, „уждавъ время", входили даже въ „комнату", т.-е. въ кабинетъ государя. Прочіе чины — стольники, стряпчіе, дворяне, стрѣлецкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые чины—собирались, обыкновенно, на Постельномъ крыльцѣ: это было единственное мѣсто во дворцѣ, куда они могли приходить во всякое время. Здѣсь они стояли и дожидались, не потребуется ли ихъ служба государю. Въ лютые морозы и лѣтній зной простаивали они тутъ часами, забѣгая ненадолго согрѣться или отдохнуть въ одну изъ ближнихъ къ крыльцу палатъ, да и тутъ для каждаго чина была назначена особая палата. Людямъ совсѣмъ низшихъ чиновъ не разрѣшалось быть даже и на Постельномъ крыльцѣ. Вообще дозволеніе входить въ ту или иную палату дворца считается знакомъ особой милости, о которой бьютъ государю челомъ.

Величественность и пышность царскаго дворца выказывались съ особымъ блескомъ въ дни торжественныхъ праздно-

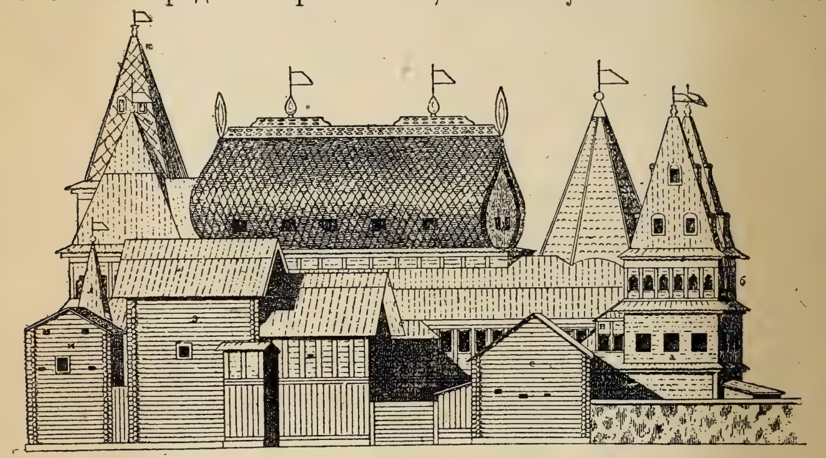
ваній и пріема иностранныхъ пословъ. Въ такіе дни дворецъ сіялъ и горѣлъ золотомъ парадныхъ кафтановъ и украшеній, пестротой цвѣтныхъ одеждъ, блескомъ оружія царской стражи, одѣтой въ особые пышные кафтаны. Зрѣлище встрѣчи посла производило большое впечатлѣніе своей изысканной церемонностью, созданной съ одной цѣлью — хранить и высоко чтить честь имени государева.

Еще далеко отъ столицы, уже съ первыхъ шаговъ на почвѣ Московскаго государства, посолъ начиналъ чувствовать вокругъ себя, на людяхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, могущественное обаяніе царской власти: всѣ разговоры, поступки, дѣйствія окружавшихъ посла лицъ сводились къ одному—беречь честь имени государева.

Подъѣзжая къ московскимъ предѣламъ съ запада, посолъ отправлялъ въ ближайшій московскій городъ извѣстить о себѣ намѣстника или воеводу. Посолъ объявлялъ, какого онъ званія, какъ велика его свита и какимъ онъ облеченъ достоинствомъ. Намѣстникъ, получивъ извѣщеніе посла, тотчасъ же посылалъ извѣстіе о посольствѣ въ Москву, къ государю, а навстрѣчу послу отправлялъ болѣе или менѣе значительнаго человѣка съ приличной свитой, смотря по званію посла и важности того государя, отъ котораго онъ шелъ. Этотъ посланный, въ свою очередь, посылалъ съ дороги кого-нибудь изъ своей свиты объявить послу, что навстрѣчу ему идетъ „большой“ человѣкъ, который ждетъ посла на такомъ-то мѣстѣ. Самъ „большой“ человѣкъ встрѣчалъ посла, стоя со свитой посреди дороги, и ни на шагъ не сторонился, такъ что послы при проѣздѣ мимо него должны были сворачивать съ дороги. Зимой, когда такой проѣздъ былъ не очень удобенъ, подлѣ дороги расчищали снѣгъ, чтобы дать послу возможность проѣхать мимо, не завязнувъ въ снѣгу.

Сошедшись, обѣ стороны, прежде чѣмъ начать объясненія, сходили съ лошадей или экипажей. Посла просили сдѣлать это ранѣе, и отговориться отъ этой церемоніи было невозможно, потому что, какъ объясняли встрѣчавшіе, ни го-

ворить ни слушать, что говорятъ отъ имени государя, нельзя иначе, какъ стоя. При этомъ, оберегая честь своего государя, московскій большой человѣкъ тщательно наблюдалъ, чтобы не сойти съ лошади первымъ. Изъ-за этого возникали иногда большіе недоразумѣнія и споры съ посломъ. Когда всѣ спѣшивались, „большой" человѣкъ подходилъ къ послу съ открытой головой и въ длинной рѣчи извѣщалъ его, что онъ посланъ намѣстникомъ великаго государя проводить посла до такого-то города и спросить его, благополучно ли онъ ѣхалъ.

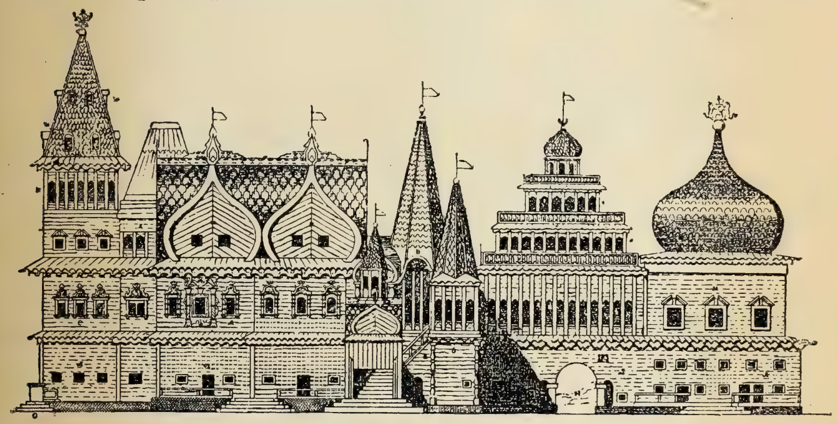
Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ.

Гдѣ случалось въ этой рѣчи упоминать имя царя, „большой" человѣкъ произносилъ его титулъ съ перечисленіемъ главнѣйшихъ княжествъ. Затѣмъ „большой" человѣкъ протягивалъ послу руку и, дождавшись, когда тотъ обнажитъ голову, спрашивалъ его уже отъ себя, благополучно ли посолъ доѣхалъ.

Затѣмъ, сѣвъ на лошадей или въ экипажи, посолъ со свитой объѣзжалъ „большого" человѣка, стоявшаго на дорогѣ. Пока мимо него проѣзжала многочисленная свита посла, „большой" человѣкъ справлялся объ имени каждаго человѣка изъ свиты, его занятіи, мѣстѣ родины, именахъ его родите-

лей и т. д.,—все это подробно записывалось и тотчасъ же, при особомъ донесеніи, отправлялось въ Москву. Поѣздъ посла длинной узкой лентой вытягивался по дорогѣ. За посломъ и его свитой, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, ѣхалъ самъ „большой“ человѣкъ со своими спутниками и во всѣ глаза смотрѣлъ, чтобы никто изъ иностранцевъ не отставалъ отъ своихъ, чтобы никто изъ встрѣчныхъ не смѣлъ приближаться къ посольскому поѣзду.

Ѣхало посольство, обыкновенно, очень медленно, ожидая отвѣта и распоряженій изъ Москвы. Медленность эта иногда

Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ.

выводила иностранцевъ изъ терпѣнія, и они начинали крупныя объясненія съ „большимъ“ человѣкомъ вплоть до угрозъ разбить ему голову, но тотъ отмалчивался, обѣщалъ ускорить, но ничего не дѣлалъ. Бывали случаи, что послу приходилось на пути отъ границы до перваго большого города, иногда всего на разстояніи 20 верстъ, заночевывать въ пути дня по два, по три.

Въ первомъ большомъ пограничномъ городѣ—въ Смоленскѣ или Новгородѣ, смотря по пути, который посольство выбрало, посла встрѣчали пристава изъ Москвы, и уже они провожали посольство до столицы. Съѣстные припасы доставлялись для

посольства вмѣстѣ съ приставами изъ Москвы и слѣдовали за посольствомъ. Это была не лишняя предосторожность даже и помимо заботъ о гостепріимствѣ: дорога проходила по странѣ настолько пустынной, что достать съѣстной запасъ на мѣстахъ остановокъ было иногда невозможно, къ тому же и останавливаться приходилось часто среди поля.

Въ полумилѣ отъ Москвы послу объявляли, что въ такомъ-то мѣстѣ ждутъ его важные люди отъ самого государя, что предъ ними нужно сойти съ лошадей или вылѣзти изъ экипажа. Московскіе придворные, выѣхавшіе навстрѣчу послу, старались болѣе всего повести дѣло такъ, чтобы посолъ первый обнажилъ голову, первый вышелъ изъ экипажа: это значило оберегать честь государя. Послы, особенно польскіе, знавшіе, какое значеніе придавали въ Москвѣ этимъ церемоніямъ, принимали подобныя же мѣры со своей стороны по отношенію къ встрѣчавшимъ, и оттого при встрѣчахъ происходили безконечныя, часто шумныя ссоры.

Окончивъ церемонныя привѣтствія, обѣ стороны садились на лошадей или въ экипажи, при чемъ вся ловкость московскихъ придворныхъ устремлялась на то, чтобы прежде посла надѣть шапку, первымъ вскочить на лошадь. Иногда, чтобы вѣрнѣе успѣть въ этомъ, прибѣгали къ хитростямъ — подавали, напримѣръ, послу очень горячую лошадь, такъ что онъ не сразу успѣвалъ сѣсть на коня.

Наконецъ все было готово, и начинался торжественный въѣздъ посла въ Москву. Посольство выступало въ сопровожденіи многочисленнаго московскаго почетнаго конвоя. По мѣрѣ приближенія къ городу его встрѣчали одинъ за другимъ отряды всадниковъ въ богатыхъ одеждахъ разныхъ цвѣтовъ; они выстраивались по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой двигалось посольство. Послѣдній отрядъ, встрѣчавшій посольство у въѣзда въ городъ, былъ самый великолѣпный: это были „жильцы“ на бѣлыхъ лошадяхъ, одѣтые всѣ въ красные кафтаны съ особымъ украшеніемъ, въ родѣ серебристыхъ крыльевъ, на спинѣ.

Здѣсь же встрѣчали посольство сановные бояре. Чтобы обѣ стороны могли прибыть сюда одновременно, предъ посольствомъ взадъ и впередъ скакали гонцы съ приказами то

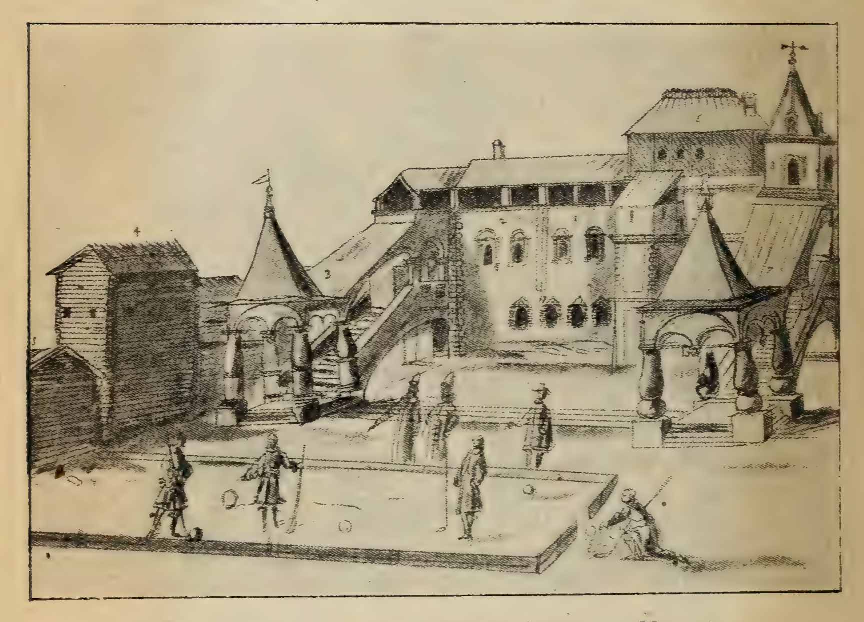

Конные жильцы.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія россійскихъ войскъ“).

ускорить шествіе, то замедлить, даже пріостановить. Посольскій поѣздъ двигался поэтому очень медленно: въ 1664 г. англійское посольство, вступая въ Москву, трехверстное разстояніе должно было ѣхать около восьми часовъ. При встрѣчѣ съ боярами повторялись тѣ же церемоніи, что и при встрѣчѣ

съ придворными чинами, а затѣмъ посолъ вмѣстѣ съ боярами перемѣщался въ экипажъ — богатую раззолоченную карету, высланную изъ дворца.

При въѣздѣ въ городъ посольская и московская музыка непрерывавшаяся съ начала шествія, начинала играть громче. По обѣ стороны улицъ, по которымъ двигалось шествіе, стояли рядами стрѣльцы въ парадныхъ кафтанахъ. За стрѣль-

Видъ посольскаго двора въ Китай-Городѣ въ Москвѣ.
(Съ соврем. рисунка Мейербера XVII в.)

цами толпился народъ, во множествѣ высыпавшій изъ домовъ; кровли домовъ, колокольни, заборы,—все было усѣяно любопытными. Народу даже приказывали быть при встрѣчѣ и непремѣнно въ праздничномъ нарядѣ, чтобы поразить иностранцевъ многолюдствомъ населенія и его зажиточностью. Въ городѣ запирали лавки, торговцевъ и покупателей гнали съ рынка, ремесленники должны были бросать свои занятія,—все

шло на улицу любоваться пышнымъ шествіемъ, а пословъ удивлять собой, своимъ скопищемъ и пестротой.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ для житья иноземнымъ посламъ былъ построенъ особый домъ съ обширнымъ дворомъ и пристройками, вмѣщавшими въ себѣ до 1500 человѣкъ.

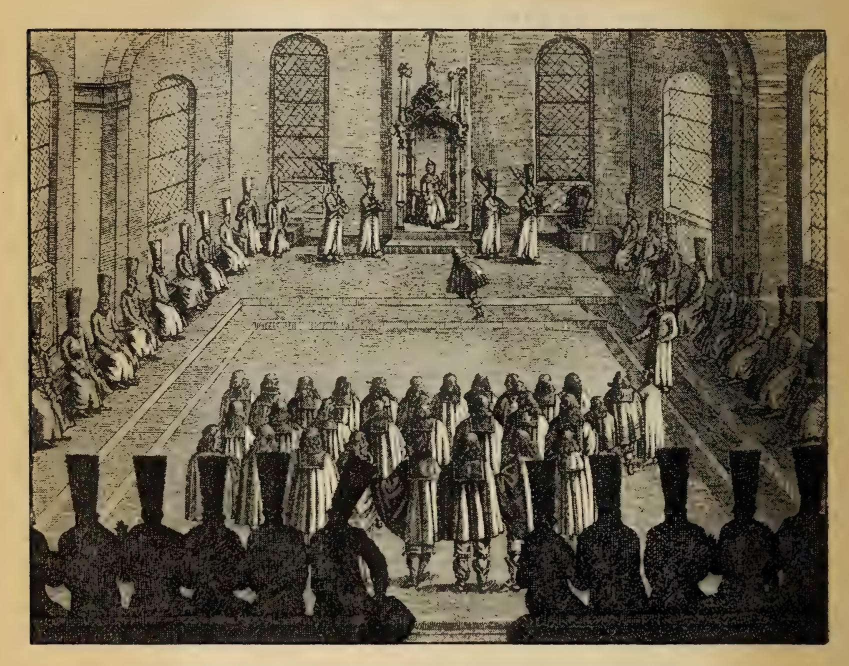
Во все время пребыванія пословъ въ Москвѣ ихъ окру-

Видъ посольскаго двора въ Китай-городѣ въ Москвѣ.
(Съ соврем. рисунка Мейербера).

жали самымъ бдительнымъ надзоромъ. При дверяхъ посольскаго дома ставились караульщики. Выходить со двора иностранцамъ разрѣшалось лишь въ особыхъ случаяхъ, да и то не иначе, какъ въ сопровожденіи караульщиковъ. Точно такъ же никому нельзя было, не навлекая на себя подозрѣнія, приходить къ послу и говорить съ нимъ. Письма, присылавшіяся изъ-за границы посламъ въ Москву, вскрывались, прочитыва-

лись и уничтожались. Немудрено, что всѣ иностранцы, ѣздившіе въ Москву послами, жаловались на дурное обращеніе съ ними, на стѣсненія, которымъ они подвергались, на подозрительное обращеніе съ ними, приличное болѣе въ отношеніи къ плѣнникамъ, а не къ посламъ, представителямъ дружественнаго государства.

Пріемъ иностранныхъ пословъ русскимъ царемъ въ XVII вѣкѣ.
(Съ соврем. рисунка Олеарія XVII в.)

Къ концу XVII вѣка эти мѣры предосторожности были значительно, впрочемъ, ослаблены, и послѣ первой аудіенціи у государя послы могли ходить всюду даже безъ провожатыхъ.

Въ первые дни по прибытіи посольства въ Москву, пока наводились разныя справки и шли разсужденія о пріемѣ пословъ у государя, послы отдыхали. Иногда этотъ отдыхъ затягивался, и тогда посолъ настойчиво просилъ ускорить

день пріема у государя. Послѣ многихъ проволочекъ, послу, наконецъ, объявляли рѣшительный срокъ. Наканунѣ назначеннаго дня пристава нѣсколько разъ приходили къ послу освѣдомляться, готовъ ли онъ предстать предъ свѣтлыя

Рынды.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія россійскихъ войскъ").

очи государевы, и внушали ему, какое это „великое дѣло".

Утромъ на другой день тѣ же пристава являлись къ послу. Въ сѣняхъ посольскаго дома они надѣвали принесенные съ собой богатые парчевые кафтаны, которые выдавались имъ

на этотъ случай изъ казны, входили къ послу и объявляли что ѣдутъ бояре, которые введутъ посла къ государю. Послу внушалось, что онъ долженъ встрѣтить государевыхъ бояръ на крыльцѣ. Бояре, подъѣхавъ къ посольскому дому, сходили съ коней, но не входили въ домъ, а ждали выхода посла, стараясь сдѣлать такъ, чтобы посолъ дальше вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Сѣвъ на коней или въ экипажи, присланные отъ царя, посолъ съ боярами отправлялся въ Кремль черезъ Спасскія ворота. Шествіе, какъ и при въѣздѣ въ Москву, двигалось между рядами стрѣльцовъ, выстраивавшихся по обѣ стороны улицы. Шли медленно, постоянно пересылаясь со дворцомъ: по московскому церемоніалу посла ввести во дворецъ надо было именно въ ту минуту, когда царь садился на престолъ. Толпы народа попрежнему наполняли улицы и площади на пути шествія. Въ Кремлѣ поѣздъ посла встрѣчали служилые люди разныхъ чиновъ, одѣтые въ богатые кафтаны, тоже выданные изъ казны, и сопровождали шествіе до дворца.

Далеко не доѣзжая до крыльца, всѣ сходили съ коней, вылѣзали изъ экипажей и шли пѣшкомъ. Подлѣ крыльца у пословъ и у людей ихъ свиты отбирали оружіе, съ которымъ никто не смѣлъ являться передъ государемъ.

Переднія палаты, которыя проходилъ посолъ, были наполнены князьями, боярами, важнѣйшими придворными людьми, разодѣтыми въ богатѣйшіе кафтаны; на головахъ всѣхъ находившихся здѣсь сановниковъ красовались высокія шапки, такъ называемыя, горлатныя, „похожія на башни“, по выраженію одного посла.

При входѣ посла въ палату, гдѣ находился самъ царь, бояре, сидѣвшіе по лавкамъ въ шапкахъ, вставали и снимали ихъ. Государь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, на престолѣ, по правую сторону котораго на стѣнѣ висѣлъ образъ Спасителя, а надъ головой образъ Божіей Матери. Престолъ помѣщался въ углу, между двумя окнами. По правую сторону, на пирамидальной подставкѣ изъ чеканнаго серебра находи-

лась держава изъ массивнаго золота. По обѣимъ сторонамъ около престола стояли четыре рынды — тѣлохранители—въ бѣлыхъ одеждахъ, съ серебряными топорами на плечахъ. Государь сидѣлъ на тронѣ въ полномъ царскомъ облаченіи. Возлѣ трона на скамьѣ стояла вызолоченная лахань съ рукомойникомъ, покрытымъ полотенцемъ. Эта лахань непріятно поражала и раздражала пословъ, такъ какъ они знали, что въ ней государь моетъ руки послѣ цѣлованія у него послами руки.

Какъ только посолъ входилъ въ пріемную палату, думный дьякъ или одинъ изъ первостепенныхъ бояръ докладывалъ о немъ государю. Ставъ противъ престола, посолъ передавалъ письмо и грамоту отъ своего государя, при имени котораго царь вставалъ и спускался съ верхней ступени престола.

Когда оканчивались первыя привѣтствія, царь освѣдомлялся о здравіи своего брата-государя, приславшаго къ нему посла, и, пока посолъ отвѣчалъ, садился на прежнее мѣсто. Потомъ, по приглашенію дьяка, посолъ подходилъ къ престолу и цѣловалъ руку государя, а царь спрашивалъ посла, благополучно ли онъ доѣхалъ. Затѣмъ, поклонившись сперва царю, а потомъ на обѣ стороны князьямъ и боярамъ, посолъ, по приглашенію дьяка, садился на скамью, которую ставили противъ государя. Межъ тѣмъ, къ рукѣ государя подходили одинъ за другимъ лица свиты посла, а затѣмъ думный дьякъ подносилъ царю подарки, которые привезъ посолъ.

Послѣ этого посла отводили въ другую палату, гдѣ онъ излагалъ передъ думными людьми и обсуждалъ съ ними дѣла, касавшіяся его посольства.

Пока посолъ разсуждалъ съ боярами, во дворцѣ готовили обѣдъ. При входѣ посла въ столовую палату всѣ приглашенные, сидѣвшіе по своимъ мѣстамъ, вставали и отвѣшивали послу низкій поклонъ, посолъ тоже отвѣчалъ поклономъ и садился на мѣсто, указанное ему государемъ. Парадный обѣдъ продолжался очень долго и проходилъ чрезвычайно церемонно. Въ концѣ обѣда царь вставалъ и, взявъ кубокъ

вина, выпивалъ его за здоровье государя, приславшаго посла. Здравицы самаго царя пили все время обѣда, сопровождая возглашеніе ихъ поклонами.

Такъ церемонно принималъ московскій государь приходившихъ къ нему пословъ отъ различныхъ европейскихъ государей. Пріемъ посламъ татарскимъ былъ гораздо проще: меньше дѣлали приготовленій для пріема этихъ пословъ, а

Видъ Грановитой палаты внутри.

отъ нихъ требовали больше знаковъ уваженія и почтенія. Отъ посла крымскаго хана требовалось, чтобы онъ, благодаря за привѣтствіе царя, выражавшееся въ вопросѣ, хорошо ли посолъ ѣхалъ, становился на колѣни и снималъ колпакъ. Къ царскому обѣду тоже приглашали далеко не всякаго крымскаго посла: бывали вѣдь изъ Крыма такіе послы, которые только затѣмъ и пріѣзжали, чтобы получить царскіе подарки—золотые и серебряные сосуды и богатыя шубы.

Такіе послы-промышленники, обыкновенно, не возвращали посуду, въ которой имъ приносили на подворье кушанье съ царскаго стола. Чтобы не убыточиться очень на такихъ невѣждъ, московскіе гофмаршалы заказали въ Англіи много мѣдной и латунной посуды, сдѣланной такъ, какъ было принято дѣлать золотую и серебряную, и ужъ посылали кушанье разнымъ крымскимъ и персидскимъ дипломатамъ въ этой посудѣ: убытокъ былъ невеликъ, если иной азіатъ и не возвращалъ дешевую утварь.

Такъ свысока обращалось московское правительство съ восточными послами, но своимъ посламъ требовало отъ восточныхъ владыкъ особаго уваженія. Крымскій ханъ долженъ былъ принимать московскихъ пословъ такъ, какъ онъ принималъ пословъ турецкаго султана, которому считался данникомъ и подручникомъ.

Въ сношеніяхъ съ иностранцами тогдашніе русскіе люди даже самыхъ мелкихъ чиновъ строго берегли честь государева имени. Разсказываютъ такой случай. Былъ въ Москвѣ обычай оказывать иностраннымъ посламъ вниманіе, посылая имъ въ даръ часть добычи съ царской охоты. Пріѣхалъ разъ отъ государя къ литовскимъ посламъ царскій псарь и привезъ имъ зайцевъ. Послы угостили псаря виномъ, но ничего ему не подарили. Тогда пристава при посольствѣ спросили пословъ,—зачѣмъ они за государское жалованіе псаря ничѣмъ не подарили? Послы, извинившись незнаніемъ обычая, послали псарю четыре золотыхъ отъ себя и два отъ свиты. Посланный ихъ сказалъ псарю: „Послы тебя жалуютъ, а посольскіе дворяне челомъ бьютъ!“ Псарь взялъ два золотыхъ отъ свиты, а четырехъ отъ пословъ не взялъ: ему показалось несовмѣстнымъ съ его достоинствомъ царскаго псаря, посланнаго отъ государя съ почетнымъ даромъ, принимать чье бы то ни было пожалованіе; вотъ если „челомъ бьютъ“— это другое дѣло, можно взять.

Разъ въ Даніи русскіе послы поднесли королю дары отъ своего государя. Датскій король отдарилъ. Но посламъ пока-

залось, что королевскіе дары куда же малоцѣннѣе тѣхъ даровъ, какіе они поднесли королю отъ имени великаго государя. Московскій посолъ, князь Семенъ Ромодановскій, нашелъ это неладнымъ и не постѣснился вернуть королевскіе дары обратно, сказавъ, что эти дары и половины

Покровскій соборъ или храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ (XVI в.).

не стоятъ того, что стоятъ дары царскіе, да и царь не такъ жаловалъ датскихъ пословъ, когда они были въ Москвѣ. Датскіе придворные отвѣтили капризному московскому послу, что король пожаловалъ его, посла, не въ торговлю: что у него случилось, тѣмъ и пожаловалъ. Но московскій посолъ отвѣтилъ: „Я привезъ королю дары великіе, дѣлаючи ему

честь великую, чтобы и со стороны было пригоже взглянуть, а не въ торговлю, и мы въ королевскомъ жалованіи не корысти хотимъ!“ По мнѣнію посла, отдарокъ долженъ равняться подарку, а иначе меньшій отдарокъ ронялъ лицо дарившее, т.-е. посла и пославшаго его—Великаго Государя.

Такъ строго, чинно и порядливо хранилась въ Московской Руси честь государева имени. Оно было окружено необычайными, крайне сложными и запутанными церемоніями. Каждый выходъ царя, каждое движеніе происходило по особымъ правиламъ, которымъ всѣ должны были подчиняться и строго соблюдать. Не въ этихъ церемоніяхъ, конечно, была честь государя всея Руси, тогдашніе люди этими церемоніями хотѣли только наглядно эту честь выразить, особенно передъ иноземцами, и поэтому тщательное соблюденіе церемоній ставилось въ особую государственную заслугу. Стариннаго русскаго посла, напримѣръ, никакъ нельзя было уломать отступить хоть не намного отъ выработаннаго вѣками церемоніала береженія государева имени. Русскій посолъ скорѣе, бывало, откажется исполнить то дѣло, за которымъ присланъ, оборветъ всѣ переговоры и уѣдетъ домой, не отдохнувъ, рискуя дома потерять голову за неисполненное порученіе, но ужъ ни за что не согласится, чтобы иностранный монархъ, хотя бы даже императоръ Священной Римской имперіи, отвѣтилъ на привѣтствіе его посломъ во время торжественнаго пріема отъ имени великаго государя сидя или со шляпой на головѣ *).

---

*) Составлено по соч. *С. М. Соловьева.* „Исторія Россіи“, т. XIII. *В. О. Ключевскаго.* „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“. *М. Дьяконова.* „Власть московскихъ государей“. *Н. Каптерева.* „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. *И. Забѣлина.* „Домашній бытъ русскихъ царей“. Заставка—съ жалованной грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича.

Святѣйшій патріархъ московскій и всея Руси.

Со времени крещенія Русской земли во главѣ управленія русской Церковью стоялъ митрополитъ, подвѣдомственный константинопольскому патріарху, а вся русская митрополія считалась одной изъ епархій константинопольскаго патріарха-

та. По церковнымъ правиламъ избирать митрополита должны были бы епископы той области, для которой онъ предназначался, и патріарху надо было бы только утверждать его. Но въ Русской землѣ не было архіереевъ въ дни принятія ею крещенія, а потому первые іерархи на Руси были назначенные константинопольскимъ патріархомъ. Эту временную необходимость патріархи обратили въ законъ. Русская митрополія, какъ новая, стояла въ патріаршемъ спискѣ на 61 мѣстѣ, и на соборѣ въ Константинополѣ русскій митрополитъ занималъ послѣднее мѣсто. При назначеніи русскихъ митрополитовъ патріархи обязывали ихъ твердо сохранять правила, принятыя византійской Церковью, и не допускать въ своей митрополіи никакихъ нововведеній. Митрополиты, въ свою очередь, обязывали къ тому же поставляемыхъ ими архіереевъ. Въ Константинополѣ старались предупреждать всякія попытки къ избранію митрополита на Русь изъ русскихъ и всегда спѣшили при первой вѣсти о кончинѣ русскаго митрополита назначить грека, хорошо извѣстнаго патріарху.

Первый митрополитъ изъ русскихъ, поставленный независимо отъ патріарха, былъ Иларіонъ. Это произошло при великомъ князѣ Ярославѣ во время его войны съ греками. Потомъ уже, когда былъ заключенъ миръ, у патріарха было испрошено утвержденіе Иларіона въ санѣ. Великіе князья, чувствовавшіе себя особенно сильными, требовали у патріарха, чтобы онъ назначилъ митрополита не иначе, какъ снесясь и съ великимъ княземъ. Но извѣстно, какія смуты господствовали среди князей кіевскихъ временъ, и какъ часто великое княженіе переходило отъ одного къ другому иногда съ нарушеніемъ всякихъ правъ. Поэтому притязанія великихъ князей кіевскихъ временъ на вліяніе въ дѣлѣ избранія митрополитовъ были рѣдки и случайны. Но они становятся болѣе часты, когда съ перенесеніемъ средоточія русской жизни съ кіевскаго юга на суздальскій сѣверъ измѣнился самый характеръ княжеской власти, и въ то же время южная Россія вошла частью въ составъ Литовскаго великаго кня-

жества, частью попала въ руки Польши. Русскій митрополитъ переселился на сѣверъ, сначала въ городъ Владиміръ на Клязьмѣ, а потомъ въ Москву, къ сильнѣйшему изъ всѣхъ удѣльныхъ князей, великому князю московскому. Съ этого времени литовскіе великіе князья начинаютъ хлопотать въ Константинополѣ объ отдѣльномъ митрополитѣ для своихъ русскихъ областей, считая, что жившій въ Москвѣ русскій митрополитъ черезъ подчиненное ему духовенство можетъ оказывать вліяніе на подданныхъ литовскаго великаго князя, а при постоянной борьбѣ Москвы съ Литвой это вліяніе могло быть очень не на руку литовскому государю.

Въ Константинополѣ сначала отказывали въ этомъ, а потомъ, подъ давленіемъ угрозъ со стороны литовскаго правительства, уже входившаго въ переговоры съ Римомъ, греки уступили. Тогда и являются особые митрополиты въ Галиціи съ 1303 г., и въ Литвѣ съ 1316 г. Въ 1370 годахъ митрополитами были Алексѣй въ Москвѣ, Кипріянъ въ Литвѣ и Антоній въ Галиціи, принадлежавшей тогда уже Польшѣ. Но греки, считая, что черезъ одного человѣка легче влiять на дѣла русской Церкви, пользуются всякой возможностью, чтобы возстановить единство русской митрополіи. Въ 1408 г. великій князь литовскій Витовтъ настаивалъ на посвященіи отдѣльнаго митрополита въ Литву и указывалъ на греческаго епископа Ѳеодосія, какъ на желательное для него лицо. Но въ Константинополѣ посвятили въ митрополиты для всей Руси Фотія, тоже грека. Митрополитъ Фотій сталъ жить въ Москвѣ. Недовольный такимъ исходомъ дѣла, Витовтъ принялся хлопотать, чтобы митрополитомъ въ Литву былъ назначенъ Григорій Цамблакъ, но патріархъ отказался исполнить просьбу Витовта. Тогда Витовтъ заставилъ русскихъ епископовъ Литвы избрать митрополитомъ Григорія безъ всякаго сношенія съ патріархомъ. Московскій и всея Руси митрополитъ Фотій отлучилъ тогда Григорія и избравшихъ его архіереевъ отъ Церкви и запретилъ имѣть съ ними какое бы то ни было общеніе, даже въ пищѣ. Въ своихъ посланіяхъ митрополитъ

Фотій проводилъ неуклонно одну мысль—единственный источникъ истинной вѣры есть константинопольская Церковь, изливающая свѣтъ вѣры на Русь черезъ одного митрополита, которому обязаны повиноваться всѣ—князья, епископы, духовенство и народъ.

Но вотъ въ поискахъ за защитой отъ турокъ, все болѣе и болѣе тѣснившихъ Византію, греческое правительство и духовенство начала XV вѣка вошли въ тѣсное сношеніе съ Римомъ и возбудили вопросъ о соединеніи Церквей восточной и западной.

Въ Италіи, въ городѣ Флоренціи, былъ созванъ соборъ, которому и было поставлено задачей установить соединеніе Церквей. Только что назначенный изъ Константинополя русскій митрополитъ Исидоръ, побывъ немного въ Москвѣ, началъ собираться во Флоренцію къ тѣмъ самымъ „нечестивымъ латинянамъ", пребываніе и всякое общеніе съ которыми считать грѣхомъ учили русскихъ сами греки. Исидоръ на соборѣ подписалъ соглашеніе о соединеніи Церквей. Съ этимъ онъ вернулся въ Москву, но его здѣсь встрѣтили сурово, и Исидоръ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ.

Этотъ случай послужилъ предлогомъ для московскаго правительства порвать всякую зависимость русскаго духовенства отъ Константинополя. Патріархи, раздѣлявшіе флорентійское соглашеніе, не были признаны въ Москвѣ. По повелѣнію великаго князя, соборъ великорусскихъ іерарховъ избралъ въ митрополиты всея Руси рязанскаго епископа Іону. Патріарху было сообщено объ этомъ особой грамотой, гдѣ говорилось, что это избраніе совершилось „не изъ дерзости или гордости, а по нуждѣ", испрашивалось патріаршее благословеніе новому митрополиту, но настоятельно давалось понять патріарху, что въ Москвѣ намѣрены и впредь поступать въ вопросѣ избранія митрополитовъ такъ же. Видя настойчивость и рѣшимость московскаго правительства, патріархъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, пошелъ на уступки—далъ русскимъ епископамъ право поставлять митрополита изъ

своей среды и призналъ его первымъ послѣ патріарховъ.

Одновременно съ избраніемъ великорусскими архіереями въ митрополиты св. Іоны въ Литвѣ утвердился митрополитомъ нѣкто Григорій Болгаринъ, поставленный патріархомъ, признававшимъ флорентійское соглашеніе. Впослѣдствіи митрополитъ Григорій отрекся отъ этого соглашенія и открылъ собою уже непрерывный рядъ митрополитовъ южно-русскихъ, имѣвшихъ каѳедру въ Кіевѣ.

Взятіе Константинополя турками (1453 г.) произвело сильное впечатлѣніе на Руси. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи о паденіи „богохранимаго града“ причиной этого бѣдственнаго несчастія назвалъ то, что греки не соблюдали благочестія, и за это Господь покаралъ ихъ. Москва, которая въ это время заканчивала объединеніе въ своихъ предѣлахъ всей Великороссіи, оказалась единственнымъ независимымъ православнымъ царствомъ на свѣтѣ, да еще побѣдившимъ мусульманъ, свергнувшимъ татарское иго, въ то время какъ мусульмане-турки овладѣли православной Византіей. Московскій великій князь сдѣлался какъ бы наслѣдникомъ власти и значенія византійскихъ императоровъ, какъ охранителей и защитниковъ православія. Со времени Ивана Грознаго государи всея Руси стали называться царями, какъ до того звали на Руси только византійскихъ императоровъ. Москву русскіе книжники тѣхъ временъ величали „третьимъ Римомъ“. Конечно, вмѣстѣ съ такимъ возвышеніемъ Москвы возросло и значеніе русской Церкви, ея духовенства, митрополита прежде всего. Стало казаться неудобнымъ, что митрополитъ всея Руси, хотя и по имени ужъ только, а всё-таки подчиненъ константинопольскому патріарху, подданному турецкаго султана.

Въ Москвѣ стали тогда хлопотать объ учрежденіи своего патріаршества. Богомольный наслѣдникъ Грознаго, царь Ѳедоръ Ивановичъ, особенно сталъ заботиться объ учрежденіи патріаршества въ Россіи. Въ 1586 г. пріѣхалъ въ Москву

за милостыней антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Бесѣдуя съ нимъ, царь Өедоръ Ивановичъ и высказалъ свое желаніе, чтобы на Руси быть патріарху, и просилъ патріарха Іоакима, чтобы онъ о томъ великомъ дѣлѣ посовѣтовался съ другими патріархами, „а помысля бы о томъ намъ объявили, какъ тому дѣлу пригоже состоятися“. Патріархъ Іоакимъ одобрилъ мысль царя и обѣщалъ поговорить объ этомъ дѣлѣ со всѣми другими патріархами.

Русскій митрополитъ Діонисій, при торжественной встрѣчѣ патріарха въ Успенскомъ соборѣ, первый благословилъ его, не дожидаясь патріаршаго благословенія. Патріархъ, по разсказу современной записи, сталъ было говорить митрополиту, что не слѣдовало бы ему первому благословлять патріарха, „да и замолчалъ“.

Прошло два года безъ всякихъ вѣстей съ Востока объ этомъ дѣлѣ. Какъ вдругъ прискакалъ въ Москву съ юга гонецъ съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что самъ вселенскій константинопольскій патріархъ Іеремія прибылъ въ русскіе предѣлы и проситъ разрѣшенія пріѣхать въ Москву. Въ Москвѣ думали, что патріархъ везетъ отвѣтъ на вопросъ о патріаршествѣ. Но эти ожиданія не оправдались. Іеремія ѣхалъ въ Москву за милостыней и никакихъ письменныхъ или устныхъ полномочій отъ другихъ патріарховъ на учрежденіе патріаршества въ Москвѣ съ собой не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе, въ Москвѣ рѣшили воспользоваться случаемъ и двинуть дѣло впередъ. Вести переговоры съ патріархомъ взяли на себя такіе ловкіе и опытные дѣльцы и дипломаты, какъ царскій шуринъ Борисъ Өедоровичъ Годуновъ и думный дьякъ Андрей Щелкаловъ.

Патріарху отвели роскошное помѣщеніе, всячески ублажали его и чествовали, но окружили его для почета русскими изъ тѣхъ, которые были „покрѣпчае“, наказали имъ никого не пускать къ патріарху и вести съ нимъ разговоры объ учрежденіи патріаршества на Руси. Мимоходомъ, какъ бы только отъ себя, приставленныя къ патріарху лица стали

говорить ему: какъ бы онъ поставилъ имъ патріарха? Іеремія сначала и слышать о томъ не хотѣлъ, а затѣмъ не отвѣтилъ ни да ни нѣтъ на вопросъ: а что, если бы самъ онъ остался въ Москвѣ? Потомъ эта мысль понравилась Іереміи, и онъ сказалъ, что, пожалуй, готовъ остаться въ Москвѣ.

Такой исходъ дѣла сразу рѣшилъ бы вопросъ о патріаршествѣ. Тогда русское царство сразу „просіяло бы всѣми добротами", совмѣстило бы въ себѣ все значеніе павшаго второго Рима: былъ бы тогда въ Москвѣ не только единый во всей вселенной православный царь, но и старѣйшій представитель и начальный глава всей православной Церкви — вселенскій патріархъ константинопольскій. Тогда Москва безусловно заняла бы мѣсто павшей Византіи, стала бы, дѣйствительно, третьимъ Римомъ.

Но русскому правительству вовсе не было желательно оставить у себя патріархомъ Іеремію, во-первыхъ, потому, что онъ, пожалуй, продолжалъ бы именовать себя попрежнему, т.-е. патріархомъ цареградскимъ, а не московскимъ; а во-вторыхъ, и это самое главное, возникъ вопросъ у благочестивыхъ русскихъ людей: можно ли грека поставить управителемъ русской Церкви? Тогда уже на Руси было твердо и непоколебимо мнѣніе, что греки утеряли истинное благочестіе, и за это погибло ихъ царство. Русскіе видѣли, что греки иначе крестятся, троятъ аллилуію, расходятся съ русскими и въ другихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, что они въ своей жизни не особенно строго соблюдаютъ разныя церковныя правила и предписанія и что вообще въ нихъ очень мало истиннаго, настоящаго благочестія, какъ его понимали тогдашніе русскіе. Все это черезъ сто лѣтъ, при патріархѣ Никонѣ, было признано слѣдствіемъ русскаго невѣжества, но пока всѣ русскіе на церковныя особенности грековъ смотрѣли какъ на отступленія, какъ на введенныя греками новшества, за которыя они и понесли уже наказаніе, попавъ въ руки турокъ. Принимая на видъ всѣ эти соображенія, въ Москвѣ порѣшили, что пускать патріарха Іеремію

въ Москву никакъ нельзя, и предложили ему жить во Владимірѣ на Клязьмѣ, а въ Москвѣ, чтобы былъ попрежнему митрополитъ Іовъ. Но на это не согласился патріахъ Іеремія. Онъ захотѣлъ жить непремѣнно въ Москвѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ носилъ бы только санъ патріарха, а дѣйствительнымъ управителемъ Церковью оставался бы митрополитъ Іовъ. Таковъ и былъ, вѣроятно, расчетъ русскаго правительства: по кончинѣ Іереміи на патріаршество былъ бы избранъ русскій и, конечно, его-то переселили бы въ Москву.

Царь нѣсколько разъ посылалъ уговаривать патріарха Іеремію принять патріаршество съ каѳедрой во Владимірѣ, но Іеремія не соглашался. Тогда 13 января 1589 г. бояринъ Борисъ Годуновъ и думный дьякъ Андрей Щелкаловъ отправились, по повелѣнію государя, на подворье къ патріарху и сказали ему: „Посылалъ къ тебѣ государь нашъ, чтобы ты остался на патріаршествѣ Владимірскомъ и всея Руси, но ты на то не произволилъ. И помыслилъ государь со своей благовѣрною царицей, поговорилъ съ нашими боярами и велѣлъ посовѣтоваться съ тобою о томъ, чтобы тебѣ благословить и поставить патріарха на Владимірское и Московское патріаршество изъ россійскаго собора, кого Господь Богъ и Пречистая Богородица и великіе чудотворцы московскіе изберутъ“.

Іеремія послѣ долгаго разговора съ бояриномъ Годуновымъ согласился дать благословеніе, чтобы впредь быть патріаршеству всея Руси, и патріарху всея Руси „поставляться въ Россійскомъ царствѣ отъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ по чину патріаршескому, а его бы, Іеремію, отпустилъ бы государь въ Царь-Градъ“.

На 17-е января собралось все высшее духовенство русской Церкви и приговорило, какъ быть великому дѣлу избранія, нареченія и посвященія патріарха всея Руси. 23-го января государю отъ собравшагося въ Успенскомъ соборѣ высшаго духовенства былъ представленъ списокъ тѣхъ, кого ду-

ховенство считало достойнымъ высокаго сана. Выборъ государя остановился на Іовѣ, митрополитѣ московскомъ. 26 января совершилось торжественное посвященіе въ санъ новаго патріарха московскаго и всея Руси.

Передъ отъѣздомъ патріарха Іереміи ему была предложена для подписи особая уложенная грамота объ учрежденіи на Руси патріаршества, писанная на пергаментѣ золотомъ и красной краской. Въ грамотѣ была подробно изложена вся исторія возникновенія патріаршества, и въ уста патріарха Іереміи вкладывались слѣдующія рѣчи: „Поистинѣ, — говорилъ будто бы Іеремія,—въ тебѣ, благочестивомъ царѣ, пребываетъ Духъ Святой, и отъ Бога такая мысль тобою будетъ приведена въ дѣло... Ибо древній Римъ палъ апполинаріевою ересью, а второй Римъ—Константинополь—находится въ обладаніи внуковъ агарянскихъ безбожныхъ турокъ; твое же великое россійское царство, третій Римъ, превзошло всѣхъ благочестіемъ, и всѣ благочестивыя царства собрались въ твое единое, и ты одинъ подъ небесами именуешься христіанскимъ царемъ во всей вселенной, у всѣхъ христіанъ“...

Въ Царь-Градъ патріархъ Іеремія былъ отпущенъ съ богатыми дарами и наказомъ прислать утвержденіе московскому патріаршеству отъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Въ маѣ 1591 года такая утвердительная грамота и пришла въ Москву. Въ ней патріархъ Іовъ признавался въ его достоинствѣ и постановлялось, что и впредь быть на Руси патріархамъ; мѣсто же патріарху московскому и всея Руси опредѣлялось въ сонмѣ вселенскихъ патріарховъ, какъ самому младшему, послѣ іерусалимскаго, т.-е. пятое. Первое мѣсто принадлежало константинопольскому патріарху, духовному владыкѣ царствующаго града, второе—судіи вселенной, патріарху александрійскому, третье—антіохійскому, четвертое—іерусалимскому.

Новый высокій санъ необычайно поднялъ въ глазахъ всѣхъ русскихъ людей главу духовенства великаго россійскаго цар-

ствія. Судьба судила уже первому патріарху выступить во главѣ государства, когда послѣ кончины бездѣтнаго царя Ѳеодора Ивановича возникъ вопросъ объ избраніи ему преемника. Патріархъ Іовъ рѣшилъ избраніе въ цари Бориса Годунова. Въ смутное безгосударное время во главѣ всего освободительнаго движенія стоялъ патріархъ Гермогенъ. При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ патріархомъ, какъ извѣстно, былъ избранъ отецъ государя, митрополитъ Филаретъ, въ міру бояринъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ.

Патріархъ Филаретъ сталъ зваться великимъ государемъ и соправителемъ, а на дѣлѣ былъ настоящимъ правителемъ государства и принималъ постоянное участіе въ дѣлахъ, присутствовалъ на всѣхъ пріемахъ и аудіенціяхъ у царя, и безъ его рѣшающаго слова ничего въ правительствѣ не дѣлалось. Придворный штатъ патріарха Филарета по своему блеску соотвѣтствовалъ штату царскаго дворца. Всѣ люди, жившіе на земляхъ патріарха, или подчиненные ему, судились только у патріарха, у его патріаршихъ бояръ и были освобождены отъ всѣхъ казенныхъ сборовъ. Для веденія церковныхъ дѣлъ былъ учрежденъ особый Патріаршій Приказъ, подвѣдомственный только патріарху. Въ дѣлахъ церковныхъ и по своему вліянію на дѣла управленія государствомъ патріархъ Филаретъ, дѣйствительно, а не по имени только былъ великимъ государемъ. Возвышеніе патріаршества при Филаретѣ отразилось и на его преемникахъ. Богомольный царь Алексѣй необыкновенно чтилъ патріарха. При встрѣчахъ съ патріархомъ Іосифомъ онъ всегда, принимая отъ него благословеніе, земно кланялся ему. Когда царю Алексѣю доложили о кончинѣ патріарха Іосифа, то онъ горько заплакалъ. „На насъ, (т.-е. на царя и его приближенныхъ), такой страхъ и ужасъ напалъ,—писалъ царь Алексѣй своему „собинному“ другу, новгородскому митрополиту Никону,—что едва пѣть могли (вѣсть пришла въ церковь) и то со слезами, а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей со страха и ужаса ноги подломились, ибо кто преставился? Какъ овцы безъ пастуха не знаютъ, куда дѣваться, такъ и мы теперь,

грѣшные, не знаемъ, гдѣ головы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ"...

Въ Вербное воскресенье во время торжественнаго шествія, изображавшаго входъ Господень въ Іерусалимъ, патріархъ съ крестомъ и Евангеліемъ въ рукахъ возсѣдалъ на „осляти", т.-е. на богато убранномъ конѣ, а царь и высшіе бояре вели „ослятя" за узду. Царь обыкновенно цѣловалъ патріарха въ руку, а святѣйшій — государя въ голову, обнявъ ее своими руками.

Въ Прощеное воскресенье государь шествовалъ „прощаться" къ патріарху въ сопровожденіи бояръ и прочихъ чиновъ. У патріарха, въ его Крестовой палатѣ, собирались въ это время всѣ духовныя власти, т.-е. митрополиты, архіереи, архимандриты. Патріархъ встрѣчалъ государя на лѣстницѣ, благословлялъ его и, принявъ его подъ руку, шелъ съ нимъ въ палату. Здѣсь патріархъ говорилъ „Достойно" и молитву „приходную", затѣмъ снова благословлялъ государя и всѣхъ бояръ. Послѣ этого всѣ садились. Государь и патріархъ садились на лавки или кресла, поставленныя такъ, что они занимали мѣсто у двухъ стѣнъ недалеко отъ угла. Государь садился около южной стѣны Крестовой палаты, а патріархъ—около восточной. Бояре размѣщались напротивъ государя. По лѣвую сторону царя, у дверей палаты, становились царскіе стряпчіе, стольники и спальники.

Въ сѣняхъ Крестовой палаты еще до прихода государя былъ устроенъ поставецъ съ разными фряжскими винами и русскими медами. За поставцомъ сидѣлъ для отпуска питей думный дворянинъ съ думнымъ дьякомъ, завѣдывавшій Приказомъ Большого Дворца. Здѣсь же стояли степенный и путный ключники, чарочники и дворцовые стряпчіе. Посидя немного, государь приказывалъ стольникамъ нести свое государево питье. Наливъ три кубка, думный дворянинъ сдавалъ ихъ стольникамъ, которые чинно, одинъ за другимъ, съ кубками въ рукахъ, входили въ палату и подносили ихъ патріарху. Принявъ кубки, святѣйшій отливалъ изъ каждаго для

себя и потомъ подносилъ государю. Государь откушивалъ и отдавалъ кубки стольникамъ, а тѣ несли ихъ обратно на поставецъ. Послѣ того стольники тѣмъ же порядкомъ вносили кубки для бояръ. Точно такъ же подносили кубки сначала патріарху, а онъ подавалъ боярамъ. Во второй разъ съ тою же церемоніей подносили красный медъ въ золотыхъ ковшахъ, а потомъ „тѣмъ же обычаемъ" бѣлый медъ въ серебряныхъ ковшахъ. Когда оканчивались эти прощальныя чаши, государь съ патріархомъ садились на прежнія мѣста, а бояре и всѣ остальные, находившіеся въ палатѣ, вставали и выходили по царскому указу въ сѣни. Государь и патріархъ оставались одни съ полчаса. Потомъ снова входили бояре, и патріархъ, вставъ съ мѣста, говорилъ: „Достойно есть" и „прощенье", т.-е. прощальную молитву: „Владыко многомилостиве"... Затѣмъ благословлялъ государя и провожалъ его до того мѣста, гдѣ встрѣчалъ.

Успеньевъ день, 15 августа, былъ каѳедральнымъ праздникомъ московскихъ патріарховъ. Патріархъ приглашалъ царя въ этотъ день къ себѣ потрапезовать, звалъ и многихъ бояръ. Гости, кромѣ обѣда, получали отъ патріарха подарки. На другой день царь приходилъ снова къ патріарху благодарить его за праздничное угощенье.

Высокое положеніе, какое занялъ въ государствѣ первосвятитель русской Церкви, явилось достойнымъ завершеніемъ той дѣятельности, какую внесло въ дѣло созданіе „великаго Россійскаго царствія" русское духовенство и глава его—сначала митрополитъ, а съ 1589 года патріархъ всея Руси.

Со времени принятія христіанства русскимъ народомъ духовенство заняло выдающееся положеніе въ странѣ. Среди первыхъ архіереевъ и священниковъ было много грековъ и болгаръ. Воспитанные въ правилахъ византійской церкви, основанныхъ на апостольскомъ преданіи и на положеніяхъ вселенскихъ соборовъ, знающіе и свѣтскую науку, эти греки и болгары стали творцами и насадителями науки и просвѣ-

щенія въ древней Руси. На Руси они нашли людей мало просвѣщенныхъ, привязанныхъ къ языческимъ обычаямъ и нравамъ. Застали они здѣсь и странные для нихъ государственные порядки, когда на ряду съ княземъ, порой даже подавляя княжескую власть, господствовало вѣче городовъ. Пришлое греческое духовенство сразу же стало стремиться пересадить на Русь византійскія представленія о власти и государѣ, какъ единомъ и нераздѣльномъ владѣтелѣ въ странѣ, обязанномъ отчетомъ только Господу Богу, какъ Его ставленникъ и помазанникъ. Но кіевскіе князья плохо усваивали эти представленія. Легче пошло это у князей удѣльныхъ и осуществилось вполнѣ только у московскихъ великихъ князей, когда жизнь превратила ихъ изъ удѣльныхъ владѣтелей въ государей всея Руси.

Но первое мѣсто духовенство занимало и у кіевскихъ, и у удѣльныхъ, и у московскихъ князей неизмѣнно. У древнихъ лѣтописцевъ нѣтъ лучшей похвалы князю, какъ замѣчаніе, что „онъ любилъ поповъ и монаховъ паче мѣры и почиталъ митрополита и епископовъ, какъ Самого Христа“. Духовенство постоянно при князѣ со временъ Владиміра Святого, который совѣтовался съ епископами даже по дѣлу объ умноженіи разбойниковъ около Кіева. „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милость добрымъ“—говорили епископы князю. Этотъ тонъ, что князь поставленъ отъ Бога, становится основнымъ тономъ взаимнаго отношенія свѣтской и духовной власти на Руси. Подчиненная византійскому патріарху духовная власть чувствуетъ себя независимой отъ власти князей, а возвышая княжескую власть ученіемъ о ея боговдохновенности, Церковь чувствуетъ себя даже въ положеніи высшемъ, какъ бы покровительствующемъ князьямъ. Духовенство даетъ князю совѣты, какъ управлять и какъ чинить судъ въ странѣ, къ митрополиту князья обращаются за благословеніемъ, предпринимая какое-либо важное дѣло.

Объединеніе Великороссіи около Москвы происходило при прямомъ содѣйствіи духовенства, и московскіе великіе князья

ничѣмъ такъ не дорожили, какъ участіемъ митрополита во всѣхъ ихъ дѣлахъ. Правда, бывали со стороны князей попытки подчинить духовенство своей власти, но неудачныя. Даже такой самостоятельный и крѣпкій характеромъ и волей человѣкъ, какъ Иванъ III, рубившій головы первымъ князьямъ своего двора, былъ въ подчиненіи у митрополита. Разсказываютъ такой случай: во время освященія только что отстроеннаго Успенскаго собора митрополитъ Геронтій ходилъ въ крестномъ ходѣ противъ солнца. Одни сочли, что это такъ и нужно, а другіе возражали и говорили, что въ такихъ случаяхъ надо ходить по солнцу. Великій князь Иванъ III былъ на сторонѣ послѣднихъ и очень опасался, что, благодаря поступку митрополита, гнѣвъ Божій посѣтитъ Москву. Такъ съ негодованіемъ онъ и заявилъ митрополиту. Митрополитъ Геронтій страшно оскорбился и уѣхалъ изъ Кремля въ Симоновъ монастырь, заявивъ, что если великій князь не ударитъ ему челомъ, то онъ оставитъ митрополію и станетъ жить простымъ монахомъ. Почти все духовенство стало за митрополита. Великій князь послалъ тогда къ Геронтію сына своего просить владыку возвратиться. Геронтій отказался. Тогда великій князь поѣхалъ къ нему самъ, призналъ себя виновнымъ и обѣщалъ во всемъ повиноваться ему. Только тогда Геронтій возвратился въ Москву.

Но нельзя сказать, чтобы великій князь Иванъ III такъ ужъ всегда безъ спора уступалъ митрополиту. Въ концѣ-концовъ онъ и Геронтія прибралъ къ рукамъ, такъ что митрополиту стали указывать, что онъ „боится державнаго“. Сынъ Ивана III, Василій III, поставилъ себя въ отношеніи къ митрополиту такъ, что тотъ пересталъ даже „печаловаться“, т.-е. заступаться передъ великимъ княземъ за сирыхъ и убогихъ, за тѣхъ, на кого великій князь разгнѣвался и наложилъ суровое наказаніе, и это, несмотря на то, что „печалованіе“ было исконнымъ правомъ духовенства.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ стали выбирать митрополита независимо отъ воли константинопольскаго патріарха,

извѣстная подчиненность главы духовенства великому государю стала сказываться еще замѣтнѣе.

Конечно, прибывшій на русскую митрополію грекъ, или русскій, принявшій митрополію всея Руси отъ византійскаго патріарха, чувствовали себя независимѣе передъ лицомъ великаго князя московскаго, чѣмъ могъ чувствовать себя митрополитъ, выбранный на соборѣ русскихъ іерарховъ, передъ лицомъ великаго государя и царя всея Руси. Это особенно сказалось во времена Грознаго. Максимъ Грекъ, князь Курбскій говорятъ о времени Грознаго, что теперь-де нѣтъ болѣе Самуила, Наѳана, Иліи, Елисея, Амвросія Великаго, Іоанна Златоустаго, которые обличали бы неправду и удерживали гнѣвъ царей. Еще въ XV вѣкѣ книжники выставляли, какъ правило, іерею, чтобы онъ „не боялся и не стыдился передъ лицомъ сильнаго человѣка, будь то царь или князь, судья или воинъ, потому что іерей поставленъ отъ Бога“, но уже въ XVI вѣкѣ новгородскій архіепископъ въ посланіи къ царю Ивану не рѣшается поучать царя и пишетъ ему „какъ ученикъ учителю, какъ рабъ государю, имѣющему въ рукахъ своихъ силу и страшному для другихъ своимъ царскимъ саномъ“.

„Священство, — писалъ самъ царь Иванъ, — не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла; дѣло монаховъ — молчаніе; иное правленіе святителей и иное царей. Когда Богъ освободилъ израильтянъ отъ плѣна, развѣ Онъ поставилъ во главѣ ихъ священника или многихъ совѣтниковъ? Нѣтъ, Онъ поставилъ имъ одного Моисея, какъ бы царя, Аарону же вручилъ священство, не дозволивъ ему вмѣшиваться въ гражданскія дѣла; но когда Ааронъ отступилъ отъ этого, то и народъ отпалъ отъ Бога. Видите, священникамъ не слѣдуетъ брать на себя царскихъ дѣлъ. Точно такъ же Даѳанъ и Авиронъ вздумали восхитить себѣ власть, но и сами погибли и какое бѣдствіе навели на весь Израиль! Послѣ того судьею былъ Іисусъ Навинъ, а священникомъ — Елеазаръ. Пока управляли израильтянами судьи, какія побѣды одержали они надъ

врагами! Но когда Илій, священникъ, взялъ на себя священство и царство, израильтяне терпѣли пораженіе до воцаренія Давида!.. Нѣтъ царства, которое не разорилось бы, подчинившись обладанію поповъ!“ кончаетъ свою горячую рѣчь царь Иванъ.

Святѣйшій Никонъ патріархъ Московскій.
(Съ современнаго портрета или „парсуны“).

При первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, пока патріархами были такіе смирные люди, какъ Іосифъ и его ближайшіе предшественники, видимое первенствующее положеніе главы духовенства не имѣло большого вліянія на теченіе государственныхъ дѣлъ. Патріархъ Іосифъ не только не вмѣшивался въ нихъ, а даже допускалъ вмѣшательство свѣтской власти

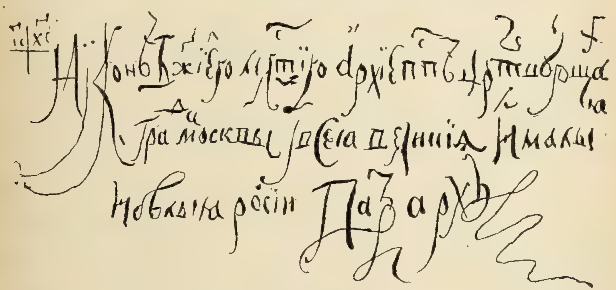
въ свои патріаршія дѣла и не умѣлъ протестовать, напримѣръ, противъ учрежденія Монастырскаго Приказа, противъ мѣръ, стѣснявшихъ монастырское землевладѣніе и т. д.

Но вотъ патріархомъ становится такая крупная самовластная личность, какъ новгородскій митрополитъ Никонъ. Царь Алексѣй искренно любилъ сильнаго духомъ и словомъ митрополита Никона, называлъ его своимъ „собиннымъ другомъ“ и подчинялся ему во всемъ, хотя Никонъ не скрывалъ своего недовольства новымъ Уложеніемъ и въ Новгородѣ правилъ всѣмъ такъ, что о гражданскихъ властяхъ и слышно не было. Мечты митрополита простирались далеко и парили высоко. Еще изъ Новгорода сообщалъ онъ царю, какъ однажды послѣ заутрени, когда онъ читалъ псалмы, видитъ онъ вдругъ, что надъ образомъ Спасителя показался золотой вѣнецъ, который пошелъ по воздуху, остановился надъ головой его, Никона, и опустился на него, „и я обѣими руками ощущалъ его на своей головѣ, — говоритъ Никонъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ“.

Въ 1651 г. Никонъ уговорилъ царя Алексѣя перенести въ Москву въ Успенскій соборъ гробы патріарховъ Іова и Гермогена и мощи св. митрополита Филиппа, низвергнутаго царемъ Иваномъ и умерщвленнаго имъ. Мысль Никона была ясна: — онъ хотѣлъ торжествомъ перенесенія мощей добиться того, чтобы свѣтская власть торжественно покаялась въ своемъ грѣхѣ и тѣмъ самымъ какъ бы отказалась отъ всякой возможности когда-либо повторить что-нибудь подобное. За св. мощами Никонъ отправился самъ въ Соловецкій монастырь и повезъ съ собою грамоту царя Алексѣя къ св. Филиппу, въ которой царь, обращаясь къ святому, писалъ: „Молю тебя и желаю, чтобы ты пришелъ сюда разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя Іоанна, совершенное противъ тебя безразсудно, по зависти и безпредѣльному гнѣву. Хотя я не виноватъ въ досадѣ, причиненной тебѣ, однако, гробъ прадѣда моего постоянно убѣждаетъ меня и возбуждаетъ во мнѣ жалость, что вслѣдствіе твоего изгнанія

и до сихъ поръ царствующій градъ лишенъ твоей святительской паствы. И потому я преклоняю предъ тобой санъ царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, чтобы ты своимъ пришествіемъ къ намъ отпустилъ ему согрѣшеніе; пусть упразднится то поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что ты примирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, а ты, ради его покаянія и по нашему прошенію, пріиди къ намъ, св. владыка".

Въ 1652 г. митрополитъ Никонъ былъ избранъ патріархомъ, но... отказался отъ этой высокой чести. Въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ св. Филиппа митрополита, царь, всена-

Почеркъ патріарха Никона.

родно „простершись на землѣ" и проливая слезы со всѣми окружавшими, умолялъ Никона не отрекаться. Тогда Никонъ, обратясь къ царю, боярамъ и наполнявшему соборъ народу, спросилъ: „Будутъ ли почитать его, какъ начальника, архипастыря и отца, и дадутъ ли ему устроить церковь по его намѣренію, и будутъ ли послушны ему во всемъ?" Всѣ съ клятвой обѣщали, что будутъ и дадутъ, и Никонъ согласился.

Въ 1654 г., въ маѣ, царь отправился въ походъ противъ Польши и пробылъ въ отлучкѣ до ноября 1655 г. За все это время высшее управленіе государствомъ, по порученію царя, находилось въ рукахъ патріарха Никона. Патріархъ сталъ именовать себя, съ соизволенія государя, великимъ государемъ и придумалъ себѣ такой пышный титулъ: „Великій государь святѣйшій Никонъ Божіею милостію архіепископъ

царствующаго града Москвы и всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи патріархъ“.

На время отсутствія царя Никону были подчинены намѣстникъ царя и Боярская Дума. Начальники Приказовъ и бояре должны были каждое утро являться къ патріарху съ докладами и не могли рѣшать безъ него ни одного дѣла. За опаздываніе съ докладами Никонъ дѣлалъ суровыя замѣчанія виновнымъ.

Если еще въ бытность Никона новгородскимъ митрополитомъ, подчиненные его говорили, что лучше жить въ Новой Землѣ за Сибирью, чѣмъ служить подъ его начальствомъ, то бояре и высшее духовенство, страдавшіе отъ самовластья Никона, не могли не питать враждебныхъ чувствъ къ патріарху. Царю, конечно, доносили о всѣхъ дѣйствіяхъ патріарха. За время похода и самъ царь измѣнился. „Походъ, дѣятельность воинская и полная самостоятельность во главѣ полковъ, — говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ, — развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой дѣятельности, имъ было пережито много, явились новыя привычки, новые взгляды. „Великій государь“ возвращается въ Москву и застаетъ тамъ другого „великаго государя“, который за это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, тоже развился вполнѣ относительно своего характера и взглядовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣренно пользоваться своею властью. Природа, одаривъ его способностью пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе и власть, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастье разнуздало его совершенно, и непріятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу, а глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ подражавшихъ ему отуманило его, и, дѣйствительно, заставило считать себя вязателемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными

дарами“. Въ новое изданіе церковныхъ постановленій—Номоканонъ—Никонъ, конечно, не безъ цѣли включилъ легенду о дарованіи царемъ Константиномъ города Рима римскому епископу. На этой легендѣ римскіе папы, какъ извѣстно, обосновывали свое право на обладаніе свѣтской властью. На своей печати патріархъ Никонъ изобразилъ всѣ аттрибуты вяжущей и разрѣшающей власти — здѣсь и крестъ и жезлъ, евангеліе, благословляющая рука, ключи ап. Петра, образъ Спасовъ, свѣтильникъ, а увѣнчано все это коронованной митрой.

Пока Никонъ правилъ государствомъ, онъ не чувствовалъ надъ собой власти; въ свою очередь, и царь, находясь далеко отъ столицы, въ арміи, не могъ тяготиться разрастающейся властью патріарха, ставшей рядомъ съ его собственной. Но когда оба „великіе государи“ сошлись вмѣстѣ, взаимное неудовольствіе не замедлило сказаться, а раздуваемое сплетнями и общими стараніями враговъ Никона разгорѣлось до вражды. Да патріархъ и, дѣйствительно, во многомъ превышалъ свою власть, жалобы на него сыпались со всѣхъ сторонъ. Но онъ считалъ себя въ правѣ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ. Несмотря на ясныя узаконенія Уложенія относительно суда надъ духовными лицами, Никонъ не допускалъ судить духовныхъ въ Приказахъ, постоянно жаловался на стѣсненія своей власти и неоднократно, по его словамъ, „докучалъ“ царю, чтобы онъ „искоренилъ проклятую книгу“.

Гербъ патріарха Никона.

Изъ посланій, словъ и писемъ Никона, написанныхъ уже во время суда надъ нимъ и въ заточеніи, ясно вырисовываются взгляды Никона на его патріаршескую власть и достоинство.

Гражданское законодательство, по мнѣнію Никона, должно согласоваться съ божественными законами, потому

что судъ въ своемъ началѣ есть судъ Божій, а не царскій: онъ преданъ людямъ не человѣкомъ, но самимъ Богомъ, и ложныхъ законодателей всегда постигаетъ кара свыше... Царь долженъ быть покровителемъ Церкви, а не судьей священнаго чина, потому что Господь велѣлъ царямъ повиноваться наставникамъ.

Всемогущій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, то повелѣлъ свѣтить двумъ свѣтиламъ — солнцу и мѣсяцу, и черезъ это показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ — власть эта надъ душами; царская же власть господствуетъ надъ предметами видимаго міра. Мечъ царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной; архіереи и духовенство требуютъ, чтобы ихъ защищали отъ всякой неправды и насилій; это обязаны дѣлать мірскіе люди. Міряне нуждаются въ духовныхъ для душевнаго спасенія; духовные нуждаются въ мірянахъ для внѣшней обороны; въ этомъ власть духовная и свѣтская не выше другъ друга, но каждая происходитъ отъ Бога.

Уступчивый, мягкій, хотя порой и умѣвшій вспыливать и шумѣть, царь Алексѣй не сразу порвалъ съ Никономъ послѣ того, какъ великій государь патріархъ всея Руси такъ рѣзко противопоставилъ свою власть власти великаго государя царя всея Руси. Уважая высокій санъ Никона, царь Алексѣй хотѣлъ сначала только указать Никону, что его притязанія на власть, равную власти царской, или даже превосходящую ее, не могутъ быть терпимы. Потому 10 іюля 1658 года явился къ патріарху по царскому приказу бояринъ Ромодановскій и спросилъ его: „Зачѣмъ онъ называется великимъ государемъ?“ Никонъ указалъ на жалованную грамоту царя, но Ромодановскій на это отвѣтилъ такъ: „Царь почтилъ тебя, какъ отца и пастыря, а ты не понялъ этого; теперь царь велѣлъ мнѣ сказать, чтобы ты впредь не писался и не назывался великимъ государемъ и почитать тебя (этимъ титуломъ) впредь онъ не будетъ“.

Извѣстно, что произошло дальше: Никонъ торжественно снялъ съ себя патріаршія ризы и удалился въ свой любимый

Воскресенскій монастырь, называвшійся „Новый Іерусалимъ“. Никонъ сначала съ клятвой отрекся отъ патріаршества, надѣясь, что царь и народъ будутъ молить его остаться, но царь вмѣсто того назначилъ блюстителемъ патріаршаго престола Крутицкаго митрополита Питирима. Никонъ отказался признать это назначеніе правильнымъ, но соглашался оставить патріаршество, только предлагалъ избрать на свое мѣсто другого, и не иначе, какъ съ торжественной передачей новому патріарху своего достоинства, а въ противномъ случаѣ грозилъ проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви новому патріарху. Тогда рѣшили обратиться къ суду восточныхъ патріарховъ.

Въ 1666 году прибыли въ Москву вселенскіе патріархи—александрійскій и антіохійскій съ полномочіями отъ остальныхъ—константинопольскаго и іерусалимскаго. На судѣ царь самъ выступилъ обвинителемъ Никона. Никонъ велъ себя на судѣ рѣзко и гордо, не какъ обвиняемый, а какъ обвинитель. Судъ патріарховъ постановилъ: лишить Никона патріаршаго сана и простымъ монахомъ сослать въ монастырь; вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ рѣшилъ и вопросъ о взаимоотношеніи духовной и свѣтской власти признавъ власть царскую выше власти патріарха. Никонъ и тутъ не сдался. До конца жизни продолжалъ онъ именовать себя патріархомъ, а похоронить себя завѣщалъ въ своемъ любимомъ Новомъ Іерусалимѣ, выбравъ для могилы мѣсто, которое соотвѣтствовало по положенію тому мѣсту въ Старомъ Іерусалимѣ, гдѣ церковно-историческое преданіе указываетъ могилу царя и первосвященника Мельхиседека.

Такъ закончилась наиболѣе яркая и послѣдняя сильная борьба духовной и свѣтской власти на Руси. Свѣтская власть одолѣла. Духовенству пришлось подчиниться и превратиться въ такихъ же покорныхъ слугъ царской власти, какъ и всѣ чины на Руси. Петръ Великій, уничтоживъ патріаршество и установивъ вмѣсто него Святѣйшій Правительствующій Синодъ, т.-е. собраніе архіереевъ, созываемыхъ по выбору правительства для временнаго управленія Церковью, оконча-

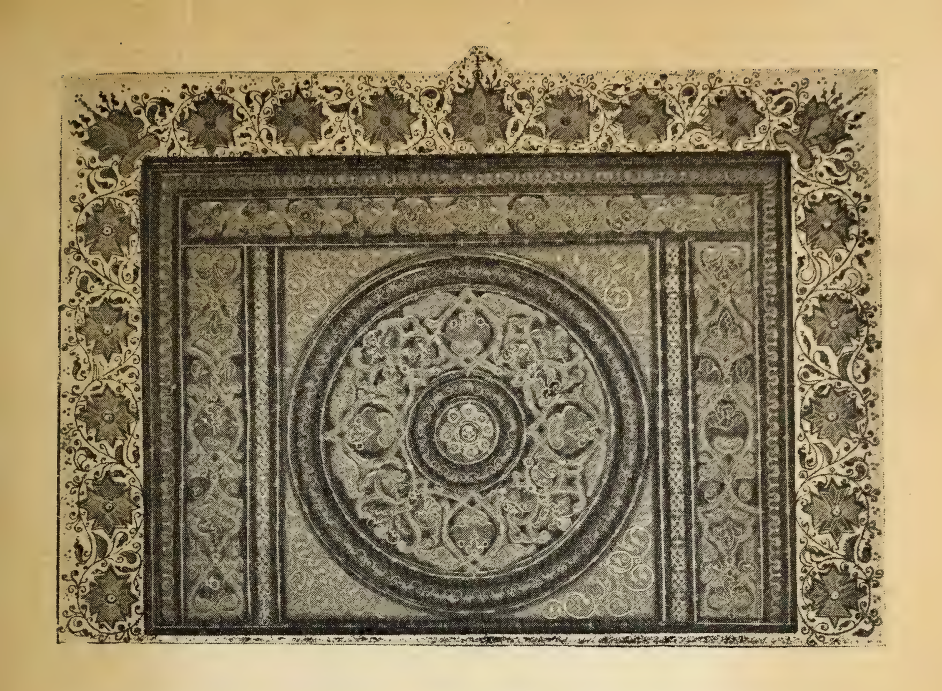
тельно опредѣлилъ мѣсто духовныхъ сановниковъ въ государствѣ.

Наблюдать за дѣятельностью Синода, какъ представитель свѣтской власти, былъ назначенъ оберъ-прокуроръ. Члены Синода при вступленіи въ должность обязаны были давать присягу, какъ всѣ чиновники, но съ такимъ добавленіемъ: „признаю и клятвою утверждаю, что верховный судья сего Св. Синода есть императоръ всероссійскій, нашъ государь всемилостивѣйшій.

Такимъ образомъ, во главѣ управленія Церковью, по законодательству Петра Великаго, стала самодержавная императорская власть. Какъ блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святого благочинія, какъ христіанскій государь, какъ верховный защитникъ и хранитель догматовъ православной Церкви, императоръ всероссійскій именуется въ законѣ (Основн. Госуд. Зак., ст. 42) главой Церкви. Какъ глава Церкви, императоръ всероссійскій управляетъ ею черезъ посредство учрежденнаго самодержавной властью Синода (ст. 43). Императору же принадлежитъ право верховнаго и окончательнаго суда надъ архіереями *).

---

*) Составлено по слѣдующимъ сочиненіямъ: *Преосв. Макарій*, „Исторія русской Церкви“, т. X; *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. XI; *А. С. Павловъ*, „Курсъ церковнаго права“; *М. Писаревъ*, „Домашній бытъ русскихъ патріарховъ“. Заставка—изъ рукописнаго Евангелія 1507 года.

Боярская Дума.

Во главѣ управленія Московскимъ государствомъ стояла Боярская Дума *)—совѣтъ знатныхъ и родовитыхъ, близкихъ къ царю по заслугамъ и родству людей. Здѣсь вершились всѣ государственныя дѣла, и, не „поговоря съ бояры", московскій государь, обыкновенно, не предпринималъ ничего важнаго. По статьѣ 98 Судебника 1550 года „дѣла государевы новыя, въ семъ судебникѣ не писанныя", должны были вершиться „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору" и только тогда получали силу закона.

*) „Боярская Дума" не есть историческое названіе верховнаго правительственнаго учрежденія Московскаго государства; памятники XVI и XVII вв. рѣдко называютъ его Думой просто, а чаще выражаются описательно: „и бояре, и окольничіе, и думные люди", „всѣ бояре", „царь и бояры"; часто также понятіе Думы Боярской выражалось словомъ „палата", люди же книжные любили называть Думу „синклитъ".

Такъ было и во времена князей. Еще Святославъ не принималъ христіанства, зная, что дружина его не расположена къ новой вѣрѣ. Владиміръ Святой не дѣлалъ ничего важнаго, не посовѣтовавшись съ дружиной своей и „старцами градскими“, т.-е. съ наиболѣе значительными по своему происхожденію и богатству горожанами. Владиміръ Мономахъ, собираясь въ походъ на половцевъ, держалъ о томъ совѣтъ съ своей дружиной и дружиной Святополка.

Московскіе князья удѣльнаго времени дружно работали надъ собираніемъ Русской земли объ руку со своими совѣтниками и помощниками—боярами. Великій князь Дмитрій Донской, давая наставленіе дѣтямъ своимъ, говорилъ имъ такъ: „Бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служеній ихъ, безъ воли ихъ ничтоже творити, привѣтливи будьте ко всѣмъ слугамъ своимъ“. Обращаясь къ самимъ боярамъ, великій князь напоминалъ имъ: „Вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей“.

Дядя Донского, великій князь Семенъ, въ своей „душевной грамотѣ“, т.-е. въ духовномъ завѣщаніи, такъ писалъ, обращаясь къ своимъ наслѣдникамъ: „Слушали бы вы отца вашего владыки Алексѣя, также старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“.

Бояре удѣльныхъ временъ были вольные слуги, служившіе князю по вольному уговору съ нимъ. Бояриномъ называли тогда состоятельнаго человѣка, крупнаго землевладѣльца, часто изъ рода въ родъ служившаго у того или иного удѣльнаго князя и занимавшаго на этой службѣ высшія должности. Въ XIV вѣкѣ боярство становится чиномъ, который жалуется отъ князя его ближайшимъ совѣтникамъ. Чтобы имѣть право участвовать въ Думѣ удѣльнаго князя, надо быть бояриномъ. Въ 1332 году великій князь Иванъ Калита „даде боярство на Москвѣ“ кіевскому выходцу Родіону Нестеровичу. Въ удѣльныя же времена встрѣчаются упоминанія о существованіи второго думнаго чина Московскаго государства—окольничества. Окольничій принадлежалъ всегда къ числу бояръ введенныхъ.

Это былъ ближайшій къ князю человѣкъ его свиты, находившійся постоянно при князѣ, около его.

Недовольный княземъ, которому служилъ, бояринъ удѣльныхъ временъ всегда могъ уйти отъ него къ другому князю, и это не считалось ни измѣной ни зазорнымъ дѣломъ; мало того, ушедшій къ другому князю бояринъ, если владѣлъ землей въ княжествѣ перваго, продолжалъ невозбранно пользоваться своимъ имуществомъ, находясь на службѣ у другого князя.

Русская земля того времени хотя и раздѣлялась на множество отдѣльныхъ, мелкихъ и крупныхъ, княжествъ, но ни населеніе этихъ княжествъ ни сами князья не считали себя чуждыми другъ другу.

Благодаря общности языка, вѣры, обычаевъ и занятій, всѣ сознавали, что Русская земля одно цѣлое, и потому между отдѣльными княжествами „путь былъ чистъ, безъ рубежа", т.-е. не было границъ, строго замыкавшихъ одно княжество отъ другого, и простые люди, такъ же, какъ и бояре, могли свободно переѣзжать изъ одного княжества въ другое. Гдѣ жили, тамъ и служили и князю той области платили подать. Переходили почему-либо въ другую область, платили и служили другому князю. Онъ вѣдь былъ такой же русскій князь, какъ и тотъ, чьи владѣнія покинулъ переселенецъ.

Приходившимъ къ нимъ на службу князья давали мѣста, смотря по происхожденію пришельцевъ, по мѣсту, какое они занимали у прежняго князя, которому служили, и по личнымъ доблестямъ. Знаменитому пришельцу часто давали мѣсто болѣе почетное, отодвигая ради этого назадъ старыхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сподвижниковъ и думцевъ. Попасть на мѣсто высшее и оттѣснить прежнихъ слугъ называлось тогда „заѣхать" ихъ. Такъ, когда къ Ивану Калитѣ пріѣхалъ упомянутый уже Родіонъ Нестеровичъ, приведшій съ собой 1700 человѣкъ, то великій князь не только сдѣлалъ его первымъ своимъ бояриномъ, но и далъ ему половину Волока. Этимъ „заѣздомъ" оскорбился бояринъ Акиндинъ и отъѣхалъ

къ сопернику московскаго князя, къ тверскому великому князю Михаилу. По проискамъ Акиндина тверичи захватили одну изъ московскихъ волостей и осадили Калиту въ Переяславлѣ. Акиндинъ самъ распоряжался осадой; на выручку князя явился Родіонъ: онъ напалъ на войско Акиндинъ съ тылу, а князь сдѣлалъ вылазку изъ города. Тверичи были разбиты, и самъ Акиндинъ палъ отъ руки Родіона, который воткнулъ голову Акиндина на копье и сбросилъ ее передъ Калитой со словами:

— Се, господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника глава!

Въ княженіе Донского волынскій выходецъ Боброкъ заѣхалъ Тимоѳея Вельяминова, и тотъ уступилъ ему первое мѣсто. При сынѣ Донского Василіи пріѣхалъ въ Москву на службу литовскій князь Юрій Патрикѣевичъ и заѣхалъ всѣхъ первостепенныхъ бояръ, между прочими и Ѳедора Сабура. Это произошло по соглашенію князя Василія съ его боярами: онъ „упросилъ мѣсто“ князю Юрію, выдавши за него сестру свою Анну. У князя Юрія былъ братъ старшій — Хованскій. На свадебномъ пиру бояринъ Ѳедоръ Сабуръ „посѣлъ“, т.-е. занялъ мѣсто выше Хованскаго. И тотъ молвилъ Сабуру:

— Сядь ниже. Я старшій братъ князя Юрія, а князь Юрій выше всѣхъ сидитъ.

Ѳедоръ Сабуръ отказался, замѣтивъ:

— У того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ!— намекая на то, что князь Юрій сидитъ высоко по женѣ, какъ свойственникъ великаго князя. Кика—женскій головной уборъ, который надѣла княжна Анна, выйдя замужъ за князя Юрія.

Но вотъ мало-по-малу Московское княжество все растетъ и усиливается. Оно сломило татаръ, удачно отбивалось отъ Литвы, болѣе спокойно устраивало свою внутреннюю жизнь. Съ нимъ тягаться стало не подъ силу другимъ князьямъ, и вотъ они всѣ, одинъ за другимъ, кто волей, кто неволей, признаютъ первенство московскаго князя, становятся его подручными и слугами и переселяются на житье въ Москву, а

ихъ княжества сливаются съ московскими владѣніями, образуя одно великорусское государство.

По договору съ московскимъ великимъ княземъ, уступая ему свои княжества и становясь слугами московскаго государя, княжата сохраняли не только большія земельныя владѣнія въ предѣлахъ бывшихъ своихъ княжествъ, но и нѣкоторыя владѣльческія права. Князь Курбскій разсказываетъ, что князья М. И. Воротынскій и Н. Р. Одоевскій еще въ 1570-хъ годахъ сидѣли на своихъ удѣлахъ и огромныя вотчины подъ собой имѣли. Князь Воротынскій владѣлъ $^1/_3$ города Воротынска. Приставъ государя великаго князя не имѣлъ права въѣзжать въ имѣнія князей Оболенскихъ. На государеву службу такіе владѣльцы-княжата приводили тысячные отряды вооруженныхъ слугъ; они имѣли право суда въ своихъ прежнихъ областяхъ, могли раздавать отъ себя свои земли въ помѣстья другимъ. При дворѣ московскаго государя такіе бояре-княжата заняли, конечно, первое мѣсто и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы въ ихъ родословную среду не проникали люди мелкіе, неродословные.

Но, превратившись изъ удѣльныхъ князей, самостоятельныхъ владыкъ, въ подневольныхъ совѣтниковъ и слугъ, прежніе князья и ихъ потомки долго не могли привыкнуть къ подчиненному положенію совѣтниковъ. Потомки великихъ удѣльныхъ князей никакъ не могли помириться съ мыслью,что имъ приходится сидѣть въ совѣтѣ московскаго государя рядомъ съ потомками простыхъ князей и даже съ обыкновенными московскими боярами Потомки простыхъ князей, въ свою очередь, косо смотрѣли на бояръ некняжескаго происхожденія.

Изъ такого положенія дѣлъ выросъ цѣлый распорядокъ *мѣстъ,* которыми родовитые люди считались другъ съ другомъ и за царскимъ столомъ, и за думнымъ сидѣньемъ, и командуя войскомъ, и отправляя гражданскую должность. Какъ общее правило, въ этомъ распорядкѣ мѣстъ было принято, что бывшій удѣльный князь становится и садится выше боярина некняжескаго происхожденія, хотя бы удѣльный

князь только что порядился на службу московскому государю, а простой бояринъ былъ потомкомъ цѣлаго ряда предковъ, служившихъ въ Москвѣ. Этимъ объясняется, почему вездѣ на первыхъ мѣстахъ государственнаго управленія въ Москвѣ стоятъ потомки прежнихъ удѣльныхъ князей, и только изрѣдка появляется кто-нибудь изъ Воронцовыхъ да Кошкиныхъ, старинныхъ московскихъ бояръ.

Сами потомки прежнихъ удѣльныхъ князей разстанавливались на московской службѣ по качеству столовъ, на которыхъ сидѣли ихъ предки; и потомокъ княжеской вѣтви, занимавшей старшій изъ столовъ какой-нибудь линіи — ростовской, ярославской, тверской, — по этому самому становился выше своихъ родичей, предки которыхъ пришли въ Москву съ младшихъ удѣльныхъ столовъ тѣхъ же линій. Удѣльный князь, дѣлаясь слугой Москвы, становился выше стариннаго московскаго боярина потому, что послѣдній служилъ, когда первый самъ былъ государемъ и имѣлъ своихъ слугъ. Но если удѣльный князь переходилъ въ Москву не сразу со своего стола, а сначала служилъ какому-либо другому великому или удѣльному князю, то такой удѣльный князь становился на московской службѣ ниже старинныхъ московскихъ бояръ: московскіе бояре служили московскому великому князю, который былъ выше всѣхъ князей, а потому слуги удѣльныхъ князей, кто бы они ни были по своему происхожденію, должны были стоять ниже слугъ московскаго государя. Въ 1572 г. думный дворянинъ Романъ Олферьевъ Безнинъ, назначенный служить товарищемъ при казначеѣ князѣ Масальскомъ, потомкѣ черниговскихъ князей, обидѣлся этимъ назначеніемъ и въ своей жалобѣ государю, доказывая, что ему меньше князя Масальскаго быть нельзя, говорилъ: „мы холопи твои искони вѣчные ваши государскіе, ни у кого не служивали, окромя васъ, своихъ государей, а Масальскіе князи служили Воротынскимъ князьямъ: князь Иванъ Масальскій-Колода служилъ князю И. Воротынскому, были ему приказаны собаки“, т.-е. онъ былъ путнымъ ловчаго пути. Князь Ма-

сальскій призналъ это, заявивъ на судѣ, что „Романъ человѣкъ великій, а онъ человѣкъ молодой и счету съ Романомъ не держитъ никотораго“.

Первый разрядъ московскаго боярства составили высшіе служилые князья, предки которыхъ пріѣхали въ Москву изъ Литвы или съ великокняжескихъ русскихъ столовъ: таковы были потомки литовскаго князя Юрія Патрикѣевича, а также князья Мстиславскіе, Бѣльскіе, Пенковы, старшіе Ростовскіе, Шуйскіе и др.; изъ простого московскаго боярства въ этотъ небольшой кругъ избранной знати проникали и съ нѣкоторымъ успѣхомъ держались въ немъ только одни Кошкины, потомки выходца изъ Пруссъ Андрея Кобылы, извѣстные потомъ подъ фамиліями Захарьиныхъ-Юрьевыхъ и Романовыхъ. Второй слой московской знати составляли князья, предки которыхъ до подчиненія Москвѣ владѣли значительными удѣлами въ бывшихъ княжествахъ—Тверскомъ, Ярославскомъ и др.; то были князья Микулинскіе, Воротынскіе, Курбскіе, старшіе Оболенскіе, въ ряду съ ними считались обыкновенно всѣ первостепенные старинные московскіе бояре — Воронцовы, Давыдовы, Челяднины, Ховрины, Головины и др. Третій разрядъ московской знати составляли потомки мелкихъ удѣльныхъ князей, какъ пришедшихъ въ Москву прямо со стола, такъ и служившихъ передъ тѣмъ у другихъ князей; то были князья Ушатые, Палецкіе, Мезецкіе, Сицкіе, Прозоровскіе и многіе другіе; въ уровень съ ними шло второстепенное старинное московское боярство—Колычевы, Сабуровы, Салтыковы и др.

На этомъ расчетѣ первыхъ людей въ государствѣ по ихъ знатности вслѣдствіе происхожденія держался весь служебный распорядокъ мѣстъ по высшему управленію, и противъ этого порядка была безсильна и воля московскихъ государей и служебныя заслуги отдѣльныхъ лицъ; противъ боярскаго отечества никакія ссылки на многія службы не помогали. Въ 1616 г. князь Ѳ. Волконскій жаловался, что ему по своей службѣ обидно быть меньше боярина П. Головина. Бояре

разбиравшие по указу государя дѣло, напомнили князю Волконскому, что его ссылка на службу нелѣпа, что такому родословному человѣку, какъ Головинъ, нѣтъ счету съ нимъ, неродословнымъ княземъ Волконскимъ, а что касается его службы, то за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ.

Государь можетъ пожаловать и боярство неродословному человѣку, но это не сдѣлаетъ его родословнымъ.

Къ половинѣ XVI вѣка это взаимоотношенiе знатныхъ фамилiй было строго установлено, и московское правительство при всѣхъ своихъ служебныхъ назначенiяхъ тщательно соблюдаетъ правила мѣстническаго распорядка. Официальная родословная книга — „Государевъ родословецъ", содержавшая въ себѣ поименныя росписи важнѣйшихъ служилыхъ родовъ въ порядкѣ поколѣнiй, была составлена въ началѣ царствованiя Грознаго. Фамилiи, помѣщенныя въ государевомъ родословцѣ, назывались родословными. По родословцу опредѣляли старшинство лицъ одной фамилiи, когда имъ приходилось отбывать службу по одному наряду.

Для опредѣленiя служебнаго старшинства лицъ разныхъ фамилiй въ 1556 г. составлена была книга—„Государевъ разрядъ", гдѣ были записаны росписи назначенiй на высшiя должности придворныя, по центральному и областному управленiю, начальниками Приказовъ, намѣстниками и воеводами городовъ, полковыми походными воеводами и т. п. Государевъ разрядъ составился изъ обычныхъ погодныхъ росписей службъ за 80 лѣтъ назадъ, т.-е. начиная съ 1475 г.

Опредѣляемое по государеву родословцу служебное отношенiе знатнаго человѣка къ его родичамъ и устанавливаемое государевымъ разрядомъ его отношенiе къ чужеродцамъ называлось его „мѣстническимъ отечествомъ", а опредѣляемое этимъ его отношенiемъ къ чужеродцамъ положенiе его рода среди другихъ знатныхъ родовъ составляло его „родовую честь" служебное достоинство его рода.

Счетъ по родословцу покоился на обычномъ размѣщенiи по старшинству членовъ старинной русской семьи. По обычаю въ семьѣ, состоявшей изъ отца съ женатыми сыновьями,

Знатные люди Московскаго государства XVII в. въ турскихъ шубахъ и горлатныхъ шапкахъ.
(Изъ „Описанiя одежды и вооруженiя Россiйскихъ войскъ").

первое мѣсто послѣ отца принадлежало старшему его сыну, а когда отецъ умиралъ, то старшему изъ братьевъ; за нимъ, по старшинству, второе и третье мѣсто занимали два слѣдующихъ брата, четвертое мѣсто принадлежало старшему сыну старшаго брата; четвертый братъ считался ровней

своему старшему племяннику, это значитъ они сидѣли не рядомъ, а врозь или насупротивъ и т. д. Такимъ образомъ у каждаго члена рода было свое мѣсто, отсюда и самый счетъ мѣстами называется мѣстничествомъ.

Общимъ правиломъ было то, что младшій ни на какой службѣ не могъ занять выше служебное мѣсто нежели мѣсто старшаго родича. Для этого всѣ „службы“, всѣ вѣдомства, всѣ должности, мѣста въ Думѣ раздѣлялись въ извѣстномъ порядкѣ старшинства. Московская армія ходила обыкновенно въ походъ пятью полками. Это были: большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой полки и лѣвая рука. Каждый полкъ имѣлъ одного или нѣсколькихъ воеводъ, смотря по величинѣ полка. Эти воеводы назывались большими или первыми, другими, третьими и т. д. Должности этихъ воеводъ по старшинству слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первое мѣсто и главное командованіе принадлежало первому воеводѣ большого полка, второе—первому воеводѣ правой руки, третье—первымъ воеводамъ передового и сторожевого полковъ, которые были, такимъ образомъ, ровни, „жили безъ мѣстъ“, четвертое—первому воеводѣ лѣвой руки, пятое—второму воеводѣ большого полка, шестое—второму воеводѣ правой руки и т. д. Если изъ двухъ родственниковъ, назначенныхъ воеводами въ одной арміи, старшій по отечеству былъ двумя мѣстами выше младшаго, то при назначеніи старшаго первымъ воеводой большого полка младшаго надо было назначить первымъ воеводой сторожевого или передового полковъ. Если его назначали мѣстомъ выше, большимъ воеводой правой руки, то старшій родичъ билъ челомъ, что такое повышеніе младшаго грозитъ ему, старшему, „потерькой“ чести, отечества, что всѣ—и свои и чужіе, считавшіеся ему ровнями—станутъ его „утягивать“, понижать, считать себя выше его на одно мѣсто, такъ какъ онъ сталъ однимъ мѣстомъ выше человѣка, который ниже его двумя мѣстами. Если младшаго назначили ниже, чѣмъ слѣдовало бы по мѣсту его внизъ отъ старшаго, то онъ билъ челомъ о безчестьѣ, говорилъ, что такъ служить ему съ своимъ

Думный человѣкъ XVII вѣка въ становомъ кафтанѣ и въ шапкѣ горлатной.

Изображена обстановка меньшей Золотой палаты царскаго дворца въ половинѣ XVII вѣка, въ которой часто происходили засѣданія Боярской Думы.

(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ“.)

родичемъ „невмѣстно“, что онъ „потеряетъ“, а родичъ „найдетъ“ передъ нимъ одно мѣсто. На что ужъ невелика была должность объѣзжихъ головъ—полицейскихъ начальниковъ въ Москвѣ, въ распоряженіи которыхъ были уличные сторожа изъ стрѣльцовъ, пушкарей и посадскихъ, но и тутъ суще-

ствовало старшинство должностей. „Голова, который ѣздитъ беречь отъ Неглинной до Чертольскихъ воротъ,—говоритъ современный документъ,—больше того, кто ѣздитъ за городомъ, а тотъ того меньше, кто ѣздитъ отъ Яузскихъ воротъ по Неглинную, а тотъ меньше того, кой ѣздитъ въ Китай-Городѣ, а кто ѣздитъ въ Китай-Городѣ, тотъ меньше того, кой ѣздитъ въ большомъ городѣ; за Яузой кто ни ѣздитъ, тотъ всѣхъ меньше объѣзжихъ головъ“. Служба противъ татаръ считалась ниже службы противъ Литвы; служба съ Москвы выше службы съ городовъ. Всякое служебное назначеніе, на которомъ впослѣдствіи самъ назначенный или его родичи могли основывать свое право получить высшее передъ другими мѣсто, называлось „случаемъ“.

Сложнѣе было произвести правильный мѣстническій расчетъ, когда люди двухъ разныхъ родовъ назначались на службу съ подчиненіемъ одинъ другому. Для этого надо было справиться въ разрядахъ и поискать случая, когда предки назначаемыхъ лицъ служили вмѣстѣ. Установивъ, въ какихъ чинахъ служили предки и на сколько должностныхъ мѣстъ отстоялъ одинъ отъ другого, оба назначенные брали свои родословцы и высчитывали каждый свое разстояніе отъ того предка, съ которымъ служилъ предокъ совмѣстника. Если это разстояніе было одинаково, то они могли служить въ такомъ же соотношеніи, какъ предки, но если одинъ отстоялъ отъ своего предка дальше, чѣмъ другой отъ своего, то онъ долженъ былъ опуститься на соотвѣтствующее количество служебныхъ мѣстъ ниже.

Считавшійся наиболѣе знатнымъ, ни за что не хотѣлъ ни сидѣть ни служить ниже менѣе знатнаго. Человѣкъ извѣстной степени знатности готовъ былъ занять какое угодно мѣсто на службѣ, только бы менѣе знатный былъ соотвѣтственно ниже его на этой же службѣ. Отправляютъ войско въ походъ. Знатный человѣкъ, князь Одоевскій, ни за что не согласится командовать правымъ крыломъ, если заходитъ рѣчь о томъ, что главный корпусъ, а, слѣдовательно, и главное командованіе, надо поручить Бу-

турлину. Но тотъ же князь Одоевскій согласится безъ возраженій командовать арьергардомъ, т.-е. послѣднимъ мѣстомъ, если всѣ высшія мѣста будутъ заняты людьми знатнѣе его по происхожденію и службѣ.

Главнымъ судьей такихъ споровъ изъ-за мѣстъ былъ великій государь, разбиравшій мѣстническія дѣла или самолично или поручавшій разборъ ихъ Боярской Думѣ. Предназначая на отбываніе высшей службы лицъ опредѣленныхъ фамилій, мѣстничество очень ограничивало свободу государя въ выборѣ и подборѣ слугъ.

Споры о мѣстахъ, безъ чего не обходилось почти ни одно высшее назначеніе, ни одинъ пиръ въ царскомъ дворцѣ, заставляли правительство прибѣгать къ одной мѣрѣ, которая нѣсколько смягчала вредныя для дѣла слѣдствія мѣстничества. Это было объявленіе данной службы или собранія безъ мѣстъ. Въ сферѣ военнаго управленія нѣкоторыя должности полковыхъ воеводъ были объявлены въ XVII в. навсегда „безъ мѣстъ".

Тогда ужъ не могло быть никакого спора о мѣстахъ, а если какой-нибудь упрямый княжичъ заупрямится служить въ одной должности съ менѣе знатнымъ человѣкомъ и станетъ бить челомъ, что-де ему съ такимъ-то на службѣ „быти не мочно", то изъ Москвы царь пошлетъ ему строгій выговоръ: „Не дуруй! вѣдаемъ мы своихъ холопей и на свою службу посылаемъ, гдѣ кому пригоже быть; а тѣ полки давно приговорены посылать безъ мѣстъ". Иныхъ упрямцевъ и такая строгая отповѣдь не приводила въ благоразуміе.

Но въ XVI в. дѣло такъ просто не обстояло. Въ 1579 г. бояре и воеводы московской арміи, перессорившись изъ-за мѣстъ, замялись и не пошли на непріятельскій городъ. Тогда царь, а царемъ былъ тогда Иванъ Васильевичъ Грозный, „кручинясь", прислалъ въ армію дьяка и московскаго дворянина, приказавъ имъ промышлять всѣмъ дѣломъ мимо воеводъ, а воеводамъ только быть при этихъ случайныхъ главнокомандующихъ.

Спорившаго изъ-за мѣста неосновательно, „не по дѣломъ" царь, послѣ разсмотрѣнія дѣла, приказывалъ „выдать голо-

вой“ тому, кого этотъ несправедливый спорщикъ хотѣлъ „пересѣсть“. Выдача головой происходила такъ: по царскому приказанію дьякъ или подьячій велъ „выдаваемаго головой“ пѣшкомъ на дворъ соперника. Одно ужъ это путешествіе пѣшкомъ составляло безчестіе. Приведя виноватаго на дворъ его соперника, подьячій ставилъ его на нижнемъ крыльцѣ и объявлялъ хозяину, что царь пожаловалъ его—выдаетъ ему такого-то головой. Пожалованный билъ челомъ на царской милости и дарилъ дьяка или подьячаго подарками, а выданнаго ему головой отпускалъ домой, стараясь быть съ нимъ поласковѣе, но все-таки не позволяя ему садиться на лошадь у себя на дворѣ. Выданный головой, обыкновенно, при этомъ ругался и бранился, какъ умѣлъ, и пожалованный долженъ былъ сносить эту ругань терпѣливо, иначе, отвѣтомъ на оскорбленія, онъ оскорбилъ бы „пославшаго“, т.-е. самого царя.

Когда спорщикъ изъ-за мѣстничества возбуждалъ дѣло ужъ слишкомъ неосновательно, то царь, кромѣ выдачи головой, приказывалъ еще наказать его батогами.

Такимъ образомъ высшій правительственный классъ Московскаго государства составляли люди родословные, знатные, аристократы, говоря языкомъ нашего времени. Эти родословные люди путемъ мѣстничества строго держали высшее управленіе въ своемъ кругу и сообщали всему государственному строю Московскаго государства аристократическій характеръ; глядя на такой составъ высшаго правительства въ первой половинѣ XVI в.,—говоритъ профессоръ В. О. Ключевскій,—приказный московскій публицистъ, умѣвшій „воротить“ лѣтописцами и родословными, могъ основательно сказать: „То все старинныя привычныя власти Русской земли; тѣ же власти, какія правили землей прежде по удѣламъ; только прежде онѣ правили ею по частямъ и поодиночкѣ, а теперь, собравшись въ Москвѣ, онѣ правятъ всею землей и всѣ вмѣстѣ, въ извѣстномъ порядкѣ старшинства разстанавливаясь у главныхъ колесъ правительственной машины“. Но

если московское боярство своимъ новымъ составомъ могло производить такое впечатлѣніе на общество, то его правительственное положеніе давало и ему право сказать: мы, совѣтники государя Московскаго и всея Руси, потому и призываемся къ власти въ Думу, что мы сами по себѣ власти всей Русской земли; теперь государь правитъ Русской землей съ нами именно потому, что мы, то-есть наши отцы, правили ею и безъ него".

Но въ тѣ времена, когда отцы московскаго высшаго боярства сидѣли по своимъ удѣльнымъ столамъ, московскій великій князь былъ такимъ же, какъ и они, удѣльнымъ державцемъ, а когда около Москвы собралась вся великорусская земля, московскій великій князь былъ уже не удѣльный князь, а великій государь и царь всея Руси, наслѣдникъ власти византійскаго императора, единый въ подсолнечной православный государь.

Нечего и говорить, какъ незначительны казались съ высоты московскаго трона потомки удѣльныхъ князей, теперешніе слуги московскаго государя.

Московскому государю теперь ужъ не всегда и хочется, не всегда представляется и необходимымъ совѣтоваться обо всемъ съ людьми только потому, что они княжескаго происхожденія.

Если еще Иванъ III переносилъ споръ и „встрѣчу" своимъ мнѣніямъ со стороны бояръ и княжатъ, то уже сынъ его, Василій III, не стѣсняется сказать заспорившему съ нимъ думному человѣку, правда, не княжескаго рода:

— Поди вонъ, смердъ, ты мнѣ больше не надобенъ!

Великому князю пеняли, что онъ любитъ рѣшать всѣ дѣла самъ-третей, запершись въ опочивальнѣ; что онъ упрямъ и „встрѣчи" не любитъ.

Такое отношеніе къ высшей знати со стороны московскихъ государей возбуждало въ средѣ бояръ опасенія и желанія во что бы то ни стало сохранить свою власть. Подымалась глухая борьба, козни, интриги, сношенія съ иноземцами,—

все въ цѣляхъ охраны своего верховнаго положенія въ государствѣ. Въ малолѣтство сына Василія III-го эти затаенныя стремленія знати вскрылись, и когда малолѣтній великій князь Иванъ Васильевичъ выросъ и сталъ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, они дали ему достаточно тяжелыхъ воспоминаній, чтобы внести озлобленность въ его отношенія къ совѣтникамъ верховной власти. Въ результатѣ знаменитой борьбы царя Ивана съ притязаніями знати эта знать оказалась сломленной. Чтобы умѣрить въ Думѣ значеніе бояръ — княжатъ, царь Иванъ сталъ назначать туда людей незнатныхъ, но знающихъ дѣло и зависѣвшихъ въ своемъ благополучіи не отъ „породы", а отъ него — великаго государя. Такихъ незнатныхъ, но нужныхъ ему людей царь Иванъ жаловалъ чиномъ думныхъ дворянъ. Они засѣдали въ Думѣ вмѣстѣ съ боярами и окольничьими.

Преслѣдуя знать и стараясь держать ее по возможности дальше отъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ, царь Иванъ и въ Приказы, т.-е. по-нашему министерства, назначая попрежнему бояръ на первыя мѣста, въ товарищи имъ даетъ дьяковъ, людей простыхъ, выслуживавшихся только своимъ знаніемъ дѣла. Дьяки являются въ XVI вѣкѣ собственно настоящими правителями Приказовъ и въ этомъ званіи оказываютъ сильное вліяніе на дѣла въ Боярской Думѣ, участвуя въ ея засѣданіяхъ въ чинахъ думныхъ дьяковъ.

Такимъ образомъ съ конца XVI в. Боярская Дума перестаетъ быть совѣтомъ знати, княжатъ, потомковъ удѣльныхъ князей при государѣ всея Руси, и въ среду ея начинаютъ проникать новые люди, незнатные, въ чинахъ думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Они не имѣютъ права сидѣть въ Думѣ безъ разрѣшенія государя, но участвуютъ во всѣхъ дѣлахъ съ такимъ же правомъ голоса, какъ и первостепенные бояре и окольничіе, хотя до самаго конца Боярской Думы, т.-е. до временъ Петра Великаго, дверь въ Думу была открыта шире для знатнаго „родословнаго" человѣка, чѣмъ для незнатнаго дѣльца.

Неродовитому человѣку нужна была особая удача, особыя заслуги, долговременная служба, чтобы ему „сказали Думу“ и приказали „сидѣти съ боярами въ Думѣ и всякія думныя и тайныя дѣла вѣдати“. Знатный же человѣкъ вступалъ на службу иногда съ чиномъ, прямо предшествовавшимъ думнымъ чинамъ—боярскому и окольническому—и, конечно, сравнительно легко, достигнувъ извѣстнаго возраста, проникалъ, въ Думу.

Царь совѣтовался со своими „думцами“ по всѣмъ государственнымъ дѣламъ; съ ихъ совѣта издавались новые законы, съ боярскаго совѣта рѣшались и дѣла по управленію. Думные бояре были не только совѣтниками, но и завѣдывали отдѣльными частями управленія, сказать по современному — министерствами и главными канцеляріями. Когда въ Думѣ заходила рѣчь о военномъ устройствѣ, подымался со своего мѣста и давалъ объясненія тотъ бояринъ, который былъ „судьей“, т.-е. начальникомъ тогдашняго военнаго министерства, именовавшагося „Разряднымъ Приказомъ“. Если во главѣ Приказа, о вѣдомствѣ котораго заходила въ Думѣ рѣчь, стоялъ человѣкъ, не имѣвшій думнаго званія, его приглашали только на это засѣданіе и выслушивали его. Приглашали иногда въ Думу и постороннихъ „свѣдущихъ людей“ — купцовъ, духовенство, если нужно было выяснить что-нибудь такое въ дѣлѣ, что эти люди знали хорошо. Часто принималъ участіе въ засѣданіяхъ думы и патріархъ, при чемъ онъ участвовалъ въ обсужденіи не однихъ только церковныхъ дѣлъ.

Изъ думныхъ бояръ выбирались опытные люди вести переговоры съ иноземными послами. Боярина, члена думы, посылали ревизовать ту или иную область, изъ думцевъ выходили и главнокомандующіе войскомъ. Словомъ, дѣятельность членовъ Думы была очень сложна и разнообразна и далеко не ограничивалась только сидѣніемъ въ Думѣ. Благодаря этой разнообразной дѣятельности, не всѣ бояре собирались всякій разъ на совѣщаніе въ Думу. Въ 1531 году считалось 40 человѣкъ членовъ Думы. Изъ нихъ болѣе половины

было въ служебной отлучкѣ, такъ что весь наличный составъ совѣта не достигалъ 20 человѣкъ.

Не всегда и не всѣ дѣла сразу ставились и сразу же рѣшались въ Думѣ. Дѣла особенно важныя и серьезныя, все то, о чемъ царю приходилось „мыслить тайно", онъ сначала, прежде чѣмъ внести на разсмотрѣніе полнаго собранія всѣхъ думцевъ, обсуждалъ съ особенно близкими ему боярами и окольничими. Это была „тайная" или „ближняя" Дума.

Не всей же Боярской Думѣ было, напримѣръ, обсуждать, какъ обрядить какое-нибудь необычное торжество при дворѣ или богомольную поѣздку государя, какъ, на всякій случай, устроить изъ дворцовыхъ доходовъ хозяйственное положеніе царицы или царевны. Поговорить обо всемъ этомъ было необходимо съ тѣми или другими совѣтниками. Вносить такіе вопросы въ совѣтъ всѣхъ бояръ и потому еще было неудобно, что дворцовые совѣтники, которые прежде другихъ могли „къ тому дѣлу дать способъ", т.-е. нужныя справки—кравчій, ясельничій, самъ дворецкій—часто и не были думными людьми, не ходили „въ палату" и не сидѣли „съ бояры".

Нерѣдко возникали дѣла особенно сложныя, при обсужденіи которыхъ въ Боярской Думѣ приходилось ожидать, что будетъ „крикъ и шумъ великъ и рѣчи многія во всѣхъ боярехъ". Государю надо было подготовить къ такому бурному засѣданію наиболѣе вліятельныхъ и важныхъ бояръ, состоявшихъ обыкновенно членами Ближней Думы. Эти наиболѣе родовитые и вліятельные думцы, которымъ государь „мысль свою объявлялъ", умѣли уже потомъ такъ подготовить другихъ бояръ, что щекотливый вопросъ обсуждался въ Думѣ спокойно и проходилъ безъ шуму.

Часто, особенно при обсужденіи вопросовъ внѣшней политики, надо было сохранить тайно и самое рѣшеніе дѣла и причины, по которымъ оно было рѣшено такъ, а не иначе. Вѣдь, когда дѣло обсуждалось при полномъ собраніи всѣхъ думцевъ, въ Боярской Думѣ сохранить тайну было трудно: дѣла докладывались вслухъ, дѣлались запросы въ Приказахъ,

призывались въ Думу лица не думнаго званія, а потомъ какъ можно было поручиться, что тотъ или иной думный человѣкъ, мало умудренный житейской опытностью, не проболтается въ кругу семьи, среди друзей, за веселой пирушкой.

Въ силу всего этого члены Ближней Думы выбирались всегда самимъ государемъ изъ людей и бояръ-думцевъ особенно хорошо ему извѣстныхъ. При выборѣ членовъ Ближней Думы царь не руководствовался ни боярскимъ „отечествомъ", т.-е. родовитостью, ни возрастомъ, ни особыми заслугами, а только своимъ личнымъ усмотрѣніемъ.

При назначеніи же въ члены Боярской Думы царю всегда приходилось считаться съ родовымъ старшинствомъ бояръ и жаловать многихъ въ Думу „не по разуму ихъ, а по великой породѣ", какъ выразился одинъ московскій подьячій тѣхъ временъ, Григорій Котошихинъ, составившій подробное и яркое описаніе жизни Московскаго государства въ XVII в.

Въ концѣ XVII в. засѣданія Думы, или, какъ тогда говорили, „сидѣніе великаго государя съ боярами о дѣлахъ", происходили три раза въ недѣлю: въ понедѣльникъ, въ среду и пятницу. При накопленіи дѣлъ засѣдали, впрочемъ, и каждый день. Царь, если онъ присутствовалъ на засѣданіи, садился на тронѣ, а члены Думы размѣщались поодаль на лавкахъ, по чинамъ. Окольничіе садились ниже бояръ, думные дворяне—ниже окольничихъ, а въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ всѣ размѣщались „по породѣ", т.-е. по знатности рода. Люди же одного рода по старшинству. При этихъ размѣщеніяхъ не обходилось безъ ссоръ и недоразумѣній, иногда очень крупнаго свойства. Думные дьяки должны были стоять, и только если „сидѣніе за дѣлы" затягивалось надолго, царь разрѣшалъ присѣсть и дьякамъ.

Начинались засѣданія, обыкновенно, раннимъ утромъ и длились до обѣдни, т.-е. часовъ до семи утра. Иногда засѣданія возобновлялись еще и вечеромъ, передъ всенощной. Особаго помѣщенія для засѣданій Думы не было. Собирались

гдѣ государь укажетъ, обыкновенно въ Золотой палатѣ. При царѣ Алексѣѣ „сидѣніе съ бояры“ происходило и въ такъ называвшейся Передней палатѣ, а при его болѣзненномъ наслѣдникѣ—въ самой „комнатѣ“ государя, т.-е. въ его кабинетѣ.

Засѣданіе Думы открывалось, обыкновенно, тѣмъ, что государь называлъ думцамъ то дѣло, которое слѣдовало обсудить. „И вы, бояре и думные люди,—говорилъ государь,—помысля, къ сему дѣлу дайте способъ“. Послѣ недолгаго чиннаго молчанія вставалъ со своего мѣста кто-нибудь изъ бояръ и излагалъ свое мнѣніе. Всѣ слушали. Потомъ одни чинно возражали, а другіе сидѣли молча, „бороды свои уставя, ничего не отвѣчаютъ,—какъ говоритъ современникъ,—потому что многіе изъ нихъ и грамотѣ-то не учены“.

Часто обмѣнъ мнѣній переходилъ въ горячій споръ, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока путемъ обоюдныхъ уступокъ спорившіе не приходили къ одному рѣшенію; говорилъ свое мнѣніе и государь. Думцы соглашались или возражали, споръ затягивался въ послѣднемъ случаѣ, но все же, въ концѣ-концовъ, ставилось рѣшеніе, примирявшее всѣхъ. Тогда думные дьяки писали приговоръ, начинавшійся словами: „Великій государь, слушавъ докладной выписки, указалъ и бояре приговорили“. Если же государь въ Думѣ не присутствовалъ, то думный дьякъ помѣчалъ приговоръ такъ: „По указу великаго государя бояре, той докладной выписки слушавъ, приговорили“. И эти приговоры имѣли такую же силу. Когда государь не присутствовалъ въ Думѣ, первое мѣсто принадлежало старшему по отечеству боярину, и тогда имя этого боярина упоминалось въ приговорѣ.

Такъ истово и порядливо дѣлало свое дѣло верховное правительственное учрежденіе Московскаго государства. Чинный порядокъ его засѣданій нарушался только случаями въ родѣ разсказаннаго, когда Василій III выгналъ съ засѣданія неловко поперечившаго ему боярина, да случаями мѣстничества, когда щекотливому родовому самолюбію какого-нибудь бородатаго думца

покажется, что сосѣдъ не по праву занялъ мѣсто выше, чѣмъ ему слѣдуетъ. Въ такіе споры вмѣшивались всѣ думцы и горячо обсуждали случай. Вѣдь такъ льстило самолюбію припомнить при этомъ и вслухъ заявить, что мой-де предокъ великій князь ярославскій, а твой-то всего только изъ младшихъ ростовскихъ, да и службой-то мой дѣдъ выше твоего! Когда споры затягивались, отряжали дьяка за „разрядными книгами", спорщики посылали на свои „подворья" за „родословцами", и ужъ тогда надо было оставить всѣ дѣла и разсудить по всѣмъ правиламъ мѣстничества, кто правъ изъ спорщиковъ. Если же государь осердится и велитъ спорщикамъ молчать, тотъ, кто считаетъ себя обиженнымъ, скорѣе подъ лавку свалится, рискуя подвергнуть себя царской опалѣ, а ужъ не сядетъ ниже того, кто ему, по его мнѣнію, не „въ версту".

Вообще въ Думѣ посвящали много времени разбору различныхъ случаевъ мѣстничества, и „пресвѣтлый царскій синклитъ", какъ любили именовать Думу московскіе книжники, не чуждался даже собственноручно, въ лицѣ того или другого изъ своихъ членовъ, расправиться съ какимъ-нибудь „не дѣльнымъ" мѣстникомъ. Былъ такой случай: въ 1620 г. неважный дворянинъ Чихачовъ, назначенный стоять рындой въ бѣломъ платьѣ у царскаго мѣста при аудіенціи чужеземному послу ниже князя Аѳанасія Шаховского, обидѣлся, сказался больнымъ и не поѣхалъ во дворецъ. Бояре послали за нимъ и велѣли его поставить передъ собой. Чихачовъ предсталъ предъ боярами въ Золотой палатѣ больнымъ-разбольнымъ, съ костылемъ, да не однимъ, а съ двумя за разъ.

— Для чего во дворецъ не пріѣхалъ?—спросили бояре.

— Лошадь ногу мнѣ сломала третьяго дня на государевой охотѣ въ Черкизовѣ!—отвѣчалъ Чихачовъ.

— Больше, чай, отбаливаешься отъ князя Шаховского?— возразилъ на это думный разрядный дьякъ Томило Юдичъ Луговской.

Тогда Чихачовъ пересталъ притворяться и заговорилъ напрямикъ, что вотъ де онъ уже билъ челомъ государю и впредь

станетъ бить челомъ и милости просить, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ дать ему, Чихачову, судъ на князя Аѳанасія, а меньше ему князя Аѳанасія быть не вмѣстно.

— Можно тебѣ быть его меньше!—возразили бояре и приговорили бить Чихачова кнутомъ за безчестье князя Шаховского.

— Долго того ждать, бояре!—сказалъ на это дьякъ Томило Луговской и, вырвавъ у Чихачова одинъ костыль, принялся бить неудачнаго мѣстника по спинѣ и по ногамъ.

Смотря на это, И. Н. Романовъ, дядя царя, не утерпѣлъ, схватилъ другой костыль, у „больного“ и присоединился къ дьяку, работая также по спинѣ и ногамъ Чихачова, при чемъ оба приговаривали:

— Не подѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру!

Побивъ Чихачова, велѣли ему стоять рындой въ бѣломъ платьѣ по прежнему распоряженію, а кнутъ, разумѣется, „отставили“.

Рѣже нарушался ходъ думскихъ сидѣній „величаньемъ“ какого-нибудь не въ мѣру зазнавшагося боярина. Переспорятъ такого гордеца, не останется ему, что возражать о дѣлѣ, онъ и начнетъ высчитывать свои заслуги, коря своего спорщика тѣмъ, что онъ и десятой доли того не сдѣлалъ. Коли зайдетъ такой гордецъ въ своихъ рѣчахъ далеко, царь велитъ ему просто замолчать, а коли разсердится очень, то и вытолкаетъ велерѣчиваго за дверь, какъ сдѣлалъ разъ царь Алексѣй Михайловичъ съ бояриномъ Милославскимъ, своимъ тестемъ, когда тотъ вздумалъ вдругъ похваляться военными подвигами, которые только собирался совершить, если ему дадутъ подъ начало войско.

Но всѣ такого рода случаи были рѣдкимъ исключеніемъ въ правильномъ ходѣ чинныхъ думскихъ занятій. За крѣпкими стѣнами московскаго Кремля, въ недоступныхъ глазу и уху простого рядового московскаго человѣка палатахъ царскаго терема тихо и спокойно шла работа думцевъ, приводившая въ движеніе весь ходъ управленія Московскимъ государствомъ.

Мы знаемъ мало подробностей о ходѣ дѣлъ въ Боярской Думѣ, но большія послѣдствія ея работы явственны всѣмъ. Подъ ея руководствомъ создавался московскій государственный строй, добывавшій средства отбиваться отъ безчисленныхъ внѣшнихъ враговъ, отовсюду тѣснившихъ Московское государство, въ Думѣ создавался и самый порядокъ направленія этихъ средствъ на защиту и внутреннее устройство страны.

Боярская Дума существовала до самыхъ временъ Петра Великаго, когда ея значеніе перешло къ Сенату *).

*) Составл. по соч.: *В. О. Ключевскаго,* „Боярская дума древней Руси"; его же, „Курсъ русской исторіи", ч. 2; С. М. Соловьевъ, „О мѣстничествѣ".

Заставка — изъ рукописнаго евангелія 1537.

Земскіе соборы Московскаго государства.

Среди верховныхъ правительственныхъ учрежденій Московскаго государства XVI и XVII в. особое совершенно мѣсто занималъ Земскій Соборъ, или по памятникамъ тѣхъ временъ „совѣтъ всея земли", „вся земля", „соборъ". Отъ Боярской Думы—этого махового колеса всего древне-русскаго государственнаго механизма, по выраженію проф. В. О. Ключевскаго, Земскій Соборъ отличался, помимо состава, прежде всего тѣмъ, что не былъ постояннымъ учрежденіемъ, работавшимъ безъ перерыва; мало того, не были твердо и опредѣленно установлены закономъ случаи, когда слѣдовало собираться Земскому Собору. Старинное названіе Земскаго Собора совѣтомъ всея земли, быть-можетъ, лучше всего опредѣляетъ его значеніе въ государственномъ механизмѣ. Земскіе соборы были совѣтами всея земли при правительствѣ, которое они включали въ свой составъ, хотя и дѣйствовали по почину прави-

тельства въ тѣхъ трудныхъ и тяжелыхъ случаяхъ государственной жизни, когда верховная власть — царь и его бояре — не хотѣли или не могли взять на себя починъ въ разрѣшеніи того или иного вопроса.

Земскій Соборъ являлся въ такихъ случаяхъ силой, рѣшающей дѣло безповоротно. Такое значеніе придавало Земскому Собору его устройство. Въ составъ Земскаго Собора входилъ во-первыхъ, Освященный соборъ, т.-е. высшее духовенство русской Церкви съ митрополитомъ, а. позднѣе съ патріархомъ, во главѣ; во-вторыхъ, Боярская Дума — верховное правительственное учрежденіе Московскаго государства; въ-третьихъ,— представители различныхъ чиновъ и мѣстностей Московскаго государства. Эти-то послѣдніе и сообщали всему собранію характеръ и значеніе Земскаго Собора. Совмѣстныя засѣданія Боярской Думы и Освященнаго собора происходили сравнительно часто, и того чрезвычайнаго значенія, какое имѣли Земскіе Соборы, эти совѣщанія не могли имѣть. Только присоединеніе къ Боярской Думѣ и Освященному собору представителей отъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства создавало Земскій Соборъ. Чтобы онъ могъ состояться, необходимо было соединеніе всѣхъ трехъ его основъ, съ царемъ во главѣ, и отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ невозможнымъ.

Надо думать, что Земскіе Соборы Московскаго государства выросли изъ обычныхъ и кіевскому и удѣльному времени совѣщаній, которыя власть созывала въ исключительныхъ случаяхъ, когда это ей казалось нужнымъ. Совѣщанія дружины, духовенства и людей при князѣ кіевскихъ временъ были явленіемъ не чуждымъ тогдашней Руси. Лѣтопись сохранила глухое воспоминаніе объ одномъ такомъ совѣщаніи, состоявшемся въ 1096 г., когда князья Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, враждовавшіе съ двоюроднымъ братомъ своимъ Олегомъ, предложили Олегу собраться въ Кіевѣ, чтобы „порядъ положити о Русьстѣй землѣ предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ

людми градскими“. Это совѣщаніе, конечно, никто не назоветъ ни вѣчемъ ни Земскимъ Соборомъ, но что такое совѣщаніе въ бо́льшемъ родствѣ съ Земскимъ Соборомъ, чѣмъ съ вѣчемъ, спорить, кажется, не приходится. Этотъ издавна установившійся въ древней Руси обычай, чтобы власть въ трудныхъ случаяхъ государственной жизни совѣщалась о дѣлѣ со всѣми общественными силами, продолжалъ жить и тогда, когда власть укрѣпилась, упрочилась и стала больше походить на настоящую государственную власть, какъ мы ее понимаемъ. Лѣтопись сохранила запись, относящуюся къ 1211 г. о совѣщаніи, похожемъ на то, какое предполагалось устроить въ 1096 г. въ Кіевѣ; совѣщаніе это происходило уже въ новомъ средоточіи русской жизни—во Владимірѣ на Клязьмѣ. Великій князь Всеволодъ захотѣлъ укрѣпить за своимъ вторымъ сыномъ Юріемъ мимо старшаго, Константина, стольный городъ великаго княженія Владиміръ на Клязьмѣ. Въ лѣтописи читаемъ, какъ ради этого „князь великій Всеволодъ созва всѣхъ бояръ своихъ съ городовъ и съ волостей, и епископа Іоанна, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны, и вси люди, и да сыну своему Юрію Володимеръ по себѣ“.

Когда среди удѣльныхъ княжествъ Великороссіи выдѣлилось одно сильнѣйшее — Московское, князья котораго деньгами и силой, мало разбираясь въ способахъ и средствахъ, объединили подъ своей рукой всю Великороссію и тѣмъ самымъ изъ удѣльныхъ князей превратились въ государей всея Руси, то въ практикѣ новаго государства сохранился у власти обычай созывать въ трудныхъ случаяхъ совѣщанія изъ подвластныхъ. Въ 1471 г. великій князь московскій и всея Руси Иванъ III, собираясь въ походъ на Новгородъ, „разосла по всю братію свою, и по всѣ епископы земли своея, и по князи, и по бояре свои, и по воеводы, и по вся воя своя, и якоже вси снидошася къ нему, тогда всѣмъ возвѣщаетъ мысль свою, что ити на Новгородъ ратію... И мысливше о томъ не мало и конечное положиша упованіе на Господа Бога. И князь

великій пріемъ благословеніе отъ митрополита и отъ всего священнаго собора и начатъ вооружатися ити на нихъ; такоже и братія его и вси князи его и бояре и воеводы и вся воя его“...

Въ февралѣ 1551 г. въ Москвѣ въ царскихъ палатахъ собрались Освященный соборъ и бояре. Молодой царь Иванъ Васильевичъ, которому молва еще не успѣла присвоить наименованіе Грознаго, „возсталъ съ престола своего, свѣтлымъ воззрѣніемъ и веселымъ лицомъ“ и произнесъ рѣчь. Затѣмъ было прочитано царское посланіе о тѣхъ „законопреступленіяхъ“, безурядицахъ и бѣдствіяхъ, которыя пришлось испытать Русской землѣ во время его дѣтства и ранней молодости. Царь обращается въ этомъ посланіи къ митрополиту, ко всему Освященному собору, къ князьямъ, боярамъ и воинамъ, призывая ихъ къ усиленной работѣ для исправленія всѣхъ бѣдъ и золъ. Въ посланіи заключался списокъ царскихъ „вопросовъ“, т.-е. предположеній и законопроектовъ, касавшихся какъ церковныхъ, такъ и „земскихъ нестроеній“. Въ одномъ изъ этихъ вопросовъ сохранилась любопытная подробность, рисующая способъ соборной работы и отмѣчающая въ то же время, что рѣшеніе дѣлъ Соборомъ было далеко не чуждо предшествовавшему времени. „Говорити передъ государемъ,— читаемъ въ „вопросѣ“,—и передъ митрополитомъ и передъ владыки и передъ всѣми боляры дьяку, какъ было при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, при дѣдѣ, и при отцѣ моемъ, при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ, всякіе законы, тако бы и нынѣ устроити... и на чемъ святители и царь и всѣ приговоримъ и уложимъ, кое было бы о Бозѣ твердо и не подвижно во вѣки“. Мы не знаемъ, какъ велись пренія на этомъ Соборѣ, какъ вырабатывались его постановленія, какъ писались его „дѣянія“, т.-е. протоколы, можно спорить о составѣ и членахъ самого Собора, оспаривая присутствіе на немъ другихъ чиновъ, кромѣ духовенства и боярства. Намъ важно пока только отмѣтить чрезвычайный характеръ этого собора и то, что въ посланіи царя упоминаются

предшествовавшіе соборы. Относительно ближайшаго изъ нихъ по времени царское посланіе говоритъ, что на немъ состоялось примиреніе царя съ „землей“ послѣ всѣхъ страшныхъ невзгодъ и бѣдъ во время дѣтства и ранней юности Грознаго. „Въ предшедшее лѣто,—читаемъ въ посланіи,—билъ есми вамъ челомъ и съ боляры своими о своемъ согрѣшеніи, и боляре, також де и вы, насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили“. „Тогда же,—продолжаетъ царь,—благословился я у васъ исправить судебникъ“. Теперь Судебникъ исправленъ, Соборъ долженъ просмотрѣть и утвердить его. Этотъ Соборъ, какъ и предшествовавшіе ему, ученые не считаютъ возможнымъ называть Земскими Соборами, потому что нельзя съ точностью установить составъ ихъ, нельзя убѣдиться достаточно вѣрно, были ли на этихъ совѣщаніяхъ выборные отъ другихъ чиновъ государства. Съ другой стороны, эти совѣщанія являются чѣмъ-то бо́льшимъ и значительнымъ по той торжественности, какую придаетъ имъ лѣтопись, нежели довольно обычныя въ практикѣ государственной жизни московскихъ временъ совмѣстныя засѣданія Боярской Думы и Освященнаго собора.

Разбираясь въ вопросѣ о томъ, какъ появились въ Московскомъ государствѣ Земскіе Соборы, ученые въ общемъ согласились, что они выросли вотъ изъ такихъ чрезвычайныхъ совѣщаній Боярской Думы и Освященнаго собора. При существованіи такихъ совѣщаній было легко прійти къ мысли о расширеніи ихъ путемъ приглашенія на совѣщаніе служилыхъ людей, торговыхъ людей и простого всенародства. Вотъ почему для тѣхъ, кто занимается выясненіемъ вопроса о происхожденіи Земскихъ Соборовъ, и кажется иногда появленіе ихъ „какъ будто незамѣтнымъ“. Совмѣстное же совѣщаніе Боярской Думы и Освященнаго собора устраивалось по образцу, который выработался старинной практикой соборовъ духовенства. „Церковный соборъ—учрежденіе древнее, усвоенное Русью вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства“, говоритъ одинъ ученый. Исторія русской Церкви указываетъ цѣлый рядъ

соборовъ въ Кіевѣ, Владимірѣ, Москвѣ. Извѣстно также, что церковнымъ соборамъ приходилось иногда разсуждать и о вопросахъ государственныхъ.

Объединеніе Великороссіи около Москвы способствовало особенно развитію дѣятельности церковныхъ соборовъ и придало имъ важное государственное значеніе, заставивъ ихъ заниматься вопросами не только чисто-церковными, но и вопросами свѣтской политики. Таковы были прежде всего вопросы о земельномъ устройствѣ духовенства и монастырей. Въ объединившейся Великороссіи стали задумываться, — прилично или неприлично монахамъ владѣть землей. Эти споры основывались на церковныхъ законахъ, на св. писаніи, на твореніяхъ св. отцовъ.

Вопросъ этотъ пріобрѣталъ тѣмъ большую важность и значеніе, что затрогивалъ живые интересы государства. Земля была тогда тѣмъ государственнымъ фондомъ, изъ котораго правительство брало средства на содержаніе военной силы, нужной для борьбы съ Казанью, Крымомъ, Польшей. Жалованье служилымъ людямъ платилось тогда землей. Правительство радо было имѣть въ своемъ распоряженіи большіе запасы годной „для службы" земли. Ему приходилось заботиться, чтобы земля вообще „изъ службы не выходила", т.-е., другими словами, чтобы ни одинъ клочокъ годной для обработки земли не пропадалъ даромъ, а кормилъ бы вооруженнаго человѣка. Но громадныя количества такой земли находились въ собственности монастырей и потомковъ прежнихъ удѣльныхъ князей. Въ правительствѣ и возникаетъ тогда вопросъ объ отобраніи земель у этихъ владѣльцевъ. Такъ какъ правительство составляли прежде всего потомки прежнихъ удѣльныхъ князей, то естественно, что они заговорили объ отобраніи земли у монастырей.

Этотъ вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи вызвалъ во второй половинѣ XV в. цѣлый рядъ совѣщаній духовенства, на которыхъ не могли не присутствовать представители правительства, заинтересованнаго въ вопросѣ. Сходясь при такихъ

случаяхъ въ одинъ совѣтъ съ духовенствомъ, свѣтскіе совѣтники государя невольно уступали первое мѣсто духовенству, которое издавна привыкло къ соборной дѣятельности, издавна благоустроенной по опредѣленнымъ каноническимъ правиламъ. Въ результатѣ всего этого въ практику государственной жизни незамѣтно входило совѣщательное начало. Существованію его въ настоящемъ не противорѣчило и прошлое, отсюда та незамѣтность появленія Земскихъ Соборовъ въ практикѣ государственной жизни московскихъ временъ. По выраженію одного ученаго, они „выростаютъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ", въ силу стариннаго обычая усиливать совѣтъ при верховной власти совѣтниками изъ тѣхъ разрядовъ людей, которые бывали особенно заинтересованы въ данномъ вопросѣ.

Мысль объ участіи представителей отъ населенія въ верховной правительственной работѣ была далеко не чужда тогдашнему русскому обществу и находила свое отраженіе въ литературѣ. Знаменитый „совопросникъ" Грознаго, князь А. М. Курбскій, писалъ, что царь долженъ дѣлать все съ совѣта не только бояръ, но и „всенародныхъ человѣкъ". Другіе писатели выражались еще опредѣленнѣе. Авторъ одного сочиненія, озаглавленнаго „бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ", разбираясь въ вопросѣ объ устройствѣ правленія въ государствѣ, писалъ такъ: „Подобаетъ христолюбивымъ царемъ и Богомъ избраннымъ благочестивымъ и великимъ княземъ избранные воеводы своя и войско свое скрѣпити и царство во благоденство соединити и распространити отъ Москвы сѣмо и овамо, сюду и сюду". Далѣе авторъ предлагаетъ царю учредить „единомысленный вселенскій совѣтъ отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ безъ величества и безъ высокоумія гордости, Христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при собѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло міра сего".

Первый извѣстный намъ подъ своимъ названіемъ Земскій Соборъ Московскаго государства былъ созванъ въ 1566 г. До

насъ дошелъ „приговорный списокъ“ этого собора съ именами участниковъ, съ изложеніемъ соборныхъ мнѣній; сохранилась, кромѣ того, и лѣтописная запись объ этомъ соборѣ и его приговорѣ.

1566 годъ былъ восьмымъ годомъ тяжелой войны съ Польшей изъ-за Ливоніи, на которую царь Иванъ напалъ, задумавъ пробиться къ Балтійскому морю. На третьемъ годѣ войны послѣ большихъ успѣховъ русскаго оружія Ливонія отдалась подъ покровительство Польши. Польскій король Стефанъ Баторій въ двухъ большихъ сраженіяхъ разбилъ русское войско и осадилъ Псковъ. Война затягивалась, истощая обѣ стороны и побуждая ихъ подумать о мирѣ. Въ 1566 г. прибыли въ Москву „большіе послы“ отъ польскаго короля съ тѣмъ, чтобы „миръ вѣчный и уложенье учинить“. Но поляки предлагали такія условія мира, что принятіе ихъ не только лишало Россію возможности утвердиться на Балтійскомъ побережьѣ, но и заставляло уступить полякамъ нѣкоторые русскіе города. Надо было или принимать эти условія, или продолжать изнурительную войну. И въ томъ и другомъ случаѣ предстояло точно опредѣлить, сколько еще войска можетъ выставить страна и сколько денегъ собрать на военную нужду. Земскій Соборъ въ лицѣ людей, хорошо знавшихъ положеніе дѣлъ, и долженъ былъ дать отвѣтъ на эти вопросы и тѣмъ самымъ рѣшить войну или миръ.

Въ составъ Собора вошелъ: 1) Освященный соборъ, 2) „всѣбояре“, т.-е. Боярская Дума, 3) „дворяне первыя статьи“ (всего 97 человѣкъ), 4) „дворяне и дѣти боярскія другія статьи“ (99 человѣкъ), 5) торопецкіе и луцкіе помѣщики (9 человѣкъ), 6) „діаки“ и приказные люди (33 человѣка), 7) „гости, купцы и смольняне“ (всего 75 человѣкъ). Всего на Соборѣ присутствовало, слѣдовательно, 371 человѣкъ. Переговоры съ польскими послами происходили съ 17 по 25-ое іюня; соборъ состоялся 28 іюня, приговоръ его былъ составленъ 2 іюля. Польскіе послы прибыли въ Москву 30-го мая. Мы не знаемъ, какъ и когда стали собираться члены

Собора. Съ увѣренностью можно утверждать, что въ такой короткій промежутокъ времени, какой оставался отъ начала переговоровъ съ поляками до соборнаго приговора, никакихъ выборовъ представителей отъ всей страны произвести было нельзя. При тогдашнихъ путяхъ и средствахъ сообщенія за эти недѣли не успѣли бы даже и оповѣстить государство о выборахъ, не успѣли бы и выборные съѣхаться въ Москву. Какъ же получились на Соборѣ 1556 г. тѣ члены его, которые не принадлежали ни къ Освященному собору ни къ Думѣ? Дѣло въ томъ, что избирателемъ представителей отъ населенія на этотъ Соборъ являлся некто иной, какъ правительство. На Соборъ были призваны, какъ представители земли, только тѣ дворяне и торговые люди, которые въ эти дни находились въ Москвѣ. На первый взглядъ такое представительство нельзя назвать голосомъ всей земли. Тѣмъ не менѣе, и ни о какой фальсификаціи, ни о какомъ умышленномъ въ видахъ правительства подборѣ участниковъ Собора рѣчи быть не можетъ. Разгадка этого обстоятельства кроется въ томъ строѣ, какой имѣло населеніе Московскаго государства.

Ученые часто сравниваютъ Московское государство XVI и XVII вв. съ укрѣпленнымъ лагеремъ, въ которомъ вся жизнь устроена такъ, чтобы легко можно было дать во всякую минуту военный отпоръ, съ какой бы стороны ни шло нападеніе. Все населеніе было такъ или иначе приписано къ военной службѣ, а правительство было штабомъ этой вооруженной силы. Служилые люди были обязаны являться на военную службу по первому призыву власти. За свою службу они получали жалованье землей. Эту землю обрабатывали крестьяне, которые арендовали землю у служилыхъ людей, кормили ихъ, кормились сами и платили подати въ казну. Жители городовъ также должны были платить подати, нести тягло. Все населеніе Московскаго государства можно поэтому раздѣлить на два большихъ разряда—служилыхъ и тяглыхъ людей. Первые отбывали военную службу натурой; вторые платили на содержаніе военной силы. Лучшихъ, наиболѣе

сильныхъ средствами служилыхъ людей и плательщиковъ правительство старалось держать возлѣ столицъ и въ столицѣ. Лучшіе служилые люди получали земли въ уѣздѣ Москвы, составляли особый разрядъ дворянъ московскихъ, были, такъ сказать, гвардіей или офицерскимъ корпусомъ московскаго государя. Владѣя землями въ другихъ уѣздахъ, такіе московскіе дворяне были знатоками положенія дѣлъ въ провинціи, и правительство всегда имѣло возможность навести у нихъ справку о томъ, что думаютъ и говорятъ, какъ живутъ въ томъ или иномъ уѣздѣ служилые люди. Точно такъ же и торговые люди въ государствѣ были переписаны по доходности ихъ капиталовъ, и самые богатые получали званіе „гостей“ и должны были жить въ Москвѣ. Этотъ высшій слой московскаго купечества постоянно пополнялся разбогатѣвшими купцами изъ городовъ. Гостямъ правительство обыкновенно отдавало на обязательный откупъ тѣ или иныя доходныя статьи государственнаго хозяйства; за поручительствомъ гостей происходилъ сборъ всякихъ податей съ ихъ родныхъ городовъ. Конечно, такіе купцы знали все и вся въ своихъ городахъ и могли дать правительству цѣнныя свѣдѣнія о платежныхъ силахъ населенія.

Призывая на Земскій Соборъ только находившихся въ Москвѣ служилыхъ людей и гостей, присоединяя къ нимъ еще луцкихъ и торопецкихъ, служилыхъ людей и смольнянъ, больше всѣхъ заинтересованныхъ въ данномъ дѣлѣ, какъ жителей пограничной съ Польшей мѣстности, правительство могло разсчитывать получить точныя свѣдѣнія и добрый совѣтъ, въ извѣстномъ смыслѣ, дѣйствительно отъ всей земли.

Проф. В. О. Ключевскій, рѣшившій загадку представительства на Земскомъ Соборѣ 1566 г., характеризуя систему выбора представителей, говоритъ такъ: „Дворянскихъ представителей подбирали на Соборъ, между прочимъ, по ихъ положенію среди служилыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ находились ихъ вотчины или помѣстья, къ которымъ они или ихъ отцы были приписаны по службѣ ранѣе перевода на службу въ

Москву и перечисленія ихъ изъ городовыхъ дворянъ въ московскіе. Это значитъ, что человѣка, московскаго дворянина, служившаго въ Москвѣ, звали на Соборъ не потому, что онъ московскій дворянинъ, а потому, что у него есть земля, вотчина или помѣстье въ томъ или иномъ уѣздѣ, гдѣ, быть-можетъ, живетъ его родня, куда онъ самъ наѣзжаетъ и, конечно, хорошо знаетъ, какъ обстоятъ дѣла въ этомъ уѣздѣ".

Представители отъ населенія на Соборъ не были, слѣдовательно, избраны на мѣстахъ самимъ населеніемъ, нужды и чаянія котораго должны были представлять; они были призваны правительствомъ сказать то, о чемъ ихъ спросятъ. Соборъ такихъ представителей былъ съѣздомъ избранныхъ правительствомъ его подчиненныхъ по военной и финансовой службѣ. „Такой представитель, — говоритъ проф. В. О. Ключевскій, — являлся на Соборъ не столько ходатаемъ извѣстнаго общества, уполномоченнымъ дѣйствовать по наказу довѣрителей, сколько правительственнымъ органомъ, обязаннымъ говорить за своихъ подчиненныхъ; его призывали на Соборъ не для того, чтобы выслушать отъ него заявленіе требованій, нуждъ и желаній его избирателей, а для того, чтобы снять съ него, какъ съ командира или управителя обязаннаго знать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, показанія о томъ, что хотѣло знать центральное правительство, и обязать его исполнять рѣшеніе, принятое на Соборѣ; съ Собора онъ возвращался къ своему обществу не для того, чтобы отдать ему отчетъ въ исполненіи порученія, а для того, чтобы проводить въ немъ рѣшеніе, принятое правительствомъ на основаніи собранныхъ на Соборѣ справокъ".

Торжественное засѣданіе Земскаго Собора 1566 г. происходило 28 іюня. Соборъ засѣдалъ въ одной изъ дворцовыхъ палатъ; царь сидѣлъ на тронѣ, неподалеку отъ него, за особымъ столомъ, расположилось духовенство, а поодаль, на лавкахъ, сидѣли, размѣстившись по родовитости своей, бояре. Прочіе участники Собора стояли, вѣроятно, прямо противъ

царскаго мѣста. Царь предложилъ собравшимся вопросъ: „Заключить съ польскимъ королемъ миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя тотъ ставитъ, или продолжать войну?“

Для обсужденія этого вопроса и для подачи своего заключенія всѣ члены собора раздѣлились на семь группъ, которыя совѣщались порознь и порознь подавали свое мнѣніе. Выше были перечислены эти группы. Основой дѣленія ихъ послужила ихъ общественная важность и государственное значеніе. Къ духовенству государь обратился лично, самъ разъяснилъ подробности дѣла и кончилъ вопросомъ: „Какъ намъ стояти противъ своего недруга короля польскаго?“ Боярамъ была предъявлена выпись изъ актовъ мирныхъ переговоровъ московскихъ дипломатовъ съ польскими. Остальнымъ членамъ Собора было просто приказано отъ лица государя поговорить между собою „о литовскомъ дѣлѣ и о ливонскихъ городахъ“ и высказать свое мнѣніе. Мы не знаемъ, какъ создавали группы свои мнѣнія, какъ ихъ подавали, устно, письменно, въ присутствіи царя или безъ него.

Духовенство, воздавая хвалу уступчивости и „великому смиренію государя“ и признавая, что „государская передъ королемъ правда великая“, объявляло, что „пригоже государю за тѣ городы ливонскіе стояти, которые городы взялъ король, а если не стояти за тѣ городы, то тѣсноты будутъ великія не токмо ливонскимъ городомъ и Пскову, но и Великому Новгороду, и иныхъ городовъ торговымъ людямъ торговли затворятся... А какъ ему, государю, за тѣ городы стояти, и въ томъ его государская воля, какъ его, государя, Богъ вразумитъ; а наша должная за него государя Бога молити: намъ о томъ совѣтовати не пригоже“...

Бояре тоже настаивали на необходимости удержать за собой пограничные ливонскіе города и высказывались за продолженіе, въ случаѣ надобности, войны. „А намъ всѣмъ за государя головы свои класти, видя королёву высость,—заключаютъ они свое мнѣніе,—и надежду на Бога держати, Богъ гордымъ противится; а во всемъ вѣдаетъ Богъ да государь,

нашъ царь и великій князь; а намъ ся какъ показало, и мы государю своему изъявляемъ свою мысль". Печатникъ И. М. Висковатовъ, соглашаясь во всемъ съ сотоварищами, подалъ при этомъ отдѣльное мнѣніе за то, чтобы возобновить переговоры о мирѣ, если король выведетъ свои войска изъ спорныхъ городовъ и пообѣщаетъ не требовать ихъ при заключеніи мира.

Дворяне первой статьи, подтверждая справедливость „государскихъ" притязаній, сказали: „А намъ ся видитъ холопамъ его, что государю нашему пригоже, за то за все стояти, а наша должная, холопей его, за него, государя, и за его государеву правду служити ему, государю своему, до своей смерти"... Дворяне и дѣти боярскія другой статьи говорили такъ: „Вѣдаетъ Богъ да государь нашъ, какъ свое государево дѣло сдѣлаетъ,—его государева воля, да что будетъ государская мысль... А мы, холопи его, готовы для его государева дѣла головы свои класти и помереть готовы за государя своего и за его дѣтей... А государя нашего царя и великаго князя правда передъ королемъ... И намъ ся видитъ: государю нашему за тѣ городы стояти, а мы, холопи его, на его государево дѣло готовы".

Торопецкіе помѣщики заявляли, что они „за одну десятину земли Полоцкаго повѣту головы положатъ... мы, холопи его государскіе, нынѣ на конехъ сидимъ, и мы за его государское (достояніе) съ коня помремъ"... „И намъ ся видитъ,—заключаютъ они свое мнѣніе,—за тѣ городы стояти государю крѣпко; а мы, холопи его, для его государева дѣла готовы".

Луцкіе помѣщики высказали то же самое. Дьяки и приказные люди, заявивъ сомнѣніе въ надобности отступаться отъ занятыхъ поляками городовъ, выражали готовность головы положить на томъ государскомъ дѣлѣ, къ которому пригодятся. Гости, купцы и смольняне говорили въ одинъ голосъ со всѣми чинами, что надо отстаивать „государеву правду" передъ королевской „высостью". „Молимъ Бога о томъ,—говорили они,—чтобы государева рука была высока, а мы, люди

неслужилые, службы не знаемъ: вѣдаетъ Богъ да великій государь, не стоимъ не токмо за свои животы, мы и головы свои кладемъ за государя вездѣ, чтобы государева рука вездѣ была высока".

Таковы были мнѣнія, представленныя на Соборѣ 1566 г. чинами Московскаго государства на запросъ правительства— быть войнѣ или миру съ Польшей. Голосъ всѣхъ чиновъ былъ за войну, и война возобновилась. Вслѣдствіе утомленія обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія велись вяло и затянулись на три года до 1569 г., когда было заключено перемиріе.

Приговоръ Собора 1566 г. былъ написанъ и закрѣпленъ печатями, подписями и крестнымъ цѣлованіемъ участниковъ собора. Архіепископы и епископы подписали грамоту и подвѣсили къ ней свои печати, архимандриты, игумены и старцы только подписали грамоту. Бояре, окольничьи и приказные люди подписали грамоту и цѣловали крестъ; всѣ остальные закрѣпили приговоръ тѣмъ, что цѣловали крестъ исполнять его.

Въ XVI в. были еще Земскіе Соборы въ 1584 г. и въ 1598 г. Относительно Собора 1584 г. не сохранилось никакихъ точныхъ и ясныхъ свѣдѣній. Такъ называемая „новая лѣтопись", составленная при царѣ Михаилѣ, разсказываетъ намъ, что вскорѣ послѣ смерти царя Ивана, въ первыхъ числахъ мая 1584 г., „придоша къ Москвѣ отъ всѣхъ градовъ Московскаго государства и просили со слезами царевича Өедора Ивановича, чтобы вскорѣ сѣлъ на престолъ отца своего и воцарился на Москвѣ; и по ихъ прошенію вѣнчался царскимъ вѣнцомъ того жъ году въ Вознесеньевъ день"...

Соборъ 1598 г., созванный послѣ смерти послѣдняго царя изъ дома Калиты, долженъ былъ произвести избраніе на царство новаго царя.

Царь Өедоръ Ивановичъ былъ послѣднимъ въ родѣ Калиты, и со смертью его осиротѣлъ престолъ великаго россійскаго царствія. Кому быть теперь царемъ?—вотъ вопросъ, какой сталъ передъ русскими людьми на рубежѣ новаго столѣтія. Отвѣтить на

этотъ вопросъ достаточно вѣско и рѣшительно не взяли на себя ни патріархъ, ни Боярская Дума, ни Освященный соборъ, надо было спросить совѣта у всей земли. Земскій Соборъ состоялся 17-го февраля 1598 г. и послѣ рѣчи патріарха постановилъ: „неотложно бити челомъ государю Борису Ѳедоровичу, а опричь государя Бориса Ѳедоровича на государство никого же не искати". Соборъ 1598 г. имѣлъ тотъ же характеръ по своему составу, какъ и Соборъ 1566. Какъ и въ 1556 г., на Соборѣ, избравшемъ на царство Бориса Ѳедоровича, присутствовали разностепенные носители власти, чины управленія, а не уполномоченные отъ общества; это было тоже представительство по служебному положенію, а не по общественному довѣрію. Лица, облеченныя общественнымъ довѣріемъ,—случайное явленіе на соборѣ 1598 г. Соборными представителями столичныхъ торговопромышленныхъ сотенъ были ихъ выборные старосты и сотскіе, которыхъ правительство призвало на Соборъ по ихъ должности, и дѣло случая, что эти должности были выборныя.

Облеченные довѣріемъ населенія, избранные изъ среды населенія его представители появляются только на Земскихъ Соборахъ XVII в. Мысль о такихъ представителяхъ зарождается и осуществляется среди тяжелыхъ обстоятельствъ Смутнаго времени, въ первое время устройства страны, потрясенной ужасами Смуты. Государство было на краю гибели. Шайки „своихъ воровъ" и отряды иноземныхъ воинскихъ людей—шведовъ и особенно поляковъ, достигали до отдаленныхъ сѣверныхъ городовъ и держали ихъ въ осадѣ. Москву осаждали тушинцы, грозила война съ Польшей. Тогда царь Василій обратился за помощью къ той части Великороссіи, которая меньше другихъ подвергалась Смутѣ, благодаря своему положенію. Царь Василій послалъ въ Новгородъ своего племянника М. В. Скопина-Шуйскаго, а онъ изъ Новгорода черезъ Каргополь и Вологду воодушевилъ весь сѣверъ отъ Перми до Соловковъ. По городамъ стали собирать ополченія, вооружать ихъ и отправлять къ Москвѣ или къ Скопину-Шуйскому подъ начальствомъ выборныхъ головъ.

Въ 1610 г. царь Василій лишился престола и въ странѣ наступило безгосударное время, когда отдѣльные города и волости оказались предоставленными сами себѣ; тогда въ городахъ стали возникать общесословные совѣты, въ которыхъ участвовали духовенство, служилые люди и посадскіе. Эти совѣты не только вѣдали оборону своего города, но и ставили себѣ задачей освободить Москву. Для этой цѣли совѣты отдѣльныхъ городовъ пересылались грамотами и послами, сговариваясь и утверждаясь крестнымъ цѣлованіемъ на общее дѣло освобожденія земли. Эти городскіе совѣты, выросшіе около тѣхъ земскихъ избъ, которыя стали во главѣ управленія городовъ еще во времена Грознаго, скоро сдѣлались такой силой, что когда послѣ низложенія царя Василія поднялся въ Москвѣ вопросъ объ избраніи новаго царя, бояре постановили сдѣлать избраніе не иначе, „какъ сослався со всѣми городы“.

Этотъ принципъ приглашенія на Соборъ выборныхъ отъ всѣхъ городовъ рѣшительно торжествуетъ на всѣхъ Земскихъ Соборахъ XVII в. Впервые Земскій Соборъ съ выборными отъ населенія представителями осуществился на Руси при войскѣ князя Д. М. Пожарскаго во время его остановки въ Ярославлѣ передъ рѣшительнымъ походомъ на освобожденіе Москвы. Тогда же утвердилось и требованіе: чтобы выборные отъ всѣхъ городовъ изо всякихъ чиновъ люди пріѣзжали на Соборъ съ грамотами,—„выбирали за всѣхъ людей руками“,—удостовѣряющими ихъ избраніе подписями избирателей и снабженные ихъ „договорами“, т.-е. наказами, относительно того, что говорить и на чемъ стоять при рѣшеніи дѣла на Соборѣ. Тогда же выборные начинаютъ подписывать дѣянія Собора, т.-е. его окончательное постановленіе.

Избравшій царя Соборъ 1613 г. оставался при немъ до 1615 года, когда были созваны новые выборные, дѣйствовавшіе до 1619 г. Въ серединѣ 1619 г. Соборъ самъ рѣшилъ, что пора созвать новыхъ выборныхъ; этотъ новый Соборъ существовалъ до 1622 г. Послѣ этого года становится невозможнымъ установить непрерывность дѣятельности Зем-

скихъ Соборовъ, и они происходятъ время отъ времени по созыву правительства. Итакъ, Земскій Соборъ, избравшій царя, остался при немъ, какъ дѣятельная и существенно необходимая часть правительства.

Новая власть не дѣлаетъ ничего иначе, какъ „по совѣту всея земли", и признаетъ гласно, что теперь вообще ничего нельзя рѣшать „безъ совѣту всего государства". Вопросы о войнѣ и мирѣ, вопросы финансоваго устройства и податные, назначеніе новыхъ налоговъ и сборовъ, вопросы устройства пришедшихъ въ разореніе чиновъ государства, вопросы благоустройства управленія, законодательство, — все это проходило черезъ вѣское обсужденіе совѣта всея земли.

Первое время правительство новаго царя и Земскій Соборъ, нуждаясь другъ въ другѣ, дѣйствуютъ рука объ руку. Они должны такъ дѣйствовать, потому что у нихъ есть общіе враги. Земскіе Соборы 1612 г. и 1613 г., которые провели очищеніе земли отъ враговъ и установили новое правительство, дѣйствовали отъ лица тѣхъ частей населенія Московскаго государства, которыя создали ополченія. Это были жители городовъ, мелкіе и средніе служилые люди, уѣздное крестьянство,—всѣ тѣ слои населенія, которые прежде всего хотѣли порядка и независимости родины. „Они сплотились для борьбы не только съ поляками, съ которыми связало себя боярство, сидѣвшее въ Москвѣ,—говоритъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, — но и съ казаками, т.-е. со всѣми тѣми кто хотѣлъ переворота общественнаго". Въ противоположность аристократамъ-боярамъ и демократамъ-казакамъ московскіе люди, создавшіе ополченіе, были люди средніе, равнодушные къ аристократизму бояръ и враждебные казакамъ съ ихъ отрицаніемъ привычнаго среднимъ людямъ порядка. Побѣдивъ своихъ враговъ подъ Москвой и въ Москвѣ, освободивъ столицу, сдѣлавшись распорядителями судебъ государства, средніе люди закрѣпили свою побѣду тѣмъ, что избрали царя по душѣ себѣ. Они отстранили кандидатуру на московскій столъ иноземныхъ принцевъ, хотя начальники ополченія были и не прочь имѣть царя „отъ иновѣрныхъ",

совершенно отказались имѣть дѣло съ самозванщиной, выдвигаемой казаками, и не избрали въ цари никого изъ знатнѣйшихъ бояръ Рюрикова племени. Царь, избранный средними людьми, происходилъ изъ рода, который бояре-княжата XVI в. именовали иногда „рабскимъ“, но это былъ „великій“ московскій родъ старинныхъ московскихъ бояръ.

Избравъ царя себѣ по душѣ, Соборъ сталъ охранять его, какъ своего избранника и ставленника, защищая въ немъ свое единство и свой возстановленный земскій порядокъ. Съ своей стороны и новый царь не видѣлъ возможности править страной безъ содѣйствія Собора и унять безъ него „всемірный мятежъ“; царь Михаилъ отказывался даже принять власть и итти въ Москву, пока Соборъ не успокоитъ всю страну и не возстановитъ порядка. „Выходило такъ,—говоритъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, — что носитель власти и народное собраніе не только не спорили за первенство своего значенія, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о собственной цѣлости и безопасности“.

Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшему единодушію, обращало государя и Соборъ въ одну политическую силу, боровшуюся съ враждебными ей теченіями какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Такъ, Соборъ 1613 г. ведетъ переговоры съ Сигизмундомъ, требуя выдачи задержанныхъ поляками русскихъ пословъ: отца государева — митрополита Филарета, князя Голицына и др., слѣдитъ, чтобы были приведены къ присягѣ новому царю всѣ жители государства, и приказываетъ тѣхъ, кто отказывается, „бросить въ тюрьму до государева указу, да о томъ и къ намъ отписати“. Всѣ дѣла по умиротворенію страны проходятъ черезъ Соборъ, который прибѣгаетъ не только къ оружію, но и къ уговорамъ: къ казакамъ, которые объединились около Заруцкаго и Марины Мнишекъ съ ея сыномъ, посылается отъ Собора посольство и грамоты, чтобы они „не дѣлали никакого дурна, отъ воровства отстали и крови христіанской не проливали, городовъ и уѣздовъ не вое-

вали“, грозя въ противномъ случаѣ возмездіемъ въ день праведнаго и страшнаго суда Господня, а также и тѣмъ, что „государь великій велитъ надъ вами своимъ ратемъ промышляти“.

На рать нужны были деньги, и Земскій Соборъ старался найти ихъ; всюду были разосланы грамоты съ просьбой денежной помощи казнѣ; когда выяснилось, что деньги поступаютъ слабо, то по государеву указу и всей земли приговору велѣно было со всѣхъ городовъ Московскаго государства, со всякихъ людей, съ животовъ сбирати служилымъ людямъ на жалованье деньги—пятая доля, т.-е. пятую часть всего имущества. Эта забота о пополненіи пустовавшей казны становится главной для всѣхъ послѣдующихъ Соборовъ царствованія царя Михаила.

Выяснялись на Соборѣ и тяжелыя слѣдствія этой неустанной дѣятельности по замиренію и устройству. На Соборѣ 1621 г. выборные изъ служилыхъ людей заявили, что они разорились, что помѣстья ихъ запустѣли; выборные отъ тяглыхъ людей указывали, что подати и повинности тяжелы и падаютъ на отдѣльные слои населенія крайне неравномѣрно; что люди меньшіе терпятъ много насильства и обидъ отъ сильныхъ людей и вельможъ. Земскій Соборъ сталъ тогда совѣщаться „какъ бы то зло исправить и землю устроить“. Рѣшено было послать по всѣмъ городамъ „добрыхъ писцовъ и дозорниковъ“, которые описали бы города и уѣзды и, такимъ образомъ, дали бы точный и вѣрный отчетъ о состояніи государства; не ограничиваясь сухими записями, постановили также созвать въ Москву новыхъ выборныхъ отъ духовенства, служилыхъ людей, посадскихъ, чтобы они разсказали про „обиды, насильства и разоренія, чѣмъ Московскому государству пополниться и ратныхъ людей пожаловать и устроить бы государство, чтобы все пришло въ достоинство“.

Такимъ образомъ и по составу своему и по кругу дѣятельности Соборъ XVII в. сдѣлалъ большой шагъ впередъ въ развитіи соборнаго начала по сравненію съ Соборами XVI в. Но такъ же какъ и послѣдніе, Соборы XVII в созываются государемъ, по его почину, и имъ же распускаются; такъ же

какъ и Соборы XVI вѣка, Соборы XVII в. не имѣли никакихъ правъ и полномочій, строго опредѣленныхъ въ законѣ; верховная власть попрежнему была сосредоточена въ рукахъ правительства, и Земскій Соборъ ограничивалъ ее не по закону, а по своему нравственному вліянію. Земскій Соборъ обыкновенно не дѣлалъ постановленій, а только, „подумавши накрѣпко“, объявлялъ свою мысль государю, и „какъ то дѣло вершить,—говорили обыкновенно члены Собора,—въ томъ его государева воля“. Самые вопросы, которые слѣдовало обсуждать на Соборѣ, не были опредѣлены, и Соборъ обсуждалъ и маловажныя правительственныя распоряженія и такія дѣла, какъ рѣшеніе войны или мира,—все въ зависимости отъ того, что спроситъ его правительство.

Такимъ образомъ Земскіе Соборы XVII в. не выражали никакихъ правъ общества на участіе въ правительствѣ и законодательствѣ. Правительство обращалось за содѣйствіемъ къ Земскому Собору только тогда, когда хотѣло того и когда чувствовало себя не въ силахъ провести какое-либо рѣшеніе помимо совѣта всей земли. Земскій Соборъ, слѣдовательно, имѣлъ задачей подкрѣпить правительство, а не руководить имъ, а если принималъ руководящую роль, какъ въ первое время царствованія Михаила, то только потому, что самъ создалъ правительство, и оно дѣйствовало въ соединеніи съ нимъ, укрѣпляясь въ своемъ значеніи черезъ непререкаемый авторитетъ совѣта всей земли. Но этотъ авторитетъ былъ чисто нравственный. Вотъ почему, когда правительство Московскаго государства почувствовало себя сильнымъ и авторитетнымъ, для него миновала нужда въ постоянной ссылкѣ на авторитетъ совѣта всея земли, и оно перестало тогда созывать его для постоянной дѣятельности, оставляя за собой право созывать земскихъ людей лишь при трудныхъ случаяхъ государственной жизни.

Земскій Соборъ въ XVII в. созывался обыкновенно особой царской грамотой, въ которой перечислялось, кому „быти на соборѣ“. Освященный соборъ, думные чины и нѣкоторые двор-

цовые входили въ составъ Земскаго Собора по своему званію, всѣ остальные чины всѣхъ городовъ должны были прислать выбранныхъ ими представителей. Грамоты о созваніи выборныхъ присылались на имя воеводъ или земскихъ старостъ, которые, руководствуясь грамотой, собирали въ мѣстный каѳедральный соборъ архимандритовъ и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и весь освященый соборъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, „посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей“.

Прочитавъ всѣмъ собравшимся царскую грамоту, воевода или земскій староста долженъ былъ „велѣть“ всѣмъ собравшимся выбрать изъ всѣхъ чиновъ людей „добрыхъ и разумныхъ“,— какъ говорится въ грамотахъ,—или „смышленыхъ и постоятельныхъ“, „которымъ бы государевы и земскія дѣла были за обычай“ и „которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренія и чѣмъ бы Московскому государству пополниться“. Каждый чинъ даннаго города производилъ выборы отдѣльно.

Избиратели должны были дать своимъ выборнымъ, во-первыхъ, „списки за руками на нихъ“, т.-е. уполномочія за подписью избирателей, во-вторыхъ, наказы о томъ, что и какъ говорить на соборѣ, на чемъ стоять, и, въ-третьихъ, снабдить своихъ выборныхъ достаточнымъ запасомъ, чтобы они могли, не бѣдствуя, прожить въ Москвѣ. Число выборныхъ опредѣлялось каждый разъ различно и иногда предоставлялось опредѣлить его самимъ выборщикамъ и прислать отъ каждаго „чина по скольку человѣкъ пригоже“.

Выборы не всегда происходили достаточно гладко и скоро. Особенно много было хлопотъ воеводамъ и старостамъ по созыву на выборы жителей уѣздовъ; уже при одномъ тогдашнемъ бездорожьѣ не всегда это можно было достаточно скоро сдѣлать, а еще надо было считаться съ апатіей выборщиковъ, ихъ косностью, нежеланіемъ двинуться съ мѣста. Карачевскому воеводѣ пришлось однажды два раза разсылать по уѣзду пушкарей и стрѣльцовъ, собирая на выборы служилыхъ людей; но и тогда явилось всего два человѣка, и воевода отправилъ ихъ въ

Москву представлять нужды всѣхъ служилыхъ людей Карачевскаго уѣзда. Такъ же несчастливы были „пушкари и затиньщики“ Переяславля Рязанскаго: долго они ходили, посланные воеводой, по селамъ и деревнямъ, созывая служилыхъ людей въ городъ на выборы, пока, наконецъ, не явились очень „немногіе люди“.

Явившись въ Москву, выборные представители вмѣстѣ съ членами Земскаго Собора по должности собирались въ одной палатѣ царскаго дворца и здѣсь выслушивали рѣчь царя, которую онъ или произносилъ самъ, или приказывалъ прочесть кому-либо изъ ближнихъ бояръ, или даже думному дьяку. Въ царской рѣчи излагалось обыкновенно дѣло, предлагавшееся на обсужденіе Собора, и находилось обращеніе къ членамъ его „помыслить накрѣпко и государю мысль свою объявить, чтобы ему, государю, про то про все было извѣстно“.

Выслушавъ царскую рѣчь, выборные представители разбивались на отдѣльныя группы или, какъ тогда говорили, „статьи“, по тому, кто съ кѣмъ согласенъ. Постановленныя такими статьями рѣшенія—„мысли“,—записывали, и, такимъ образомъ, получалась „сказка“, которую представляли государю и Боярской Думѣ.

На Соборѣ 1642 г. „мысль свою объявили“, „сказки“ отдѣльно подали: 1) „власти“—государевы богомольцы, т.-е. высшее духовенство, засѣдавшее не по выбору; 2) стольники; 3) московскіе дворяне; 4) двое изъ этихъ дворянъ—Желябужскій и Беклемишевъ; 5) головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ; 6) „володимірцы“ дворяне и дѣти боярскія, которыя на Москвѣ; 7) „дворяне и дѣти боярскія Нижняго-Новгорода и муромцы и лужане, которые здѣся на Москвѣ“; 8) дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ—всего 16 человѣкъ; 9) дворяне и дѣти боярскія еще 23 городовъ; 10) гости, гостиной и суконной сотенъ торговые люди; 11) черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе, старосты и всѣ тяглые людишки.

Какъ обсуждалось дѣло каждой изъ „статей“—неизвѣстно, знаемъ только, что „мысль“, „рѣчи“ или „сказки“ подавались послѣ того, какъ подававшіе ихъ „мыслили накрѣпко“ и „межъ себя говорили“. Чтобы дать соборнымъ людямъ воз-

можность лучше и подробнѣе ознакомиться съ дѣломъ, ради котораго ихъ созывали, царскую рѣчь, излагавшую дѣло, переписывали, и эти „письма“ раздавали „соборнымъ людямъ“ разныхъ чиновъ для подлиннаго вѣдома порознь.

Пріемы и характеръ соборной практики особенно ярко сказываются въ дѣятельности Собора 1649 года, созваннаго царемъ Алексѣемъ для утвержденія новаго собранія законовъ— книги Уложенной, или просто Уложенія, которое должно было замѣнить устарѣвшій Судебникъ 1550 г. и тѣ безчисленныя и часто противорѣчивыя дополненія къ нему, которыя записывались въ Приказахъ и только однимъ приказнымъ и были вѣдомы. Въ челобитныхъ, поданныхъ на Земскомъ Соборѣ 1642 г. и подаваемыхъ постоянно царю, давно уже сквозила нужда устроить и упорядочить взаимное отношеніе московскихъ людей по закону.

16 іюля 1648 г. царь Алексѣй на соединенномъ засѣданіи Боярской Думы и Освященнаго Собора и поставилъ вопросъ о новомъ собраніи законовъ. Поговоря „съ бояры“ и „со властьми“, царь приказалъ боярину князю Н. И. Одоевскому съ четырьмя другими лицами собрать изъ существующихъ законовъ тѣ статьи, которыя еще могли дѣйствовать, были „пристойны къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ“. Тѣ пробѣлы въ законодательствѣ, которые при этомъ пересмотрѣ должны были обнаружиться, рѣшено было заполнить по „общему совѣту“, т.-е. съ помощью Земскаго Собора, составъ котораго тогда же очень тщательно обсудили. Срокомъ созыва Собора назначили 1-ое сентября 1648 г.; къ этому дню комиссія князя Одоевскаго должна была покончить порученное ей дѣло. На Соборъ призывались выборные люди отъ придворныхъ и столичныхъ служилыхъ людей изъ чину по два человѣка; дворянъ отъ большихъ городовъ по два человѣка, отъ меньшихъ и отъ новгородскихъ пятинъ по одному человѣку; гостей—три человѣка; отъ гостиной и суконной сотенъ по два человѣка; отъ московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ и отъ провинціальныхъ посадовъ по одному человѣку.

Выборные съѣхались къ указанному сроку, и тогда же началась дѣятельность Собора. Соборъ раздѣлился на двѣ палаты. Одну составили Боярская Дума и Освященный Соборъ, на засѣданiяхъ которыхъ царь и патрiархъ „слушали“ проектъ законовъ, составленный комиссiей князя Одоевскаго. Другую палату составили всѣ выборные члены Собора подъ предсѣдательствомъ князя Ю. А. Долгорукаго. Здѣсь тоже читали законопроектъ комиссiи князя Одоевскаго. При чтенiи выборные люди возбуждали вопросы о необходимыхъ измѣненiяхъ и дополненiяхъ и заявляли свои нужды и желанiя. Эти заявленiя или челобитныя „всѣхъ выборныхъ людей отъ всея земли“ входили къ государю и разсматривались на засѣданiяхъ Думы и Освященнаго Собора и здѣсь обыкновенно принимались. Эти новыя статьи, ранѣе появленiя ихъ особымъ законодательнымъ сборникомъ, обнародовывались въ видѣ государевыхъ указовъ и, такимъ образомъ, немедленно становились закономъ. Благодаря такому устройству хода работы, всѣ люди Московскаго государства могли слѣдить за плодами дѣятельности своихъ выборныхъ. Къ 29 января 1649 г. дѣло было кончено, и „Уложенная книга“ готова; такъ какъ она явилась плодомъ работы Собора и была скрѣплена подписями соборныхъ людей, то ее называли также „Соборнымъ Уложенiемъ“.

Такъ какъ большинство членовъ Собора по избранiю составляли люди городовыхъ чиновъ, то понятно, что въ Уложенiи были проведены и приняли форму закона ихъ пожеланiя. Уже на Земскихъ Соборахъ 1619, 1621 и 1642 гг. и въ челобитныхъ, которыя подавали постоянно царю жители всѣхъ краевъ государства, была нарисована яркая картина своеволья отдѣльныхъ представителей власти и просто „сильныхъ“ людей.

„Мы, холопы твои, разорены, безпомощны, безпомѣстны и малопомѣстны,—жаловались представители земли на Соборѣ 1642 г.—Люди сильные, бояре и высшiе государевы слуги, приказные и монастыри захватили повсюду земли, накупили себѣ вотчинъ, понахватали помѣстiй, получаютъ большое жа-

лованье, наживаются и обогащаются при исполненіи государевыхъ дѣлъ, собираютъ себѣ пожитки великіе, живутъ въ роскоши, строятъ палаты каменныя. Разорены мы пуще татаръ московской волокитой. Въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ и отъ ихъ воеводскаго задержанія и насильства. А при прежнихъ государяхъ воеводъ не было, въ городахъ вѣдали губные старосты, и посадскіе люди судились сами промежъ себя".

По челобитью выборныхъ людей неправильно захваченныя „сильными людьми" земли возвращались прежнимъ владѣльцамъ или отписывались на государя. Духовенство завладѣло слободами въ городахъ, населеніе этихъ слободъ по грамотамъ, выхлопотаннымъ духовенствомъ, не платило податей, и потому всѣ тяглые стремились перейти въ монастырскія слободы, но отъ этого терпѣли слободы-сосѣди немонастырскіе, потому что ихъ населенію приходится платить подати за ушедшихъ до новой переписи. Выборные указываютъ на это, и монастырскія и архіерейскія слободы по городамъ отписываются отъ своихъ владѣльцевъ обратно въ тягло; по желанію выборныхъ было запрещено боярству и духовенству принимать въ закладъ тяглые участки въ городахъ и брать за себя тяглыхъ людей въ полуневолю; они провели воспрещеніе духовенству и боярамъ селить на посадскихъ земляхъ своихъ людей и нѣкоторыя другія мѣры. Бо̀льшая часть этихъ новыхъ законовъ была на пользу или для служилыхъ людей, или для тяглыхъ, или для торговыхъ, но всѣ три чина дружно поддерживали другъ друга, потому что эти мѣры имѣли въ виду общаго хозяйственнаго врага—монастыри и боярство.

Конечно высшее духовенство и боярство были крайне недовольны новыми законами. Патріархъ Никонъ со свойственной ему несдержанностью языка именовалъ Уложеніе проклятой и беззаконной книгой, негодовалъ, что „вышелъ указъ тотъ же патріарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ". Высшее боярство и дьячество были тоже недовольны, что Уложеніе проводило начало общаго равенства передъ закономъ и властью, „чтобы мо-

сковскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшого чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровно“. Желаніе среднихъ людей охранить себя отъ произвола сильныхъ, настойчиво проводимое ими, сильные московскіе люди называли „разными прихотьми шумѣвшихъ озорниковъ“. Винили они, конечно, Земскій Соборъ, и такъ какъ правительство было въ ихъ рукахъ, то понятно, что ихъ цѣлью сдѣлалось по возможности избѣгать созыва Земскихъ Соборовъ впредь, и они стали ставить тысячи препятствій этому созыву всякій разъ, какъ возникала мысль объ этомъ. Къ тому же правительство XVII в. въ своихъ реформахъ, часто противныхъ обычному укладу жизни, не всегда могло рисковать созывомъ Земскаго Собора, который могъ и не одобрить проведенія иной жизненно важной для государства мѣры. Всѣ эти обстоятельства въ связи съ отсутствіемъ прочной организаціи самихъ Земскихъ Соборовъ, въ концѣ-концовъ, и послужили причиной постепеннаго замиранія соборной дѣятельности въ правительствѣ Московскаго государства *)

*) Главнѣйшими пособіями при составленіи статьи служили сочиненія: В. Латкина, „Земскіе соборы древней Руси“; С. Ѳ. Платонова, „Къ исторіи московскихъ Земскихъ Соборовъ“; В. О. Ключевскаго, „Составъ представительства на Земскихъ Соборахъ древней Руси“; Н. Загоскина, „Исторія права Московскаго государства“; В. И. Сергѣевича, „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“. Заставка—съ рукописи XVI в.

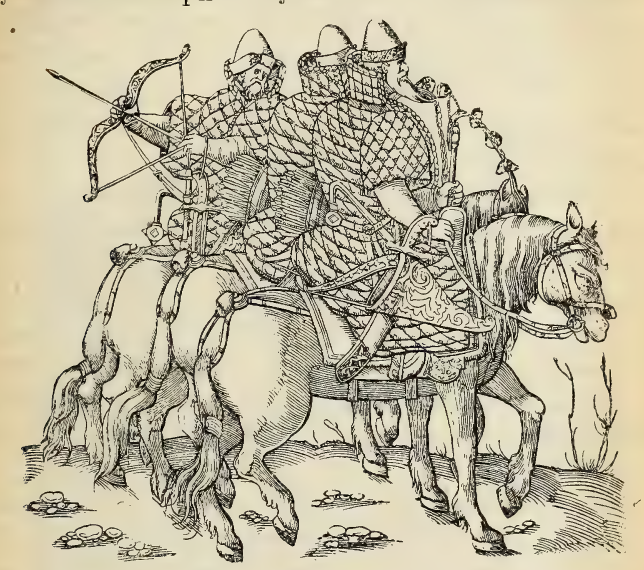
Государевы служилые люди.

Военную силу удѣльнаго князя составляли вольные охочіе люди, которые приходили къ нему и поряжались служить, гдѣ князь прикажетъ. За свою службу эти охочіе люди получали отъ князя жалованье деньгами и землей. Имъ давалось „помѣстье"—опредѣленный участокъ земли.

Порядившійся на службу человѣкъ обрабатывалъ эту землю, трудясь самъ, при помощи семейныхъ, или нанимая отъ себя крестьянъ. По первому призыву князя такой служилый человѣкъ долженъ былъ являться въ указанное сборное мѣсто на конѣ, вооруженный, съ запасомъ.

Кончалъ служилый человѣкъ свою службу, уходилъ отъ князя, отбиралось у него и помѣстье. Набирались служилые люди преимущественно изъ обѣднѣвшихъ потомковъ богатыхъ когда-то бояръ. Обѣднѣніе богатой семьи наступало чаще всего вслѣдствіе господствовавшаго въ древней Руси обычая — дѣлить имѣнье между всѣми сыновьями-наслѣдниками. Получивъ часто небольшую часть отцовскаго

имѣнья, многіе изъ боярскихъ сыновей не могли достигнуть того положенія, какое занимали ихъ отцы. Обѣднѣвшій сынъ боярина оставался на всю жизнь извѣстенъ только, какъ сынъ своего знатнаго отца. Онъ былъ для всѣхъ „сынъ боярскій“ и только. Такъ какъ такія боярскія дѣти нанимались всегда для военной службы къ удѣльнымъ князьямъ, то понемногу вошло въ привычку и обычай называть сыномъ боярскимъ, дѣтьми боярскими всѣхъ нанимавшихся на службу къ удѣльнымъ князьямъ людей, если они даже и не были сыновьями бояръ.

Служилые люди въ тегиляяхъ и шапкахъ (XVI в.).
(По рисунку въ сочиненіи Герберштейна).

Когда Московское княжество выросло въ Московское государство, то его правители для устройства и пополненія своей военной силы продолжали поступать такъ, какъ и въ удѣльное время удѣльные князья, т.-е. продолжали раздавать земли, обязывая получающихъ служить. Но разница была теперь та, что служилому человѣку уйти съ земли московскаго государя стало

некуда—не ко врагамъ же Русской земли! Изъ свободныхъ вольныхъ слугъ удѣльныхъ князей служилые люди стали теперь подданными московскаго государя.

Окруженное со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, Московское государство должно было много и серьезно заботиться объ устройствѣ своей военной силы.

Со временъ Ивана III установилось правило, что всякій, кто владѣетъ землей, долженъ такъ или иначе отбывать военную службу, т.-е. итти въ походъ, когда потребуется, самъ и вести съ собой, сколько установлено, вооруженныхъ людей изъ своихъ холопей или изъ арендующихъ у такого служилаго человѣка землю крестьянъ.

Всѣ слуги московскаго государя, начиная съ князей, владѣвшихъ землей по наслѣдству отъ предковъ, превратились тогда въ служилыхъ людей. Въ Новгородской и Псковской областяхъ было много мелкихъ землевладѣльцевъ—своеземцевъ. Овладѣвъ Новгородомъ, Иванъ III немедленно обязалъ этихъ своеземцевъ служить. Словомъ, правило: кто владѣетъ землей, тотъ долженъ служить, проводилось московскимъ правительствомъ съ неукоснительной послѣдовательностью.

Со временъ Ивана Грознаго служилые люди, дѣти боярскія, получаютъ ясное и опредѣленное устройство. Въ 1556 году было замѣчено, что „вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли“, т.-е. служатъ плохо, доставляютъ со своихъ земель меньше воиновъ, чѣмъ слѣдовало бы. Поэтому государь повелѣлъ „сотворить уравненіе въ помѣстьяхъ землемѣріемъ и учинить каждому, что достойно, излишки же раздѣлить неимущимъ“.

Служилый человѣкъ служилъ не только съ помѣстья, но и съ вотчины, т.-е. съ земли, находившейся въ его рукахъ вообще. По закону 1555 г. съ каждыхъ 150 десятинъ хорошей пахотной земли долженъ былъ являться въ походъ одинъ ратникъ, на конѣ, въ доспѣхѣ полномъ, а въ дальній походъ о двуконь. Тѣ служилые люди, у которыхъ было болѣе 150

десятинъ пахотной земли, выводили съ собой въ походъ соразмѣрное пашнѣ количество людей.

Помѣстные оклады или надѣлы назначались „по отечеству и по службѣ", т.-е. по родовитости служилаго человѣка и по

Ратники XVI—XVII вв. въ тегиляяхъ и шапкахъ желѣзныхъ. (Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

качеству его службы, а потому были очень разнообразны. Начинающему службу „новику" давали, обыкновенно, не весь окладъ сразу, а только часть его. Послѣдующія прибавки назывались „дачами". Чѣмъ выше былъ чинъ служилаго чело-

вѣка, тѣмъ крупнѣе былъ его помѣстный окладъ; чѣмъ крупнѣе были вотчины служилаго человѣка, тѣмъ меньше бывали ему „дачи". За исправное и долголѣтнее отбываніе службы къ окладу и дачѣ дѣлалась всегда еще „придача". Люди высшихъ чиновъ—бояре, окольничіе и думные дворяне—получали помѣстья отъ 1200 до 3000 десятинъ, стольники и дворяне московскіе—отъ 750 до 1500 десятинъ. Оклады городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ были очень разнообразны по своей величинѣ и зависѣли отъ чиновъ, продолжительности службы, количества служилыхъ людей въ уѣздѣ, а главное отъ запаса въ уѣздѣ удобныхъ для испомѣщенія земель.

Къ окладу помѣстному присоединялся, обыкновенно, еще и денежный. Люди высшихъ чиновъ, постоянно занятые на службѣ, получали назначенные имъ денежные оклады полностью и постоянно, дѣти боярскія городовыя получали денежное жалованіе въ неопредѣленные сроки, большею частью только тогда, когда надо было подготовить ихъ къ походу. По Судебнику 1550 г. видно, что полагалось выдавать денежное жалованіе служилымъ людямъ черезъ два года въ третій, но часто выдавали только на четвертый годъ.

За людей, хорошо снаряженныхъ, правительство выдавало денежное жалованіе; „а кто землю держитъ,—гласитъ далѣе указъ,—а службы не служитъ, на тѣхъ на самихъ имати деньги за люди".

Еще раньше, тоже при Иванѣ Грозномъ, положено было начало раздѣленію служилыхъ людей на чины. Вообще служилые чины Московскаго государства раздѣлялись на служилыхъ людей по отечеству и на служилыхъ по прибору. Служилыми людьми по отечеству назывались тѣ, которые несли службу наслѣдственно. Они распадались на два разряда: на чины думные и чины служилые собственно. Думныхъ чиновъ, т.-е. такихъ, которые получали доступъ въ Боярскую Думу, было три: бояре, окольничіе и думные дворяне. Чины служилые собственно раздѣлялись также на два разряда: на чины московскіе и чины городовые. Указомъ 1550 г. велѣно было

Ратникъ XVI—XVII вв. въ зерцалѣ (панцырь) и въ шеломѣ и съ тарчемъ (щитъ съ остреемъ).
(Изъ „Описанія одеждъ и вооруженія Россійскихъ войскъ").

набрать по уѣздамъ тысячу лучшихъ дѣтей боярскихъ и надѣлить ихъ помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ, въ округѣ не далѣе 140 верстъ отъ Москвы. Вмѣстѣ съ людьми знатныхъ родовъ, потомками прежнихъ удѣльныхъ князей и родовитыхъ московскихъ бояръ, эти избранныя дѣти боярскія составили особый отборный корпусъ — дворянъ московскихъ.

Московскіе чины раздѣлялись въ нисходящемъ порядкѣ такъ: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе (столичные) и жильцы (собственно дворцовые низшіе чины).

Получая помѣстья подъ Москвой, люди московскихъ чиновъ обязывались быть готовыми „для посылокъ“ и, слѣдовательно, должны были жить въ своихъ подмосковныхъ помѣстьяхъ. Въ эту отборную тысячу вошли всѣ знатные, родовитые люди и богатые, хорошаго рода дѣти боярскія со всѣхъ угловъ тогдашней Россіи—и изъ Новгорода, и изъ Смоленска, и съ Рязани, и съ Ярославля, словомъ, отовсюду. Прежнихъ своихъ вотчинъ на родинѣ они не теряли, и, такимъ образомъ, московское правительство собрало у себя подъ рукой знатоковъ мѣстныхъ нуждъ, къ которымъ всегда можно было обратиться за справкой и скоро получить отвѣтъ относительно житья - бытья ихъ родныхъ уѣздовъ. Затѣется ли непорядокъ въ какомъ-либо изъ уѣздовъ Московскаго государства—гдѣ-нибудь въ Пронскѣ или Ряжскѣ—всего выгоднѣе было послать разузнать въ чемъ дѣло и исправить несчастье знающаго тамошнія дѣла и обстоятельства человѣка, извѣстнаго въ то же время и правительству. Московскій дворянинъ, переселенный подъ Москву изъ Ряжска или Пронска, владѣющій тамъ землей, имѣющій тамъ многочисленную родню, живущій всегда на виду у правительства, былъ самымъ пригоднымъ для этого человѣкомъ.

Изъ этихъ-то дворянъ и дѣтей боярскихъ „московскаго списка“ и выходили всѣ дѣльцы-чиновники, исполнители предначертаній московскаго правительства. Наиболѣе родовитые и знатные изъ нихъ, достигая на службѣ большихъ чиновъ, сами входили въ составъ правительства въ чинахъ думныхъ дворянъ, а позднѣе — окольничьихъ и даже бояръ.

Изъ менѣе знатныхъ московскихъ дворянъ набирались офицеры для командованія мелкими частями войска — сотенныя головы, становившіяся во главѣ сотенъ, составленныхъ изъ уѣздныхъ дворянъ. Московскіе дворяне назначались также

Ратникъ въ бахтерцѣ (латы) и въ шеломѣ.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

воеводами въ пограничные города, гдѣ требовалось постоянное присутствіе военной силы.

Чиновъ служилыхъ людей городовыхъ было три: дворяне выборные, или выборъ, дѣти боярскія дворовыя и дѣти боярскія городовыя собственно. По своей служебной способности, зависѣвшей отъ имущественной состоятельности, эти чины несли и разную службу. Дворяне выборные и дѣти

боярскія городовыя несли „службу государеву дальнюю", т.-е. ходили въ близкіе и дальніе походы; маломочныя и пѣшія дѣти боярскія дворовыя должны были отбывать гарнизонную службу въ городахъ своихъ уѣздовъ; они являлись туда въ случаѣ возможности осады города со стороны врага и защищали крѣпость.

Провинціальное дворянство, уѣздныя дѣти боярскія назывались по городамъ, напримѣръ: дѣти боярскія володимерцы, нижегородцы и т. п.

Уѣздное дворянство каждаго города дѣлилось на статьи— большую, среднюю и меньшую.

Раздѣленіе это основывалось на достаткѣ, заслугахъ и служебной годности отдѣльныхъ помѣщиковъ. На немъ основывалось и различіе денежной дачи служилымъ разныхъ статей.

Чинами служилыми по прибору назывались ратные люди, которые вербовались правительствомъ изъ охотниковъ, это были стрѣльцы — постоянная пѣхота, устроенная въ началѣ XVI в., пушкари—полевые артиллеристы, затинщики — артиллеристы при крѣпостныхъ орудіяхъ, затинныхъ пищаляхъ, пограничные казаки, наконецъ, рейтары и солдаты,—полки иноземнаго строя, возникшіе въ началѣ XVII в. Сначала люди этихъ чиновъ зачислялись на службу изъ охотниковъ временно, только на извѣстный походъ, но въ XVII в. и приборные служилые люди становятся постоянными ратниками, служащими до смерти. Эти приборные чины отличались отъ служилыхъ по отечеству тѣмъ, что считались равными между собой: переходъ казака городового въ рейтары или стрѣльцы былъ перемѣной рода службы, а не служебнымъ повышеніемъ, какъ, напримѣръ, переходъ выборнаго дворянина въ жильцы или жильца въ чинъ дворянина московскаго.

Служилые люди по отечеству каждаго города дѣлились, кромѣ того, на первую и вторую половины, для того, чтобы первая половина собиралась въ походъ по первой вѣсти о войнѣ, а вторая была бы готова итти ей на подмогу, какъ только потребуется.

Ратникъ въ юшманѣ (латы) и въ мисюркѣ (шлемъ). (Изъ „Описанія одеждъ и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

Начиналъ свою службу служилый человѣкъ съ 15 лѣтъ. До этого времени онъ числился въ „недоросляхъ“ — „поспѣвалъ на службу“. Съ 15 лѣтъ онъ „новикъ“ и можетъ получить помѣстье.

Служилые люди состояли въ вѣдѣніи Разряднаго Приказа, военнаго министерства тѣхъ временъ. „Вѣдомы въ томъ Приказѣ,—читаемъ въ одномъ старинномъ описаніи,—всякія

Ратникъ въ колантарѣ (латы) съ бармицею (съ оплечьемъ) и въ шапкѣ бумажной.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

воинскіи дѣла, постройка и укрѣпленіе городовъ, починка ихъ укрѣпленій, вооруженіе, также вѣдомы бояре, дворяне и дѣти боярскія... кого куда случится послать на службу, на войну, и на воеводства въ города и во всякія посылки“. Въ Разрядномъ Приказѣ велись разрядныя росписи воеводъ, выдавались воеводамъ именные списки дѣтей боярскихъ, участвовавшихъ въ походѣ, хранились особыя книги, называв-

Ратники въ юшманахъ (латы) и въ шишакахъ.
(Изъ „Описанія одеждъ и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

шіяся десятнями, куда заносились свѣдѣнія о служебной годности каждаго дворянина и сына боярскаго.

Возникъ Разрядный Приказъ еще во времена Ивана III. При Иванѣ Грозномъ, когда окончательно установилось, что для службы дворянина государство даетъ ему землю, возникъ Помѣстный Приказъ, въ которомъ вѣдалась „всего московскаго государства земля и что кому дано помѣстья и вотчинъ“.

Разрядный Приказъ вѣдалъ службу дѣтей боярскихъ, устанавливалъ общіе размѣры помѣстныхъ окладовъ и руководилъ *верстаньемъ* дѣтей боярскихъ, т.-е. распредѣленіемъ ихъ по статьямъ, сообразно ихъ родовитости, служебной исправности, заслугамъ и состоятельности.

Помѣстный Приказъ *испомѣщалъ* дѣтей боярскихъ, т.-е. раздавалъ имъ земли, стараясь давать постольку, поскольку было назначено въ Разрядномъ Приказѣ.

Когда земли не хватало, Помѣстный Приказъ самъ отъ себя сокращалъ размѣръ оклада вдвое, втрое, даже вчетверо противъ назначеннаго. Такъ, напримѣръ, въ 1570-хъ годахъ изъ 168 дѣтей боярскихъ изъ Путивиля и Рыльска, записанныхъ на службу, 99 совсѣмъ не получили помѣстій, остальные же были, какъ читаемъ въ записи объ этомъ случаѣ,— „испомѣщены по окладамъ не сполна: иные вполы, а иные въ третій и четвертый жеребій, а инымъ дали на усадища не помногу".

Постоянно занятое на службѣ, не всегда хорошо обезпеченное жалованьемъ, уѣздное дворянство того времени жило очень небогато и съ трудомъ изыскивало средства для исправнаго отбыванія военной службы. А расходы были большіе. Являясь въ полкъ, сынъ боярскій обязанъ былъ имѣть дорого стоившее вооруженіе и лошадей, долженъ былъ привести съ собой людей, хорошо вооруженныхъ, наконецъ, запасти продовольствіе на себя, для своихъ людей и лошадей на нѣсколько мѣсяцевъ. За неисправность грозило лишеніе и того, что имѣлъ сынъ боярскій, а потому мелкій дворянинъ тянулся изъ всѣхъ силъ, чтобы не лишиться послѣдняго и не быть „выкинутымъ" со службы: вѣдь тогда для него должно было наступить нищенство, „шатаніе межъ дворъ". Служилое дворянство принуждено было поэтому жить въ кредитъ, должать тѣмъ, кто могъ давать взаймы, конечно, за хорошіе проценты.

Духовныя завѣщанія даже богатыхъ землевладѣльцевъ середины XVI в., дошедшія до насъ, наполнены списками дол

Жилецъ.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

говъ завѣщателя. Каждый вотчинникъ, бѣдный и богатый, простой и знатный, связанъ былъ съ обширнымъ кругомъ лицъ, которымъ онъ былъ долженъ и которые ему были должны. Въ спискѣ долговъ находятся и денежныя суммы, и доспѣхи, и оружіе,. и кони, и платье, и хлѣбъ, и сельскохозяйственныя орудія, и скотъ. Но особенно значительны суммы занятыхъ денегъ. Сельское хозяйство тѣхъ временъ

очень страдало отъ недостатка рабочихъ рукъ, особенно въ серединныхъ областяхъ. Рабочее населенiе уходило изъ этихъ областей на окраины государства, гдѣ не было боярскихъ имѣнiй, и земля была болѣе или менѣе свободна и доступна для занятiя земледѣльцами. Но отъ этого лишенiя рабочихъ рукъ плохо и недостаточно обрабатывались земли ближе къ серединѣ страны, гдѣ были расположены служилыя земли по преимуществу.

При условiяхъ тогдашней хозяйственной жизни, богатый землевладѣлецъ могъ обладать большими количествами сырого продукта, могъ быть сытъ, но, не имѣя возможности продавать свои излишки, такъ какъ спроса было мало, долженъ былъ все равно добывать деньги путемъ займа. Въ 1547 г. царь Иванъ сосваталъ дочь своего знаменитаго воеводы князя Александра Горбатаго-Шуйскаго за князя Ивана Мстиславскаго. Извѣщая объ этомъ мать невѣсты, царь писалъ ей: „Да сказывалъ намъ братъ твой Ѳома, что князь Александръ, идучи на нашу службу, заложилъ платье твое все, и мы было велѣли платье твое выкупити, да братъ твой Ѳома не вѣдаетъ, у кого князь Александръ то платье заложилъ; и мы тебя пожаловали, послали тебѣ отъ себя платье, въ чемъ тебѣ ѣхати (на свадьбу); а дастъ Богъ прiѣдешь къ Москвѣ и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велимъ выкупити“. Бояринъ, княжичъ, знатный землевладѣлецъ, обладавшiй большими вотчинами въ нѣсколькихъ уѣздахъ, принужденъ закладывать платье жены, чтобы снарядиться на службу! Среднiе и мелкiе землевладѣльцы находились въ положенiи еще болѣе тяжкомъ.

Дворяне зарывались въ неоплатные долги, безъ конца заваливали государя и Приказы просьбами о приверсткѣ земли, о прощенiи долговъ и т. п.

Такое незавидное положенiе служилыхъ людей, при большой въ нихъ нуждѣ, заставляло правительство часто откликаться на ихъ просьбы.

Правительству приходилось заботиться, во-первыхъ, о томъ, чтобы задолжавшая земля не уходила изъ службы, а во-вторыхъ, надо было поддерживать обремененныхъ долгами слу-

Воевода въ зерцалѣ (латы), въ паволокѣ (накидка) и въ ерихонкѣ (шлемъ).
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

жилыхъ людей, устраивая возможныя разсрочки платежей по частнымъ займамъ и создавая особыя легкія условія погашенія долговъ. Отъ сохраненія и обезпеченія извѣстной благосостоятельности служилыхъ людей зависѣла вѣдь военная сила страны.

Земли служилыхъ людей выбывали изъ службы двумя путями: за долгъ ихъ отписывали кредитору, которымъ въ то

время являлся чаще всего монастырь, а затѣмъ тотъ же монастырь получалъ служилыя вотчины послѣ смерти владѣльцевъ, которые, исполняя обычай устроенія души, завѣщали монастырямъ вотчины и имѣніе ради вѣчнаго поминовенія.

Разставаясь съ жизнью, русскій человѣкъ тѣхъ временъ считалъ своей обязанностью, „отходя сего свѣта", покончить здѣсь всѣ дѣла: заплатитъ свои долги, получить то, что ему были должны, и опредѣлить въ завѣщаніи, что должно итти изъ его имущества на поминъ души, „и приказчики мои, собравши денегъ по кабаламъ, долгъ заплатятъ и по душѣ исправятъ",—гласитъ конецъ многихъ дошедшихъ до насъ завѣщаній. Крупные долги, обезпеченные земельнымъ залогомъ, погашались или переходомъ заложенной земли въ собственность кредитора, или уплачивались прямо частью вотчины, если не было залога. Мелкіе долги ему самому завѣщатель, или прощалъ цѣликомъ, или дѣлалъ скидку кредиторамъ, иногда не разсчитывая, что это доброе дѣло лишаетъ его возможности самому заплатить свои долги деньгами и заставляетъ его жертвовать на покрытіе ихъ лишней частью вотчины. Все это приводило къ тому, что наслѣднику служилаго человѣка доставалась вотчина меньшая. А она должна была не только давать пропитаніе служилому человѣку, но съ нея онъ былъ обязанъ являться на службу въ извѣстномъ вооруженіи, съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ; конечно, съ уменьшеннаго количества земли и имущества онъ не могъ нести прежней службы и долженъ былъ входить въ долги, ходатайствовать неотступно о прирѣзкахъ земли, увеличеніи помѣстнаго оклада и денежной дачи.

Монастыри, скопляя въ своихъ рукахъ большія земельныя имущества и имѣя возможность, благодаря многимъ льготамъ, вести хозяйство широко и спокойно, не отрываясь отъ него ни на какую службу, собирали въ своихъ рукахъ большія денежныя средства.

„При исконныхъ и постоянныхъ связяхъ тогдашнихъ русскихъ людей съ монастыремъ,—говоритъ историкъ служилаго

Бояринъ-воевода.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

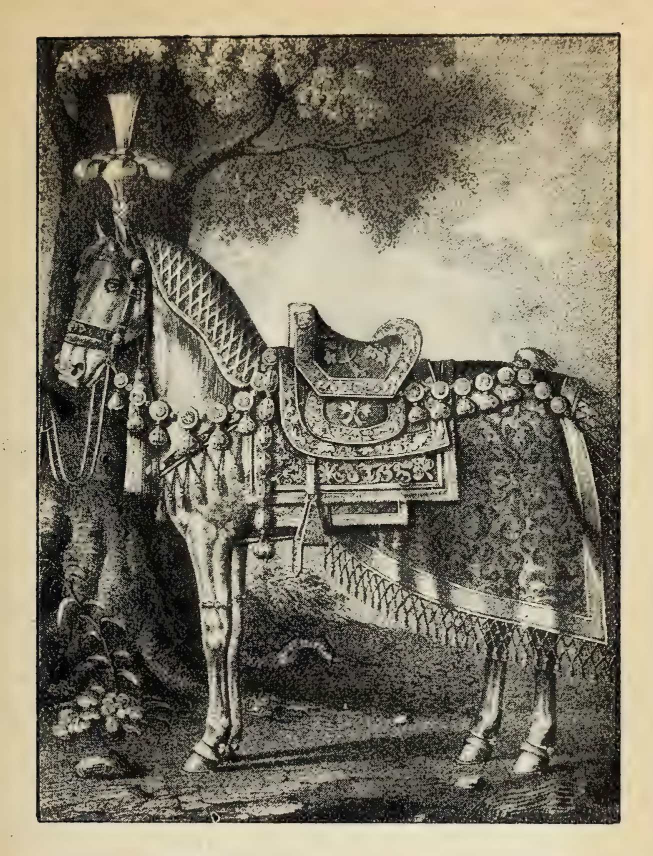
землевладѣнія С. В. Рождественскій,—богатый капиталистъ, монастырь сдѣлался банкиромъ для страдавшаго безденежьемъ служилаго класса. Финансовыя операціи, производившіяся монастыремъ, своебразно сочетались съ выполненіемъ его нравственно-религіознаго назначенія. Для мірянина XVI в., монастырь былъ вѣрнымъ посредникомъ не только въ устроеніи жизни небесной, но и въ превратностяхъ жизни земной,

Часто, уплачивая монастырю долгъ, денежный или натуральный, извѣстной долей своей вотчины, служилый человѣкъ отдавалъ эту землю вмѣстѣ и, какъ вкладъ на поминовеніе—„за долгъ по душѣ", какъ гласятъ грамоты. И наоборотъ, — съ послѣдней и высшей заботой человѣческаго существованія, о спасеніи души, о будущей жизни, часто соединялась забота и объ остающемся срокѣ жизни земной. За вотчину, данную въ монастырь по душѣ, брали „сдачу" или „скупъ", т.-е. извѣстную сумму денегъ для уплаты долговъ, т.-е. другими словами—продавали вотчину въ монастырь за сумму ниже ея настоящей стоимости".

Ограждая имущественную состоятельность своихъ воиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, которыя облегчали родичамъ собственника заложенной и пропавшей въ залогѣ земли выкупъ ее преимущественно передъ другими не родными заимодавцами умершаго.

Указомъ 25 декабря 1557 г. служилые люди были освобождены отъ уплаты процентовъ по ихъ займамъ, и погашеніе долговъ ихъ частнымъ лицамъ было разсрочено на пять лѣтъ.

„По старымъ кабаламъ на прошлыя лѣта,—гласитъ указъ,—всѣ росты (т.-е. $^0/_0$ по займу) государь отставилъ и повелѣлъ на служилыхъ людяхъ правити долги денежные въ пять лѣтъ истинну деньгу (сумму долга) безъ роста"; хлѣбные же долги велѣно было править „безъ наспу", разсчитавъ на пять жеребьевъ. Установленъ былъ также впредь новый законный ростъ въ $10^0/_0$ съ суммы долга взамѣнъ прежняго $20^0/_0$. Указомъ 11 января 1558 года были облегчены условія заклада; по тогдашнему праву, заложенная земля переходила въ пользованіе того, кто бралъ ее въ залогъ и давалъ подъ нее деньги, человѣкъ этотъ имѣлъ право „за ростъ пахати" взятую имъ въ закладъ землю. Служилый человѣкъ, заложившій свою землю, лишался, такимъ образомъ, возможности скопить изъ доходовъ съ земли деньги для выкупа ея. Въ случаѣ просрочки долга, заложенная вотчина переходила немедленно

Конскій уборъ воеводскаго коня.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

въ собственность заимодавца. По указу 1558 года уплата долга по залогу разсрочивалась на пять лѣтъ, и кредиторамъ запрещалось „пахать за ростъ" заложенную вотчину. По уплатѣ одной пятой долга, заложившему землю дозволялось снова обрабатывать ее на себя. Только въ томъ случаѣ, если заплатившій прекращалъ платежи, его вотчина отходила къ тому, кто далъ подъ нее деньги.

Оберегая такими мѣрами служилое землевладѣніе, и по мѣрѣ роста военныхъ силъ, раздавая все большія и большія количества земли въ частныя руки, предоставляя служилымъ людямъ даже право покупать у казны земли въ вотчины,

Знамя князя Пожарскаго 1612 года.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

правительство способствовало утвержденію и развитію частнаго землевладѣнія. За особыя заслуги жаловалась обыкновенно пятая часть помѣстнаго оклада отличившемуся человѣку въ вотчину. По установившемуся обычаю, помѣстье послѣ смерти служилаго человѣка дѣлилось между его сыновьями или—иногда полностью, а иногда частью—переходило въ про-

Знамя временъ царя Алексѣя Михаиловича.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

житокъ его вдовамъ и малолѣтнимъ дѣтямъ. Для московскихъ дворянъ было установлено, что ихъ подмосковное помѣстье по смерти помѣщика должно переходить къ его сыну, если онъ могъ отбывать службу. Все это укрѣпляло среди самихъ помѣщиковъ взглядъ на помѣстье, какъ на собственность, на вотчину. Уже въ XVI в. появляются случаи, когда наслѣдники заодно съ вотчиной дѣлятъ между собой и помѣстья отца; въ началѣ XVII в. помѣстья уже завѣщаютъ на-

слѣдникамъ; при царѣ Михаилѣ узаконяется переходъ помѣстья, въ случаѣ бездѣтной смерти помѣщика, его ближнимъ родичамъ, разрѣшается мѣна помѣстій, „сдача" ихъ зятьямъ, какъ приданое; въ 1647 г. помѣщики получили, наконецъ, право продавать помѣстья, чѣмъ собственно уже совершенно сгладилась всякая разница между помѣстьемъ и вотчиной. По законамъ Петра Великаго помѣстья были окончательно признаны собственностью тѣхъ, за кѣмъ были записаны, и, такимъ образомъ, слились въ одно съ вотчинами; при чемъ самое слово вотчинникъ, въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣльца земли, замѣнилось словомъ помѣщикъ, которое когда-то обозначало человѣка, получившаго отъ правительства землю для службы.

При надѣленіи помѣстной землей служилыхъ людей правительству надо было точно знать, кому сколько можно дать, надо было давать землю подросшимъ дворянамъ, урѣзать дачу выбывшихъ со службы; надо было, наконецъ, всегда, во всякое время знать точное количество служилыхъ людей.

Ради всѣхъ этихъ цѣлей правительствомъ время отъ времени въ каждомъ уѣздѣ производились осмотры наличныхъ служилыхъ людей. Смотры и верстанье происходили, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по городамъ. Для производства ихъ командировались въ данный городъ бояринъ и дьяки. Въ Разрядномъ Приказѣ имъ выдавали именные списки—„десятни"—дѣтей боярскихъ этого уѣзда. Въ наказѣ, дававшемся посланнымъ, обозначалось самое большое и самое меньшее количество земли, которое можно было дать отдѣльному лицу.

Прибывъ въ указанный городъ, бояринъ призывалъ къ себѣ лично ему извѣстныхъ, или указанныхъ въ Разрядномъ Приказѣ старыхъ заслуженныхъ дворянъ и поручалъ имъ выбрать изъ своей среды *окладчиковъ*. Такъ назывались выборные изъ дворянъ, на которыхъ возлагалась обязанность присутствовать на смотрѣ и при верстаньи, и своимъ вѣскимъ словомъ знатоковъ мѣстныхъ нуждъ направлять самую раз-

Карабины XVII в.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

дачу земель такъ, чтобы она и государству была на пользу, и служилымъ людямъ не въ обиду.

Выбравъ окладчиковъ, преимущественно изъ такихъ дворянъ, которые исправляли эту должность и ранѣе, ихъ приводили къ крестному цѣлованію, чтобы они „сказывали бы у верстанья про всѣхъ дѣтей боярскихъ, которыя служатъ давно, и про новиковъ" „кто каковъ отечествомъ и службою,

и кому кто въ версту, и въ которую статью, кто съ кѣмъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ приходится, и кому мочно впередъ государева служба служити". Далѣе окладчики должны были, не тая, по крестному цѣлованію, въ правду, не мирволя роднымъ и знакомымъ, сказывать, пріѣзжаютъ ли служилые люди „служити государевы службы въ срокъ и съ государевы службы до отпуску не съѣзжаютъ ли, которые къ службамъ лѣнивы за бѣдностью и которые лѣнивы не за бѣдностью".

Съ помощью этихъ окладчиковъ изъ мѣстныхъ дворянъ присланный изъ Москвы бояринъ со своими дьяками и долженъ былъ смотрѣть служилыхъ людей, разспрашивая про ихъ службу ихъ самихъ и ихъ товарищей-окладчиковъ.

По округѣ, межъ тѣмъ, разсылались уже гонцы ко всѣмъ окрестнымъ служилымъ людямъ, чтобъ являлись къ такому-то дню въ городъ—на смотръ къ присланному изъ Москвы государеву боярину.

Въ назначенный день, когда случалась хорошая погода, на площадь передъ воеводской избой выносился столъ, ставилась скамья для пріѣзжаго боярина, на столъ выкладывались десятни, списки служилыхъ людей уѣзда, всякія другія нужныя бумаги. Возлѣ стола размѣщались окладчики и московскіе дьяки. Тутъ же для порядку выстраивался караулъ изъ московскихъ или городовыхъ стрѣльцовъ.

Толпа народа собиралась посмотрѣть на ближняго государева слугу—московскаго боярина, поглазѣть на собравшихся со всего уѣзда служилыхъ людей въ ихъ разнообразномъ вооруженіи, сидѣвшихъ и на коняхъ, взятыхъ изъ-подъ сохи, и бойко гарцовавшихъ на степныхъ аргамакахъ, отбитыхъ у татарскихъ наѣздниковъ.

На смотръ къ верстанію должны были явиться всѣ служилые люди уѣзда. Тутъ были и старики, ожидавшіе увольненія отъ службы и испомѣщенія на свое мѣсто кого-либо изъ своихъ дѣтей; являлись и люди, уже прослужившіе болѣе или менѣе продолжительное время. Боярину съ окладчиками

Самопалы или ручницы.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ".

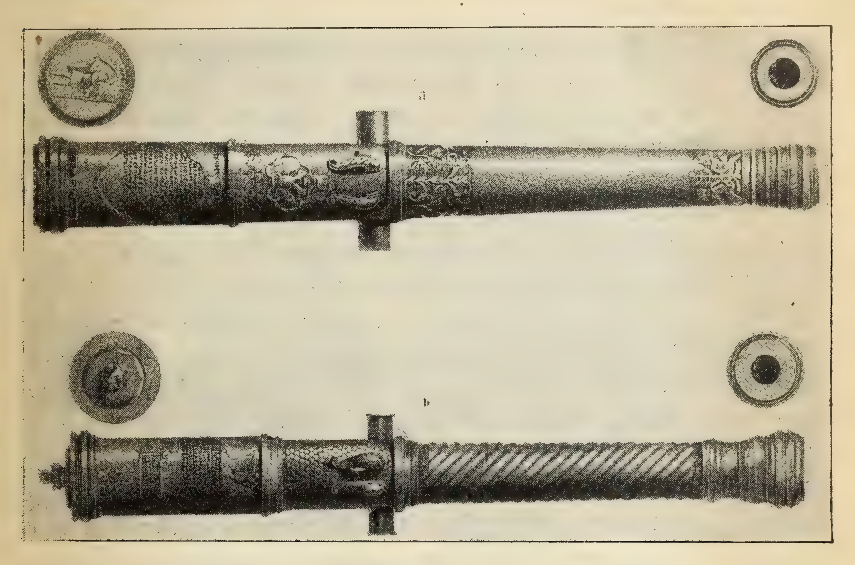
предстояло провѣрить ихъ служебную годность и, въ случаѣ измѣненія этой годности, сдѣлать измѣненія въ ихъ окладахъ; являлись, наконецъ, новики—молодежь, „поспѣвшая на службу", которую надо было или „припустить" въ помѣстье къ отцу, или „поверстать въ отводъ", т.-е. дать самостоятельное помѣстье. Старыхъ израненныхъ и изувѣченныхъ воякъ „за ихъ

многія болѣзни и раны“ надо было уволить отъ службы или „полегчить“ имъ службу, позволить, напримѣръ, не ходить въ дальніе походы, но обязать быть готовыми являться въ городъ-крѣпость, если ей будутъ угрожать враги. Всѣ перемѣны въ испомѣщеніи, въ служебной годности дворянъ и т. п. заносились въ десятни.

Запись въ десятнѣ гласитъ, къ примѣру, такъ: „Иванъ Несмѣяновъ, сынъ Зловидовъ. По сказкѣ окладчиковъ и всего города по допросу собою добръ и на государевой службѣ напередъ сего бывалъ на конѣ, въ панцырѣ, на немъ саадакъ, сабля, за нимъ два человѣка на коняхъ, въ панцыряхъ, въ сабляхъ, съ пищальми и одинъ человѣкъ съ простымъ конемъ. Помѣстья за нимъ бывало триста шестьдесятъ четвертей, крестьянъ двадцат шесть человѣкъ. Дѣтей у него четверо: большой сынъ Василій верстанъ въ отводъ, и помѣстье у него свое, а три человѣка недоросли: Алешка—восьми лѣтъ, Сережка—шести лѣтъ, Якушка—четырехъ лѣтъ. Да у него же живетъ племянникъ его—Васька Ананьевъ, сынъ Зловидовъ, хромъ, безъ ноги, нога усохла; на государевѣ службѣ быть ему не мочно, а помѣстье его отцовское взято въ раздачу и отдано Василью, сыну Семенову Головину. У разбору Иванъ сказалъ, что будетъ нынѣ на государевѣ службѣ на конѣ на добромъ, въ панцырѣ, въ саадакѣ, съ саблею, а за нимъ человѣкъ на конѣ въ панцырѣ же, съ пищалью, съ саблею, да одинъ человѣкъ съ простымъ конемъ, а если ему, Ивану, государева жалованья прибавятъ, то и онъ службы прибавитъ—еще человѣка на конѣ въ панцырѣ, съ пищалью и съ саблею приведетъ. Денежнаго жалованья ему, Ивану, идетъ 24 рубля. А окладчики сказали то же, что и Иванъ сказалъ, т.-е что безъ добавки денежнаго жалованья служить ему трудно, не съ чего“.

Такъ какъ эти смотры при верстаніяхъ были единственными вѣрными средствами провѣрять служебную годность человѣка, то правительство вело ихъ очень строго и безпощадно карало за невѣрныя показанія, за отсутствіе безъ уважительныхъ причинъ—*нѣтство*, какъ тогда говорили.

Одинъ за другимъ проходили передъ бояриномъ и окладчиками служилые люди въ полномъ вооруженіи, на коняхъ и пѣшіе. Бояринъ и дьяки „смотрѣли дѣтей боярскихъ, и которыя собою и службою добры, а помѣстнымъ окладомъ поверстаны мало, тѣмъ, разспрашивая про службу окладчиковъ, окладовъ прибавляли, а которыя собой и службою худы и верстаны

a. 50—фунт. пищаль Троилъ 1675 г. b. 40—фунт. пищаль Персъ 1686 г. (Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

помѣстными окладами большими, у тѣхъ оклады убавляли". За бѣгство съ поля битвы у служилаго человѣка отнимали половину помѣстнаго и денежнаго оклада. За двукратный побѣгъ виновнаго, кромѣ наказанія кнутомъ, лишали 50 четей помѣстнаго оклада; за третій побѣгъ его лишали всего помѣстья. Одинаковому наказанію подвергался какъ тотъ, кто не являлся въ полкъ, такъ и неявившійся на смотръ.

Благодаря такому устройству, московское правительство хорошо знало и количество и качество своихъ боевыхъ силъ.

По первой тревогѣ оно могло созвать только одной дворянской конницы до 70.000 человѣкъ, оставивъ еще большое число служилыхъ людей въ гарнизонахъ пограничныхъ городовъ. Если принять во вниманіе, что каждый дворянинъ приводилъ съ собой, по крайней мѣрѣ, двухъ вооруженныхъ людей, то число московской арміи надо признать для того времени громаднымъ. А въ случаѣ надобности, вѣдь, кромѣ служилыхъ людей, собирались еще даточные и посошные люди со всего государства, т.-е. ополченіе.

Вся эта военная сила приходила въ движеніе каждый годъ. Съ ранней весны закипала военная дѣятельность въ средоточіи военнаго управленія Московскаго государства—въ Разрядномъ Приказѣ. Отсюда разсылались повѣстки во всѣ уѣздные города съ приказомъ собираться дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ въ опредѣленныхъ сборныхъ мѣстахъ.

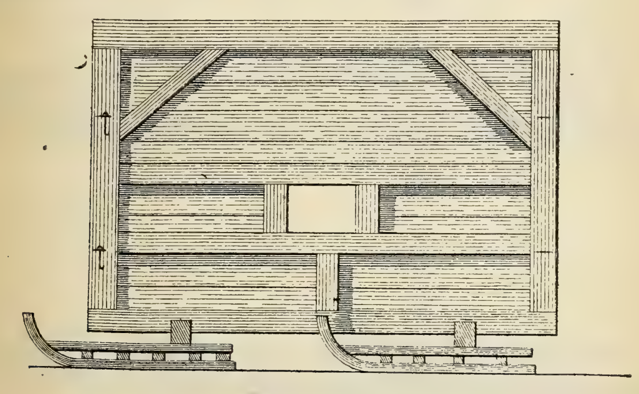
Служилые люди поднимались „конны, людны и оружны" и стягивались къ назначенному времени, куда было приказано. Здѣсь присланные съ Москвы головы и воеводы осматривали служилыхъ людей, соединяли ихъ въ полки, а полки—въ три большія арміи, изъ которыхъ одну ставили на Окѣ, подъ Коломной или выше, ждать крымцевъ; другую—на Клязьмѣ, у Владиміра или подъ Нижнимъ, для встрѣчи восточныхъ враговъ, третью—на рѣкѣ Угрѣ или въ другомъ мѣстѣ на границѣ съ Литвой для отпора полякамъ. Оградившись такъ со всѣхъ опасныхъ сторонъ, въ Москвѣ ждали вѣстей о движеніи враговъ и по первому вѣрному извѣстію двигали войска имъ навстрѣчу. „Такъ стояли полки до глубокой осени, пока морозъ и осенняя распутица не являлись имъ на смѣну сторожить московскую границу".

Въ походѣ московское войско дѣлилось на пять большихъ корпусовъ, полковъ: большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой полки и лѣвая рука. Каждый полкъ составлялся изъ дворянской конницы, изъ стрѣльцовъ, казаковъ и татаръ, служившихъ развѣдчиками. Когда въ походѣ принималъ участіе самъ великій государь, то устраивался еще царскій или

государевъ полкъ, несшій охранную службу при особѣ государя, и ертоулъ—передовой отрядъ, на обязанности котораго лежала развѣдочная часть, расчистка и починка дороги, по которой двигалось войско.

Артиллерія, или по-тогдашнему „нарядъ“, составляла особую часть и имѣла особаго начальника.

Начальники полковъ и ихъ два помощника носили званіе воеводъ. Подъ ихъ начальствомъ стояли головы, командовавшіе отрядами въ 1000 и 100 человѣкъ.

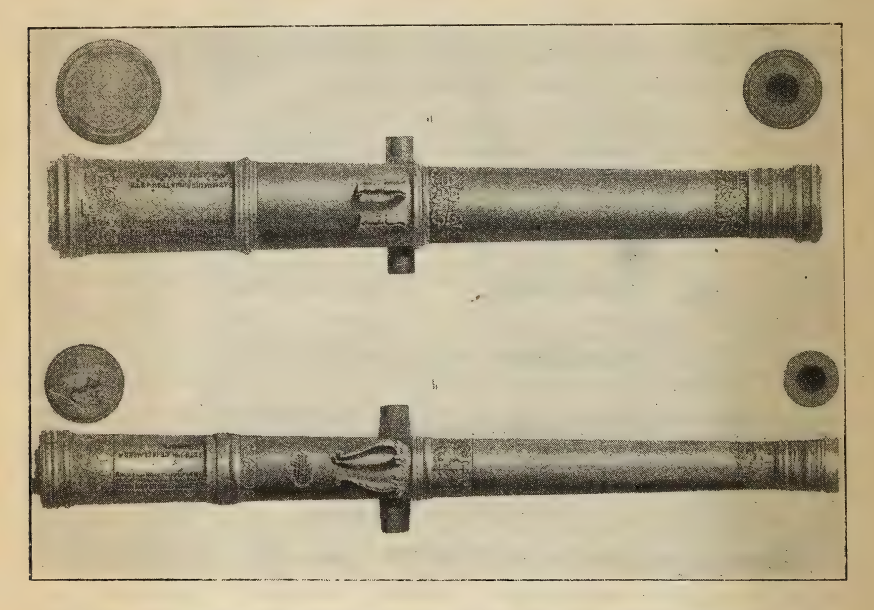

Щитъ изъ „гуляй-города“.

Иностранцы, посѣщавшіе въ то время Россію и имѣвшіе случай видѣть московское войско, особенно хвалили русскую артиллерію. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что ни у одного христіанскаго государя его времени не было такой прекрасной артиллеріи, какъ у московскаго государя. Благодаря хорошей артиллеріи, московскіе воеводы успѣшно отстаивали крѣпости, да и вообще русское войско лучше чувствовало себя и увѣреннѣе билось изъ-за земляныхъ валовъ укрѣпленій и крѣпостныхъ стѣнъ. Даже для битвъ въ открытомъ полѣ русскіе военные люди придумали подвижное, разборное укрѣпленіе, носившее названіе „гуляй-городъ“. Это были два длинныхъ ряда прочныхъ деревянныхъ щитовъ на колесахъ или полозьяхъ, защищавшіе воиновъ спереди и

сзади. Въ щитахъ были продѣланы отверстія для орудій и пищалей. При передвиженіи войска это деревянное укрѣпленіе разбиралось и перевозилось на лошадяхъ. Возы обоза тоже часто служили такимъ укрѣпленіемъ.

Въ открытомъ полѣ русскія войска чувствовали себя неувѣренно, благодаря полному отсутствію настоящей военной

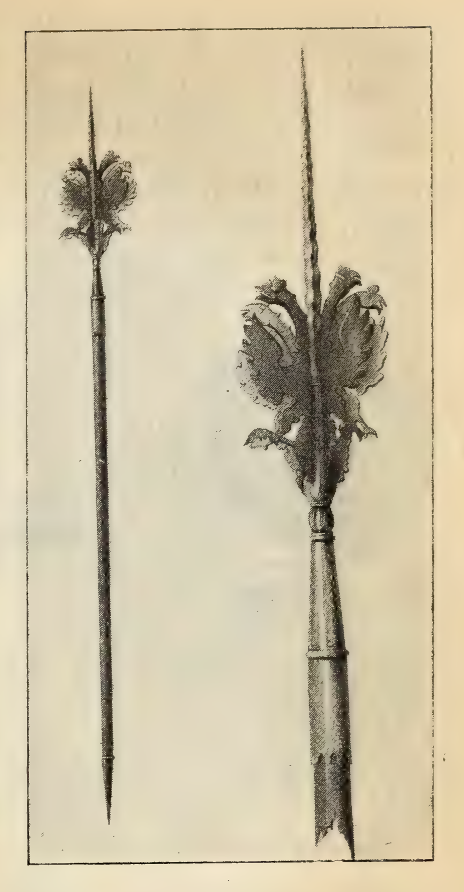
a. 52—фунт. пищаль Троилъ 1590 г. b. 38—фунт. пищаль Медвѣдь 1580 г. (Изъ „Описанія одеждъ и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

выучки и выправки. Никакихъ ученій и маневровъ служилые люди не продѣлывали и въ бою были неопытны. Громадной, нестройной толпой, съ оглушительными криками, подъ рѣзкіе звуки трубъ, грохотъ литавръ и барабановъ неслись московскіе полки на врага.

Если удавалось смять его сразу своимъ численнымъ превосходствомъ, московское войско торжествовало, въ противномъ случаѣ обращало тылъ и рѣдко возобновляло нападеніе. Къ

тому же и вооруженіе тогдашняго русскаго войска было неважное и къ бою съ западными сосѣдями—поляками и шведами—рѣшительно не годилось.

Пищалями—ружьями—была вооружена самая незначительная часть служилыхъ людей, да стрѣльцы, которыхъ было очень немного. Самыя пищали были по большей части своей московской выдѣлки—тяжелыя, неуклюжія, стрѣлявшія легкой маленькой пулькой, били очень недалеко и заряжались необычайно трудно и мѣшкотно.

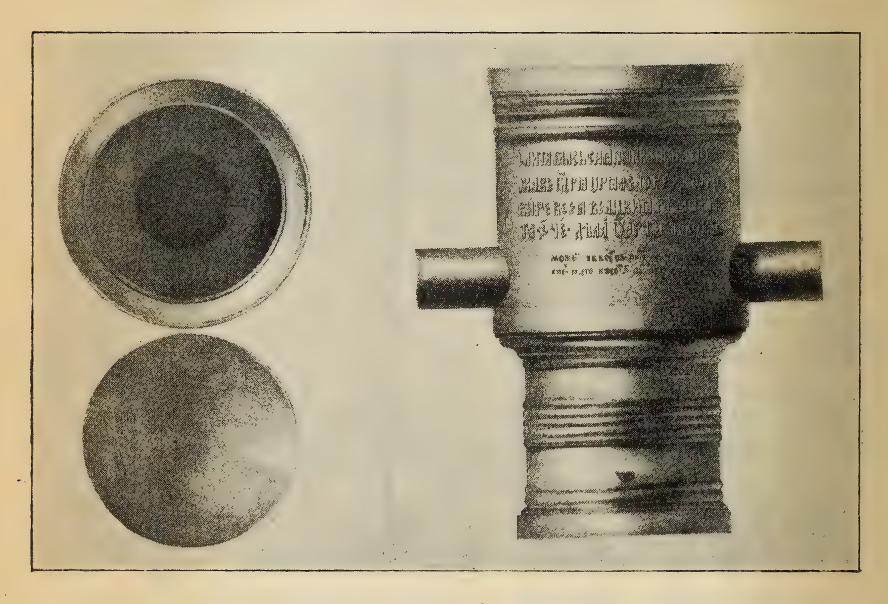

Жагра или пальникъ XVII столѣтія. (Изъ „Описанія одеждъ и вооруженія Россійскихъ войскъ").

Обычное вооруженіе служилаго человѣка составляли лукъ, сабля и иногда копье; затѣмъ панцырь, желѣзная шапка или шеломъ. Весь приборъ къ луку—налучье, колчанъ, стрѣлы—назывались „саадакъ". „Быти ему, сыну боярскому,—читаемъ въ одной десятнѣ,—на службѣ на конѣ, въ панцырѣ, въ шеломѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ, съ копьемъ, да за нимъ два человѣка на коняхъ въ панцыряхъ, въ шапкахъ желѣзныхъ, въ саадакахъ, въ сабляхъ".

Нѣкоторыя дѣти боярскія вмѣсто панцыря надѣвали кольчугу или бахтерецъ—полукольчугу, полупанцырь. Бѣднѣйшія

дѣти боярскія и ихъ люди шли на войну безъ доспѣховъ, въ лаптяхъ, въ одномъ „тегиляѣ“—кафтанѣ, подбитомъ пенькою или хлопкомъ, съ высокимъ стоячимъ воротомъ и короткими рукавами, и въ шапкѣ бумажной, т.-е. такой же, какъ и тегиляй, стеганомъ на хлопкѣ и пенькѣ, головномъ уборѣ. Зато вооруженіе богатыхъ служилыхъ людей и воеводъ отличалось большой роскошью и великолѣпіемъ.

$6^{1}/_{2}$ пуд. мортира 1587 года.
(Изъ „Описанія одеждъ и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

Иностранцы, посѣщавшіе въ то время Россію, приходили въ изумленіе отъ выносливости и неприхотливости русскихъ служилыхъ людей во время похода. „Думаю,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—нѣтъ подъ солнцемъ людей, способныхъ къ столь суровой жизни, какую ведутъ русскіе. Хотя они проводятъ въ полѣ два мѣсяца послѣ того, какъ земля замерзнетъ на аршинъ, рядовой воинъ не имѣетъ ни палатки ни чего-либо иного надъ головой; обычная ихъ защита противъ непогоды—

войлокъ, выставляемый противъ вѣтра и бури; когда навалитъ снѣгу, русскій воинъ сгребетъ его и разведетъ огонь, около котораго ложится спать... Но и эта жизнь въ полѣ не такъ изумительна, какъ ихъ выносливость: каждый долженъ добыть и привезти корму для себя и для своей лошади на мѣсяцъ или на два; воинъ нерѣдко живетъ на водѣ и овсяной мукѣ, перемѣшанной съ солодомъ, лошадь же его питается древесными вѣтвями". „Если бы русскій воинъ,—говоритъ другой иностранецъ,—съ такой же твердостью исполнялъ бы тѣ или иныя предпріятія, съ какой онъ переноситъ нужду и трудъ, или столько же былъ бы способенъ и привыченъ къ войнѣ, сколько равнодушенъ къ своему помѣщенію и пищѣ, то далеко превзошелъ бы нашихъ солдатъ, тогда какъ теперь онъ много уступаетъ имъ и въ храбрости и въ самомъ исполненіи военныхъ обязанностей... Что бы можно было сдѣлать съ этими людьми, если бы они были выучены дисциплинѣ и военному искусству цивилизованныхъ войскъ! Если бы московскій государь имѣлъ при себѣ людей, которые могли бы научить его войско этимъ двумъ вещамъ, то, я думаю, лучшіе и сильнѣйшіе христіанскіе государи не смогли бы соперничать съ нимъ" *).

*) Составл. по соч.: *Н. Павлова-Сильванскаго,* „Государевы служилые люди"; *С. В. Рождественскаго,* „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в."; В. О. Ключевскій, „Курсъ русской исторіи", ч. II.

Заставка—съ рукописи XVI в.

На сторожевой границѣ Московскаго государства.

Тревожно и безпокойно жилось въ XV, XVI и XVII вѣкахъ на границахъ Московскаго государства. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Москву вобрались всѣ великорусскія княжества образовавшія Московское государство, началась эта тревожная боевая жизнь московской окраины. Защита своихъ предѣловъ сдѣлалась еще тогда, въ XV в., самой настоятельной необходимостью въ государственной жизни, и въ Москвѣ правительству неустанно и зорко приходилось слѣдить за краями своей земли.

Только съ дальняго сѣвера, гдѣ царили льды и плескались холодныя волны Бѣлаго моря да простиралась безпредѣльная непроходимая тундра съ ея морозами и вьюгами, Москвѣ не приходилось ожидать серьезной бѣды и вражьяго нападенія, развѣ только пошалятъ тамъ разбойники-пираты изъ „свейскихъ“ или „урманскихъ нѣмцевъ“.

На западѣ еще при Александрѣ Невскомъ новгородцамъ приходилось отбиваться отъ шведовъ и ливонскихъ рыцарей. Не мирно уживалось съ своими сѣверо-западными сосѣдями и Московское государство. Шведы и ливонцы владѣли всѣмъ восточнымъ побережьемъ Балтійскаго моря, а добыть на этомъ морѣ гавань для прямыхъ сношеній съ западомъ Европы давно уже стало мечтой московскаго правительства, искавшаго на западѣ тамошнихъ знаній и науки, стремившагося прямо

Стѣны города Царицына на Волгѣ въ XVII в.
(Съ рисунка Мейерберга).

отъ западныхъ народовъ пріобрѣтать ихъ произведенія и сбывать имъ свои.

Не имѣя возможности сноситься съ ними по волнамъ Балтики, московское правительство и народъ много теряли при торговлѣ, уплачивая лишнія деньги за торговое посредничество шведамъ, ливонцамъ, а также и полякамъ, владѣнія которыхъ простирались по юго-западной границѣ Московскаго государства.

Отношенія къ Польско-Литовскому государству осложнялись еще тѣмъ, что Польша и Литва за время удѣльнаго

безсилья Великорусской земли овладѣли многими коренными русскими областями на югѣ и на западѣ отъ Москвы. Въ польско-литовскихъ рукахъ былъ Кіевъ, Черниговская земля, Полоцкъ, Смоленское княжество, при чемъ самый Смоленскъ постоянно переходилъ въ руки то одного, то другого изъ враждующихъ сосѣдей.

Московскій государь, объявивъ всю Русскую землю своей отчиной, наслѣдіемъ, такъ и не заключалъ мира съ Польско-Литовскимъ государствомъ, а одни лишь премирія, миръ на опредѣленный срокъ, чтобы только „дать людямъ поотдохнуть да взятые города за собой укрѣпить". Такъ было по западной границѣ.

Зато на южной и восточной не приходилось пользоваться и краткосрочными перемиріями. Съ этихъ сторонъ всегда и во всякое время можно было ждать губительныхъ набѣговъ дикихъ сосѣдей. На востокѣ то были казанскіе татары, черемисы, чуваши, сибирскіе татары, а на югѣ крымцы.

Золотая орда распалась еще въ XV в., а въ началѣ XVI в. окончательно разрушилась. Изъ ея развалинъ выросли татарскія царства, Казанское и Астраханское, ханство Крымское и орды нагайскихъ татаръ, кочевавшихъ за Волгой и въ степяхъ между Кубанью и Днѣпромъ по берегамъ морей Азовскаго и Чернаго. Казань и Астрахань пали подъ ударами Москвы въ половинѣ XVI вѣка, но съ Крымомъ Москвѣ справиться не удавалось. Огражденный отъ Москвы широкими и пустынными степями, отрѣзанный отъ материка перекопомъ, широкимъ и глубокимъ рвомъ, съ укрѣпленнымъ валомъ, Крымъ былъ положительно неприступенъ для Москвы съ суши, а море соединяло его съ могущественной Турціей, въ зависимости отъ которой, впрочемъ очень легкой, считали себя крымцы.

Отряды крымскихъ наѣздниковъ постоянно тревожили границы Польши, Литвы и Москвы: это былъ главный промыселъ крымцевъ.

Сейчасъ же на югъ отъ Оки, отъ верхней и средней ея части, начиналось *поле*—неоглядная широкая степь, тянувшаяся до самаго Чернаго моря. На этомъ огромномъ про-

странствѣ выдавались, конечно, и лѣсныя полосы, особенно на сѣверѣ его, но къ югу поле, степь, рѣшительно преобладало. Въ началѣ XVI в. Серпуховъ и Коломна являлись собственно пограничными городами Московскаго государства. За ихъ крѣпкими стѣнами начиналась безпокойная сторона, гдѣ рыскали татарскія шайки, разраставшіяся порой до огромныхъ скопищъ.

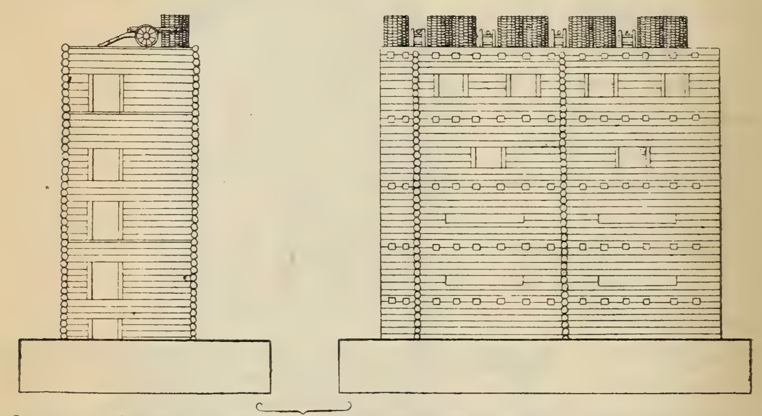
Степные хищники жестоко опустошали пограничныя со степью мѣстности Московскаго и Польскаго государствъ. Татарское скопище тучей неслось на беззащитныя окраины. Все оружіе татаръ состояло изъ лука съ большимъ запасомъ стрѣлъ и сабли; на поясѣ висѣлъ у каждаго татарина еще ножъ, огниво, шило да пять или шесть ременныхъ веревокъ для связыванія плѣнныхъ. Татары съ дѣтства привыкали ко всѣмъ условіямъ степной жизни: были чрезвычайно выносливы, необыкновенно ловки и прекрасно знали степь.

Разрѣзъ старинной деревянной проѣздной башни.

Приблизившись къ московскимъ предѣламъ верстъ на 5 на 6, они останавливались въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхали тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣлялось на три части — на центръ и два крыла. Въ такомъ порядкѣ они врывались въ непріятельскую землю и неслись по ней верстъ сто и больше, ничего не опустошая, оставляя это про запасъ, на обратный путь.

Достигнувъ заранѣе опредѣленнаго мѣста въ непріятельской сторонѣ, татары разбивались на нѣсколько небольшихъ отря-

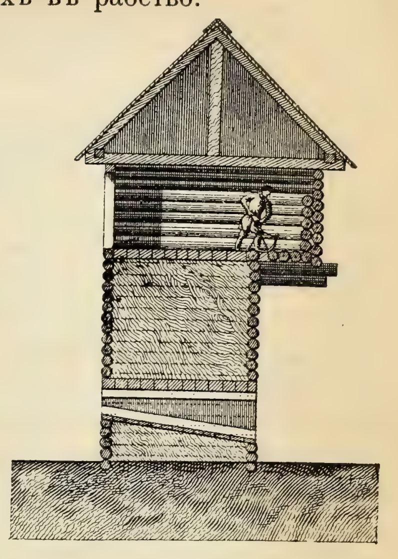
Осадныя башни, которыя осаждающіе воздвигали подъ стѣнами непріятельскаго города для болѣе дѣйствительнаго обстрѣла крѣпости.

довъ, человѣкъ по 500 въ каждомъ. Отряды эти разсыпались повсюду и окружали селенія; чтобы жители не ускользали, степняки раскладывали по ночамъ большіе огни. Потомъ они грабили, рѣзали, жгли сопротивлявшихся, уводили въ плѣнъ не только людей, но и домашнюю скотину, за исключеніемъ свиней, которыхъ загоняли въ овины и тамъ сжигали.

Опустошивъ непріятельскую область, татары удалялись отъ границы въ степь, останавливались въ безопасномъ мѣстѣ, отдыхали, собирали и дѣлили между собой добычу и плѣнныхъ. „И безчеловѣчное сердце тронется,—говоритъ современникъ,— при прощаніи мужа съ женой, дѣтей съ родителями, навсегда

разлучаемыхъ тяжкой неволею... буйные татары совершаютъ тысячи неистовствъ надъ плѣнниками". Плѣнниковъ отводили они въ Крымъ, въ городъ Каѳу, откуда перепродавали ихъ въ Царьградъ, Малую Азію, въ Венецію. Всякій разъ, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, захватывали они болѣе 50.000 московитовъ и поляковъ и продавали ихъ въ рабство.

Няньки и кормилицы славянки цѣнились во всей Италіи. Въ самомъ Крыму не было другой прислуги, кромѣ плѣнныхъ. Московскіе плѣнники за свое умѣнье бѣгать цѣнились на крымскихъ рынкахъ дешевле польскихъ; по разсказу одного современника, продавцы невольниковъ, выводя свой товаръ на рынокъ гуськомъ, цѣлыми десятками, скованными за шею, громко кричали, что это рабы самые свѣжіе, простые, нехитрые, только что приведенные изъ народа королевскаго, польскаго, а не московскаго. Плѣнныхъ приводили татары столько, что одинъ мѣняла-еврей, какъ разсказываютъ, сидѣвшій у единственныхъ воротъ Перекопа, видя нескончаемыя вереницы плѣнниковъ изъ Литвы, Польши и Москвы, спрашивалъ, есть ли еще люди въ этихъ странахъ, или ужъ никого не осталось.

Разрѣзъ старинной деревянной глухой башни.

Даже въ XVII вѣкѣ набѣги татаръ не были рѣдкостью не только для жителей Оскола и Курска, но и для такихъ, сравнительно удаленныхъ отъ степи, городовъ, какъ Болховъ, Мценскъ, даже Бѣлевъ. Такъ, въ 1617 г. сентября 29-го болховскій воевода Богданъ Вельяминовъ доносилъ въ Разрядъ о боѣ съ татарами въ Болховскомъ уѣздѣ. 21-го іюля 1618 г.

татары бились подъ Бѣлевымъ, и въ августѣ того же года пришлось отражать ихъ набѣгъ мценскому воеводѣ.

Въ своемъ движеніи на предѣлы Московскаго государства татары придерживались нѣсколькихъ излюбленныхъ направленій. Направленія эти широкими путями, достигавшими мѣстами сотни верстъ въ ширину, ловко проходили между степными большими и малыми рѣчками, перебираться черезъ которыя было не съ руки наѣздникамъ-татарамъ, и прямехонько выводили ихъ на Оку.

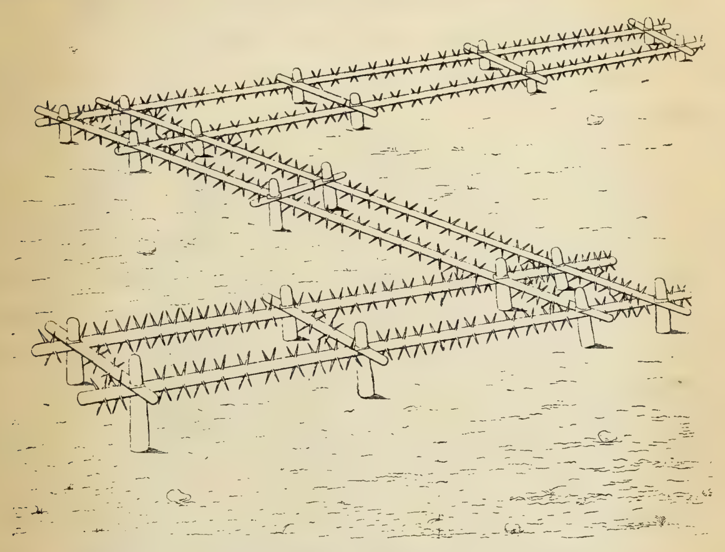
Эти излюбленныя татарами для ихъ движеній направленія носили тогда названіе *шляховъ*. Ихъ было нѣсколько. Самые извѣстные—это Муравскій и Калміусскій шляхи. Двигаясь большими отрядами, совсѣмъ налегкѣ, татары старались обыкновенно выбирать такой путь, чтобы не переходить рѣкъ, особенно глубокихъ, но, конечно, избѣжать переправъ совсѣмъ не могли. Для такихъ переправъ они старались выбирать удобныя мѣста, т.-е. пологій берегъ прежде всего, по которому ихъ кони легко сходили въ воду.

Привязавъ къ хвостамъ лошадей что-то въ родѣ камышеваго плота, на который складывали одежду, оружіе, сѣдла, и придерживаясь за гриву своихъ скакуновъ, татары легко всей гурьбой перебирались на противоположный берегъ. Даже черезъ быстрый и многоводный Днѣпръ умѣли они легко переправляться такимъ образомъ. Удобныя для переправы большихъ татарскихъ отрядовъ мѣста на степныхъ рѣкахъ были, конечно, наперечетъ: ихъ такъ и называли татарскими *перелазами* и на Донцѣ, напримѣръ, насчитывали до 11 такихъ перелазовъ.

Татарскіе набѣги происходили не только ежегодно, но и по нѣсколько разъ въ годъ, такъ что вызнать татарскіе пути русскіе люди успѣли съ очень давнихъ поръ и давно пришли къ мысли о необходимости преградить татарамъ дорогу на Русь, сдѣлавъ прежде всего удобныя для ихъ нашествій пути непроходимыми.

Эта мысль стала дѣятельно приводиться въ исполненіе съ тѣхъ поръ, какъ Московское государство почувствовало себя совсѣмъ окрѣпшимъ.

По линіямъ татарскихъ шляховъ, пересѣкая ихъ, мало-помалу, протянулась цѣлая линія большихъ и малыхъ крѣпостей, городовъ и острожковъ, снабженныхъ достаточнымъ гарнизономъ и всякимъ боевымъ запасомъ. Татарскія шайки и скопища, натыкаясь на своихъ излюбленныхъ путяхъ на эти преграды, останавливались. Татары, какъ и всѣ степные хищники, были большими неохотниками до осадъ и не всегда

Рогатки за крѣпостнымъ рвомъ старинной крѣпости.

отваживались нападать на крѣпость. Обыкновенно они стремились послѣ неудачнаго приступа обойти ее. Но вѣдь всегда невыгодно оставлять за собой укрѣпленное мѣсто, занятое непріятелемъ, и потому татары, даже и обойдя крѣпость, не отваживались заходить далеко за укрѣпленную линію. Къ тому же и итти за ней было трудно: во многихъ мѣстахъ отъ крѣпости къ крѣпости тянулись *земляные валы, засѣки, надолбы,* рѣшительно мѣшавшіе движенію конной татарской рати. На земляныхъ валахъ черезъ извѣстные промежутки находились небольшія земляныя же укрѣпленія, гдѣ опять-таки

сидѣлъ небольшой гарнизонъ, доставлявшій своими пушками и пищалями не малыя непріятности татарамъ.

Въ мѣстахъ лѣсистыхъ сваленныя правильной линіей огромныя вѣковыя деревья образовывали непроходимыя засѣки и не давали пути не только конному войску, но и пѣшему. Даже рѣки оказывались перегороженными *забоями* или *честикомъ,* острыми сваями и кольями, плотно вбитыми въ дно рѣки и недопускавшими никакой переправы. Перелазы были особенно тщательно укрѣплены.

Вблизи отъ городовъ, кромѣ валовъ, засѣкъ и честика, ставились еще *надолбы.* То были сваи и колья, глубоко вбитые въ землю и возвышавшіеся надъ ея поверхностью аршина на два съ половиной; набиты они были въ безпорядкѣ, широкой полосой и такъ тѣсно другъ къ другу, что ни пройти ни проѣхать было невозможно. Лишь одинъ или два запутанныхъ прохода, извѣстныхъ начальствующимъ лицамъ въ городѣ, выводили сквозь надолбы въ поле: незнающему, если и удавалось пробраться сквозь надолбы, грозили всякіе капканы, волчьи ямы, колодцы.

Всякій разъ, задумавъ строить новый городъ, московское правительство посылало сначала знающихъ людей осмотрѣть мѣстность и опредѣлить, гдѣ удобнѣе поставить городъ, гдѣ быть засѣкамъ, забоямъ и т. п. Посланные дѣлали съемку мѣстности и чертежи представляли въ Москву. Здѣсь внимательно разсмаривали планы и потомъ только посылали когонибудь изъ чиновныхъ лицъ строить городъ и около-городныя укрѣпленія.

Но вотъ городъ построенъ. Въ него назначался особый воевода, который долженъ былъ завѣдывать всѣмъ управленіемъ крѣпости и былъ главнымъ военнымъ начальникомъ округа. Ежегодно посылалъ онъ въ Москву вѣдомость о состояніи укрѣпленій и запасовъ; даже о самыхъ мелочныхъ обстоятельствахъ жизни города долженъ онъ былъ доносить въ Москву. И въ Москвѣ зорко слѣдили по этимъ воеводскимъ вѣдомостямъ, чтобы укрѣпленія были въ порядкѣ и доста-

точно снабжены военнымъ и съѣстнымъ запасомъ, чтобы всегда можно было положиться на ихъ стѣны и гарнизонъ.

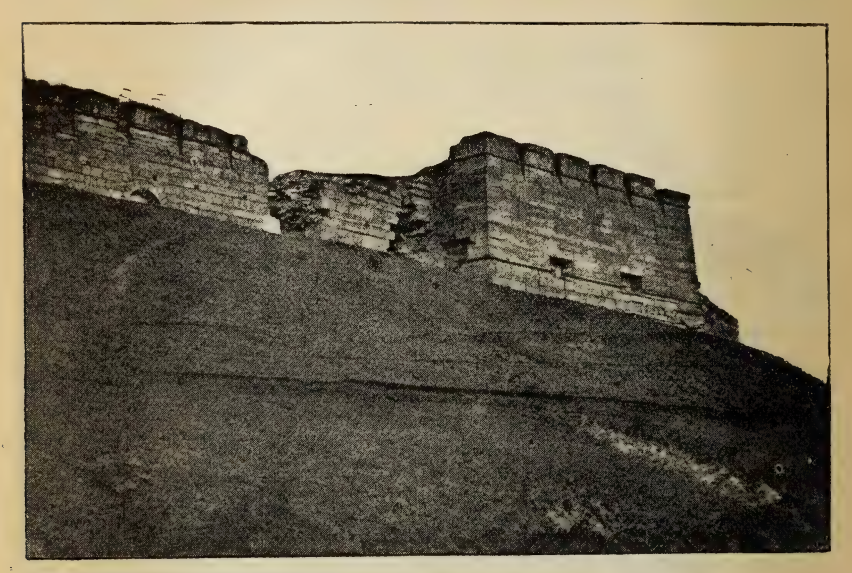
Чѣмъ крѣпче становилась такая линія укрѣпленій или по-тогдашнему „черта“, тѣмъ недоступнѣе была она татарамъ. На юго-восточной границѣ древнѣйшая и ближайшая къ Москвѣ линія укрѣпленій шла по Окѣ отъ Нижняго-Новго-

Нижній-Новгородъ. Стрѣлецкая башня въ Нижнемъ-Новгородѣ.

рода до Серпухова и отсюда поворачивала на югъ до Тулы и продолжалась до Козельска. Впереди этой линіи тянулись отъ Оки подъ старой Рязанью мимо Венева, Тулы, Одоева, Лихвина до рѣки Жиздры подъ Козельскомъ цѣпь засѣкъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ и рвы съ валами въ степныхъ. Вторая линія, построенная Грознымъ, шла отъ Алатыря на Сурѣ, чрезъ Темниковъ, Шацкъ, Ряжскъ, Данковъ, Новосиль, Орелъ, уклонялась къ югу на Новгородъ-Сѣверскъ и

здѣсь круто поворачивала къ юго-востоку на Рыльскъ и Путивль, всюду, гдѣ возможно, имѣя впереди засѣки, рвы, острожки. При царѣ Ѳеодорѣ возникла третья линія, довольно изломанная, упиравшаяся основаніемъ съ запада на верховья Оки, съ востока—на быструю Сосну и проникавшая въ глубь степей до устья Воронежа и верховьевъ Донца, гдѣ въ концѣ царствованія Ѳеодора Ивановича былъ выстроенъ Бѣлгородъ,

Видъ полубашни древняго каменнаго города въ Серпуховѣ.

выдвинувшійся далеко въ степь за линію другихъ украинскихъ городковъ. Впослѣдствіи этотъ городъ сдѣлался средоточіемъ всей сторожевой украинной службы; московскій Приказъ, завѣдывавшій обороной границы даже такъ и именовался Бѣлгородскимъ Приказомъ.

Опираясь на эту укрѣпленную линію городовъ, московское правительство стало пытаться пробивать себѣ дорогу и далѣе на югъ, попрежнему загораживая линіями крѣпостей и засѣкъ шляхи, дѣлая непроходимыми перелазы. Во второй

На стѣнѣ московскаго кремля.

половинѣ XVI вѣка появились укрѣпленія въ южной части нынѣшней Орловской губерніи; къ концу этого вѣка укрѣпленія достигаютъ уже нынѣшней Курской губерніи, тогда же возникаетъ Воронежъ; наконецъ, далеко на югъ, въ предѣлы нынѣшней Харьковской губерніи, выбирается Царевъ-Борисовъ. Этотъ городъ исчезъ въ Смутное время, но до насъ дошли любопытныя свѣдѣнія о его постройкѣ.

По повелѣнію царя Бориса большой отрядъ русскаго войска, снабженный въ достаточномъ количествѣ военными запасами, оружіемъ и орудіями для постройки, отправился далеко за укрѣпленную линію на югъ, къ сѣверскому Донцу, на устье рѣки Оскола, чтобы здѣсь поставить городъ по заранѣе сдѣланному чертежу.

Городъ не замедлилъ вырасти. Окружность стѣны его равнялась 378 саж., на стѣнѣ возвышалась, кромѣ трехъ проѣзжихъ башенъ, еще шесть глухихъ да 127 малыхъ башенокъ. Стѣны были срублены изъ сосны и были двойныя; высота ихъ достигала 4 саж. Около стѣнъ, въ 4 саж. отъ нихъ, шелъ земляной валъ высотою въ 2 сажени. Валъ этотъ былъ устроенъ такъ: поставлены были столбы, связанные одинъ съ другимъ бревнами и досками. Между ними была насыпана земля и покрыта плетнемъ, чтобы не осыпалась. Поверхъ плетня валъ былъ еще одѣтъ дерномъ. По валу тоже возвышались башни, а около него, отступая сажени на двѣ, тянулся ровъ въ 3 саж. глубины и 4 ширины. За валомъ находились слободы стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей. Въ семи верстахъ отъ города стояли надолбы, защищавшія подступы къ городскому выгону и полямъ. Гарнизонъ города достигалъ по тому времени очень почтенной цифры—3222 человѣкъ, при чемъ однихъ пушкарей было 60 человѣкъ. Постояннаго населенія эта крѣпость, выдвинувшаяся такъ далеко на югъ, конечно, не имѣла. Отряды воинскихъ людей постоянно смѣняли другъ друга на этомъ трудномъ сторожевомъ посту.

По мѣрѣ того, какъ отдѣльные вновь строившіеся города и укрѣпленія выдвигались въ степь, правительство старалось создавать около этихъ городовъ помѣстья служилыхъ людей, переселяя для этого на границу помѣщиковъ изъ срединныхъ уѣздовъ государства. Такъ, въ 1571 г. для защиты новыхъ крѣпостей—Венева и Епифани—правительство переселило въ уѣзды этихъ городовъ часть дѣтей боярскихъ изъ Каширы и Тулы. Здѣсь имъ даны были помѣстья „въ половину пашенныя земли и въ половину дикаго поля“.

По берегамъ рѣкъ, у колодцевъ, на опушкахъ лѣсовъ выбирали себѣ дѣти боярскія займища подъ пашню и покосъ: на займищахъ строили усадьбы, около усадебъ возникали дворы собиравшихся сюда крестьянъ, арендовавшихъ у помѣщиковъ землю. Понемногу возникали въ дикой еще такъ недавно степи села и деревни, получавшія названія отъ имени или фамиліи владѣльцевъ земли, по приходскому храму, по названію урочища.

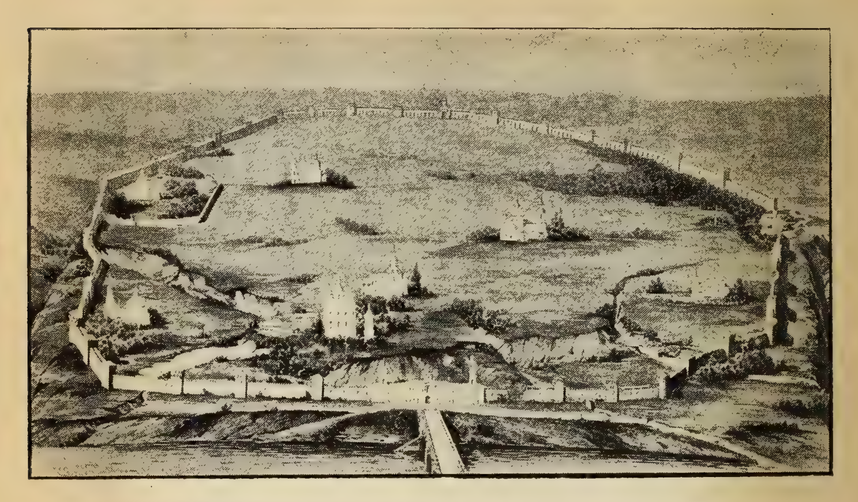
Фасадъ наугольной башни крѣпостной стѣны Троице-Сергіевскаго монастыря.

Такъ заселялась и разработывалась дикая степь, уступая мечу и сохѣ, все дальше и дальше на югъ отодвигавшимъ московскую границу.

Поселяясь въ сторонѣ, подверженной непрестаннымъ татарскимъ набѣгамъ, украинныя дѣти боярскія, какъ тогда назывались помѣщики пограничныхъ областей, жили въ постоянной тревогѣ. Обрабатывая свои земли, они должны были быть готовыми защищать ихъ во всякую минуту съ оружіемъ въ рукахъ, а чаще всего оставлять ихъ на расхищеніе татарамъ, а сами, при вѣсти о татарахъ, забирали поскорѣе женъ, дѣтей да что поцѣннѣе изъ домашняго скарба и торопились въ ближайшую крѣпость, въ какую-нибудь Каширу или Епифань, чтобы отстоять хоть ее отъ непріятеля.

Украинныя крѣпости съ военными поселеніами дѣтей боярскихъ были опорными точками въ борьбѣ Московскаго

государства съ татарами. Служилые люди, дѣти боярскія составляли гарнизоны этихъ крѣпостей, они же должны были нести и многотрудную, полную опасностей сторожевую службу.

Общій видъ каменной крѣпостной стѣны въ Смоленскѣ.

Кромѣ неподвижной стѣны крѣпостей и засѣкъ, степную границу Московскаго государства опоясывала еще и болѣе чуткая, легкая и подвижная людская цѣпь, такъ называемыя сторожи. То были постоянные, строго организованные разъѣзды ратныхъ людей, выѣзжавшіе изъ передовой линіи городовъ въ разныхъ направленіяхъ дня на четыре и болѣе пути отъ крайняго города. Разъѣзды эти устанавливали въ степи опредѣленные пункты, къ которымъ и съѣзжались въ опредѣленное же время. Эти пункты или *притоны*, по тогдашнему выраженію, отстояли на день, а чаще на полдня пути одинъ отъ другого и даже ближе. Разъѣзды были въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ и составляли нѣсколько неразрывныхъ линій, пересѣкавшихъ всѣ степныя дороги, по которымъ татары ходили на Русь. Далеко углубля-

ясь въ степь, сторожи эти зорко слѣдили за шляхами и, услѣдивъ *сакму,* т.-е. слѣдъ татаръ, быстро давали знать въ ближайшее укрѣпленіе о надвигающейся опасности.

Какъ только появится такой подозрительный слѣдъ, сейчасъ же вспыхиваютъ на притонахъ сторожей сигнальные огни, — яркимъ пламенемъ ночью, столбомъ чернаго дыма днемъ давая знать всѣмъ и всюду, что татары близко, что уже скачетъ къ городу вѣстникъ съ точными извѣстіями о величинѣ и силѣ приближающагося врага. Товарищи гонца не спѣшатъ за нимъ: они стараются не терять изъ виду татаръ, слѣдятъ, не измѣнятъ ли они направленія своего пути; стараются добыть языка, т.-е. плѣнника, чтобы отъ него выпытать побольше свѣдѣній о врагѣ.

Окончательное устройство такіе разъѣзды получили при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ подъ руководствомъ одного изъ знаменитѣйшихъ его воеводъ князя Михаила Ивановича Воротынскаго въ 1571 году. По уставу князя Воротынскаго было тщательно опредѣлено, „изъ котораго города къ которому урочищу разъѣздамъ податнѣе и прибыльнѣе ѣздить, и на которыхъ сторожахъ, и изъ которыхъ городовъ, и по скольку человѣкъ сторожей на которой сторожѣ ставить“.

Разъѣздамъ предписывалось ѣздить по такимъ мѣстамъ, которыя были бы „усторожливы, гдѣ бъ имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть“. Стоять сторожамъ на сторожахъ предписывалось, „съ коней не ссаживаясь, поперемѣнно и ѣздить по урочищамъ поперемѣнно же: направо и налѣво, по два человѣка“. Craновъ не дѣлать, когда нужно будетъ кому кашу сварить, то огня на одномъ мѣстѣ два раза не раскладывать; гдѣ обѣдали, тамъ не ночевать, въ лѣсахъ не останавливаться, а останавливаться въ такихъ мѣстахъ, откуда легко замѣтить непріятеля. Выслѣживать непріятеля сторожа должны были самымъ тщательнымъ образомъ и за всякое упущеніе отвѣчали спиной. Начальные люди отвѣчали за исправность оружія и коней своихъ подчиненныхъ.

Станицы сторожей выѣзжали въ поле въ строго опредѣленные сроки. Такъ, изъ Рыльска и Путивля первая станица выѣзжала 1-го апрѣля, вторая—15-го, третья — 1-го мая, четвертая — 15-го и т. д., восьмая станица выѣзжала 15-го іюля, за ней 1-го августа трогались снова первая, 15-го августа опять вторая и т. д. Послѣдній выѣздъ совершался 15-го ноября, а коли снѣгъ запаздывалъ, то ѣздили и позднѣе — пока зима не станетъ и не занесетъ непролазными снѣгами, не оградитъ вьюгами, метелями и морозами московскую границу.

Въ октябрѣ и ноябрѣ, по заморозкамъ, когда трава сильно подсохнетъ, выѣзжали изъ крайнихъ городовъ ратные люди съ особымъ порученіемъ: дождавшись вѣтреного и сухого дня, когда вѣтеръ былъ отъ государевыхъ и украинскихъ городовъ въ степную сторону, они зажигали степь; создавался огромный степной пожаръ, всесокрушающей огненной стѣной уходившій далеко въ степь и истреблявшій въ ней все живое — и притаившагося врага и замѣшкавшагося своего.

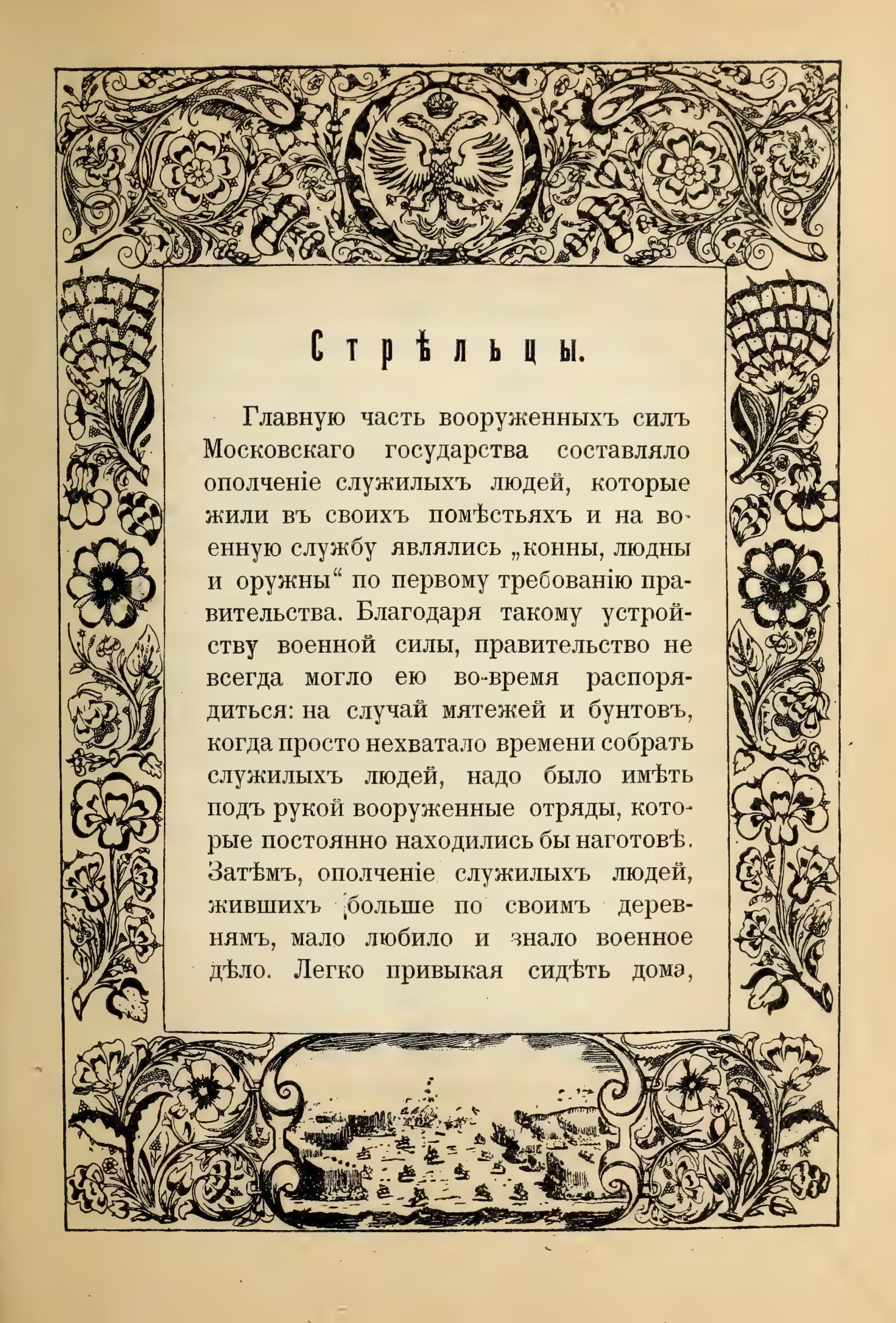
Тщательное устройство охранной службы не замедлило достичь своей цѣли: съ конца XVI вѣка совсѣмъ прекратились большіе набѣги татаръ, и огромная полоса пустынной до того земли стала доступной для мирнаго земледѣльческаго труда. Въ концѣ XVII в. набѣги татаръ превращаются въ простыя разбойничьи нападенія, съ которыми легко справляются жители степной окраины и своими средствами.

Только въ пѣсняхъ да сказаніяхъ осталась память о тѣхъ временахъ, когда „злые татаровья“ выжигали цѣлые города и селенія, громили самую Москву и уводили въ полонъ десятки тысячъ людей [1]).

---

[1]) Составлено по сочиненіямъ: *И. Бѣляевъ*, „О сторожевой, станичной и полевой службѣ“; *Д. Багалѣй*, „Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства“.

Заставка—съ рукописи XVI в.

Стрѣльцы.

Главную часть вооруженныхъ силъ Московскаго государства составляло ополченіе служилыхъ людей, которые жили въ своихъ помѣстьяхъ и на военную службу являлись „конны, людны и оружны" по первому требованію правительства. Благодаря такому устройству военной силы, правительство не всегда могло ею во-время распорядиться: на случай мятежей и бунтовъ, когда просто нехватало времени собрать служилыхъ людей, надо было имѣть подъ рукой вооруженные отряды, которые постоянно находились бы наготовѣ. Затѣмъ, ополченіе служилыхъ людей, жившихъ больше по своимъ деревнямъ, мало любило и знало военное дѣло. Легко привыкая сидѣть дома,

такіе воины говаривали: „Дай Богъ, великому государю послужить, только бы сабли изъ ноженъ не вынимать!“ Сидя дома, такое войско совсѣмъ не обучалось военному дѣлу, не знало правильнаго строя, не умѣло даже владѣть оружіемъ, какъ слѣдуетъ, и самое вооруженіе его было разнообразно и невысокаго качества. Ополченіе служилыхъ людей было затѣмъ войскомъ по преимуществу коннымъ, а пѣхотныя части его, составлявшіяся изъ приводимыхъ помѣщиками людей да изъ людей „даточныхъ и посошныхъ“, набиравшихся со слободъ и монастырей, представляли изъ себя еще болѣе нестройную и неповоротливую толпу, нежели конница служилыхъ людей, которые всё-таки хоть готовились служить воинами, а какой-нибудь даточный со своей рогатиной или ослопомъ-булавой въ рукахъ, одѣтый въ сермягу, въ „бумажную“ шапку и лапти, менѣе всего былъ похожъ на солдата.

Изъ такого временно собиравшагося войска нельзя было составить гарнизона для крѣпостей, нельзя было образовать опытную прислугу при артиллеріи, словомъ, безъ постояннаго войска, хоть нѣсколько привыкшаго къ военному дѣлу и обучавшагося, московскому правительству обойтись было невозможно. Все это и заставило, въ концѣ-концовъ, московскихъ государственныхъ людей позаботиться объ устройствѣ нѣкоторой постоянной военной силы.

Нужда въ пѣхотѣ, вооруженной „огненнымъ боемъ“, т.-е. ружьями, или, какъ тогда говорили, пищалями, давно уже заставила московское правительство предписывать при сборѣ даточныхъ съ городовъ, чтобы опредѣленное количество людей выступало съ „пищалями“. Такъ, например҄ъ, съ Новгорода и его области для казанскаго похода велѣно было „нарядити двѣ тысячи человѣкъ пищальниковъ, половина изъ которыхъ была бы пѣшихъ, а половина конныхъ“. Но кончался походъ, и пищальники возвращались обратно домой, клали свою пищаль въ камору, и она тамъ ржавѣла до новаго похода, а пищальникъ торговалъ, пахалъ землю и меньше

всего думалъ о своей пищали, меньше всего желалъ взять ее въ руки и итти въ походъ.

Безпрерывная война, длившаяся чуть не все время царствованія Грознаго, особенно настоятельно указала на недостатокъ въ русскомъ войскѣ обученной военному дѣлу пѣхоты. Царь Иванъ приказалъ тогда набирать въ городахъ и уѣздахъ вольныхъ „гулящихъ“ людей, которые жили, не платя податей, и потому не приносили государству никакой пользы. Изъ этихъ „гулящихъ“ и были сформированы отряды вооруженныхъ пищалями людей, которые поступали въ распоряженіе начальниковъ городовъ и должны были находиться всегда подъ ружьемъ. Эти новые постоянные отряды, въ отличіе отъ пищальниковъ, которые собирались лишь на время войны, стали именоваться стрѣльцами. При Грозномъ стрѣльцовъ насчитывалось до 12.000 человѣкъ, а къ концу царствованія Алексѣя Михаиловича ихъ было уже свыше 20.000.

Стрѣльцы раздѣлялись на стремянныхъ, московскихъ и городовыхъ, или украинныхъ. Стремянные стрѣльцы составляли особый полкъ въ 2.000 человѣкъ, постояннно находившійся при государѣ, при „стремени“ государя, какъ тогда говорили. Они сопровождали государя при всѣхъ его выѣздахъ и походахъ, являясь какъ бы его лейбъ-гвардіей, отборной стражей. Московскіе стрѣльцы отличались отъ городовыхъ только тѣмъ, что жили въ Москвѣ, устроены же были одинаково съ городовыми, но жизнь въ столицѣ давала имъ нѣкоторую отличку, какъ войску болѣе парадному; въ мирное время московскіе стрѣльцы несли караульную службу по Москвѣ, отбывали по наряду нѣкоторыя полицейскія обязанности, выстраивались шпалерами при разныхъ торжествахъ по пути государя, крестнаго хода или при проѣздѣ иностраннаго посла. Время отъ времени отдѣльные полки московскихъ стрѣльцовъ назначались на службу въ города.

Въ Москвѣ и по городамъ стрѣльцы жили особыми слободами. Когда въ какомъ-нибудь городѣ, куда назначался стрѣлецкій гарнизонъ, не оказывалось свободнаго мѣста въ посадѣ

для стрѣльцовъ, то приказывалось жителямъ выселяться, куда знаютъ, а на мѣсто ихъ дворовъ ставили дворы стрѣлецкіе. Кромѣ земли и дворовъ, стрѣльцы получали отъ казны

Стрѣльцы XVI в. и временъ Смуты.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

оружіе и жалованье деньгами и хлѣбомъ; на все это собиралась со всего государства особая подать, такъ называемыя, стрѣлецкія деньги.

Стрѣлецкое войско дѣлилось на приказы, которые со временъ царя Θеодора Алексѣевича стали именовать полками;

каждый полкъ, или приказъ, селился отдѣльной слободой и имѣлъ свою съѣзжую избу—штабъ полка, гдѣ производился судъ и расправа надъ провинившимися, вѣдалось хозяйство полка, хранились барабаны, трубы и знамена.

Во главѣ каждаго приказа стрѣльцовъ стоялъ стрѣлецкій голова, со временъ царя Θеодора Алексѣевича называвшійся полковникомъ; голова въ городахъ былъ подчиненъ мѣстному воеводѣ, а въ Москвѣ—прямо Стрѣлецкому приказу. Каждый полкъ дѣлился на сотни, съ сотенными командирами во главѣ; сотня раздѣлялась на пятидесятни, подъ начальствомъ пятидесятниковъ, и на десятки, надъ которыми начальствовали десятники. Приказы стрѣльцовъ сначала были разной величины—отъ 200 до 1.200 человѣкъ въ приказѣ, но въ XVII вѣкѣ установилось считать въ приказѣ 1.000 человѣкъ рядовыхъ стрѣльцовъ. Приказы, или впослѣдствіи полки, стрѣльцовъ именовались по своимъ полковникамъ—напримѣръ, „стрѣльцы Иванова полку Полтева“, или „стрѣльцы Васильева полку Бухвостова“.

Одѣты стрѣльцы были въ длинные, ниже колѣнъ, суконные кафтаны съ отложнымъ воротникомъ съ петлицами на груди и небольшимъ разрѣзомъ съ боку. Шапки у нихъ были сначала желѣзныя, круглыя (въ XVI в.), а потомъ суконныя, опушенныя мѣхомъ, со склонявшеюся на сторону мягкой верхней частью. Каждый полкъ былъ одѣтъ въ кафтаны и шапки только этому полку присвоеннаго цвѣта. Такъ, стремянные стрѣльцы носили кафтаны краснаго цвѣта съ бѣлыми петлицами и бѣлой кожаной перевязью черезъ плечо, называвшейся берендейкой. Берендейку носили, перекинувъ черезъ лѣвое плечо; на берендейкѣ висѣли „зарядцы съ кровельцами“ т.-е. патроны, выдолбленные изъ дерева, оклеенные темной кожей. Кромѣ зарядцевъ на берендейкѣ висѣли: „сумка фитильная, сумка пулечная и рогъ пороха или натруска“. Рога и натруски дѣлались изъ дерева, кости, перламутра, серебра и имѣли крышку съ пружиной. Стрѣльцы полка Василія Бухвостова (1674 г.) были одѣты въ кафтаны свѣтло-зеленые съ

петлицами и подбоемъ малиноваго цвѣта и въ желтые сапоги Стрѣльцы полка Өеодора Головлинскаго имѣли кафтаны клюквеннаго цвѣта съ петлицами черными и подбоемъ желтымъ, шапку темно-сѣрую, сапоги желтые. Стрѣльцы полка Тимоөея Полтева—кафтаны оранжевые, петлицы черныя, подбой зеленый, шапку вишневаго цвѣта, сапоги зеленые. Кромѣ берендейки и сабли, у каждаго стрѣльца была пищаль или мушкетъ, съ ложемъ краснаго цвѣта. Пищаль стрѣлецъ держалъ въ рукахъ, нося ее на правомъ плечѣ. На ремнѣ, за спиной, у него висѣлъ еще бердышъ—топоръ съ широкимъ лезвеемъ въ формѣ полумѣсяца съ вытянутыми концами. Когда стрѣльцы выстраивались для парада, то ружья держали правой рукой на правомъ плечѣ, а лѣвая придерживала бердышъ, обращенный остреемъ отъ фронта. Изготовившись къ стрѣльбѣ залпомъ, стрѣльцы всѣ вразъ ловкимъ ударомъ укрѣпляли передъ собой бердышъ въ землѣ, на закрѣпу топора клали дуло пищали и, цѣлясь, ждали команды офицеровъ. Безъ помощи бердыша или особой подставки „подсошка“, тяжелую стрѣлецкую пищаль было бы трудно удержать на прицѣлѣ; стрѣляла старинная пищаль маленькой пулькой, и бой ея былъ не изъ сильныхъ.

Чтобы зарядить тогдашнюю пищаль, требовался цѣлый рядъ дѣйствій, происходившихъ по командѣ офицера. Въ книгѣ „Ученье и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей“, нэпечатанной въ 1647 г., находимъ такой порядокъ заряжанія мушкета:

Ступи правой ногой напередъ.
Стой кротко.
Ступи лѣвой ногой.
Понеси мушкетъ къ правому боку.
Сними фитиль съ курка.
Положи фитиль на мѣсто.
Подыми мушкетъ ко рту.
Сдуй съ полки.
Возьми пороховой зарядецъ.
Опусти мушкетъ внизъ.

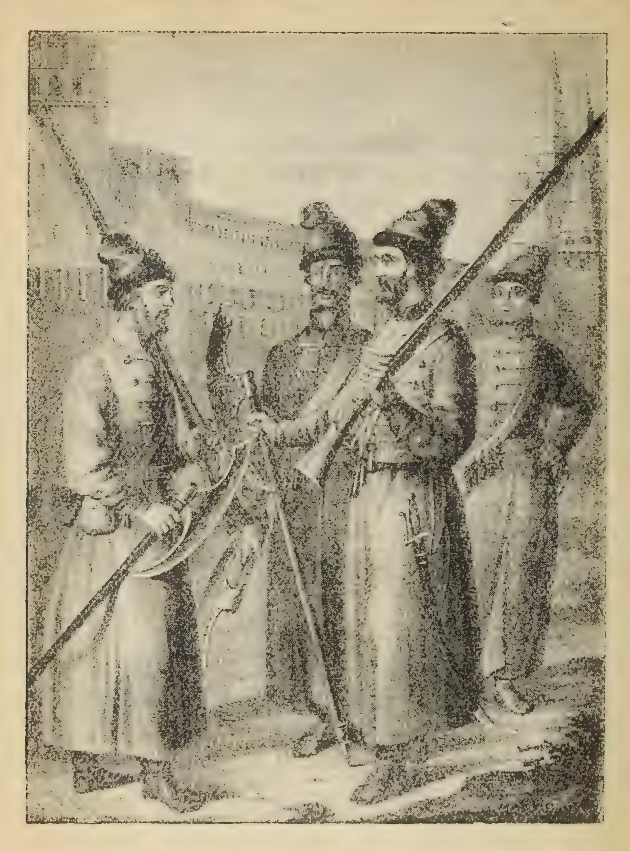
Посыпь порохъ на полку.
Поколоти немного о мушкетъ.
Закрой полку.
Стряхни.
Сдуй.
Поверни мушкетъ на лѣвую сторону.
Положи порохъ и пульку въ него и пыжъ на полку.
Добей забойникомъ пульку и пыжъ.
Воткни забойникъ на мѣсто.
Возьми мушкетъ правой рукой и подыми вверхъ.
Лѣвой рукой подсошекъ изготовь.
Положи мушкетъ на вилки.
Стань на прежнее мѣсто.
Поди, имѣючи подсошекъ въ рукѣ.

Время отъ времени происходили смотры стрѣльцамъ въ присутствіи государя. Объ одномъ такомъ смотрѣ разсказываетъ англичанинъ, бывшій въ Москвѣ при Грозномъ. Онъ разсказываетъ, что смотръ стрѣльбы происходилъ въ декабрѣ. Вмѣсто мишени для стрѣлковъ былъ устроенъ ледяной валъ въ 6 футовъ вышины, 90 саженъ длины и 2 ширины. Пятьсотъ человѣкъ стрѣльцовъ выстроились въ пять рядовъ, на разстояніи около 150 шаговъ отъ мишени. На стрѣльбище они пришли, держа пищали на лѣвомъ плечѣ, а фитили—въ правой рукѣ. Стрѣляли рядъ за рядомъ до тѣхъ поръ, пока валъ не былъ разбитъ. Царь, окруженный богатой свитой, стоялъ въ сторонѣ и любовался стрѣльбой.

Начальниками стрѣлецкихъ полковъ назначались всегда заслуженные хорошаго рода дворяне, въ сотники назначались люди менѣе родовитые и заслуженные. Простые рядовые стрѣльцы могли дослужиться только до пятидесятника или десятника и назначались на эти должности по выбору полковника изъ людей „добрыхъ и безупречныхъ“.

Офицеры стрѣлецкихъ полковъ носили то же платье, что и стрѣльцы, но вооружены были только саблями и, какъ знакъ достоинства, имѣли въ рукахъ палку. Первая сотня каждаго полка не имѣла мушкетовъ и была вооружена длин-

ными копьями, которыя считались лучшей защитой противъ натиска кавалеріи. При появленіи непріятельской конницы, первый рядъ копейщиковъ падалъ на колѣно и, уперши тупой

Стрѣльцы XVII в.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

конецъ копья въ землю, наклонялъ острее въ уровень груди скачущей конницы. Второй рядъ копейщиковъ устанавливалъ свои копья, стоя такъ, чтобы каждое копье этого ряда приходилось между двумя перваго ряда на той же длинѣ и уровнѣ, но нѣсколько выше.

Вѣдалось все стрѣлецкое войско въ особомъ Стрѣлецкомъ приказѣ, который собиралъ деньги на содержаніе стрѣльцовъ, велъ все хозяйство и дѣлалъ всѣ назначенія на офицерскія долж-

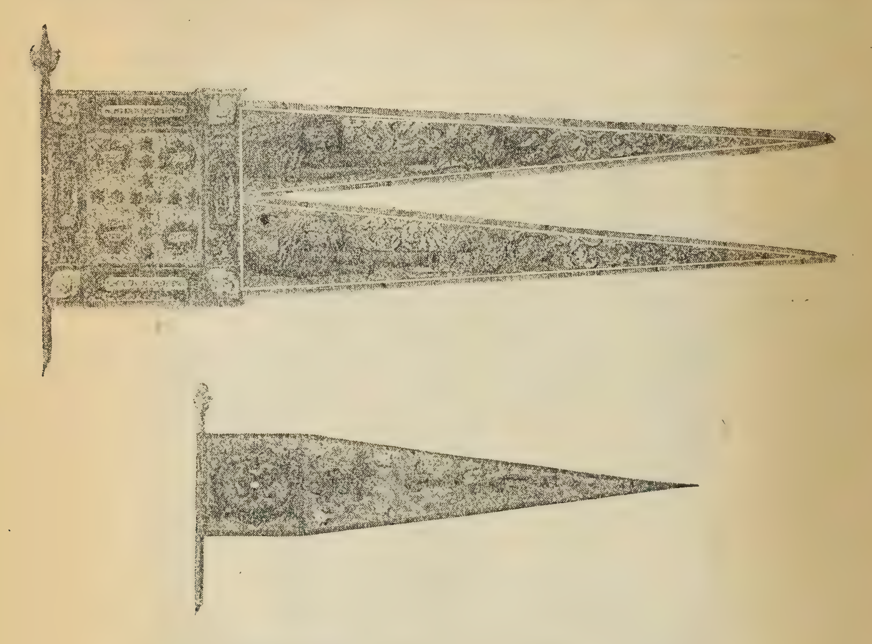

Начальные люди или офицеры стрѣлецкихъ полковъ.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

ности. Внутреннее хозяйство каждаго полка зависѣло вполнѣ отъ головы.

Назначенный стрѣлецкимъ головой дворянинъ являлся въ Москвѣ въ Стрѣлецкій приказъ и здѣсь получалъ письменный наказъ или „память“, утверждавшій его въ должности и пред-

писывавшій новоназначенному головѣ, что онъ можетъ и чего не можетъ дѣлать. Прибывъ къ своему полку, новый голова прежде всего требовалъ себѣ именные списки стрѣльцовъ. Прежній голова, или его замѣститель, сдавалъ новому всѣ дѣла—судные приговоры, поручныя записи по стрѣльцамъ, деньги, книги деньгамъ, военные запасы, оружіе, знамена, ба-

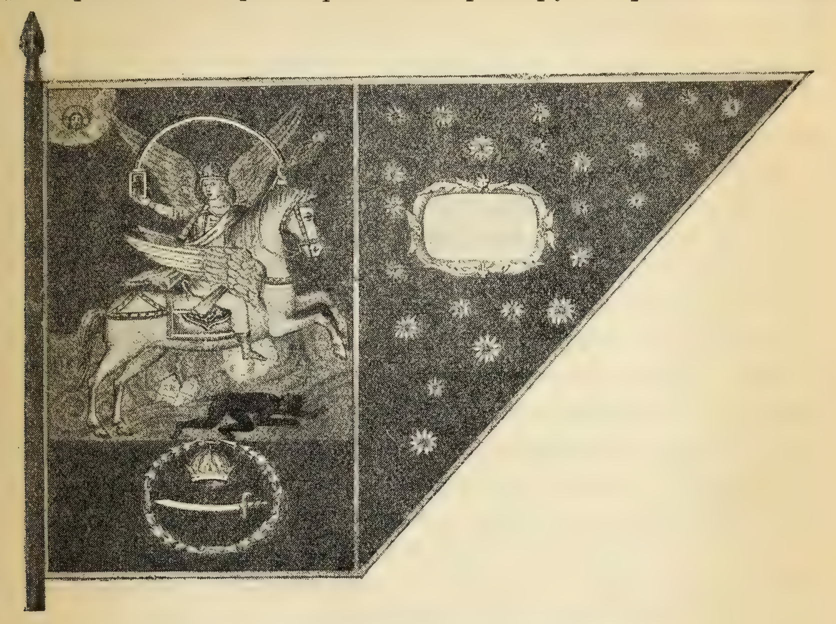
Сотенные значки или прапоры XVII столѣтія.

рабаны или трубы. Принявъ все полковое имущество, новый голова выдавалъ расписку старому. Закончивъ пріемку, новый голова производилъ смотръ своему полку. На площадкѣ передъ съѣзжей стрѣлецкой избой выстраивались стрѣльцы въ полномъ вооруженіи.

Новый голова, держа въ рукахъ поименный списокъ, вызывалъ сотниковъ и стрѣльцовъ, осматривалъ обмундировку и вооруженіе каждаго. Если при смотрѣ оказывался недочетъ

въ стрѣльцахъ, то на мѣсто умершихъ и выбывшихъ стрѣльцовъ голова долженъ былъ набрать новыхъ.

Охотниковъ служить въ стрѣльцахъ найти было всегда возможно, благодаря тѣмъ выгодамъ, которыя представляла человѣку эта служба. Охотники являлись къ головѣ, и онъ „смотрѣлъ“ ихъ; брать зря и безъ разбору не приходилось. Въ

Знамя астраханскихъ стрѣльцовъ (1693 года).

стрѣльцы годились только тѣ, кто „собою были добры, молоды и рѣзвы и изъ самопаловъ стрѣлять горазды“. Удостовѣрившись въ этихъ достоинствахъ охотника, голова долженъ былъ „впрямь довѣдаться“, кто такой охотникъ: не бѣглый ли онъ холопъ, не сбѣжавшій ли съ посада посадскій, не покинувшій ли свое тягло крестьянинъ. Принять такого— прямой убытокъ казнѣ: крестьянинъ и посадскій платятъ подати, а станетъ человѣкъ стрѣльцомъ—отъ всѣхъ податей ему свобода. Если у служащихъ стрѣльцовъ были дѣти,

братья, племянники, дальніе родственники, захребетники, т.-е. жившіе въ его домѣ, за его хребтомъ, и если кто изъ этой родни являлся къ головѣ и тоже просился на службу, то и тутъ голова принималъ на службу только „молодцовъ добрыхъ и прожиточныхъ“ если же эти охотники оказывались „молоды и непрожиточны“, то ихъ въ стрѣльцы сейчасъ же не писали, а оставляли ихъ житъ въ стрѣлецкой слободѣ „до тѣхъ мѣстъ, пока они подрастутъ, а „молодшіе съ животы посберутся“, а пока голова долженъ былъ за ними присматривать и никуда не отпускать.

Прибравъ новиковъ въ стрѣльцы, голова призывалъ къ себѣ старыхъ надежныхъ стрѣльцовъ и заставлялъ ихъ давать „крѣпкія поруки съ записьми“ на новиковъ, на тотъ случай, если, храни Богъ, новикъ убѣжитъ со службы и унесетъ съ собой царскую пищаль. Поручители отвѣчали за бѣглеца своимъ имуществомъ, должны были платить казнѣ за все, что бѣглецъ испортитъ или унесетъ съ собой; кромѣ того, „поручники“ обязывались искать бѣглеца „неоплошно“. Когда поручители оказывались не въ состояніи уплатить за вредъ, причиненный казнѣ бѣглымъ, то весь недоборъ взыскивался на самомъ головѣ—не бери худой поруки!

Раздавая жалованье, голова бралъ съ подчиненныхъ расписки, въ которыхъ тѣ ручались, что царскаго жалованья не пропьютъ и со службы не сбѣгутъ.

Голова наблюдалъ за всей жизнью стрѣльцовъ въ слободѣ, смотрѣлъ, чтобы они не пьянствовали, не играли въ азартныя игры, не уходили безъ отпуска изъ слободы. Что касается службы, то голова долженъ былъ часто производить смотры своей командѣ, упражнять стрѣльцовъ въ стрѣльбѣ изъ пищалей, смотрѣть, чтобы они на эту учебную стрѣльбу казеннаго пороха не тратили, а жгли бы свой, „на то и жалованье казна платитъ“, говорится въ одномъ наказѣ стрѣлецкому головѣ. Можно себѣ представить, какъ шло обученіе стрѣльбѣ при такой экономіи! Что касается обученія фронту, то оно не шло дальше нѣкоторыхъ основныхъ поворотовъ и построе-

ній при дѣйствіяхъ полкомъ. Стрѣльцы выучивались поворачиваться вразъ по командѣ, развертывать шеренги, ходить строемъ и на ходу дѣлать различныя построенія.

Время отъ времени на поле за слободой вывозили полковыя пушки, которыхъ полагалось по четыре на полкъ, и тогда шло артиллерійское ученіе. Иногда на поле выѣзжалъ цѣлый обозъ, нагруженный бревнами, балками и тесовыми щитами. Стрѣльцы опредѣленнымъ порядкомъ, по командѣ, подходили къ возамъ и разбирали ихъ. Еще команда—и уже стучали топоры, лопаты взметывали кучи земли, и черезъ нѣкоторое время вырастало деревянное укрѣпленіе—„гуляй-городъ", изъ котораго стрѣльцы открывали примѣрную стрѣльбу. Тесовые щиты ставились иногда на колеса или на полозья, и отрядъ стрѣльцовъ подвигался впередъ на воображаемаго непріятеля, двигая щиты передъ собой. Отдѣльныя части „гуляй-города" были заранѣе пригнаны одна къ другой, и потому устройство этого подвижного укрѣпленія происходило довольно быстро. Нельзя только сказать, чтобы нахожденіе такого громоздкаго сооруженія при полкахъ способствовало ихъ подвижности.

Вотъ почти вся несложная стрѣлецкая наука. Голова долженъ былъ наряжать караулы и строго слѣдить, чтобы караульную службу стрѣльцы несли по очереди. Сотники, пятидесятники и десятники помогали во всѣхъ этихъ хлопотахъ головѣ; они должны были „пересматривати стрѣльцовъ ежедень съ утра и вечера"; голова повѣрялъ эти осмотры, и если случалось, что при такой повѣркѣ какого-нибудь стрѣльца не оказывалось налицо, а его пятидесятникъ и десятникъ того не знали или хотѣли скрыть, то голова могъ посадить этихъ младшихъ начальниковъ на время въ тюрьму. Провинившихся простыхъ стрѣльцовъ голова могъ наказывать батогами и кнутомъ. Вообще голова былъ первымъ судьей для стрѣльцовъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ „разбойныхъ и татенныхъ и большихъ исковъ".

Кромѣ гарнизонной, караульной и полевой службы, стрѣльцы должны были быть всегда готовыми на разныя ка-

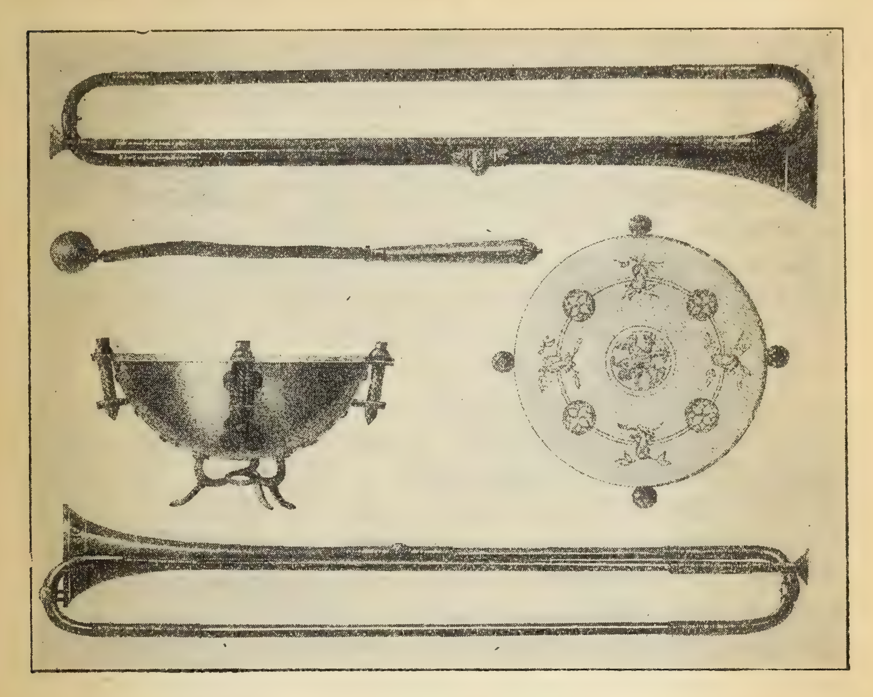
зенныя посылки. Понадобится послать лазутчика въ степь высмотрѣть татаръ, надо конвоировать арестанта, словить разбойниковъ, проводить отправляемую въ Москву казну, сопровождать посольство,—на все на это требовались стрѣльцы; даже когда являлась нужда построить барки для казенной надобности, то и тогда наряжали стрѣльцовъ.

Стрѣльцы состояли на службѣ пожизненно, до глубокой старости, пока силъ хватало; и только когда у стрѣльца отъ дряхлости пищаль изъ рукъ валится, болятъ неизлѣчимо раны, одолѣла нищета, можно было хлопотать объ отставкѣ, да и то надобно было очень и очень бить челомъ, чтобы отставили. До насъ дошло одно рѣшеніе царя Алексѣя на такую просьбу:

„Билъ челомъ великому государю астраханскаго приказу стрѣлецъ Ивашко Никоновъ,—читаемъ въ этомъ рѣшеніи,— и сказалъ: служилъ-де онъ великому государю лѣтъ съ семьдесятъ, и на многихъ бояхъ былъ, и раненъ, и нынче-де онъ старъ и увѣченъ, и службы служить не можетъ, и намъ бы великому государю пожаловать его Ивашку, велѣть его въ Астрахани, въ Спасской монастырь постричь безо вкладу". Царь исполнилъ просьбу, велѣлъ постричь стрѣльца въ монахи безъ того, чтобы монастырь потребовалъ съ него обычный въ такихъ случаяхъ вкладъ. Такъ какъ служба въ то время могла начинаться съ 15 лѣтъ, то стрѣльцу Ивану Никонову было, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ 80, когда онъ вышелъ въ отставку.

За свою службу стрѣльцы получали жалованье деньгами, хлѣбомъ и землею. Каждый стрѣлецъ получалъ отъ казны дворъ съ усадебной землей въ слободѣ и, кромѣ того, могъ пользоваться лугами и пахотной землей, отведенной для стрѣльцовъ возлѣ ихъ слободы. Пашней и лугами стрѣльцы пользовались сообща, дѣлили эту землю, какъ крестьяне, по дворамъ и душамъ. Во второй половинѣ XVI вѣка казна платила каждому стрѣльцу по полтинѣ; въ XVII вѣкѣ этотъ окладъ былъ сначала увеличенъ, а потомъ правительство рѣ-

шило вовсе упразднить денежное жалованье и платить стрѣльцамъ только землей, находя, что „выдача ежегодъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья составляетъ большую потерю казнѣ“. На одежду стрѣльцы получали сукна отъ казны. Кромѣ жалованья, стрѣльцы пользовались еще разными большими льго-

Тулумбасъ съ вощагою (бубномъ) и трубы.

тами и преимуществами въ торговлѣ, которой они могли заниматься, имѣли льготы при платежѣ судебныхъ пошлинъ и т. п.

Торговать безпошлинно стрѣльцы могли своимъ рукодѣльемъ въ-разносъ или въ палаткахъ на площади своей слободы. Почти всѣ стрѣльцы были ремесленники: сапожники, портные, оружейники, шорники и т. п., и эти занятія при ихъ безпошлинности доставляли имъ немалый заработокъ.

Если же стрѣльцы заводили большую торговлю, открывали лавку и сидѣли въ ней, то должны были платить всѣ пошлины наравнѣ съ торговыми людьми.

Нельзя сказать, чтобы стрѣлецкая слобода всегда была желаннымъ сосѣдомъ города. Не говоря уже о томъ, что стрѣльцы, пользуясь безпошлинностью своей торговли, подрывали торговлю горожанъ, они, располагая большей обезпеченностью, имѣли много свободнаго времени, часто буйствовали, затѣвали драки съ горожанами; есть извѣстія, въ которыхъ говорится, что стрѣлецкая молодежь была не прочь пограбить и поживиться добромъ горожанъ. Виновны въ этомъ были не столько сами стрѣльцы, сколько ихъ начальники. На свою должность стрѣлецкія головы смотрѣли, въ большинствѣ случаевъ, какъ на хорошую возможность покормиться. Поэтому случаи, когда головы, удерживая стрѣлецкое жалованье и хлѣбъ, принуждали стрѣльцовъ работать на себя, были довольно часты и заставляли стрѣльцовъ искать возмѣщенія такими же нечестными путями, какими ихъ лишали принадлежавшаго имъ жалованья.

„На нашихъ земляхъ,—жаловались стрѣльцы въ 1682 г.,—на наши сборныя деньги полковники выстроили себѣ загородные дома; посылаютъ нашихъ женъ и дѣтей въ свои деревни пруды копать, плотины и мельницы дѣлать, сѣно косить, дрова сѣчь; насъ самихъ употребляютъ во всякія свои работы, даже самыя черныя, принуждаютъ съ ругательствомъ, побоями, батожьемъ, взявъ въ руки батога по два, по три; заставляютъ насъ на собственный нашъ счетъ покупать цвѣтные кафтаны съ золотыми нашивками, бархатныя шапки и желтые сапоги, а изъ государскаго жалованья вычитаютъ многія деньги и хлѣбные запасы". Вмѣстѣ съ челобитными, поданными правительству отъ всѣхъ полковъ, были тогда представлены счета недоплаченнаго жалованья и заработанныхъ денегъ. Стрѣльцы требовали немедленнаго удовлетворенія своихъ жалобъ, выдачи имъ полковниковъ для немедленной расправы, угрожая въ противномъ случаѣ полковниковъ пе-

ребить, а дома ихъ пограбить. „Доберемся и до другихъ измѣнниковъ, которые обманываютъ государя!“ кричали стрѣльцы.

Правительство растерялось. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ только что отошелъ „отъ сего свѣта“. Царемъ, по настоянію патріарха, былъ провозглашенъ малолѣтній царевичъ Петръ, мимо старшаго, тоже несовершеннолѣтняго, болѣзненнаго брата Ивана. Воцареніе Петра, сына второй жены царя Алексѣя, было тяжело для дѣтей первой его жены, особенно для властной и умной царевны Софіи. Разсказываютъ, что вѣсть о стрѣлецкомъ движеніи была для царевны Софіи такъ же радостна, какъ для Ноя масличная вѣтвь, принесенная голубемъ въ ковчегъ. Сообщники царевны пошли по стрѣлецкимъ слободамъ и стали говорить зажигательныя рѣчи: „Вы сами видите, — говорили они стрѣльцамъ, — въ какомъ вы у бояръ тяжкомъ ярмѣ; теперь бояре выбрали Богъ знаетъ какого царя; увидите теперь, что не только денегъ, а и корму не дадутъ; работы тяжкія будете работать, какъ прежде работали, и дѣти ваши вѣчными невольниками у нихъ будутъ!“ Всѣ такія рѣчи падали на благодарную почву. Волненіе охватило всѣ полки, кромѣ Сухарева. Стрѣльцы ежедневно собирали сходки, становились въ ружье безъ полковничьяго приказа, били въ набатъ, ходили толпами по городу, напивались, шумѣли и кричали: „Не хотимъ, чтобы нами управляли Нарышкины и Матвѣевъ (родня царя Петра по матери); мы имъ всѣмъ шею свернемъ!“

Утромъ 15 мая 1682 г. по стрѣлецкимъ слободамъ промчались посланные отъ царевны съ крикомъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана, что стрѣльцы должны итти въ Кремль. Зазвонили въ набатъ колокольни стрѣлецкихъ церквей, загрохотали барабаны, быстро собрались полки и со знаменами и полковыми пушками пошли на Кремль. Запереть кремлевскія ворота не успѣли, и стрѣльцы вломились на царскій дворъ. Напрасно имъ показывали царя Петра и царевича Ивана, напрасно царевичъ Иванъ Алексѣевичъ говорилъ,

что никто его не изводилъ. Стрѣльцы требовали, чтобы имъ выдали царскихъ лиходѣевъ, и показывали списокъ нужныхъ имъ лицъ. Въ спискѣ стояли все люди, принадлежавшіе къ партіи царя Петра. Уставивъ передъ собой копья, стрѣльцы вломились въ самый дворецъ и всюду разыскивали „измѣнниковъ". Захваченныхъ выводили на высокое крыльцо царскаго дворца и съ криками: „любо! любо!" сбрасывали ихъ на копья и бердыши скопившихся внизу на площади товарищей.

Кончилось это побоище тѣмъ, что стрѣльцы заставили признать правительницей царства царевну Софію и потребовали, чтобы и царевичъ Иванъ былъ признанъ царемъ и чтобы цари Иванъ и Петръ царствовали одновременно. Стрѣльцамъ дано было почетное названіе: „надворной пѣхоты". Каждый день имъ выкатывали на царскомъ дворѣ бочки вина, пива и меду, роздали имъ усиленное жалованье и, наконецъ, по просьбѣ ихъ, дали имъ въ слободы жалованныя грамоты съ красными печатями, гдѣ было прописано, чтобы стрѣльцовъ никто называть бунтовщиками и измѣнниками не смѣлъ, что 15 мая они ратовали за домъ Пречистыя Богородицы и за великихъ государей, а бояръ побили „за великія ихъ неправды и похвальныя рѣчи". Мало того, на Красной площади былъ воздвигнутъ каменный „столбъ" въ честь дѣяній надворной пѣхоты, и на столбѣ всѣ эти подвиги были прописаны, какъ вѣрныя службы.

Какъ извѣстно, въ дальнѣйшей борьбѣ царевны Софіи съ царемъ Петромъ стрѣльцы приняли сторону Софіи, и царю Петру не разъ приходилось испытывать великую досаду. Когда царь Петръ уѣхалъ за границу, стрѣльцы возмутились снова, но были разбиты солдатами царя Петра, перехватаны и отданы подъ судъ. Послѣ жестокихъ пытокъ, главари ихъ были казнены, а оставшіеся въ живыхъ разосланы по городамъ; когда же состоялось учрежденіе постоянной арміи, ихъ поверстали въ солдаты.

Такъ закончило свое существованіе стрѣлецкое войско.

Въ рядахъ московской арміи оно занимало почетное мѣсто. Болѣе привычные къ военному дѣлу и болѣе обучен-

ные ему, стрѣльцы тверже стояли на полѣ битвы, нежели ополченія служилыхъ людей; они смѣлѣе и болѣе умѣло шли на приступы, мужественнѣе отбивались при осадѣ. Стрѣль-

Нѣмецкихъ полковъ Московской службы мушкетеръ.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

цамъ былъ обязанъ своей побѣдой при Добрыничахъ надъ самозванцемъ царь Борисъ, они взяли въ плѣнъ, при царѣ Михаилѣ, Заруцкаго и Марину, благодаря ихъ дѣятельности былъ взятъ царемъ Алексѣемъ Смоленскъ, они одержали не одну побѣду надъ поляками, прославились обороною Пскова

при царѣ Иванѣ Грозномъ и обороною Чигирина при царѣ Ѳеодорѣ. При помощи исключительно стрѣльцовъ были разбиты и разсѣяны полчища Разина подъ Симбирскомъ, а два полка московскихъ стрѣльцовъ, бывшіе въ Астрахани, когда этотъ городъ былъ осажденъ Разинымъ, предпочли лучше погибнуть, чѣмъ пристать къ Разину, и были перебиты казаками.

Но стрѣльцы все-таки были мало похожи на настоящихъ солдатъ, какихъ требовало то тревожное время и безпрестанныя войны съ Польшей и Швеціей. Уже правительство царя Михаила сочло нужнымъ заводить настоящіе солдатскіе полки и выписывало для этого офицеровъ изъ-за границы. Нужны были солдаты, которые, кромѣ военнаго дѣла, ничего бы не знали, не были бы связаны ни съ какимъ постороннимъ дѣломъ и все свое время отдавали бы изученію „хитрости ратнаго дѣла"; стрѣльцы по самому устройству своему не были преданы только военному дѣлу; данныя имъ права безпошлинной торговли, освобожденіе отъ другихъ податей, пахота и огородничество слишкомъ отвлекали ихъ силы; пустившись въ промыслы, пріобрѣтая иногда значительныя богатства, они привыкли думать только о корысти и своихъ торгово-промышленныхъ выгодахъ. Это, въ свою очередь, заставляло ихъ тяготиться службой, хожденіе на караулы считать тягостью; нечего и говорить, что о войнѣ многіе изъ нихъ думали, какъ о большой напасти, которую надо избыть хоть тѣмъ, что убѣжать изъ полка. Такое войско, особенно послѣ того, какъ оно приняло участіе въ бунтахъ и мятежахъ, не могло быть пригодно царю Петру Алексѣевичу при его преобразовательной дѣятельности, и онъ уничтожилъ его.

Составлено по слѣдующимъ сочиненіямъ: *И. Бѣляевъ,* „О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича". *Г. Котошихинъ,* „О Россіи". *Н. Шпаковскій,* „Стрѣльцы". *Brix,* „Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen".

Заставка — съ напечатанной въ 1647 г. въ Москвѣ книги „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей".

Крестьяне въ Московскомъ государствѣ.

Въ Московскомъ государствѣ обрабатывавшее землю населеніе дѣлилось на два большихъ разряда: на крестьянъ черносошныхъ, которые жили на „черныхъ“ или государственныхъ земляхъ, и на крестьянъ, которые жили на земляхъ, принадлежавшихъ, какъ вотчины или помѣстья, служилымъ людямъ. Черносошное крестьянство жило по преимуществу на сѣверѣ страны, сосредоточиваясь въ бывшихъ владѣніяхъ Великаго Новгорода. Въ серединѣ страны и на ея южной границѣ земледѣльцамъ приходилось селиться уже на земляхъ, которыя правительство отдавало служилымъ людямъ.

Самое слово крестьянинъ однозначуще со словомъ христіанинъ. Называть земледѣльцевъ крестьянами стали приблизительно съ XIV вѣка, быть-можетъ, въ отличіе отъ язычни-

ковъ дикарей-звѣролововъ финновъ, въ странѣ которыхъ стало жить съ XII вѣка христіанское населеніе, перебиравшееся сюда съ безпокойнаго юга и начавшее здѣсь заниматься земледѣліемъ.

Въ южной Руси земледѣльцевъ звали просто „люди“ или „черные люди“, „смерды“, „земяны“.

Въ Московскомъ государствѣ крестьяниномъ называли человѣка только тогда, если онъ занимался обработкой земли. Бросалъ человѣкъ тѣхъ временъ землю, переставалъ и называться крестьяниномъ. Тогда онъ становился вольнымъ, гулящимъ человѣкомъ, какъ тогда называли людей, не пристроившихся ни къ какому опредѣленному дѣлу.

Земля, на которой жили черносошные крестьяне, считалась государственной, „за государемъ“, но крестьяне могли распоряжаться ею во всей своей волѣ.

„Земля великаго государя, — говорили они, — а нашего владѣнія“.

Крестьяне черныхъ волостей передавали свои участки земли по наслѣдству, вкладывали ихъ въ монастырь, закладывали, продавали, а выборные или приказные судьи утверждали эти сдѣлки, считавшіяся, слѣдовательно, вполнѣ законными.

Черносошные крестьяне жили отдѣльными семьями на своихъ участкахъ земли. Семьи эти достигали иногда очень большихъ размѣровъ и составляли цѣлыя деревни, которыя или обрабатывали общее имущество сообща или дѣлились. При этихъ дѣлежахъ часто уговаривались, что̀ въ имуществѣ считать попрежнему общимъ и что̀ подѣлить. Движимое имущество дѣлили обыкновенно начисто, оставляя въ общемъ пользованіи пашню—„деревню“,—лодки, долговыя обязательства, заключенныя до дѣлежки. Условія раздѣла писались въ особой грамотѣ, въ которую иногда включалось условіе „жить вмѣстѣ и пити и ѣсти вмѣстѣ“. Грамоты, въ которыхъ записывались условія совмѣстной жизни, назывались „складными грамотами“, а сами, заключившіе условія—складниками.

Бывало и такъ, что складники владѣли каждый своей долей пахотной земли, а прочими угодьями — лугами, рыбными ловлями и т. п. всѣ складники вмѣстѣ, не въ раздѣлѣ.

Московское правительство мало вмѣшивалось въ права черныхъ людей на землю, которую они обрабатывали, но зорко слѣдило за однимъ, чтобы черная земля впустѣ не оставалась и платила въ государственную казну всѣ причитающіеся съ нея сборы. Для этого правительство старалось стѣснить черносошнаго крестьянина въ его правѣ бросить землю и уйти. Это дозволялось черносошному только тогда, если онъ на свое мѣсто ставилъ новаго земледѣльца. Черные люди признаются со стороны правительства владѣльцами черной земли лишь постольку, поскольку оказываются исправными плательщиками казенныхъ податей. Въ Устюжскомъ уѣздѣ случилось, что крестьяне - „вотчичи", владѣвшіе раньше участками земли, бросили ихъ „отъ бѣдности" и стали „шататься межъ дворъ"; пока они „шатались", начальство отдало ихъ земли „инымъ крестьянамъ"; вернувшись на прежнія мѣста, старинные „вотчичи" стали просить, чтобы имъ отдали прежнія ихъ деревни, которыя числятся за ними „по старымъ писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ", или взыскать стоимость земли съ тѣхъ, которые теперь пашутъ ихъ деревни, но правительство отказало „вотчичамъ" въ искѣ на томъ основаніи, что, пока они „бѣгали по инымъ городамъ, не хотя платить податей", новые владѣльцы „пустыя деревни строили и подати платили". Строго слѣдило правительство и за тѣмъ, чтобы земли черныхъ крестьянъ не попадали въ руки владѣльцевъ, которыхъ законъ избавилъ отъ платежа податей.

Такимъ образомъ черные крестьяне были собственниками своихъ земель лишь постольку, поскольку это не нарушало видовъ правительства, и простого распоряженія великаго государя было достаточно, чтобы отдать ту или иную черную землю въ помѣстье или пожаловать въ вотчину служилому человѣку.

Тогда черносошный крестьянинъ изъ работника на себя и плательщика казенныхъ сборовъ становился работникомъ и на служилаго человѣка, не переставая быть плательщикомъ казенныхъ сборовъ.

Въ такомъ положенiи въ XVI вѣкѣ, по мѣрѣ того, какъ московское правительство, устраивая оборону страны, раздавало все больше и больше земель служилымъ людямъ, очутилось большинство земледѣльческаго населенiя страны.

Какъ и въ наше время, крестьяне жили тогда въ деревняхъ. Поселенiя тогдашнихъ крестьянъ имѣли слѣдующiй видъ: вокругъ небольшой деревянной церковки-обыденки *) размѣщалось безпорядочно пять, шесть крестьянскихъ дворовъ, рѣдко больше. То было „сельцо". Церковь ставилась обыкновенно на пригоркѣ. Съ невысокой колокольни можно было увидѣть въ нѣкоторомъ отдаленiи отъ сельца „деревни", совсѣмъ не похожiя на то, что мы теперь называемъ этимъ именемъ. Тогда деревней называли два, три двора (а то и одинъ — починокъ), возникшiе среди лѣса, деревьевъ, отсюда и самое названiе—деревня.

Около каждаго двора разстилалось свое пахотное поле, всегда огороженное ради защиты посѣвовъ отъ дикихъ звѣрей. За оградой тянулся лѣсъ, или шла нетронутая цѣлина. Пахотная земля дѣлилась на три поля: озимое, яровое и паръ. Часто около заселеннаго починка можно было видѣть заброшенную пашню, подлѣ нея развалившуюся избушку, иногда не одну и не двѣ. Брошенныя пашни и покинутыя избы, строившiяся, кстати сказать, очень легко, тянулись иной разъ на довольно большое разстоянiе. Зато путнику случалось вдругъ среди дремучаго лѣса набрести на расчищенные участки земли и проѣхать одну за другой нѣсколько деревень въ два, три двора, встрѣтить даже сельцо.

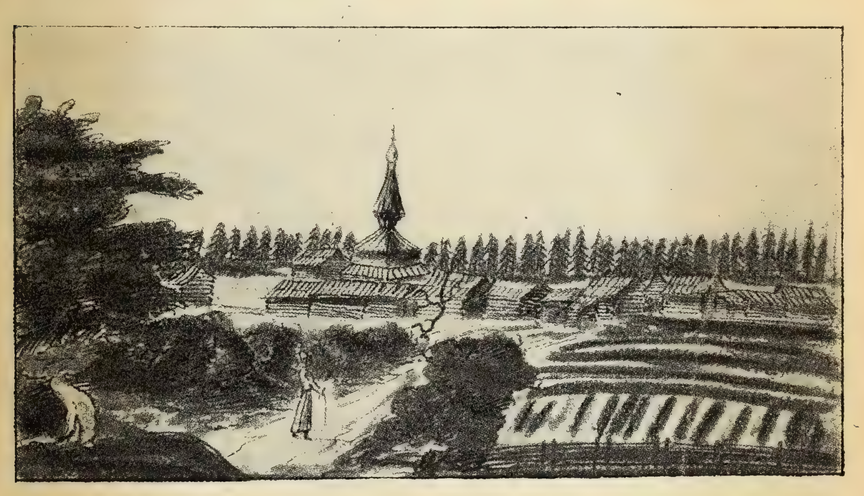
Такой непривычный для глаза современнаго человѣка видъ тогдашней деревни зависѣлъ отъ того, что свободный

---

*) Т.-е. построенной въ одинъ день.

арендаторъ чужой земли, крестьянинъ, былъ воленъ оставить ее и перейти въ другое мѣсто, къ другому землевладѣльцу, конечно, разсчитавшись съ первымъ. Точно такъ же и землевладѣлецъ могъ согнать со своей земли крестьянина, покончивъ съ нимъ всѣ расчеты по арендѣ.

Въ поискахъ лучшей земли и болѣе легкой обработки, крестьяне переходили отъ одного землевладѣльца къ другому. Поэтому и встрѣчались въ деревняхъ заколоченныя избы, заброшенныя поля.

Видъ русской деревни XVII в.
(Изъ альбома Мейерберга).

Каждый крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ особо и селился на томъ участкѣ земли, какой по уговору заарендовывалъ, иногда одинъ, а иногда съ дѣтьми, племянниками и братьями. Случалось, что и не родственники, сговорившись, снимали вмѣстѣ одинъ участокъ земли.

Обыкновенно крестьянинъ снималъ столько земли, сколько былъ въ силахъ обработать, занималъ земли, „куда топоръ, коса и соха ходили“, т.-е. насколько силъ хватитъ, отчего и самое пользованіе землей долгое время называлось „посильемъ“.

Земля измѣрялась тогда „обжами“ на сѣверѣ Россіи и „вытями“ въ мѣстахъ около Москвы. Размѣръ выти и обжи зависѣлъ отъ качества почвы. Выть доброй земли заключала въ себѣ до 18 десятинъ въ трехъ поляхъ, выть худой— до 24 десятинъ и даже болѣе.

Нѣкоторые крестьяне брали цѣлую выть, другіе половину, третьи четверть, даже одну шестую и восьмую части.

Снимая у землевладѣльца посильную долю выти или обжи, крестьянинъ въ особомъ письменномъ условіи — „порядной грамотѣ“ — уговаривался съ землевладѣльцемъ, сколько онъ ему долженъ платить за пользованіе землей. „Новоприходецъ“ почти всегда долженъ былъ представить нѣсколькихъ поручителей, которые ручались, что онъ будетъ жить за ихъ порукой въ селѣ „во крестьянѣхъ“, пашню пахать и дворъ строить, поля городить, пашни и луга расчищать, жить тихо и смирно, корчмы не держать и никакимъ воровствомъ не воровать. Въ случаѣ неисполненія обязательствъ, крестьянинъ, или его поручители, платили „заставу“ — неустойку.

Земля въ то время, особенно въ нашемъ климатѣ, при тогдашнихъ очень грубыхъ и неумѣлыхъ способахъ обработки, доставляла много затрудненій земледѣльцу. Дикую, поросшую иногда вѣковымъ лѣсомъ землю приходилось расчищать и воздѣлывать, передъ тѣмъ какъ засѣять, съ большимъ трудомъ.

Для обработки земледѣлецъ нуждался въ рабочемъ скотѣ и орудіяхъ, для засѣва нужны были сѣмена, да сверхъ того приходилось имѣть подъ рукой хлѣбъ для прокорма, пока земля не принесетъ своего плода. Кромѣ того, надо было заплатить подати.

Для уплаты податей, какъ и на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ, на прокормъ до новаго урожая нужны были средства. А откуда ихъ было взять тогдашнему крестьянину при его бродячемъ образѣ жизни?

Новоселъ-арендаторъ шелъ тогда къ помѣщику и просилъ дать ему взаймы въ „ссуду“ или на „подмогу“ денегъ

на покупку земледѣльческихъ орудій, коровы, лошади, просилъ дать сѣмянъ, одолжить самыя орудія и т. п.

Помѣщикъ охотно исполнялъ такія просьбы, но бралъ съ крестьянина особую запись, въ родѣ векселя, или по-тогдашнему „кабалу". Въ кабальной записи прописывалось: сколько бралъ крестьянинъ взаймы, устанавливался срокъ

Одежды крестьянскихъ женщинъ и дѣвицъ въ Россіи XVII в.
(По рисунку въ „Путешествіи" Олеарія).

уплаты, проценты. Въ счетъ уплаты за аренду за взятыя взаймы деньги, сѣмена, орудія, лошадь крестьянинъ долженъ былъ работать на помѣщика, обрабатывать хозяйскую землю. Это называлось „издѣлье", или „боярское дѣло".

Уйти отъ хозяина крестьянинъ могъ, только разсчитавшись съ нимъ, т.-е. уплативъ ссуду — „боярское серебро", выплативъ аренду да еще внеся такъ называемое „пожилое", сборъ, взимавшійся съ крестьянъ, какъ бы за пользо-

ваніе хозяйскимъ дворомъ и избой. Въ концѣ-концовъ получалась довольно крупная сумма, собрать и выплатить которую для крестьянина было очень трудно.

Обыкновенно переходы крестьянъ совершались по окончаніи сельскихъ работъ или передъ началомъ. Чаще по окончаніи, а именно около Юрьева дня осенняго (26 ноября).

Этотъ срокъ установился самъ собой, вытекалъ изъ самаго свойства земледѣльческаго труда: землевладѣльцу было не выгодно согнать крестьянина съ земли передъ жатвой и до окончанія молотьбы, крестьянину точно такъ же не представлялось никакихъ выгодъ бросать свой участокъ, не сжавъ посѣяннаго хлѣба.

Благодаря такой необходимости, и установился обычай отходить крестьянамъ осенью, по окончаніи сельскихъ работъ.

Но установленный обычаемъ срокъ былъ недостаточно твердъ. Несмотря на обычай, недовольный всегда могъ разсчитаться съ хозяиномъ среди лѣта и уйти. Отъ такихъ случаевъ терпѣлъ убытки хозяинъ, терпѣлъ и крестьянинъ. Тогда, по закону, былъ установленъ одинъ срокъ для перехода крестьянъ, именно: обычный Юрьевъ день. „А крестьянамъ отказываться, — гласилъ законъ,—изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году — за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго“.

Какъ только наступало 26 ноября, Юрьевъ день, все крестьянство Московскаго государства приходило въ движеніе. Кто могъ и хотѣлъ, тотъ разсчитывался со своимъ хозяиномъ, собиралъ свой скарбъ, какой былъ, привязывалъ къ возу за рога корову, коли она была, и со всей семьей отправлялся на новыя мѣста, къ новому землевладѣльцу, о которомъ приходилось слышать хорошіе отзывы.

Хозяева, обыкновенно, очень неохотно отпускали со своей земли желавшихъ уйти крестьянъ и, разсчитываясь съ ними, старались насчитывать на нихъ какъ можно больше; ухо-

дившіе же крестьяне всячески стремились показать, что ихъ долгъ гораздо меньше, нежели говоритъ хозяинъ.

Отсюда возникали споры и ссоры, доходившіе до драки, до суда.

Чѣмъ дольше заживался крестьянинъ на землѣ какого-либо одного помѣщика, тѣмъ тяжелѣе становилось ему раз-

Московскіе крестьяне XVII в.
(По рисунку въ „Путешествіи“ Олеарія).

считаться съ нимъ, а, слѣдовательно, и уйти. Долгъ все росъ и становился, наконецъ, неоплатнымъ. Къ концу XVI вѣка громадное большинство русскаго крестьянства очутилось въ такомъ положеніи—потеряло вслѣдствіе задолженности возможность уйти отъ одного землевладѣльца къ другому и крѣпко осѣло на той землѣ, къ которой привязывалъ его долгъ землевладѣлцу.

Имѣя право уйти отъ хозяина, когда хочетъ, крестьянинъ тѣхъ временъ часто не можетъ сдѣлать этого, потому что не

въ состоянiи разсчитаться съ помѣщикомъ. Такiе случаи были, конечно, не рѣдки.

Но жить крѣпко на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, за однимъ и тѣмъ же хозяиномъ крестьянамъ было тяжело, во-первыхъ, вслѣдствiе того, что плохая обработка земли способствовала частымъ неурожаямъ, во-вторыхъ, благодаря постояннымъ войнамъ, которыя вело въ то время Московское государство, сильно увеличивались податныя тягости; наконецъ, сами заимодавцы — хозяева земли — подчасъ круто обходились со своими должниками- крестьянами.

Иностранцы, посѣщавшiе въ то время Россiю, единогласно говорятъ, что крестьянамъ Московскаго государства жить трудно, такъ какъ ихъ имущество „не защищено отъ посягательствъ сильныхъ“, т.-е. кредиторовъ-землевладѣльцевъ и сборщиковъ казенныхъ платежей.

Помѣщики и ихъ приказчики и старосты, собирая съ крестьянъ повинности, дѣлали это съ большой суровостью. Неисправныхъ плательщиковъ морили голодомъ и „нещадно“ били, отбирали за оброкъ то скотъ, то улья, то хмель. Но случалось, что съ обѣднѣвшаго крестьянина и взять было нечего—нѣтъ ни коровы, ни лошади, ни другой животины, а вмѣсто хлѣба въ закромахъ на дворѣ стоитъ возъ лебеды. „Мы на тѣхъ бѣдныхъ деньги правили, — писалъ одинъ тогдашнiй приказчикъ своему хозяину, — а они кричатъ: взять негдѣ“. Приходилось давать отсрочки такимъ бѣднякамъ, давать имъ снова взаймы и тѣмъ еще больше привязывать ихъ къ землѣ и лишать возможности уйти къ другому помѣщику.

Тогда задолжавшiе неоплатно помѣщикамъ крестьяне, не будучи въ состоянiи разсчитаться и уйти отъ хозяевъ, начинаютъ бѣгать безъ расплаты.

Московское государство сводило въ то время счеты съ давнишними притѣснителями Руси — татарами. Завоевало Казань и Астрахань и довольно удачно отбивалось отъ крымцевъ. Паденiе татарскихъ царствъ по Волгѣ, и постройка

цѣлой оборонительной линіи городковъ-крѣпостей по южной степной границѣ открыли и обезопасили для заселенія пустовавшія до того богатыя земли заокскаго и нижневолжскаго чернозема. Крестьяне и бѣжали туда.

Рабочихъ рукъ становилось поэтому въ наиболѣе населенной около-московской части государства все меньше; добывать рабочую силу землевладѣльцамъ дѣлалось все труднѣе и это не потому только, что много крестьянъ разбѣжалось, но вслѣдствіе того, что большинство тогдашняго крестьянства сидѣло крѣпко на мѣстѣ, привязанное задолженностью землевладѣльцамъ. При такихъ обстоятельствахъ случалось, что у одного хозяина скоплялось задолжавшихъ ему крестьянъ больше, чѣмъ для его хозяйства требовалось, другому же нехватало. Тогда, по нуждѣ, крестьянскій переходъ превратили въ обычай своза крестьянъ.

Обыкновенно владѣльцу, на землѣ котораго сидѣло много задолжавшихъ ему крестьянъ, другой хозяинъ, нуждавшійся въ рабочихъ, предлагалъ уступить ему часть за выплату ихъ долга. Случалось и такъ, что нуждавшіеся въ крестьянахъ хозяева и просто подговаривали задолжавшихъ другому владѣльцу крестьянъ бросить ихъ хозяина и перейти къ нимъ, при чемъ брались уплатить ихъ долгъ. Богатые землевладѣльцы держали даже особыхъ отказчиковъ—людей, которые только тѣмъ и занимались, что ѣздили изъ села въ село и подговаривали крестьянъ переходить на земли тѣхъ, кому отказчики служили. Если тотъ хозяинъ, у котораго „отказывали“ такимъ путемъ крестьянъ, самъ нуждался въ работникахъ, то дѣло доходило до драки и смертнаго убійства.

Какъ только приближалось дѣло къ Юрьеву дню, и по селамъ покажутся бывало отказчики, переодѣтые странниками, купцами, прасолами, такъ и начинались у помѣщиковъ усиленныя заботы по охранѣ своихъ крестьянъ, какъ бы не сбѣгли. Помѣщикъ вооружалъ своихъ холопей, днемъ и ночью ходилъ дозоромъ, присматривался и прислушивался—не видать ли отказчика, не собирается ли кто изъ крестьянъ уйти,

Дорожить такъ крестьянами заставляло помѣщика то, что безъ нихъ его земля могла остаться безъ обработки, самъ онъ, слѣдовательно, безъ хлѣба и безъ средствъ нести государеву службу.

Особенно страдали отъ крестьянскихъ побѣговъ и уходовъ мелкіе служилые люди, на земляхъ которыхъ крестьянамъ жилось тяжелѣе, потому что мелкій помѣщикъ ни помочь въ большихъ размѣрахъ крестьянину деньгами и хлѣбомъ ни заступиться за него передъ судомъ или чиновниками не могъ такъ успѣшно, какъ какой-нибудь большой, родовитый бояринъ или богатый монастырь.

Мелкіе и средніе помѣщики потому давно стали осаждать правительство просьбами о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи переходовъ.

Правительство тѣмъ охотнѣе выслушивало эти жалобы, что отъ крестьянскихъ побѣговъ и переходовъ оно само терпѣло убытки.

Подати въ то время собирались съ обрабатываемой земли. Платить, значитъ, приходилось только тому крестьянину, который обрабатывалъ землю.

Чтобы получать подати во-время и вѣрно, правительство собирало ихъ не съ каждаго крестьянина отдѣльно, а со всей деревни разомъ, сколько приходилось со всей распаханной земли. Крестьяне каждой деревни сами уже должны были распредѣлить между собой, кому сколько слѣдуетъ уплачивать, чтобы составилось столько, сколько требовала казна. Для разверстки указанной суммы крестьянамъ приходилось сходиться и сговариваться, а для завѣдыванія самымъ сборомъ выбирать особыхъ старостъ.

При такомъ способѣ сбора податей для крестьянъ было очень невыгодно, когда кто-либо изъ ихъ однодеревенцевъ переходилъ къ другому землевладѣльцу, на другую деревню. Вѣдь тогда въ деревнѣ становилось однимъ плательщикомъ менѣе, долю подати, платившуюся ушедшимъ, приходилось, раскладывать на оставшихся, потому что государству, казнѣ

не было дѣла до отдѣльныхъ уходовъ. Каждому изъ оставшихся въ деревнѣ становилось поэтому тяжелѣе.

Русская одежда простыхъ людей въ XVI—XVII столѣтіи. Азямъ, сермяга и шапка.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

Понятно, что крестьяне всячески старались удерживать односельчанъ, желавшихъ уйти. Коли не дѣйствовали уговоры, пускали въ ходъ силу, требовали, чтобы уходившій, по крайней мѣрѣ, замѣстилъ себя другимъ крестьяниномъ.

Правительство со своей стороны охотно помогало крестьянамъ удерживать желавшихъ уходить. Для казны являлось очень неудобнымъ, что крестьяне не сидятъ крѣпко на разъ опредѣленныхъ мѣстахъ, такъ какъ вслѣдствіе этого происходили большія затрудненія въ сборѣ податей. Поэтому-то, ради казенныхъ выгодъ, еще въ первой половинѣ XVI вѣка было запрещено крестьянамъ, жившимъ на „черныхъ", т.-е. на государевыхъ земляхъ, переходить на земли какихъ-либо другихъ владѣльцевъ.

Желая полегчить себѣ хоть тѣмъ, чтобы не платить казенныхъ податей, крестьяне стали продаваться въ холопство помѣщикамъ, т.-е. въ рабство. Холопы, рабы, считались собственностью своихъ господъ, ихъ вещью, и податей не платили.

Такъ какъ запись въ холопство отнимала у государства плательщиковъ, то въ 1550 г. было запрещено по закону крестьянамъ продаваться въ холопы.

Къ концу XVI вѣка, когда вслѣдствіе войнъ царя Ивана чрезвычайно возросъ податной гнетъ, а съ другой стороны, кромѣ заокскихъ земель и Поволжья, открылись для заселенія сибирскія страны, чрезвычайно усилились побѣги крестьянъ.

Заселеніе степей крестьянами было выгодно правительству — обрабатывалась и укрѣплялась, благодаря этому, за Россіей огромная полоса земли. Но жалобы служилыхъ людей, лишавшихся рабочихъ рукъ, большія пространства заброшенныхъ пашенъ въ серединѣ государства — все это заставило правительство посмотрѣть на дѣло и съ другой стороны. И вотъ правительство царя Ѳеодора Ивановича и Бориса Годунова издаетъ рядъ указовъ, касающихся крестьянскихъ побѣговъ.

Первый такой указъ относится къ 1597 г. Въ немъ говорится, что „которые крестьяне изъ-за бояръ, изъ-за дворянъ и изъ-за другихъ владѣльцевъ изъ помѣстій и вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго 1597 г. за 5 лѣтъ, тѣ подлежатъ возвращенію на старыя земли; тѣ же, которые бѣжали болѣе чѣмъ

за 5 лѣтъ до указа, возвращенію не подлежатъ, и зависимость ихъ отъ прежнихъ владѣльцевъ уничтожается“.

Въ 1601 г. царь Борисъ издаетъ указъ, въ силу котораго свозить другъ у друга крестьянъ позволяется только мелкимъ землевладѣльцамъ и притомъ не болѣе двухъ за одинъ разъ; землевладѣльцы же крупные совсѣмъ лишаются права отказывать крестьянъ.

Въ 1602 году указъ этотъ былъ повторенъ, при чемъ отказывать крестьянъ позволялось только съ согласія самихъ отказываемыхъ.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ и получалось, что крестьянинъ конца XVI вѣка и въ началѣ XVII вѣка по закону все еще продолжаетъ считаться свободнымъ арендаторомъ чужой земли, но на дѣлѣ, задолжавъ своему хозяину, онъ прикрѣпляется по тогдашнему обычаю къ своему кредитору, т.-е. становится на положеніе холопа.

Государство, которому это грозило потерей большого количества плательщиковъ, стремится оградить крестьянъ отъ холопства. Но, заботясь о казенныхъ выгодахъ и о содержаніи военной силы, правительство должно было ограничить по закону право крестьянскаго перехода и почти уничтожить отказы. Тѣмъ самымъ крестьяне крѣпче привязываются къ землѣ, т.-е. другими словами, къ уплатѣ податей и къ содержанію служилыхъ людей.

Въ дѣйствительной жизни получалось: какъ бы ни задолжалъ крестьянинъ землевладѣльцу, послѣдній никоимъ образомъ не смѣетъ оторвать его отъ земли, взять къ себѣ во дворъ для личной услуги, словомъ, не можетъ распорядиться имъ какъ холопомъ. Но по своей задолженности, стѣсненный по закону въ своемъ правѣ перехода, крестьянинъ конца XVI в. стоитъ на холопьемъ положеніи: онъ слишкомъ во многомъ зависитъ отъ помѣщика, чтобы тотъ не могъ злоупотреблять своею властью.

Въ XVII вѣкѣ условія, способствовавшія закрѣпощенію крестьянства, продолжали существовать, и крестьянская крѣ-

пость все росла и росла. Первыя 13 лѣтъ XVII в. ознаменованы въ нашей исторіи событіями, которыя мы привыкли называть Смутнымъ временемъ, а тогдашніе русскіе люди называли „Великою розрухою Московскаго государства". Еще войны царя Ивана сильно разстроили государство требованіями усиленной службы отъ служилыхъ людей и усиленныхъ платежей съ тяглыхъ, т.-е. главнымъ образомъ съ крестьянства. Во время Смуты эти требованія усилились.

Побуждаемые необходимостью, служилые люди всячески старались удержать крестьянъ на своихъ земляхъ, закабаляя ихъ себѣ и тѣмъ превращая ихъ изъ вольныхъ арендаторовъ земли въ подневольныхъ слугъ себѣ. Въ порядныхъ грамотахъ и кабалахъ начинаютъ съ этого времени чаще встрѣчаться условія, по которымъ крестьянинъ, забирая взаймы у землевладѣльца, напередъ отказывается отъ права уплатить долгъ.

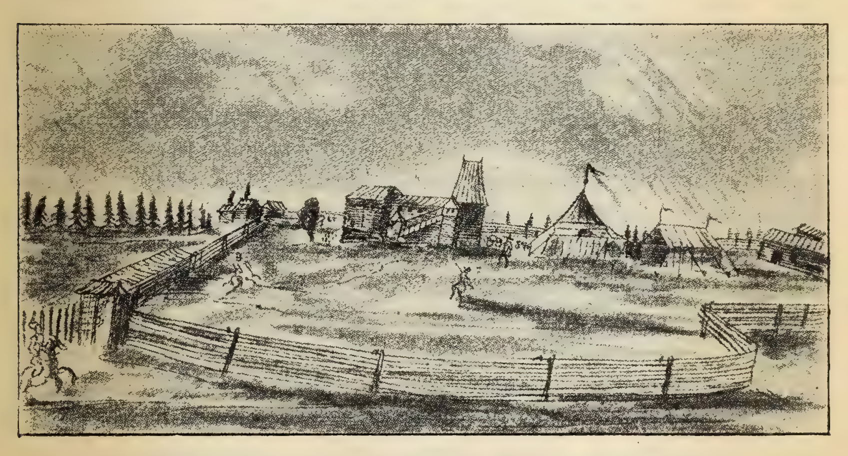
Когда Смута кончилась, послѣдствія ея долго еще давали знать о себѣ. Государство было разорено. Города обезлюдѣли, цѣлыя деревни стояли пустыми съ избами, въ которыхъ находили только человѣческія кости. Земля обезлюдѣла во всѣхъ краяхъ и на сѣверѣ и на югѣ, гдѣ собственно началась и свирѣпствовала Смута.

Отъ служилыхъ людей за все время Смуты и долго послѣ нея требовалась усиленная служба. Справлять службу служилый человѣкъ могъ лишь тогда, если на его землѣ жило достаточно крестьянъ, иначе откуда же онъ, занятый всю жизнь на службѣ, могъ достать средства на вооруженіе и на прокормъ во время похода? Теперь эти средства приходилось выжимать съ обнищавшаго крестьянства, искавшаго въ бѣгствѣ спасенія отъ усилившейся тяготы.

Но такъ какъ искать бѣглыхъ дозволялось по закону всего 5 лѣтъ, срокъ очень небольшой, то служилые люди стали просить правительство объ отмѣнѣ сроковъ для сыска бѣглыхъ.

Такъ какъ въ данномъ случаѣ желанія служилыхъ людей сходились съ выгодами правительства, то оно охотно шло на-

встрѣчу ихъ желаніямъ. Еще указомъ 1607 г., при царѣ Василіи Шуйскомъ, велѣно было не только хватать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ прежнимъ хозяевамъ, но и взыскивать съ нихъ штрафъ за побѣгъ и пеню въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ хозяиномъ. Этотъ указъ имѣлъ большое значеніе для дальнѣйшей судьбы владѣльческихъ крестьянъ. До изданія его бѣгство крестьянъ не считалось преступленіемъ: — бѣглыхъ только хватали и возвращали къ прежнимъ хозяевамъ, теперь за бѣгство наказываютъ.

Боярская усадьба XVII в.
По рисунку въ атласѣ Мейерберга. Въ шатрахъ на дворѣ помѣщалось посольство.

При царѣ Михаилѣ срокъ для сыска бѣглыхъ удвоили, назначили въ 10 лѣтъ. Но, по мнѣнію мелкихъ землевладѣльцевъ, и этого было слишкомъ мало. Ссылаясь на то, что крупному владѣтелю очень легко, сманивъ крестьянина у мелкаго служилаго человѣка, скрывать его въ своихъ дальнихъ вотчинахъ 10 лѣтъ, а потомъ владѣть его трудомъ по закону, они продолжали усиленно ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ срока для сыска. Въ 1647 г. правительство увеличиваетъ этотъ срокъ еще на 5 лѣтъ, а на будущее время, для крестьянъ, которые побѣгутъ или будутъ вывезены послѣ

1647 г., срокъ сыска отмѣнялся совсѣмъ: ихъ позволялось искать и требовать по суду назадъ всегда, безъ срока.

Въ 1649 г. при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ Земскій Соборъ утвердилъ общее собраніе законовъ—„Уложеніе“. Оно и дало крестьянству XVII вѣка окончательное устройство, прикрѣпивъ крестьянъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ, безповоротно къ землѣ рѣшительнымъ запрещеніемъ переходовъ и своза ихъ.

По Уложенію крестьяне прикрѣпляются къ тѣмъ участкамъ, на которыхъ они были записаны въ писцовыхъ книгахъ 1625 г., т.-е. въ поуѣздныхъ описяхъ земли и населенія, составленныхъ при царѣ Михаилѣ. Прикрѣпленіе касалось не однихъ только домохозяевъ, но и распространялось на ихъ семейства, на живущихъ при отцѣ дѣтей, братьевъ и племянниковъ. Подтверждалось, что срока для сыска бѣглыхъ нѣтъ, свозъ также отмѣнялся. Принявшій бѣглаго или свезшій крестьянина у другого владѣльца, обязывался выдать его обратно и уплатить по 10 руб. за каждый годъ незаконнаго владѣнія трудомъ бѣглаго крестьянина. Такое рѣшительное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ отмѣчается въ Уложеніи, какъ новая, еще небывалая мѣра. „По нынѣшній государевъ указъ,—читаемъ въ 11-ой гл. Уложенія, ст. 3, —государевой заповѣди не было, чтобы никому за себя крестьянъ не принимати, а указаны были крестьянамъ урочные годы“.

Уже къ концу XVI в. Юрьевъ день лишился почти всякаго значенія въ жизни; въ XVII в., по Уложенію царя Алексѣя, право перехода крестьянъ было совсѣмъ отмѣнено и по закону. Но память о Юрьевѣ днѣ долго жила еще въ крестьянствѣ, дожила и до нашихъ дней въ полной горькой ироніи пословицѣ: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“.

Помимо порядныхъ, которыя продолжали заключаться и послѣ 1649 г., Уложеніе установило новый способъ для поступленія въ крестьяне „вольныхъ людей“ Желавшій сдѣлаться крестьяниномъ, долженъ былъ итти въ Помѣстный приказъ; здѣсь его разспрашивали, дѣйствительно ли онъ вольный,

потомъ записывали въ крестьяне и „отдавали“ въ крестьянство служилому человѣку въ вѣчную крѣпость. Бѣгство крестьянъ, по Уложенію, строго карается; рядъ наказаній опредѣленъ и для тѣхъ, кто укрываетъ бѣглыхъ. Но Уложеніе старается все-таки отличать крестьянъ отъ холоповъ; оно вообще запрещаетъ крестьянамъ давать на себя служилыя кабалы; въ дѣлахъ гражданскихъ крестьянинъ имѣетъ право иска и является отвѣтчикомъ; Уложеніе устанавливаетъ плату за безчестье и увѣчье крестьянина, крестьянинъ можетъ даже вступать въ торговыя сдѣлки съ землевладѣльцемъ.

Но Уложеніе нигдѣ не говоритъ, въ чемъ заключается суть отношеній крестьянъ и землевладѣльцевъ; оно слишкомъ мало обезпечивало личность крестьянина, не устанавливало наказанія господину за неумышленное убійство крестьянина или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее смерть; Уложеніе совсѣмъ не опредѣляло, сколько землевладѣлецъ долженъ дать земли крестьянину и какія повинности, въ какихъ размѣрахъ можетъ онъ съ крестьянина требовать; Уложеніе дозволило далѣе, въ случаѣ задолженности землевладѣльца, когда ему „откупиться нечѣмъ, править съ него искъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ, на людяхъ его и на крестьянахъ“.

Не давая яснаго и точнаго опредѣленія правъ и обязанностей землевладѣльцевъ и крестьянъ, Уложеніе предоставляло создать эти обычаи житейской практикѣ. Не сдерживая и не направляя жизнь, законъ тѣмъ самымъ допускалъ злоупотребленія, которыя, разъ сложившись и повторяясь, принимали значеніе обычая, и тогда съ ними трудно становилось бороться.

Можно отмѣтить цѣлый рядъ такихъ злоупотребленій, ставшихъ обычными. Такъ, нигдѣ въ Уложеніи не найдемъ статьи, которая говорила бы, что помѣщики могутъ подвергать крестьянъ тѣлеснымъ наказаніямъ, на дѣлѣ же кнутомъ и палкой ведется все тогдашнее хозяйство. По смыслу Уложенія крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ: это значитъ,

его нельзя было оторвать отъ пашни, но въ силу неточности закона вошла въ обиходъ мысль, что это можно дѣлать.

Землевладѣльцы XVII вѣка считаютъ крестьянъ своими „подданными“, устраиваютъ браки между ними, какъ сами хотятъ, заставляютъ ихъ насильно ходить въ церковь, даже мѣняются крестьянами, не спрашивая ихъ, хотятъ они того или нѣтъ.

Еще въ 70-хъ годахъ XVII вѣка встрѣчаемъ указанія на продажу крестьянъ, и это указаніе связано съ именемъ одного изъ передовыхъ людей своего времени, знаменитаго боярина Артемона Матвѣева. Въ 1676 году по указу царя Ѳеодора Алексѣевича, „по челобитью Артемона Матвѣева, по сдѣлочнымъ записямъ крестьяне за нимъ, Артемономъ, въ Помѣстномъ приказѣ записаны и съ того числа за иными по сдѣлочнымъ записямъ и по купчимъ крестьяне записованы“. Съ 13 октября 1675 года купчія на крестьянъ стали записывать не въ Помѣстномъ, а въ Холопьемъ приказѣ. Законъ, слѣдовательно, явно приравнялъ свободныхъ лично крестьянъ, обязанныхъ только жить на помѣщичьей землѣ, къ холопамъ, т.-е. къ рабамъ. Въ одномъ указѣ 1690 года правительство забыло о личной свободѣ крестьянъ уже совершенно; тамъ читаемъ: „всякій помѣщикъ и вотчинникъ въ помѣстьяхъ своихъ и въ вотчинахъ во крестьянѣхъ поступаться и сдать и промѣнять ихъ воленъ“.

Такъ какъ при всемъ этомъ землевладѣлецъ былъ еще и судьей крестьянъ, жившихъ на его землѣ, судилъ ихъ во всѣхъ дѣлахъ, „кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ“, то произволъ его по отношенію къ крестьянамъ былъ особенно тяжелъ. На дворахъ землевладѣльцевъ второй половины XVII вѣка стоятъ тюрьмы, въ большомъ употребленіи кандалы, колодки, битье кнутомъ, батогами, пытка часто по самымъ незначительнымъ поводамъ. Въ 1650 г. бобыль деревни Мурашкиной Миронка, хвативъ лишняго въ государевомъ кабакѣ, сказалъ: „скаредныя и бранныя“ слова про боярина Морозова, которому деревня Мурашкина принадлежала. Приказчикъ вкинулъ Миронку въ

тюрьму и написалъ боярину; бобыль, протрезвившись въ тюрьмѣ, послалъ боярину челобитную, въ которой винился передъ бояриномъ и просилъ его смиловаться. Бояринъ не смиловался и приказалъ приказчику разспросить Миронку накрѣпко и пытать его, не по наущенью ли чьему говорилъ онъ такія слова? а затѣмъ „бить Миронка кнутомъ безъ пощады" и держать въ тюрьмѣ, „а какъ кожа подживетъ,—писалъ бояринъ,— вынявъ, велѣть въ другой рядъ бить его кнутомъ же безъ пощады" и потомъ снова кинуть въ тюрьму, „чтобы ему плуту, вору впредь воровать и незабытныхъ словъ говорить было неповадно". Миронка съ пытки винился, что говорилъ тѣ „невѣжливыя слова своею глупостью, хмелемъ пьянски", но распоряженіе боярина было выполнено надъ нимъ со всей строгостью.

Такимъ образомъ въ дѣйствительной жизни положеніе прикрѣпленнаго по закону къ землѣ, но свободнаго лично крестьянина XVII в. является полнымъ рѣшительныхъ противорѣчій.

Для государственной и общественной жизни такая двусмысленность въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ представляла множество неудобствъ. Настоятельной необходимостью являлось избѣгнуть ея тѣмъ или инымъ способомъ, т.-е. или совсѣмъ устранить зависимость крестьянина отъ владѣльца земли или же провести ее еще дальше, опредѣлить вполнѣ такъ, чтобы не оставалось уже никакихъ сомнѣній.

Крестьянство XVII вѣка пробовало сдѣлать первое, и притомъ двумя путями: крестьяне или бѣжали попрежнему отъ владѣльцевъ и съ земли или бунтовали. Никогда въ Московскомъ государствѣ не бывало такого обилія бунтовъ и крупныхъ возмущеній, какъ именно въ XVII вѣкѣ. Бунтъ Стеньки Разина могъ вырасти до тѣхъ размѣровъ, до какихъ онъ выросъ, только лишь на почвѣ всеобщаго народнаго недовольства прикрѣпленіемъ къ помѣщикамъ.

Къ концу XVII в. положеніе холоповъ и крестьянъ стало совершенно одинаковымъ.

Какъ и холопы, крестьяне этого времени должны безпрекословно исполнять волю господина, съ земли котораго законъ запрещаетъ имъ уходить. Кромѣ всего этого, въ руки помѣщика отданъ сборъ податей, и по многимъ дѣламъ онъ поставленъ судьей надъ живущими на его землѣ крестьянами. При такихъ обстоятельствахъ вся разница между холопомъ и крестьяниномъ сводится лишь къ тому, что крестьянинъ платитъ подати, а холопъ нѣтъ. Постепенно исчезаетъ и это различіе.

Древне-русскіе землевладѣльцы, постоянно нуждавшіеся въ рабочей силѣ для обработки своихъ имѣній и обладавшіе сравнительно многочисленными холопами, издавна завели обычай сажать своихъ холоповъ за обработку земли. Такіе холопы-землевладѣльцы пахали на господина, обрабатывали его дворовую землю и потому назывались „дворовыми“, или „дѣловыми“ людьми. Къ концу XVII в. пашенное холопство особенно разрослось. Войны временъ царя Алексѣя Михаиловича повели за собой страшное обѣднѣніе народа, еще не успѣвшаго оправиться отъ тяжкихъ послѣдствій Смутнаго времени. Люди продавались въ неволю только бы не умереть съ голоду. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московскаго государства $^1/_3$ всего земледѣльческаго населенія составляли пашенные холопы.

Но замѣна крестьянскаго труда холопьимъ приносила съ собой одну большую невыгоду для государства: съ холоповъ не бралось никакихъ податей. Увеличеніе пашеннаго холопства за счетъ крестьянской работы грозило уменьшеніемъ доходовъ казны. Тогда, по переписи 1678-1679 г., холоповъ занесли въ писцовыя книги на ряду съ крестьянами. Указомъ царя Петра Алексѣевича въ 1695 г. съ холоповъ велѣно было брать подати.

Возлагая на пашенныхъ холоповъ ту же тягость, какую несли крестьяне, правительство, можно сказать, приравняло однихъ къ другимъ. Помѣщики, и безъ того путавшіе въ своемъ обращеніи крестьянъ съ холопами, начинаютъ теперь путать ихъ еще болѣе, еще больше привыкаютъ обращаться съ крестьянами, какъ съ холопами.

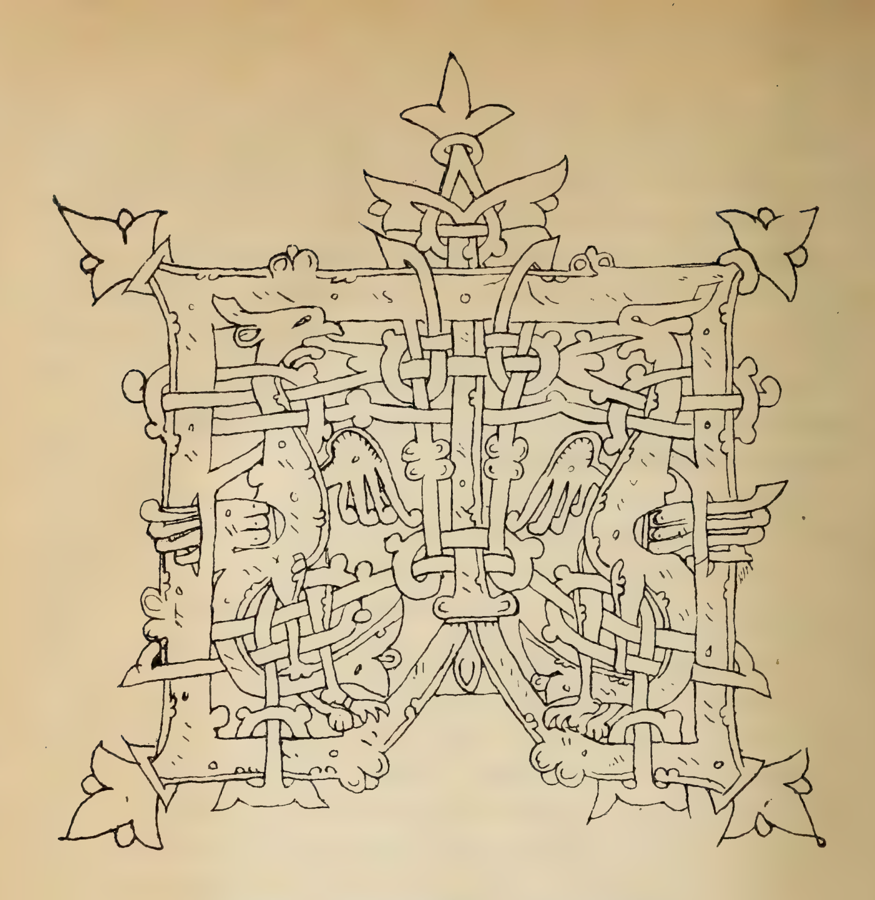
Указомъ 1705 г. на холоповъ распространяется рекрутская повинность. Послѣ этого вся разница между ними и крестьянами свелась только къ тому, что существуютъ названія — „крестьянинъ“ и „холопъ“.

Въ 1718 г. была произведена первая ревизія, т.-е. перепись всего платящаго подати населенія Россіи. Въ ревизскія сказки занесли крестьянъ и холоповъ въ одинъ разрядъ. Это и былъ конецъ существованія холопства на Руси. Оно слилось съ крѣпостнымъ крестьянствомъ и образовало съ нимъ въ XVIII вѣкѣ одинъ разрядъ подневольныхъ людей крѣпкихъ своему владѣльцу *).

---

*) Составлено по сочиненіямъ, В. О. Ключевскаго, „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“; его же, „Отмѣна холопства въ Россіи“; М. Дьяконова, „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Россіи XVI и XVII вв.“; И. Забѣлина, „Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ“; А. С. Лаппо-Данилевскаго, „Разысканія по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ XVI — XVII вв.“

Заставка — съ рукописи начала XV в.; буква — съ рукописнаго евангелія 1544 г.

Города Московскаго государства.

Присматриваясь къ мѣстоположенію своихъ городовъ, къ занятіямъ ихъ обитателей, къ тому значенію, какое имѣлъ тотъ или иной городъ въ жизни государства, московскіе люди XVI и XVII вв. дѣлили ихъ на нѣсколько большихъ разрядовъ.

Города прежнихъ Московскаго и Владимірскаго великихъ княженій они называли Замосковными городами, какъ бы вспоминая то далекое время, когда Москва была крѣпостью, защищавшей подступъ къ этимъ городамъ со стороны безпо-

койнаго юга. Города бывшей Новгородской земли московскіе люди разбивали на нѣсколько группъ. Собственно Новгородъ съ его пригородами и Псковомъ они называли — „городами отъ Нѣмецкой украйны“. Сѣверныя бывшія Новгородскія земли, лежавшія по берегамъ Бѣлаго моря, по Онегѣ, Сѣверной Двинѣ до самаго Урала, носили названія Поморья или Поморскихъ городовъ. Сюда же причисляли часто Пермь и Вятку.

На югъ отъ Москвы тоже различали нѣсколько особыхъ городскихъ округовъ. Города бывшаго Нижегородскаго княжества и татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго назывались Низовыми городами. Города бывшаго Рязанскаго княжества такъ и назывались Рязанскими городами. Города къ западу отъ Рязанскихъ, раскинувшіеся по границѣ степи, „дикаго поля“, назывались городами Украиными и Польскими (отъ слова поле—степь). Еще далѣе на западъ, по верхней Окѣ, стояли города Заоцкіе. Города на верховьяхъ Днѣпра и Западной Двины назывались „городами отъ Литовской украйны“. За Заоцкими городами протягивалась линія Сѣверскихъ городовъ, граничившая съ Донскими казачьими городками, стоявшими собственно уже за предѣлами государства.

Города и поселенія Поморья, расположенные по самому сѣверу русской равнины, въ сторонѣ болотъ, мховъ и дремучихъ лѣсовъ, вытянувшись по рѣкамъ, имѣющимъ исходомъ холодное Бѣлое море, жили тѣми промыслами, какіе могли имъ дать лѣсъ, большая рѣка и море. На крайнемъ сѣверѣ, въ области Соловковъ, Архангельска, Холмогоръ, главнымъ заработкомъ населенія былъ рыбный ловъ въ „морскихъ рѣкахъ“, охота за морскимъ звѣремъ, морской торгъ со своими и чужими. Мѣстные жители сами говорили о себѣ, что „ходятъде они на море промышлять рыбью зубу (бить моржей), чѣмъ имъ дань и оброкъ и всякіе подати платить“. Пахали, правда, здѣсь и землю, но немного, потому что земля здѣсь неродима, лѣсиста и болотиста. Больше занимались солевареньемъ, не-

обходимымъ промысломъ для здѣшняго рабочаго люда: безъ соли нельзя было ни заготовить впрокъ ни сохранить сколько-нибудь долго плоды главнаго занятія—рыбной ловли.

Соль, рыба, кожа, пушной товаръ, рыбій зубъ, ворвань, ловчія птицы, пухъ, перья, дичь, — вотъ главные предметы промысловъ этого края. Сюда за этимъ товаромъ пріѣзжали „всякіе торговые люди“ съ разными товарами, нужными для мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ эта часть Московскаго государства, сѣверную область которой составляли города Холмогоры и Архангельскъ, а южную—Вятка и Пермь, носила по преимуществу торгово-промысловой характеръ. Промыслы разбивались по довольно многочисленнымъ деревнямъ, мелкимъ и болѣе крупнымъ поселкамъ, вытягивавшимся по рѣкамъ края, а торговля сосредоточивалась по городамъ края, возникшимъ на истокахъ или въ устьяхъ рѣкъ, пересѣкавшихъ этотъ край и служившихъ большими дорогами для сплава всего, что здѣсь добывалось. Великій Устюгъ и Вологда служили главными передаточными станціями, на которыя направлялись товары съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ московской страны.

Промысловыя поселенія Поморья и его города по внѣшнему виду отличались мало другъ отъ друга. Послѣдніе были больше, люднѣе, богаче первыхъ, но по существу это были тѣ же деревни, въ которыхъ жили тѣ же крестьяне-промышленники, занимавшіеся торговлей или устраивавшіе промыслы въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ это было подъ силу небогатому обитателю промыслового поселка.

Города Замосковные составляли центръ государства, его ядро. Самымъ сѣвернымъ изъ нихъ можно принять Вологду; югъ тогда образуетъ Ока въ своемъ теченіи отъ Серпухова до Коломны, гдѣ уже начинались Рязанскіе города. Восточнымъ городомъ этой области надо принять Нижній-Новгородъ, а западными—Вязьму и Смоленскъ.

Это была, слѣдовательно, коренная великорусская страна, сравнительно плотно населенная народомъ, основавшимся

здѣсь давно, привыкшимъ къ условіямъ жизни въ этой странѣ, выработавшимъ здѣсь свои пріемы и способы для обработки ея. Это была страна большого и сравнительно хорошо поставленнаго земледѣльческаго труда, большого промышленнаго и торговаго оживленія. Этой страной жило все государство, да она-то, въ сущности, и составляла самое государство: здѣсь оно „строилось и управлялось", и всѣ другія области являются только окраинами, украйной, этой части Великороссіи. Кромѣ столицы всего государства—Москвы, здѣсь находилось нѣсколько первостепенныхъ по своему торговому и промышленному значенію городовъ. То были — Вологда, Кострома, Ярославль, Ростовъ, Нижній-Новгородъ; только Великій Новгородъ да Псковъ и могли тягаться съ этими городами числомъ жителей и обширностью.

Вологда по своему положенію была неизбѣжною станціей для всякаго товара, шедшаго съ Поволжья на сѣверъ и съ сѣвера въ центръ государства. Здѣсь товары перегружались съ телѣгъ или саней на суда, или, наоборотъ, здѣсь они иногда застаивались въ ожиданіи полной воды или зимняго пути. Иноземцы, главнымъ образомъ англичане, сами являлись въ Вологду изъ Архангельска для закупки товаровъ по болѣе сходной цѣнѣ, прямо и безъ посредниковъ, и сами везли съ моря товары по Двинѣ и Сухонѣ до Вологды. Въ Вологдѣ англичане имѣли обширный торговый дворъ; царь Иванъ Грозный построилъ здѣсь каменный кремль и дворецъ и, какъ говорятъ, думалъ одно время переселиться на постоянное житье въ Вологду. Вологда славилась льнянымъ и кожевеннымъ производствомъ, прядильнымъ и ткацкимъ дѣломъ, и жители ея вели самый разнообразный торгъ.

Иностранцы, навѣщавшіе Вологду въ XVI и XVII вв., всѣ называютъ ее большимъ и богатымъ городомъ. По числу дворовъ, въ концѣ XVII вѣка, Вологда уступала только Москвѣ и Ярославлю.

Если Вологда была конечной станціей-узломъ сѣверныхъ путей, гдѣ эти пути сливались въ одинъ, направлявшійся къ

центру государства, то Ярославль былъ перекресткомъ путей, соединявшихъ востокъ и западъ, сѣверъ и югъ Московскаго государства. Только одна Москва, центръ всего государства, превосходила Ярославль количествомъ перекрещивающихся около нея дорогъ. Немудрено, что Ярославль былъ очень многолюденъ, оживленъ и славился, какъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ, былъ „строеніемъ церковнымъ вельми украшенъ и посадами великъ“. Трудно перечислить всѣ промыслы и торги, которыми кормились ярославцы; городъ торговалъ всѣмъ, что только было предметомъ торговли въ Московскомъ государствѣ, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ сосредоточій торговли внутренней и велъ большой торгъ съ иностранцами. Въ уѣздѣ города было развито ткацкое дѣло, по Волгѣ процвѣтали рыбные промыслы.

Между Ярославлемъ и Нижнимъ-Новгородомъ тянулся по Волгѣ цѣлый рядъ большихъ и малыхъ очень зажиточныхъ городовъ-пристаней съ Костромой во главѣ, притягивавшихъ къ себѣ по Волгѣ и ея притокамъ предметы промысла окрестнаго населенія и направлявшихъ ихъ къ Ярославлю.

Длинный рядъ этихъ старыхъ приволжскихъ городовъ тянулся до Нижняго-Новгорода. За Нижнимъ, къ востоку отъ него, начинался уже чуждый тогдашнему русскому человѣку инородческій край, въ который онъ пробивался съ трудомъ, прокладывая себѣ путь оружіемъ и закрѣпляя его сохой. Нижній-Новгородъ стоялъ какъ бы на краю настоящей чисто-русской стороны при сліяніи двухъ большихъ рѣкъ—Оки и Волги, проникавшихъ своими верховьями и теченіемъ далеко въ глубь Великороссіи. Волга внизъ отъ Нижняго текла уже по враждебной, незамиренной сторонѣ. Нижній-Новгородъ, ставъ на краю своей земли, защищалъ ее отъ враговъ и въ то же время открывалъ пути для мирной торговой дѣятельности. Нижній получалъ русскіе товары по Волгѣ и Окѣ. Верхняя Волга несла ему произведенія московскаго сѣвера, Ока—товары московскаго центра и юга, обѣ рѣки вмѣстѣ сплавляли къ Нижнему иностранные товары,

Видъ Нижняго-Новгорода въ XVII в.
(Съ рисунка въ „Путешествіи Олеарія“. На рѣкѣ—корабль посольства „Friedrich“).

получавшіеся изъ Архангельска и съ западной границы. Изъ Нижняго эти товары шли далѣе по Волгѣ и Камѣ, а взамѣнъ ихъ шли въ Нижній товары каспійскихъ и сибирскихъ рынковъ.

Подъ защитой каменныхъ стѣнъ нижегородскаго кремля создался постоянный рѣчной портъ, значеніе котораго не утратилось и до сихъ поръ. Все это дѣлало Нижній очень богатымъ и оживленнымъ торговымъ городомъ. Даже послѣ Смуты, послѣ которой нижегородцы „охудали“, на нижегородскихъ рынкахъ насчитывалось около 480 торговыхъ помѣщеній всякаго рода, не считая кузницъ и харчевенъ.

Итакъ, города на сѣверо-востокъ и востокъ отъ Москвы носили торговый и промышленный характеръ. Города къ западу и на юго-западъ выглядятъ уже иначе. Близость къ границѣ даетъ себя знать, и здѣшніе города являются средоточіями не только хозяйственной торгово-промысловой жизни своей округи, но и постоянными лагерями военныхъ силъ государства.

Такое впечатлѣніе производитъ уже Тверь съ ея пригородами, близко придвинувшимися къ литовскому рубежу. Въ 1616 году въ Твери считалось безъ малаго 1000 дворовъ, изъ нихъ менѣе половины — всего 477 — принадлежали мирнымъ жителямъ, а остальные являются собственностью служилыхъ людей, составляющихъ гарнизонъ города. Такой же смѣшанный, военно-торговый характеръ имѣли города къ югу и юго-западу отъ Москвы, размѣстившіеся по Окѣ и литовской границѣ. Ока была по тогдашнему московскому выраженію, „непрелазной стѣной“, положенной отъ Господа на защиту Москвы отъ татарскихъ набѣговъ съ „поля“, т.-е. со степи. Города, расположившіеся къ югу отъ тверской области, въ верховьяхъ Москвы-рѣки и по Окѣ: Волоколамскъ, Можайскъ, Боровскъ, Малоярославецъ, Серпуховъ, Кашира, Коломна, Муромъ, Арзамасъ составляли линію укрѣпленій, прорвавъ которую непріятель пробирался въ самое сердце государства. Центромъ этой линіи были города Серпуховъ, Кашира и Коломна.

Они охраняли переправы черезъ Оку, черезъ эти же города вели дороги въ богатый хлѣбомъ Рязанскій край. Города эти были, слѣдовательно, столь же важны, какъ военныя крѣпости и какъ торговыя средоточія Хотя за Окой, на югѣ, издавна стояли русскія поселенія съ сильно укрѣпленной Тулой во главѣ, но они плохо прикрывали доступы къ Окѣ: татары въ своихъ набѣгахъ всегда стремились оставить укрѣпленную Тулу въ сторонѣ и направлялись прямо на Коломну и Серпуховъ. Поэтому-то московское правительство очень заботилось объ укрѣпленіи этихъ городовъ еще и долго послѣ того, какъ русскія укрѣпленныя поселенія продвинулись далеко за Оку въ самую степь.

Главное населеніе Коломны въ концѣ XVI вѣка составляли казенные люди — служилые люди, стрѣльцы, пушкари, сторожа различнаго казеннаго добра, ямщики, плотники, каменщики — все людъ, который работалъ на крѣпость и на войска, а въ досужее время кормился ремесломъ и торговлей. Настоящихъ большихъ торговцевъ въ Коломнѣ XVI вѣка было очень мало. Но и настоящихъ служилыхъ людей въ Коломнѣ жило немного. Служилые люди жили по своимъ помѣстьямъ, расположеннымъ въ уѣздѣ, и въ городъ являлись только по дѣламъ службы и въ „осадное время“ для обороны города; только на это время они и селились въ своихъ городскихъ „осадныхъ дворахъ“, которые они строили себѣ въ городѣ „для пріѣзда“. А такъ, въ обыкновенное время, дворы эти стояли пустые, и за ихъ цѣлостью и исправностью наблюдали „дворники“ — нанятые служилымъ человѣкомъ люди или его холопы. Коломна XVI вѣка была, слѣдовательно, укрѣпленнымъ лагеремъ, военнымъ депо, гдѣ хранились матеріалы и запасы, нужные для военнаго и крѣпостного дѣла, и жили мастеровые, къ этому дѣлу навыкшіе.

Если города въ родѣ Коломны, Каширы и Серпухова, стоявшіе на Окѣ и образовавшіе послѣдній, ближайшій къ Москвѣ рядъ крѣпостей, защищавшихъ столицу, носили еще довольно смѣшанный военно-торгово-промышленный харак-

теръ, то города Заоцкіе, города отъ Литовской Украйны, города отъ Нѣмецкой Украйны, города Сѣверскіе носили исключительно военный характеръ, были крѣпостями большей или меньшей силы, и все населеніе ихъ состояло изъ служилыхъ людей, часто даже и не изъ округи города, а присланныхъ сюда издалека отбывать службу въ качествѣ гарнизона крѣпости.

Таковы были по мѣсту и значенію, занимаемому ими въ государствѣ, города Московскаго государства XVI и XVII вв.

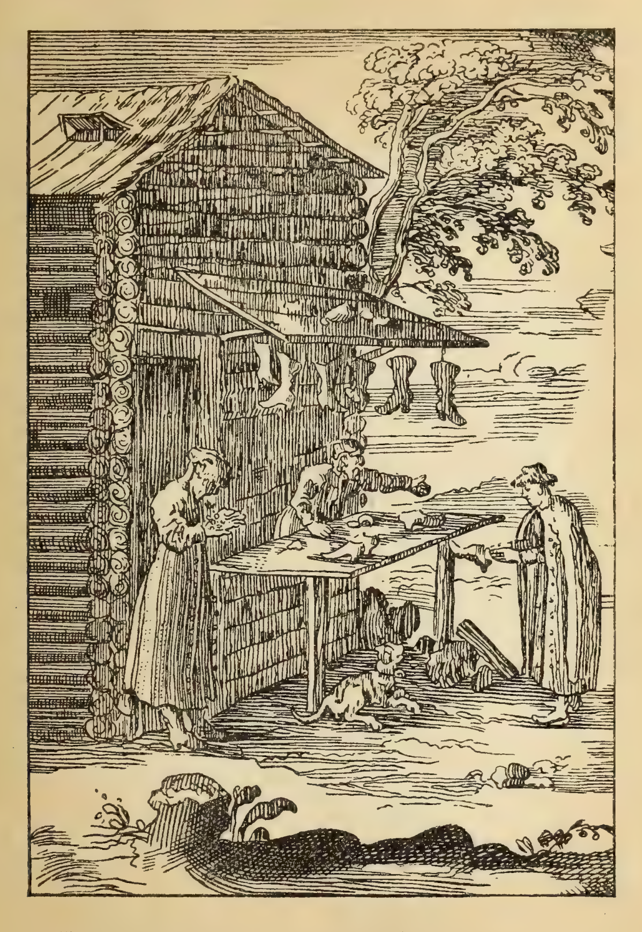
По внѣшнему своему виду тогдашніе города съ перваго взгляда были очень похожи одинъ на другой. Середину всего поселенія занималъ, обыкновенно, самый городъ, кремль, т.-е. крѣпость, стѣны которой очень рѣдко были каменныя, а чаще деревянныя или даже земляныя.

Въ „городѣ“ стояла соборная церковь, съѣзжая или приказная изба, гдѣ сидѣлъ воевода, судилъ и рядилъ; губная изба, гдѣ разбирались и рѣшались дѣла уголовныя; казенный погребъ или амбаръ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казна; тюрьма, одна или нѣсколько; святительскій дворъ, т.-е. домъ мѣстнаго архіерея; воеводскій дворъ; осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ, служилыхъ людей.

За стѣной города расположился посадъ, гдѣ жили горожане или, по тогдашнему, посадскіе люди. Здѣсь находилась большая площадь, гдѣ стоялъ гостиный дворъ или ряды, т.-е. лавки мѣстныхъ купцовъ, а въ торговые дни на этой же площади становились возы пріѣзжихъ изъ округи со всякимъ товаромъ продавцовъ.

Торговыя заведенія были бѣдны, какъ бѣдна и неказиста была сама тогдашняя торговля. Лавки гостиныхъ дворовъ были затворяющіяся и не затворяющіяся на ночь. Изъ послѣднихъ товаръ сносился на ночь въ лавки съ затворами, за что бралась особая пошлина. Ночной сторожъ, крѣпкій огромный замокъ и злая цѣпная собака охраняли ночью товаръ купца. Товары лежали въ лавкахъ въ особыхъ коробахъ. Сапоги, шапки, кушаки были [развѣшаны на шестахъ.

Эти шесты съ навѣшеннымъ на нихъ товаромъ отдавались на ночь дворникамъ подъ охрану.

Торговая лавка въ городѣ XVII в. (Съ рис. въ „Путешествіи“ Олеарія).

Лавки въ гостиномъ дворѣ располагались рядами; каждый рядъ назывался по главному предмету торга или по происхожденію купцовъ, въ этомъ ряду торговавшихъ. Такъ, были

ряды Тверской, Московскій, Костромской, Ножевый, Мясной, Охотный и т. д.

Гостиный дворъ былъ въ каждомъ мало-мальски значительномъ городѣ. Здѣсь были постоянныя лавки мѣстныхъ купцовъ, сюда же привозили свои товары и здѣсь ихъ складывали пріѣзжіе купцы. Для житья пріѣзжихъ на гостиномъ дворѣ устроено было особое подворье, гдѣ за опредѣленную плату съ человѣка пріѣзжій купецъ получалъ столъ и ночлегъ.

На посадской площади стояла и земская изба,—средоточіе мірского управленія; здѣсь сидѣли земскіе старосты съ выборными посадскими людьми и вѣдали все городское общественное хозяйство. Тутъ же на площади находилась таможня, гдѣ собирали пошлину со всѣхъ привезенныхъ въ городъ товаровъ; кружечный дворъ, гдѣ происходила торговля виномъ и было сосредоточено наблюденіе за этой торговлей; конская изба, подъ вѣдѣніемъ которой состояли сборы съ торговли лошадьми.

Посадская площадь была самымъ оживленнымъ мѣстомъ въ городѣ. Здѣсь постоянно былъ народъ, больше всего, конечно, праздношатающихся и холопей. Сюда шли покупать и продавать, потолкаться просто въ народѣ, поглядѣть другихъ, показать себя. Здѣсь стоялъ немолчный шумъ и гамъ, сообщались новости и слухи; во всю глотку кричали здѣсь воеводскіе бирючи новыя правительственныя распоряженія, а нищіе тянули своего Лазаря; мѣстный юродивый, юродствуя Христа ради, толкался тутъ же, и за нимъ неотступно, благоговѣйно слушая его полубредъ, полунамеки на злобы дня, ходила толпа, ожидая, что-то скажетъ или сдѣлаетъ „угодничекъ“, не будетъ ли отъ него знаменья какого. Особенно оживлены были тѣ мѣста, гдѣ продавали нитки, холсты, кольца, румяна, бѣлила и т. п. товары: женщины, покупавшія и продававшія эти товары, шумѣли такъ, что съ непривычки можно было подумать, что горитъ городъ, или случилось что-нибудь необыкновенное. Кому нужно было написать прошеніе, узнать, какъ надо подавать въ судъ жалобу — тотъ шелъ тоже на площадь, и площадные подьячіе, сразу почуявъ

добычу, окружали такого неопытнаго и теребили его со всѣхъ сторонъ, назойливо предлагая свои услуги. Кому нужно было отслужить дома молебенъ или всенощную, тотъ тоже шелъ на площадь и приглашалъ безмѣстнаго, т.-е. безприходнаго батюшку: ихъ всегда стояло нѣсколько на площади. На площадь выносили въ гробахъ тѣла тѣхъ, кого не на что было похоронить, и сердобольные прохожіе, положивъ глубокій поклонъ за упокой души несчастнаго усопшаго, клали на краю гроба кто сколько могъ. На площади вертѣлись заѣзжіе скоморохи и медвѣжьи поводыри, чинно проходили странники. Здѣсь же, прямо на улицѣ, стригли и отворяли кровь своимъ кліентамъ цырюльники, и площадь возлѣ ихъ мѣстъ была густо покрыта остриженными волосами. Словомъ, на площади было на что посмотрѣть.

Отъ посадской площади во всѣ стороны расходились улицы, которыя звались, обыкновенно, по церквамъ, стоявшимъ на этихъ улицахъ, а иногда по занятію обитателей. По краямъ улицъ или на перекресткахъ воздвигались образа на столбахъ, иногда въ очень фигурно вырѣзанныхъ кіотахъ-часовенкахъ. Улицы были, вообще, довольно широки, прямы, но очень грязны въ распутицу и страшно пыльны въ жару, завалены сугробами снѣга зимой, а во всѣ времена года на улицѣ валялась всякая нечистота и падаль, которую жители безъ стѣсненія выбрасывали со своихъ дворовъ. Только въ Москвѣ и въ немногихъ большихъ городахъ часть улицъ была какъ бы вымощена круглыми длинными и короткими деревяшками, расположенными поперекъ улицы плотно одна къ другой. Гдѣ было ужъ совсѣмъ невылазно грязно, тамъ черезъ улицы перекидывали доски. Мощеніе улицъ и наблюденіе хоть за нѣкоторою ихъ благопристойностью лежало на старостахъ, но производилось жителями улицъ. Ходить по улицамъ въ грязную пору приходилось въ огромныхъ сапогахъ, чтобы не увязнуть.

Въ большихъ городахъ къ услугамъ пѣшеходовъ были извозчики; въ Москвѣ, на Красной площади, ихъ стояло очень

много съ маленькими санками зимой и тележками лѣтомъ, запряженными въ одну лошадь. За деньгу этотъ извозчикъ скакалъ, какъ „бѣшеный“, по словамъ одного иностранца, съ

Планъ Москвы XVII в. (По рис. въ „Путешествіи“ Олеарія).

одного конца города на другой, поминутно крича во все горло: гись! гись! Но въ извѣстныхъ мѣстахъ извозчикъ останавливался и не везъ далѣе, пока не получалъ еще деньги. Встрѣтясь съ другимъ извозчикомъ, московскій извозчикъ согла-

сится скорѣе сломать у себя ось или колесо, а уже не свернетъ съ дороги, не уступитъ проѣзда встрѣчному.

Улицы на ночь загораживались поперекъ положенными рогатками — „рѣшетками". Какъ только зажигались вечеромъ огни, около этихъ загородокъ становились сторожа, „рѣшеточные", которые никому не позволяли ходить позже урочнаго часа. Ходить ночью по городу позволено было только при крайней нуждѣ и непремѣнно съ фонаремъ. Всякій ѣхавшій или шедшій ночью безъ фонаря считался воромъ или лазутчикомъ, и его немедленно арестовывали.

Тѣмъ не менѣе ночные грабежи и убійства на улицахъ тогдашнихъ русскихъ городовъ были довольно часты. По словамъ иностранцевъ-современниковъ, въ Москвѣ ночи не проходило, чтобы кого-нибудь не убили. Помощи ждать несчастному, на котораго напали, было не откуда—ночные сторожа часто сами промышляли ножомъ, да и было ихъ немного, а изъ обывателей, какъ разсказываетъ одинъ иностранецъ, „ни одинъ не рѣшится высунуть голову изъ окна, а не то что выйти на крики о помощи". Количество убитыхъ увеличивалось въ праздничное время.

Лихіе люди часто поджигали дома жителей, чтобы воспользоваться суматохой при пожарѣ и пограбить. Пожары въ старыхъ русскихъ деревянныхъ городахъ были обычнымъ зломъ. Пожаръ, истреблявшій въ Москвѣ сотню-двѣ домовъ, даже и не считался большимъ, и память оставлялъ по себѣ лишь такой, жертвой котораго было семь или восемь тысячъ дворовъ! Борьба съ пожарами была устроена совсѣмъ плохо: даже въ Москвѣ, обыкновенно, ограничивались тѣмъ, что разламывали около начавшагося пожара дома, разрушая домовъ по 10 или 20 съ каждой стороны и оттаскивая дерево прочь, чтобы не дать пищи огню. При дешевизнѣ и крайней незатѣйливости тогдашнихъ построекъ о сгорѣвшихъ и сломанныхъ домахъ жалѣли мало. Дома покупались готовые на рынкѣ; да что дома—колокольню можно было купить готовую на тогдашнемъ рынкѣ! Другой вопросъ — каковы были эти

дома и колокольни, но разобрать такой домъ, привести его на мѣсто и собрать вновь стоило недорого. Въ Москвѣ были плотники, которые строили такой домъ въ однѣ сутки.

По обѣимъ сторонамъ улицы тянулись дворы жителей, въ которыхъ стояли „изба" (теплое жилье), да баня съ передбанникомъ, да клѣть съ подклѣткомъ, да надпогребица". На улицу выходилъ часто только заборъ или плетень, окружавшій все это нехитрое жилье, красная цѣна которому была иной разъ всего три тогдашнихъ рубля, или нынѣшнихъ рублей 70—80, дома получше стоили 14 и даже 40 рублей тогдашнихъ.

Зимою жить въ такихъ избахъ еще было сносно: хоть и угарно, да тепло, зато лѣтомъ приходилось иногда порядкомъ померзнуть. Только, бывало, наступитъ весна, и установится теплая погода, по городу, по посаду, по площади ходятъ бирючи и кричатъ:

„Заказано накрѣпко, чтобы избъ и мыленъ никто не топилъ, вечеромъ поздно съ огнемъ никто не ходилъ и не сидѣлъ; а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить подѣлайте печи въ огородахъ и на полыхъ мѣстахъ въ землѣ, подальше отъ хоромъ; отъ вѣтру печи огородите и лубьями ущитите гораздо".

Не довольствуясь однимъ объявленіемъ всѣмъ вслухъ, для пущаго береженья возьмутъ, бывало, да еще запечатаютъ воеводской печатью и избу и баню. Обывателю приходилось тогда переселяться въ клѣть и вволю стучать зубами, если случайно завернутъ поздніе холода; иному тогда и горячимъ чѣмъ-нибудь согрѣться нельзя: печь въ огородѣ развалилась, а новой складь некому: ни одного каменщика въ городѣ не осталось, всѣхъ вытребовали на казенную работу, на постройку каменной крѣпости.

Среди дворовъ съ нехитрымъ строеніемъ, избами, клѣтями, виднѣются церкви, тоже не очень хитраго дѣла, рѣдко каменныя, чаще деревянныя. Подлѣ церквей расположены дома священниковъ и причта.

Прихожане каждой церкви выбираютъ священника изъ своей среды и посылаютъ его къ архіерею для рукоположенія, ручаясь особой записью, что избранный „человѣкъ добрый, св. писаніе знаетъ и не бражникъ". При церквахъ находились богадѣльни, или домы нищей братіи. Около каждой церкви располагалось кладбище. Въ концѣ города, гдѣ-нибудь на окраинѣ, стоялъ убогій домъ, гдѣ хоронили тѣла казненныхъ смертію преступниковъ, людей умершихъ въ государевой опалѣ, сосланныхъ, опившихся, самоубійцъ, утопленниковъ.

Если не считать присланнаго въ городъ изъ Москвы воеводу, управлявшаго въ XVII вѣкѣ всѣмъ уѣздомъ, бывшаго представителемъ верховной власти, то первымъ лицомъ самого города былъ земскій городовой или всеуѣздный староста, котораго уѣздные сельскіе обыватели—крестьяне и городскіе жители—посадскіе, выбирали на сходкѣ изъ своей среды.

Какъ только выберутъ въ посадѣ земскаго старосту, подьячій пишетъ запись, а всѣ избиратели подписываютъ ее. Въ записи говорилось: „Всѣ посадскіе люди такого-то города выбрали и излюбили на мірскую службу въ старосты такого-то; вѣдать ему въ мірѣ всякія дѣла и объ нихъ радѣть, а намъ, мірскимъ людямъ, его слушать; а не станемъ его слушать, и ему насъ вольно къ мірскому дѣлу нудить, а міру никакой грубости ему не учинить, а что міру отъ его грубости учинится, за то онъ отвѣтитъ".

Кромѣ земскаго старосты, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ ему въ товарищи выбирали еще нѣсколько старостъ. При земскомъ старостѣ всегда устраивался совѣтъ изъ выборныхъ же посадскихъ и крестьянъ.

Главнымъ предметомъ совѣщаній земскихъ старостъ съ совѣтными людьми въ земской избѣ была раскладка податей, выборъ окладчиковъ, т.-е. сборщиковъ податей, выборъ цѣловальниковъ, т.-е. людей, которымъ, подъ присягу ихъ, поручалось отбывать какое-нибудь казенное дѣло въ городѣ—

вѣдать кабацкое дѣло, собирать таможенные сборы, вѣсить казенную соль и т. п.

Вторымъ предметомъ совѣщаній въ земской избѣ было собственно городское хозяйство; такъ, здѣсь приговаривали раздѣлить пахатную землю во всѣхъ городскихъ трехъ поляхъ впредь до слѣдующаго же мірского раздѣла между всѣми посадскими, но съ условіемъ, чтобы никто изъ посадскихъ не смѣлъ отдавать свою долю земли постороннему человѣку ни на одинъ годъ ни на одно лѣто, а если кто отдастъ, то у него отберутъ землю обратно на міръ.

Наконецъ въ земской избѣ толкуютъ обо всѣхъ нуждахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, обо всѣхъ случаяхъ, о которыхъ нужно довести до свѣдѣнія мѣстнаго начальства—воеводы, или надо дать знать въ Москву. И на дворъ къ воеводѣ и въ Москву отправляется земскій староста. Онъ—представитель посадскихъ и уѣздныхъ людей, онъ всегда впереди ихъ всѣхъ, отвѣчаетъ и бьетъ челомъ „во всѣхъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто“.

Если служилые люди XVI и XVII вв. были прикрѣплены къ военной и всякой государевой службѣ, за что и получали жалованье землей, то обитатели посадовъ, жители слободъ и селъ были прикрѣплены тогда къ платежу и должны были тянуть тягло, т.-е. оплачивать содержаніе военной защиты Московскаго государства.

Тяглые люди платили дани и оброки, деньги на выкупъ плѣнныхъ—съ посадскаго двора по 8 денегъ, со служилаго двора 2 деньги—стрѣлецкія деньги, ямскія деньги, деньги на кормъ воеводамъ, въ подмогу подьячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ; на строеніе воеводскихъ дворовъ, губныхъ избъ, тюремъ; въ приказную избу на свѣчи, бумагу, чернила и дрова; прорубныя деньги—за позволеніе зимой въ прорубяхъ воду брать, платье мыть и скотъ поить. Кромѣ того, тяглые люди обязаны были строить и чинить стѣны города, строить мосты и насыпать гати.

Это все были постоянные сборы, но бывали еще и сверхурочные, напримѣръ, сборы на военныя надобности. Начнется война—сейчасъ же приходитъ въ городъ указъ изъ Москвы: собирать съ обывателей пятую, десятую или двадцатую деньгу, смотря по нуждѣ казны. Идутъ тогда одинъ за другимъ посадскіе люди въ земскую избу и объявляютъ передъ старостой и выборными, „по святой непорочной евангельской заповѣди Христовой“, правду, что каждому и сколько доводится заплатить отъ своихъ животовъ и промысловъ, т.-е. съ капиталовъ и доходовъ.

Утаить нечего и пробовать: товарищи, торговые люди, что тутъ же въ избѣ въ окладчикахъ сидятъ, хорошо знаютъ торговлю и промыслы каждаго, не задумываясь, скажутъ и положатъ, сколько надо взять для великаго государева дѣла съ какого-нибудь Ивашки Огурцова, что въ гостиномъ дворѣ сапогами торгуетъ.

А объявитъ такой Ивашка Огурцовъ облыжно, что обнищалъ онъ въ конецъ и платить ему не изъ чего, тогда ставили его на правёжъ.

Привязывали къ столбу около земской избы и били палками по икрамъ каждое утро, пока не выколачивали слѣдуемыхъ съ Ивашки денегъ. Но иные особенно упорные Ивашки переносили самые крѣпкіе удары, а денегъ не платили; тогда упорному неплательщику показывали указъ, который гласилъ: „Если посадскіе люди на правёжу начнутъ отстаиваться и денежныхъ доходовъ платить не станутъ, у такихъ дворы ихъ, лавки и имѣніе отписывать на великаго государя“, т.-е. въ казну.

Всякихъ сборовъ, постоянныхъ и случайныхъ, приходилось тогдашнему посадскому человѣку уплачивать очень много.

Кромѣ уплаты податей и различныхъ чрезвычайныхъ сборовъ, посадскіе люди XVI и XVII вв. должны были отбывать нѣкоторыя казенныя службы и, прежде всего, собирать эти самыя подати и повинности. Самая тяжкая по отвѣтственно-

сти служба для посадскихъ людей была служба въ „вѣрныхъ головахъ“ или „вѣрныхъ цѣловальникахъ“ при продажѣ вина на казенномъ кружечномъ дворѣ, гдѣ только и можно было тогда купить вина. Правда, лучшимъ посадскимъ людямъ дозволялось курить вино и варить пиво понемногу по случаю большихъ праздниковъ и особенныхъ семейныхъ торжествъ—свадьбы, родинъ, крестинъ, поминокъ; среднимъ и младшимъ по достатку людямъ курить вино совсѣмъ не позволялось, они могли только къ торжественнымъ случаямъ сварить немного пива и меду, да и то должны были дать знать объ этомъ на кружечный дворъ и заплатить явочныя пошлины. Но явятъ немного, а выкурятъ вина и наварятъ меда и пива много, станутъ даже продавать тайкомъ отъ цѣловальниковъ. Цѣловальники кружечнаго двора, оберегая доходы казны и свою спину и карманъ, которые за эти доходы отвѣчали, должны были зорко слѣдить, чтобы такихъ случаевъ не было.

А услѣдятъ—надо было накрыть врасплохъ продавцовъ, „вынуть“, т.-е. отобрать запрещенный товаръ, взыскать убытки. Смотрѣть сквозь пальцы на подобные случаи не приходилось: вѣрный голова и цѣловальники отвѣчали своими средствами за недоборъ кабацкихъ денегъ, а когда не были въ состояніи возмѣстить недоборъ, имъ грозилъ правежъ и отписка „животовъ“ на государя. Да и въ Москву отвезти деньги, даже полностью вырученныя, было дѣломъ очень не простымъ. Московскіе дьяки и подьячіе были люди очень „лакомые“, всегда были рады привязаться къ пріѣзжему провинціалу, завертѣть его требованіями разныхъ формальностей и поживиться на его счетъ. Пріѣзжему вѣрному головѣ приходилось быть очень дипломатичнымъ съ этой компаніей и держать ухо востро. „Будучи у сбору на кружечномъ дворѣ,—разсказываетъ одинъ цѣловальникъ,—воеводамъ въ почесть, чтобъ не затрудняли дѣло съ высылкой въ Москву денегъ, помогали дѣлать выемку и собирать долги, харчемъ и деньгами носили не по одно время; а какъ къ Москвѣ пріѣхали, дьяку въ почесть харчемъ и деньгами носили не по одно время, да подьячему

также носили, да молодымъ подьячимъ отъ письма (т.-е. мелкимъ канцеляристамъ) давали же, да при отдачѣ денежной казны дьяку и подьячему харчемъ и деньгами носили же не по одно время, а носили въ почесть изъ своихъ пожитковъ да что брали съ товарищей своихъ цѣловальниковъ въ подмогу, а не изъ государевыхъ сборныхъ денегъ, и носили по волѣ, а не отъ какихъ нападковъ“.

Другія службы посадскимъ людямъ были въ головахъ и цѣловальникахъ при сборѣ таможенныхъ доходовъ, при сборѣ стрѣлецкаго хлѣба, т.-е. денегъ и провіанта на содержаніе стрѣльцовъ, въ цѣловальникахъ при разныхъ денежныхъ сборахъ, въ съѣзжей избѣ, на конной площади при сборѣ денегъ съ пятнанія лошадей, въ головахъ баннаго, перевознаго и мостового сбора; затѣмъ посадскіе люди должны были нести полицейскую службу: изъ нихъ выбирались десятскіе, пятидесятскіе и сотскіе—тогдашніе городовые, околодочные и пристава. Случалось, что одинъ и тотъ же посадскій человѣкъ несъ двѣ или три службы за разъ. Все это тяжело лежало на посадскомъ населеніи и заставляло его всячески избѣгать этихъ тягостей.

Посадскіе уходили изъ города, гдѣ приходилось тяжело, въ другой, бѣжали въ уѣздъ, скрывались въ степь. Города пустѣли. Это было тяжело для остававшихся обывателей, потому что казна знать ничего не хотѣла, что городъ обезлюдѣлъ, и требовала того же количества сборовъ, какое получалось раньше, и взыскивала недоборъ съ остававшихся, такъ что остававшимся приходилось платить больше съ каждаго двора. Но отъ этого они только нищали, а неоплатные казенные недоборы возрастали. Тогда правительство стало преслѣдовать и наказывать бѣгство посадскихъ людей изъ городовъ. Въ 1638 году приказано было отыскивать и сажать на старыя мѣста всѣхъ посадскихъ, которые вышли изъ посадовъ до Смуты.

По Уложенію царя Алексѣя Михаиловича было запрещено посадскимъ переходить изъ одного посада въ другой. Всѣхъ тѣхъ, которые сами или отцы ихъ были посадскими, а потомъ

ушли и занялись другимъ дѣломъ, хотя бы даже и продались въ холопы кому-нибудь, велѣно было снова водворить на посады. Если вдова какого-либо посадскаго человѣка выходила замужъ за вольнаго, то его дѣлали тоже посадскимъ человѣкомъ. Вольные люди, женившіеся на посадскихъ дочеряхъ и взятые своими тестями или зятьями въ домы, должны были становиться посадскими людьми. Посадскіе люди, жившіе прежде въ городѣ и платившіе тягло, а потомъ поступившіе въ стрѣльцы и тѣмъ освободившіеся отъ уплаты налоговъ, должны были вернуться въ посадъ. Въ 1658 году была постановлена смертная казнь за переходъ изъ посада въ посадъ, за женитьбу посадскаго на крестьянкѣ безъ отпускной, за выходъ замужъ посадской дѣвушки за крестьянина безъ отпускной отъ города.

Прикрѣпляя такими строгими мѣрами городскихъ жителей къ мѣсту ихъ жительства, къ городу, и тѣмъ самымъ къ платежу казенныхъ сборовъ, правительство заботилось и о томъ, чтобы посадскимъ было изъ чего эти сборы платить.

Для этого за посадскими людьми правительство стало закрѣплять занятіе, наиболѣе свойственное городу, т.-е. торговлю. Въ городахъ было запрещено имѣть лавки и постоянную торговлю всѣмъ непосадскимъ людямъ. Пріѣзжіе изъ округи города крестьяне должны были продавать все, что привозили, или прямо посадскимъ скупщикамъ или торговать привезеннымъ на рынкѣ съ возовъ, уплачивая каждый разъ въ пользу посада за мѣсто на рынкѣ.

Но торговля въ Московскомъ государствѣ была труднымъ дѣломъ. Во-первыхъ, тяжело ложились на тогдашняго купца безчисленные казенные поборы, а, во-вторыхъ, еще тяжелѣе были тѣ способы, какими эти поборы взыскивались. Торговыя пошлины правительство XV и XVI вѣковъ сдавало обыкновенно на откупъ. Откупщики вносили въ казну, сколько она требовала, и получали право выбирать внесенныя ими деньги, взимая тѣ или иныя пошлины. Взимались эти сборы откупщиками, конечно, съ лихвой.

Торговый человѣкъ тѣхъ временъ, прежде чѣмъ, бывало, доберется до мѣста, гдѣ надѣялся сбыть свой товаръ, долженъ былъ переплатить массу денегъ на безчисленныхъ заставахъ у городовъ, мостовъ, перевозовъ, гдѣ, по словамъ указа царя Бориса, „всѣмъ посламъ, посланникамъ, гонцамъ, ратнымъ и торговымъ и всѣмъ проѣзжимъ людямъ чинятся продажи великія: съ пѣшаго человѣка берутъ на перевозахъ по гривнѣ, а съ нѣкоторыхъ по двѣ и по три гривны, а съ гонцовъ по полтинѣ и больше“.

Когда торговый человѣкъ пріѣзжалъ въ городъ, онъ долженъ былъ явиться къ таможнику, не складывая своего товара съ воза или съ судна, не развязывая ни единаго тюка.

Пошлина бралась и съ воза, и съ товара, и съ людей при товарѣ. При складываніи товара въ амбаръ надо было платить амбарныя деньги, при продажѣ сбирались вѣсчая, помѣрная или таможенная пошлина, смотря по тому, какъ товаръ продавался—на вѣсъ, по мѣрѣ или поштучно; съ товаровъ собиралась, кромѣ того, дворовая и поворотная пошлина, какъ бы за въѣздъ въ городъ и за постой. При продажѣ лошадей взимали пятенную и писчую пошлины за наложеніе клейма — пятна — на лошадь и за запись проданной лошади въ книгу. За провозъ скота собиралась провозная пошлина.

Товары, какіе окрестное населеніе привозило въ города на продажу и какіе оно тамъ покупало на свою потребу, были очень просты; это было то, что принято называть сырьемъ, т.-е. скотъ, хлѣбъ зерномъ, битая и живая птица, рыба, яйца, ягоды, овощи; продукты обработанные были очень не хитры: то были простыя деревенныя издѣлія, бочки, кадки, корыта, сани, тесъ, мука, соль, кожи, мѣха, простой холстъ, сермяга и т. п. Конечно, на рынкахъ большихъ торговыхъ городовъ, въ родѣ Москвы и Новгорода, выборъ товаровъ былъ несравненно лучше и разнообразнѣе, но большихъ городовъ было немного, а на рынкахъ мелкихъ городовъ и торжковъ некому было покупать и продавать дорогіе иностранные и московскіе товары. Главнымъ покупщикомъ былъ

здѣсь невзыскательный, бѣдный крестьянинъ, а продавцомъ— мелкій посадскій человѣкъ, въ сущности такой же крестьянинъ, такъ же обрабатывавшій землю, и лишь въ свободное время мастерившій что-нибудь или занимавшійся скупкой и перепродажей на рынкѣ нехитрыхъ крестьянскихъ товаровъ.

Торговля была мелка и становилась все мельче, благодаря тѣмъ затрудненіямъ, какія были на пути ея развитія. Крестьянину было, напримѣръ, положительно трудно рѣшиться ѣхать въ городъ, чтобы продать то, чего у него накоплялось много, и купить то, въ чемъ ощущался недостатокъ. Если бы на пути съ него брали только законныя пошлины, то и тогда не всегда было можно ихъ вынести. На пути пѣшкомъ или съ возомъ на торгъ крестьянинъ долженъ былъ заплатить 7 денегъ мытной пошлины и одну деньгу головного сбора; уже только обѣ эти пошлины превышали обычную поденную плату, равнявшуюся тогда $1^1/_2$ денежкамъ. Если крестьянинъ везъ товару на рубль, то разныхъ пошлинъ съ него сходило болѣе 15 денегъ. Но рубль была по тогдашнему большая сумма: чтобы выручить рубль, надо было продать лошадь, или двѣ коровы, или 10 барановъ, или 4 четверти хлѣба, или четверо саней! При продажѣ дровъ крестьянинъ платилъ въ казну $^1/_{10}$ часть ихъ стоимости. А сколько насчитывали еще на эти сборы откупщики, сколько было всякихъ придирокъ съ ихъ стороны при взвѣшиваніи и опредѣленіи цѣны! Немудрено, что тогдашніе люди ѣздили продавать что-нибудь въ городъ только въ крайности и старались жить, обходясь безъ лишнихъ покупокъ, только тѣмъ, что сами вырабатывали. Спросъ на товары былъ плохой, и торговля поэтому въ общемъ была незначительна.

Прикрѣпляя посадскихъ въ XVII вѣкѣ къ постоянной жизни въ городѣ и указывая имъ на торговлю и городскіе промыслы, какъ на средство добывать себѣ пропитаніе, правительство должно было освободить торговлю отъ всѣхъ указанныхъ неудобствъ. Запретивъ уже въ 1613 году торговать въ городѣ всѣмъ непосадскимъ, правительство отмѣнило

въ 1645 году сдачу казенныхъ сборовъ на откупъ, а въ 1644 году, вмѣсто безчисленныхъ и разнообразныхъ пошлинъ съ проѣзжихъ и торговыхъ людей, съ нихъ стали брать однообразную рублевую пошлину — съ продавцовъ по 10 денегъ съ рубля, а съ покупщика, если онъ покупалъ на наличныя, по 5 денегъ; было разрѣшено торговцамъ имѣть вѣсы до 10 пудовъ, а то раньше всякое взвѣшиванье должно было происходить и могло происходить только на казенныхъ вѣсахъ и за особую плату.

Всѣ эти и нѣкоторыя другія мѣры нѣсколько облегчили торговое дѣло и дали возможность прикрѣпленному къ посаду обывателю кое-какъ изворачиваться и отбывать его платежную службу государству.

По своей способности нести эту службу, т.-е. по своей состоятельности, посадское населеніе Московскаго государства раздѣлялось на особые разряды — лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Отличались эти разряды одинъ отъ другого размѣрами того тягла, тѣхъ платежей, какіе они несли государству, и тяжестью службы или казенныхъ порученій, какія государство на нихъ возлагало. Дворъ лучшаго посадскаго человѣка несъ тягло вдвое большее, сравнительно со дворомъ средняго посадскаго, а средній посадскій несъ тягло вдвое большее, нежели дворъ младшаго посадскаго человѣка.

Затѣмъ, лучшій или средній посадскій человѣкъ служилъ, обыкновенно, цѣловальникомъ въ таможнѣ своего города или вѣрнымъ головой при кружечномъ дворѣ, а младшіе посадскіе отбывали городскую полицейскую службу и несли другія мелкія должности.

Нѣсколько сложнѣе было устройство посадскихъ людей столицы — Москвы. Въ Москвѣ посадское населеніе раздѣлялось на такіе разряды: гости, гостиная сотня, торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ. Гости — это были большіе капиталисты, оптовые торговцы, торговавшіе на капиталъ отъ 300.000 руб. нынѣшнихъ до 2-хъ милліоновъ и выше. Гости исполняли большія денежныя порученія казны; подъ отвѣт-

ственностью капиталомъ и за крестнымъ цѣлованіемъ имъ поручался таможенный сборъ въ большихъ и отдаленныхъ городахъ въ родѣ Архангельска, Вологды и Астрахани, имъ поручалась распродажа казенныхъ мѣховъ, т.-е. той дани мѣхами, какую платили русской казнѣ сѣверные и сибирскіе инородцы. Этотъ доходъ носилъ названіе „соболиной казны государевой". За исполненіе этихъ казенныхъ порученій большой московскій капиталистъ тѣхъ временъ получалъ званіе гостя. Гостей было немного. Въ 1649 г. ихъ насчитывалось не болѣе 13, а въ 70-хъ годахъ XVII вѣка ихъ числилось 30 человѣкъ. Гости пользовались бо́льшими правами по сравненію съ другими посадскими: они могли, напримѣръ, курить вина и варить пива на свою потребу сколько имъ было надобно, не платя никакихъ явочныхъ, не страшась штрафовъ и ареста выкуренныхъ напитковъ; гости могли покупать и брать въ закладъ землю и получали иногда за службу жалованье землей, т.-е. имъ давали помѣстья. За оскорбленіе гостя, по Уложенію, назначался съ оскорбителя штрафъ въ 50 тогдашнихъ рублей, т.-е. нынѣшнихъ тысячу слишкомъ. Такую сумму приходилось платить за оскорбленіе не всякаго служилаго человѣка.

Гостиная и суконная сотни отличались отъ гостей и другъ отъ друга только размѣрами капитала. Казенныя службы несли они такія же, какъ и лучшіе посадскіе люди. Сотнями назывались они не потому, что въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ было по сто человѣкъ, а просто по старинѣ, когда весь городъ, всю тысячу, дѣлили на сотни. Въ 1649 г. въ гостиной сотнѣ считалось 158 семействъ. Торговцы обѣихъ этихъ сотенъ пользовались за свою службу тоже нѣкоторыми правами, тоже, какъ и гости, могли курить безпошлинно вино, напримѣръ, но уже владѣть землей не могли, и безчестье ихъ стоило дешевле.

Торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ были мелкіе торговцы и ремесленники Москвы. Каждая черная сотня составляла особое общество со своими выборными старостами.

сотскими и десятскими во главѣ. Черныя слободы отличались отъ черныхъ сотенъ тѣмъ, что онѣ были населены ремесленниками, обязанными работать на дворецъ или служить по дворцовому хозяйству. Этихъ дворцовыхъ черныхъ слободъ было въ Москвѣ очень много, и до сихъ поръ многія урочища и улицы Москвы сохранили названія тѣхъ слободъ, черезъ которыя когда-то пролегали. Таковы, напримѣръ, нынѣшнія Бронныя, съ ихъ переулками, Оружейнымъ, Гранатнымъ и др.; тамъ жили въ XVI и XVII вв. бронники — оружейные мастера, на Кузнецкомъ мосту жили кузнецы, на Кисловкѣ — квасовары, медовары и пивовары, и т. д.

Гости, гостиная и суконная сотня въ Москвѣ, разряды лучшихъ и среднихъ людей въ провинціальныхъ городахъ пополнялись время отъ времени по распоряженіямъ правительства, приказывавшаго провѣрить „животы и промыслы", т.-е. доходы и капиталы всѣхъ посадскихъ людей. Сообразно ихъ прибытку или убытку сравнительно съ предшествовавшей провѣркой, посадскіе люди размѣщались вновь по разрядамъ до слѣдующей провѣрки.

Такъ жилъ городъ Московской Руси, добывая торговлей и промысломъ средства на защиту государства отъ его враговъ, тѣсно обложившихъ въ то тревожное время московскія границы.

Городъ, такъ сказать, оплачивалъ эту защиту: это было его назначеніе въ государственной жизни. Съ этими цѣлями въ жизни городского населенія все устраивалось такъ, чтобы оно къ этому дѣлу было крѣпко. Для этихъ цѣлей торговля признавалась исключительно городскимъ занятіемъ, для этихъ же цѣлей, для удобства и вѣрности сбора казенныхъ доходовъ, самый сборъ былъ порученъ выборнымъ изъ среды горожанъ за отвѣтственностью и порукой избирателей.

Избранныя мѣстными людьми власти доставляли сборы со своихъ городовъ тѣмъ изъ московскихъ гостей, которые были къ тому назначены правительствомъ.

Такимъ образомъ полнота казенныхъ сборовъ обезпечивалась еще капиталами главнаго сборщика — гостя.

При Петрѣ Великомъ городскія должности получили только иностранныя названія. Головы стали называться бурмистрами, а собраніе московскихъ гостей стало называться Бурмистерской Палатой, а потомъ Ратушей. Суть же дѣла осталась прежняя: закрѣпощенное къ торгово-промышленной дѣятельности городское населеніе Россіи должно было своимъ трудомъ доставлять средства на государственныя нужды.

Лишь со временъ императрицы Екатерины II когда произошло раскрѣпощеніе дворянства и горожанъ, началась для русскаго города иная жизнь [1]).

---

[1]) Составлено по сочиненіямъ: *С. М. Соловьева*, „Исторія Россіи", т. XIII: *С. Ѳ. Платонова*, „Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ въ XVI и XVII вв."; *Н. Д. Чечулина*. „Города въ Московскомъ государствѣ XVI в."; *А. С. Лаппо-Данилевскаго*. „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ Смуты до эпохи преобразованій".

Заставка—съ рукописи XV вѣка.

Воеводское управленіе въ Россіи XVII вѣка.

По описаніямъ современниковъ, земля Московскаго государства раздѣлялась на уѣзды, средоточіемъ которыхъ были города. Уѣзды дѣлились на станы и волости. Строгаго различія между станами и волостями не было. Станъ былъ та же сельская волость, но только пригородная. Но нѣкоторые уѣзды дѣлились на станы, которые подраздѣлялись на волости; другіе уѣзды дѣлились только на станы, въ третьихъ, наконецъ, были и станы и волости, какъ одинаковыя дѣленія. Зависѣло все это отъ величины самыхъ уѣздовъ, которая была очень неравномѣрна. Такъ, Новгородскій уѣздъ заключалъ въ себѣ бо̀льшую часть земель бывшаго Государя Великаго Новгорода, т.-е. чуть не всю Двинскую и Озерную области, а уѣздъ какого-нибудь Суздаля почти что за предѣлами самого Суздаля граничилъ уже съ уѣздомъ сосѣдняго города. Въ общемъ, почти каждый городъ имѣлъ свой уѣздъ, но, напримѣръ, въ Вятскомъ уѣздѣ было пять городовъ, управлявшихся вмѣстѣ.

Уѣздомъ города считалась вся его округа, издавна привыкшая за всякой своей хозяйственной, судебной и иной нуждой обращаться въ этотъ городъ. Земли Великаго Новгорода потому и составляли его уѣздъ, что за долгую совмѣстную историческую жизнь привыкли зависѣть отъ новгородскаго вѣча. Уѣзды городовъ Ростовско-Суздальскаго края потому и были такъ мелки, что въ удѣльное время каждый изъ городовъ этого края былъ резиденціей самостоятельнаго удѣльнаго князя, а ближайшая окрестность составляла самое княжество, населеніе котораго искало въ городѣ у князя суда и правды, свозило сюда свою дань, получало отсюда правителей. Москва, вобравъ въ свои предѣлы всѣ удѣльныя княжества, невольно оставила за ними привычныя границы ихъ княженій, и управленіе пріобрѣтенными землями устраивала въ этихъ привычныхъ населенію границахъ. Да и самое управленіе Москва оставила такое, какимъ оно было и въ городахъ прежняго Московскаго княжества и въ городахъ другихъ удѣльныхъ княжествъ.

Для управленія уѣздомъ посылались изъ Москвы намѣстники. Намѣстникъ управлялъ городомъ и прилежащими станами. Волостями уѣзда управляли присланные съ Москвы же волостели. Намѣстники и волостели управляли своими областями при помощи различныхъ чиновъ, имъ подчиненныхъ. То были: 1) тіуны, судившіе народъ по порученію намѣстниковъ и волостелей; 2) доводчики и праветчики, вызывавшіе тяжущихся на судъ, правившіе съ нихъ пеню и пошлины, отдававшіе обвиненныхъ и подсудимыхъ на поруки и т. п. Всѣ эти мелкіе чины назначались намѣстникомъ или волостелемъ изъ его домашнихъ, даже холоповъ. Это происходило оттого, что самъ намѣстникъ или волостель не получалъ жалованья отъ великаго князя за свою службу, а кормился разными штрафами и пошлинами. Онъ долженъ былъ заботиться, чтобы въ княжескую казну была собрана причитающаяся съ уѣзда сумма, а всѣ излишки шли ужъ въ его собственную пользу. Обыкновенно устраивалось такъ, что половина доходовъ съ

уѣзда шла намѣстнику или волостелю, а другая въ казну великаго князя. Такъ тогда и называлось, что намѣстникъ или волостель такой-то посланъ на кормленіе въ такую-то область. Самая должность называлась кормленіемъ.

Намѣстники и волостели были полными управителями и судьями данныхъ имъ для „кормленія“ областей. Суду ихъ подлежали всѣ люди, жившіе въ уѣздѣ, и надо было имѣть особую грамоту отъ великаго князя, чтобы не быть подсуднымъ намѣстнику. Такія грамоты имѣли почти всѣ монастыри.

Кромѣ доходовъ, получаемыхъ отъ судебныхъ пошлинъ, намѣстники и волостели имѣли „кормы“ отъ всѣхъ жителей уѣзда. Они получали съ жителей „въѣзжее“ — кто что принесетъ. Это былъ даръ вновь пріѣхавшему намѣстнику. Затѣмъ намѣстникъ получалъ дары на три великіе праздника — на Рождество, на Пасху и на Петровъ день. Такіе же дары, только, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ получали и подчиненные намѣстнику тіуны и доводчики.

Съ половины XV вѣка, съ расширеніемъ Московскаго великаго княжества и превращеніемъ его въ Великорусское государство, такъ просто управляться стало уже нельзя; становилось нужнымъ позаботиться и о населеніи, съ котораго намѣстники и волостели могли иначе собирать, сколько хотѣли. Тогда прежде всего запретили намѣстникамъ собирать дань натурой и установили денежный оброкъ, который народъ долженъ былъ имъ выплачивать. Указали кому и какъ люди могутъ жаловаться на злоупотребленія намѣстниковъ, а затѣмъ самый судъ намѣстниковъ былъ ограниченъ. При Иванѣ III было запрещено намѣстникамъ и волостелямъ судить безъ сотскаго, старостъ и лучшихъ людей. Василій III дозволилъ новгородцамъ выбрать со всѣхъ улицъ 48 цѣловальниковъ, изъ которыхъ каждый мѣсяцъ четверо присутствовали на судѣ при тіунахъ.

При Иванѣ IV Грозномъ еще больше ограничивается прежняя безотчетная дѣятельность намѣстниковъ и волостелей. Въ одной жалованной грамотѣ царя Ивана Грознаго говорится:

„Прежде мы, жалуя нашихъ бояръ, князей и дѣтей боярскихъ давали имъ въ кормленіе города и уѣзды, но мы постоянно получали челобитныя, что наши намѣстники и волостели, сверхъ нашего жалованія, чинятъ продажи и убытки великіе, отчего наши села и деревни приходятъ въ запустѣніе, и оброки платятся не сполна. А наши намѣстники и волостели жаловались на посадскихъ и волостныхъ людей, что они имъ подъ судъ не даются, не платятъ имъ кормовъ, а отъ этого между ними постоянныя тяжбы и поклепы великіе. Вслѣдствіе этого, мы, желая народъ освободить отъ всякихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ, волостей и праветчиковъ отставили, а вмѣсто сборовъ на нихъ, мы приказали пооброчить волости деньгами".

Городамъ и волостямъ велѣно было вмѣсто намѣстниковъ и волостелей выбрать излюбенныхъ старостъ, „которыхъ люди межъ собою излюбятъ и выберутъ всей землей", которые умѣли бы и разсудить правду безкорыстно и скоро и вѣрно бы собирали оброкъ для доставленія въ царскую казну.

Выборнымъ же людямъ было поручено наблюденіе за порядкомъ и безопасностью въ городѣ и уѣздѣ. Для отбыванія этой общественной службы жители уѣзда выбирали губного старосту (губа—округъ). Весь уѣздъ раздѣлялся на сотни, полусотни и десятки съ выборными полицейскими чинами—сотскими, пятидесятскими и десятскими во главѣ. Это все были прямые подчиненные губного старосты и его ближайшихъ совѣтниковъ, тоже выборныхъ — губныхъ цѣловальниковъ. Губной староста отвѣчалъ за безопасность и спокойствіе въ уѣздѣ. Онъ ловилъ преступниковъ, предупреждалъ нападеніе разбойниковъ, имѣлъ право даже казнить лихихъ людей, схваченныхъ на мѣстѣ преступленія. Избиратели не только выбирали губныхъ старостъ съ ихъ подчиненными, но и отвѣчали за нихъ: если въ округѣ совершался разбой или грабежъ, то всѣ обыватели должны были уплачивать въ двойномъ размѣрѣ иски пострадавшихъ.

Такимъ образомъ избраннымъ властямъ поручались дѣла чисто государственныя, а населеніе, избравшее этихъ чинов-

никовъ, отвѣчало за ихъ исправность. Управленіе устроено было точно такъ же, какъ сборъ казенныхъ пошлинъ и налоговъ: правительство, вмѣсто того, чтобы назначать своихъ чиновниковъ, поручило все управленіе каждымъ уѣздомъ и городомъ избраннымъ изъ мѣстныхъ жителей на ихъ сходкахъ земскимъ старостамъ. Какъ тамъ за вѣрность сбора, такъ здѣсь за точность и вѣрность службы, избранные отвѣчали своимъ имуществомъ и спинами; нельзя было получить съ нихъ,—недоборъ и штрафы взыскивались съ тѣхъ, кто выбралъ нерадивыхъ или неисполнительныхъ чиновниковъ.

Эти избранные мѣстнымъ населеніемъ чиновники должны были такъ же вѣдать „государево дѣло", какъ его вѣдали прежніе намѣстники и волостели.

Замѣна намѣстниковъ и волостелей земскими старостами совершалась по просьбѣ самихъ „всеуѣздныхъ" людей, но не всѣ уѣзды воспользовались новымъ устройствомъ, тѣмъ болѣе, что за позволеніе выбирать себѣ свое мѣстное начальство города и уѣзды должны были платить новый оброкъ „за намѣстничей кормъ", который шелъ на жалованіе отставнымъ служилымъ людямъ.

Во многихъ городахъ, особенно пограничныхъ, выборъ мѣстнаго начальства могъ и не состояться по случаю военнаго положенія этихъ городовъ и уѣздовъ и малаго числа невоенныхъ жителей. Въ такихъ городахъ и уѣздахъ все управленіе сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, военныхъ начальниковъ гарнизона.

Когда настали тяжелые годы Смутнаго времени, то шайки и отряды непріятелей—поляковъ, шведовъ, казаковъ, сторонниковъ различныхъ самозванцевъ — разсѣялись по всей землѣ, и не стало тогда ни одного города, которому не угрожало бы непріятельское нападеніе.

Во всѣхъ городахъ пришлось завести военную охрану, вездѣ появились воеводы. Царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича все сплошь ушло на очистку страны отъ послѣднихъ шаекъ различнаго бунтовавшаго, воевавшаго и грабившаго

мирное население люда. Эта война съ остатками Смуты и заставила держать въ городахъ, даже внутреннихъ, военные отряды подъ начальствомъ воеводъ. При царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ воеводы были назначены въ 33 городахъ, въ которыхъ ихъ прежде не было.

Какъ представитель верховной власти, присланный изъ Москвы по царскому выбору, воевода управлялъ всѣмъ уѣздомъ и городомъ.

Воевода же былъ главнымъ начальникомъ военной охраны, судьей, подъ его вѣдѣніемъ состояли казенные сборы, въ его руки, словомъ, сходились всѣ нити по управленію уѣздомъ и городомъ. Черезъ него шло все касающееся этого управленія въ Москву, къ царю и въ приказы, отъ него объявлялись жителямъ всѣ распоряженія высшаго правительства.

Воеводамъ поручался иногда даже надзоръ за исполненіемъ жителями христіанскихъ обязанностей. Въ 1650 г. Туринскому воеводѣ было приказано тѣхъ людей, которые не оказываютъ должнаго почтенія къ Святымъ Божіимъ Тайнамъ, жестоко наказывать и посылать въ монастырь на покаяніе до тѣхъ поръ, пока виновные не навыкнутъ имѣть страхъ Божій. А въ 1660 г. новгородскимъ воеводамъ правительство поручило надзирать даже за священниками и провѣрять, заботятся ли они о исправленіи требъ и нуждъ своихъ духовныхъ дѣтей.

На ряду съ воеводами продолжало существовать во многихъ городахъ и прежнее выборное управленіе съ земскими старостами и цѣловальниками, но всѣ эти чины были ниже воеводы и подчинялись ему. Вообще власть воеводы была столь же велика и обширна, какъ и власть прежнихъ намѣстниковъ и волостелей.

Но только прежніе намѣстники и волостели обладали большой властью потому, что они получали вмѣстѣ съ городомъ право кормиться своей службой, а воеводы, появившіеся въ городахъ послѣ Смуты, обладаютъ властью военныхъ начальниковъ, назначенныхъ дѣйствовать въ тяжелое и суровое военное время, когда въ ихъ распоряженіи должно было на-

ходиться для пользы и лучшаго устройства защиты все — и люди и запасы. Намѣстники и волостели, можно сказать, хозяйничали въ городѣ, добывая *себѣ* средства къ существованію, воевода управляетъ городомъ, заботясь прежде всего не о себѣ, не о своей выгодѣ, а о выгодахъ государства, которое послало его, воеводу, въ этотъ городъ охранять жителей и крѣпость отъ возможныхъ нападеній непріятеля. Въ этомъ смыслѣ должности намѣстниковъ и воеводъ—-разное дѣло.

Поэтому прежніе намѣстники и волостели правили даннымъ имъ въ „кормленіе“ городомъ почти безотчетно, а власть воеводы правительство старается ограничить и требуетъ, „чтобы воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлали по нашему указу и служилымъ бы, и посадскимъ, и уѣзднымъ, и проѣзжимъ никакимъ людямъ насильствъ не дѣлали и посуловъ и поминокъ (т.-е. взятокъ и подарковъ) ни отъ какихъ дѣлъ и кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ на себя не имали, и на дворѣ у себя дѣтямъ боярскимъ, и стрѣльцамъ, и казакамъ, и пушкарямъ, и съ посадовъ бы, и съ слободъ водовозомъ и всякимъ дѣловымъ людямъ быть и хлѣба молоть и толочь и печь, и никакого издѣлья дѣлати на себя во дворѣ, и въ посадѣхъ и въ слободахъ не велѣли, и городскими, и уѣздными людьми пашенъ бы своихъ не пахали и сѣна не косили“...

Запрещалось воеводамъ даже покупать для себя что-нибудь у подвѣдомственныхъ имъ обывателей, кромѣ съѣстного и лошадей, а ужъ если надо что купить, то чтобы покупали на рынкѣ, на виду у всѣхъ, а не заставляли бы торговыхъ людей привозить товаръ къ себѣ на воеводскій дворъ. Затѣмъ, во всѣ большіе города правительство посылало всегда по два воеводы и по два дьяка; а въ меньшіе города воеводу съ дьякомъ и крѣпко приказывало, „чтобы они всякія дѣла дѣлали вмѣстѣ, за одинъ“.

Понятно, для чего придумывались всѣ эти мѣры; цѣль ихъ была—предотвратить возможныя злоупотребленія воеводъ.

Но крѣпко засѣвшее въ умахъ представленіе, что воеводская власть та же, что и прежняя намѣстничья, что воеводская должность можетъ и должна кормить воеводу, какъ „кормила" прежняго намѣстника его власть, не такъ-то легко было искоренить, тѣмъ болѣе, что и народъ, жители посада и уѣзда, привыкнувъ „кормить" намѣстниковъ и задабривать ихъ обиліемъ „корма", продолжали смотрѣть также и на воеводъ.

Желавшіе получить мѣсто воеводы, подавали объ этомъ прошеніе государю и писали въ немъ постарому — „прошу отпустить покормиться воеводой въ такой-то городъ".

„Царю и государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея Россіи самодержцу, — гласитъ одна такая просьба, — бьетъ челомъ бѣдной и безпомощной холопъ твой Лукашко Ивановъ сынъ Плещеевъ. Скитаюсь я, холопъ твой, межъ дворъ, голодною смертью помираю, а помѣстейца, государь, отца моего въ Ржевскомъ уѣздѣ 500 четей, а въ немъ восемь бобылей, и съ того, государь, помѣстейца мнѣ, холопу твоему, твоей государевой службы служити нечѣмъ, прокормитца не съ чего. Милосердный государь, царь, пожалуй меня бѣднова, безпомощнова холопа своего, для Спаса и для Пресвятой Богородицы и для своего государева многолѣтняго здравія, не дай, государь, мнѣ бѣдному умереть голодною смертію. Вели, государь, меня отпустить къ своему государеву дѣлу на Бѣлоозеро".

Въ отвѣтъ на такую просьбу слѣдовало повелѣніе — „наказъ дать и отпустить".

Правительство само не всегда выдерживало разницу между привычнымъ прежнимъ „кормленіемъ" и новымъ взглядомъ на воеводство, какъ на службу. Извѣстенъ, напримѣръ, такой случай. Одинъ служилый человѣкъ просилъ царя Алексѣя Михаиловича о воеводствѣ. Царь послалъ спросить въ Разрядный приказъ, есть ли свободный городъ, въ которомъ бы можно было нажить пятьсотъ, шестьсотъ рублей? Такой городъ нашелся, а именно — Кострома. Царь послалъ туда

просителя и сказалъ, чтобы онъ нажилъ денегъ на воеводствѣ и купилъ себѣ деревню. Отслуживъ то время, на какое былъ назначенъ, воевода донесъ государю, что онъ нажилъ всего четыреста рублей. Царь велѣлъ тайно развѣдать, правду ли говоритъ воевода. Оказалось, что воевода говорилъ правду, бралъ только то, что ему приносили „въ почесть“, и ничего не вымогалъ съ жителей. Царю такъ понравилась честность воеводы, что онъ велѣлъ дать ему болѣе нажиточный городъ.

Каждому воеводѣ при назначенiи его давался наказъ, какъ управлять ему городомъ и уѣздомъ, но оставлялся и полный просторъ управлять не по наказу, если то „казнѣ будетъ прибыточно, а всякаго чина людямъ не тягостно“. Всякiй наказъ неизмѣнно кончался предписанiемъ — „дѣлать все по сему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и по своему высмотру, какъ будетъ пригоже и какъ его, воеводу, Богъ вразумитъ“.

Понятно, какой просторъ произволу воеводъ создавался и какъ мало ограничена, въ сущности, была ихъ власть. Немудрено, что недобросовѣстные воеводы пользовались своей властью съ корыстными цѣлями, во зло, вымогали и брали съ людей „посулы и поминки многiе“, несмотря на то, что доброму и справедливому воеводѣ и безъ намековъ съ его стороны всякаго „припасу“ „въ почесть“ носили столько, что можно было въ короткое время поправить довольно разстроенное состоянiе. Воеводскихъ мѣстъ поэтому служилые люди мелкаго и средняго достатка добивались съ большимъ старанiемъ.

„Радъ былъ служилый человѣкъ, — говоритъ историкъ С. М. Соловьевъ, — собираться въ городъ на воеводство, — и честь большая и кормъ сытный. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники, — послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земскiй староста зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня, ключники и подклѣтные — будутъ сыты; прыгаютъ малые

ребята — и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи юродивый (блаженный), живущій во дворѣ — ему также будутъ подачки. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу“...

Вотъ новый воевода въѣзжаетъ въ городъ; старый воевода сдаетъ ему крѣпостное строеніе, зданія, оружіе, запасы, деньги, бумаги. Новый воевода пересматриваетъ все по описямъ, считаетъ по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, провѣряетъ списки служилыхъ и посадскихъ людей, ихъ дѣтей, братіи и племянниковъ, которые въ возрастѣ.

Воевода привезъ съ собой длинный царскій наказъ, гдѣ исчислены всѣ его обязанности, какъ онъ долженъ промышлять государевымъ дѣломъ, смотрѣть, чтобы все государево было цѣло, чтобы вездѣ были сторожа; беречь накрѣпко, чтобы въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства, боя, грабежа; кто объявится въ этихъ преступленіяхъ, того брать и, по сыску, наказывать. Воевода судитъ и во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ; воевода смотритъ, чтобы всѣ доходы государевы доставлялись сполна съ города и съ уѣзда.

Въ воеводской избѣ сидятъ и слушаютъ царскій наказъ губной староста — выборный начальникъ всей полиціи уѣзда, и земскій староста съ цѣловальниками и вѣрными головами — выборный начальникъ города съ выборными же своими помощниками и начальниками разныхъ казенныхъ сборовъ. Слушаютъ царскій наказъ эти мѣстныя власти и присматриваются: каковъ-то новый воевода? Вѣрны ли слухи о немъ, которые давно ужъ дошли до города?

Съ воеводой выборнымъ мѣстнымъ властямъ надо жить въ ладу — онъ сила и по своей власти и по своему значенію. Безъ воеводы какъ поймать тайнаго винокура, какъ сдѣлать у него обыскъ, какъ собрать долги съ недоимщиковъ и задолжавшихъ „питуховъ“, т.-е постоянныхъ потребителей казеннаго кружечнаго двора. А для ладовъ съ воеводой нужно не щадить ему подарковъ въ царскіе дни, что называлось „въ почесть для царскаго величества“, не щадить подарковъ

за обѣды, которые воевода будетъ давать мѣстнымъ властямъ, и за которые эти власти должны были, по старому обычаю, отдаривать хозяина. Вотъ и смотрятъ посадскіе люди: очень ли прижимистъ будетъ на эти дары воевода или будетъ ласковъ и добръ? будетъ ли брать, что принесутъ, или станетъ запрашибать и лишнее? Слухи о новомъ воеводѣ разные — что-то въ нихъ правда?

Но вотъ прочли наказъ. Воеводу поздравляютъ съ царской милостью, онъ кланяется, благодаритъ на добромъ словѣ и завѣряетъ, что радъ послужить въ городѣ, что отъ него-то ужъ никакихъ продажъ и убытковъ посадскимъ и всеуѣзднымъ людямъ не будетъ. Посадскія и уѣздныя выборныя власти выслушивали рѣчь воеводы, кланялись и говорили, что они рады уважать государева слугу, рады его пріѣзду и вотъ просятъ принять въ почесть для пріѣзда, ради великаго государева имени, хлѣбъ-соль. Воевода угощалъ властей обѣдомъ, а послѣ обѣда приглашенные отдаривали хозяина.

Поддержка добрыхъ отношеній при помощи различныхъ даровъ и подарковъ обходилась довольно дорого городу. Но ничего подѣлать было нельзя — обычай слишкомъ ужъ былъ крѣпокъ. Несмотря на законъ, прямо запрещавшій кормы, посулы и поминки, ихъ ждалъ воевода, пріѣхавшій „покормиться“, ихъ давать считали своимъ долгомъ обыватели. Это была „почесть“.

Обычай заставлялъ всякаго, кто бы онъ ни былъ, зачѣмъ бы ни шелъ на воеводскій дворъ — нести какой-нибудь подарокъ воеводѣ.

Нечего и говорить, что тяжущіеся, — виноватые, которые хотѣли быть правыми, правые, боявшіеся какъ бы ихъ даромъ не обвинили, — несли подарки другъ предъ другомъ: кто больше и лучше; и въ поискахъ за поддержкой задаривали всѣхъ, кто былъ такъ или иначе прикосновененъ къ воеводскому суду или даже просто къ воеводскому двору.

Посадскіе и уѣздные люди прямо собирали межъ себя деньги на „кормъ и поминки“ воеводѣ, и земскій староста

велъ точный и аккуратный счетъ расхода этихъ мірскихъ денегъ. Вотъ записи изъ одной такой книги: „1-го сентября несено воеводѣ: пирогъ въ 5 алтынъ, налимовъ на 26 алтынъ; подьячему пирогъ въ 4 алтына 2 деньги; другому подьячему пирогъ въ алтынъ 4 деньги; третьему подьячему пирогъ въ 3 алтына 2 деньги“. Воевода позвалъ обѣдать, за эту честь надо его отблагодарить, и староста подноситъ воеводѣ послѣ обѣда: „въ бумажкѣ 4 алтына, боярынѣ его 3 алтына 2 деньги, сыну его 8 денегъ, служанкамъ 8 денегъ, слугамъ 6 денегъ“. На другой день, 2 сентября, староста опять идетъ къ воеводѣ и несетъ: „четверть говяжью въ 12 алтынъ, да щуку въ 6 алтынъ; подьячему — четверть говяжью въ 9 алтынъ“. 3-го сентября староста несетъ воеводѣ „щукъ на 19 алтынъ, да на воеводскій дворъ купилъ лопату въ 2 деньги, 100 свѣчъ сальныхъ, далъ 8 алтынъ 2 деньги, купилъ въ съѣзжую избу бумаги 5 дестей, заплатилъ 11 алтынъ 4 деньги“... и такъ каждый день носитъ земскій староста то говядины, то рѣпы четверикъ, то щукъ, то вина и пива и самому воеводѣ, и его „лакомымъ“ подьячимъ.

А вотъ роспись расхода на воеводскомъ дворѣ присланнаго изъ уѣзда съ казеннымъ сборомъ мірского посыльнаго: „Ходилъ къ воеводѣ, несъ хлѣбъ да колачъ въ два алтына, да мяса говяжья на 26 алтынъ, свиную тушу въ рубль, да баранью тушу въ 13 алтынъ, да деньгами въ бумажкѣ 3 рубля; племяннику воеводы—рубль; другому племяннику—10 алтынъ; боярынѣ—рубль; дворецкому—21 алтынъ; людямъ на весь дворъ—21 алтынъ; ключнику—10 денегъ; малымъ ребятымъ—2 алтына. Подьячему—хлѣбъ да колачъ, деньгами два рубля съ полтиной, женѣ его—16 алтынъ, двоимъ племянникамъ—рубль; людямъ на весь дворъ—10 алтынъ; приворотнику — алтынъ; малымъ ребятамъ — 8 денегъ; блаженному — 4 деньги; приставамъ далъ всѣмъ на всю братію 6 денегъ; да когда платилъ деньги далъ сторожу въ мѣшокъ 2 деньги, да что писалъ въ книгу цѣловальникъ взялъ 2 деньги, да староста взялъ за сѣно, что міромъ посулено воеводѣ, 4

гривны“. Надо было, значитъ, по тогдашнему обычаю, дарить, давать „поминки“ даже своей братіи — выборнымъ.

Всѣ эти и другіе мірскіе расходы на воеводу и его подчиненныхъ и домочадцевъ были дѣломъ обыкновеннымъ и не возбуждали ни ропота ни жалобъ. Но бывали воеводы, которые не довольствовались обычными полюбовными приношеніями и сами назначали, что и сколько должно быть имъ поднесено. Тогда въ земской избѣ поднимались громкія жалобы, земскій староста отправлялся на воеводскій дворъ и „лаялъ“ воеводу, т.-е. бранилъ его на чемъ свѣтъ стоитъ и упрекалъ въ неправдѣ. Когда это не помогало, призывался дьячекъ земской избы и подъ диктовку старосты строчилъ слезную челобитную въ Москву на воеводу отъ имени всѣхъ „уѣздныхъ и посадскихъ людишекъ“.

Воевода тоже не дремалъ со своей стороны и, въ пику земскому прошенію на него, отправлялъ отъ себя челобитную въ Москву, жалуясь, что посадскій земскій староста „лаялъ“ его, воеводу, называлъ „воромъ“ при многихъ людяхъ, а эти „люди“ „чинятся сильны“, доходы платятъ оплошно и говорятъ мнѣ, воеводѣ, „съ большимъ невѣжествомъ“, чтобъ я съ нихъ казенныхъ доходовъ не собиралъ, „бунтуютъ, приставовъ бьютъ“.

Въ Москвѣ прочтутъ обѣ челобитныя и пошлютъ слѣдователя — „сыщика“ — справиться, кто тутъ правъ, кто виноватъ. Дѣло затягивалось, запутывалось обоюдными жалобами и кончалось, обыкновенно, изморомъ либо уходомъ воеводы въ Москву или на другое воеводство. Но въ случаяхъ вопіющихъ, если воевода былъ не правъ, и слѣдствіе подтверждало его вины — наказаніе не заставляло себя ждать: виновнаго сводили съ воеводства, били иногда батогами, отписывали въ казну всѣ его „животишки“ и „рухлядишку“ и приказывали впредь на воеводскую службу никуда не назначать. Еще въ 1619 году въ Москвѣ былъ даже учрежденъ особый приказъ — „приказъ, что на сильныхъ людей челомъ бьютъ“, въ который надо было подавать жалобы на насилье и самоуправ-

ство воеводъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ народу строго-на-строго запрещалось давать воеводамъ взятки, — „посулы“, работать даромъ на воеводъ и исполнять ихъ незаконныя требованія. Но многіе „лихіе“ воеводы продолжали своевольничать, а всеуѣздные люди продолжали давать незаконные дары воеводамъ, а когда приходилось невмоготу, то самоуправничали, „чинились сильны“, и отказывались повиноваться воеводѣ даже въ его законныхъ требованіяхъ.

Чтобы избавиться отъ подобнаго рода случаевъ, правительство, гдѣ позволяли это обстоятельства, отмѣняло воеводское управленіе, и всю власть воеводы вручало выборнымъ людямъ города и уѣзда—земскимъ и губнымъ старостамъ съ цѣловальниками. Но возникали нѣкоторыя корыстныя неудовольствія и съ губными старостами, когда нѣкоторые изъ нихъ, почуявъ себя въ положеніи воеводъ, стали злоупотреблять своею властью.

Опять тогда сыпались въ Москву жалобы населенія на „срамного и скареднаго губного старосту“, и жалобы старосты на „чинящихся сильными людишекъ“.

Были, конечно, случаи, когда гладко все шло при воеводскомъ управленіи, какъ, напримѣръ, въ Псковѣ во время воеводства Ордина-Нащокина; были случаи полнаго порядка и благоустройства въ управленіи при однѣхъ лишь выборныхъ властяхъ. Большинство городовъ и уѣздовъ сѣвера сохранили у себя выборное начальство, не мѣняя его на воеводское, съ самаго начала введенія его и до послѣднихъ годовъ XVII вѣка. Но большинство городовъ и уѣздовъ просто не знало, на чемъ остановиться: то просило правительство дать имъ воеводъ, то молило убрать воеводъ и позволить опять управляться самимъ, своимъ выборнымъ начальствомъ. Городъ Дмитровъ управлялся, напримѣръ, до 1639 г. воеводой, въ этомъ году онъ проситъ разрѣшить ему выбрать себѣ губного старосту, а въ 1644 году опять проситъ дать ему воеводу. И это не единственный случай такого рода колебаній.

Правительство не оставалось глухо къ такого рода челобитьямъ и всегда исполняло ихъ, мѣняя назначеннаго воеводу

на выборнаго земскаго или губного старосту и наоборотъ. И тотъ и другой одинаково должны были вѣдать „великое дѣло государево“ и доставлять безъ задержки казенные сборы; для этого они только и ставились и одинаково отвѣчали за вѣрность и правильность службы. Поэтому-то такъ легко и было замѣнять однихъ другими, властей выборныхъ властями назначенными.

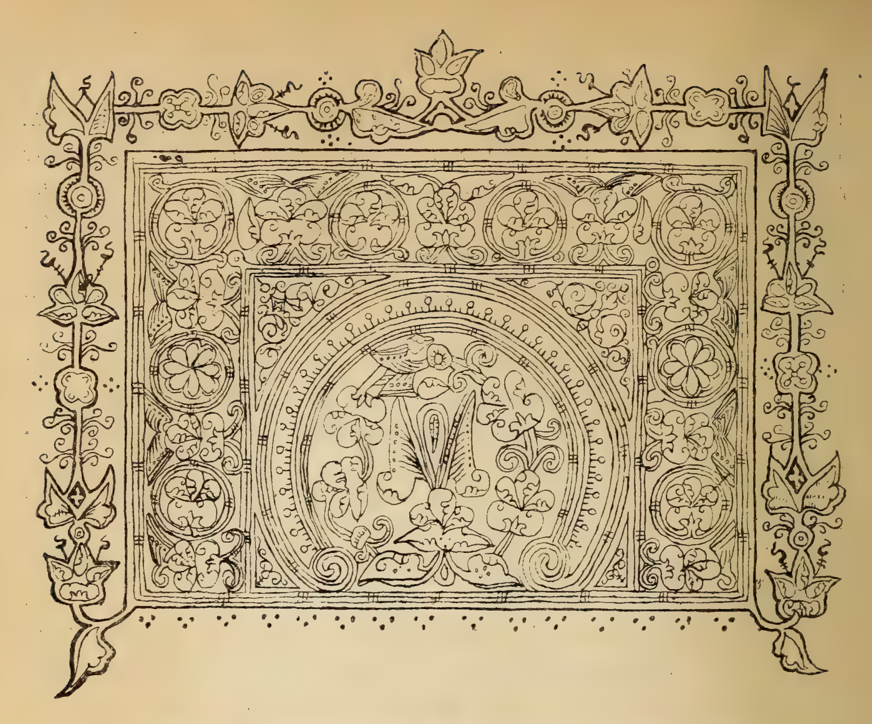
Такъ длилось до самого конца XVII вѣка, когда правительство убѣдилось, что власть воеводы должна быть ограничена. Съ конца XVII вѣка, за выборными мѣстными властями окончательно остался сборъ казенныхъ доходовъ, воеводы же были отъ этого совсѣмъ устранены и потеряли всякую возможность вмѣшиваться по закону въ эти дѣла выборныхъ мѣстныхъ властей.

Учрежденіе Петромъ Великимъ губерній и губернаторскихъ должностей принизило, такъ сказать, и самую воеводскую должность — изъ первой она стала во вторыхъ степеняхъ и получила даже, впрочемъ, не надолго, другое названіе: воеводы стали называться комендантами, но уже въ 1727 году званіе воеводъ было возстановлено и просуществовало до 1775 года, когда императрица Екатерина II издала „Учрежденіе о губерніяхъ“, положившее начало новому строю управленія провинціей Русскаго государства [1]).

---

[1]) Составлено по сочиненіямъ: *С. М. Соловьева*, „Исторія Россіи“, т. XIII; *Б. Чичерина*, „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“; *А. Д. Градовскаго*, „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“; *И. Андреевскаго*, „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ“.

Заставка — изъ первопечатнаго Апостола (1564 г.).

Дьяки и подьячіе Московскаго государства.

Во главѣ отдѣльныхъ частей управленія Московскимъ государствомъ стояли особыя учрежденія, которыя именовались приказами. Приказомъ называлось тогда то, что мы теперь называемъ канцеляріей, департаментомъ, министерствомъ. Приказы были, слѣдовательно, такими правительственными учрежденіями, которыя исполняли порученія правительства по управленію страной и вели текущее дѣло управленія той частью, которая была данному приказу подчинена.

Возникновеніе приказовъ, какъ правительственныхъ учрежденій, произошло въ московское время, когда образовались государство и правительство, но развились приказы изъ учрежденій, хорошо извѣстныхъ удѣльному времени.

Удѣльный князь, хозяинъ своего княженія-удѣла, всякій разъ, когда въ его хозяйствѣ возникало дѣло, котораго онъ

самъ почему-либо не хотѣлъ или не могъ рѣшить, *приказывалъ* разобраться въ этомъ дѣлѣ одному изъ своихъ бояръ. Такія дѣла могли быть временныя, напримѣръ, разборъ жалобы какого-нибудь монастыря на сосѣднихъ крестьянъ, запахавшихъ монастырскую землю, но бывали дѣла и болѣе длительнаго характера — напримѣръ, правильное устройство сбора княжеской дани во всемъ княженіи или устройство сколько-нибудь правильнаго хозяйства въ бортяныхъ княжескихъ лѣсахъ.

При такихъ болѣе или менѣе постоянныхъ приказахъ невольно складывался извѣстный распорядокъ внутренняго устройства. Боярину, которому князь приказывалъ наладить сборъ даней, приходилось набирать себѣ помощниковъ, письменныхъ людей, которые умѣли бы переписать даньщиковъ, составить отчетность, вести переписку съ людьми, разосланными во всѣ стороны княженія для составленія списка даньщиковъ, и т. п. Около такого боярина, которому было приказано порученіе сложное и требовавшее много времени для своего выполненія, такимъ образомъ, невольно составлялся штатъ лицъ, работающихъ надъ этимъ дѣломъ.

Грамотные люди въ то время встрѣчались чаще всего среди служителей и причетниковъ церкви. Въ приходахъ всю письменную часть, какая была, велъ тогда дьячокъ, дьякъ. Служители по письменной части при дворѣ удѣльнаго князя были тоже изъ дьяковъ его придворной церкви, а потому это названіе перешло и на всѣхъ вообще, кто служилъ перомъ при князѣ. Дьякъ придворной церкви князя, начальникъ его письменной части, становился тѣмъ болѣе важнымъ лицомъ, чѣмъ болѣе развивалась въ управленіи княжествомъ письменная дѣятельность. Одному дьяку часто нельзя было и справиться со всѣмъ дѣломъ, тогда ему давали помощниковъ, подчиненныхъ ему — поддьяковъ или подьячихъ.

Въ большихъ удѣльныхъ княжествахъ, удѣльныхъ великихъ княженіяхъ, конечно, скоро образовался такой кругъ однородныхъ дѣлъ, которыя возникали одно за другимъ, такъ

что получалось извѣстное постоянство ихъ. Таковы, напримѣръ, были дѣла судебныя. Если преступленія и споры объ имуществѣ въ какомъ-нибудь небольшомъ удѣльномъ княжествѣ — Бохтюжскомъ или Андожскомъ—были рѣдки, по малочисленности населенія и скромнымъ размѣрамъ княжества, и могли быть разрѣшаемы какъ только возникали, оставляя правительству долгій промежутокъ между отдѣльными случаями, то въ большихъ удѣльныхъ великихъ княженіяхъ — Тверскомъ, Рязанскомъ, Московскомъ — перерывовъ по неимѣнію дѣлъ, напримѣръ, въ судѣ или вѣдомствѣ надѣленія землей, порядившихся на службу къ князю, не могло быть. Нельзя было такъ же прерывать, то прекращая, то возобновляя ее, такую дѣятельность, какъ устройство военной силы или сбора дани. Мелкій удѣльный князь о войскѣ могъ не заботиться, потому что его у него не было и не могло набраться, а тверскому великому князю одно сосѣдство съ Литвой и Москвой не позволяло хоть на минуту прервать заботу о военной силѣ своего княжества. Подъ давленіемъ постоянной нужды въ устройствѣ той или иной части управленія, временные и непостоянные „приказы“ князя, назначавшіеся только для улаженія того или иного дѣла, превращаются въ приказы постоянные, которые князь поручаетъ для длительнаго веденія одному лицу, по своему выбору; этотъ начальникъ приказа, судья этого дѣла, засѣдаетъ въ особомъ помѣщеніи на княжескомъ дворѣ и имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый штатъ младшихъ и старшихъ помощниковъ — дьяковъ и подьячихъ.

Когда образовалось Московское государство, то, если можно такъ выразиться, всѣ дѣла по управленію стали постоянными и потребовали постояннаго наблюденія и надзора за своимъ теченіемъ. Съ XV вѣка историки и отмѣчаютъ появленіе приказовъ, какъ постоянныхъ правительственныхъ учрежденій, постоянно вѣдающихъ порученные каждому изъ нихъ отдѣлы управленія и суда. По мѣрѣ развитія государства, каждое новое дѣло вело къ учрежденію новаго при-

каза; съ присоединенiемъ къ Москвѣ каждаго отдѣльнаго княжества или земли, устраивался приказъ, вѣдавшiй эту землю. Число приказовъ увеличивалось поэтому все болѣе и болѣе.

Двоякое происхожденiе московскихъ приказовъ, возникавшихъ или благодаря новой государственной нуждѣ или благодаря присоединенiю къ Москвѣ земли, которая уже имѣла свое управленiе, позволяетъ раздѣлить всѣ многочисленные московскiе приказы XVI и XVII вв. на два большихъ разряда. Къ первому относятся тѣ приказы, которые вѣдаютъ какое-либо одно дѣло на всемъ пространствѣ страны, это приказы дворцовые, вѣдающiе собственное хозяйство царя, и приказы, занятые устройствомъ такихъ обще-государственныхъ дѣлъ, какъ военное дѣло, финансы, ямская гоньба, т.-е. тогдашняя почта и пути сообщенiя, и т. п.

Ко второму разряду относятся приказы, которые вѣдаютъ всѣ дѣла какой-либо одной части государства, присоединившейся къ Москвѣ. Эти приказы носили названiе „четвертей". Сначала ихъ было три, и тогда они назывались третями, потомъ прибавился еще одинъ, и эти приказы стали называться четвертями; въ XVII в. къ этимъ четвертямъ присоединились еще двѣ, но уже подъ старымъ названiемъ четвертей. Названiе ихъ показываетъ, какiя области они вѣдали: Нижегородская четверть вѣдала земли бывшаго великаго княженiя Нижегородскаго и Новгорода Великаго; четверть Устюжская вѣдала области Устюга Великаго; четверть Костромская — область Костромы; были затѣмъ четверти Владимiрская, Галицкая и Новая, вѣдавшiя питейный доходъ во всей странѣ; завоеванiе Смоленска при великомъ князѣ Василiи III привело къ возникновенiю разряда или приказа Смоленскаго, завоеванiе Казани создало Казанскую избу или Казанскiй дворецъ, завоеванiе Сибири создало Сибирскую четверть, переименованную потомъ въ приказъ; присоединенiе Малороссiи привело съ собой учрежденiе Малороссiйскаго приказа.

Всего приказовъ было въ XVII в. до 47.

Приказъ, въ которомъ сосредоточивалось хозяйство царя, назывался Казенный дворъ. Казенному двору были подчинены дворы: хлѣбенный, сытенный, кормовой, житный, конюшенный. Въ приказѣ Казеннаго двора сидитъ казначей съ двумя дьяками; тутъ сложены: царская казна, сосуды золотые и серебряные, всякаго рода ткани — полотна, парча, штофъ, шелкъ, атласъ, мѣха и т. п., отсюда берутъ этотъ матеріалъ на всѣ надобности самого государя и его домашнихъ, отсюда же берутъ его и на жалованіе всякаго чина людямъ. Тогда не существовало ни орденовъ ни другихъ какихъ знаковъ отличій, и великій государь жаловалъ лицъ, заслужившихъ его ласку, платьемъ — дарилъ знатныхъ людей шубами: бархатными, парчевыми, атласными на соболяхъ. Жаловалъ государь или прямо готовую шубу или весь матеріалъ на нее. Казенному двору были подвѣдомственны болѣе ста человѣкъ портныхъ и скорняковъ; они и были заняты тѣмъ, что шили платье на государя и его близкихъ и для пожалованій. Менѣе знатныхъ людей — дворянъ, конюховъ, сокольничьихъ, пѣвчихъ и т. п., государь жаловалъ сукномъ, камкой, тафтой на платье, сафьяномъ на сапоги, соболемъ на шапку, — все это отпускалось тоже съ Казеннаго двора. Съ Казеннаго же двора отпускаются ежегодно сукна стрѣльцамъ на кафтаны, соболя, шелковыя матеріи и сукна донскимъ казакамъ. На Казенный дворъ постоянно приходятъ священники, дьяконы, дьячки разныхъ московскихъ и городовыхъ церквей за государевымъ жалованьемъ; однимъ оно полагалось ежегодно, другимъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, третьимъ — какъ государь укажетъ. Больше 18.000 человѣкъ духовенства въ годъ перебываетъ, бывало, на Казенномъ дворѣ!

Деньги на все это идутъ изъ приказа Большого Дворца. Тамъ засѣдаютъ бояринъ, дворецкій, окольничій, думный дворянинъ да два или три дьяка. Вѣдаются въ этомъ приказѣ больше сорока городовъ. Приказъ Большого Дворца собираетъ подати съ посадскихъ людей, съ таможенъ, со всякихъ угодій. Всего собираетъ этотъ приказъ до 120.000 рублей въ годъ.

Конюшенный приказъ до XVII в. вѣдалъ бояринъ конюшій; это званіе считалось тогда первымъ по чину и чести. При царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ конюшимъ бояриномъ былъ Борисъ Годуновъ. Въ XVII в. это званіе уничтожили.

Большое значеніе при царѣ Алексѣѣ имѣлъ приказъ Тайныхъ Дѣлъ. Этотъ приказъ велъ переписку царя, вѣдались здѣсь также дѣла, которыя особенно занимали государя: гранатное дѣло, соколиная охота, голуби, которые шли на кормъ хищныхъ охотничьихъ птицъ; держали этихъ голубей на особомъ голубиномъ дворѣ больше 100.000 штукъ.

Важное значеніе въ жизни государства имѣлъ, конечно, Посольскій приказъ, исполнявшій всѣ дѣла по сношенію съ иностранными государствами. Дѣла, подлежавшія вѣдѣнію Помѣстнаго приказа, ясны изъ самаго названія. Служебными назначеніями, военными и гражданскими, завѣдывалъ Разрядный приказъ; приказы Стрѣлецкій, Рейтарскій, Пушкарскій, Иноземный завѣдывали соотвѣтственными частями военнаго управленія. Приказъ Большой Казны вѣдалъ гостей, торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ, серебрянаго дѣла мастеровъ, денежный дворъ, вообще торговлю. Приказъ Большого Прихода собиралъ доходы съ Москвы и другихъ городовъ, съ лавокъ, гостиныхъ дворовъ, погребовъ, съ мѣры и вѣсу. Счетный приказъ вѣдалъ приходъ и расходъ всего Московскаго государства. Разбойный приказъ вѣдалъ уголовныя дѣла всего Московскаго государства. Для гражданскаго суда въ дѣлахъ служилыхъ людей были два Судныхъ приказа — Московскій и Владимірскій. Былъ еще приказъ Панихидный, который вѣдалъ поминовеніе по усопшимъ царямъ и членамъ царскаго дома и раздавалъ милостыню за упокой ихъ душъ. Аптекарскій приказъ вѣдалъ аптечное дѣло, докторовъ-иноземцевъ, аптекарей иностранцевъ и ихъ русскихъ учениковъ.

Къ каждому приказу были приписаны города, слободы, цѣлые уѣзды, съ которыхъ приказъ собиралъ подать на свое содержаніе. Жители приписанныхъ къ приказу городовъ

судились въ этомъ приказѣ, какъ и вообще всѣ подвѣдомственные приказу люди. Благодаря обилію приказовъ и смѣшенію въ нихъ дѣлъ по управленію и суду, создавалась большая запутанность и неопредѣленность. Часто люди Московскаго государства вовсе не знали, въ какой приказъ надо обратиться по тому или иному дѣлу. Неправильно взятый сборъ пострадавшій часто такъ и не могъ найти, переходя въ поискахъ за своими деньгами изъ одного приказа въ другой.

Во главѣ каждаго отдѣльнаго большого приказа, какъ его начальникъ, стоялъ назначенный царемъ бояринъ или окольничій, или думный дворянинъ. Начальникъ приказа назывался обыкновенно судьей. У судьи былъ товарищъ — помощникъ, иногда не одинъ; всю переписку, теченіе дѣлъ, ихъ распредѣленіе вѣдалъ дьякъ — главный секретарь приказа. Засѣданіе приказа состояло изъ судьи съ товарищами и дьяка; всѣ дѣла они рѣшали вмѣстѣ; если судья и товарищи его были люди высшихъ чиновъ, то рѣшеніе приказа называлось приговоромъ бояръ такого-то приказа. Судья единолично не могъ рѣшать дѣлъ, всякое рѣшеніе должно было состояться съ согласія товарища и дьяка; они должны были ставить свое рѣшеніе „всѣ вмѣстѣ, и безъ единаго и единый безъ всѣхъ“, какъ тогда говорили; это значитъ, что рѣшеніе приказа только тогда имѣло полную силу, когда было принято единогласно: ни одинъ безъ всѣхъ не могъ рѣшить дѣло ни всѣ безъ одного.

Собиралось присутствіе приказа въ особой комнатѣ, отдѣленной отъ той, гдѣ сидѣли многочисленные подьячіе. Комната присутствія называлась „казенкой“, потому что здѣсь обыкновенно стояла „казна“ — желѣзный сундукъ; въ немъ хранились деньги и цѣнности приказа.

Душой дѣятельности приказа былъ его дьякъ. Судья и товарищи судьи всегда были для приказа люди новые, потому что часто перемѣнялись, дьякъ же сидѣлъ прочно на своемъ мѣстѣ и, искушенный долгимъ опытомъ, великолѣпно зналъ

все дѣлопроизводство, всѣ тайны и ухищренія приказной практики, всѣ законы и указы, и умѣлъ примѣнять и толковать ихъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ.

Значеніе дьяковъ, какъ первыхъ знатоковъ законовъ и дѣла управленія, начало складываться вмѣстѣ съ ростомъ государства. На высшія должности московскіе государи всегда должны были назначать людей знатныхъ и родовитыхъ, руководствуясь при этихъ назначеніяхъ только „великою породою“ этихъ лицъ.

Дьяки выбирались государемъ изъ незнатныхъ людей — „поповичей и простого всенародства“. Приставленные къ службѣ, они только ею и дорожили и, конечно, дѣлали дѣло лучше, чѣмъ являвшіеся мимолетными гостями главные начальники изъ знати. Обязанные высокимъ служебнымъ положеніемъ личнымъ своимъ заслугамъ и государевой милости дьяки являлись преданными слугами государя и слѣпыми исполнителями его воли. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный въ своей борьбѣ съ боярами, считавшими себя обязательными для государя совѣтниками, во многомъ опирался на дьяковъ и велъ дѣла только при ихъ помощи. Не даромъ большіе бояре оскорблялись такому предпочтенію. „Есть у великаго князя, — писалъ одинъ такой оскорбленный, — новые вѣрники, дьяки: его половиною кормятъ, а большую себѣ берутъ; ихъ отцы нашимъ и въ холопство не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ“.

Ко времени царя Алексѣя, когда родовитое боярство много потеряло послѣ дѣятельности Грознаго и Смуты въ своемъ первенствующемъ значеніи, дьяки получаютъ большую силу и значеніе въ государствѣ. Думные дворяне, окольничьи, бояре могли стоять во главѣ приказовъ, но приказъ могъ обойтись и безъ знатнаго судьи. Въ XVII вѣкѣ были приказы безъ бояръ и окольничьихъ, но не было ни одного, въ которомъ не сидѣлъ бы дьякъ и часто не одинъ, а два или три. Были приказы, въ которыхъ засѣдать могли только дьяки, а бояре и окольничьи не допускались вовсе. То были Панафидный

приказъ и приказъ Тайныхъ Дѣлъ. Въ этомъ приказѣ, по описанію современника, сидѣлъ дьякъ да подьячихъ съ десять человѣкъ и „вѣдаютъ они и дѣлаютъ всякія дѣла царскія, тайныя и явныя. И въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, и подчиненъ этотъ приказъ прямо самому царю“.

Всякому знатному человѣку, назначенному на ту или иную высокую должность — намѣстникомъ ли, большимъ ли воеводой, великимъ посломъ и т. п., — всегда назначался въ товарищи дьякъ. Дьяки сидѣли съ воеводами, управлявшими городами и уѣздами Московскаго государства и судили и рѣшали всѣ дѣла вмѣстѣ съ ними, какъ ихъ товарищи. Они и назначались на службу, какъ товарищи знатныхъ начальниковъ, по указу великаго государя, и знатные начальники безъ совѣта и согласія дьяковъ ничего не могли дѣлать. Въ Астрахани одинъ разъ произошла размолвка дьяковъ съ воеводой, и правительство осталось безъ всякихъ вѣстей изъ Астрахани на довольно долгое время, такъ какъ въ Астрахани остановились всѣ дѣла: что напишетъ воевода, то перемараетъ дьякъ, а что дьякъ напишетъ, того не утверждаетъ воевода.

Дьяковъ съ титуломъ думнаго назначали даже засѣдать въ Боярскую Думу. Какъ люди незнатные, худородные, дьяки занимаютъ послѣднее мѣсто въ Думѣ; они стоятъ, когда всѣ сидятъ, и лишь изрѣдка, „улучивъ время“, выходятъ посидѣть въ сосѣднюю палату, и только изрѣдка государь, смилостивившись надъ ихъ усталостью, когда засѣданіе Думы затягивалось, разрѣшалъ присѣсть и дьякамъ. Но, хотя и стоя, дьяки принимаютъ дѣятельное участіе въ преніяхъ: „мыслятъ“ съ царемъ и боярами, не всегда соглашаются съ мнѣніями знатныхъ думцевъ, а умѣютъ настоять на своей мысли и провести ее вопреки сопротивленію знатныхъ думцевъ.

Начиналъ свою дѣятельность будущій дьякъ — подьячимъ и сидѣлъ въ приказѣ, строча бумаги; иногда отъ письменныхъ занятій его отрывали и посылали гонцомъ въ другой городъ

или младшимъ приставомъ къ иноземному послу. Исполняя такія мелкія порученія, молодой подьячій навыкалъ къ дѣлу, а за успѣшное исполненіе порученій получалъ награду: то землицы ему дадутъ въ помѣстье, то кафтанъ пожалуетъ государь, или шапку соболью пришлютъ съ Казеннаго двора. Назначенный дьякомъ въ какой-нибудь небольшой и малозначительный приказъ, онъ постепенно повышался въ службѣ, переходя во все болѣе и болѣе значительные приказы. Если дьякъ обладалъ ловкостью, выдающимся умомъ и способностями, то дослуживался до званія думнаго дьяка, присутствовалъ на „сидѣніи государя съ бояры“ и велъ дѣла одного изъ важнѣйшихъ приказовъ—Разряднаго или Посольскаго. Въ промежутокъ службы въ двухъ приказахъ, дьяка отправляли товарищемъ воеводы въ какой-либо городъ или въ посольство товарищемъ же посла или, наконецъ, ему поручали описать въ казенныхъ цѣляхъ какую-либо область или уѣздъ.

Такая разнородная, многолѣтняя служебная дѣятельность въ многочисленныхъ приказахъ и внѣ ихъ, по управленію, вырабатывала изъ дьяковъ большихъ знатоковъ правительственныхъ порядковъ и строя Московскаго государства. Они выработали прекрасный, точный, выразительный языкъ своихъ грамотъ и умѣли писать кратко и отчетливо, излагая суть дѣла. При царѣ Алексѣѣ бѣжалъ за границу, въ Швецію, подьячій Посольскаго приказа Григорій Котошихинъ. Тамъ, по порученію шведскаго правительства, онъ составилъ описаніе современной ему Россіи. Надо было много и хорошо знать тогдашнія дѣла, чтобы дать такое превосходное описаніе, какое далъ Григорій Котошихинъ, а онъ даже не дослужился до дьячества. Всѣ дѣла, все устройство Московскаго государства у него, какъ на ладонкѣ, и онъ описываетъ его, если можно такъ выразиться, наизусть — безъ книгъ, безъ записей, пользуясь только своими знаніями и памятью да справляясь съ тогдашнимъ собраніемъ русскихъ законовъ — Уложеніемъ. Понятно, какимъ знатокомъ дѣлъ и нужнымъ въ правительствѣ лицомъ могъ стать какой-нибудь думный дьякъ, каждый изъ братьевъ

Щелкаловыхъ, напримѣръ, знаменитыхъ дѣльцовъ времени царей Ивана, Өеодора Ивановича и Бориса Годунова.

Братья Щелкаловы дослужились до пышнаго титула „дьяковъ великаго государя ближнія Думы“, и одинъ изъ нихъ получилъ даже большой чинъ окольничьяго. Всѣхъ этихъ благъ дѣти неважнаго дьяка Якова Щелкалова, Андрей и Василій, достигли только силой своего ума, своей опытностью и дипломатической ловкостью. Началъ службу Андрей Щелкаловъ въ 1550 г., когда упоминается среди „поддатней у рындъ“, нѣчто въ родѣ слуги и товарища при пажахъ. Въ 1560 году онъ приставъ при литовскихъ послахъ, а въ 1563 г. уже дьякъ; въ 1570 г. онъ управляетъ Разрядомъ и часто упоминается въ актахъ тѣхъ временъ, какъ человѣкъ, то получающій въ награду землю, то покупающій деревню въ томъ или иномъ уѣздѣ. Въ 1575 г. онъ уже дьякъ ближній и управляетъ Посольскимъ приказомъ.

Въ царствованіе царя Өеодора значеніе Щелкаловыхъ достигло высшей степени. Голландецъ Масса разсказываетъ, что, кромѣ Бориса Годунова, отъ котораго зависѣли всѣ, въ Москвѣ имѣлъ важное значеніе думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, человѣкъ небыкновенно пронырливый, умный и злой. Годуновъ, считая его необходимымъ для управленія страной, былъ очень расположенъ къ этому дьяку, стоявшему во главѣ всѣхъ прочихъ дьяковъ. Во всѣхъ областяхъ и городахъ ничего не дѣлалось безъ вѣдома и желанія Андрея Щелкалова. Не имѣя покоя ни днемъ ни ночью, работая, какъ волъ, онъ еще былъ недоволенъ тѣмъ, что у него мало работы и желалъ еще больше работать. Борисъ Годуновъ не могъ достаточно надивиться трудолюбію Андрея Щелкалова и часто говорилъ: „Я никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ и полагаю, что весь міръ былъ бы для него малъ!“

О дѣятельности Щелкаловыхъ, ихъ силѣ, значеніи, умѣ, знаніи дѣла составились цѣлыя легенды. О Щелкаловыхъ разсказывали, что они ничего и никого не боялись, дѣлали все умно и хитро, не любили никого спрашивать и страшно „са-

мовольничали“, особенно, когда составляли списки служебныхъ назначенiй. Въ такихъ случаяхъ они не стѣснялись даже искажать родословныя росписи, по которымъ эти назначенiя дѣлались. Продѣлывали это они, дружа своимъ благопрiятелямъ и родственникамъ. Плутни ихъ вскрывались при разборѣ мѣстническихъ дѣлъ, но на судьбу Щелкаловыхъ это не влiяло, и наказанiя за грамоты, „выданныя не по дѣлу“, т.-е. фальшивыя, они не несли—и только потому, что умныхъ и пронырливыхъ знатоковъ приказнаго дѣла некѣмъ было замѣнить. „Сами они,—говоритъ историкъ дьячества,—смѣнили Ивана Висковатова, но долго не появлялся новый Висковатый, который могъ бы занять ихъ мѣсто въ Посольскомъ приказѣ“. За широкой спиной Андрея Щелкалова „самовольничали“ и его подчиненные: „въ приказѣхъ что хотѣли, то и дѣлали“, и „воеводы, Щелкаловыхъ для (т.-е. ради), и слова имъ молвить не смѣли“.

Приказы были наполнены подьячими, которые дѣлились на старыхъ, средней статьи и молодыхъ. Въ Разрядномъ приказѣ, кромѣ дьяковъ, въ 1676 г. считалось 109 человѣкъ подьячихъ. Подьячiе размѣщались въ комнатахъ приказа, расположенныхъ передъ казенкой. Каждый приказъ дѣлился на „столы“, вѣдавшiе отдѣльныя части дѣла. Разрядный приказъ въ 1666 году дѣлился на три стола, между которыми были распредѣлены различные уѣзды, управлявшiеся Разрядомъ, разныя судебныя и другiя дѣла, вѣдавшiяся въ этомъ приказѣ. Столы эти назывались: Московскiй, Новгородскiй и Приказный. Каждый столъ, въ свою очередь, раздѣлялся на нѣсколько отдѣленiй, по которымъ дѣла вели особые подьячiе; эти отдѣленiя или доли „стола“ назывались „повытьями“, отъ слова „выть“, что значитъ доля.

Подьячiе наполняли не только приказы, но и Городовыя Съѣзжiя избы—канцелярiи воеводъ. Подьячiе получали жалованье землей и деньгами. Денежное жалованье имъ было не велико: первый подьячiй Посольскаго приказа, т.-е. человѣкъ, стоявшiй уже около дьячества, получалъ жалованья всего

935 рублей на наши деньги, оклады же низшихъ подьячихъ равнялись иногда всего семнадцати рублямъ въ годъ на нашъ счетъ.

Въ каждомъ приказѣ, кромѣ подьячихъ, получавшихъ жалованье—верстанныхъ, какъ тогда говорили, или—штатныхъ, сказали бы мы, было еще не мало служившихъ безъ жалованья, неверстанныхъ, сверхштатныхъ, которые тоже раздѣлялись на старыхъ, среднихъ и молодыхъ, и ждали своей очереди, когда ихъ поверстаютъ за отличіе окладомъ.

Существованіе неверстанныхъ подьячихъ, служившихъ безъ жалованья, и малые размѣры штатнаго жалованья показываютъ, что въ приказѣ можно было жить сыто на одну только „писчую деньгу“, т.-е. на тѣ пошлины, которыя взимались въ приказѣ съ просителей за разныя справки, за составленіе бумагъ и т. п. Эти пошлины давали, вѣроятно, изрядный доходъ, который и дѣлился между всѣми дьяками и подьячими приказа.

Кромѣ этихъ законныхъ доходовъ, приказные люди тѣхъ временъ имѣли большой прибытокъ отъ всякихъ „посуловъ“ и „поминокъ“, т.-е. взятокъ и подарковъ. Современникъ, самъ бывшій подьячій, разсказываетъ, что хотя „дьяки и подьячіе даютъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, чтобы имъ посуловъ не имати и дѣла дѣлати вправду по царскому указу и по Уложенію, но ни во что ихъ есть вѣра и заклинательство: наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли отвести не могутъ, и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собой, однако, по задней лѣстницѣ чрезъ жену или дочерь, или черезъ сына, и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто и не вѣдаютъ“...

Обычай брать и давать посулы выросъ изъ стариннаго взгляда на службу, какъ на кормленіе. Удѣльные князья, давая кому-либо въ управленіе городъ или волость или назначая человѣка судьей, жалованья ему не давали, а предоставляли человѣку кормиться отъ службы. И народъ и сами служащіе привыкли къ этому. Чиновникъ старался набрать

себѣ кормовъ, какъ можно больше, а нуждающійся въ чиновникѣ обыватель платилъ ему съ расчетомъ, что чѣмъ больше онъ дастъ „поминокъ“, тѣмъ скорѣе и лучше „попомнитъ“ и рѣшитъ его дѣло или двинетъ впередъ ублаготворенный чиновникъ. И въ московское время даже законъ мало различалъ, гдѣ находится граница между допустимыми и недопустимыми поборами чиновниковъ съ обывателей. До насъ дошло много просьбъ подьячихъ тѣхъ временъ на имя государя, въ которыхъ челобитчики подьячіе просятъ прибавки жалованья, объясняя свою просьбу тѣмъ, что въ ихъ „столѣ“ нѣтъ „корыстовыхъ дѣлъ“, нѣтъ челобитчиковъ: вѣдаются въ этомъ „столѣ“ только дѣла государевы, т.-е. казенныя.

Понятно, что на такой почвѣ богато разрастались всякія злоупотребленія, притѣсненія и вымогательства приказными отъ просителей всякихъ поминокъ. Иностранцы-современники единогласно свидѣтельствуютъ, что въ московскихъ приказахъ за деньги можно было добиться всего.

Въ 1627 г. жители города Устюга, измучившись отъ злоупотребленія подьячихъ своей Съѣзжей избы, жаловались государю и писали такъ:

„Сидятъ въ Устюгѣ въ Съѣзжей избѣ пять человѣкъ подьячихъ: одни изъ нихъ взяты изъ посадскихъ тяглыхъ людей, другіе, пріѣхавшіе въ Устюгъ, купили себѣ тяглые посадскіе дворы. У этихъ подьячихъ по молодому подьячему, а сами они разбогатѣли сильно: въ волостяхъ за ними деревни лучшія, податей со своихъ городскихъ дворовъ они не платятъ, съ деревень подати платятъ вполовину и многія подати за нихъ платятъ посадскіе люди міромъ; да они же ѣздятъ, перемѣняясь, въ волости по государевымъ дѣламъ, и по волостямъ берутъ себѣ почести великія, кормы, вина, пива; берутъ съ насъ при сборѣ государевыхъ податей лишнія деньги, а въ роспись эти лишки не ставятъ, да они же берутъ съ насъ жалованье по двадцати рублей на человѣка (по 400 нашихъ рублей). Вели, государь, дать изъ Москвы на Устюгъ троихъ молодыхъ подьячихъ, или вели выбрать на Устюгѣ подьячихъ

міромъ, а тѣхъ старыхъ подьячихъ вели перемѣнить: можно быть въ Съѣзжей избѣ на Устюгѣ троимъ подьячимъ; прежде было трое и безъ найму, изъ одного доходу. Смилуйся, государь, пожалуй". Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ исполнить просьбу устюжанъ, и послѣ слѣдствія подьячихъ отставили.

Образецъ тщательнаго почерка въ скорописи XVI в. (уменьшено).

Не ко всякому дьяку и подьячему можно было просто подойти съ подношеніемъ, а надо было выждать да вызнать, что и какъ любитъ подьячій. Человѣкъ не малаго чина, стольникъ Колонтаевъ, нуждаясь по своимъ дѣламъ въ дьякѣ и посылая ему „поминки", такъ наказывалъ своему слугѣ: „Сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу, и если Петръ Ильичъ скажетъ, то итти тебѣ къ дьяку Василію Сычину; пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи: прежде разведай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку от-

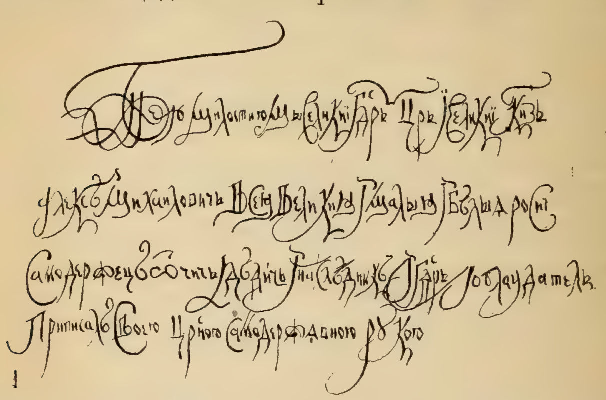
дай. Приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля (т.-е. по нашему около 60 рублей), да обѣщай еще, а куръ, пива, ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подьячему Степкѣ Ремезову и попроси его, чтобы сдѣлалъ, а къ Кириллѣ Семенычу не ходи: тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего

Образецъ небрежной скорописи XVII в. (уменьшено).

имени Степку не проси: я его, подлаго, чествовать не хочу; понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной, да вина, онъ, Степка, жадущая рожа и пьяная"...

Кромѣ приказныхъ дьяковъ и подьячихъ, сидѣвшихъ по приказамъ въ Москвѣ и городахъ и дѣлавшихъ дѣло государево, въ древней Руси были еще подьячіе, которые на государственной службѣ не состояли, платили всѣ подати, но кормились перомъ. Это были такъ называвшіеся тогда „площадные подьячіе". Ихъ должность была сходной съ должностью нашихъ нотаріусовъ. Они писали различныя купчія, духовныя, прошенія, челобитныя, словомъ, всѣ тѣ бумаги, которыя при-

ходилось старинному русскому человѣку представлять въ приказъ, чтобы начать тамъ дѣло. Не состоя на казенной службѣ, площадные подьячіе все же могли исполнять свое дѣло только съ разрѣшенія властей, и тогда всякая бумага, писанная площаднымъ подьячимъ и имъ подписанная, имѣла характеръ любого нашего акта, заключеннаго и засвидѣтельствованнаго у нотаріуса. Площадными эти подьячіе назывались потому, что располагались обыкновенно со своимъ письменнымъ матеріаломъ на площади возлѣ приказовъ. Зимой они сидѣли

Почеркъ царя Алексѣя Михаиловича (уменьшено). Образецъ каллиграфическаго письма XVII в.

въ особой избѣ, „писчей избушкѣ“, а лѣтомъ—прямо на площади и здѣсь строчили по просьбѣ всякаго нуждающагося въ бумагѣ разныя купчія, просьбы и прошенія.

Площадные подьячіе работали артелью, ручаясь другъ за друга; во главѣ каждой артели стоялъ выбранный ею староста, который долженъ былъ смотрѣть, чтобы всякіе акты и постороннія письма площадные подьячіе писали съ его вѣдома, помѣчали имена въ бумагахъ правильно, писали бы при свидѣтеляхъ и чтобы „воровски“ не писали ничего заочно, безъ заказчика и его свидѣтелей. Когда такой подьячій попадался въ неправильныхъ дѣйствіяхъ, то староста докладывалъ о немъ въ приказъ, и тогда „вороватаго“ подьячаго „отставляли отъ площади“.

Въ Москвѣ на Ивановской площади передъ приказами стояло въ XVII вѣкѣ однихъ штатныхъ площадныхъ подьячихъ 24 человѣка, а число нештатныхъ, изъ людей, которыхъ пускали на время „покормиться" перомъ, было очень различно въ разное время и всегда велико.

Письменная работа подьячихъ въ приказахъ и на площади начиналась рано утромъ, прерывалась на обѣденное время, а потомъ длилась до ночи снова.

Государевы указы устанавливали неоднократно, чтобы судьи и дьяки въ приказъ пріѣзжали поранѣе, а выходили изъ приказовъ попозже. Вообще требовалось, чтобы они сидѣли въ приказахъ не менѣе 12 часовъ въ сутки: съ 6 часовъ утра и до обѣда, и часовъ съ двухъ пополудни до девятаго часа вечера.

Писали въ старину въ присутственныхъ мѣстахъ очень много. Одинъ иностранецъ-современникъ разсказываетъ, что московскіе подьячіе были завалены работой, которую не успѣвали сдѣлать въ присутственное время и должны были работать не только по праздникамъ, но и по ночамъ.

Начальники приказовъ строго взыскивали съ своихъ подчиненныхъ всякую неисправность. Проработаетъ, бывало, иной подьячій, не разгибая спины, цѣлый день, засидится ночью и, не выдержавъ давленія бумажной горы, уйдетъ домой, не кончивъ дѣла. Свѣдаетъ о томъ дьякъ, призоветъ къ себѣ въ „казенку" на другой день неисправнаго дѣльца и начнетъ ему „выговаривать", да еще иной разъ и побьетъ собственноручно, а то велитъ побить виноватаго батогами передъ приказомъ на посмѣхъ всѣмъ прохожимъ, въ стыдъ и поношеніе самому виноватому. Этимъ наказаніе не ограничится: за прогулъ присудитъ дьякъ виноватому просидѣть ночь въ приказѣ за дѣломъ, а чтобы онъ не убѣжалъ, велитъ сторожамъ привязать подьячаго къ скамейкѣ и смотрѣть за нимъ, чтобы онъ дѣло дѣлалъ, а не спалъ, растянувшись на столѣ, подложивъ подъ голову груду бумаги.

Бумаги на письмо въ московскихъ приказахъ изводилось столько, что англичане, смѣясь, разсчитали, какъ съ избыт-

комъ хватило бы годового расхода ея на то, чтобы укрыть всю землю Московскаго государства. Но и помимо смѣхотворныхъ преувеличеній, надо признаться, что дѣятельность старинныхъ московскихъ подьячихъ была изумительно щедра на трату бумаги и чернилъ. Какъ не горѣли тогдашніе деревянные русскіе города, когда огонь въ нѣсколько часовъ не оставлялъ отъ застроенныхъ улицъ и площадей ни кола ни двора, до нашихъ дней все же сохранились необозримыя груды письменнаго матеріала отъ тѣхъ временъ. Сколько его, кромѣ огня, истребила сырость, сколько его погибло отъ небрежнаго устройства тогдашнихъ архивовъ и, всё-таки, его осталось еще много-много... Уже почти сто лѣтъ цѣлыя учрежденія заняты разборомъ этихъ остатковъ старины, и все еще нельзя сказать, чтобы изслѣдователи проникли всюду глубоко въ груды этихъ свитковъ, тетрадей и книгъ.

Писалъ тогдашній подьячій необычайно ловко и быстро. Заложивъ запасное перо за ухо, повѣсивъ на шею чернильницу, онъ не всегда нуждался для письма въ столѣ, а присѣвъ на полѣно, или на подоконницу, клалъ полосу бумаги на колѣни и строчилъ - строчилъ безъ устали.

Писали тогда на длинныхъ полосахъ бумаги, „столбцахъ“, съ одной стороны, приклеивая одну къ другой. По скрѣпамъ, на оборотной чистой сторонѣ, дьякъ „мѣтилъ“ дѣло своимъ небрежнымъ почеркомъ — ему нечего было стараться писать хорошо, онъ слишкомъ важная персона: кому нужно, тѣ разберутъ, что онъ нацарапалъ. Вотъ съ подьячаго, съ того спрашивался четкій, хорошій подчеркъ и умѣнье писать грамотно. Храни Богъ, если подьячій сдѣлаетъ важную описку, особенно въ титулѣ государя: напишетъ, напримѣръ, вмѣсто великій государь, только „великій“, а слово „государь“ нечаянно пропуститъ,—велитъ дьякъ бить такого невнимательнаго работника передъ приказомъ батогами нещадно.

Исписанныя и склеенныя полосы свертывались въ трубку и составляли иногда колесо очень солидныхъ размѣровъ. Если размотать иное большое дѣло, то получится лента въ

нѣсколько десятковъ аршинъ: есть столбцы въ 75 и 100 аршинъ, а Уложеніе царя Алексѣя, писанное на столбцахъ, достигало 350 аршинъ; чтобы смотать вновь такой столбецъ въ сотню аршинъ требуется часа два времени безполезнаго и скучнаго труда. Петръ Великій особымъ указомъ въ 1702 г. запретилъ писать столбцами и тѣмъ положилъ конецъ этому неудобному способу писанія.

Хранились исписанные столбцы въ ящикахъ, которые помѣщались съ помѣтками на нихъ въ особой комнатѣ нижняго этажа приказа.

Такъ какъ почти каждый приказъ былъ и судомъ, а съѣзжія избы въ городахъ, кромѣ того, и полицейскими учрежденіями, то въ подвалѣ приказа, или во дворѣ его находилась тюрьма, гдѣ сидѣли колодники. Время отъ времени колодниковъ „вынимали“ изъ тюрьмы и сажали передъ приказомъ, чтобы сердобольные прохожіе подавали имъ милостыню. На эти подаянія тюрьма питалась.

Передъ нѣкоторыми приказами были врыты въ землю не высокіе столбы. Къ этимъ столбамъ каждое утро привязывали тѣхъ, кто имѣлъ несчастье попасть на правёжъ. Это были неоплатные должники, которыхъ привязывали здѣсь и били по ногамъ тонкими палками или прутами, пока они не заплатятъ долга сами или кто изъ родни ихъ, сжалившись, не заплатитъ за нихъ. Изъ окна „казенки“ присматривалъ за битьемъ дьякъ. Не смотрѣть нельзя: подкупитъ наказываемый сторожа, тотъ и положитъ ему въ сапоги крѣпкій лубокъ и бьетъ по нему, — отъ такого правёжника, конечно, выплаты долго не дождешься...

Пособіемъ при составленіи статьи служили слѣдующія книги: *Н. П. Лихачевъ*, „Разрядные дьяки XVI вѣка“; *В. О. Ключевскій*, „Боярская Дума древней Руси“; *С. М. Соловьевъ*, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. XIII; *Г. Котошихинъ*, „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича“; *П. Ивановъ*, „Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей въ Россіи существовавшихъ“.

Заставка—съ рукописи половины XVI в.

Судъ въ Московскомъ государствѣ.

Въ древней Кіевской и Удѣльной Руси главнымъ судьей во всѣхъ дѣлахъ, какія бы не возникали у людей, былъ князь. Князь судилъ виновныхъ и разбиралъ споры самъ или чрезъ своихъ тіуновъ. По дѣламъ духовнымъ, т.-е. касавшимся церкви или людей, принадлежавшихъ къ церкви, судьей былъ митрополитъ и епископы.

Судили по обычаю, какъ повелось отъ дѣдовъ, или, если возникалъ новый небывалый случай, судьи ждали указанія отъ князя. Разъ данное такое указаніе продолжало служить руководствомъ и дальше, если возникалъ опять такой же случай. Судебные обычаи частью передавались по памяти, частью были записаны. Такой записью древнихъ судебныхъ обычаевъ была, напримѣръ, Русская Правда.

Но обычаи суда въ разныхъ мѣстахъ были неодинаковы, судьи, особенно недобросовѣстные, могли толковать обычаи, какъ хотѣли, такъ что возникало много вражды и неудовольствія.

Когда возникло Московское государство, и защита и охрана всей великорусской страны легли на московскаго государя, то стало необходимымъ позаботиться, чтобы судъ во всѣхъ частяхъ страны былъ устроенъ одинаково и какъ можно меньше зависѣлъ отъ самоволья судей.

Ради всего этого уже при Иванѣ III, въ 1497 году, было издано письменное собраніе законовъ и установленъ порядокъ суда. Это собраніе законовъ получило названіе Судебника.

При внукѣ Ивана III, царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, Судебникъ былъ пересмотрѣнъ (въ 1550 г.), дополненъ новыми статьями, и приказано было руководствоваться впредь при судѣ имъ.

Въ устройствѣ суда оба Судебника имѣли много общаго. Судьями и въ томъ и другомъ являются управители городовъ и волостей. По Судебнику Ивана III судили намѣстники и волостели, по Судебнику Ивана IV стали судить тѣ, кто замѣнили прежнихъ намѣстниковъ и волостелей, т.-е. воеводы въ пограничныхъ городахъ, земскіе и губные старосты тамъ, гдѣ жители получили право выбирать ихъ себѣ. Оба Судебника много заботятся, чтобы сдѣлать судъ возможно справедливымъ и нелицепріятнымъ. Судебникъ Ивана III допускаетъ присутствовать на судѣ волостелей и намѣстниковъ избранныхъ къ тому населеніемъ „лучшихъ людей". Судебникъ царя Ивана Грознаго указываетъ, чтобы „лучшіе люди" не только присутствовали при судѣ, но и чтобы скрѣпляли своими подписями судный списокъ, т.-е. подробную запись всего дѣла. Точную копію суднаго списка — „противень" — судья долженъ былъ вручить старостѣ, и она хранилась у него. Затѣмъ Судебникъ Ивана Грознаго назначаетъ наказанія самимъ судьямъ за неправильный судъ и за лицепріятіе. Если узнается, что судья или дьякъ взяли взятку и обвинили несправедливо, то съ нихъ приказывалось взыскать весь искъ, сколько онъ стоилъ, всѣ пошлины втрое и, сверхъ того, взять штрафъ, какой государь укажетъ. Если дьякъ, т.-е. главный писарь суда, безъ вѣдома судьи, взявши взятку, составитъ судный списокъ или

запишетъ дѣло не такъ, какъ было на судѣ, то съ него приказывалось взыскать половину того, что слѣдовало бы съ виновнаго судьи, и сверхъ того посадить въ тюрьму; если подъячіе, т.-е. младшіе писаря, безъ вѣдома судьи или дьяка запишутъ что-либо не такъ, взявши взятку, то ихъ били за это кнутомъ.

Почти цѣлыя сто лѣтъ, съ 1550 г. по 1649 г., судился московскій народъ по Судебнику Грознаго царя. Въ случаяхъ исключительныхъ, когда Судебникъ не давалъ рѣшенія, руководствовались царскими указами. Указовъ накопилось скоро такъ много, что трудно стало разбираться въ ихъ морѣ, къ тому же они часто противорѣчили другъ другу, а кромѣ того, многія положенія Судебника не годились уже для новыхъ житейскихъ отношеній. Тогда при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ было составлено новое собраніе законовъ, названное „Книга Уложенная“, или просто — „Уложеніе“ (1649 г.).

Таковы были собранія законовъ Московскаго государства, по которымъ судился московскій людъ XV—XVII вв.

Какъ въ удѣльное время судъ принадлежалъ удѣльному князю, такъ и въ Московскомъ государствѣ онъ принадлежитъ царю, великому государю. Къ нему обращались съ жалобами на несправедливость судей, онъ только могъ отмѣнять приговоры, назначать новые, назначать самихъ судей и смѣнять ихъ. Отъ государя право судить, т.-е. разбирать споры и наказывать преступленія, имѣли его намѣстники и волостели. Намѣстники и волостели „кормились“ судомъ; въ ихъ пользу, какъ жалованье за службу по управленію, шла половина всѣхъ штрафовъ и денежныхъ пеней по суду. Для веденія суда по всей ему подвластной округѣ намѣстникъ или волостель разсылалъ своихъ слугъ и холопей, которые подъ именемъ его намѣстничьихъ тіуновъ и судили дѣла на мѣстѣ, представляя ихъ намѣстнику только въ трудныхъ случаяхъ, когда сами не знали, какъ поступить. Точно такъ же и намѣстники въ трудныхъ случаяхъ пересылали дѣла въ Москву на судъ великаго государя и его бояръ. Какъ на судъ на-

мѣстничьихъ тіуновъ можно было жаловаться намѣстнику, такъ на судъ намѣстника жаловались царю. Царь или самъ разбиралъ эти случаи или присылалъ своего боярина разобрать дѣло и поставить свой приговоръ.

Намѣстники, волостели и бояре судили не единолично. Такъ какъ они „кормились" судомъ, — штрафами, пенями и судебными пошлинами, -- то можно было ждать, что будетъ не мало злоупотребленій съ ихъ стороны ради желанія получить возможно больше пеней и пошлинъ. Чтобы оградить народъ отъ такихъ случаевъ, по Судебнику было установлено, что ни намѣстникъ, ни волостель и никакой другой судья безъ старосты города и лучшихъ, избранныхъ къ тому населеніемъ города и уѣзда людей судить не можетъ.

Во многихъ областяхъ были совсѣмъ уничтожены намѣстники и волостели. „Жаловали мы прежде бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, — писалъ въ 1555 г. царь Иванъ Грозный въ одной грамотѣ,—города и волости давали имъ въ кормленье, но намъ отъ всѣхъ жителей были челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши и волостели и ихъ люди преступаютъ указы наши и причиняютъ зло и убытки жителямъ; а отъ намѣстниковъ и волостелей были намъ челобитья великія и докука безпрестанная, что посадскіе и волостные люди подъ судъ имъ не даются, кормовъ не даютъ и бьютъ ихъ; во всемъ этомъ были межъ людьми и намѣстниками поклепы и тяжбы великія, а отъ этого всего на посадахъ многіе дворы, а въ уѣздахъ деревни и дворы запустѣли, и потому наши дани и оброки сходятся не сполна; и мы, жалуючи людей, изъ-за тѣхъ великихъ золъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей отъ городовъ и волостелей отставили и велѣли во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ, которые бы межъ людей управу чинили и разсудить бы ихъ умѣли вправду, безкорыстно и безволокитно".

Выборные судьи носили различныя названія, какъ кажется, смотря по обширности подвѣдомственной имъ волости. Такъ

они назывались излюбленными головами, если судебная власть ихъ простиралась на цѣлый округъ, гдѣ не было ни намѣстниковъ ни воеводъ; въ меньшихъ областяхъ—въ городахъ и посадахъ—выборные судьи назывались излюбленными старостами; въ слободахъ и селахъ они назывались просто земскими судьями или судейками.

Въ избраніи судей участвовали всѣ жители округи, для которой судья избирался. Избраніе записывалось въ особые списки, которые назывались „выборными“ или „излюбленными“ списками. Избранные судьи отправлялись съ этими списками въ Москву, въ тотъ приказъ, къ которому былъ приписанъ избравшій ихъ округъ. Здѣсь, въ приказѣ, избранныхъ приводили къ присягѣ. Выборные судьи зависѣли и отъ своихъ избирателей, „если посадскіе люди и волостные крестьяне захотятъ выборныхъ своихъ людей перемѣнить,—гласитъ законъ,—то имъ всѣмъ выбирать лучшихъ людей“.

Выборные судьи вѣдали всѣ дѣла гражданскія и мелкія уголовныя; судили они по Судебнику. Но судить они могли только людей, жившихъ въ предѣлахъ ихъ области, а иски на постороннихъ людей принимать не могли. Въ такихъ случаяхъ выборные судьи должны были отсылать дѣла въ Москву, въ тотъ приказъ, къ которому дѣло относилось, или къ которому городъ былъ приписанъ. Приказъ рѣшалъ такое дѣло самъ или поручалъ его „третейскому“ или „данному“ судьѣ.

„Третейскихъ“ судей избирали или сами тяжущіеся, или ихъ назначало правительство. Они судили по общему закону, и рѣшеніе ихъ должно было быть единогласнымъ. Приговоръ ихъ былъ столь же обязателенъ, какъ и приговоръ казенныхъ судей.

„Данные“ судьи были лица, назначаемыя судьями или приказами для разсмотрѣнія одного какого-нибудь дѣла. Имъ поручалось, обыкновенно, осмотрѣть спорную землю, произвести обыскъ, выяснить на мѣстѣ, въ чемъ состоитъ споръ. Окончивъ дѣло, они докладывали его назначившему ихъ судьѣ или

приказу. Данные судьи, слѣдовательно, выражаясь по-тогдашнему, судили, но не вершили дѣла, являлись больше слѣдователями, чѣмъ судьями въ полномъ смыслѣ этого слова. Приговоръ ставилъ обыкновенно пославшій ихъ судья или приказъ.

На судѣ выборныхъ судей должны были такъ же, какъ и на намѣстничьемъ судѣ, присутствовать лучшіе люди или цѣловальники, т.-е. цѣловавшіе крестъ, принесшіе присягу въ томъ, что кривить душой на судѣ не будутъ; число ихъ было различно; законъ требовалъ, чтобы ихъ было „сколько пригоже, чтобы обиды и продажи никому не было отъ судей“.

При выборномъ судѣ состояли для письмоводства дьяки и подьячіе, а также пристава и доводчики.

Всѣ эти должности такъ же, какъ и цѣловальники, были выборныя. Списки ихъ, по избраніи, представлялись въ Москву, въ соотвѣтствующій приказъ, гдѣ выбранные и утверждались въ своихъ должностяхъ.

Итакъ, по Судебникамъ и Уложенію, судьями были тѣ чиновники, назначенные государемъ или избранные населеніемъ, которые управляли уѣздомъ и городомъ. Въ древней Россіи, слѣдовательно, судъ и управленіе соединялись въ однѣхъ рукахъ.

Для вызова на судъ тяжущихся при судьѣ состояли доводчики или пристава. Тотъ, кто желалъ судиться, обвиняя другого въ несправедливости по отношенію къ себѣ, подавалъ судьѣ челобитную, въ которой прописывалъ, чего стоитъ его искъ, и просилъ выдать „приставную память“ для вызова въ судъ отвѣтчика. Челобитную принималъ дьякъ. Онъ разсматривалъ ее съ подьячими и рѣшалъ: стоитъ ли искъ тѣхъ издержекъ, которыя надо сдѣлать, чтобы вызвать на судъ отвѣтчика. Если оказывалось, что искъ стоитъ издержекъ, то дьякъ подписывалъ челобитную, получалъ за это съ истца пошлину и давалъ доводчику „приставную память“, т.-е. повѣстку къ отвѣтчику явиться на судъ. Доводчикъ или самъ отправлялся за отвѣтчикомъ или посылалъ за нимъ своего

помощника. Прочитавъ или выслушавъ „приставную память“, отвѣтчикъ давалъ доводчику поручную запись, въ которой сосѣди его ручались за него въ томъ, что онъ явится въ указанный срокъ на судъ отвѣчать на обвиненіе. Если же онъ не могъ дать поручной записи, то доводчикъ арестовывалъ его и держалъ у себя подъ арестомъ до дня суда. Если отвѣтчикъ, несмотря на поручную запись, все-таки, не являлся на судъ, то на него выдавалась „безсудная грамота“, т.-е. онъ считался виновнымъ безъ суда.

Явившись на судъ, истецъ и отвѣтчикъ должны были подать „ставочное челобитье“, въ которомъ объявляли о своей явкѣ и готовности стать на судъ.

Судъ былъ устный. Прежде всего судья обращался къ истцу, который долженъ былъ разсказать, въ чемъ состоитъ дѣло, и что онъ ищетъ съ отвѣтчика. Потомъ судья обращался къ отвѣтчику и говорилъ ему: „Отвѣчай!“ Выслушавъ обѣ стороны, судья снова обращался къ истцу и спрашивалъ, чѣмъ онъ можетъ доказать свой искъ. Истецъ перечислялъ тогда всѣ свои доказательства. Судья обращался къ отвѣтчику и спрашивалъ, соглашается ли онъ съ этими доказательствами, съ тѣмъ, что говорятъ свидѣтели, представленныя истцомъ купчія грамоты, расписки и т. п., или онъ можетъ сослаться на своихъ свидѣтелей и представить свои бумаги. Если всѣ свидѣтели и бумаги были тутъ же на судѣ, то свидѣтелей опрашивали, бумаги разсматривали; въ противномъ случаѣ судья давалъ срокъ тяжущимся на представленіе доказательствъ. Судъ занималъ, такимъ образомъ, нѣсколько засѣданій. Все, что происходило на судѣ, записывалось дьякомъ въ особый судный списокъ, въ которомъ обозначалось поименно, кто судилъ и какіе лучшіе люди при судѣ присутствовали.

Послѣ суда дѣло переходило къ „вершенію“, т.-е. судья ставилъ свой приговоръ, а если не рѣшался разсудить дѣло, то докладывалъ высшему судьѣ: тіунъ—намѣстнику или волостелю, намѣстникъ—боярину, начальнику приказа, а бояринъ—Боярской Думѣ и царю. При докладѣ присутствовали и обѣ

тяжущіяся стороны. Выслушавъ докладъ, судья спрашивалъ: „Таковъ ли былъ вашъ судъ?“ Если стороны начинали „лживить“ судный списокъ, говорили, что „судъ былъ, да не таковъ“, то судья производилъ повѣрку съ помощью присутствовавшихъ на судѣ старосты и лучшихъ людей, которые предъявляли выданную имъ копію съ суднаго списка. Судья, которому былъ сдѣланъ докладъ, указывалъ докладчику, какъ вершить дѣло, кого обвинить, кого оправдать. Рѣшеніе судьи заносилось въ судный списокъ и прочитывалось сторонамъ. Выигравшему дѣло давалась въ свидѣтельство его правоты, „правая грамота“.

Если истецъ не доказалъ иска, то отвѣтчикъ оставался въ своихъ правахъ, и дѣло тѣмъ кончалось. Но если обвинялся отвѣтчикъ, то онъ долженъ былъ уплатить цѣну иска или возвратить вещь, если искъ былъ не денежный, а шелъ о какой-нибудь вещи, напримѣръ, о неправильно захваченной землѣ или другомъ имуществѣ.

Если отвѣтчикъ не могъ или не хотѣлъ платить, то его ставили „на правежъ“, т.-е. выводили на площадь передъ зданіемъ суда, обнажали ему ноги и били по икрамъ палками все время, пока засѣдалъ судъ. Разсказываютъ, что богатые люди, которые не хотѣли платить долга, давали хорошій подарокъ судебнымъ приставамъ, и тѣ били ихъ легко, тогда какъ бѣдныхъ людей, которые не могли сдѣлать приставамъ подарка, били жестоко. По словамъ одного иностранца, передъ судомъ всегда стояло по утрамъ, съ восхода солнца до 11 ч. утра, болѣе 10 такихъ должниковъ; надъ ними трудились нѣсколько доводчиковъ, которые, раздѣливъ между собою виновныхъ, ставили ихъ въ рядъ и, начавъ съ перваго, били тростью длиною въ полтора локтя, поочередно ударяя каждаго три раза по икрамъ и, такимъ образомъ, проходя рядъ отъ одного края до другого. Многихъ съ правежа увозили домой въ телѣгахъ, такъ какъ итти они не могли.

По Уложенію царя Алексѣя за каждые 100 рублей долга ставили нооплатнаго должника на правежъ мѣсяцъ, каждый

день. Если въ теченіе мѣсяца должникъ не успѣвалъ раздѣлаться со своимъ кредиторомъ, то судъ оцѣнивалъ и продавалъ имущество должника въ пользу кредитора; если имущества должника не хватало, или его совсѣмъ не было, должника отдавали „головой до выслуги“ кредитору, т.-е. должникъ долженъ былъ работать на него, пока не заработаетъ своего долга. По закону было установлено, что мужчина погашалъ въ годъ пять рублей своего долга, женщина—два рубля съ полтиной. Неоплатный должникъ становился, слѣдовательно, какъ бы рабомъ своего кредитора, и господинъ имѣлъ право его наказывать, какъ своего раба. Выдачѣ головой подлежали, впрочемъ, не всѣ должники, а только люди низшихъ чиновъ — крестьяне, посадскіе, мелкіе служилые люди. Люди высшихъ чиновъ—дворяне московскіе, стольники, окольничіе, бояре — головой не выдавались, но правежу они подлежали тоже, а послѣ правежа съ нихъ взыскивали долгъ, продавая все ихъ имущество. Впрочемъ, и отъ правежа большой служилый человѣкъ могъ отдѣлаться, выставивъ на правежъ вмѣсто себя кого-нибудь изъ своихъ холоповъ.

На судѣ, кромѣ показаній свидѣтелей, письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ, были еще и незнакомые нашему времени виды доказательствъ. Таково было, напримѣръ, „поле“, т.-е. поединокъ. Если одна сторона въ подтвержденіе своего иска говорила, что она „крестъ цѣлуетъ и на поле биться лѣзетъ“, то судья обращался къ другой и спрашивалъ: „цѣлуетъ ли она крестъ и на поле биться лѣзетъ ли?“ Если сторона соглашалась, то это называлось „досудиться до поля“.

Тяжущіеся могли выходить на поединокъ со всякимъ оружіемъ, кромѣ пищали и лука.

Происходило „поле“ при окольничьемъ и дьякѣ, которые, пріѣхавъ на „поле“, спрашивали у бойцовъ, кто у нихъ стряпчіе и поручники, и приказывали этимъ лицамъ быть при поединкѣ, но безъ оружія; людей постороннихъ дьякъ и окольничій должны были удалять, а сопротивлявшихся и

желавшихъ насильно остаться хватали и отводили въ тюрьму. Бились противники пѣшіе: бой открывался копьемъ, потомъ принимались за другое оружіе. Досудившіеся до поля могли выставлять драться вмѣсто себя наемныхъ бойцовъ; обыкновенно такъ и дѣлали, и въ Москвѣ, по словамъ иностранцевъ-современниковъ, жили люди, которые только тѣмъ и промышляли, что выходили по найму драться за другихъ на „поле". Тотъ, кто самъ или его боецъ оказывался побѣжденнымъ, тотчасъ объявлялся виновнымъ.

По свидѣтельству иностранцевъ, наблюдавшихъ случаи судебныхъ поединковъ, „поле" рѣдко проходило мирно. Всегда набиралась толпа зрителей, зорко слѣдившая за бойцами и подзадоривавшая ихъ самихъ и ихъ поручителей; поручители, заботясь объ интересахъ своихъ бойцовъ, только высматривали случая, когда, по ихъ мнѣнію, противникъ поступалъ неправильно, и тотчасъ хватали палки и колья и бѣжали на помощь своему, а къ противнику, межъ тѣмъ, тоже съ дрекольемъ поспѣвали его поручители, и съ обѣихъ сторонъ начиналась драка, „пріятно занимавшая зрителей", какъ говоритъ одинъ наблюдатель-иностранецъ.

Понятно, что и правительство и духовенство не очень покровительствовали „полю". Еще въ началѣ XV в. митрополитъ Фотій запрещалъ священникамъ давать св. причастіе тѣмъ, кто выходилъ на „поле"; убитыхъ на поединкѣ воспрещалось предавать церковному погребенію, а кто убьетъ, тотъ отлучался отъ Церкви на восемнадцать лѣтъ. Мало-по-малу обычай этотъ вывелся, и, наконецъ, указомъ 1556 г. было вообще предписано, что если стороны досудятся до поля, то присуждать имъ не поле, а крестное цѣлованіе. Это называлось дать дѣло „на душу" истцу.

Одинъ иностранецъ такъ описываетъ судебное крестоцѣлованіе. „Церемонія происходитъ въ церкви; въ то время, какъ присягающій цѣлуетъ крестъ, деньги, если объ нихъ идетъ дѣло, висятъ надъ образомъ; какъ скоро присягающій поцѣлуетъ крестъ передъ этимъ образомъ, ему тотчасъ

отдаютъ деньги". Иностранецъ этотъ разсказываетъ далѣе, что судебное крестоцѣлованіе считалось дѣломъ столь святымъ, что никто не смѣлъ нарушить его, и никто изъ москвитянъ не рѣшался поцѣловать крестъ ложно.

Другой живой наблюдатель тогдашней русской дѣйствительности отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что русскіе люди

Присяга на судѣ.
(Съ рисунка въ „Путешествіи" Олеарія).

вообще старались не доводить дѣла до крестнаго цѣлованія, тяжущіеся неохотно прибѣгали къ нему, и всѣ вообще неблагопріятно смотрѣли на человѣка, поцѣловавшаго крестъ въ судномъ дѣлѣ. Предпочитали въ такихъ случаяхъ просто бросить жребій, и тогда тотъ, кому онъ доставался, считался выигравшимъ дѣло. Одинъ англичанинъ испыталъ на себѣ порядокъ рѣшенія его дѣла съ московскими купцами посредствомъ жребія.

Онъ разсказываетъ, что, когда истцы не согласились на мировую сдѣлку, предложенную по приглашенію судей отвѣтчикомъ, то судьи, засучивъ рукава, взяли два восковые шарика одинаковой величины и въ каждый закатали бумажки съ именами тяжущихся.

Изъ стоявшей тутъ же многочисленной толпы судьи вызвали перваго попавшагося на глаза высокорослаго человѣка, которому велѣли снять колпакъ и держать передъ собой.

Въ колпакъ ему положили оба шарика и вызвали изъ толпы другого высокорослаго человѣка, который, засучивъ правый рукавъ, вынулъ изъ шапки одинъ шарикъ за другимъ и передалъ судьямъ. Судьи громко объявляли всѣмъ присутствовавшимъ, какой сторонѣ принадлежалъ первый вынутый шарикъ. Эта сторона и выиграла дѣло.

На неправильное рѣшеніе суда можно было жаловаться, но такая жалоба, по тогдашнимъ понятіямъ, была жалобой на судью, какъ бы обвиненіемъ его, и обвинителю предстоялъ не разборъ его дѣла другимъ судьей, а судъ съ судьей, рѣшеніемъ котораго онъ былъ недоволенъ и на неправильность рѣшенія котораго жаловался.

Такъ былъ устроенъ въ Московскомъ государствѣ гражданскій судъ, т.-е. разборъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ нѣтъ преступленія, а есть только споръ, тяжба двухъ сторонъ, при чемъ и самое разбирательство спора на судѣ происходитъ по жалобѣ суду одной изъ сторонъ; безъ этой жалобы чувствующей себя обиженной стороны судъ самъ такихъ дѣлъ не начинаетъ.

Но есть цѣлый рядъ дѣлъ, которыя судъ долженъ самъ начинать, чтобы возстановить преступленную злой волей справедливость; напримѣръ, нанесеніе съ злымъ умысломъ однимъ человѣкомъ другому вреда, убытка, смерти. Такія дѣла называются уголовными.

Судъ, разбирая ихъ, не только возстановляетъ нарушенную справедливость, но и наказываетъ виновника, сдѣлавшаго это нарушеніе.

Въ Московскомъ государствѣ временъ Ивана III и уголовныя и гражданскія дѣла разбирали и рѣшали тѣ же намѣстники и волостели, которые разбирали дѣла гражданскія. Но уже въ малолѣтство Грознаго царя отдѣльные области и уѣзды государства начинаютъ получать „Губныя грамоты", по которымъ такія важныя уголовныя преступленія, какъ разбой и грабежъ, выдѣляются изъ суда намѣстниковъ и волостелей, и разыскивать разбойниковъ, хватать ихъ и судить поручается выборнымъ изъ жителей уѣзда губнымъ старостамъ. Вотъ одна такая грамота, данная въ 1539 году бѣлозерцамъ и каргопольцамъ: „Князьямъ и дѣтямъ боярскимъ, отчинникамъ и помѣщикамъ и всѣмъ служилымъ людямъ, и старостамъ, и сотскимъ, и десятскимъ, и всѣмъ крестьянамъ: моимъ—великаго князя, митрополичьимъ, владычнимъ, княжимъ, боярскимъ, помѣщиковымъ, монастырскимъ и всѣмъ безъ исключенія. Били вы намъ челомъ, что у васъ въ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣніе ваше грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ много людей грабятъ, разбиваютъ и убиваютъ многихъ людей до смерти. А иные многіе люди разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники съ разбоемъ пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь къ нимъ привозятъ. Мы къ вамъ посылали обыщиковъ своихъ, но вы жалуетесь, что отъ нашихъ обыщиковъ большіе вамъ убытки, и вы съ нашими обыщиками лихихъ людей и разбойниковъ не ловите, потому что вамъ волокита большая, а сами разбойниковъ обыскивать и ловить, безъ нашего вѣдома, не смѣете. Такъ вы бы, межъ собою свѣстясь, всѣ вмѣстѣ, поставили себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости человѣка три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли и которые годятся, да съ ними старостъ да десятскихъ и лучшихъ людей крестьянъ человѣкъ пять или шесть, и между собою въ станахъ и волостяхъ лихихъ людей разбойниковъ сами обыскивали бы по нашему крестному цѣлованію, вправду, безъ хитрости.

„Гдѣ сыщете разбойниковъ или тѣхъ, кто ихъ у себя держитъ и разбойную рухлядь принимаетъ, то вы такихъ людей пытайте накрѣпко, а допытавшись и бивши кнутомъ, казните смертію. Я положилъ это на вашихъ душахъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣтъ, и отъ нашихъ намѣстниковъ и волостелей продажи (т.-е. взысканія) вамъ нѣтъ.

„Если разбойникъ съ пытки объявитъ о своихъ товарищахъ въ другихъ городахъ, то вы объ нихъ пишите грамоты въ тѣ города къ дѣтямъ боярскимъ, которыя тамъ поставлены въ головахъ для этихъ дѣлъ, и обсылайтесь между собой немедленно. Кого поймаете въ разбоѣ, кого доведете, того казните; кто разбойниковъ поймалъ, въ какихъ дѣлахъ они уличены, — все это пишите на списокъ подлинно, а которые изъ васъ грамотѣ умѣютъ, тѣ прикладывали бы къ спискамъ руки. По недружбѣ другъ другу не мстите, безъ вины людей не хватайте и не казните никого, но обыскивайте накрѣпко.

„А не станете разбойниковъ обыскивать и брать или не станете за разбойниками ѣздить, хватать ихъ и казнить, или станете разбойниковъ отпускать и имъ потакать, то я велю на васъ на всѣхъ взыскивать по жалобамъ тѣхъ людей, кого въ вашихъ волостяхъ разобьютъ, безъ суда, вдвое, а самимъ вамъ отъ меня быть въ казни и въ продажѣ. А которыхъ разбойниковъ вѣдомыхъ поймаете и, обыскавъ, казните, тѣхъ имѣнія и подворья отдавайте людямъ, которыхъ поставите у себя въ головахъ, они же пусть отдаютъ тѣмъ людямъ, которыхъ казненные разбойники разбивали, смотря по ихъ искамъ; сколько у какого разбойника возьмете и раздадите истцамъ, записывайте все на списки; а что послѣ этой раздачи останется, перепишите и положите, гдѣ пригоже, и отпишите объ этомъ въ Москву, къ нашимъ боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны“.

Со временъ царя Ивана Грознаго стали строго раздѣлять уголовныя дѣла: дѣла мелкія, въ родѣ татьбы, т.-е. воровства,

остались подсудны суду намѣстниковъ, дѣла же разбойныя, душегубныя отошли въ вѣдѣніе губныхъ старостъ. Губные старосты не должны были вступаться въ суды намѣстничьи или земскихъ старостъ и земскихъ судеекъ, а эти послѣдніе не могли вмѣшиваться въ суды губныхъ старостъ.

Въ царствованіе Грознаго былъ выработанъ особый уставъ для суда губныхъ старостъ—„Уставъ о разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ", который опредѣлилъ вѣдомство уголовнаго суда, порядокъ судопроизводства, слѣдствія, удовлетворенія пострадавшихъ отъ разбоя и грабежа.

Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, усиливъ наказанія за татьбу, разбой и грабежъ, оставило въ силѣ всѣ узаконенія Разбойнаго Устава съ его дополненіями.

Губные старосты не только должны были ловить и судить разбойниковъ, но и накрѣпко „обыскивать" всякое подозрѣніе въ разбоѣ, когда оно возникало на кого-нибудь. Однимъ изъ средствъ сыска былъ обыскъ, т.-е. допросъ мѣстныхъ жителей о томъ, кто у нихъ на посадѣ или въ уѣздѣ разбоемъ занимается, лихимъ людямъ притонъ даетъ, вѣрны ли слухи, что вотъ такой-то и такой-то промышляютъ грабежомъ и разбоемъ. Губные старосты, или ихъ помощники и подчиненные, должны были для такихъ опросовъ разъѣзжать по всему уѣзду. Не требовалось, чтобы показывавшій самъ видѣлъ или имѣлъ вѣрныя доказательства для обвиненія кого-нибудь въ разбоѣ; для того, чтобы назвать кого-нибудь разбойникомъ и душегубомъ, вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ или хорошимъ добрымъ человѣкомъ, довольно было, если обзывавшій такъ другого самъ вѣрилъ этому.

На основаніи многихъ согласныхъ показаній, что такой-то человѣкъ вѣдомый разбойникъ и не только теперь, но и „допрежъ сего крадывалъ", оговореннаго хватали, на имѣніе его накладывали арестъ. Обвиненный могъ обвинять самихъ обыскныхъ людей только въ тѣхъ случаяхъ, когда не всѣ обыскные люди согласно говорили о немъ, что онъ воръ и

разбойникъ, а были голоса и за его доброе поведеніе. Тогда приказывалось „сыскати про то всякими сыски“. Если обвинительныя рѣчи доказчиковъ оказывались ложными, то, по Уложенію, предписывалось „взыскать съ виновныхъ пени и десятаго человѣка бити кнутьемъ“. Въ 1669 г. велѣно было давать вѣру только тѣмъ обвинителямъ, которые о душегубствѣ „вѣдаютъ подлинно, или видѣли и скажутъ имянно“. Оговореніе человѣка называлось „облихованіемъ“ его.

Облихованнаго человѣка немедленно брали подъ стражу, а его имущество описывали.

Въ назначенный день обвиненнаго приводили на судъ къ губному старостѣ, въ губную избу. Если обвиненный запирался, не хотѣлъ разсказать подробности преступленія, назвать соучастниковъ и т. п., то его подвергали пыткѣ. По свидѣтельству современника, служившаго въ подьячихъ, однимъ изъ самыхъ употребительнѣйшихъ видовъ пытки былъ такой: обвиняемому связывали сзади руки въ опущенномъ положеніи, привязывали къ нимъ веревку, которую перекидывали черезъ блокъ, укрѣпленный въ потолкѣ, и этой веревкой тянули руки вверхъ, при чемъ онѣ, по мѣрѣ поднятія тѣла, выворачивались изъ плеча. Въ этомъ положеніи пытаемаго били кнутомъ или палкой, встряхивали, подпаливали медленнымъ огнемъ и при этомъ разспрашивали, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, сдѣлалъ ли вотъ это и это, были ли тутъ такіе-то и т. п.

Рѣдкій могъ стерпѣть ужасную боль и не отвѣтить на вопросы такъ, какъ того желалъ судья, т.-е. зачастую совершенно не согласно съ истиной; невинному приходилось въ такихъ случаяхъ наговаривать на себя, виновному говорить не то, что онъ могъ бы сказать.

Пыткѣ обвиненный подвергался не одинъ разъ, а три. Если въ первой пыткѣ онъ сознавался въ томъ, въ чемъ его обвиняли, его пытали еще разъ: не виноватъ ли, дескать, въ иныхъ разбояхъ и грабежахъ. Если пытаемый оговаривалъ

кого-либо въ соучастіи, оговореннаго ставили съ нимъ „съ очей на очи“, т.-е. приводили на судъ, ставили передъ обвиняемымъ и спрашивали, знаетъ ли онъ его, и при этомъ снова пытали, не сниметъ ли, дескать, оговора, не скажетъ ли, что онъ оговорилъ приведеннаго ложно. Всѣ оговоренные привлекались къ дѣлу; это называлось привлеченіе „по языку“. Оговореннаго арестовывали, и если оговорившій продолжалъ и на пыткѣ утверждать, что говоритъ правду, начиналось дѣло и тоже съ пыткой противъ оговореннаго. Запрещено было только давать вѣру оговору обвиняемымъ тѣхъ, кто его представилъ на судъ и захватилъ на мѣстѣ преступленія.

Пыткѣ въ Московскомъ государствѣ подвергались лица всѣхъ чиновъ безъ исключенія, кромѣ думныхъ, которые не могли быть и наказываемы тѣлесно. Если, напримѣръ, на обыскѣ говорили, что такой-то помѣщикъ составилъ шайку разбойниковъ изъ своихъ крестьянъ и грабитъ вмѣстѣ съ ними, то хватали и помѣщика и его холоповъ, но прежде пытали холоповъ, а потомъ самого помѣщика.

Обвиненнаго въ преступленіи ожидала смертная казнь или кнутъ. Смертью казнили чрезъ повѣшеніе, обезглавливаніе, утопленіе, сажаніе на колъ и т. п. Чаще всего употреблялось повѣшеніе, а другіе виды казни употреблялись рѣдко, развѣ за какія-нибудь необычайныя преступленія. За воровство и даже убійство, если это не былъ разбой, т.-е. убійство, соединенное съ грабежомъ, смертной казни подвергали рѣдко; въ большомъ ходу былъ кнутъ и батоги.

Иностранцы, наблюдавшіе тогдашнюю русскую жизнь, ярко обрисовываютъ жестокость этихъ наказаній. Батоги были самымъ обыкновеннымъ и употребительнымъ наказаніемъ, которому одинаково подвергались и простые и чиновные люди за важныя и неважныя нарушенія закона. Въ Москвѣ, по замѣчанію одного иностранца, рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы кого-нибудь не били на площади батогами.

Часто употреблялся и кнутъ, который иностранцы описываютъ, какъ самое жестокое и варварское наказаніе. По Уложенію, вора, попавшагося въ первый разъ, послѣ пытки били кнутомъ, рѣзали прочь лѣвое ухо, заключали въ тюрьму на работу въ кандалахъ на два года, а потомъ ссылали на жительство въ украинные города. Попавшагося въ воровствѣ второй разъ тоже били кнутомъ, рѣзали прочь правое ухо, сажали въ тюрьму на работу на четыре года и потомъ ссылали на жительство въ украинные города; за третье воровство присуждалась смертная казнь. На мѣсто казни преступника вывозили съ зажженной восковой свѣчей, которую онъ держалъ въ связанныхъ рукахъ.

Одинъ иностранецъ такъ описываетъ видѣнное имъ въ 1634 году въ Москвѣ наказаніе кнутомъ девятерыхъ преступниковъ, въ числѣ которыхъ была одна женщина, воровски продававшихъ запрещенный тогда табакъ и водку; кнутъ былъ изъ воловьей жилы и имѣлъ на концѣ три хвоста, острые какъ бритва, изъ невыдѣланной лосиной кожи. Преступникамъ дали 25 ударовъ, преступницѣ—16. При наказаніи на площади присутствовалъ подьячій съ бумагой въ рукахъ, гдѣ означено было число ударовъ для каждаго преступника; всякій разъ, какъ палачъ отсчитывалъ предписанное число, подьячій кричалъ: „Полно!“ Затѣмъ преступниковъ связали парами, продававшимъ табакъ повѣсили на шею по рожку съ табакомъ, а продавцамъ водки—по склянкѣ съ этимъ напиткомъ и въ такомъ видѣ повели всѣхъ по городу, и хотя нѣкоторые изъ нихъ еле стояли на ногахъ, ихъ, все-таки, продолжали бить. Прошедши съ полмили по улицамъ, ихъ повели опять на площадь, гдѣ происходила казнь, и тутъ отпустили.

Вообще иностранцы, разсказывая о московскомъ судопроизводствѣ, рѣзко подчеркиваютъ его грубость и жестокость. Мелкіе служащіе суда, всѣ эти подьячіе, доводчики и пристава обращались очень жестоко съ подсудимыми. Иногда

человѣка, обвиняемаго въ какомъ-нибудь грошовомъ дѣлѣ, если онъ не могъ представить поручителей, хватали, заковывали въ цѣпи и сажали въ тюрьму, гдѣ онъ долженъ былъ иногда сидѣть очень долго, пока дѣло его не назначалось къ слушанію. Такой обвиняемый, быть-можетъ, несправедливо, находился, однако, всецѣло въ распоряженіи тюремщика-доводчика или пристава и долженъ былъ много терпѣть отъ его произвола и вымогательствъ. Ходатаевъ и повѣренныхъ никакихъ на судѣ не допускалось, и каждый самъ долженъ былъ, какъ умѣлъ, излагать свое дѣло и защищаться.

Такъ какъ судъ въ Московскомъ государствѣ былъ неразрывно связанъ съ управленіемъ, а лица, вѣдавшія областное управленіе, были въ то же время и судьями, то понятно, что высшія мѣста по управленію въ Московскомъ государствѣ, сосредоточенные въ Москвѣ приказы, были и высшими судами, по сравненію съ судами воеводъ, земскихъ судеекъ и губныхъ старостъ.

Почти всякій приказъ имѣлъ свою долю судебной власти, такъ какъ почти къ каждому приказу были приписаны города, доходы съ которыхъ въ этотъ приказъ поступали.

Для жителей этихъ городовъ приказъ, собиравшій съ нихъ деньги, и былъ важнѣйшимъ судебнымъ мѣстомъ, сюда они жаловались и на „неправду“ своихъ судей, отъ этого приказа зависѣвшихъ, какъ управители. Такъ, городъ Романовъ былъ приписанъ къ Посольскому приказу—здѣсь романовцы и судились, когда были недовольны судомъ своихъ судей. Не даромъ и начальники приказовъ носили званіе судей. Затѣмъ каждый приказъ судилъ тѣхъ людей, которые были подчинены ему по роду своихъ занятій или службы. Такъ, напримѣръ, даже Мастерская Государева Палата чинила расправу между мастеровыми людьми, работавшими на дворецъ.

Большое судебное значеніе имѣли приказы Помѣстный и Холопій — названіе ихъ уже показываетъ, какія дѣла могли тамъ вершиться. Были еще и чисто судебные приказы—Суд-

ные приказы Московскій и Владимирскій, вѣдавшіе преимущественно запутанные случаи въ гражданскихъ дѣлахъ вообще и гражданскія дѣла служилыхъ людей въ частности: приказъ Большого Прихода, т.-е. вѣдомство государственныхъ доходовъ, судилъ гостей, откупщиковъ и таможенниковъ: Ямской приказъ, вѣдомство путей сообщенія, судилъ ямщиковъ. Монастырскій приказъ судилъ по жалобамъ на духовенство и монастырскихъ крестьянъ. Приказъ Разбойный вѣдалъ, какъ показываетъ его названіе, дѣла уголовныя. Разбойный приказъ утверждалъ всѣхъ судей по разбойнымъ дѣламъ. Выбранные всеуѣздными людьми губные старосты пріѣзжали въ Москву и являлись въ этотъ приказъ, который испытывалъ ихъ и, если находилъ годными, утверждалъ въ должности. Въ Разбойный же приказъ доставлялись списки со всѣхъ судныхъ дѣлъ по разбоямъ, вершившихся въ городахъ.

При такомъ обиліи мѣстъ разнаго значенія, къ которымъ можно было обратиться съ просьбой начать судебное разбирательство, положеніе московскаго человѣка тѣхъ временъ бывало иногда довольно незавидное; при обиліи судей онъ часто не зналъ, куда ему надо обратиться за судомъ. Одно и то же дѣло могло начаться въ разныхъ приказахъ: или въ томъ, которому былъ подсуденъ отвѣтчикъ, или въ томъ, которому было подсудно дѣло. Такъ въ 1621 г. Владимирскій Судный приказъ поднялъ судное дѣло противъ Шуйскаго губного старосты, какъ служилаго человѣка. Но Шуйскій губной староста могъ подлежать суду Разбойнаго приказа, какъ лицо ему подначальное, а какъ шуянинъ—приказу Галицкой Четверти, къ которому Шуя была приписана.

Только Уложеніе царя Алексѣя внесло нѣсколько больше порядка въ эту путаницу судей и судебныхъ мѣстъ.

Высшее въ Московскомъ государствѣ мѣсто, вѣдавшее судебныя дѣла, куда обращались за разрѣшеніемъ очень сложныхъ и запутанныхъ случаевъ и самые приказы, была Боярская Дума. Судебныя дѣла поступали въ Думу по до-

кладу судей приказовъ. Судья приказа докладывалъ дѣло царскимъ думцамъ устно. Бояре слушали и, „поговоря“, ставили свое рѣшеніе. Непремѣнно въ Думѣ разбирались дѣла по жалобамъ на намѣстниковъ и воеводъ, при чемъ Дума сама назначала размѣры штрафа съ обвиненнаго.

Бояре разсматривали всякое прошеніе, поступавшее въ Думу, и если находили его законнымъ, то рѣшали дѣло; если же находили, что данное дѣло можетъ по закону рѣшить и соотвѣтствующій приказъ, то пересылали его туда. Наконецъ Дума судила всѣ тѣ дѣла, которыя передавалъ на ея разсмотрѣніе царь.

Выше думскаго боярскаго суда былъ и могъ быть только судъ царя. Судиться прямо у великаго государя добивались, какъ особенной чести, и эта честь жаловалась очень немногимъ по особой грамотѣ, называвшейся тарханной. Тарханныя грамоты выдавались преимущественно монастырямъ. Никакой земскій судейка, никакой губной староста не имѣлъ права въѣзда во владѣнія, обозначенныя въ тарханной грамотѣ: тамъ судилъ самъ царь или бояринъ, которому царь прикажетъ.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ для разбора просьбъ, подаваемыхъ царю, былъ учрежденъ особый приказъ, названный Челобитнымъ. „Какъ государь куды пойдетъ— говоритъ одна современная запись — бьютъ челомъ всякіе люди, и передъ государемъ (идущій) бояринъ и дьякъ того приказу принимаютъ челобитныя и по нимъ расправу чинятъ, а которыхъ дѣлъ не могутъ (разсудить), тѣ къ государю вносятъ“. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ подобное значеніе имѣлъ приказъ Тайныхъ Дѣлъ.

Таковъ былъ въ общемъ судъ въ Московскомъ государствѣ XVI — XVII вв. Свою основную черту — нераздѣльное соединеніе судебной власти съ властью по управленію — старинный судъ сохранилъ до временъ Петра Великаго, но только съ временъ императрицы Екатерины II начала раздѣленія суда и управленія, положенныя Петромъ Великимъ.

начинаютъ рѣшительно преобладать, и судъ отдѣляется отъ управленія. Свое другое свойство—многописьменность, тайну судебнаго производства, медленность его — русскій судъ сохранилъ еще дольше, до преобразованія суда при императорѣ Александрѣ II, давшемъ Россіи судъ скорый, правый и милостивый *).

---

*) Составлено по сочиненіямъ: *Б. Н. Чичерина*, „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“; *Ѳ. М. Дмитріева*, „Исторія судебныхъ инстанцій“; *В. Сергѣевича*, „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“; *В. О. Ключевскаго*, „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“.

Заставка—съ рукописи XVII в.

Монастыри въ Московскомъ государствѣ.

яжелое время переживала Русская земля XIII — XV вѣковъ. Это было время татарскихъ погромовъ и княжескихъ усобицъ, когда войны и кровопролитіе свирѣпствовали не переставая. На время всего въ 234 года, съ 1228 по 1462 годъ, на одну сѣверовосточную Русь пришлось 90 внутреннихъ и 160 внѣшнихъ войнъ. Всюду свирѣпствовали усобицы, текла кровь, гибла жизнь.

Къ бѣдствіямъ войны присоединялись бѣдствія голода и мора. Никогда, кажется, Русская земля такъ не страдала отъ

недоѣданія и болѣзней, какъ въ XIV и XV вѣкахъ. Году не проходило безъ того, чтобы не стряслось какое-нибудь несчастье: то „крылатый червь“—саранча—налетитъ съ востока, „поястъ деревья“ и весь хлѣбъ, настанетъ голодъ, и множество людей „скончаетъ животъ свой“, то болѣзнь тяжкая пройдетъ по всей землѣ и унесетъ столько народу, что некому становится убирать хлѣбъ, и нивы стоятъ нетронутыя, пока ихъ не покроетъ снѣгомъ холодная зима съ неслыханными лютыми морозами; то вдругъ пройдутъ полосой лѣсные и болотные пожары; „земля и лѣсъ горѣли,—разсказываетъ лѣтопись, — дымъ стлался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирали рыба и птица; рыба послѣ того пахла дымомъ два года“... Страшныя жары сжигали хлѣба и траву, ранніе морозы губили жатву, обѣщавшую урожай. Десятками лѣтъ тянулись неурожайные годы. „Была сильная скорбь въ людяхъ, — пишетъ новгородскій лѣтописецъ,—только и слышно было, что плачъ да рыданіе по улицамъ и на торгу; многіе отъ голода падали мертвые, дѣти передъ родителями, родители передъ дѣтьми, многіе бѣжали въ чужія страны, ради хлѣба отдавались въ рабство“.

Такое бѣдственное время сѣяло уныніе и скорбь въ людяхъ. Одни ожесточались духомъ и сердцемъ, и кто былъ изъ такихъ посильнѣе, тѣ давили болѣе слабыхъ, вымогая съ нихъ себѣ кусокъ хлѣба; тѣ, кто послабѣе, искали спасенія въ хитрости, коварствѣ, никто не вѣрилъ другъ другу, и каждый думалъ только о себѣ. Другіе, немногіе, болѣвшіе душой о правдѣ и мирѣ, теряли всякую надежду сохранить въ душѣ все доброе, живя среди такого зла, и бѣжали изъ міра, бѣжали отъ людей, скрывались въ лѣса, пустыни, жили въ строгомъ одиночествѣ, отрекаясь отъ всѣхъ внѣшнихъ благъ и удобствъ „многомятежнаго и злобнаго міра сего“, предаваясь посту, молитвѣ, подавленію въ себѣ всѣхъ житейскихъ страстей.

Убѣжищемъ для такихъ людей были монастыри, которыхъ въ то время возникло много. По всей странѣ основывались

новые монастыри, наполнялись старые. Въ XIII и XIV вѣкахъ на сѣверо-востокѣ Руси монастырей считается вдвое больше, чѣмъ ихъ было въ первые два вѣка христіанства въ южной и новгородской Руси. Тамъ насчитывалось всего около 90 монастырей; въ XIV и половинѣ XV вѣка ихъ открылось въ великорусской странѣ до 150. Въ XVI возникаетъ еще около 100 монастырей, а въ XVII—220. По описи монастырей, сдѣланной въ половинѣ XVIII вѣка, числилось въ Россіи 966 монастырей.

Монастыри по своему происхожденію были разные. Одни ютились вблизи большихъ городовъ, созидались усердіемъ архіереевъ, князей, бояръ, которые обстраивали эти монастыри и содержали ихъ. Среди князей удѣльныхъ временъ считалось необходимымъ условіемъ благоустроенія княжества и стольнаго города постройка въ немъ собора и монастыря. Такіе подгородные монастыри, проживая, такъ сказать, на виду у всѣхъ, завися отъ благодѣтелей, поддерживали постоянную связь и общеніе съ міромъ и потому ихъ называли мірскими. Другіе монастыри возникали, такъ сказать, сами изъ хижинъ и келлій людей, удалявшихся отъ міра въ тихую пустыню въ поискахъ духовнаго подвига и молитвы.

Привыкнувъ издавна хранить въ церквахъ и монастыряхъ, въ ихъ крѣпкихъ подвалахъ и хорахъ, за осѣненными крестомъ вратами, свое нажитое добрымъ трудомъ имущество, тогдашніе люди и сокровища своей души, которымъ не было мѣста въ жизни среди людей, искали уберечь и сохранить за монастырской стѣной.

Спасаясь отъ тягостей и раздоровъ жизни въ міру, стремясь устроить мирное, братское житіе, лучшіе тогдашніе люди любили повторять слова псалмопѣвца: „Се что добро и что красно, еже жити братіи вкупѣ". Мирную жизнь „вкупѣ" можно было найти только въ монастырѣ. Въ этомъ убѣждали тогдашняго человѣка примѣры настоящаго и прошлаго. Такъ гласила вся тогдашняя литература.

Весь книжный запасъ того времени составляли богослужебныя книги, описанія жизни святыхъ, сказанія о страда-

ніяхъ мучениковъ; все это было любимымъ чтеніемъ, и книжный человѣкъ тѣхъ временъ, прочитывая о подвигахъ святыхъ, не могъ не подчиняться желанію подражать имъ.

Люди невольно свыкались и сроднялись съ мыслью, что лучшая жизнь—это иноческая, подвижническая жизнь, и незамѣтно для самихъ себя дѣлались монахами задолго до постриженія.

Въ житіи св. Іосифа Волоцкаго разсказывается такой случай: князь Андрей Голенинъ велъ праведную жизнь, помогалъ бѣднымъ, прощалъ обиды и былъ очень милостивъ къ своей прислугѣ; онъ часто посѣщалъ преподобнаго и много бесѣдовалъ съ нимъ. Разъ князь Андрей выѣхалъ на охоту со множествомъ слугъ въ дорогихъ одеждахъ на лучшихъ коняхъ. Дорога шла мимо монастыря преподобнаго. Князь остановился у св. вратъ, слѣзъ съ коня и вошелъ въ соборный храмъ, гдѣ находился въ это время преподобный съ братіей; здѣсь князь упалъ передъ нимъ на колѣни и молилъ святого смѣнить его блистательную княжескую одежду на смиренную иноческую, которой облечены самъ преподобный и вся братія; тутъ же князь сказалъ, что отдаетъ въ монастырь все свое имѣніе и молитъ, чтобы игуменъ постригъ его немедля, не выходя изъ церкви. Преподобный тутъ же постригъ его и „вмѣсто брачныхъ черными его облече, и мнихъ за князя именовася". Уже одѣтый въ монашескія одежды, князь вышелъ изъ церкви, отпустилъ на волю всѣхъ своихъ слугъ, которые никакъ не ожидали этого и, стоя у церкви, гдѣ происходилъ невѣдомо для нихъ обрядъ постриженія ихъ господина, весело разговаривали и шумѣли, ожидая удачной охоты.

Такіе случаи, когда рѣшеніе сдѣлаться инокомъ приходило, какъ нѣчто совсѣмъ созрѣвшее, внезапно для самаго человѣка, были часты въ то время. По житіямъ святыхъ, по сказаніямъ о нихъ можно достаточно ясно представить себѣ, какъ росъ и воспитывался будущій инокъ.

Семья, въ которой родился и воспитывался будущій подвижникъ, всегда отличается благочестіемъ. Въ кругу его род-

ныхъ почти всегда есть кто-нибудь принявшій монашество. Обыкновенно, это средняя служилая семья, иногда посадская или зажиточная крестьянская, но всегда грамотная, такъ что будущій подвижникъ въ дѣтствѣ научается „книги чести“ и очень увлекается чтеніемъ. Обучаютъ его грамотѣ родители, или какой-нибудь дьякъ, „зѣло искусный“ въ „грамотной хитрости“.

Въ дѣтствѣ будущій основатель монастыря чуждается дѣтскихъ игръ и развлеченій. Любитъ уединеніе, любитъ слушать разсказы о подвигахъ святыхъ, церковная служба для него высшее наслажденіе: первымъ приходитъ онъ въ храмъ къ божественной службѣ и уходитъ послѣднимъ.

Чтеніе книгъ и бесѣда съ духовными лицами понемногу создаютъ въ будущемъ подвижникѣ непреодолимое желаніе оставить міръ, воспріять ангельскій образъ и спасти свою душу. Въ возрастѣ 11—15 лѣтъ будущій подвижникъ дѣлаетъ первую попытку уйти въ монастырь. Не всегда родители сразу позволяютъ это: сынъ кажется имъ еще слишкомъ молодымъ для великаго подвига, неопытнымъ. Юноша подчиняется уговорамъ, остается дома, но не оставляетъ своего намѣренія. Родители спѣшатъ женить его, пріискиваютъ ему невѣсту. Тутъ онъ дѣлаетъ первый рѣшительный шагъ. Повинуясь блеснувшему ему вдругъ таинственному свѣту во время утренней предразсвѣтной молитвы, чудному видѣнію, загадочному сну, таинственно повелѣвающему голосу, юноша оставляетъ тайкомъ родительскій домъ и спѣшитъ въ отдаленный монастырь, куда влекутъ его слава обители и подвиги подвизающагося тамъ святого. Юноша падаетъ къ ногамъ старца и молитъ принять его въ число братіи. Игуменъ, испытавъ пришельца и убѣдившись въ его горячемъ и искренномъ желаніи иноческаго подвига, совершаетъ обрядъ постриженія.

Въ монастырѣ юный инокъ безропотно несетъ тяжесть молитвенныхъ подвиговъ, ревностно исполняетъ самыя трудныя работы на монастырскомъ дворѣ; кротостью и незлобіемъ

заслуживаетъ любовь всей братіи. О немъ уже начинаютъ говорить. Но этого-то именно и не хочетъ подвижникъ: не для славы оставилъ онъ „тлѣнная міра сего“; и вотъ какъ когда-то ушелъ онъ тайкомъ изъ родительскаго дома, такъ и теперь тайно оставляетъ онъ монастырь и идетъ въ пустыню, въ глухую лѣсную дебрь, и начинаетъ подвигъ пустынножительства. Немного житейскихъ удобствъ позволялъ онъ себѣ въ монастырѣ, а въ пустынѣ, лѣсной дебри, гдѣ и не найти никакихъ удобствъ, пустынникъ старается жить совсѣмъ безъ нихъ; спитъ на землѣ, подложивъ подъ голову камень, пробуетъ спать стоя или сидя и для большей бодрости держитъ въ рукѣ камень, чтобы онъ, если случится задремать подвижнику, падалъ и шумомъ своимъ будилъ его. Непрестанная молитва и сокрушеніе о грѣхахъ наполняютъ время подвижника. Питается онъ не болѣе трехъ разъ въ недѣлю, а постомъ принимаетъ пищу разъ въ недѣлю, да и пища скудна и невзыскательна—коренья, лѣсныя ягоды, просфора, принесенная изъ ближняго храма или монастыря, краюха черстваго хлѣба, оставленная случайнымъ прохожимъ въ кузовкѣ, который подвижникъ вѣшаетъ на дерево у окраины лѣса, гдѣ проходитъ дорога. Вотъ и весь столъ подвижника.

Подвижникъ всегда чѣмъ-нибудь занятъ: копаетъ огородъ, дѣлаетъ изгородь, поправляетъ свою хибарку; непрестанный трудъ, постъ и молитва изнуряютъ и изсушаютъ тѣло святого. Но и этого ему мало: чтобы совсѣмъ подавить всякія тѣлесныя желанія, подвижникъ опоясывается тяжелою цѣпью, такъ что звенья ея врѣзываются въ тѣло; надѣваетъ власяницу, безпощадно дерущую своими острыми, какъ иглы, волосками его тѣло; на голову, подъ монашескій куколь, надѣваетъ желѣзную шапку, не носитъ никакой обуви и въ самые жестокіе морозы ходитъ босикомъ; тучи комаровъ въ жаркій лѣтній день вьются надъ подвижникомъ, покрываютъ его лицо и руки такимъ слоемъ, что не видать тѣла, а подвижникъ стоитъ и молча творитъ молитву за себя и за міръ.

Жилище подвижника въ лѣсу—жалкій шалашъ, кое-какъ огороженный, землянка, а то и просто дупло большого дерева. Подвижникъ избѣгаетъ людей, налагаетъ на себя обѣтъ молчанія и нѣтъ силъ вынудить отъ него слово.

Къ преп. Саввѣ Вишерскому пришелъ родной братъ; преподобный сошелъ съ своего пригорка, на которомъ жилъ, благословилъ брата молча и возвратился снова на свой пригорокъ.

Мѣсто, избранное будущимъ основателемъ обители, всегда отличается красотою.

Съ высокой горы увидалъ преп. Кириллъ Бѣлозерскій необъятное пространство, покрытое озерами и лугами, орошенное Шексною; по красотѣ развернувшагося вида, призналъ онъ это мѣсто за указанное ему Богомъ и поселился тутъ. Преп. Филиппъ Иранскій выбралъ дивно-красивое мѣсто на высокомъ берегу пустынной рѣки Лыдоги. Селясь около рѣки, подвижники выбирали мѣсто обыкновенно въ устьяхъ ея, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ другую рѣку. Любили подвижники селиться на островахъ озеръ, а преподобные Зосима и Савватій поселились на островахъ Бѣлаго моря, гдѣ основали знаменитый Соловецкій монастырь.

Подвизаясь въ строгомъ одиночествѣ, будущій основатель монастыря съ любовью относится къ окружающей его природѣ, приручаетъ звѣрей и птицъ. Когда преп. Сергій Нуромскій пришелъ навѣстить преп. Павла Обнорскаго, то увидалъ, какъ стаи лѣсныхъ птицъ вились около преподобнаго: онъ кормилъ ихъ изъ рукъ, нѣкоторыя сидѣли у него на головѣ и на плечахъ. Тутъ же стоялъ медвѣдь и ждалъ себѣ пищи, вокругъ прыгали лисицы и зайцы. Къ преп. Никодиму Кожеозерскому такъ привыкли олени, что стадами ходили около него и кормились. Преп. Пафнутій Боровскій любилъ „гавроновъ черноперыхъ и многоязычныхъ“, по выраженію житія этого преподобнаго, и далъ заповѣдь не убивать грачей, до сихъ поръ въ изобиліи гнѣздящихся въ монастырскомъ лѣсу. По разсказамъ житій, змѣи и гады, повинуясь

преподобнымъ, оставляли мѣста, гдѣ жили святые, и уходили прочь.

Подавляя въ себѣ всѣ житейскія привычки и слабости, отъ которыхъ такъ много зла среди людей, подвижникъ стремится стать лучше духомъ и сердцемъ. Подвигами труда, молитвы и поста онъ укрѣпляетъ въ себѣ незлобіе, кротость, чувство любви и всепрощенія. Становясь лучше самъ, подвижникъ вѣритъ, что его примѣръ не останется безплоднымъ.

И, дѣйствительно, отшельнику, избравшему себѣ удѣлъ одиночества и молитву, недолго удавалось прожить въ тишинѣ и одному. Скоро начинали приходить къ нему люди и со слезами упрашивали позволить поселиться возлѣ него и жить съ нимъ. Бывали случаи, что родители подвижника, руководимые молвой, находили его и, покоренные его незлобіемъ и подвигами, оставались жить съ нимъ, посвящая свою жизнь также молитвѣ и трудамъ.

Скоро возлѣ уединенной келліи подвижника выростаютъ келліи его соратниковъ по духовному подвигу. Общими усиліями воздвигается небольшая церковка. Основателя-подвижника выбираютъ игуменомъ, и начинается монастырская жизнь. Общимъ трудомъ одолѣваютъ всѣ препятствія. Такой общежительный монастырь подъ руководствомъ своего дѣятельнаго основателя образуетъ рабочую общину, въ которой занятія строго распредѣлялись между всей братіей. Среди иноковъ были люди разныхъ занятій и круговъ—и купцы, и служилые люди, и ремесленники, и земледѣльцы. Каждый долженъ былъ отбывать „на братскую нужу“ то дѣло, къ которому его ставили. Монахи должны были „свои труды ясти и пити“, а не жить подаяніями мірянъ. Въ житіи преп. Ѳерапонта Бѣлозерскаго живо изображенъ „чинъ всякаго рукодѣлія“, т.-е. распорядокъ монастырскихъ занятій: кто книги пишетъ, кто книгамъ учится, кто рыболовныя сѣти плететъ, кто келліи строитъ; одни дрова и воду носили въ хлѣбню и поварню, гдѣ другіе готовили хлѣбъ и варево; хотя и много было службъ въ монастырѣ, вся братія сама ихъ

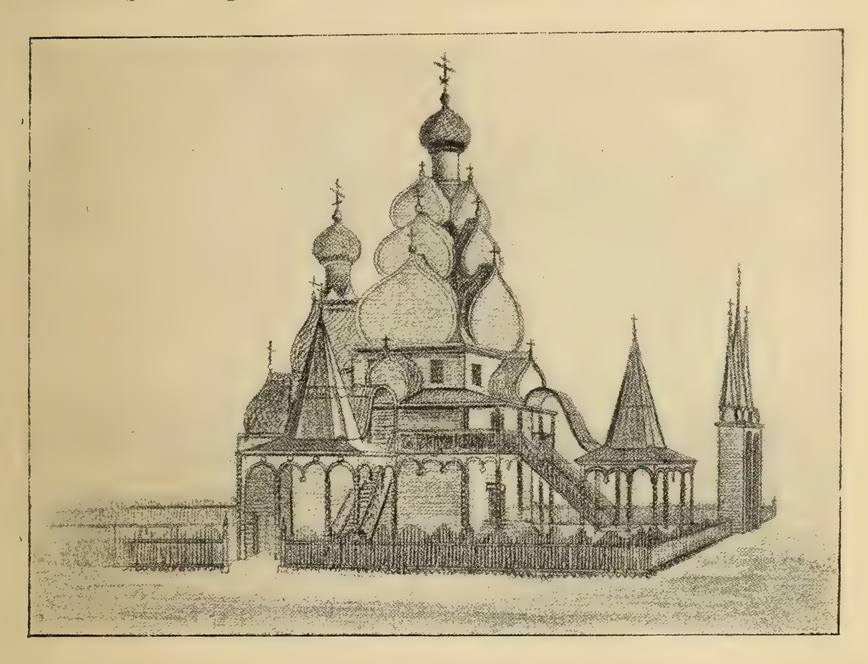
исправляла, отнюдь не допуская до того мірянъ — монастырскихъ служекъ.

Новый монастырь бѣденъ: церковные сосуды его деревянные, ризы священника холщевыя, вмѣсто свѣчей горитъ въ церкви лучина, часто не хватаетъ хлѣба на пропитаніе братіи. Надо позаботиться о хлѣбѣ и для себя, и для приходящихъ богомольцевъ, для милостыни нуждающимся. Общими трудами, подъ руководствомъ игумена, начинаютъ распахивать окрестную дикую почву, выжигая лѣсъ, выворачивая пни, превращая пустыню въ обработанную ниву, „древіе посѣкая и землю очищая къ насѣянію плодовъ земныхъ". Тяжелый трудъ! Много силъ надо тратить изможденнымъ постомъ и неустанной молитвою монахамъ, чтобы заработать себѣ хлѣбъ насущный, а трудъ не только тяжелъ, но и опасенъ.

Жители окрестныхъ селъ начинаютъ что-то шумѣть на монаховъ, высказываютъ опасенія, какъ бы вся ихъ земля, всѣ ихъ угодья не отошли къ монастырю. Услышитъ о новомъ монастырѣ великій князь и прикажетъ надѣлить его землей на двѣнадцать верстъ въ окружности, и придется тогда окрестнымъ поселянамъ работать на монастырь, такъ какъ земля станетъ тогда монастырской. Преподобнаго Арсенія Комельскаго мужики выжили съ занятаго имъ мѣста, и преподобный ушелъ въ глубину Шелегонскаго лѣса. Зато, если поблизости отъ мѣстожительства отшельника оказывался городъ, будущность монастыря обезпечена: новый монастырь— новые люди будутъ приходить, пойдетъ торговля. Для города монастырь былъ жданымъ и молёнымъ. Многіе города просили прославившихся подвижниковъ итти къ нимъ и поселиться возлѣ, обѣщая всячески охранять покой монаховъ.

Но гдѣ бы ни возникъ монастырь — возлѣ города ли, въ дикомъ лѣсу, вдали отъ села, въ сосѣдствѣ съ нимъ — все равно: святое мѣсто не пустовало. „Свѣтъ инокамъ—ангелы, свѣтъ простымъ людямъ—иноки", говорили тогдашніе люди. Люди стремились жить въ монастырѣ, быть ему чѣмъ-либо полезнымъ. Князья удѣльные даютъ монастырю тѣ лѣса и

луга, среди которыхъ монастырь возникъ; простые люди идутъ молиться въ монастырь, ищутъ слова утѣшенія и наставленія у святого подвижника, находятъ его и стараются, чѣмъ могутъ, поревновать святому дѣлу. Богатые люди жертвуютъ монастырю щедрые денежные вклады, отдаютъ въ монастырь

Изображеніе деревяннаго храма въ описаніи путешествія Пальмквиста (1674 г.).

свои земли, князья освобождаютъ эти земли отъ пошлинъ, даютъ монастырю различныя льготы. Понемногу монастырь дѣлается большимъ хозяиномъ и землевладѣльцемъ.

Строгій подвижникъ, положившій основаніе монастырю, дѣлается строгимъ игуменомъ и самъ подаетъ братіи примѣръ труда и прилежанія. Игуменъ всюду первый на работѣ— онъ на ряду со всѣми тешетъ камни, рубитъ лѣсъ, мелетъ жерновомъ зерно,носитъ воду, роетъ вмѣстѣ со всей братіей прудъ или колодецъ.

Монастырь понемногу обстраивается. Воздвигаютъ болѣе обширный храмъ рядомъ съ небольшимъ первымъ. Строятъ трапезу для общихъ обѣдовъ, келліи, разныя хозяйственныя постройки; возлѣ храма вырастаетъ колокольня, всѣ постройки опоясываетъ крѣпкая, высокая стѣна, даже съ башнями, передъ стѣной выкапываютъ глубокій ровъ. Время безпокойное — могутъ и татары и литва напасть, не пощадятъ и свои разбойники. Разбойники не разъ нападали на монастырекъ преп. Герасима Болдынскаго; на монастырь преп. Саввы Вишерскаго напали лихіе люди, когда въ монастырѣ шла постройка храма; преподобный не испугался, не оставилъ своего святого труда; разбойники смутились и стали помогать преподобному вкатывать бревна, дивясь его силѣ. Татары разорили монастырь преп. Іакова Желѣзноборовскаго около Галича, литовцы хотѣли сжечь обитель преп. Адріана Мезенскаго. Вятскіе татары убили преподобныхъ Григорія и Кассіана Авнежскихъ.

Но ни первобытная дикость страны, ни полная смертельныхъ опасностей жизнь среди дикарей не смогли подавить жажду подвига у основателей нашихъ монастырей. Они твердо оставались на занятыхъ мѣстахъ. Ихъ неусыпнымъ трудомъ дикая земля превращалась въ тщательно обработанную ниву, а окрестные язычники, побѣждаемые кротостью и незлобіемъ, принимали христіанство и становились ревностными работниками на монастырь.

Слухи о новомъ монастырѣ доходятъ до Москвы; великій князь шлетъ свои дары, проситъ благословенія, даетъ монастырю льготы и милостыню.

Монастырь богатѣетъ. Устроитель его и основатель оставляетъ тогда, обыкновенно, дѣло рукъ своихъ и уходитъ снова въ пустыню и снова живетъ отшельникомъ. Иногда онъ поселяется недалеко отъ монастыря, но иногда уходитъ въ другую область, далеко, и тамъ основывается на житье. Туда собирается къ нему новая братія, и возникаетъ новый монастырь. Иногда основатель покидаетъ и этотъ монастырь, оста-

вивъ въ немъ, какъ и въ первомъ, игуменствовать любимаго ученика, а самъ удаляется снова въ пустыню.

Преподобный Сергій долго жилъ одинъ и неохотно рѣшилъ разстаться со своимъ одиночествомъ. Когда монастырь его выросъ и укрѣпился, преподобный удалился на Киржачъ „безмолствовати“. Но и тамъ стали приходить къ нему люди за благословеніемъ. Преподобный Сергій много странствовалъ, исполняя порученія великаго князя и митрополита; въ своемъ странствованіи онъ тоже основывалъ монастыри, но не оставлялъ своего перваго монастыря — Троицкаго. Здѣсь онъ жилъ больше всего и много заботился о монастырѣ, какъ его начальникъ и хозяинъ.

Храмъ Владимірской Богоматери на Бѣлослудскомъ погостѣ, Вологодской губ.

Трудами и подвигомъ своего игумена Троицкій монастырь сталъ для сѣверо-восточной Руси тѣмъ, чѣмъ для Руси кіевскаго времени былъ монастырь Печерскій — средоточіемъ всего высокаго и свѣтлаго, гдѣ люди учились молиться не за себя, но и за другихъ, работать не на себя, но и для другихъ. Живой примѣръ жизни подвижника и братіи создавалъ Троицкому монастырю такое значеніе, а не внѣшнее богатство и блескъ. „При жизни святого настоятеля въ монастырѣ все было бѣдно и скудно, или, какъ выразился разочарованно одинъ мужичокъ, пришедшій въ обитель преп. Сергія, чтобы

повидать прославленнаго игумена, „все худостно, все нищетно, все сиротинско“; въ самой оградѣ монастыря первобытный лѣсъ шумѣлъ надъ келліями и осенью обсыпалъ ихъ кровли палыми листьями и иглами; вокругъ церкви торчали свѣжіе пни и валялись неубранные стволы срубленныхъ деревьевъ; въ деревянной церковкѣ, за недостаткомъ свѣчъ, дымили лучины; въ обиходѣ братіи столько же недостатковъ, сколько заплатъ на сермяжной ряскѣ игумена; „чего не хватись, всего нѣтъ“, по выраженію житія; случалось, вся братія по цѣлымъ днямъ сидѣла чуть не безъ куска хлѣба.“

Но всѣ дружны между собой и привѣтливы къ пришельцамъ, во всемъ порядокъ и заботливость, каждый дѣлаетъ свое дѣло, каждый работаетъ съ молитвой, и всѣ молятся послѣ работы. Люди изъ міра видѣли все это, испытывали на себѣ это мирное и благодатное житіе и уходили снова въ широкій и многомятежный свѣтъ ободренные и освѣженные...

Пятьдесять лѣтъ дѣлалъ свое тихое дѣло преподобный Сергій, цѣлые полвѣка былъ онъ прибѣжищемъ для страждущихъ и скорбящихъ, болящихъ душой за себя и за другихъ. Не было на Руси тѣхъ временъ имени болѣе славнаго и извѣстнаго, не происходило ни одного событія, съ которымъ бы свѣтло и свято не соединилось имя преп. Сергія. Въ 1380 году преподобный Сергій благословилъ на подвигъ борьбы съ татарами главнаго вождя русскаго ополченія, великаго князя московскаго Димитрія Ивановича Донского.

— Иди на безбожныхъ смѣло, безъ колебаній и побѣдишь! — сказалъ святой, и Куликовская битва оправдала его слова.

Ратуя словомъ и дѣломъ за единство Русской земли, собиравшейся около Москвы, преподобный Сергій всегда уговариваетъ всѣхъ держаться за Москву.

По порученію митрополита Алексія преп. Сергій отправился въ Нижній-Новгородъ приглашать тамошняго князя добровольно явиться на судъ въ Москву, и, въ случаѣ сопро-

тивленія князя, преподобный долженъ былъ затворить всѣ церкви въ Нижнемъ и прекратить богослуженіе. По порученію великаго князя Димитрія Донского преподобный Сергій идетъ въ Рязань къ суровому рязанскому князю Олегу и кроткими рѣчами уговорилъ его смириться, не поднимать войны въ Русской землѣ и заключить вѣчный миръ съ московскимъ великимъ княземъ.

Троице-Сергіевская лавра.
Общій видъ въ настоящее время.

Преподобный Сергій со своими учениками и обителью сдѣлался образцомъ, „начальникомъ и учителемъ всѣмъ монастырямъ, иже въ Руси“, говоритъ о немъ лѣтописецъ. Монастыри, основанные самимъ преп. Сергіемъ, его учениками и учениками его учениковъ, считались десятками. И все это были пустынные монастыри, возникавшіе далеко отъ населенныхъ мѣстностей, въ чужой и опасной сторонѣ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ отъ Волги.

То былъ глухой непроходимый край, обитаемый дикими и некрещенными финскими племенами; русскому человѣку

тѣхъ временъ страшно было пуститься съ семьей и бѣдными пожитками въ эти глухія дебри. Но монахъ-пустынникъ пошелъ туда смѣло; по всей лѣсной сторонѣ стали возникать монастыри, къ монастырю потянулись простые переселенцы; монастырь помогалъ имъ устроить хозяйство, поддерживалъ словомъ утѣшенія въ трудныя минуты, молился съ ними, былъ для переселенцевъ приходомъ, а во время нападенія враговъ — крѣпостью, за стѣнами которой отсиживались отъ злыхъ нападеній; подъ старость переселенцы находили въ монастырѣ кровъ и схиму. Вокругъ монастырей создавались большіе и мелкіе поселки, сторона становилась обработанной, населенною, русскою.

„До Сергія здѣсь была непроходимая пустыня, — пишетъ троицкій келарь Симонъ Азарьинъ, составившій жизнеописаніе святого,—а теперь всѣ видятъ вокругъ обители мірскія поля, села и деревни многолюдныя. Прежде здѣсь и тропинки не было для людей, а теперь явились большія дороги и проѣздъ, открытый для всѣхъ днемъ и ночью. До Сергія это мѣсто было безводное; но съ тѣхъ поръ множество источниковъ открыто въ окрестностяхъ обители. Множество гадовъ и змѣевъ нарушали безмолвный покой Сергія, а теперь вы не встрѣтите ихъ на 10 верстъ вокругъ нея. И насколько умножалось населеніе обители и слободъ, настолько и все улучшалось. Прежде не было столько и деревьевъ въ рощахъ, сколько теперь людей въ слободахъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были обширныя рощи“...

Когда преп. Кириллъ Бѣлозерскій поселился на мѣстѣ, гдѣ выросъ впослѣдствіи его монастырь, то „пусто и скудно было мѣсто то, — повѣствуетъ житіе преподобнаго, — боръ бѣяше велій и чаща, и никому же отъ человѣкъ живущу“. А когда пустыня преп. Кирилла стала знаменитой обителью, то въ лѣсахъ и пустошахъ Бѣлозерско-Вологодскаго края возникло около 400 селеній.

Благодаря неусыпному труду основателей монастырей и первыхъ поселенцевъ-монаховъ, „скудостная и пустая“ сторона

превращалась въ населенную и обработанную, дикари — всякіе лопари, зыряне, черемисы, мордва—втягивались, благодаря живому примѣру, въ трудовую земледѣльческую жизнь и, „открывая души своя“ на ласковое и привѣтливое обращеніе пустынножителей, принимали христіанство и начинали жить осѣдло, во всемъ поучаясь отъ монастыря.

Особенно велики въ этомъ отношеніи заслуги Соловецкой обители, основанной преподобными Зосимой и Савватіемъ на островахъ холоднаго Бѣлаго моря. Соловецкій монастырь обрусилъ весь сѣверъ Россіи, заселилъ его и положилъ начало обработки этого края. Соловецкій монастырь научилъ здѣшнихъ дикарей бороться съ негостепріимной природой и побѣждать ее.

Храмъ въ селѣ Курбышъ, Олонецкой губ.

Озера, которыми такъ богато Поморье и которыя такъ часто мѣшаютъ сообщенію, на Соловецкихъ островахъ соединялись каналами и превращались въ удобныя дороги, непроходимыя болота осушались, въ мелководныхъ рѣкахъ искусственно подымался уровень воды. Полудикіе лопари съ удивленіемъ смотрѣли на устройство водопровода въ Соловецкомъ монастырѣ, „какъ вода сама сливалась, — по словамъ соловецкаго лѣтописца,—со всѣхъ чановъ, черезъ трубу подымется наверхъ, перейдетъ цѣлое зданіе, да и въ погребъ сама льется, да и по всѣмъ бочкамъ сама разойдется“.

„До Филиппа игумена (впослѣдствіи митрополита, пострадавшаго отъ Грознаго), — продолжаетъ лѣтопись, — рожь на сушило носили многіе, а игуменъ Филиппъ устроилъ телѣгу: сама насыпается, сама привозится и сама высыпается въ сушило; прежде рожь подсѣвали многіе, а игуменъ устроилъ сѣвальню съ 10 рѣшетами, а сѣетъ одинъ человѣкъ; при немъ же устроили рѣшето—само насыпаетъ, сѣетъ, а отруби, муку и высѣвки разводитъ розно. Прежде много братіи носило рожь на гумно вѣять, а игуменъ нарядилъ къ тому вѣтеръ— онъ теперь мѣхами въ мельницахъ рожь вѣетъ“...

„Прежде глину на кирпичъ копали люди, а теперь однимъ воломъ копаютъ столько, сколько многіе люди копали; на кирпичъ ту глину мяли прежде люди, а теперь мнутъ лошадьми“...

Пробираясь сквозь лѣса, вслѣдъ за подвижниками-отшельниками, русскіе люди клали много труда на обработку новой земли: ставили города, деревни и починки въ лѣсахъ, распахивали пашни, расчищали луга, устраивали рыбныя ловли по озерамъ и рѣкамъ. Это была тяжелая работа, не даромъ названная страдой. „Страдать“ тогдашнему поселенцу приходилось и отъ тяжести самой работы, и отъ частыхъ непогодъ, и отъ суроваго климата, „морозомъ побивавшаго посѣвы почти на всякое лѣто“...

Человѣку, тратившему много силъ на борьбу съ этими житейскими невзгодами, нужно было прибѣжище, заступникъ и утѣшитель въ минуты слабости и отчаянія. Такимъ поборникомъ всегда являлся для окрестнаго люда преподобный, за монастыремъ котораго народъ селился. Отъ него ждали помощи въ борьбѣ со стихіями и негостепріимной природой, и когда святой тутъ, въ монастырѣ, люди ничего не боятся. Вотъ какъ, напримѣръ, начинается житіе св. Антонія Сійскаго: „Бысть сице: отъ сотворенія міра въ лѣто 7180 (отъ Р. Х. 1672), отъ дождевныя мокроты, и отъ великихъ бурь, и отъ облачныя толстоты долго не было видно солнца, земные плоды замедлили въ ростѣ, рожь отъ дождя и бури по-

Соловецкій монастырь.
Общій видъ въ настоящее время.

легла и не исправилась и цвѣту на ней не было до 7-го іюля, и иные плоды не росли, и люди очень о томъ скорбѣли и оскудѣли. Но человѣколюбивый Господь Богъ не захотѣлъ погубить въ конецъ свое созданіе и, „полезное о всѣхъ промышляя“, посылаетъ милостивнымъ явленіемъ заступника нашей странѣ и общаго предстателя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія“...

Вообще въ тѣ времена каждая область, каждый городъ стремились имѣть своего покровителя и заступника въ лицѣ подвижниковъ, спасавшихся въ предѣлахъ каждаго изъ городовъ: „каяжда страна,—по тогдашнему выраженію,—блажитъ своихъ святыхъ“.

„Такъ создавалась,—по замѣчанію историка,—верхневолжская Великороссія: дружными усиліями монаха и крестьянина, воспитанныхъ духомъ, какой вдохнулъ въ русскихъ людей преподобный Сергій“.

Итакъ, старинный русскій монастырь XIV — XV вв. былъ не только средоточіемъ духовной жизни, но и руководителемъ жизни чисто-хозяйственной. Земля, которой владѣлъ монастырь, сначала ограничивалась той мѣстностью, на которой монастырь возникъ. Но понемногу, по мѣрѣ того, какъ уходило время, и ширилось и росло значеніе монастыря, расширялись и увеличивались его владѣнія. Во владѣніе монастырей стали входить не только деревни и селенія, но цѣлые острова и волости.

Земельныя владѣнія монастырей увеличивались часто помимо желанія ихъ основателей. Преп. Кириллъ Бѣлозерскій не хотѣлъ принять и одной деревни отъ какого-то боярина; преп. Сергій отказался принять отъ митрополита даже крестъ, только потому, что онъ былъ золотой. Но съ стремленіемъ старинныхъ русскихъ лицъ жертвовать въ монастыри деньги и земли трудно было бороться.

Въ житіи преп. Корнилія Комельскаго сохранилась такая бесѣда святого старца съ великимъ княземъ Василіемъ III.

— Слышалъ я, отче, — говорилъ великій князь, — что у твоего монастыря нѣтъ селъ и деревень; но проси, и я дамъ, что тебѣ нужно.

Старецъ отвѣчалъ, что ему ничего не нужно, а только просилъ онъ дать ему немного земли съ лѣсомъ возлѣ монастыря, чтобы онъ съ братіей могъ „отъ поту лица своего ѣсть хлѣбъ свой“.

Великій князь исполнилъ просьбу старца, но не въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, какъ просилъ преподобный. Жалованная грамота укрѣпила за монастыремъ преп. Корнилія 29 деревень и починковъ со всякимъ угодіемъ, освободивъ обывателей отъ всякихъ податей и поборовъ и предоставивъ ихъ „вѣдать и судить старцу Корнилію съ братіей самимъ во всемъ“.

Такія жалованныя вотчины составляли обыкновенно основу земельнаго богатства монастырей. Это богатство постоянно увеличивалось, благодаря вкладамъ со стороны вѣрующихъ людей, заботившихся объ строеніи душъ своихъ и предковъ. „Православное ученіе о молитвѣ за усопшихъ, — говоритъ В. О. Ключевскій, — рядовая древне-русская совѣсть усвоила недостаточно вдумчиво и осторожно: возможность молитвы о душахъ умершихъ, не успѣвшихъ принести покаянія, привела къ мысли, что и нѣтъ нужды спѣшить съ этимъ дѣломъ, что на все есть свое время... что можно отмолиться и чужой молитвой, лишь были бы средства нанять ее и лишь бы она была не кое-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва“... Монастыри были признаны лучшими молитвенниками на такіе случаи; и вотъ, чтобы пріобрѣсти молитву земныхъ ангеловъ, небесныхъ человѣковъ, и стали дѣлать въ монастыри вклады ради спасенія души.

Вклады дѣлались всевозможными вещами и церковными предметами, но всего обычнѣе деньгами и землей. Изъ имущества состоятельнаго покойника обязательно выдѣлялась доля на поминъ его души, если онъ даже не оставлялъ никакихъ предсмертныхъ распоряженій. Монастыри, въ свою

очередь, выработали подробную таксу заупокойныхъ богослуженій: панихидъ „большихъ и меньшихъ“, литій, обѣденъ. Поминовеніе по синодику отличалось отъ „годового поминовенія впрокъ“, стоившаго дороже; синодики, смотря по вкладу, раздѣлялись на: налойный, литейный, алтарный, постепенный, вседневный и сельный съ сельники, т.-е. съ покойниками, по которымъ были вклады селами. За запись въ литейный синодикъ въ Троицкомъ монастырѣ брали въ 1630 годахъ около 500 р. на наши деньги съ каждаго имени. Въ монастырѣ преп. Іосифа Волоцкаго еще при жизни святого установился строгій распорядокъ поминальныхъ вкладовъ. Нѣкая княгиня Голенина въ теченіе 15 лѣтъ передавала въ монастырь преп. Іосифа по своемъ отцѣ, мужѣ и двухъ сыновьяхъ не менѣе 4.000 руб. на наши деньги. Ей хотѣлось, чтобы ея покойниковъ поминали особо, а не со всѣми другими вмѣстѣ, и чтобы ихъ имена занесли въ вѣчный синодикъ. Изъ монастыря ей отвѣтили, что все это можно исполнить только за особый вкладъ. Княгиня всердцахъ назвала это требованіе „грабежомъ“. Тогда преп. Іосифъ написалъ ей посланіе, въ которомъ точно высчитывалъ, что ея покойники поминаются не менѣе 6 разъ въ день, а въ иной день и 10 разъ, и что почти за каждаго служить по особой панихидѣ невозможно: даромъ священникъ ни одной обѣдни и панихиды не отслужитъ, „надо каждому заплатить, и въ особое годовое поминанье не записываютъ безъ ряда, т.-е. безъ договора, съ условіемъ ежегоднаго взноса деньгами или хлѣбомъ или единовременнаго вклада селомъ“.

Кромѣ вкладовъ по душѣ, монастыри много получали отъ взносовъ при постриженіи. Преп. Іосифъ Волоцкій указываетъ, что его монастырь началъ обстраиваться съ тѣхъ поръ, какъ стали въ немъ постригаться „добрые люди“ изъ князей, бояръ, дворянъ и купцовъ, которые давали много, иной разъ до 12.000 руб. (на наши деньги). На преп. Трифона, основавшаго въ концѣ XVI в. монастырь на Вяткѣ, жаловались, что онъ за постриженіе „вкладу проситъ дорого

и съ убогаго человѣка меньше 100 р. (на наши деньги) не возьметъ". Конечно, такое отношеніе къ „постриженникамъ" и къ святому долгу поминовенія усопшихъ являлось злоупотребленіемъ и осуждалось нѣкоторыми подвижниками и въ тѣ времена, но тогдашній обычай не считалъ это злоупотребленіемъ, и люди тѣхъ временъ настойчиво несли монастырю свои имѣнія, деньги, драгоцѣнности, умоляя принять все на потребу братіи и молиться о жертвователяхъ и ихъ умершихъ. Такимъ образомъ въ монастыряхъ, часто помимо воли монаховъ, накоплялись большія денежныя богатства. Эти денежныя богатства невольно втягивали монастыри, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ оборотливую хозяйственную дѣятельность со всѣми ея проявленіями, имѣющими мало общаго съ постомъ, молитвой и спасеніемъ души.

Селившійся при монастыряхъ народъ всегда нуждался въ помощи на обработку земли; монастыри и стали ссужать въ долгъ поселенцевъ нужными имъ земледѣльческими орудіями, скотомъ, деньгами. Въ счетъ уплаты долга и процентовъ взявшій взаймы у монастыря работалъ на монастырскихъ поляхъ; такимъ образомъ, монастыри получали дешевую рабочую силу. Монастыри давали деньги взаймы и служилымъ людямъ; въ такихъ случаяхъ писалась закладная на имѣніе должника на извѣстный срокъ, въ которой обозначалось, что если должникъ не внесетъ занятыхъ денегъ въ срокъ, то закладная превращается въ купчую. Случаи неуплатъ были часты, и земельныя богатства монастырей увеличивались такимъ путемъ очень значительно.

Ужъ въ XV и XVI вѣкахъ земельная собственность монастырей получила очень большіе размѣры. Тогда говорили, что во владѣніи монастырей находится $^1/_3$ всей обработанной земли въ государствѣ.

Монастырская земля всегда была и самая заселенная. Еще въ Удѣльное время, жалуя монастыри землей, князья ставили непремѣннымъ условіемъ своего дара, чтобы монастыри обрабатывали и заселяли пожалованную имъ землю, привлекая на

нее для постояннаго жительства крестьянъ изъ другихъ княженій. Чтобы монастыри имѣли возможность создать самыя льготныя условія для поселенцевъ, князья освобождали монастырскія земли отъ всякихъ казенныхъ сборовъ и налоговъ на 5, на 10 и даже на 20 лѣтъ. Отъ нѣкоторыхъ сборовъ монастырскіе крестьяне освобождались совсѣмъ; сами монастыри обыкновенно не платили никакихъ налоговъ, жившіе на ихъ земляхъ крестьяне не были подсудны мѣстнымъ властямъ, а судились у игумена или у царскаго боярина.

Всѣ эти и многія другія льготы дѣлали жизнь за монастыремъ болѣе легкой и удобной, чѣмъ жизнь въ служиломъ помѣстьѣ. Естественно, что тогдашнее крестьянство предпочитало селиться на монастырскихъ земляхъ, и эти земли поэтому никогда не пустовали. Даже люди свободные, посадскіе и уѣздные охотно записывались закладчиками за монастыри. Ко времени уничтоженія монастырскихъ имуществъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, за Троицко-Сергіевымъ монастыремъ считалось, напримѣръ, 106.600 ревизскихъ душъ, и монастырь этотъ являлся богатѣйшимъ душевладѣльцемъ.

Такъ постепенно скромная скудостная обитель превращалась въ богатый хозяйственный монастырь, дававшій работу цѣлой округѣ и кормившій ея населеніе. Монастыри заводили цѣлыя промышленныя предпріятія, ловили рыбу, варили соль, продавали весь этотъ товаръ, становились, слѣдовательно, большими промышленниками и торговцами. Когда Иванъ Грозный сдѣлалъ сборъ съ духовенства и монастырей на нужды войны, то нѣкоторые монастыри безъ всякаго затрудненія для себя внесли по сорока, пятидесяти и даже по сту тысячъ рублей. Годовой доходъ Троицкаго монастыря равнялся ста тысячамъ рублей.

Богатства монастырей дали имъ возможность широко развивать дѣло помощи въ трудные дни голода, мора и военныхъ бѣдствій, часто посѣщавшихъ тогдашнюю Россію.

Преподобный Сергій завѣщалъ своей обители никому не отказывать въ пищѣ и пристанищѣ.

Во всѣхъ монастыряхъ захожему страннику, всякому безпріютному человѣку былъ всегда готовъ и столъ и кровъ. Въ дни преподобнаго Іосифа Волоцкаго неурожай продолжался нѣсколько лѣтъ, и потому хлѣбъ продавался по высокой цѣнѣ. Люди ѣли то же, что и скотъ: листья, кору, сѣно, тол-

Звенигородъ. Успенскій соборъ.
Конецъ XIV вѣка.

ченыя гнилушки и горькій корень ужовника. Тогда преп. Іосифъ открылъ монастырскія житницы. Къ волоколамскому монастырю сразу стеклось болѣе 7.000 голодающихъ, не считая дѣтей. Ежедневно кормилось въ монастырѣ до 500 чел. Многіе привели въ монастырь своихъ дѣтей и оставили ихъ тамъ. Преп. Іосифъ велѣлъ разыскивать родителей, но когда никто не явился, онъ велѣлъ собрать покинутыхъ дѣтей, построилъ для нихъ особый домъ, и тамъ дѣти жили и вос-

питывались до возраста. Когда голодающіе съѣли весь монастырскій хлѣбъ, преподобный приказалъ продавать скотъ и одежду, когда и этого нехватило, преп. Іосифъ приказалъ брать всюду деньги взаймы подъ монастырскія расписки и сократилъ всѣ расходы по монастырю. Монахамъ пришлось ѣсть одно варево изъ „листвій капустныхъ“ и пить воду.

Поднялся ропотъ. Но преп. Іосифъ сказалъ, что они дали обѣтъ терпѣть всякую нужду ради царства небеснаго, а потому и не должны лишать помощи тѣхъ, которые съ женами и малолѣтними дѣтьми скитаются по чужимъ мѣстамъ, выпрашивая куски хлѣба, и умираютъ отъ голода. Слухи о подвигахъ милосердія волоколамскаго игумена распространились всюду, и богатые и властные, видя уменьшеніе средствъ монастыря, поспѣшили помочь ему.

Въ трудное военное время, въ 1609 году, Соловецкій монастырь послалъ князю М. Скопинъ-Шуйскому въ Новгородъ 2.000 рублей на тогдашнія деньги для уплаты жалованья шведскимъ наемникамъ; вскорѣ затѣмъ этотъ же монастырь послалъ царю Василію Шуйскому еще 3.150 рублей*).

Но богатства, скопившіяся въ монастыряхъ, приводили во многомъ къ отступленію отъ истинно-монашеской жизни. Въ большихъ монастыряхъ многіе монахи стали уклоняться отъ общей трапезы и обзаводиться своимъ хозяйствомъ; особенно склонны къ этому бывали монахи изъ бояръ и служилыхъ людей; они пробавлялись по келліямъ „постилами, коврижками и пряными овощами,—какъ говоритъ одинъ обличитель,—за монастыремъ держали дворы, гдѣ помѣщались запасы на цѣлый годъ, ихъ мірскіе пріятели доставляли имъ „фряжскія вина“. Прежнюю монастырскую тишину въ такихъ монастыряхъ смѣнили широкіе пріемы и угощенія. Одежда монаховъ постепенно утратила прежнюю простоту: вмѣсто грубой самодѣльной сермяги начинаютъ появляться мягкія шелковыя ткани, подбитыя у нѣкоторыхъ соболемъ; монастырскія зда-

*) Тогдашній рубль равнялся 12 нынѣшнимъ.

нія приняли видъ каменныхъ палатъ, украшенныхъ узорами и стѣнописью, золотыми карнизами, коврами.

Многіе монастыри забыли завѣтъ своихъ основателей—благотворить нуждающимся, призирать сирыхъ и убогихъ. Богадѣльни сдѣлались рѣдки при монастыряхъ, и когда царь Иванъ Васильевичъ на Стоглавомъ соборѣ поднялъ рѣчь о безпризорныхъ нищихъ, убогихъ и увѣчныхъ, отцы собора промолчали на намекъ царя устроить дѣло благотворенія при монастыряхъ и посовѣтовали завести богадѣльни на счетъ царской казны да на пожертвованія христолюбцевъ.

Монастыри занялись совсѣмъ другого рода помощью впавшимъ въ нужду. Обличители неправеднаго житія монаховъ XVI в. настойчиво повторяютъ, что монастыри, вопреки церковнымъ правиламъ, отдаютъ деньги въ ростъ крестьянамъ, живущимъ на ихъ земляхъ, купцамъ и служилымъ людямъ. Вотъ куда, значитъ, шли тѣ огромныя суммы денегъ, которыя стекались въ монастыри. Вассіанъ Косой изображаетъ монастыри суровыми заимодавцами, которые налагали „лихву на лихву“, т.-е. проценты на проценты, у несостоятельнаго должника-крестьянина отнимали послѣднюю животину, а самого съ женой и дѣтьми сгоняли съ монастырской земли и судебной волокитой доводили до конечнаго разоренія. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ не преминулъ спросить:—„Угодно ли это Богу раздавать въ ростъ монастырскую казну?“—Отцы собора отвѣтили на это конфузливымъ постановленіемъ: давать деньги безъ роста.

Появилось много монастырьковъ и пустынекъ, которымъ нечѣмъ было жить, и они стали жить подаяніемъ, стараясь собирать его, какъ можно больше, и тѣмъ сѣяли соблазнъ въ міру. „Старецъ поставитъ въ лѣсу келью и срубитъ часовенку,—пишетъ царь Иванъ Васильевичъ,—да и пойдетъ по міру съ иконой просить на сооруженіе, а у меня земли и подмоги проситъ, а что соберетъ, то пропьетъ и въ пустынѣ живетъ не по-Божьи“... „Многіе идутъ въ монастырь только ради покоя тѣлеснаго“...

Истиннымъ ревнителямъ монашеской жизни, когда они созерцали такія явленія, невольно приходила въ голову мысль, что тутъ нужно что-нибудь сдѣлать и устранить эти скорбныя происшествія. Еще на соборѣ духовныхъ лицъ въ 1503 году стали разговаривать о положеніи монастырей и обсуждать, какъ бы помочь монастырямъ освободиться отъ зла, разъѣдающаго ихъ. Преподобный Нилъ Сорскій, присутствовавшій на соборѣ, предложилъ тогда отобрать земли у монастырей и сдѣлать такъ, чтобы иноки сами трудились и жили плодомъ своего труда, никого не заставляя на себя работать, „чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились бы трудами рукъ своихъ“.

Преподобнаго Нила поддержали и другіе пустынники. Они говорили, что монахамъ неприлично владѣть имѣніями: монахи даютъ обѣтъ нестяжательности и отрекаются отъ міра, чтобы помышлять только о спасеніи души, а имѣнія опять влекутъ ихъ въ міръ, заставляютъ часто и много разговаривать объ имущественныхъ дѣлахъ, вести тяжбы, монаху же надо жить въ пустынѣ, трудиться.

Преподобному Нилу съ его сторонниками отвѣчалъ преподобный Іосифъ Волоцкій. И онъ не мало боролся противъ паденія чистоты иноческой жизни, но съ предложеннымъ преп. Ниломъ средствомъ борьбы не могъ согласиться. Преп. Іосифъ и его сторонники говорили, что имѣнія необходимы для существованія монастыря. Въ монастыряхъ нужно не только создавать храмы, но и поддерживать ихъ постоянно; въ храмахъ совершается церковная служба—что тоже требуетъ нѣкоторыхъ расходовъ; для совершенія службы при храмахъ должны находиться церковнослужители; они тоже должны жить чѣмъ-нибудь, а кто будетъ кормить ихъ, если у монастыря не будетъ владѣній? Имѣнія вовсе не мѣшаютъ монахамъ достигать вѣчнаго спасенія... Затѣмъ монастыри приготовляютъ для церкви ея іерарховъ. Если теперь отнять у монастырей имѣнія, и всѣхъ монаховъ заставить жить своимъ трудомъ, то что произойдетъ? Какъ тогда знатному

и благородному человѣку постричься? А если не будетъ „честныхъ“ монаховъ, откуда взять митрополита, архіепископа или епископа и на другія высшія церковныя должности? А когда не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, тогда будетъ поколебаніе вѣры... Создатели монастырей и жертвователи, устраивая монастыри и дѣлая пожертвованія, хотѣли, чтобы монастыри могли принимать у себя странниковъ, питать нищихъ, помогать больнымъ и несчастнымъ, а лишившись имуществъ, монастыри не смогутъ этого сдѣлать.

Мнѣніе преп. Іосифа Волоцкаго восторжествовало, и имѣнія были оставлены за монастырями.

Между тѣмъ дальнѣйшій ростъ земельнаго имущества монастырей шелъ явно въ ущербъ состоятельности, а слѣдовательно, служебной годности служилыхъ людей. Поэтому въ 1580 г. соборъ духовенства съ участіемъ бояръ постановилъ, чтобы впредь архіереямъ и монастырямъ вотчинъ у служилыхъ людей не покупать, въ закладъ и по душѣ не брать и никакими способами своихъ владѣній не увеличивать; вотчины, купленныя или взятыя въ закладъ у служилыхъ людей архіереями и монастырями до этого приговора, отобрать на государя, который за нихъ заплатитъ или нѣтъ — его воля.

Въ теченіе всего XIV и вплоть до XVIII вѣка сила и значеніе богатыхъ монастырей все возрастали. Монастыри опоясываются крѣпкими каменными стѣнами съ высокими башнями, заводятъ свою охрану съ ружьями и въ минуту нападенія враговъ умѣютъ постоять за себя—силу духовную, вѣру, ограждая силой оружія, и обѣ силы направляя на защиту родины. Въ Смутное время Троицкій монастырь за своими крѣпкими стѣнами далъ мужественный отпоръ врагамъ: поддержалъ своимъ крѣпкимъ стояніемъ падавшія народныя силы и тѣмъ не мало содѣйствовалъ общему успѣху, когда на защиту Москвы пошло ополченіе Низовыхъ городовъ.

По обилію грамотныхъ людей, жившихъ за стѣнами монастырей, по скопленію книгъ и рукописей, по любви къ чтенію

и книгамъ, монастыри были средоточіемъ и тогдашней образованности. „Какъ корабль безъ гвоздей не составляется,— говорили тогда,—такъ и инокъ не можетъ обойтись безъ чтенія книгъ“. Списываніе же книгъ было однимъ изъ любимѣйшихъ занятій древнихъ подвижниковъ; каждый монастырь старался собрать возможно больше книгъ. Преп. Сергій, за неимѣніемъ пергамента и бумаги, писалъ св. книги на берестѣ. Св. Стефанъ Пермскій собственноручно переписалъ множество книгъ. Троицкій монастырь и Соловецкій въ въ XVII вѣкѣ, когда они были уже богатѣйшими монастырями, устроили у себя цѣлыя переписныя палаты, гдѣ грамотные хорошо писавшіе монахи подъ диктовку одного изъ нихъ писали одну книгу сразу въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Много книгъ жертвовали въ монастыри міряне, какъ вкладъ за упокой души, и эти драгоцѣнные дары заботливо береглись и хранились въ монастыряхъ. Въ библіотекѣ Троицко-Сергіева монастыря до сихъ поръ хранится болѣе 800 рукописей и до 3.000 старопечатныхъ книгъ, собранныхъ еще до XVIII вѣка.

Богатыя библіотеки влекли къ себѣ людей, любившихъ „почитаніе книжное“. Книги читались, изъ нихъ дѣлались выписки на поученіе другимъ, составлялись сборники изъ твореній отцовъ церкви, лѣтописей и другихъ книгъ. Эти сборники охотно читались всюду. Книжные люди въ монастыряхъ записывали текущія событія, заботясь сохранить о нихъ память. Наши лѣтописи, такъ богатыя своимъ содержаніемъ, возникли въ монастыряхъ—тамъ онѣ были составлены и переписаны. На всякое живое движеніе въ обществѣ, на всѣ толки о томъ или иномъ событіи книжный монахъ отвѣчалъ тѣмъ, что составлялъ особое „посланіе“, какъ бы письмо къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Особенно любили книжные люди изъ иноковъ составлять житія, т.-е. жизнеописанія прославившихся своею святою жизнью подвижниковъ.

Русскій человѣкъ тѣхъ временъ не могъ не сознавать великаго значенія монастыря, и стремленіе жить въ монастырѣ

и быть монахомъ дѣлалось всеобщимъ. „Монастыри любите,— говорилось въ тогдашнихъ поученіяхъ,—это жилища святыхъ, пристанища сего свѣта“. „Пустыня — покой и отдохновеніе ума, наилучшая родительница и воспитательница, содругъ и тишина мысли, плодовитый корень божественнаго зрѣнія, истинная помощница духовнаго соединенія съ Богомъ“. Такъ писалъ князь Курбскій. А царю Ивану Грозному монашество представлялось „лучше царской державы“.

Принятіе монашества считалось болѣе вѣрнымъ переходомъ изъ тлѣнной настоящей жизни въ нетлѣнную будущую, а потому возникъ и до сихъ поръ не умеръ обычай постригаться передъ смертью, лежа на смертномъ одрѣ, въ монахи. Такъ поступали цари и князья и простые люди. Василій III, Иванъ Грозный, Борисъ Годуновъ умерли монахами. Жители Тотьмы просили царя основать у нихъ монастырь, и свое ходатайство особенно подкрѣпляли ссылкой на то, что безъ монастыря умирающіе у нихъ не имѣютъ возможности принять постриженія.

Кто хотѣлъ въ древней Руси жить хорошо, по-Божьи, тотъ старался подражать жизни монаховъ. Постъ, молитва, строгость къ самому себѣ, воздержаніе во всемъ—и въ бесѣдахъ, и въ удовольствіи, замкнутость,—вотъ черты, какія клались въ основу тогдашняго „добропорядливаго житія“. Это отражалось во всей обстановкѣ, во всѣхъ поступкахъ тѣхъ, кто были, выражаясь какъ принято теперь, порядочными и воспитанными людьми.

Домашняя жизнь въ тогдашней хорошей семьѣ располагалась по монастырскому уставу. Каждый вечеръ отецъ семьи собиралъ всѣхъ домочадцевъ и молился съ ними, прочитывая вечерню, павечеріе и полунощницу. Благочестивые люди вставали еще въ полночь и прочитывали нѣкоторыя молитвы. Утромъ опять всей семьей молились, читая заутреню и часы а по праздникамъ еще молебенъ, канонъ святому или празднику. Самое время дня дѣлилось по церковнымъ службамъ. Всякое дѣло начиналось и оканчивалось молитвой. Молитва

Іисусова не сходила съ языка у человѣка, который хотѣлъ быть воспитаннымъ человѣкомъ.

Общественныя и домашнія бѣдствія принимались, какъ наказанія свыше за грѣхи; чтобы отвратить божеское наказаніе, надо было молиться и исполнять завѣты свв. отцовъ. „Если Богъ пошлетъ на кого-нибудь болѣзнь и скорбь, — говоритъ авторъ Домостроя, книги, которая учила „благоувѣтливому житію“, — то прибѣгай къ врачеванію себя милосердіемъ, слезами, молитвой, постомъ, милостыней и покаяніемъ. Тогда слѣдуетъ просить о молитвѣ духовныхъ отцовъ и монаховъ: пѣть молебны, святить воду на мощахъ и чудотворныхъ образахъ, освящаться масломъ, строго выполнять епитиміи“.

Въ домахъ бояръ и зажиточныхъ людей всегда находилась особая комната, которая называлась „крестовою“ или „моленною“. Въ этой комнатѣ всѣ стѣны были уставлены образами, и все въ ней было установлено такъ, чтобы напоминалась обстановка храма.

Образецъ русскаго человѣка XVII вѣка — царь Алексѣй Михаиловичъ—посѣщалъ каждый день всѣ богослуженія въ своей домовой церкви, а когда былъ боленъ, служеніе происходило въ его спальной комнатѣ, и царь, лежа, слушалъ богослуженіе. Въ Великій постъ онъ простаивалъ на молитвѣ въ церкви по пяти и шести часовъ сряду, клалъ по 1.000 земныхъ поклоновъ, а въ большіе праздники и до 1.500.

Въ домѣ всегда господствовало строгое благочиніе, какъ въ монашеской келліи. Никто не входилъ въ домъ, не произнеся у дверей громко молитвы Іисусовой, и только послѣ отвѣтнаго возгласа—аминь!—можно было переступить порогъ. Кто бы ни находился въ комнатѣ, воспитанный человѣкъ тѣхъ временъ, войдя, прежде всего крестился передъ образами, дѣлая три поклона, и ужъ потомъ только привѣтствовалъ находившихся въ комнатѣ людей.

Начальникъ и руководитель монастыря, его игуменъ, былъ всегда прекраснымъ хозяиномъ, умѣвшимъ дѣлать все, и ко

всякому дѣлу неустанно прикладывалъ свою хозяйскую руку. И въ домашней жизни отъ тогдашняго порядочнаго русскаго человѣка требовалось, чтобы онъ былъ хозяиномъ своего дома, работалъ, во все входилъ, обо всемъ заботился.

Основаніемъ монастырскихъ добродѣтелей было безусловное повиновеніе игумену и полное отрѣшеніе каждаго отъ своей собственной воли. „Послушаніе — лѣствица на небо,— говорится въ уставѣ преп. Евфросина, — оно выше поста и пустыннаго подвига. Ангелъ ходитъ за послушнымъ, считаетъ шаги послушанія и представляетъ ихъ Богу". По словамъ св. Василія Великаго и преп. Іоанна Лѣствичника, лучше согрѣшить, нежели преступить заповѣдь послушанія передъ своимъ духовнымъ отцомъ.

„Болѣе всего имѣйте смиреніе", говорится и въ тогдашнихъ наставленіяхъ къ доброй порядочной жизни. Въ изображеніи характера юноши, Домострой, рисуя образецъ, которому должно подражать, говоритъ: „Прежде всего юнымъ слѣдуетъ имѣть душевную чистоту; походка должна быть кроткая, голосъ умѣренный, слово благочинное, передъ старшими они должны сохранять молчаніе, къ премудрымъ — послушаніе, передъ сильными — повиновеніе; лучше мало говорить, а больше слушать, не быть дерзкимъ на словахъ, не слишкомъ увлекаться бесѣдой, не быть склоннымъ къ смѣху, украшаться стыдливостью, зрѣніе имѣть долу, а душу—горѣ, избѣгать возраженій, не увлекаться почестями"...

Другой вопросъ — жили ли такъ люди, но что жить такъ стремились—это несомнѣнно. Тотъ же „Домострой" совѣтуетъ постоянно обращаться къ духовному отцу своему и монахамъ, „часто призывать ихъ въ свой домъ, совѣтоваться съ ними во всемъ по совѣсти, какъ учить мужу жену свою и дѣтей, а женѣ, какъ повиноваться мужу". „Слушайтесь отца духовнаго во всемъ,— говоритъ Домострой,—чтите его и бейте челомъ предъ нимъ низко и повинуйтесь ему со страхомъ, потому что онъ вашъ учитель и наставникъ", и это напоминается нѣсколько разъ. „Наибольшую честь оказывай мона-

хамъ, — говорится въ другомъ наставленіи,— давай имъ все нужное, ибо это все равно, что ты отдаешь Богу, а если тебя угнетаетъ печаль, то ступай къ нимъ въ келліи, они утѣшатъ тебя".

Такъ прямо и непосредственно все выработанное монастырскимъ обиходомъ широко вливалось въ жизнь тогдашнихъ лучшихъ русскихъ людей, тѣхъ изъ нихъ, которые задумывались надъ вопросами жизни, надъ тѣмъ — какъ жить? зачѣмъ жить? что такое жизнь? Монастырь отвѣчалъ на эти вопросы и своими отвѣтами создавалъ людей опредѣленнаго и яснаго типа по своему образа мыслей. Каковы были эти опредѣленность и ясность, какъ онѣ сказывались въ практической дѣятельности — другой вопросъ.

Но такіе люди, какъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный и царь Алексѣй Михаиловичъ, какъ ни разны они были по своему характеру, поступкамъ, по всему внутреннему душевному складу—въ одномъ они были одинаковы, какъ бываютъ одинаковы люди, одинаково учившіеся и одинаково думавшіе,— это въ вопросахъ о томъ, что хорошо, и что дурно, и какъ надо поступать. У нихъ было одинаковое міровоззрѣніе,—міровоззрѣніе великорусскихъ людей XVI и XVII вв. Это міровоззрѣніе складывалось въ тѣсныхъ келліяхъ подвижниковъ и ихъ подвигомъ, силами обширныхъ монастырей, возникшихъ изъ ихъ келлій, проникало глубоко въ тогдашнюю русскую среду и широко распространялось въ ней *).

---

*) Составлено по сочиненіямъ: *В. Иконникова*, „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи"; *И. Хрущова*, „Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго"; *А. Архангельскаго*, „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ"; *В. Ключевскаго*, „Благодатный воспитатель русскаго народнаго духа. Рѣчь въ память преп. Сергія".

Заставка—съ рукописи XIII в.

Домашній бытъ русскихъ людей XVI и XVII вѣковъ.

Въ Московскомъ государствѣ деревни, села, слободы и города состояли изъ дворовъ самой различной величины и формы. Въ то время, какъ царскій дворъ въ селѣ Измайловѣ занималъ четыре десятины, а дворы бояръ и знати въ Москвѣ достигали пятидесяти саженъ въ длину и тридцати поперекъ, дворъ средняго русскаго обывателя занималъ обыкновенно отъ семи до десяти саженъ въ длину и три сажени поперекъ. Располагали дворы по возможности на высокихъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, а иногда и острымъ тыномъ, т.-е. врытыми стоймя въ землю заостренными бревнами, достигавшими иногда аршинъ пяти и болѣе высоты.

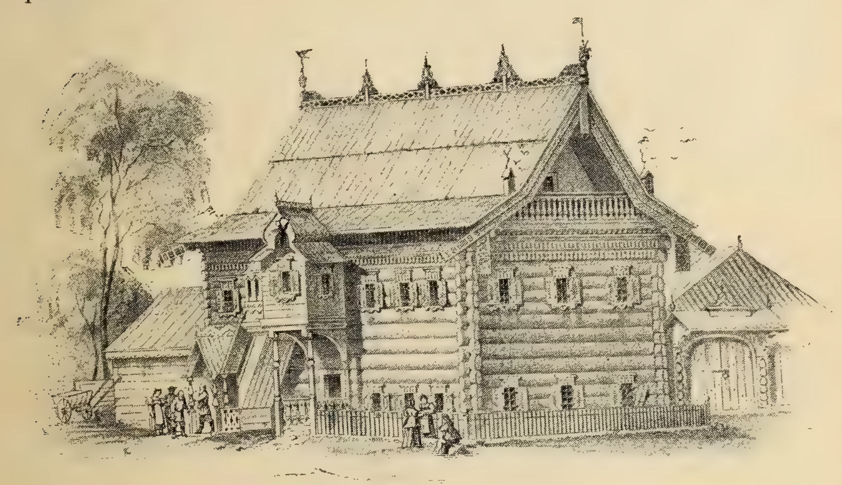
Домовитый зажиточный хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобы „черезъ нее никакое животное не про-

лѣзло, и чтобы слуги сосѣдей не могли прокрадываться къ его слугамъ". Въ оградѣ всегда было нѣсколько воротъ, большею частью двое: переднія и заднія. Переднія ворота всегда заботливо украшались рѣзьбой, пестро расписывались и у богатыхъ людей были крытыя, т. е. были устроены въ родѣ подъѣзда. На верху воротъ въ верхней доскѣ обязательно находилась икона, по большей части изображеніе Честнаго Креста Господня.

Днемъ и ночью ворота были на запорѣ, и у богатыхъ хозяевъ на обязанности караульщика, жившаго въ „воротнѣ", караулкѣ, возлѣ воротъ со стороны двора, возлагалась обязанность отворять ихъ, когда въ томъ случалась надобность. Кромѣ караульщика, дворъ охраняли злыя цѣпныя собаки, спускавшіяся на ночь съ цѣпей. Жилой домъ ставился всегда посреди двора, противъ главныхъ воротъ. Съ улицы изъ-за высокаго тына и не видно было старо-русскаго дома.

Кромѣ жилья хозяевъ, на зажиточномъ древне-русскомъ дворѣ помѣщалось еще нѣсколько построекъ, жилыхъ и служебныхъ. Жилыми строеніями назывались избы, горницы, повалуши, сѣнники. Избой назывался весь жилой домъ вообще; горница—отъ горнее—по самому смыслу слова называлось жилье верхнее, надстроенное надъ нижнимъ, чистое и свѣтлое; повалуши были небольшія комнаты, занимаемыя кѣмъ-либо изъ домочадцевъ и пристроенныя къ главному зданію, къ избѣ; сѣнникомъ называлась холодная надстройка надъ конюшнями и амбарами; здѣсь хозяева жили лѣтомъ для прохлады, здѣсь же справлялись, благодаря обширности помѣщенія, различныя семейныя торжества — свадьбы, крестины, поминальные обѣды. При каждомъ отдѣльномъ строеніи были сѣни, которыми соединялись жилыя строенія другъ съ другомъ. Такимъ образомъ зажиточное древне-русское жилье представляло изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ срубовъ, связанныхъ одинъ съ другимъ теплыми сѣнями и переходами. Жилье обыкновенно располагалось такъ, что главная часть его—хоромы—примыкали къ одной сторонѣ сѣней; по другую

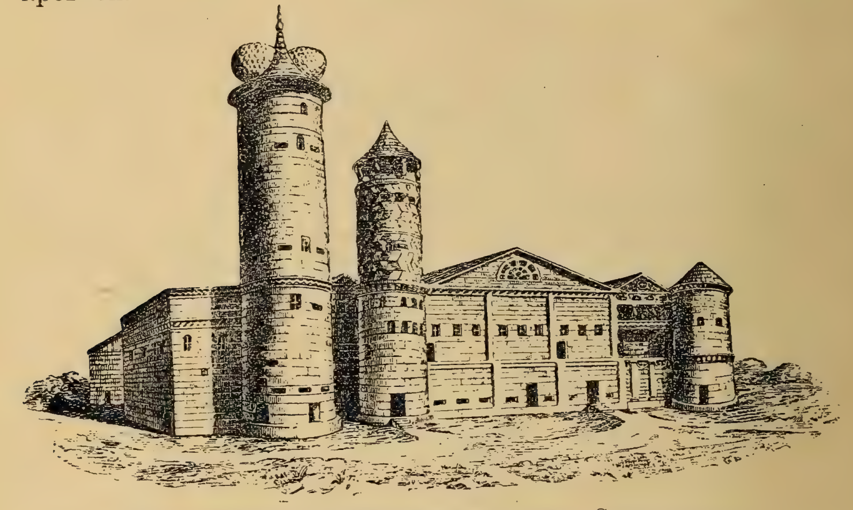
сторону отъ нихъ, заворачивая, находились другія хоромы, и отъ этихъ хоромъ, составляя съ ними уголъ, отходило еще какое-либо жилье. Если мѣстность не позволяла такого устройства жилья, то оно разбивалось на отдѣльныя избы и хоромы, связанныя другъ съ другомъ крытыми переходами, иногда довольно длинными. У богатыхъ людей стояли на дворѣ свои церкви, и тогда всѣ переходы сходились у храма.

Изба Костромской губ., сохранившая нѣкоторыя черты древне-русскаго (XVI—XVII вв.) жилья.

Жилье бѣднаго человѣка—изба—мало въ чемъ измѣнилось въ сравненіи со своимъ нынѣшнимъ видомъ. И тогда это было незавидное строеніе „на курьихъ ножкахъ", съ соломенной трепаной кровлей; только стеколъ въ оконницахъ не было—его замѣняла слюда, пузырь, просто ставня, да безъ исключенія всѣ избы были курныя. И жилъ тогдашній крестьянинъ такъ же, какъ во многихъ мѣстахъ живетъ и теперешній,—въ грязи, смрадѣ, вмѣстѣ со своими курами, гусями, свиньями, телками; также чуть не половину избы занимала неуклюжая печь съ полатями.

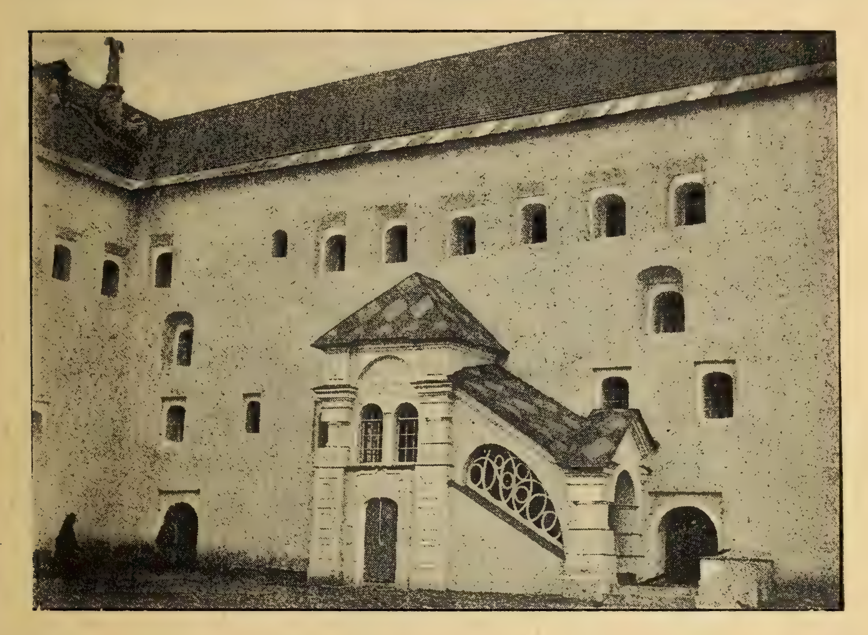
Зажиточный городской домъ строился всегда въ два жилья съ надстройкой наверху. Въ домъ вело крыльцо. Въ одноэтажныхъ домахъ и избахъ вмѣсто крыльца со ступенями находился только помостъ, огороженный перилами, съ легкимъ рѣзнымъ навѣсомъ наверху. Въ хоромахъ, болѣе обширныхъ и двухъэтажныхъ зданіяхъ, крыльцо украшалось пузатыми кувшинообразными колонками и покрывалось остроконечной кровлей.

Видъ старикнаго деревяннаго дома-замка Строгоновыхъ въ Сольвычегодскѣ.

Отъ крыльца, составляя его продолженіе, вела пологая лѣстница наверхъ; лѣстница—ея перила, подпоры, кровля и т. п.—тоже были богато украшены рѣзьбой и пестро окрашены. Входъ въ нижній этажъ былъ устроенъ или чрезъ особое крыльцо, или былъ только внутренній. Лѣстница крыльца выводила на рундукъ—нѣчто въ родѣ террасы, огороженной точеными перильцами; съ рундука былъ входъ прямо въ сѣни верхняго жилья. Собственно жилье и составлялъ этотъ второй этажъ. Нижнее жилье не всегда было даже съ окнами. Здѣсь помѣщалась обыкновенно прислуга, находились кладовыя,

въ домахъ купцовъ здѣсь былъ товарный складъ, въ приказахъ тутъ находился архивъ или тюрьма. Нижній этажъ назывался подклѣтье, верхній же, т.-е. самое жилье, клѣтью. Клѣть состояла изъ трехъ комнатъ; даже у царей было только четыре покоя въ клѣти—передняя, крестовая комната, т.-е.

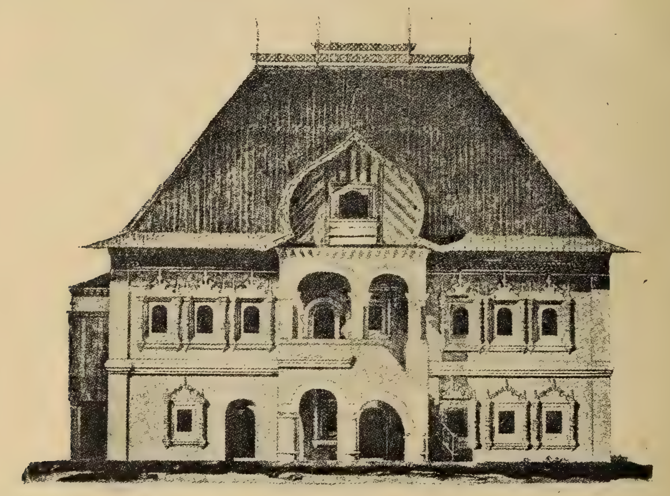

Паганкины палаты въ Псковѣ (XVII в.).

кабинетъ и спальня. Поварня находилась обыкновенно на дворѣ, въ особой постройкѣ, и соединялась съ домомъ чрезъ крытый переходъ. Надстройки надъ жильемъ назывались чердаками, а надъ сѣнями — вышкой. Надстройки эти имѣли иногда очень затѣйливый видъ разныхъ башенокъ, шпилей, куполовъ всевозможныхъ формъ, со всевозможными украшеніями. Чердакъ представлялъ изъ себя просторную и свѣтлую четыреугольную комнату. Онъ и былъ собственно тѣмъ, что называлось теремомъ. Это всегда были наиболѣе разукрашенныя рѣзьбой и тщательностью столярной отдѣлки комнаты.

Комнаты были очень невелики—сажени двѣ длины и столько же, или немного меньше, ширины. Конечно, сѣни и нарочно строившіяся для пировъ палаты были больше, занимая въ длину иногда пять и шесть саженъ. Средняя высота покоевъ была до четырехъ аршинъ, рѣдко выше.

Крыши домовъ были деревянныя, тесовыя или изъ драни, иногда покрывали ихъ берестой и даже дерномъ въ защиту

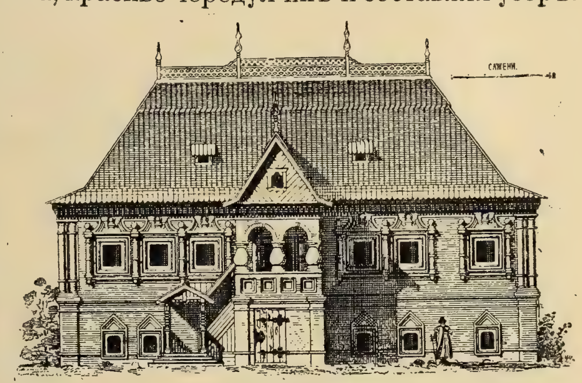

Домъ Зеленщикова въ г. Чебоксарахъ, Каз. губ. (нач. XVII в.).

отъ пожара. Форма крыши обыкновенно была скатная на двѣ стороны, съ треугольными фронтонами на двѣ другія стороны. У домовъ людей богатыхъ крыши были самой затѣйливой формы: бочкой, япанчей, т.-е. плащомъ, и т. п. По краю крыши шелъ рѣзной карнизъ. Окна, линіи фронта—все было покрыто рѣзьбой, изображавшей „травы“, зубцы, животныхъ, пѣтушковъ, сердечки, треугольники и т. п. Рѣзныя фигуры наводились золотомъ и красками. Особенно украшались чердаки.

Въ простыхъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма; для тепла на оконницы ихъ натягивали пузырь или

кожу; вообще окна были малы и узки. Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались и побольше; такія окна назывались красными или косящатыми; изнутри окна къ вечеру заставляли особыми втулками, обитыми сукномъ или войлокомъ, а снаружи затворяли пестро расписанными рѣзными ставнями. Вмѣсто стеколъ, вплоть до послѣднихъ годовъ XVII вѣка, въ большомъ ходу была слюда, большіе и мелкіе куски которой вставляли въ раму окна, красиво чередуя ихъ и составляя узоръ. Слюду расписывали красками, изображая фигуры звѣрей, птицъ, травы. Располагались окна неравномѣрно въ разныхъ комнатахъ и были разной формы — и четырехугольныя, и дугой, и съ тремя дугами наверху, даже круглыя.

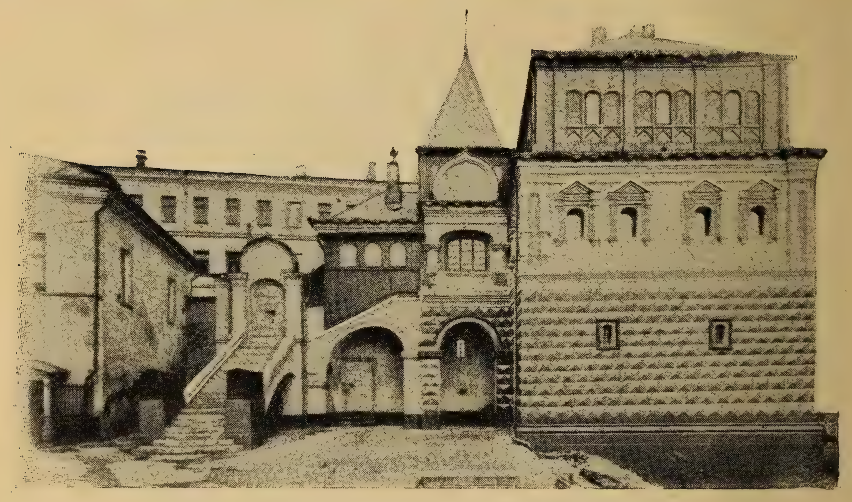

Домъ Коробовыхъ въ Калугѣ.
(Начало XVII в.).

Полы въ домахъ были или изъ дубоваго кирпича, уложеннаго плитками или квадратами, въ родѣ торцовой мостовой, или просто изъ дубоваго теса. Стѣны, какъ и потолки, отличались тонкой столярной отдѣлкой, были обиты тесомъ въ „полоску“ или „елочкой“. Богатые люди обивали иногда стѣны своихъ комнатъ красной кожей, люди побѣднѣе довольствовались рогожей. Печи дѣлались круглыя или четырехугольныя, муравленыя, цвѣтного изразца. Топка устроена была иногда внизу, въ подклѣти, и наверхъ шли нагрѣвательныя трубы. Кругомъ стѣнъ дѣлались лавки, прикрѣпленныя къ стѣнамъ неподвижно. Лавки бывали всегда покрыты сукномъ, коврами, у менѣе зажиточныхъ даже чистыми рогожами хорошаго узорнаго плетенія. Двери въ комнатахъ были малы и узки, такъ что въ иную едва было можно войти

сколько-нибудь дородному человѣку. Разсказываютъ, что люди гордые и спесивые нарочно приказывали дѣлать въ своихъ домахъ такія двери, чтобы принудить къ невольному низкому поклону всякаго входящаго въ комнату.

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ построекъ для жилья, былъ заставленъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Непремѣнно на каждомъ дворѣ была баня - мыльня

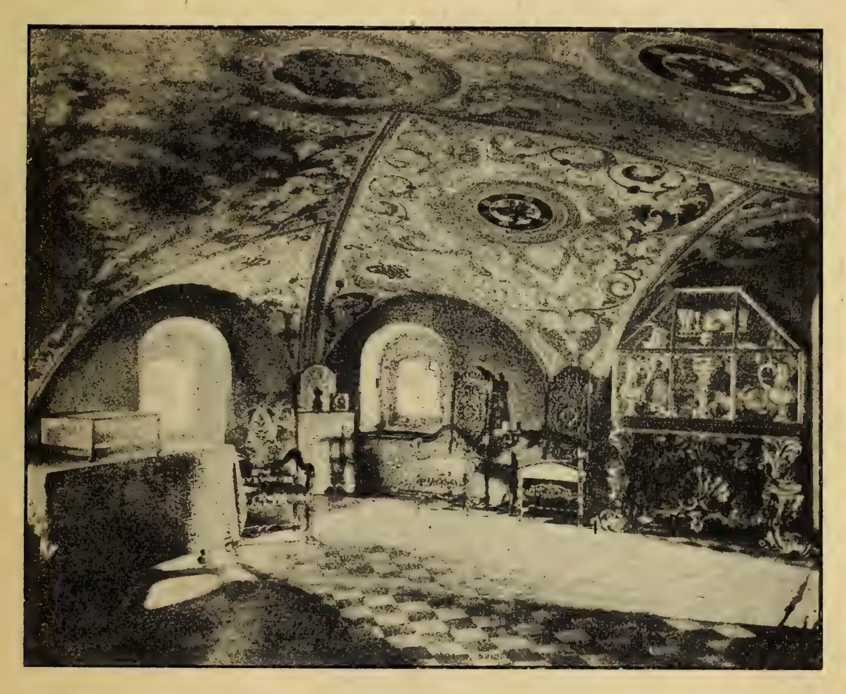

Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ (XVII в.).
(Реставрація).

и погреба. Отъ главнаго двора отдѣлялся легкой изгородью другой дворъ, гдѣ стояли конюшни и сѣнники, сараи для дровъ, стойла для домашнихъ животныхъ. На дворахъ, хозяева которыхъ занимались земледѣліемъ, стояло всегда гумно, овинъ, скирды, амбары для хлѣба, — все это составляло отдѣльный дворъ, тоже отгороженный отъ главнаго. На краю усадьбы находилась кузница, помѣщавшаяся возлѣ пруда или рѣчки. Тутъ же стояла и мельница.

Вообще домовитый хозяинъ старался устроиться такъ, чтобы въ его усадьбѣ было все нужное для хозяйства, чтобы ни за чѣмъ не приходилось обращаться на площадь, на рынокъ.

Конечно, масса построекъ находилась только на дворахъ людей очень зажиточныхъ и богатыхъ. Обыкновенный старорусскій городской дворъ былъ не великъ: три избы, клѣть, мыльня, погребъ съ наподгребицей, — вотъ и всѣ постройки средняго московскаго двора XVI—XVII вв.

Крестовая палата въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

При каждомъ домѣ — большомъ и маломъ — всегда находился хоть небольшой садъ съ плодовыми деревьями и огородъ. Въ саду росли яблоки, груши, вишни, ягодные кусты — крыжовникъ, малина, смородина; изъ неплодовыхъ деревьевъ въ садахъ встрѣчались только красивыя деревья съ нарядной листвой—рябина, клены, ясени, черемуха. Цвѣты садили только очень богатые люди. Садъ въ то же время былъ

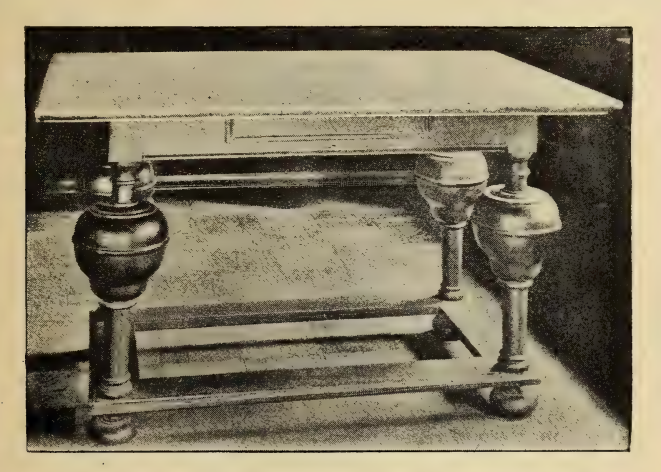
и огородомъ: между деревьями копали гряды, на которыхъ росли огурцы, морковь, рѣпа, сладкій горошекъ, бобы, — все это служило тогда столько же кухонной приправой, сколько и для десерта — горошекъ подавался зеленымъ въ стручкахъ, а огурцы варились въ меду.

Дверь въ теремномъ дворцѣ въ Кремлѣ.

Главное украшеніе жилыхъ покоевъ древне-русскаго дома составляли образа, которые помѣщались въ богато разукрашенныя жемчугомъ и самоцвѣтными камнями ризы и ставились въ рѣзные кіоты. Передъ образами всегда теплилась лампада, а подъ кіотомъ была повѣшена пелена, богато расшитая шелками. Пелена была и съ боку кіота, такъ что ею можно было задернуть образа. Вообще въ старинномъ русскомъ домѣ московскихъ временъ все, что можно покрыть, было покрыто, завѣшано, обито. Полы были обыкновенно покрыты коврами и сукномъ, а у людей побѣднѣе — рогожами хорошаго плетенья или войлокомъ. Въ сѣняхъ у дверей лежала непремѣнно рогожка для обтиранія ногъ.

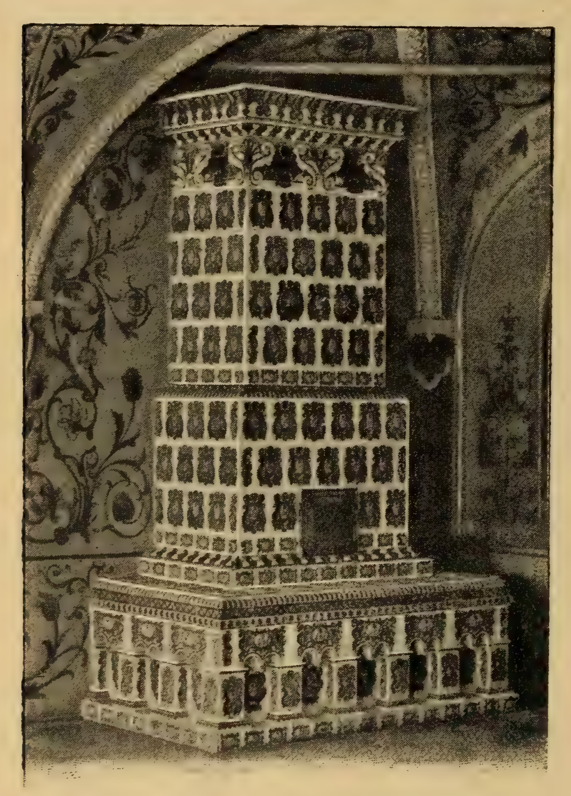
Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя наглухо къ стѣнамъ. Лавки обивались тѣмъ же матеріаломъ, что и стѣны, а сверхъ этой обивки на нихъ накладывались особыя покрышки—полавочники, которые покрывали всю лавку и свѣшивались до полу. Полавочники мѣнялись: въ будни лежали полавочники попроще, въ праздники—болѣе нарядные; будничные были обыкновенно изъ сукна, по которому былъ нашитъ узоръ изъ сукна же другого цвѣта; праздничные же полавоч-

Столъ XVII в. въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

ники дѣлались изъ штофа или другой тяжелой шелковой матеріи, а также изъ бархата. Кромѣ лавокъ, въ комнатѣ всегда находились скамьи и стольцы, т.-е. четырехугольные табуреты; кресла и стулья составляли роскошь и попадались только въ домахъ большой знати. Скамьи и стольцы тоже были всегда покрыты полавочниками. Скамьи служили не только для сидѣнья: на нихъ ложились отдыхать послѣ обѣда, слѣдовательно, онѣ были довольно широки; на нихъ клался въ такихъ случаяхъ легкій тюфячокъ. Въ каждой комнатѣ всегда находился столъ. Столы дѣлались изъ дуба, украшались рѣзьбой, позолотой, расписывались красками; они были обыкно-

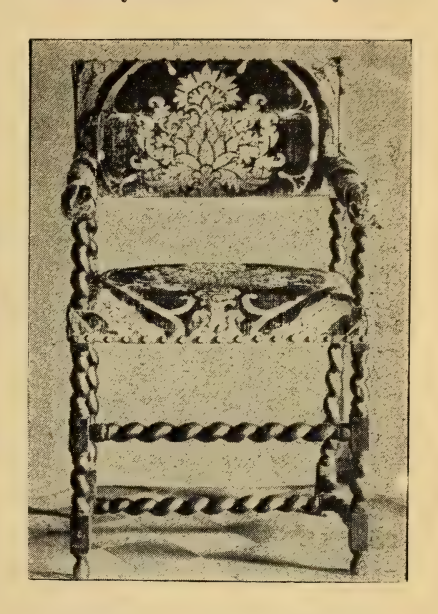
венно длинные и узкіе, на точеныхъ ножкахъ. Столъ всегда стоялъ въ переднемъ углу, передъ лавками, сходившимися здѣсь угломъ, и всегда былъ покрытъ подскатерникомъ. Оставлять столъ непокрытымъ считалось неприличнымъ. На время обѣда поверхъ подскатерника стлали скатерть. Подскатерники и скатерти отличались богатствомъ вышивки и отдѣлки, что, конечно, зависѣло отъ богатства дома. Въ праздники все это было пышное и нарядное, въ будни — простое. Зеркалъ на стѣны въ старинномъ русскомъ домѣ не вѣшали, считая это неприличнымъ; не было также и картинъ. Украшеніемъ стѣнъ служили различныя полки, шкафики, поставцы самой различной формы, богато расписанные и разукрашенные рѣзьбой. На полкахъ и въ шкафахъ стояла нарядная посуда—разные сулеи, братины, ковши, кубки, стаканы, стопки и т. п., серебряные, глиняные, деревянные, у кого какіе были.

Печка въ первой комнатѣ теремного дворца.

Кроватью въ тѣ времена служила лавка, къ которой приставляли скамью. На это сооруженіе клали пуховикъ или

перину, простыню, подушки, числомъ три, лежавшія горкой, и богато-расшитое одѣяло, входившее подъ подушки. У людей богатыхъ въ торжественныхъ случаяхъ постель убиралась съ необычайной роскошью: одѣяло стелили унизанное жемчугомъ и подбитое соболями, подушки были въ камчатныхъ, атласныхъ и бархатныхъ наволокахъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ. Пользовались такими нарядными постелями мало — онѣ служили больше для выставки богатства хозяевъ, а спать предпочитали всѣ — и знатные, и простые — на лавкахъ, постлавъ на нихъ матрацъ, войлокъ или звѣриную шкуру. Для храненія носильнаго платья и бѣлья въ комнатѣ стояли сундуки, скрыни—родъ комодцевъ, чемоданы, коробья, ларцы — богато украшенные рѣзьбой и красками сундучки, служившіе для храненія женскихъ украшеній. Съ XVII вѣка довольно обычнымъ украшеніемъ комнатъ становятся стѣнные часы, помѣщавшіеся въ затѣйливыхъ рѣзныхъ футлярцахъ съ разными фигурами; отъ нашихъ старинные часы отличались тѣмъ, что на нихъ ходили не стрѣлки, а двигался самый циферблатъ.

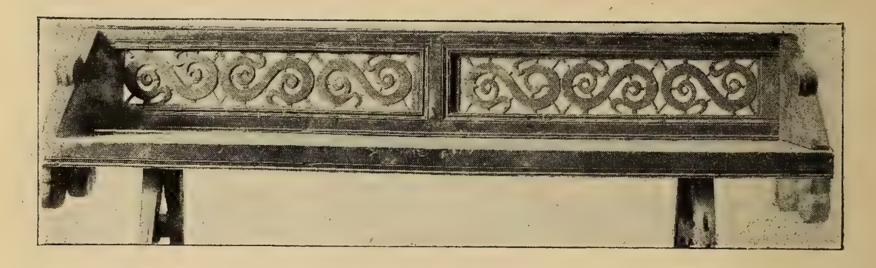

Кресло изъ обстановки дома бояръ Романовыхъ.

Освѣщались жилые покои восковыми и сальными свѣчами, которыя вставлялись въ подсвѣчники; подсвѣчники были стѣнные, прикрѣплявшіеся къ стѣнѣ, стоячіе—очень большіе, въ родѣ теперешнихъ церковныхъ, ставившіеся на полу, и ручные, какъ наши. У богатыхъ людей висѣли въ комнатахъ фигурныя люстры. Въ домахъ людей бѣдныхъ для освѣщенія

жгли лучину, вставлявшуюся въ особые поставцы, съ чашкой воды подъ горящей лучиной.

Такимъ образомъ старинный русскій домъ представлялъ изъ себя подобіе цѣлаго городка, стремившагося жить во всемъ независимо отъ сосѣдей. Все, что было нужно для житья, старались дѣлать дома. Обиліе рабовъ-холоповъ позволяло устраивать хозяйство такъ, что все изготовлялось тутъ же, на дворѣ. Холопы ткали холсты, шили бѣлье, валяли сукна, шили одежду, сапоги, дѣлали мебель, всякую домаш-

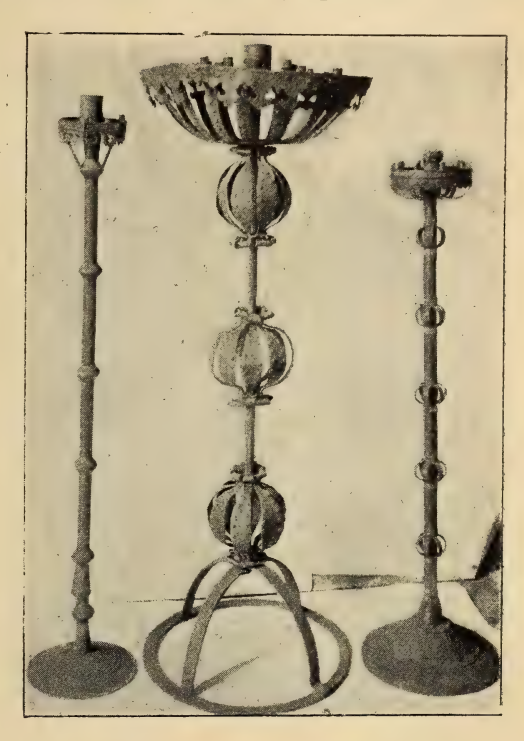
Старинная лавка.

нюю утварь. Все, чего нельзя было сдѣлать самимъ, покупалось оптомъ и держалось дома въ разныхъ кладовыхъ и каморахъ. Всякаго добра у разсчетливаго хозяина скоплялось столько, что хватало и на самихъ себя, и на дѣтей, оставалось даже внукамъ.

Вообще разсчетливость и скопидомство считали признаками добронравнаго и порядливаго житья. Какъ только рождалась въ семьѣ дочь, сейчасъ же опредѣляли особые сундуки и коробья, въ которые, пока дочь росла, откладывали ежегодно всякаго рода имущество, растили для нея скотину, копили, словомъ, ей надѣлокъ, т.-е. приданое.

Все въ старинномъ русскомъ домѣ тѣхъ временъ носило характеръ замкнутости и разобщенности со всѣмъ остальнымъ міромъ. Старинный русскій домъ прятался отъ улицы за высокимъ заборомъ, въ глубину двора. Ворота и калитки всегда были на запорѣ. Желающій проникнуть во дворъ дол-

женъ былъ три раза стукнуть кольцомъ калитки и проговорить: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ и дожидаться, пока ему не отвѣтятъ: „Аминь!“ Тогдашнія правила приличія требовали, чтобы человѣкъ устраивалъ свою жизнь такъ, чтобы никто не слыхалъ и не видалъ, что у него творится на дворѣ и въ домѣ, такъ же и самъ онъ не долженъ былъ узнавать, что дѣлается у сосѣдей. Все въ домѣ и кладовыхъ находилось всегда подъ замкомъ. Сколько въ домѣ было денегъ, про то зналъ только хозяинъ, и держалъ онъ деньги гдѣ-нибудь запрятанными въ тайникѣ, зарытыми въ землю, такъ что въ случаѣ внезапной смерти хозяина нерѣдко наслѣдники долго не могли разыскать хорошо спрятанные капиталы.

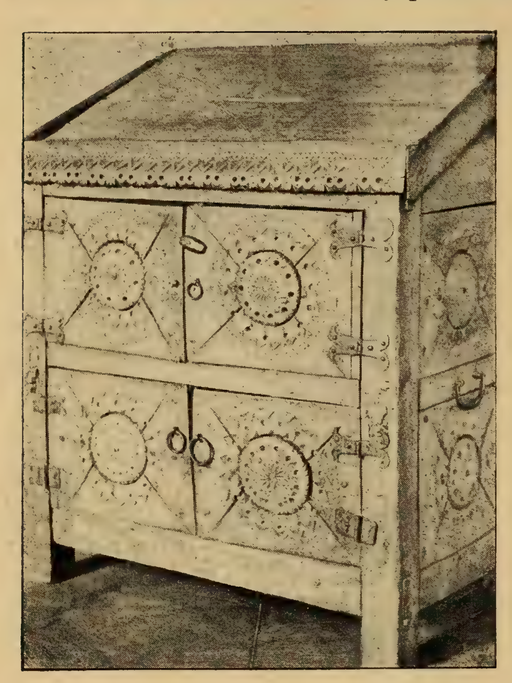

Старинные подсвѣчники.

Дневная жизнь въ старинномъ русскомъ домѣ московскихъ временъ начиналась очень рано: лѣтомъ всѣ подымались съ восходомъ солнца, а зимой — часа за три до разсвѣта. Часы считались тогда не такъ, какъ теперь; сутки дѣлились на часы дневные и ночные; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня, а часъ заката — первымъ часомъ ночи.

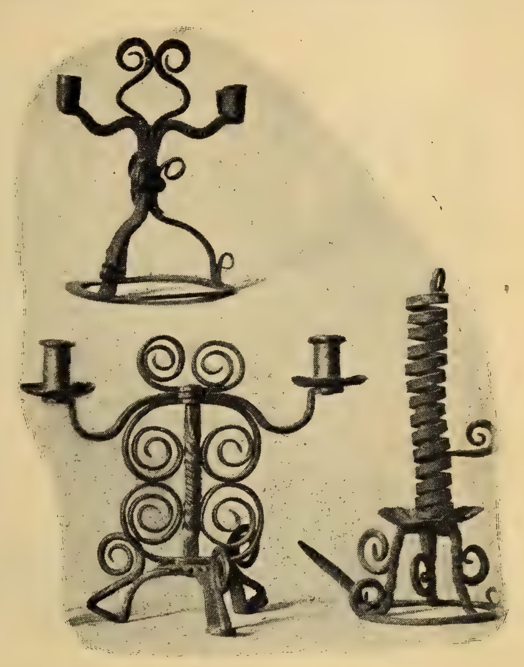
Проснувшись, старинный русскій человѣкъ прежде всего обращался взглядомъ къ образамъ и творилъ крестное зна-

меніе, затѣмъ умывался и начиналъ молитву. Если день былъ праздничный, то благочестіе требовало, чтобы всѣ шли къ заутренѣ, и считалось очень хорошимъ, если приходили въ церковь еще до начала богослуженія. Если день былъ будній, то хозяинъ дома самъ читалъ утреню для домочадцевъ. Утреню и часы читали въ крестовой комнатѣ, уставленной сплошь образами, передъ которыми возжигали свѣчи и лампады и кадили ладаномъ Окончивъ молитвословіе, гасили свѣчи и, поклонившись хозяину, расходились каждый по своему дѣлу. Хозяйка оставалась съ хозяиномъ, и они совѣтовались о распорядкѣ своего дня, что дѣлать предстоящимъ днемъ, какія кушанья заказать къ обѣду, кому какой урокъ задать по хозяйству и т. п. На женѣ, хозяйкѣ дома, лежало много труда и обязанностей, и обычай требовалъ отъ нея усиленной, примѣрной дѣятельности. Она должна была вставать раньше всѣхъ и будить дѣтей и всю служню: считалось неприличнымъ, когда служанка будила госпожу; отъ хозяйки требовалось, чтобы она всякое дѣло знала лучше, чѣмъ кто-либо въ домѣ, и всѣ должны были признавать ея умѣнье во всемъ, начиная отъ варки кушанья и приготовленья различныхъ соленій и печеній до сложныхъ вопросовъ церковнаго устава, когда пред-

Старинное (XVII в.) бюро-поставецъ.

стояло рѣшить, какія молитвы послѣ какихъ надо читать, если совпадали два праздника въ одинъ день.

Надо, впрочемъ, сказать, что не во всѣхъ домахъ хозяйки стояли во главѣ хозяйства. Многіе богатые мужья не допускали своихъ женъ до хозяйничанья, предоставляя все домоводство дворецкому, который въ рѣдкихъ случаяхъ обращался къ хозяйкѣ дома и получалъ всѣ распоряженія отъ господина, хозяина дома. Такія жены богатыхъ мужей послѣ утренней молитвы отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиванье золотомъ и шелками.

Старинные подсвѣчники.

Въ утреннее время хозяинъ долженъ былъ обойти весь дворъ и посѣтить всѣ службы. Въ конюшнѣ онъ смотрѣлъ по стойламъ, подостлана ли подъ ногами лошадей солома, положенъ ли кормъ, приказывалъ вывести и проводить передъ собой ту или иную лошадь; затѣмъ хозяинъ навѣщалъ хлѣвы и стойла домашней скотины и птичій дворъ; вездѣ онъ приказывалъ накормить при себѣ скотину и кормилъ изъ своихъ рукъ; по примѣтѣ, домашній скотъ и птица отъ этого тучнѣли и плодились. Возвратившись послѣ такого обхода, хозяинъ призывалъ завѣдывавшаго дворомъ дворецкаго и птичниковъ, слушалъ ихъ доклады, дѣлалъ свои распоряженія. Послѣ всего этого хозяинъ приступалъ къ своимъ занятіямъ: купецъ отпра-

влялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказный человѣкъ шелъ въ свой приказъ, бояре и думные люди спѣшили во дворецъ на засѣданіе Думы, а люди не думныхъ чиновъ наполняли крыльца и переднія сѣни царскаго дворца, ожидая, не понадобится ли ихъ служба. Приступая къ

Рѣзная деревянная утварь.

своему обычному дѣлу, какое бы оно ни было: приказное писательство, торговля или черная работа, русскій человѣкъ тѣхъ временъ считалъ приличнымъ вымыть руки и сдѣлать предъ образомъ три крестныхъ знаменія съ земными поклонами и съ молитвой Іисусовой на устахъ.

Въ шестомъ часу дня, т.-е. въ десять часовъ по-нашему, начиналась обѣдня, и всѣ, имѣвшіе возможность, шли „стоять обѣдню".

Въ полдень обѣдали. Кто не имѣлъ своего дома, тотъ шелъ обѣдать въ харчевню. Люди домовитые обѣдали не-

премѣнно дома. Люди знатные обѣдали отдѣльно отъ своей семьи — жены и дѣтей. Люди же незнатные обѣдали всей семьей. На званыхъ обѣдахъ женщины и дѣти не присутствовали никогда: для нихъ на женской половинѣ дома накрывался особый столъ. Конечно, въ домахъ бѣдныхъ это не

Рѣзная утварь.

соблюдалось, и званый обѣдъ тамъ былъ одинъ — и для мужчинъ, и для женщинъ.

Кушанье подавалось на столъ все сразу, нарѣзанное тонкими ломтями. Передъ всѣми, сидѣвшими за столомъ, стояло по тарелкѣ—глиняной, металлической или деревянной. Варево всѣ хлебали изъ одной общей чашки, соблюдая очередь, тихо, не торопясь, неся ложку отъ миски ко рту, осторожно подставивъ, чтобы не капало, подъ ложку ломоть хлѣба; жареное или вареное мясо каждый бралъ себѣ руками съ блюда, стоявшаго на столѣ. Ножи и вилки были въ слабомъ употребленіи. Тарелки, разъ поставленныя, уже не пере-

мѣнялись во весь обѣдъ. Каждый бралъ руками со стоявшаго на столѣ блюда куски и клалъ ихъ въ ротъ, бросая на тарелку кости и остатки. Считалось приличнымъ сидѣть за столомъ молча или бесѣдовать тихо; въ остальномъ можно

Русскія одежды XVII вѣка.
(Съ рисунка въ „Путешествіи Олеарія").

было держать себя самымъ непринужденнымъ образомъ— разваливаться, какъ кому удобнѣе, зѣвать, класть локти на столъ и т. п.

Обѣдъ начинался съ того, что выпивали водки и закусывали ее хлѣбомъ съ солью. Затѣмъ въ скоромные дни ѣли холодныя кушанья: вареное мясо съ разными приправами, студень и т. п., затѣмъ приступали ко щамъ или супамъ различныхъ сортовъ, затѣмъ ѣли жаркое, потомъ молочныя

кушанья и кончали обѣдъ разными сладкими печеніями и фруктами. Въ постные дни все мясное замѣнялось рыбой или овощами. На званыхъ обѣдахъ считалось необходимымъ подавать какъ можно больше сортовъ кушаній, и число ихъ доходило иногда до 60 и 70 перемѣнъ.

Русскія одежды XVII вѣка.
(Съ рисунка въ „Путешествіи Олеарія“).

Послѣ обѣда всѣ ложились отдыхать. Это считалось необходимымъ, и не спать послѣ обѣда было просто неприлично. Перваго самозванца больше всего упрекали въ Москвѣ за то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Послѣ обѣда засыпала вся Русь: шелъ въ свою опочивальню царь, спали думцы царя, спалъ купецъ, припёрши свою лавку, умолкалъ скрипъ перьевъ по приказамъ, и приказные спали, повалившись на столы и скамьи; на улицахъ и площадяхъ все затихало — здѣсь на солнышкѣ засыпали всѣ бездомные нищіе...

По окончаніи послѣобѣденнаго сна опять оживлялась дневная жизнь. Звонили къ вечернѣ. Кто могъ, тотъ шелъ въ церковь. Къ шести часамъ, по нашему счету, рабочій день кончался, и наступало время взаимныхъ посѣщеній, бесѣдъ, забавъ. Затѣмъ ужинали, а послѣ ужина опять затепливались передъ образами лампады и свѣчи, хозяинъ дома открывалъ на аналоѣ часовникъ и читалъ всѣмъ домочадцамъ

вечернія молитвы. Послѣ молитвы наступало время сна, и къ десятому часу вечера вся древняя Русь спала, отдыхая отъ дневного труда.

Одежды знатныхъ людей въ XVII в.
Изображенія съ портретовъ князей Репниныхъ.

Таково было внѣшнее устройство и распорядокъ дневной жизни въ древней Руси, у той основной ячейки человѣче-

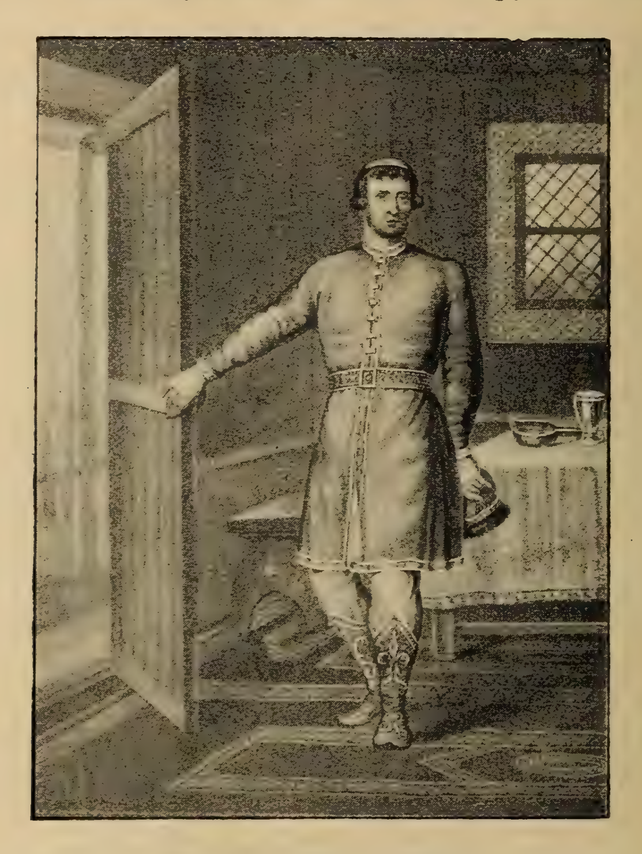
скаго общежитія, которую составляетъ семья вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что она около себя собираетъ и держитъ, т.-е. со всѣми чадами и домочадцами, по старинному выраженію.

Одежды знатныхъ людей въ XVI и XVII столѣтіяхъ.
1) Полевое платье Годунова.
2) Изображеніе съ портрета стольника Петра Потемкина.

Въ своей внутренней жизни, въ тѣхъ отношеніяхъ, какія были у отца къ дѣтямъ, у дѣтей къ матери и отцу, древне-

русская семья была такимъ же строго замкнутымъ міркомъ, жившимъ своею жизнью и не любившимъ обращаться ни за чѣмъ, ни за какой нуждой и помощью къ другимъ. Какъ все

Зипунъ, тафья и шапка.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

нужное для одежды и пищи стремились вырабатывать и имѣть дома, у себя, точно такъ же и воспитаніе дѣтей, всякія удовольствія и потѣхи старались устраивать дома, имѣть свои.

Древне-русскаго человѣка выманивали изъ дома только служба, неотложное дѣло, да желаніе повидать родныхъ или

знакомыхъ, и больше ничего — никакихъ общественныхъ увеселеній, просвѣтительныхъ, научныхъ, благотворительныхъ и другихъ, съ ихъ вечерними засѣданіями и собраніями, въ Московскомъ государствѣ не существовало.

Ферязь и шапка.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

Самыя бесѣды, взаимныя посѣщенія, встрѣчи и разговоры обставлялись большими церемоніями. „Войдя въ комнату,— пишетъ одинъ иностранецъ-современникъ,—русскій ни слова не скажетъ присутствующимъ, сколько бы ихъ тутъ ни было,

но обращается къ иконамъ, крестится, дѣлаетъ три поклона и только потомъ обращается къ присутствующимъ". Разговоръ начинается съ безконечныхъ освѣдомленій о здоровьѣ другъ друга, близкихъ и родственниковъ, при чемъ каждаго

Турскій кафтанъ и шапка мурмолка.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

называютъ по имени и отечеству. Затѣмъ переходили къ разговору собственно; но и тутъ требовались извѣстныя порядливость, чинность, строгость и изысканность выраженій. Человѣка, умѣвшаго говорить красно и витіевато, собирались слушать,

какъ артиста. Сборникъ правилъ приличія тѣхъ временъ — „Домострой“ — требовалъ, чтобы „походка у человѣка была кроткая, голосъ умѣренный, слово благочинное; предъ старшими надо было сохранять молчаніе; къ премудрымъ — по-

Терликъ и шапка мурмолка.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ“).

слушаніе; передъ сильными — повиновеніе; лучше мало говорить, а болѣе слушать; не быть дерзкимъ на словахъ, не слишкомъ увлекаться бесѣдой, не быть склоннымъ къ смѣху, украшаться стыдливостью, зрѣніе имѣть долу, а душу — горѣ; избѣгать возраженій, не гнаться за почестями“...

Мужъ, хозяинъ дома, былъ полнымъ и всевластнымъ владыкой въ семьѣ. Женщины и дѣти были чѣмъ-то безконечно низшимъ передъ своимъ мужемъ или отцомъ. Въ Москвѣ считалось предосудительнымъ даже вести разговоръ съ женщиной.

Русскія шуба и шапка.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

У знатныхъ и зажиточныхъ людей женщины жили какъ бы взаперти, и мѣсто ихъ жилья—теремъ—было недоступно никому, кромѣ хозяина дома.

„Мужчины въ Московіи,—пишетъ одинъ иностранецъ,—не допускаютъ женщинъ въ свои бесѣды, не дозволяя имъ

даже показываться въ люди, кромѣ развѣ церкви. Да и тутъ каждый бояринъ, живущій въ столицѣ, имѣетъ для жены домашнюю церковь. Если же случится боярынѣ въ торжествен-

Польская шуба и шапка горлатная.
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

ный праздникъ отправиться въ большую церковь, то она выѣзжаетъ въ колымагѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыхъ дверецъ съ окнами изъ слюды или изъ бычачьяго пузыря: отсюда она видитъ каждаго, ея же никто

не видитъ... Комнаты для женщинъ устраиваются въ задней части дома, и хотя есть къ нимъ ходъ со двора по лѣстницѣ, но ключъ отъ онаго хозяинъ держитъ у себя, такъ что въ

Охобень и шапка
(Изъ „Описанія одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ").

женскія комнаты можно пройти только чрезъ его половину. Дворъ за женскими комнатами огораживается такимъ высокимъ тыномъ, что развѣ птица перелетитъ черезъ него. Въ этомъ-то мѣстѣ женщины прогуливаются". Въ саду для ихъ развлеченія устроены качели, а въ комнатахъ хозяйка, коли

захочетъ развлечься, велитъ запѣть своимъ служанкамъ пѣсни или позоветъ домашнюю „дуру“ — шутиху-карлицу и, урода, и та своими нелѣпыми кривляніями, можетъ-быть

Одежда русской дѣвицы конца XVII в.

иногда вызоветъ улыбку на лицѣ скучающей женщины. Изрѣдка, съ разрѣшенія хозяина, допустятъ въ теремъ сказочника-бахаря, и тогда слушаютъ не наслушаются его ска-

зокъ и пѣсенъ подъ гусельное треньканье осужденныя на безысходную теремную жизнь знатныя женщины.

Грамотѣ женщинъ учили рѣдко: это считалось неприличнымъ. Женское дѣло было одно—умѣть шить, вышивать, наблюдать за хозяйствомъ, за малыми дѣтьми, угождать мужу. Оттого-то подьячій Котошихинъ, описывая для шведовъ бытъ

Обрядъ крещенія у русскихъ XVII в.
(Съ рисунка въ „Путешествіи Олеарія“).

Московскаго государства и отмѣтивъ, что нѣтъ обычая въ Москвѣ учить женщинъ грамотѣ, описываетъ ихъ, какъ людей „породнымъ разумомъ простоватыхъ, на отговоры (на бесѣду) несмышленыхъ и стыдливыхъ“ (жеманныхъ). Онъ знаетъ и причину этого: „понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ и, опричь самыхъ близкихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и потому отчего бы имъ и быть разумными и смѣлыми?“...

Чѣмъ знатнѣе былъ родъ, къ которому принадлежала женщина, тѣмъ болѣе строгостей выпадало ей на долю. Царевны были самыя несчастныя изъ русскихъ дѣвицъ: онѣ не могли никуда показываться изъ своихъ теремовъ, не могли выйти замужъ, потому что выдавать ихъ за своихъ не повеле-

Похороны.
(Съ рисунка въ „Путешествіи Олеарія").

валось, по случаю высоты ихъ сана, а за иностранныхъ принцевъ не выдавали, потому что всѣ они считались нехристями. По выраженію современника, царевны „день и ночь въ молитвѣ пребывали и лица свои умывали слезами".

При выдачѣ замужъ, дѣвицу не спрашивали, хочетъ она или не хочетъ того. Часто она не знала даже, за кого идетъ замужъ, и не видѣла своего жениха до самаго замужества. Сдѣлавшись женой, она не смѣла никуда выйти изъ дома

безъ позволенія мужа; даже если шла въ церковь, то и тогда была обязана спрашиваться. Нечего и говорить, что никакихъ знакомствъ она сама заводить и думать не могла, а если мужъ по своему выбору и позволялъ ей повести знакомство, то и тогда связывалъ ее наставленіями и замѣчаніями, что говорить, о чемъ умолчать, что спросить, чего не слышать.

Народныя игры и развлеченія.
(Съ рисунка въ „Путешествіи Олеарія“).

Въ крестьянскомъ и менѣе зажиточномъ быту женщина, хотя и должна была нести страшную работу, но хоть жилато не взаперти. Въ обращеніи съ женами побои занимали не послѣднее мѣсто, и у мужа висѣла всегда плеть, назначенная исключительно для жены и носившая названіе „дуракъ“. Побои не только не считались предосудительными, но вмѣнялись въ обязанность мужу. Кто не билъ никогда жены, о томъ говорили, что онъ „домъ свой не строитъ и о душѣ

своей не радитъ, а потому самъ погубленъ будетъ въ будущей жизни и домъ свой погубитъ". Въ ходу была пословица: „кто кого любитъ, тотъ того и лупитъ".

Женщина получала болѣе самостоятельное и солидное положенiе въ домѣ, когда оставалась вдовой, особенно „матерью-вдовой", т.-е. если при ней были несовершеннолѣтнiя дѣти: тогда она становилась полной госпожей и главой семьи. Вдова пользовалась охраной и заботливостью отъ всѣхъ; обидѣть вдову считалось большимъ грѣхомъ. „Горе обидящему вдовицу,—говоритъ старинное поученiе;—лучше ему въ домъ свой ввергнуть огонь, чѣмъ за воздыханiя вдовицъ быть ввержену въ геенну огненную".

Строго замкнутымъ монастыремъ былъ московскiй домъ по своему устройству, и вся жизнь въ его стѣнахъ устраивалась на монашескiй, монастырскiй образецъ. Все дѣлалось съ молитвой и по молитвѣ; время распредѣлялось по церковнымъ службамъ; приличными считались только разговоры о спасенiи души. Всю жизнь старинный русскiй человѣкъ подражалъ монахамъ, устраиваясь по монастырскому уставу.

Правила тогдашняго приличiя требовали всюду—въ церкви, дома, на рынкѣ, ходя, стоя, сидя—имѣть на устахъ молитву Iисусову, а въ рукахъ—четки. Домашнiя несчастья и общественныя бѣдствiя считались наказанiемъ Божiемъ за грѣхи, и, чтобы избыть бѣды, слѣдовало усилить религiозно-молитвенный подвигъ.

Вообще требовалось посѣщать монастыри, церкви, тюрьмы, подавать нищимъ. Въ штатъ царскаго дворца входили особые нищiе—„царевы нищiе", которымъ царь собственноручно раздавалъ милостыню. Священниковъ и монаховъ часто призывали въ домъ. Духовникъ былъ совѣтникомъ въ домѣ по всѣмъ важнымъ дѣламъ; считалось необходимымъ часто совѣтоваться съ нимъ во всемъ по совѣсти, какъ учить мужу жену и дѣтей своихъ, а женѣ какъ повиноваться мужу. „Домострой" предписывалъ слушать отца своего духовнаго во всемъ, чтить его,

бить челомъ передъ нимъ низко, повиноваться ему со страхомъ, какъ учителю и наставнику.

Въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ господствовала также безусловная подчиненность ихъ власти отца. „Имѣй, чадо,—гласитъ старинное поученіе,—отца своего аки Бога,

Народныя игры и развлеченія.
(Съ рисунка въ „Путешествіи Олеарія“).

матерь свою аки самъ себя“. Правила тогдашняго приличія рекомендовали отцу такое же суровое обращеніе, какъ и мужу съ женой. „Наказуй отецъ сына измлада,—говоритъ одно старинное поученіе,—учи его розгами бояться Бога и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій; а если смолода не научишь, то большого какъ можно научить“. Розги были однимъ изъ излюбленныхъ средствъ воспитанія. Правила приличія запрещали отцу даже смѣяться и играть

съ дѣтьми; онъ долженъ былъ всегда относиться къ нимъ сурово, недоступно, грозно. „Домострой“ училъ не ослаблять ударовъ надъ младенцемъ; „если ты его бьешь жезломъ,—читаемъ тамъ,—онъ не умретъ, а еще здоровѣе будетъ, потому что, поражая его тѣло, ты избавляешь его душу отъ смерти... Изъ любви къ сыну учащай ему раны, чтобы потомъ порадоваться о немъ“...

Все воспитаніе стариннаго русскаго человѣка, покоившееся на такихъ жестокихъ основахъ, имѣло своей цѣлью возрастить въ людяхъ такія чисто-монашескія добродѣтели, какъ воздержаніе, безусловное повиновеніе старшимъ и полное отрѣшеніе каждаго отъ собственной воли. „Послушаніе—лѣствица на небо,—говорили тогда,— оно выше поста и пустыннаго подвига. Ангелъ ходитъ за послушнымъ, считаетъ шаги послушанія и представляетъ ихъ Богу; если же видитъ капли пота у упражняющагося въ послушаніи, то приноситъ ихъ Господу, какъ кровь мученическую“. „Болѣе всего имѣйте смиреніе“,—говорили тогдашніе наставники.

Чтобы воспитать воздержаніе, дѣтей старались отучить отъ молока по постнымъ днямъ даже на первыхъ порахъ. Двухлѣтнія дѣти соблюдали посты уже со всей строгостью. Мясная пища допускалась только по воскресеньямъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Понедѣльники, среды и пятницы были постными днями, когда можно было ѣсть только рыбу и растительную пищу. Въ такіе посты, какъ Великій и Успенскій, можно было питаться только растительной пищей—капустой, грибами, ягодами, вообще зеленью, да и то еще нѣкоторые по средамъ, пятницамъ и понедѣльникамъ не ѣли ничего, а въ остальные дни ѣли разъ въ день и за исключеніемъ субботъ и воскресеній — безъ масла. Старые люди вообще отказывались отъ употребленія масла постомъ. Такъ жили всѣ, отъ царя до послѣдняго крестьянина.

Разница въ обиходѣ жизни, которую могли дать большія средства, выражалась только количественно, но не качественно. У богатаго всего было больше и все было лучше, но это *все*

имѣлъ и могъ имѣть каждый. Только то, что у богатаго было изъ шелка, парчи и золота, у бѣднаго было изъ крашенины, холста и дерева. Благодаря этому, домашняя жизнь русскихъ людей XVI и XVII вв. носила очень несложный, однообразный, опредѣленный характеръ.

Только со второй половины XVII в., когда начался переломъ древне-русской жизни и сближенiе ея съ Западомъ, начинаетъ мѣняться однообразiе быта и домашней жизни. Все болѣе возникающiя потребности не позволяютъ уже ограничиваться въ жизни одними домашними издѣлiями: многаго просто нельзя сдѣлать дома, многое дѣлаютъ на фабрикѣ лучше и дешевле. Въ связи съ этимъ можно наблюдать, какъ въ теченiе XVIII вѣка все шире и шире распахиваются для улицы и рынка крѣпко замкнутыя ворота московскаго дома XVI и XVII вв., запрятавшагося въ глубину двора, огороженнаго высокимъ заборомъ; скоро выходитъ на улицу онъ и совсѣмъ, всѣми своими дверями и окнами, а болѣе совершенная и дешевая западная техника мѣняетъ самую физiономiю стариннаго русскаго дома.

Пособiемъ при составленiи очерка служили сочиненiя: *Н. И. Костомарова*, „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтiяхъ"; *И. Забѣлина*, „Домашнiй бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII вв."; *Его же*, „Домашнiй бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII вв".

Заставка—съ рукописи XIV в.

Школа и школьное обученіе въ древней Руси.

ервыя извѣстія о школахъ и училищахъ въ древней Руси относятся ко временамъ распространенія христіанства. По словамъ лѣтописи, Владиміръ Святой „началъ ставить по городамъ церкви и священниковъ и люди на крещенье приводити по всѣмъ градамъ и селамъ. Приказалъ онъ такъ же брать у лучшихъ людей ребятъ и отдавать ихъ въ наученіе книжное; матери же дѣтей сихъ плакали по нимъ, будучи еще не тверды въ вѣрѣ, какъ по мертвецамъ“. По другому извѣстію, первый русскій митрополитъ Михаилъ совѣтовалъ князю Владиміру устроить училища „на утвержденіе вѣры и собрать дѣтей въ ученіе“, и князь Владиміръ „велѣлъ собрать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ и отдать ихъ по церквамъ священникамъ и причетникамъ въ наученіе книжное“. Въ 1028 году сынъ князя Владиміра Ярославъ собралъ въ Новгородѣ 300 человѣкъ дѣтей и велѣлъ „учити ихъ книгамъ“. Такимъ образомъ первыя школы на Руси возникли вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства и имѣли своей цѣлью „утвержденіе вѣры“ путемъ „ученія книжнаго“.

По мѣрѣ распространенія христіанства, число школъ росло и увеличивалось по городамъ. Школы устраивались при церквахъ и въ монастыряхъ. Обиліе переводныхъ съ греческаго книгъ, существовавшихъ тогда, показываетъ, что школа дѣлала свое дѣло — создавала читателя и любителя просвѣщенія. Сынъ великаго князя Ярослава, Святославъ, всѣ клѣти своего дворца наполнилъ книгами, его племянникъ Владиміръ Мономахъ самъ былъ писателемъ, отецъ же Мономаха Всеволодъ зналъ пять языковъ. Въ лѣтописи подъ 1097 г. упоминается, что преподобный Несторъ ѣздилъ во Владиміръ на Волыни для обозрѣнія училищъ и наставленія учителей. Правнукъ Ярослава, князь Романъ Смоленскій (1180 г.), завелъ у себя въ городѣ что-то въ родѣ высшаго училища, гдѣ учили даже латинскому языку. Князь Романъ все свое имущество тратилъ на книги и училища и когда умеръ, то смольнянамъ пришлось хоронить его на свой счетъ. Книга, ученіе книжное были вообще въ большомъ почетѣ, и послѣсловія многихъ письменныхъ памятниковъ тѣхъ временъ содержатъ одушевленныя похвалы „ученію книжному“. „Велика бо бываетъ польза отъ ученія книжнаго, — гласитъ одна такая похвала;—книги наставляютъ и учатъ насъ пути покаянія; мудрость обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ; книги, какъ рѣки, напояютъ вселенную, онѣ источники мудрости; неисчетна глубина книгъ, онѣ утѣшаютъ насъ въ печали, поддерживаютъ въ подвигѣ“.

Паденіе Кіевской Руси и нашествіе татаръ подорвали въ корнѣ начатки просвѣщенія въ Южной Руси. На суровомъ Суздальскомъ сѣверѣ было не до ученія, не до почитанія книжнаго, впору было только отбиваться отъ дикаго звѣря и зарабатывать тяжелымъ трудомъ себѣ пропитаніе. Школы становятся рѣдки, грамотность ютится по монастырямъ, просвѣщеніе не идетъ дальше переписки книгъ и заучиванія наизусть ихъ содержанія. Даже среди князей становятся часты лица, „не гораздыя грамотѣ“, какъ, напримѣръ, Димитрій Донской.

Къ началу XVI в. приходится уже жаловаться на недостатокъ грамотныхъ людей. „Не можемъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ, — писалъ новгородскій митрополитъ Геннадій; — кто хочетъ учиться, тотъ не можетъ достать силы книжныя, а другіе не хотятъ учиться, а если учатся, то не отъ усердія... Мужики-невѣжи берутся учить ребятъ, да только рѣчь имъ портятъ; отойдетъ такой ученикъ отъ мастера (т.-е. отъ учителя) и еле бредетъ по заученной книжкѣ, а другую, незнакомую, не всегда и прочтетъ“.

Въ 1551 г., когда царь Иванъ Васильевичъ „строилъ свои государства“, возникъ, конечно, вопросъ и о народномъ просвѣщеніи и образованіи. Соборъ духовенства, созванный царемъ Иваномъ, такъ называемый Стоглавый, установилъ, что, дѣйствительно, въ Московскомъ государствѣ учиться негдѣ: „Учителя, какіе есть, сами мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ. А прежъ сего въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ, и въ Великомъ Новгородѣ, и по инымъ городамъ многія училища бывали“. Соборъ духовенства, признавая, что такое „небреженіе“ нельзя больше терпѣть, постановилъ: „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ и со всѣми священники и діаконы, коемуждо во своемъ градѣ, по благословенію архіерея, избрать изъ своей среды добрыхъ священниковъ и діаконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ наставлять грамотѣ, чтенію же, пѣнію и письму гораздыхъ, и у тѣхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ учинити въ домахъ училища, чтобы всѣ священники, діаконы и всѣ православные христіане каждаго города давали своихъ дѣтей на ученье грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію и чтенію; учителя должны были блюсти своихъ учениковъ, беречь и хранить ихъ, наказывать и поучать страху Божію и всякому благочинію по церковному чину, ничего не скрывая, чтобы ученики всѣ книги учили“...

Такимъ образомъ правительство Московскаго государства задумало создать училища при источникахъ всего тогдашняго

знанія и мудрости, т.-е. при церквахъ, а учителей думало найти среди тѣхъ, кто по самому своему занятію не могъ не знать грамотѣ.

Постановленіе Стоглаваго собора мало подвинуло впередъ дѣло школьнаго обученія. Школы кое-гдѣ устроились, а, большей частью, распоряженіе осталось неисполненнымъ: повсемѣстнаго открытія школъ не произошло — не было учителей, не было и общаго желанія учиться. Среди лицъ церковнаго клира часто встрѣчались безграмотные. „Приведутъ ко мнѣ мужика ставиться въ священники, — писалъ новгородскій митрополитъ Геннадій, дѣятель конца XV, начала XVI вв.,—и я велю ему апостолъ читать, а онъ и ступить не умѣетъ, я велю ему псалтырь дать — и по тому еле бредетъ, я откажу посвятить его, а мнѣ говорятъ: „Такая ужъ земля, господине; не можемъ добыть кто бы гораздъ былъ грамотѣ!" и бьютъ мнѣ челомъ, просятъ: „Пожалуй, господине, вели научить его". Я прикажу учить такого ставленника говорить ектеніи, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ; велю учить азбуку, а они поучатся немного, да и просятся прочь, не хотятъ ее учить".

Но если такъ трудно обстояло дѣло со школой въ XV и первой половинѣ XVI в., то нельзя утверждать, что такъ было и дальше. До насъ дошло много свидѣтельствъ, которыя говорятъ, что на Руси второй половины XVI и въ XVII в. школа не была совсѣмъ ужъ рѣдкимъ явленіемъ, и „школьные домы" имѣлись въ городахъ.

Жизнь съ ея властными требованіями, очевидно, сдѣлала свое дѣло. Разросшаяся изъ удѣльнаго княжества въ Московское государство страна нуждалась въ грамотныхъ людяхъ. Они были нужны не только въ церквахъ и монастыряхъ, но и въ приказахъ въ Москвѣ, въ земскихъ и воеводскихъ избахъ по городамъ, нужно было умѣть грамотѣ, чтобы написать просьбу или жалобу въ судъ, чтобы расписаться въ качествѣ свидѣтеля, прочесть присланную казенную бумагу, сосчитать и записать казенное добро, къ которому приста-

вляли человѣка, обязывая его слѣдить за сборомъ этого добра. Тогда-то государственная и общественная нужда въ грамотѣ и грамотныхъ людяхъ и породила требованіе на школы.

Надо думать, что тотъ же приходъ, который содержалъ храмъ, выбиралъ священника и причтъ, посылая ихъ для посвященія къ архіерею, устраивалъ при своемъ храмѣ богадѣльню и школу. При жильѣ священника или одного изъ причетниковъ отводилась особая изба или клѣть, гдѣ бы „ребятамъ грамотѣ учиться“. Учителемъ такой школы, содержимой на средства прихода, былъ кто-нибудь изъ причта. Кромѣ такихъ школъ при церквахъ были въ Московскомъ государствѣ и вольные, такъ сказать, учителя, „мастера“, какъ тогда говорили, которые кормились тѣмъ, что учили ребятъ. Такіе учителя выходили изъ неимѣющихъ мѣста причетниковъ, изъ отставныхъ подьячихъ, просто изъ любителей книжнаго и школьнаго дѣла. Учили они или у себя на дому, имѣя для того особое помѣщеніе, или ходили по дворамъ, нанимались въ домашніе учителя и учили только дѣтей тѣхъ, кто ихъ нанялъ.

По старому обычаю начинали учить ребенка грамотѣ, когда ему исполнялось семь лѣтъ. Отецъ призывалъ двухъ-трехъ ближайшихъ родственниковъ, совѣтовался съ ними, не пора ли мальчика отдать въ „книжное наученіе“. Рѣшивъ, что пора, звали отца духовнаго и служили молебенъ покровителю наукъ св. пророку Науму и тому святому, тезоименитъ которому былъ мальчикъ. Ребенка кропили святой водой, духовникъ благословлялъ его и говорилъ приличное случаю поученіе. Отецъ и мать благословляли мальчика и говорили ему тоже нѣсколько напутственныхъ словъ о пользѣ ученья, о томъ, чтобы онъ слушался учителя, учился бы хорошо и т. д. Затѣмъ всѣ, т.-е. отецъ мальчика, двое или трое призванныхъ отцомъ ближайшихъ родственниковъ и самъ отдаваемый въ науку мальчикъ, шли къ „мастеру“. Здѣсь, положивъ уставные поклоны и поздоровавшись съ „мастеромъ“, отецъ мальчика начиналъ рядиться съ учителемъ, уговариваться, чему ма-

стеръ долженъ выучить ребенка и какую плату и чѣмъ долженъ получить за науку. Сговорившись обо всемъ этомъ, отецъ ученика и мастеръ ударяли по рукамъ, и приведенный мальчикъ поступалъ въ распоряженіе учителя. Сдѣлавъ три поклона передъ образомъ и поклонившись въ ноги учителю, новый ученикъ получалъ букварь, вынималъ изъ-за пазухи нарядную указку, заботливо подаренную ему матерью или кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, садился на указанное ему учителомъ мѣсто за столомъ и начиналъ трудное дѣло „книжнаго наученія".

Это былъ сухой и тяжелый трудъ, о которомъ теперешніе учащіеся и понятія себѣ составить не могутъ. „Старинная грамота,—говоритъ одинъ ученый,—являлась дѣтямъ не снисходительной и любящей няней, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидаскаломъ съ книгой и указкой въ одной рукѣ и съ розгой въ другой".

Въ XV и XVI вв. буквари и книги были, конечно, рукописные, а въ XVII вѣкѣ уже печатные. Многія лица, какъ, напримѣръ, св. Гурій Казанскій, зарабатывали себѣ хлѣбъ тѣмъ, что писали „книжицы малыя, иже въ наученіи бываютъ малымъ дѣтямъ", т.-е. буквари. Въ XVII в. Московскій Печатный дворъ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1647—51) напечаталъ 9600 букварей.

При рукописныхъ книгахъ, написанныхъ различными почерками, часто безъ соблюденія какихъ-либо знаковъ препинанія, въ строку, безъ отдѣленія одного предложенія отъ другого, со словами, поставленными слитно, научиться читать было страшно труднымъ дѣломъ. Читающему приходилось не только схватывать глазомъ буквы и механически соединять ихъ въ слога, а слога въ слова, ему приходилось усиленно думать, что къ чему въ рукописи и какое слово относится прямо къ какому, гдѣ кончается и гдѣ начинается мысль автора. „Въ наше время,—говоритъ проф. В. И. Сергѣевичъ,—человѣкъ, выучившійся грамотѣ, можетъ читать всякую книгу. Не

то было въ старину. Тогда мало было постигнуть механизмъ чтенія, это не давало еще ключа къ пониманію написаннаго. Въ старину учитель долженъ былъ научить раздѣлять слова и предложенія, онъ долженъ былъ знакомить ученика съ содержаніемъ книгъ. Въ старину учились читать не книги вообще, а извѣстную книгу: псалтирь, часословъ и пр. Ученіе читать переходило въ заучиваніе книги на память. Выучившійся читать псалтырь, могъ не справиться съ другой книгой"...

Взявъ на зубокъ азбуку съ ея трудными названіями буквъ—азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть, живете и т. д., ученикъ приступалъ къ слогамъ или складамъ сначала изъ двухъ буквъ — согласной и гласной, а потомъ изъ трехъ, и усердно долбилъ всѣ эти буки-азъ—ба, буки-есть—бе, буки-иже—би, вѣди-азъ—ва, вѣди-онъ—во, или буки-рцы-азъ—бра, глаголъ-вѣди-азъ—гва, добро-цы-еры—дцы и т. д. безъ конца. Склады читались обыкновенно вслухъ, хоромъ, и гомонъ въ школѣ стоялъ отъ этого такой, что за нѣсколько домовъ было слышно, какъ учатся школяры.

Научившись складывать изъ слоговъ слова и прочтя съ толкомъ, „не борзяся", первыя связныя фразы молитвеннаго содержанія и молитвы, напечатанныя или написанныя въ азбукѣ, постигнувъ всѣ слова подъ титлами, ученикъ со страхомъ и благоговѣніемъ приступалъ къ чтенію „Часослова", той церковной книги, которая содержитъ въ себѣ основныя церковныя молитвословія — часы, павечерицу, полунощницу, утреню, кондаки и тропари праздникамъ. Начало чтенія часослова было какъ бы переходомъ въ слѣдующій классъ и сопровождалось особымъ торжествомъ. Наканунѣ, дома, служили молебенъ. Утромъ, передъ отходомъ въ школу, ученику вручался горшокъ каши и гривна денегъ „въ бумажкѣ"—это онъ долженъ былъ передать учителю. Часословъ брался на зубокъ, какъ и букварь. За нимъ наступала очередь псалтыря, потомъ дѣяній апостольскихъ и, наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ св. Евангелія.

Изученіе часослова, псалтыря и другихъ книгъ сопровождалось со стороны учителя различными воспитательно-образовательными поученіями.

Кромѣ названныхъ книгъ, въ рукахъ древне-русскаго ученика находился еще иногда „азбуковникъ", гдѣ, помимо алфавита и складовъ, имѣлся цѣлый рядъ различныхъ свѣдѣ-

Въ старинной русской школѣ.
(Съ рисунка въ букварѣ Поликарпова, 1701 года).

ній. Прежде всего здѣсь были помѣщены школьныя правила, учившія школьника благонравію и хорошему поведенію.

Затѣмъ ученики читали здѣсь о дняхъ недѣли, объ ихъ названіяхъ, о субботѣ; имъ объясняли, что значитъ частое евангельское выраженіе „во едину отъ субботъ" и т. д. Съ объясненіемъ дней недѣли связаны были первыя начала священной исторіи; дѣтямъ разсказывали о сотвореніи міра, о первыхъ людяхъ, о народѣ израильскомъ, царяхъ Давидѣ и Соломонѣ и т. д. Объясненіе дней недѣльныхъ приводило съ собой знакомство съ календаремъ и лѣточисленіемъ, съ цы-

фирью и начатками ариѳметики. Затѣмъ въ азбуковникахъ слѣдуютъ основныя грамматическія правила, очень сбивчивыя, трудно изложенныя, безъ соблюденія какой бы то ни было послѣдовательности, какого бы то ни было порядка. Такая грамматика изложена въ вопросахъ и отвѣтахъ — ученикъ спрашиваетъ, а учитель объясняетъ. Особенное вниманіе среди грамматическихъ правилъ посвящено вѣчному вопросу русскаго правописанія „како ять съ естемъ различати". „Сіе бо,—читаемъ въ азбуковникѣ,—вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, такоже и есть вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ веліе несмысльство ученію". Любопытны также правила, гдѣ указывается, когда и какія ударенія слѣдуетъ ставить на словахъ, когда *оксія* или *острая,* когда *варія* или *тяжкая*, когда *камора облеченная,* когда *краткое,* когда *исо.*

Перечисляя христіанскія имена, азбуковникъ попутно разсказываетъ о крещеніи Руси. Затѣмъ находимъ въ азбуковникѣ правила стихосложенія и, ноты, наконецъ, толкованія о семи мудростяхъ философскихъ: грамматикѣ, діалектикѣ, риторикѣ, музыкѣ, ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи!

Конечно, всѣ эти науки описаны въ азбуковникѣ очень кратко, и дѣти развѣ только узнавали, что вотъ есть такія-то и такія науки, но какъ и гдѣ узнать ихъ подробнѣе — этого азбуковникъ не сообщалъ. Интересно, что геометріей называли тогда тѣ отрасли знанія, которыя мы называемъ землемѣріемъ, космографіей и географіей, какъ политической, такъ и физической. Діалектика рекомендовалась для изученія, какъ наука, необходимая „на соборахъ народныхъ и въ судѣ".

Такъ разнообразно и пестро было содержаніе азбуковника. Книга эта была предметомъ особаго изученія. Ее читали въ школѣ подъ руководствомъ учителя, такъ сказать, между дѣломъ, во время отдыха и перерыва занятій. Учитель, вѣроятно, дополнялъ и объяснялъ, какъ умѣлъ, сухія и краткія сообщенія азбуковника, и у школяровъ получался, такимъ образомъ, извѣстный запасъ знаній изъ всѣхъ областей, какія тогдашняя мудрость считала достойными для сокровищницы

ума образованнаго человѣка. На этомъ курсъ школьной науки и кончался.

Попутно, но не ранѣе, какъ ученикъ приступалъ къ чтенію часослова, велось обученіе письму. Эта наука была тогда тоже не изъ легкихъ. Прежде всего, она была дорога, такъ какъ бумага въ то время была много дороже нынѣшней, а писали гусиными перьями, которыя нужно было выучиться очинивать особымъ ножичкомъ. Плохо очиненное неумѣлой рукой перо спотыкалось и брызгало по шероховатой бумагѣ у неопытнаго писаки и доставляло ему не мало огорченій. Передъ учившимися писать всегда лежала „пропись“ или „надписи“, и онъ старательно списывалъ буквы, подражая прописи.

Суровый учитель, разъ показавъ, какъ надо читать или писать, не любилъ повторять сказанное два раза и помощью розги и подзатыльниковъ думалъ легче и скорѣе напомнить науку забывчивому ученику. Розга и „ремень плетной“ вообще были первымъ подспорьемъ тогдашняго педагога. Въ азбуковникахъ встрѣчаются цѣлыя стихотворныя похвалы розгѣ. Вотъ одна такая похвала, помѣщенная въ началѣ книги:

„Въ предисловія мѣсто сіе полагаемъ:
Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
Розга убо ниже мало здравія вредитъ.
Розга разумъ во главу дѣтямъ вгоняетъ,
Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ встягаетъ.
Розга родителемъ послушны дѣти творитъ,
Розга божественнаго писанія учитъ.
Розга, аще біетъ, но не ломитъ кости,
А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
Розгою, аще отецъ и мать часто біютъ дѣтище свое,
Избавляетъ душу его отъ всякаго грѣха.
Розга учитъ дѣлати вся присно ради хлѣба,
Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
Розга убо всякимъ добротамъ поучаетъ,
Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
Розгою отецъ и мати, еже дѣтище не біютъ,
Удаву на выю его скоро увіютъ.

Вразуми, Боже, матери и учители,
Розгою малыхъ дѣтей быти ранители.
Благослови, Боже, оные лѣса,
Иже розги добрыя родятъ на долгія времена.
Малымъ дѣтямъ—розга черемховая двоюлѣтняя,
Сверстнымъ же брезовая къ воумленію,
Черемховая же къ страхованію ученія,
Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
Аще ли же безъ розги измлада возрастится,
Старости не достигнетъ, удобь скончится.

Придавая такое огромное значеніе розгѣ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, тогдашняя педагогія совѣтуетъ ученикамъ любить это средство:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте!

Школьный день начинался рано, часовъ съ семи утра по нашему счету. Добронравному ученику „Азбуковникъ“ предлагалъ такія стихотворныя правила для начала дня:

Въ дому своемъ, отъ сна возставъ, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ добрѣ утрися,
Въ поклоненіи святымъ образамъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
Въ школу тщательно иди
И товарища своего веди;
Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи...

Войдя въ школу, ученикъ крестился на образа и отвѣшивалъ низкій, даже земной поклонъ учителю, если тотъ былъ священникъ, а потомъ, положивъ установленные три поклона передъ образомъ, принимался повторять, не торопясь, „зады“, т.-е. пройденное вчера. Уроковъ на домъ не задавалось, и все приходилось въ классѣ. Прочитавъ „зады“, иной разъ, если учитель былъ недоволенъ, повторивъ ихъ два-три раза, ученикъ принимался читать и перечитывать но-

вый урокъ, т.-е. слѣдующія страницы той книги, какую изучалъ. Учитель слѣдилъ за чтеніемъ, прерывалъ, заставлялъ повторять, добиваясь, чтобы ученикъ читалъ безъ запинки, ровнымъ голосомъ, слегка нараспѣвъ, „не борзяся“, съ толкомъ.

Въ двѣнадцать часовъ наступалъ перерывъ для обѣда, и ученики шумной толпой, противъ чего напрасно ратовали строгія правила азбуковниковъ, торопились домой обѣдать. Послѣ обѣда спали, а къ двумъ часамъ дня всѣ снова были въ школѣ и снова долбили урокъ. Сидѣли всѣ за столомъ, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ; старшіе занимали мѣста получше, ближе къ учителю, сидѣвшему въ красномъ углу подъ образами, младшіе же сидѣли ближе къ дверямъ; кромѣ того, каждый ученикъ даннаго отдѣла занималъ мѣсто по своимъ успѣхамъ, и учитель часто пересаживалъ успѣвавшихъ и малоуспѣшныхъ, въ зависимости отъ ихъ стараній и плодовъ этихъ стараній.

Учитель вызывалъ учениковъ по очереди. Каждый вызванный выходилъ изъ-за стола, кланялся учителю въ ноги и начиналъ стоя „сказывать“ свой урокъ. Если учитель бывалъ недоволенъ ученикомъ, то приказывалъ ему сказывать урокъ стоя на колѣняхъ, въ виду спасительной лозы.

Выдолбивъ урокъ, ученикъ молился передъ образомъ, произнося особую молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ. Аминь!“ Сдѣлавъ затѣмъ три поклона передъ образомъ, онъ начиналъ новый стихъ урока.

Какъ только зазвонятъ къ вечернѣ, т.-е. часовъ около четырехъ дня, школьный день заканчивался; школьники вставали со своихъ мѣстъ и пѣли хоромъ молитву св. Симеона Богопріимца: „Нынѣ отпущаеши...“

Послѣ молитвы ученики должны были замкнуть на застежки свои книги, посмотрѣвъ, не осталось ли въ листахъ „указки“, „указательнаго древца“, какъ говорили, когда хотѣли

выразиться понаряднѣе, и бережно клали книги на полки. Затѣмъ начиналась уборка школы; ученики выметали помѣщеніе, вытирали пыль, выносили лахань съ грязной водой отъ умыванья, приносили свѣжую воду. За всѣмъ этимъ дѣломъ слѣдилъ староста, т.-е. старшій ученикъ, назначенный на эту должность учителемъ.

Староста смотрѣлъ затѣмъ, чтобы ученики не листовали безъ толку книгъ, любуясь цвѣтными заставками, бережно клали бы ихъ на мѣсто, не шумѣли въ школѣ и при выходѣ изъ нея. Въ тѣхъ школахъ, которыя были устроены при церквахъ, находились общежитія для сиротъ, и тогда на обязанности старосты лежалъ надзоръ и за живущими при школѣ сиротами.

Прибравъ школу, ученики расходились по домамъ. Если это было наканунѣ праздника, то всѣ учащіеся обязательно шли къ вечернѣ, и учитель предостерегалъ ихъ, чтобы они стояли въ храмѣ благопристойно, „потому что,—прибавляетъ наставленіе, — всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ“. Отъ учениковъ школы требовалось вообще пристойное поведеніе. „Егда учитель отпустить васъ, — читаемъ въ одномъ наставленіи при азбуковникѣ,—то со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите: шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и біенія, и рѣзваго бѣганія, и каменноверженія, и всякихъ ненадобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ... Едва минуете святую церковь, и узритъ кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися“... Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ почему-либо собиралась толпа. Пришедши домой, ученикъ долженъ былъ разсказать родителямъ, что онъ проходилъ въ школѣ и прочесть тотъ урокъ, тѣ стихи или тѣ склады, которые выучилъ.

За всякій школьный проступокъ или неуспѣхи ребенка и дома ожидало наказаніе. Такимъ образомъ страхъ наказанія, боль и стыдъ были средствами, которыя тогда считались необходимыми въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Когда не помогали эти средства, и наука плохо давалась мальчику, то

призывали священника и читали особыя молитвы надъ „неудобьучащимся грамотѣ“ мальчикомъ, призывая святыхъ Сергія Радонежскаго и Александра Свирскаго уврачевать „скорбную главу“, дать ей пониманіе и способность къ ученію. Мальчику разсказывали—и учитель и родители—„просторѣчнымъ сказаніемъ“, какъ эти святые въ дѣтствѣ были косны на пониманіе, какъ они усердно молились Пресвятой Богородицѣ, чтобы Она отверзла ихъ „умныя очеса“, и какъ молитва ихъ была исполнена.

По воскреснымъ днямъ ученики послѣ обѣдни приходили въ школу и „здравствовали“ учителя, т.-е. поздравляли его съ праздникомъ, а учитель бесѣдовалъ съ дѣтьми о праздникѣ, разсказывалъ имъ „просторѣчно“, т.-е. своими словами, разговорнымъ языкомъ, о праздникѣ, о святомъ или священномъ событіи, память котораго чествовалась, и заключалъ свою повѣсть краткимъ поученіемъ, послѣ котораго, помолившись, всѣ расходились.

Въ воскресные дни при этихъ здравствованіяхъ учителя происходило подношеніе ему различныхъ даровъ, по большей части разныхъ съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ. Учитель жилъ этими подношеніями, и когда они почему-либо оскудѣвали, тогдашній педагогъ писалъ родителямъ учениковъ почтительнѣйшее письмо, составленное самымъ витіеватымъ образомъ и каллиграфически написанное, въ которомъ учитель высокопарно обращался къ „государю“ такому-то, билъ челомъ и плакался, называлъ себя работничишкомъ и писалъ такъ: „Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничишку, Господа ради и благоцвѣтущія отрасли благонасажденнаго древа, единороднаго своего любезнѣйшаго сына и преславкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтущія ради отрасли твоей на поученіе, а тебѣ, государю, на душевное утѣшеніе; пожалуй мнѣ, работничишку твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе; благоутробне, смилуйся!“ Иной педагогъ могъ написать такое письмо превыспренними стихами и выражался такъ:

„Прикажи, государь, намъ отъ класорасленныхъ плодовъ запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбящія свиніи преподати;
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ сгущеннаго и отъ сѣмянъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходящій праздникъ усладятъ наша брашна.
Воздари происходящимъ сквозь огнь и воду,
Да благопотребно будетъ нашему дому:
Высокорасленнаго огорченнаго пива добрѣйшаго,
Пчелодѣльнаго меду сладчайшаго.
Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, государю, извѣстилъ,
Насъ же, богомольцевъ своихъ, всѣми сими посѣтилъ“...

Очень многочисленны тогдашнія школы не были. Житія нашихъ святыхъ, хотя и упоминаютъ о „многихъ соучаникахъ“ или сверстникахъ того или иного подвижника, но придавать большое значеніе этому общему выраженію нельзя. Прежде всего тогдашнія помѣщенія не позволяли собирать въ своихъ стѣнахъ много дѣтей. Надо думать, что число учениковъ въ школѣ колебалось отъ пяти-шести до двадцати-тридцати человѣкъ. Сохранилось до нашего времени житіе преп. Сергія съ картинками, написанное въ XVI в. На одномъ рисункѣ тамъ изображена школа: на лавкѣ за столомъ сидятъ одиннадцать мальчиковъ съ книгами, а одинъ, самъ преподобный, стоитъ передъ учителемъ, который объясняетъ ему урокъ. Среди учениковъ, кромѣ дѣтей, встрѣчались и взрослые. Такъ, св. Никандръ Псковскій сталъ учиться грамотѣ лѣтъ двадцати, находясь уже въ услуженіи у одного купца. Сынъ князя Василія Голицына еле разбиралъ еще склады, когда подавалъ къ царю просьбы о земельномъ надѣлѣ, какъ взрослый полноправный человѣкъ.

Время обученія грамотѣ не могло быть продолжительно, несмотря на крайне трудные и грубые пріемы самого обученія. Способные мальчики, въ родѣ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, кончали всю начальную школьную премудрость года въ два. Біографъ преподобнаго разсказываетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ передъ способностями святого, какъ

онъ „учашеся разумно и всѣхъ сверстникъ превзыде: единымъ годомъ изучи псалмы Давыдовы и на другой годъ вся божественная писанія навыче“. Менѣе способные мальчики изучали все это, вѣроятно, года въ три, даже въ четыре.

Такъ учились въ древней Руси всѣ — и царскія дѣти, и боярскія, и священническія, и простыя, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, по днѣмъ и тѣмъ же книгамъ и достигали одного и того же: умѣнья читать и писать.

На этомъ огромное большинство тогдашнихъ людей и заканчивало свою науку. Кто хотѣлъ учиться дальше, тому оставался одинъ путь — чтеніе книгъ да случайная помощь случайно встрѣченнаго знатока и собирателя книгъ. Нѣкоторые такіе знатоки устраивали у себя, впрочемъ, родъ высшаго, по сравненію со школой, училища, гдѣ читали вмѣстѣ съ желавшими „священныя библіи, бесѣды евангельскія и апостольскія, и разсуждали о высокомъ, лежащемъ въ оныхъ книгахъ разумѣніи“. Читали творенія Іоанна Дамаскина, Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Григорія Богослова — этихъ творцовъ православной богословско-философской мысли.

Такимъ образомъ извѣстная „ученость“ могла быть пріобрѣтаема искателями ея только ихъ личнымъ самостоятельнымъ трудомъ, при помощи продолжительнаго и внимательнаго изученія книгъ, со стороны ихъ содержанія и изложенія. Такъ, преп. Стефанъ Пермскій сдѣлался ученымъ, благодаря тому, что „прилежно имяше обычай почитати почитаніе книжное, почасту умедливая дондеже до конца по истинѣ уразумѣетъ о коемждо стисѣ словеса, о чемъ чтетъ“.

Такой способъ пріобрѣтать „ученость“ создалъ и особый типъ древне-русскаго „ученаго“. Это былъ всегда человѣкъ, глубоко уважавшій „книги“, много и прилежно читавшій, который прочелъ всѣ существовавшія на русскомъ языкѣ книги, зналъ содержаніе всѣхъ ихъ чуть не наизусть и умѣлъ на память говорить цѣлыя главы и отдѣлы изъ прочитанныхъ книгъ. Такъ какъ всѣ тогдашнія книги были или книги Св.

Писанія, или творенія отцовъ Церкви, или житія и лѣтописи, вообще книги, говорившія о предметахъ духовныхъ и божественныхъ, то начетническое уваженіе къ книгѣ возрастало часто въ глубокое преклоненіе предъ всѣмъ написаннымъ. „Аще кто не имѣя книги мудрствуетъ, таковой подобенъ оплоту, безъ подпоръ стоящу, — говорилъ древне-русскій книжникъ-начетчикъ.

Для огромнаго большинства такихъ начетчиковъ былъ святъ и непреложенъ всякій „азъ", написанный въ книгѣ; у него „сердце холодѣло и ноги дрожали", когда люди другого образованія приказывали ему при исправленіи книгъ переставить слова, замѣнить одни другими, исправить буквы: „единый азъ, единая точка" были уже „преткновеніемъ" для всей науки древне-русскаго начетчика. Если про нихъ и нельзя было сказать, что они „едва азбуку умѣли", то для большинства было справедливо замѣчаніе ученаго грека, что они „навѣрное не знали, какія буквы въ азбукѣ гласныя и согласныя, а о частяхъ рѣчи, залогахъ, родахъ, числахъ, временахъ, лицахъ, то имъ даже и на разумъ не всхаживало... Не пройдя науки, такіе люди упрутся обыковенно не только на одну строчку, но и на одно слово и толкуютъ: здѣсь такъ написано, а оказывается, что вовсе не такъ. Не на букву только, а на смыслъ надо обращать вниманіе и на намѣреніе автора"...

Этого-то и не умѣли дѣлать древне-русскіе начетчики; они любили подолгу и много спорить на различныя темы изъ Св. Писанія, и споръ ихъ всегда блисталъ огромной начитанностью; они приводили наизусть въ подкрѣпленіе своихъ мыслей цѣлыя главы и стихи изъ твореній свв. отцовъ и изъ Св. Писанія, но никогда не дерзали разобраться въ вопросѣ, когда, почему, при какихъ обстоятельствахъ тотъ или иной приводимый ими учитель Церкви высказалъ данную мысль. Для нихъ было рѣшающее важно только то, что онъ ее высказалъ.

Можно себѣ представить, какъ неясны, трудны, запутаны и не разумительны были тогдашніе научные споры. На отрывокъ

изъ сочиненія какого-либо отца Церкви, приводимый однимъ спорщикомъ, другой выставлялъ слова Св. Писанія или другого отца Церкви. Отрывки громоздились на отрывки, и рѣчь получала крайне тяжелую форму. Во время ея многословнаго изложенія можно было забыть и потерять основную мысль, удалиться въ сторону и рѣдко что-нибудь выяснить, тѣмъ болѣе, что древне-русскій ученый, для котораго свято было все написанное, ставилъ въ спорѣ или сочиненіи рядомъ отрывки изъ книгъ самого различнаго содержанія: книги Ветхаго и Новаго завѣта, творенія отцовъ Церкви, лѣтописи и хронографы, законы греческихъ царей, преданія, житія святыхъ, посланія, — все это было для него Св. Писаніе.

Эта начетническая ученость во второй половинѣ XVII вѣка столкнулась въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ съ настоящей ученостью и принуждена была спасаться въ расколъ, объявивъ ересью новую ученость, которую стали насаждать въ Россіи кіевскіе монахи, воспитанники Кіевской академіи и образованные греки.

Пособіемъ при составленіи этой статьи служили слѣдующія книги: *Д. Мордовцева,* „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.“; *Ѳ. Леонтовича,* „Школьный вопросъ въ древней Россіи“; *И. Забѣлина,* „Характеръ начальнаго образованія въ допетровское время“; *Владимірскаго-Буданова,* „Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія министерствъ“.

Заставка и буква—со старинной рукописи.

Обширная сѣверо-восточная европейская равнина, на которой выросло Русское государство, съ древнихъ поръ славилась, какъ страна непроходимыхъ лѣсовъ и большихъ многоводныхъ рѣкъ, прорѣзывавшихъ своимъ могучимъ теченіемъ непроходимыя лѣсныя дебри Великорусской стороны.

Еще въ XVII вѣкѣ западному европейцу, ѣхавшему чрезъ Смоленскъ въ Москву, московская сторона казалась сплошнымъ лѣсомъ; мѣстные жители вмѣсто дорогъ пользовались здѣсь большими и малыми рѣками, далеко змѣившимися во всѣ стороны этого лѣсного царства.

Обиліе многоводныхъ рѣкъ, пересѣкавшихъ восточную европейскую равнину, издавна заставляло обитавшихъ здѣсь людей пользоваться ими, какъ путями сообщенія, какъ дорогами. Пробираясь по рѣкамъ, первоначальные насельники забирались глубоко внутрь равнины; основываясь для прочнаго жилья по берегамъ рѣкъ, они мало-по-малу населили страну, овладѣли ей, сдѣлали ее своей.

Первыя поселенія полосами залегали по берегамъ рѣкъ. Наслѣдники первыхъ поселенцевъ—земледѣльцы и охотники—

въ поискахъ за землей для посѣва и за охотничьей удачей все больше и больше стали удаляться отъ своихъ прежнихъ деревень и селеній.

Тогдашній земледѣлецъ долженъ былъ много и усиленно бороться съ лѣсомъ, прежде чѣмъ ему удавалось провести первую борозду. Въ древности все время, пока господство лѣса было несокрушимо, земледѣльцы, устраивая поле, поднимая новь, должны были выжигать лѣсъ. Зола и гарь сообщали почвѣ усиленное плодородіе, и лѣтъ шесть, семь подъ рядъ удобренная гарью земля давала богатые урожаи. Но потомъ урожаи становились слабѣе, и земледѣлецъ бросалъ тогда это поле, шелъ въ другое мѣсто, ставилъ тамъ новый дворъ, валилъ и жегъ лѣсъ и снова нѣсколько лѣтъ пользовался богатымъ урожаемъ. Людей тогда было мало, а порожней земли много.

Изъ первыхъ поселенцевъ какой-нибудь округи кто уходилъ дальше, кто основывался ближе къ мѣстамъ первыхъ поселеній, и потому связь, сосѣдство между старыми и новыми поселеніями порывалась далеко не всегда. Въ поискахъ за землей приходилось пробираться не только по рѣкамъ, но и сквозь лѣса. Такъ прокладывались пути отъ поселка къ поселку, отъ одной рѣки на другую. Охотники-звѣроловы въ своихъ поискахъ за дичью и пушнымъ звѣремъ вызнавали все больше и дальше страну по всѣмъ направленіямъ, и проложенныя ими тропы забирались въ самые глухіе уголки страны.

Когда возникли и увеличились города, то рѣки и цѣпи тропинокъ составили связь, пути сообщенія одного города съ другимъ.

Чѣмъ больше становилось народу въ странѣ, чѣмъ больше обрабатывалось земли, чѣмъ больше люди торговали и чѣмъ шире разселялись, удаляясь далеко въ глубь страны, тѣмъ меньше стали они пользоваться рѣками, какъ дорогами, особенно для близкихъ путей, и рѣка стала уступать свое значеніе обыкновенному земляному пути, простому проселку или тропѣ.

Къ тому было много причинъ. Рѣчнымъ путемъ не весь годъ сплошь можно пользоваться: зимой онъ скованъ льдомъ, лѣтомъ на немъ грозитъ мелководье, а потомъ по рѣкѣ хорошо и удобно итти, имѣя передъ собой дальнюю цѣль, удобно итти войску, торговому каравану, а всегда ли удобно возить по рѣкѣ, напримѣръ, снопы со сжатаго поля? сѣно съ луга? дрова изъ лѣса? особенно, когда поселокъ, отдѣльная изба, или же самое поле находятся далеко отъ берега? А каково плыть по рѣкѣ въ дурную погоду или просто вверхъ по ея теченію, а мели, перекаты, пороги, протянутыя снасти рыболововъ, — все это заставляло предпочесть рѣкѣ, какъ средству сообщенія, обыкновенную дорогу.

Въ старой Руси, какъ и въ нынѣшней, главнымъ затрудненіемъ при устройствѣ дорогъ является ихъ протяженіе, громадная длина ихъ сѣти, раскинувшейся по обширному пространству Русской земли. Это отличительная черта русской исторіи: и во времена кіевскихъ князей, и въ Удѣльное время, и при царяхъ, и въ теперешнія времена имперіи русскому народу приходится жить на громадной землѣ, въ которой не то что отъ края и до края, а даже отъ середины до краевъ всегда далеко. Эта громадность земли дѣлаетъ то, что дороги на Руси всегда длинны, а, слѣдовательно, строить ихъ и содержать въ порядкѣ дорого.

Небогатому, жившему рѣдкими кучками по лицу обширной страны населенію было не подъ силу содержать эти длинныя дороги въ порядкѣ. Самое большее, что для этого дѣлали — это рыли тутъ и тамъ канавы для стока застаивавшейся воды, набрасывали хворосту и сыпали песокъ на мѣстахъ, гдѣ весенняя и осенняя погода разводила неимовѣрную грязь, мостили бревенчатую гать черезъ болота, изрѣдка строили на сваяхъ мосты черезъ небольшія рѣки, но чаще искали броду, а на многоводныхъ и глубокихъ рѣкахъ сооружали плоты и поромы.

Единственнымъ строительнымъ матеріаломъ въ странѣ было дерево, рѣже глина и ужъ совсѣмъ рѣдко камень; на-

родъ былъ бѣденъ, грубъ и довольствовался очень немногимъ для устройства своей домашней обстановки. Нечего и говорить, что никакія шоссе, каменные мосты черезъ рѣки и овраги и т. п. не могли и возникнуть. Камня, годнаго для дорожнаго дѣла, нѣтъ на русской равнинѣ, его и теперь приходится привозить издалека, а тогда врядъ ли успѣли и вызнать, откуда его можно возить. Въ окружности какой-нибудь топи часто на десятки верстъ трудно найти простого песку.

Больше, чѣмъ люди, старинную русскую дорогу приводили въ порядокъ лѣтній зной, сушившій грязь, да зимній морозъ, сковывавшій крѣпко болота и топи, мостившій ледяные мосты черезъ рѣки. Дорога въ древней Руси жила поэтому больше зимой, чѣмъ лѣтомъ, особенно мирной, трудовой жизнью. Зимой тянулись обозы къ большимъ торговымъ городамъ, отъ одного къ другому и къ выходу за границу. Зато въ сухую лѣтнюю пору происходили передвиженія военныхъ силъ, всюду шли отряды на усиленіе пограничныхъ заставъ, навстрѣчу слухамъ о татарахъ, на тревогу въ сторонѣ Польши или крайнихъ восточныхъ сосѣдей.

Но и зимой и лѣтомъ одинаково старинная русская дорога къ себѣ не манила. Лѣтомъ путники жаловались на обиліе всякаго „гнуса“, всякихъ лѣсныхъ и болотныхъ насѣкомыхъ, комаровъ и слѣпней, отъ которыхъ страдали и лошади и люди. А зимой снѣжныя метели и сугробы снѣга „человѣку по пазуху“— какъ говоритъ лѣтописецъ,—засыпали и губили цѣлые обозы. Зимой и лѣтомъ волчьи стаи, шайки „лихихъ и воровскихъ людей“, т.-е. разбойниковъ, дѣлали путь по Русской землѣ труднымъ и опаснымъ. Но все-таки онъ хоть былъ возможенъ. Зато осенью и весной почти пропадала всякая возможность прохода и проѣзда изъ одной части страны въ другую. Рѣки въ половодье прямо останавливали всякое сообщеніе по дорогамъ, поля на большое пространство покрывались водой и превращались въ болота, въ оврагахъ и ложбинахъ полая вода застаивалась цѣлыми озерами. Нечего и

говорить, что весеннее половодье и осенніе дожди разводили всюду такія непролазныя „черныя грязи", что не становилось проходу и проѣзду никакому богатырю. Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи" въ особую заслугу ставитъ себѣ свои отдаленныя путешествія. Да это и, дѣйствительно, при описанныхъ условіяхъ, были подвиги. Лѣтопись часто отмѣчаетъ невзгоды тогдашняго бездорожья. Въ 1135 г. князь черниговскій Всеволодъ съ братьями пошелъ было войной, но „нельзя бо бѣше перевезтися" черезъ рѣку—ледяныя глыбы загородили путь; постояли три дня князья съ дружинами передъ непроходимымъ препятствіемъ да и ушли обратно въ Черниговъ. Сто лѣтъ спустя собрался другой князь по веснѣ въ походъ на ятвяговъ и дошелъ до Берестья, „но,—замѣчаетъ лѣтописецъ, — рѣкамъ наводнившимся, не возмогоста итти на ятвягъ". А въ 1237 году грозная татарская сила, смявшая всю Русь, остановилась передъ лѣсами и болотами Новгородской земли, которые отъ весенняго половодья стали совсѣмъ непроходимы. Въ осеннюю распутицу или весеннее половодье, по замѣчанію лѣтописца, часто бывало такъ, что „люди не смѣяху ѣздити" и были тогда „въ христіанѣхъ скорбь и туга".

Отъ бездорожья, бывали случаи, блуждали и сбивались съ пути цѣлые полки, какъ это было съ войскомъ великаго князя тверского Михаила, когда онъ въ 1316 году возвращался изъ Новгородской земли; „заблудиша въ езерѣхъ и болотѣхъ и начаша мерети гладомъ, — повѣствуетъ объ этомъ случаѣ лѣтопись, — ядяху же и конину и кожи со щитовъ содирающе ядяху, а доспѣхи своя и оружье пожгоша и пріидоша пѣши въ домы своя, а иніи мнозіи изомроша, жеваху бо тогда голенища своя и ремніе"...

Благодаря крайней рѣдкости населенія, обитавшаго въ обширной странѣ, селенія и деревни были рѣдки и отстояли далеко одно отъ другого. Путешественнику негдѣ было укрыться отъ непогоды; въ случаѣ болѣзни негдѣ было найти пріютъ и помощь въ случаѣ нападенія дикихъ звѣ-

рей или грабителей негдѣ и не у кого было искать защиты и подмоги.

Даже въ XVI вѣкѣ на такомъ большомъ торговомъ пути какъ путь отъ Холмогоръ по Двинѣ до Вологды, путешественникамъ приходилось останавливаться на берегу рѣки, подъ открытымъ небомъ, и готовить себѣ пищу изъ запасовъ, взятыхъ съ собой. Англичанинъ Дженкинсонъ, ѣздившій въ то время по Россіи, говоритъ, что всякому, собирающемуся ѣхать по Россіи, необходимо имѣть при себѣ топоръ, огниво и трутъ, котелъ и запасы пищи на всю дорогу, потому что по пути ничего этого не достанешь.

Дорога шла часто по пнямъ давно срубленныхъ деревьевъ, то и дѣло поворачивая на топи и болота, по которымъ не всегда были гати и мосты, а если гдѣ и были, то отличались плохимъ устройствомъ и небрежной постройкой. Мосты дѣлались изъ толстыхъ бревенъ, плохо связанныхъ между собой, такъ что переѣздъ по нимъ въ тяжеломъ экипажѣ былъ прямо опасенъ. „Одному Всевышнему Богу извѣстно, — пишетъ спутникъ антіохійскаго патріарха Макарія, проѣзжавшаго въ Москву съ юга уже въ XVII в., — до чего трудны и узки здѣшнія дороги... Всѣ дороги были покрыты водой, на нихъ образовались ручьи, рѣки и непролазная грязь; поперекъ узкой дороги нападали деревья, которыя были столь велики, что никто не былъ въ силахъ ихъ разрубить или оттащить прочь; когда къ этимъ павшимъ деревьямъ подъѣзжали повозки, то колеса ихъ поднимались на эти деревья и потомъ падали съ такой силой, что у насъ въ животѣ разрывались внутренности“... Другой иностранецъ, испытавъ на себѣ, что такое московская дорога, порѣшилъ, что русскіе нарочно запускаютъ дороги въ своей странѣ, чтобы затруднить иностранцамъ доступъ внутрь своего государства.

Чтобы разъѣзжать въ то время по Россіи, надо было быть сильнымъ и здоровымъ, умѣть владѣть оружіемъ и не бояться встрѣчъ съ разбойниками, промышлявшими по дорогамъ. По сторонамъ старинныхъ русскихъ дорогъ часто, очень часто

стояли кресты надъ могилами ограбленныхъ и убитыхъ путниковъ.

Одинъ иностранецъ, Корбъ, ѣздившій по Россіи въ концѣ XVII вѣка, видѣлъ въ лѣсу между Москвой и Можайскомъ крестъ, подъ которымъ было схоронено 30 человѣкъ, убитыхъ разбойниками. Тоже было и по рѣкамъ. По Волгѣ путешественнику до сихъ поръ указываютъ множество мѣстностей, прославленныхъ разсказами о разбойникахъ. Чуть не по всей центральной Россіи разсѣяны урочища, съ названіемъ которыхъ народная память соединяетъ преданія о старинныхъ разбойникахъ Кудеярѣ, Ванькѣ Каинѣ, Усѣ, Танькѣ Ростокинской и др.

Разбойничество въ тѣ далекія времена часто принимало характеръ цѣлыхъ предпріятій артелей, человѣкъ въ 300 и болѣе, съ выборными атаманами во главѣ. При Иванѣ Грозномъ знаменитый Ермакъ, связавшій свое имя съ покореніемъ Сибири и тѣмъ заставившій забыть свою прежнюю дѣятельность, держалъ въ страхѣ всю Волгу; отъ разбойничьихъ подвиговъ атамана Хлопко во времена царя Бориса почти прекратилось всякое движеніе подъ Москвой, и понадобилось выслать воинскій отрядъ, чтобы разогнать и перехватать шайку Хлопко, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

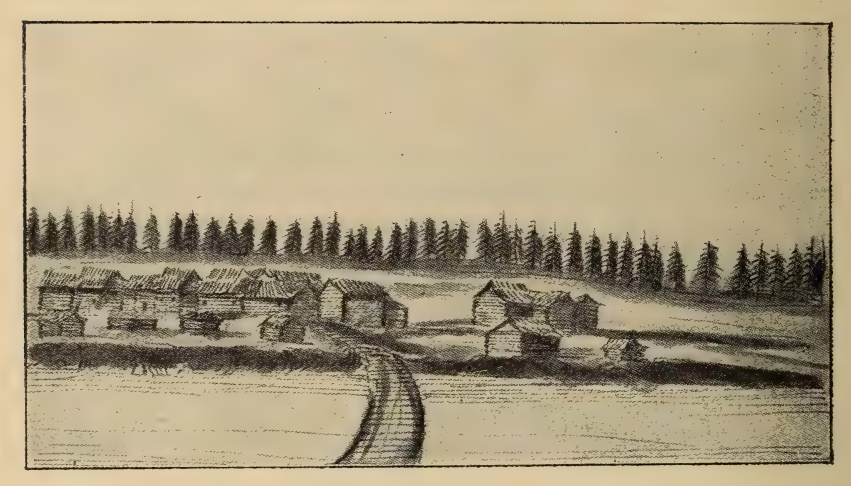
Когда Московское княжество превратилось въ Великорусское государство подъ властью царя и великаго князя всея Руси, то правительство стало усиленно заботиться объ устройствѣ и охранѣ путей сообщенія.

Отъ столицы государства, Москвы, протянулись проѣзжіе пути во всѣ концы обширнаго царства, пути крѣпкіе и постоянные, „пошлые“, какъ тогда говорили.

По этимъ путямъ двигалось постоянно все, что поддерживало связь средоточія государства съ внутренними областями страны и ея окраинами: по дорогамъ шли торговые караваны съ запасами и товарами, везли царскія подати, развозили распоряженія по управленію государствомъ, двигались военные отряды, куда того требовала военная нужда.

Все усиливавшіяся сношенія съ иностранными государствами приводили на московскія дороги пословъ чужеземныхъ государей, иностранныхъ купцовъ, по этимъ же дорогамъ шли свои послы въ чужія страны.

Все это и заставляло московское правительство много и усердно заботиться о томъ, чтобы движеніе по сухимъ и воднымъ путямъ было удобнымъ, дешевымъ, скорымъ и безопаснымъ.

Мостъ.
(Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга).

Нелегкое дѣло было, однако, устроить все это. Въ 1638 г. понадобилось перевезти артиллерійскій паркъ изъ Алексина въ Тулу. Изъ Алексина въ Тулу вели нѣсколько дорогъ, но кромѣ какъ по одной пройти съ пушками и обозами было „нигдѣ немощно", потому что иными дорогами „лѣса великіе и грязи непроходимыя". Но и по проѣзжей дорогѣ надо было „мостовъ мостить и гати гатить много", да черезъ рѣку Упу мостъ крѣпкій, чтобъ могъ выдержать пушки, дѣлать. Для всей этой работы отрядили 90 человѣкъ стрѣльцовъ, но, конечно, это оказалось слишкомъ малымъ. Ни картъ, ни чертежей не было и пришлось искать знатока дороги; такимъ

оказался тульскій стрѣлецъ Петрунька Исаевъ,— „онъ всѣ дороги знаетъ, куда на Тулу съ большимъ нарядомъ, т.-е. съ крупными орудіями, пройти мощно“. Ну, а когда не находили знающаго Петруньки, тогда приходилось дѣйствовать наугадъ. Посылать развѣдчиковъ, которые зарисовывали на лубкахъ, какъ умѣли, конечно, очень приблизительно и неточно, особенности пути, руководителямъ же передвиженія приходилось этими несовершенными набросками руководствоваться. Все это страшно замедляло передвиженіе, и русскіе люди московскихъ временъ предпочитали невѣрной колесной дорогѣ водяную по тѣмъ безчисленнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, которыя во всѣхъ направленіяхъ пересѣкаютъ и бороздятъ Великороссію. Общая длина всѣхъ рѣкъ Руси достигаетъ 100.000 верстъ, около половины ихъ судоходны и сплавны. Судовъ поэтому по рѣкамъ Московскаго государства ходило очень много; къ тому же стоимость провоза по водѣ всегда дешевле, чѣмъ сухимъ путемъ. Широкія рѣчныя дороги, расходившіяся во всѣ концы государства, не требовали много заботъ о себѣ — и зимой и лѣтомъ по рѣчной дорогѣ было легко ѣхать: лѣтомъ въ судахъ, а зимой въ саняхъ по гладкой ледяной поверхности. Многіе города и села, стоя при рѣкахъ, промышляли судовымъ дѣломъ, мастерили суда, проводили ихъ въ опасныхъ мѣстахъ, изучали характеръ теченія и особенности дна своей рѣки; существовала и особая рѣчная полиція изъ стрѣльцовъ, плававшихъ на судахъ, вооруженныхъ пушками, для преслѣдованія и искорененія массы разбойниковъ, промышлявшихъ на водяныхъ путяхъ, пожалуй, еще рѣзче, чѣмъ на сушѣ. Типъ русскихъ судовъ зависѣлъ отъ свойствъ русскихъ рѣкъ быстро обмелѣвать и въ теченіи часто сближаться одна съ другой, такъ что всегда можно было перетащиться изъ одной рѣки въ другую. Русскія суда строились поэтому всегда съ тѣмъ расчетомъ, чтобы были легки и плоскодонны. Ходили эти суда и на веслахъ, и подъ парусомъ, и бечевой; большія суда обыкновенно вмѣщали въ себя человѣкъ 50 — 70, кромѣ груза. Названія эти

суда имѣли самыя различныя, смотря по своей формѣ, назначенію и даже происхожденію, т.-е. мѣсту постройки; различали тогда струги, ладьи, мореходныя ладьи, челны, паузки, насады, бусы, карбасы, коломенки, тихвинки и т. д. Всѣ эти суда имѣли одно общее качество — отличались легкостью и строились безъ желѣза, безъ единаго желѣзнаго гвоздя.

Иностраннымъ посламъ, царскимъ чиновникамъ, выѣзжавшимъ съ казенными порученіями, большимъ торговымъ караванамъ давали охрану изъ воинскихъ людей.

Большіе караваны волжскихъ судовъ, отправлявшіеся въ далекое плаваніе отъ Нижняго или Казани до Астрахани и Каспійскаго побережья, всегда сопровождались казеннымъ стругомъ, вооруженнымъ пушкой, и съ экипажемъ хорошо вооруженныхъ стрѣльцовъ.

Властямъ, намѣстникамъ городовъ и областей правительство вмѣняло въ обязанность оберегать путниковъ и торговцевъ отъ всякихъ воровъ и разбойниковъ.

Въ началѣ XVI вѣка учреждается особое вѣдомство охраны: выборные изъ мѣстныхъ людей губные старосты, которымъ ставится въ обязанность разыскивать и ловить разбойниковъ, вообще слѣдить за безопасностью на дорогахъ.

Со временъ Ивана III появляются извѣстія объ устройствѣ дорожнаго дѣла по всей Русской землѣ. Тогда именно возникли „ямы". Слово „ямъ" татарскаго происхожденія. По-монгольски „дзямъ" — дорога, „дзямчи или „ямчи", гонецъ, проводникъ. Нетрудно въ этихъ словахъ узнать наши ямщикъ, ямской.

Во всѣхъ завоеванныхъ ими странахъ татары устраивали сборъ дани и ради этой цѣли учреждали правильное и постоянное сообщеніе съ ханской столицей. По словамъ итальянца Плано Карпини, посѣтившаго въ половинѣ XIII вѣка царство Чингизъ-Ханова внука Бату, подданные татаръ обязывались давать проѣзжающимъ гонцамъ лошадей и содержаніе, для чего были установлены заставы или станціи, на

которыхъ мѣняли лошадей путниковъ по предъявленіи ими на то ханской грамоты.

Московская Русь, свергнувъ татарское иго, оставила у себя это татарское устройство вмѣстѣ съ самымъ названіемъ его. Какъ и въ Золотой Ордѣ, ямщики въ Московскомъ царствѣ гнали отъ перегона до перегона; какъ и тамъ на каждомъ перегонѣ особыя, назначенныя для того лица должны были заботиться о доставленіи проѣзжимъ лошадей, корма, проводниковъ; какъ и у татаръ, все это давалось проѣзжимъ по предъявленіи ими особой грамоты — подорожной.

По большимъ дорогамъ на разстояніяхъ отъ 30 до 50 верстъ были учреждены станціи, называвшіяся ямами. На эти ямы окрестное населеніе обязано было доставлять нужное количество подводъ и кормъ. Если ямъ стоялъ на судоходной рѣкѣ, то во время судоходства проѣзжихъ отпускали на судахъ, давая гребцовъ и кормчихъ.

Каждымъ ямомъ завѣдывали ямщики, особые къ тому выбранные чиновники, обыкновенно изъ окрестныхъ жителей.

Ихъ было не болѣе трехъ на каждомъ ямѣ: ямщикъ, т.-е. начальникъ станціи, дьячокъ—письмоводитель, и дворникъ—завѣдующій хозяйствомъ яма. Они то и должны были „на яму стряпати". Они избирались всей округой, городскими и сельскими ея обывателями. Избирались ямщики и изъ посадскихъ людей, и изъ крестьянъ. По избраніи, ихъ отправляли въ Москву, къ казначеямъ великаго князя; казначеевы дьяки приводили избранныхъ къ крестному цѣлованію, давали имъ на ямской расходъ государевы деньги и отпускали ихъ на ямъ; изъ даваемыхъ имъ въ Москвѣ денегъ, ямщики платили очереднымъ, выставлявшимъ подводы, по три деньги за десять верстъ съ подводы. Плата эта называлась прогоны.

Каждый годъ ямщики представляли въ Москву въ казну отчетъ, который строго провѣрялся.

Окрестное населеніе, доставлявшее на ямы кормъ и подводы съ проводниками для проѣзжихъ царскихъ пословъ и

гонцовъ, обязано было еще расчищать дороги, строить и чинить мосты и гати, а также и ямскіе дворы. Затѣмъ со всего тяглаго населенія въ государствѣ собирался на ямское дѣло особый сборъ, носившій названіе ямскихъ денегъ.

Каждый ямъ состоялъ изъ ямского двора, т.-е. станціи, гдѣ содержались выставленныя населеніемъ подводы, и откуда отправлялись проѣзжіе. Ямской дворъ состоялъ изъ нѣсколь-

Поромъ подъ Вышнимъ Волочкомъ.
(Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга).

кихъ избъ, сѣнниковъ, амбаровъ и конюшенъ, обнесенныхъ заборомъ или плетнемъ.

Къ каждому яму нарѣзывалась земля подъ пашню и для сѣнокоса. Земля эта находилась въ пользованіи ямщиковъ, но только пока они служили ямщиками. Пользованіе землей шло, такъ сказать, въ жалованье ямщикамъ за службу. Кромѣ земельныхъ надѣловъ, ко многимъ ямамъ были приписаны деревни, доходъ съ которыхъ шелъ ямщикамъ вмѣсто жалованья.

Пользоваться ямскими подводами и кормомъ на ямахъ дозволялось только по особой подорожной. Подорожныя выда-

вались только посламъ, гонцамъ и ѣздокамъ по казенной надобности. Вотъ, напримѣръ, подорожная, выданная въ 1493 году подьячему Елкѣ: „Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси. Отъ Москвы по дорогѣ, по нашимъ землямъ, по Московской землѣ и по Тверской землѣ по Твери, по ямамъ ямщикамъ: Послалъ еси съ мазовецкимъ посломъ съ Иваномъ въ приставахъ Елку подьячаго, и вы бы Елкѣ давали на посла по семи подводъ отъ яму до яму, а ему по двѣ подводы, а кормъ бы давали ему на яму (перечисляется, что именно). А отъ Твери Тверцею рѣкою всѣмъ людямъ безъ отмѣны до Торжка, а въ Торжокъ старостѣ и всѣмъ городнымъ людямъ, а отъ Торжка до Волочка, а на Волочкѣ старостѣ и всѣмъ крестьяномъ, а отъ Волочка Мстою рѣкою до Великаго Новгорода всѣмъ людемъ, чей бы кто ни былъ, чтобы всѣ ему, Елкѣ подьячему, давали судно и гребцовъ и кормщика. А гдѣ имъ прилучится стать, и вы бы имъ давали кормъ на стану по сей грамотѣ. А отъ Новгорода по Новгородской землѣ и до Пскова по ямамъ ямщикамъ и всѣмъ людямъ безъ отмѣны, чей кто ни буди, чтобы давали Елкѣ подьячему на посла на мазовецкаго по семи подводъ да кормъ, какъ въ сей грамотѣ сказано; а гдѣ имъ будетъ надобно судно, и вы бы имъ давали судно и гребца. А какъ пойдетъ Елка подьячій назадъ изъ Пскова, и вы бы ему давали по двѣ подводы отъ яму до яму и до Москвы по сей моей грамотѣ“.

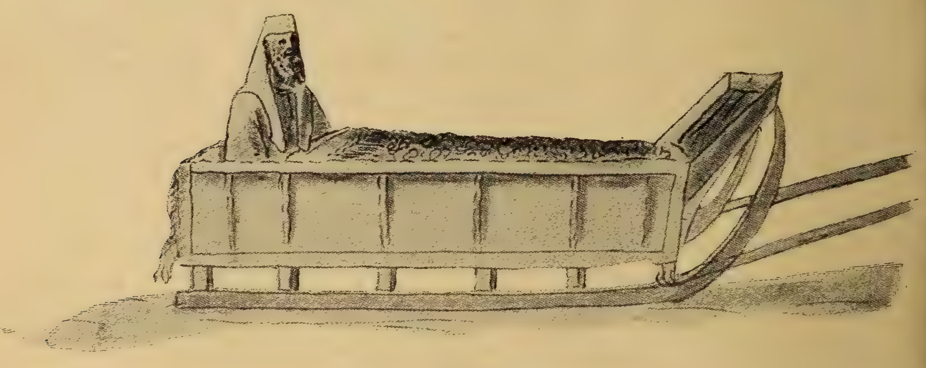
Подчинены ямщики были намѣстнику того города, въ области котораго пролегла дорога, гдѣ ямщики держали гоньбу. Общимъ распорядкомъ ямской гоньбы вѣдалъ въ Москвѣ одинъ изъ велико-княжескихъ казначеевъ съ состоявшими при немъ ямскими дьяками.

Благодаря такому устройству, достигалась извѣстная быстрота и обезпеченность путешествія. По словамъ Герберштейна, посла германскаго императора, посольство, во главѣ котораго онъ стоялъ, ѣхало отъ яма до яма, мѣняя на каждомъ лошадей довольно быстро. Изъ Новгорода въ Москву, т.-е.

разстояніе около 500 верстъ, служитель Герберштейна проѣхалъ въ 72 часа.

Лошадей на ямахъ было много: ямщики приводили, по первому требованію, 30, 40, а то и 50 лошадей.

Такое устройство достигало своей цѣли и тѣмъ, что создавало постоянную и опредѣленную связь окраинъ государства съ его центромъ, но самое устройство этой связи, взваленное, какъ обязательная повинность, на народъ, вызывало много недоразумѣній и было тяжело. Народу приходилось много платить ямскихъ сборовъ, а уплачиваемые правительствомъ прогоны за подводы были малы. Трудъ и время, которые обыватель тратилъ на перегонъ, стоили ему самому

Сани.

дороже. Затѣмъ было очень много злоупотребленій со стороны ямщиковъ: брать силой лишній кормъ и лишнія подводы, задерживать подводы на ямахъ, вымогать съ подводчиковъ деньги, заставлять ихъ работать на себя, — все это ямщики продѣлывали очень часто.

Народъ жаловался на ямщиковъ. Правительство посылало разбирать эти жалобы особыхъ слѣдователей, грозило ямщикамъ взысканіемъ съ нихъ убытковъ, показанныхъ жалобщиками, вдвойнѣ, но это все мало помогало дѣлу, а, межъ тѣмъ, ростъ и развитіе движенія по дорогамъ вызывали все большую нужду въ упорядоченіи ямской гоньбы.

Тогда, съ конца XVI вѣка, правительство стало заботиться о томъ, чтобы снять съ народа ямскую повинность и, собирая только ямскія деньги, устроить гоньбу иначе.

Съ этой цѣлью во второй половинѣ XVI вѣка стали устраивать при ямахъ слободы, населяя ихъ охотниками,

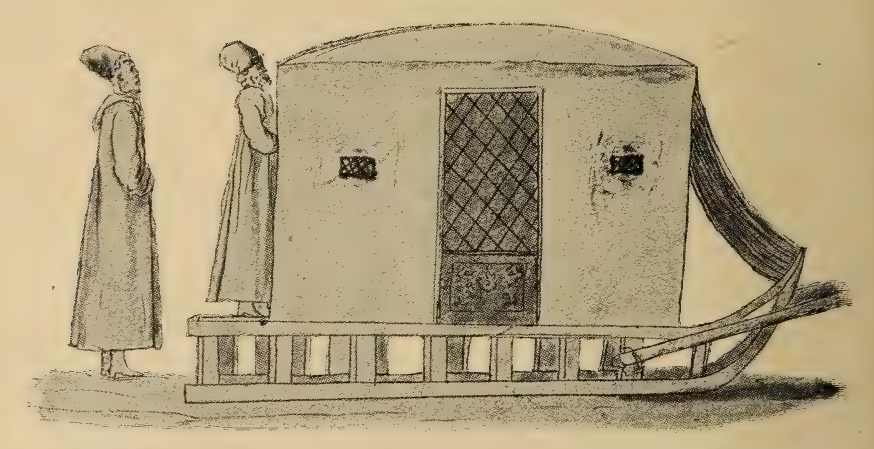

(Съ рисунка въ путешествіи Олеарія).

которые брались за извѣстный надѣлъ землей и подмогу деньгами, лошадьми и т. п. гонять по дорогѣ отъ яма до яма по первому требованію. Гдѣ не являлось охотниковъ добровольныхъ, тамъ населеніе должно было выставить охотниковъ изъ своей среды.

Слободы ямщиковъ,—теперь ужъ это званіе получаетъ не начальникъ яма, а тѣ, кто ведутъ самую гоньбу, — размѣщались одна отъ другой на разстояніи отъ 30 до 100 верстъ. Во главѣ ямской слободы стояли приказчикъ и староста. Приказчикъ назначался отъ правительства: это былъ начальникъ яма. Староста избирался ямщиками и вѣдалъ, подъ наблюденіемъ приказчика, самый распорядокъ гоньбы, велъ загонныя книги, присутствовалъ на судѣ въ городѣ, какъ представитель ямщиковъ и т. д. Приказчикъ былъ судьей для ямщиковъ его яма и ихъ начальникомъ.

Ямскіе старосты, дворники и дьячки были выборными, и избиратели-ямщики ручались круговой порукой передъ правительствомъ за своихъ избранниковъ, а сами избранные принимали присягу въ томъ, что они, „будучи у ямского дѣла, станутъ собирати въ ямскую гоньбу деньги и записывати въ приходную книгу вправду; лишнихъ денегъ напрасно имъ не сбирать и въ расходъ лишка не приписывать, и самимъ имъ тѣмъ не корыствоваться, а мірскимъ людямъ въ томъ напрасныя продажи и убытки не чинить“.

Большая повозка или карета на саняхъ, въ какихъ выѣзжали жены знатныхъ бояръ.

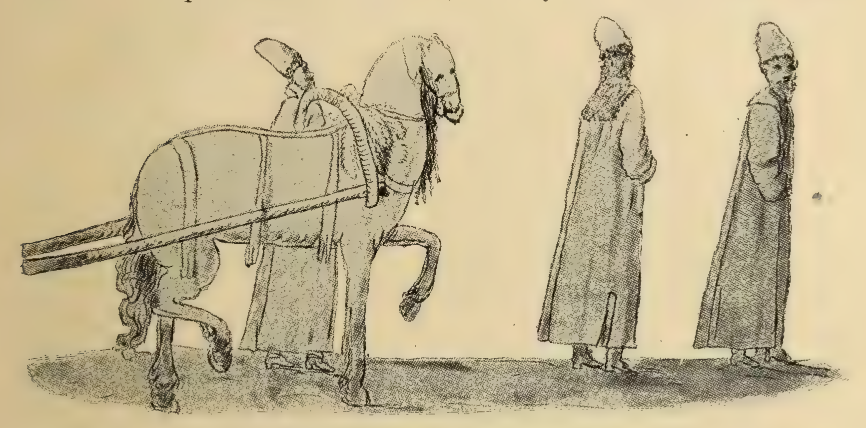
Ямскія разгоночныя книги должно было доставлять попрежнему каждый годъ въ Москву для провѣрки.

Ямщики или ямскіе охотники не несли никакой службы, кромѣ ямской, не платили никакихъ податей и не исполняли никакихъ повинностей, нести и исполнять которыя приходилось городскимъ и уѣзднымъ людямъ; судились они только у своихъ судей или у ямского судьи въ Москвѣ. Кромѣ доходовъ съ нарѣзанной имъ земли, которую они обрабатывали въ свободное отъ гоньбы время, ямщики получали еще прогоны—тѣ же три деньги за 10 верстъ на под-

воду, которыя получалъ прежній подводчикъ изъ обывателей.

Для гоньбы каждый ямщикъ держалъ обыкновенно тройку лошадей и, если не было казенной работы, могъ брать частную, возить всякихъ проѣзжихъ людей и купцовъ.

Чтобы проѣзжіе по казенной надобности не могли обременять ямщиковъ требованіями лишнихъ лошадей и подводъ и задержками на станахъ, было установлено, сколькими

(Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга).

подводами долженъ пользоваться тотъ или иной чинъ. Такъ, напримѣръ, митрополиты имѣли право на 20 подводъ, а игумены—на 5; стольники и дворяне московскіе—на 10 подводъ, а мелкіе чиновники и гонцы — на одну. Да и то требовать подводы всякій чинъ могъ только по особой грамотѣ отъ воеводы или изъ Ямского приказа.

Въ исключительныхъ случаяхъ, во время царскихъ выѣздовъ или въ военное время, когда ямскихъ лошадей нехватало, предписывалось посадскимъ и уѣзднымъ людямъ, а также и монастырямъ, давать ямщикамъ подмогу лошадьми и подводами.

Ямщикъ выѣзжалъ лѣтомъ на небольшой телѣгѣ, запряженной въ одну лошадь, а зимой — на небольшихъ саняхъ,

тоже въ одну лошадь, или въ нѣсколько, запряженныхъ гусемъ.

Ямщикъ садился обыкновенно въ ногахъ у своего пассажира, а проводники—верхомъ на лошадей, спуская ноги межъ оглоблей. Подъѣзжая къ яму, ямщикъ оглушительно свистѣлъ, возвѣщая этимъ свистомъ о своемъ прибытіи и требуя подводу на смѣну.

Торжественный выѣздъ великаго князя.

Нарядъ ямщика состоялъ изъ зипуна лазореваго или синяго цвѣта, шапки съ краснымъ или вишневымъ верхомъ, кушака съ ножомъ. Поверхъ зипуна надѣвался въ зимнее время теплый кафтанъ.

Экипажъ, упряжь, самая лошадь—не отличались красотой и удобствомъ. Этого не позволяли тогдашнія дороги, которыя и въ XVII вѣкѣ находились въ томъ же первобытномъ со-

стояніи. Одолѣть тогдашнюю русскую дорогу только и могла не ладно скроенная, да крѣпко сшитая деревянная русская телѣга. Ничего, что она тряска и неудобна, зато она вся деревянная: сломается такой экипажъ среди безлюдной дороги, слѣзетъ ямщикъ, достанетъ топоръ и тутъ же въ лѣсу вырубитъ новую ось или чеку. Желѣзныхъ частей въ тогдашнемъ экипажѣ нужда заставляла имѣть какъ можно меньше—

(Съ рисунка въ альбомѣ Мейерберга).

желѣзо было дорого, а сломанныя желѣзныя части чинить было негдѣ.

Несмотря на тяжесть дороги и экипажа, ямщики должны были ѣздить одинаково быстро и зимой и лѣтомъ. При плохомъ состояніи дорогъ, конечно, лошади быстро „безножили“: „сходитъ двожды или трожды, а впредь и не будетъ“, жаловались тогдашніе ямщики. Плохо выдерживали такую дорогу и экипажи. За упалыхъ лошадей и испорчен-

ныя телѣги ямщикамъ, правда, туго, но выдавались подможныя деньги.

Иностранцы, имѣвшіе дѣло съ ямщиками, упрекаютъ ихъ въ наклонности къ воровству. У проѣзжихъ то и дѣло пропадали при смѣнахъ мелкія вещи. Да и вообще тогдашніе ямщики доброй нравственностью не отличались: это былъ пьяный и разгульный народъ, выросшій на большой дорогѣ, никогда не чуждавшійся унести то, что плохо лежитъ, подвести проѣзжаго подъ ножъ и кистень разбойника, съ которымъ самъ ямщикъ иной разъ находился въ долѣ.

Присутственнымъ мѣстомъ слободы былъ ямской дворъ, значительно теперь расширившійся. При ямскомъ дворѣ въ XVII вѣкѣ стоитъ обыкновенно постоялый дворъ, дворъ приказчиковъ и дворъ дьячковъ, т.-е. письмоводителей. Дворниковъ, т.-е. теперь уже просто служителей, при ямскомъ дворѣ XVII вѣка состоитъ тоже нѣсколько человѣкъ.

Каждая слобода имѣла свое „пятно", т.-е. свой знакъ, родъ герба, которымъ мѣтились лошади слободы. Такъ, на Бронницкомъ яму пятно было—волкъ, ставившійся на лѣвой задней ногѣ лошади; на Заячевскомъ яму пятно изображало зайца, на Крестецкомъ — летучаго змѣя, на Яжелбицкомъ— даже слона. Пятно называлось: „Государево казенное пятно". Обычная плата на ямскихъ лошадей была 6 денегъ за 10 или за 20 верстъ, смотря по состоянію дороги. Къ концу XVII в. твердо установилась плата 3 копейки за 10 верстъ.

Ямскихъ денегъ собиралось съ населенія въ половинѣ XVII вѣка до 5.000 тогдашнихъ рублей, т.-е. около 85.000 теперешнихъ. Весь этотъ сборъ уходилъ на жалованье ямщикамъ и на выплату имъ прогоновъ.

Для управленія всѣмъ дѣломъ ямской гоньбы въ Москвѣ былъ созданъ Ямской приказъ, по - нашему Министерство Путей Сообщенія.

Во главѣ приказа стоялъ судья его—„бояринъ, да думный дворянинъ, да два дьяка", какъ читаемъ у современника, Григорія Котошихина.

При воеводахъ большихъ окружныхъ городовъ состояли управленія мѣстными ямами съ ямскимъ дьякомъ и ямскимъ приказчикомъ во главѣ. Ямы всей округи были подчинены ему и чрезъ него сносились съ Ямскимъ приказомъ въ Москвѣ.

Содержаніе самыхъ дорогъ было возложено, по Уложенію 1649 г., на придорожное населеніе, при чемъ строго было расписано, кому гдѣ, какъ, въ какихъ случаяхъ „гати, мосты и плотины починивати, чтобы на тѣхъ мостахъ и гатѣхъ проѣзжимъ всякимъ людемъ ни за чѣмъ простою и задержанія и убытковъ не было“. Устройство на рѣкахъ плотинъ и рыбныхъ ловель, мѣшающихъ судоходству, строго запрещалось какъ и запашка дороги.

Правительство строго требовало, чтобы всѣ обыватели ѣздили по „пошлымъ“ дорогамъ и не смѣли прокладывать мимо ихъ иныхъ путей. Требовалось это въ цѣляхъ полицейскихъ и казенныхъ. Передъ каждымъ городомъ, при въѣздѣ въ него и выѣздѣ, а также передъ большими перевозами, стояли караулы, слѣдившіе за проѣзжими и строго опрашивавшіе, кто куда ѣдетъ и зачѣмъ. Если проѣзжій не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы или просто казался подозрительнымъ, его хватали, сажали въ „темную“ при ямѣ, а потомъ пересылали въ городъ къ воеводѣ и отпускали только тогда, когда убѣждались, что онъ дѣйствительно то лицо, за какое выдаетъ себя. Поле для всякихъ вымогательствъ было тутъ обширное, и проѣзжему приходилось на своемъ пути не разъ тряхнуть мошной, чтобы несокрушимымъ доказательствомъ въ видѣ денежной подачки удостовѣрить свою личность передъ слишкомъ навязчивымъ стражемъ.

Во время эпидемій и повѣтрій по дорогамъ Московскаго государства разставлялась особенно усиленная стража, ограждавшая живой стѣной неблагополучныя по болѣзни мѣстности.

Въ такихъ случаяхъ останавливалось всякое движеніе по дорогѣ. Тѣхъ, кто пробовалъ проникнуть въ заразную мѣст-

ность или выѣхать изъ нея, а также тѣхъ, кто думалъ проѣхать по незнанію, хватали и сжигали безжалостно съ экипажемъ, со всей кладью, съ лошадью. Часты такіе случаи не были, конечно, но и единичными ихъ назвать нельзя. Дошедшіе до насъ царскіе указы грозятъ смертною казнью всякому, кто въ заразное время будетъ пытаться пройти тайно сквозь заставу и будетъ на томъ пойманъ. Казнью же указы грозили и нерадивымъ стражамъ.

Въ новгородской лѣтописи подъ чумнымъ 1551 годомъ записано: „былъ кличъ въ Новгородѣ (благополучномъ еще по чумѣ) о пріѣзжихъ псковскихъ (гдѣ чума уже свирѣпствовала), чтобы всѣ они ѣхали вонъ тотчасъ изъ Новгорода съ товарами своими; а поймаютъ псковича на другой день въ Новгородѣ съ товаромъ, то, выведши его за городъ, сжечь его съ товаромъ и съ телѣгой, а найдутъ псковича у кого во дворѣ, то хозяина двора бить кнутомъ, а псковича сжечь. И была застава на псковской дорогѣ, чтобы купцы съ товарами не ѣздили ни изъ Пскова въ Новгородъ, ни изъ Новгорода въ Псковъ“. Когда моръ охватилъ большое пространство, такія заставы были поставлены по всѣмъ дорогамъ.

Обыватели, однако, плохо понимали пользу подобныхъ мѣръ, а на исключительную строгость отвѣчали тѣмъ, что, спасаясь отъ мора, пробивались сквозь заставы силой, вооруженные, а самыя заставы жгли и сторожей избивали.

Ставили по дорогамъ заставы и для того, чтобы не пропускать въ страну лишнихъ слуховъ: извѣстенъ случай, когда царь Борисъ, при вѣсти о первомъ самозванцѣ, оцѣпилъ стражей всю литовскую границу, и не стало тогда ни проходу, ни проѣзду мимо строгихъ „сыщиковъ“.

Кромѣ такихъ случайныхъ и временныхъ полицейскихъ заставъ, старинную русскую дорогу пересѣкали еще постоянныя заставы, на которыхъ собирали съ проѣзжихъ и съ везшихъ различные товары многочисленные казенные сборы. Эти заставы тоже располагались у въѣзда и выѣзда городовъ, у крупныхъ селеній, у мостовъ, у перевозовъ—и всюду про-

ѣзжій долженъ былъ платить. Особенно тяжело приходилось отъ этихъ сборовъ торговымъ людямъ.

Брали проѣзжую пошлину и съ товаровъ, и съ самихъ проѣзжихъ. Каждая проѣзжая пошлина имѣла свое названіе. Главнѣйшей такой пошлиной былъ „мытъ“—сухой и водяной. Эта пошлина собиралась съ возовъ (сухой мытъ) и съ судовъ (водяной мытъ) съ товарами. Мытъ — одна изъ самыхъ древнихъ, извѣстныхъ намъ, пошлинъ; назывался этотъ сборъ также подужнымъ, полозовымъ (полозья, т.-е. съ саней) и просто мытомъ съ возовъ и саней. По отношенію къ судамъ этотъ сборъ носилъ названіе посаженнаго, если брали съ длины судна, носовымъ, побережнымъ (т.-е. за причалъ) и т. п.

Если торговый человѣкъ хотѣлъ объѣхать заставу, чтобы избѣжать платежа, его хватали и заставляли платить „промытъ“ и заповѣдь, т.-е. усиленную пошлину съ товаровъ и штрафъ.

Мытникъ, т.-е. чиновникъ, собиравшій этотъ сборъ, долженъ былъ неотлучно находиться при заставѣ; иначе, въ случаѣ его отсутствія, купецъ могъ проѣхать заставу мимо, не уплативъ ничего. Догонитъ его тогда мытникъ—получитъ свой сборъ, но уже безъ штрафу, а не догонитъ—дѣло пропало, придется ему самому отвѣчать спиной передъ начальствомъ да еще заплатить то, что не удалось взять съ проѣзжаго.

Кромѣ казенныхъ мытовъ проѣзжему торговому человѣку, особенно въ XIV, XV и даже XVI вв., сильно досаждали мыты частныхъ лицъ. Поставитъ какой-нибудь обыватель придорожнаго участка у труднаго переѣзда или у построеннаго имъ моста, порома и т. п. свою заставу да и собираетъ съ проѣзжихъ, сколько хочетъ.

Съ проѣзжихъ безъ товаровъ, такъ же какъ и съ купцовъ при товарѣ, брали по дорогамъ на казенныхъ заставахъ пошлины, которыя носили названіе „головщины“, „заднихъ колачей“ и „костки“.

„Головщину“ собирали съ каждаго человѣка при возѣ или на суднѣ при проѣздѣ мимо городовъ или торжковъ и

при прибытіи въ городъ или торжокъ. „Задніе колачи“ собирали съ купцовъ, возвращавшихся обратно съ торга: это былъ своего рода гостинецъ, который расторговавшійся купецъ вносилъ въ казну.

„Костка“ была сборомъ въ родѣ головщины, но съ такой разницей, что ее брали на каждой не только большой, но и малой заставѣ.

Затѣмъ всѣ торговые и не торговые проѣзжіе должны были уплачивать при проѣздѣ по мостамъ и черезъ рѣки на поромахъ „мостовщину“ и „перевозы“. Правительство отдавало обыкновенно всѣ эти сборы на откупъ желающимъ сбирать ихъ. Откупщики вносили въ казну опредѣленную сумму и получали право собирать ее, обыкновенно годъ, съ проѣзжихъ.

Когда добровольныхъ откупщиковъ не находилось, правительство приказывало взять сборъ на откупъ кому-либо изъ окрестныхъ богатыхъ жителей, указывало сумму, какую долженъ этотъ мытъ дать въ годъ, и недоборъ взыскивало съ невольнаго откупщика. Нечего и говорить, къ какому обилію всякихъ злоупотребленій и недовольствъ приводило все это устройство. Торговые люди XVI и XVII вв. постоянно и неотступно жаловались на такой порядокъ сбора проѣзжихъ пошлинъ и указывали на ихъ разорительное обиліе.

Въ 1654 г. правительство само признало, что, дѣйствительно, „тіи откупщики врази Богу и человѣкомъ, а немилосердіемъ ревнуютъ прежнимъ окаяннымъ мытаремъ и прочимъ злодѣемъ; сидятъ по мытамъ и по мостамъ на дорогахъ, берутъ съ товаровъ проѣзжую пошлину, и мытъ, и мостовщину не по указу, а лишнее, воровски, и придираются къ проѣзжимъ торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ своимъ злымъ умысломъ напрасно, и правятъ на тѣхъ людяхъ промытныя деньги и задерживаютъ ихъ, и отъ того имъ въ торгахъ ихъ чинится безторжица и убытки великіе; торговые люди торговыхъ промысловъ отбыли, и

иные многіе обѣднѣли, межъ дворъ скитаются, и податей взять стало не на комъ и службъ служить некому, а откупщики и мытники тѣми богоненавистными откупы прибытки себѣ чинятъ многіе, и міръ въ томъ ихъ промыслѣ погибаетъ“.

Признавая все это, правительство запретило въ 1654 г. отдавать на откупъ и собирать проѣзжія пошлины и замѣнило всѣ проѣзжія мелкія пошлины одной рублевой пошлиной, которую стали взимать при продажѣ товаровъ.

Это распоряженіе избавило проѣзжихъ людей отъ частыхъ остановокъ и произвольныхъ задержекъ на пути со стороны всякихъ сборщиковъ и упорядочило и самый сборъ. Устроивъ его по городамъ, правительство этимъ самымъ получило большую возможность наблюдать за его вѣрностью и правильностью.

Остались только и въ XVII в. мостовщина и перевозъ.

Такъ выглядѣла большая дорога въ московское время и таковы были условія жизни и движенія на ней.

Надо признать, что такое состояніе путей сообщенія не могло способствовать усиленію движенія по обширному пространству страны, провозу товаровъ и разъѣздамъ людей. Жизнь застаивалась. Люди привыкали сидѣть на мѣстѣ и довольствоваться тѣмъ, что они на мѣстѣ получали для прожитка. Поѣхать куда-нибудь для русскаго человѣка и теперь цѣлое предпріятіе, вызывающее массу осложненій, кажущихся трудными, а тогда это, дѣйствительно, было трудно и опасно и, кажется, до такой степени, что память объ этихъ трудностяхъ и опасностяхъ надолго пережила ихъ и сказывается еще и теперь въ характерѣ русскаго человѣка, какъ тогдашняя деревянная Русь чувствуется и сказывается въ приземистыхъ сѣрыхъ деревянныхъ постройкахъ современныхъ глухихъ уѣздныхъ городковъ, а большая дорога XVI и XVII вѣковъ находитъ яркое отраженіе въ любомъ современномъ проселкѣ, который повинуется своими извилинами каждому встрѣчному препятствію въ родѣ пригорка или оврага и часто безпомощно

упирается въ болѣе или менѣе широкую рѣку, съ которой снесло полой водой мостъ, или никакъ не докличешься поромщика, спокойно оставившаго свой поромъ и ушедшаго на деревню въ надеждѣ, что, дескать, авось, сегодня никто не поѣдетъ...

Составлено по сочиненіямъ: *Н. Аристова*, „Промышленность древней Руси“; *И. Гурляндъ*, „Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ до конца XVII вѣка“; *Гр. Дм. Толстого*, „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи“; *Е. Осокина*, „Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи“; *А. С. Николаева*, „Общій очеркъ развитія русскихъ путей сообщенія до конца XVII в.“.

Заставка—съ рукописи Кормчей XIII в.

Великая розруха Московскаго государства.

Въ 1584 году скончался царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Онъ оставилъ тяжелое наслѣдіе своимъ пре-

емникамъ. Все государство было въ разстройствѣ. Задумавъ пробиться къ Балтійскому морю, чтобы открыть свободный путь для мирныхъ сношеній съ Западомъ, царь Иванъ потерпѣлъ неудачу въ этомъ намѣреніи. Борьба съ Польшей оказалась не подъ силу московскому царю. Война длилась безъ малаго 20 лѣтъ и стоила страшныхъ потерь людьми и деньгами, не говоря уже о тѣхъ уступкахъ землей, какія пришлось сдѣлать въ пользу побѣдителей. Занятый войной на западной границѣ, царь Иванъ не могъ достаточно зорко оберегать границы южную и восточную. На югѣ онъ поплатился за это страшнымъ нашествіемъ крымцевъ, достигшихъ до Москвы, испепелившихъ ея посады и уведшихъ въ Крымъ десятки тысячъ русскихъ плѣнниковъ, на восточной границѣ взбунтовались черемисы, волновалась вся такъ недавно замиренная Казанская земля.

Занятый на войнѣ народъ не могъ достаточно тщательно и спокойно обрабатывать землю, а это при вообще невысокихъ способахъ обработки порождало голодовки, голодъ же велъ за собой своего неизмѣннаго спутника — моръ. Такъ, осенью 1552 г. въ одномъ лишь Новгородѣ по его волостямъ вымерло безъ малаго 300.000 человѣкъ. Въ 1567 году напали на хлѣбъ тучи „мыши малой“ и не оставили ни одного колоса, истребили хлѣбъ въ житницахъ и закромахъ. Послѣдствіемъ были страшный голодъ и моръ.

Къ этимъ физическимъ бѣдствіямъ присоединились еще тотъ разладъ и смута среди московскихъ людей, которые создались вслѣдствіе особенностей управленія во времена Грознаго и всего склада государственной жизни, какъ онъ опредѣлился къ концу XVI в. Царь Иванъ всю жизнь свою боролся съ воспоминаніями о прежнихъ удѣльныхъ временахъ, которыя казались многимъ лучшими подъ гнетомъ государственныхъ нуждъ московскихъ временъ. Съ цѣлью искоренить эти воспоминанія, царь Иванъ учредилъ опричнину.

Удѣльныя воспоминанія были особенно дороги потомкамъ прежнихъ удѣльныхъ князей, — боярамъ-княжатамъ, слугамъ

государя всея Руси. Эти бояре-княжата владѣли огромными имѣньями въ областяхъ, составлявшихъ когда-то княжества ихъ предковъ. На земляхъ ихъ жилъ народъ, тоже помнившій, что когда-то эти бояре были князьями, владѣтелями этихъ мѣстностей. Это воспоминаніе поддерживалось тѣмъ, что за многими княжатами оставалось нѣкоторое право суда въ бывшихъ областяхъ ихъ предковъ и еще кое-какія преимущества.

Царь Иванъ, заведя свой особый опричный дворъ, прежде всего лишилъ на дѣлѣ бояръ-княжатъ преимущественнаго положенія, какъ первыхъ совѣтниковъ государя, введя въ Думу людей менѣе родовитыхъ. Но Боярская Дума тѣмъ не менѣе продолжала управлять государствомъ. Члены ея попрежнему пополнялись изъ наиболѣе знатныхъ и родовитыхъ семей; царь Иванъ, запершись въ своей Александровской слободѣ и повидимости, предоставивъ Думѣ свободу, на дѣлѣ заставлялъ ее, чрезъ покорныхъ ему думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ поступать такъ, какъ то было нужно ему. Затѣмъ царь Иванъ постарался обезсилить княжатъ. Онъ отобралъ у нихъ въ опричнину ихъ родовыя наслѣдственныя земли и далъ имъ взамѣнъ земли совсѣмъ въ противоположныхъ мѣстностяхъ. Всякое подозрѣніе, что тотъ или иной изъ бояръ-княжатъ помнитъ слишкомъ усердно прошлое, влекло за собой сыскъ, пытки и казнь. Цѣлые города, старинные враги Москвы, какъ Новгородъ и Тверь, испытали на себѣ тяжелую руку царя Ивана, усматривавшаго „измѣну" часто тамъ, гдѣ ея не было.

Иностранцы, наблюдавшіе тогдашнюю русскую жизнь, не ждали добра въ будущемъ для Руси. Одинъ изъ нихъ прямо записалъ, что жестокіе поступки Ивана IV такъ потрясли все государство и до того возбудили общій ропотъ и непримиримую ненависть, что добромъ все это кончиться не можетъ. У другого иностранца читаемъ такую общую характеристику настроенія тогдашнихъ русскихъ людей: „Во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не до-

вѣрялъ своему ближнему, цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали проценты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму и, кромѣ того, бралъ 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, то пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о нестерпимомъ и глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и распутствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось и въ высшихъ и въ низшихъ сословіяхъ“.

Жилось, слѣдовательно, на Руси плохо: не только тѣлу, но и душой отдохнуть было не на чемъ. Излюбленнымъ исходомъ отъ такой тяготы московскіе люди избрали себѣ бѣгство. Большой знатный бояринъ бѣжалъ въ сосѣднюю Польшу, человѣкъ помельче, средній и мелкій служилый, направлялся туда же или въ Швецію. Самъ царь Иванъ, потрясенный постоянными бѣдствіями и неудачами, мечталъ о переселеніи въ Англію и даже завелъ объ этомъ переговоры съ англійскимъ правительствомъ. Люди меньшіе — посадскіе и крестьяне — такихъ дальнихъ мѣстъ не знали: имъ бы только укрыться отъ помѣщиковъ да сборщиковъ податей, поэтому желаннымъ мѣстомъ было для нихъ такое, гдѣ не водилось ни тѣхъ, ни другихъ. Такое приволье давали имъ степи, низовья Волги и Дона, гдѣ бѣглые собирались въ таборы, становились казаками, заводили свои станицы, выбирали себѣ атамановъ и жили охотою, рыбной ловлею, а кто поудалѣе — разбоемъ. Шайки разбойниковъ осѣли по всѣмъ московскимъ дорогамъ — не было отъ нихъ ни проходу, ни проѣзду. Царскіе воеводы разгоняли эти шайки, но онѣ набирались вновь и все больше и больше наполняли казачьи станицы по Волгѣ и Дону. Конечно, многимъ казакамъ не по душѣ была ихъ разбойничья жизнь, и они спали и видѣли, какъ бы вернуться на родину, но только не на прежнюю тяготу. Они зорко слѣдили поэтому за тѣмъ, что творилось на

Москвѣ, и были готовы по первымъ признакамъ облегченія нахлынуть на оставленныя мѣста и зажить снова на нихъ.

Итакъ, въ воздухѣ пахло грозой. Все въ Московскомъ царствѣ было смущено и недовольно, хотя все еще держалось крѣпкой царской властью. Но скоро поколебалась и эта крѣпкая опора. Въ 1581 г. царь Иванъ, въ припадкѣ ярости, ударомъ желѣзнаго костыля положилъ бездыханнымъ на мѣстѣ своего старшаго сына, царевича Ивана.

Наслѣдникомъ Грознаго сдѣлался тогда второй его сынъ, царевичъ Ѳеодоръ. Царь Ѳеодоръ не имѣлъ никакой охоты царствовать. Былъ онъ очень богомоленъ и больше всего любилъ собственноручно трезвонить въ колокола да тѣшить себя играми шутовъ и скомороховъ, „всячески избывая мірской суеты и докуки“, какъ замѣчаетъ о немъ современная лѣтопись. Царь Иванъ сознавалъ неспособность своего сына къ правленію, и потому предъ смертью назначилъ Ѳеодору помощниковъ въ дѣлѣ управленія государствомъ изъ числа знатнѣйшихъ и наиболѣе способныхъ своихъ сотрудниковъ— числомъ пятерыхъ. Шуринъ царя Ѳеодора, Борисъ Годуновъ, назначенный царемъ Иваномъ тоже въ число помощниковъ Ѳеодору, сумѣлъ понемногу и постепенно оттѣснить отъ царя другихъ опекуновъ и самъ сталъ править царствомъ отъ имени зятя. Борисъ правилъ умно и осторожно, такъ что „состояніе всего Московскаго государства,— какъ свидѣтельствуетъ современникъ-иностранецъ,— улучшалось и увеличивалось“.

„Московія,— пишетъ онъ,— совершенно опустошенная и разоренная вслѣдствіе страшнаго самовластія покойнаго царя Ивана и его чиновниковъ, теперь, благодаря преимущественно добротѣ и кротости царя Ѳеодора и также необыкновеннымъ способностямъ Годунова, стала оправляться и богатѣть“.

И Борисъ, дѣйствительно, старался облегчить тяготу, въ которой жило населеніе Московскаго государства. Онъ облегчалъ и освобождалъ отъ податей многія мѣстности на три, на пять и болѣе лѣтъ, много заботился о поднятіи торговли,

о безопасности путей сообщенія, объ улучшеніи полиціи, объ устраненіи всякаго рода злоупотребленій въ правительственныхъ дѣлахъ. Говорятъ, что онъ старался даже установить наименьшее количество рабочихъ дней для крестьянъ, жившихъ на земляхъ служилыхъ людей. Борисомъ, наконецъ, былъ изданъ указъ, сокращавшій срокъ сыска бѣглыхъ крестьянъ. Всѣ эти мѣры очень располагали къ Борису тогдашнихъ русскихъ людей. „Умилосердися Богъ Господь на люди своя и возвеличи царя и люди,—читаемъ въ одной современной записи, характеризующей время царя Ѳеодора и управленіе Бориса,—и дарова всяко изобиліе и немятежное на землѣ русской пребываніе. Начальницы же Московскаго государства, князи и бояре, и воеводы, и все православное христіанство начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити“.

Но скоро это „тихое и безмятежное житіе“ было смущено грозной вѣстью.

Послѣ царя Ивана остался еще сынъ, — малолѣтній Димитрій, сынъ пятой вѣнчанной жены царя Ивана Маріи Нагой. При бездѣтномъ царѣ Ѳеодорѣ его считали наслѣдникомъ престола. Вдругъ въ 1591 г. по Москвѣ промчалась вѣсть, что царевичъ Димитрій зарѣзанъ въ Угличѣ, гдѣ онъ жилъ, среди бѣла дня, и что угличане перебили убійцъ, такъ что не съ кого теперь снять допросъ, узнать, кѣмъ были подосланы убійцы. Посланные изъ Москвы слѣдователи донесли государю, что царевича не зарѣзали, а что онъ самъ зарѣзался, играя ножикомъ, когда его схватилъ припадокъ падучей болѣзни. Такъ дѣло и было предано волѣ Божіей.

Въ 1598 г. царь Ѳеодоръ умеръ, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ. Передъ московскими людьми вставалъ небывалый доселѣ вопросъ, кому быть на престолѣ великаго Россійскаго царствія?

Прежде всего заволновались люди придворныхъ круговъ. Естественно, что родовитые бояре-княжата, потомки прежнихъ удѣльныхъ князей, члены того же Рюрикова дома, что и московскіе цари, родъ которыхъ вымеръ, хотѣли видѣть

на престолѣ кого-либо изъ своей среды, изъ князей — рюриковичей Шуйскихъ или ольгердовичей Мстиславскихъ.

Родня покойныхъ государей Ѳеодора и Ивана по женамъ— Романовы и Годуновы — полагали, что по праву наслѣдства престолъ долженъ перейти въ ихъ среду. Пока что, объявили правительницей царицу, жену покойнаго царя, Ирину Ѳеодоровну, но она отказалась отъ правленія и постриглась въ

Монета съ изображеніемъ названнаго Димитрія.

монахини. Тогда взоры всѣхъ обратились на ея брата, правившаго царствомъ и при Ѳеодорѣ, Бориса Ѳеодоровича Годунова.

Всѣ остальные придворные, которые могли мечтать о престолѣ, должны были поникнуть передъ высокимъ положеніемъ, которое создалъ себѣ Борисъ еще при жизни царя Ѳеодора. Борисъ именовался при немъ даже въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами „правителемъ, слугой и конюшимъ бояриномъ и дворовымъ воеводой, содержателемъ великихъ государствъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго". Русскіе посланники при объясненіяхъ съ иностранцами особенно выдвигали и подчеркивали первенствующее положеніе Годунова при царѣ Ѳеодорѣ.— „Борисъ Ѳеодоровичъ не образецъ никому,—говорилъ посолъ князь Звенигородскій персидскому шаху,—у великаго государя нашего многіе цари, и

царевичи, и королевичи, и государскія дѣти служатъ, а у Бориса Ѳеодоровича всякой царь, и царевичи, и королевичи любви и печалованія къ государю просятъ; а Борисъ Ѳеодоровичъ

Названный Димитрій.
Съ современнаго портрета.

всѣми ими по ихъ челобитью у государя объ нихъ печалуетця и промышляетъ ими всѣми, потому что онъ государю нашему шуринъ, а великой государынѣ нашей братъ родной, и потому въ такой чести у государя живетъ“. Борисъ ссылался даже съ иностранными правительствами отъ своего имени и при-

нималъ пословъ съ церемоніаломъ, очень похожимъ на пріемъ пословъ самимъ государемъ. Послы же величали его „пресвѣтлѣйшимъ вельможествомъ“ и „пресвѣтлымъ величествомъ“.

Марина Мнишекъ.
Съ современнаго портрета.

Царь Өеодоръ скончался 7 января 1589 г. Въ февралѣ того же года состоялся въ Москвѣ Земскій Соборъ, единогласно назвавшій царемъ Бориса Өеодоровича.

У царя Бориса было много враговъ. Его избраніе стало поперекъ горла боярамъ-княжатамъ, считавшимъ, что престолъ всея Руси долженъ былъ перейти къ кому-либо изъ старѣйшихъ изъ нихъ по знатности и родовитости. Родственники царя Ивана по его первой женѣ Романовы, богатый московскій боярскій родъ, связанный родствомъ и дружбой со многими боярскими родами, указывалъ на свои права занять московскій престолъ. Ни Романовы, ни бояре-княжата не могли искренно признать Годунова царемъ, и вотъ нача-

Почеркъ названнаго Димитрія.

лась тихая, подземная и подпольная работа, ставившая себѣ цѣлью отнять престолъ у царя Бориса.

Съ самаго начала царствованія Бориса Өедоровича начали распространяться въ народѣ упорные слухи, что новый царь не безъ грѣха въ углицкомъ дѣлѣ, что это онъ подослалъ убійцъ къ царевичу Димитрію, желая очистить себѣ путь къ престолу. Въ настоящее время можно утверждать, что царь Борисъ не повиненъ въ этой крови, но тогда это обвиненіе находило себѣ сторонниковъ; потомъ стали говорить, что царь Борисъ самъ устроилъ свое избраніе на царство, раздавая щедрой рукой деньги, благо богатства его были несмѣтны, а власть велика: народъ-де палками заставляли кричать, чтобы выбирали Годунова, и многіе, повинуясь, полицейскому приказу, молить слезно, „глаза себѣ слюною мазали“, чтобы имѣть видъ плачущихъ и тѣмъ угодить начальству. Было много и другихъ слуховъ въ этомъ родѣ, стремившихся подорвать въ народѣ довѣріе къ новому царю.

Правительство царя Бориса отвѣтило на эту темную работу сыскомъ, пытками, казнями... Пострадалъ кое-кто изъ бояръ-княжатъ, были сосланы Романовы и многіе изъ ихъ родственниковъ.

Въ 1604 году вдругъ разнесся слухъ, что подосланные Борисомъ убійцы промахнулись, и въ Угличѣ былъ зарѣзанъ другой ребенокъ, а что настоящій царевичъ живъ, скрывается въ Польшѣ и думаетъ, какъ бы достичь ему до родительскаго престола, занятаго похитителемъ.

Слухи о живомъ Димитріи скоро оправдались. Съ шайкой польскихъ наемниковъ и русскихъ единомышленниковъ поя-

Печать и подпись Лжедимитрія II.
(Тушинскаго вора).

вился названный Димитрій на южной границѣ государства. Шайка его здѣсь скоро выросла въ войско, и царю Борису пришлось вести войну съ названнымъ Димитріемъ. Кто онъ былъ, — неизвѣстно. Самъ онъ искренно вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе и этой вѣрой заражалъ другихъ; былъ онъ человѣкъ смѣлый, отважный, умный и умѣлъ проявлять истинное царское достоинство какъ въ несчастіи, такъ и при удачѣ. Скоро въ его рукахъ очутился весь югъ государства. Царь Борисъ умеръ. Сынъ царя Бориса, Ѳеодоръ, погибъ отъ руки подосланныхъ изъ лагеря названнаго Димитрія убійцъ, взбунтовавшихъ Москву, и въ 1605 г. Москва приняла въ свои стѣны названнаго Димитрія, какъ своего царя, сына Грознаго.

Вокругъ новаго царя стали бояре-княжата и Романовы съ ихъ родней. Новый царь, въ упоеніи отъ своей удачи и власти, сознавая себя царемъ законнымъ, потомкомъ московскихъ государей, не считался съ боярствомъ и скоро поплатился за это, — былъ свергнутъ съ престола, убитъ и объявленъ самозванцемъ. Воспользовавшись неудачной выдумкой полиціи царя Бориса, нашли даже и „настоящее" имя самозванцу: объявили, что онъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, бѣглый монахъ Чудова монастыря. Распространявшіе этотъ слухъ и не подумали, что бѣглаго чудовскаго монаха узнали бы сразу въ Москвѣ тѣ, кто жилъ и дружилъ съ нимъ.

Бояре, свергнувшіе названнаго Димитрія, посадили на его мѣсто царемъ одного изъ наиболѣе знатныхъ и родовитыхъ людей своего круга, князя Василія Шуйскаго. Царемъ провозгласили Василія Шуйскаго его сотрудники въ борьбѣ съ „разстригою и поляками". Они пріѣхали въ Кремль, „взяли" князя Василія на Лобное мѣсто, нарекли его тамъ царемъ и пошли съ нимъ въ Успенскій Соборъ, гдѣ новый царь тотчасъ же цѣловалъ крестъ „всей землѣ" на томъ, что не будетъ злоупотреблять поручаемой ему властью. Все это было продѣлано по предварительному уговору князя Василія съ другими боярами. Они сообща сговорились по убіеніи названнаго Димитрія „общимъ совѣтомъ Россійское царство управлять", и тотъ, кто изъ нихъ будетъ царемъ, не долженъ мстить никому за прежнія досады. Итакъ, царь Василій получилъ власть изъ рукъ небольшого кружка лицъ, которыя воспользовались минутой и посадили его на царство.

Царь Василій тотчасъ по избраніи обратился съ особой грамотой къ землѣ. Въ грамотѣ этой онъ писалъ, что царемъ онъ учинился по праву рожденія, указывалъ на свое происхожденіе отъ Рюрика, называлъ московскій престолъ „отчиною прародителей нашихъ". Далѣе въ этомъ манифестѣ стояли необычныя слова: „хотимъ держати Московское государство по тому же, какъ прародители наши великіе государи

россійскіе цари, а васъ хотимъ жаловати и любити свыше прежняго и смотря по вашей службѣ; на томъ на всемъ язъ царь цѣловалъ животворящій крестъ всѣмъ людемъ Московскаго государства, а по которой записи цѣловалъ язъ, царь и великій князь, и по которой записи цѣловали бояре и вся земля, и мы тѣ записи послали къ вамъ"...

Въ этой записи царь Василій говоритъ:

„Божіею милостью я вступилъ на прародительскій престолъ по желанію духовенства и народа и по праву родового старшинства. Нынѣ я желаю, чтобы подъ моею властью православное христіанство пользовалось тишиной, покоемъ и благоденствіемъ. И потому „поволилъ есми язъ... цѣловати крестъ на томъ, чтобы мнѣ, великому государю, 1) всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати, 2) вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ, и у женъ, и у дѣтей не отымати, буде которые съ ними въ мысли не были, 3) также у гостей и у торговыхъ, и у черныхъ людей, хотя который по суду и сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отымати, буде съ нимъ они въ той винѣ невинны, 4) да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи... а кто на кого солжетъ, и, сыскавъ, того казнити, смотря по винѣ его".

На всемъ на томъ и цѣловалъ крестъ царь Василій. Выходило какъ будто, что царь присягалъ дѣлать то, что онъ, какъ царь, долженъ былъ бы дѣлать и безъ присяги. Поэтому-то и послышался въ церкви ропотъ, когда происходила эта присяга, которой царь, быть-можетъ, думалъ нѣсколько смягчить впечатлѣніе своего быстраго „избранія" на престолъ безъ слова „всея земли". Съ другой стороны, если припомнить, какъ много и сильно страдало отъ произвольныхъ казней и отобраній имущества боярство и высшее служилое сословіе во времена Грознаго и послѣдніе годы царя Бориса, то станетъ понятно, кому была особенно дорога эта клятва.

кто заставилъ новаго царя дать ее. Она давала много боярству, а остальные „чины“ Московскаго государства не получали ничего.

Все это, конечно, пошло не на пользу „боярскому“ царю. Прежде всего и въ самомъ боярствѣ за Шуйскаго были только бояре-княжата, явно противъ него были настроены Романовы съ ихъ партіей и другіе бояре, какъ изъ младшихъ княжатъ, такъ и изъ не-княжескихъ родовъ. Начались интриги, буйные разговоры, и вотъ царю Василію, „не помня своего обѣщанія“, какъ говоритъ лѣтопись, пришлось „мстить людемъ, которые ему грубиша: бояръ и думныхъ дьяковъ и стольниковъ и дворянъ многихъ разосла по городамъ по службамъ, у иныхъ многихъ помѣстья и вотчины поотнима“. Это обстоятельство, въ свою очередь, не могло укрѣпить симпатіи къ царю Василію внѣ высшихъ боярскихъ круговъ.

Неблагопріятно для царя Василія складывалось и настроеніе народа, московской толпы прежде всего. Эта толпа за промежутокъ времени отъ смерти Грознаго до воцаренія Шуйскаго пережила не мало такого, въ чемъ была не только дѣятельной участницей, но и начинавшей и рѣшавшей дѣло силой. До своего воцаренія Василій Шуйскій умѣлъ ладить съ этой толпой, натравливая ее на своихъ недруговъ и тѣмъ содѣйствуя политическому развращенію этой толпы, которая даже 17-го мая 1606 г., когда былъ свергнутъ самозванецъ, въ дѣйствіяхъ своихъ противъ иноземцевъ увлеклась ненавистью къ полякамъ столько же, сколько и желаніемъ пограбить ихъ „животы“. Теперь эта толпа получила привычку къ движенію, разнуздалась и, разсчитывая на безнаказанность, по выраженію одного близкаго наблюдателя событій того времени, „была готова еженедѣльно мѣнять государя въ надеждѣ на грабежъ“. Надо было бы овладѣть этой толпой, успокоить ее, а у царя Василія нехватало на то силъ, потому что онъ былъ посаженъ на царство небезъ содѣйствія этой толпы и невольно у ней заискивалъ. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю по вступленіи на престолъ царю Василію пришлось уже

усмирять бунтъ черни, и потомъ мѣсяца не проходило безъ возмущенія въ столицѣ, такъ что, въ концѣ-концовъ, царю Василію пришлось запереться въ Кремлѣ, уничтожить постоянный мостъ черезъ крѣпостной ровъ и разставить пушки по стѣнамъ.

Не спокойнѣе было и настроеніе всей земли. Царю Василію не вѣрили ни въ чемъ, какъ боярскому ставленнику, выкрикнутому на царство московскою чернью безъ „совѣта всея земли". Правительственныя мѣры царя Василія были слишкомъ явно направлены въ сторону выгодъ высшаго служилаго класса и больно затрогивали мелкихъ служилыхъ людей и крестьянство.

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.

Съ той же Украйны, которая поддержала названнаго Димитрія и привела его на московскій престолъ, пошелъ слухъ, что названный Димитрій не убитъ, а живъ. Если московскій народъ, своими глазами видѣвшій самозванца, участвовавшій въ бунтѣ противъ него, никакъ не могъ увѣриться ни въ его самозванствѣ, ни въ его смерти, то вдали отъ Москвы слухи о спасеніи царя Димитрія нашли себѣ полную вѣру. Всѣ, кому былъ непріятенъ Шуйскій и неугоденъ порядокъ, установившійся съ его воцареніемъ, хотѣли вѣрить, что названный Димитрій живъ.

Какъ только узнали на Сѣверщинѣ и на Полѣ о смерти самозванца и о воцареніи Шуйскаго, такъ тотчасъ же отпали отъ Москвы Путивль, Ливны и Елецъ, а за ними все Поле до Кромъ включительно. Немного погодя, поднялись Заоцкіе, Украинные и Рязанскіе города. Движеніе распространилось и далѣе на востокъ отъ Рязани — въ области мордвы, на

Упу, Мокшу, Суру и Свіягу, передалось черезъ Волгу на Вятку и Каму въ Пермь, возстала и отдаленная Астрахань; произошло замѣшательство и на западѣ государства, — въ Тверскихъ, Псковскихъ и Новгородскихъ областяхъ.

Вождемъ движенія на югѣ объявился бѣглый холопъ Иванъ Болотниковъ. Человѣкъ твердый, рѣшительный, обладавшій недюжиннымъ военнымъ талантомъ, онъ сумѣлъ устроить сильное войско изъ украинной голытьбы и воодушевить его на борьбу съ царемъ Василіемъ, объявивъ, что эта борьба есть не только борьба за истиннаго царя Димитрія, но и война противъ всѣхъ притѣснителей чернаго народа и крестьянства—бояръ, служилыхъ людей, приказныхъ. Царскіе воеводы были разбиты Болотниковымъ, его отряды разоряли усадьбы служилыхъ людей, жгли воеводскія канцеляріи, объявляли холоповъ свободными, сулили раздѣлъ боярскихъ вотчинъ и помѣстій.

На Украйнѣ и въ Рязани возстали противъ царя Василія мелкіе служилые люди, которыхъ осыпалъ милостями самозванецъ и которымъ воцареніе боярскаго царя грозило прежними невзгодами, когда бояре, пользуясь своимъ богатствомъ, переманивали у мелкихъ служилыхъ людей крестьянъ и тѣснили ихъ всячески. Наиболѣе богатые и родовитые изъ этого провинціальнаго дворянства возстали потому, что опасались потерпѣть большой ущербъ въ своихъ служебныхъ правахъ. Со временъ Грознаго имъ былъ открытъ широкій доступъ въ ряды московскаго дворянства, а, слѣдовательно, къ верхамъ служебной лѣстницы, съ воцареніемъ же „боярскаго“ царя они имѣли право опасаться, какъ бы не нарушился въ боярскихъ родовыхъ интересахъ этотъ порядокъ, позволявшій людямъ „новымъ“ достигать службой, а не породой, высокихъ степеней. Во главѣ возставшихъ служилыхъ людей стали вотъ такіе богатые дворяне, мѣтившіе стать на верхахъ правительства. То были рязанцы Григорій Сумбуловъ и Прокопій Ляпуновъ и тулякъ Истома Пашковъ.

Въ то время какъ Болотниковъ шелъ мимо Калуги и Алексина на Серпуховъ, которымъ и овладѣлъ, войско Ляпунова и Сумбулова шло на Коломну и овладѣло ей. На Окѣ оба ополченія соединились и стали угрожать Москвѣ.

Но слишкомъ были разнообразны и взаимно противорѣчивы стремленія казацко-крестьянско-холопскаго ополченія Болотникова и мелко-дворянской дружины Ляпунова, чтобы оба войска могли долго быть заодно. Не прошло и мѣсяца совмѣстныхъ дѣйствій Болотникова и Ляпунова, какъ служилые люди поняли, что холопы и крестьяне возстали столько же противъ бояръ, сколько и противъ нихъ самихъ. Тогда они спохватились и отправили къ царю Василію съ повинной своихъ предводителей Ляпунова и Сумбулова. Царь простилъ ихъ. Съ помощью служилыхъ людей царское войско разбило крестьянско-холопское ополченіе и разогнало его.

Но движеніе тѣмъ самымъ не прекратилось. Разбитые крестьяне и холопы, спасаясь отъ страшныхъ казней и избіеній, страшась вновь попасть къ прежнимъ господамъ, продолжали буйствовать и скоро нашли себѣ новое знамя:— „тушинскаго царика", какъ назвали самозванца, выдававшаго себя за убитаго названнаго Дмитрія и утвердившагося подъ Москвой, въ селѣ Тушинѣ.

Около этого „тушинскаго царика" собрались всѣ бездомные, все „шатавшееся" населеніе Московскаго государства— бѣглые крестьяне, холопы. Они шли къ нему, надѣясь на лучшее будущее, а большинство просто разсчитывая на „воровство". За это и тушинскаго царика прозвали въ Москвѣ „Воромъ". Кромѣ русскихъ, къ нему шли поляки, еще со времени перваго самозванца хорошо узнавшіе дорогу въ Русь.

„Войско царика,—говоритъ историкъ Н. И. Костомаровъ,— стоя въ Тушинѣ, увеличивалось безпрерывно приходившими поляками. Бо́льшая часть этого войска состояла изъ сбродныхъ командъ, составленныхъ на свой счетъ панами, или же служившихъ каждая на свой счетъ — товариществомъ; къ нимъ собирались шляхтичи и назывались товарищами; какъ вообще

въ польскомъ войскѣ, такая команда составляла конфедерацію, устанавливала правила, какъ имъ поступать и вести себя, и обязывалась присягою повиноваться избранному предводителю. Сверхъ того въ обозѣ было множество слугъ. Конные носили названіе гусаръ панцырныхъ и казаковъ. Гусары были вооружены длинными копьями, концы которыхъ волочились по землѣ, почему они и назывались волочнями: на этомъ копьѣ привѣшенъ былъ двухцвѣтный значокъ. Кромѣ копья, у гусара были палашъ и маленькое ружье. На головѣ у него былъ желѣзный шишакъ, а на тѣлѣ сѣтка: у однихъ эта сѣтка была изъ плетеной проволоки, у другихъ изъ желѣзныхъ колецъ, у многихъ были панцыри изъ бляхъ; на ногахъ полусапожки съ особенными шпорами, называемыми гусарскими. На лошадяхъ гусарскія сѣдла накладывались на звѣриныя шкуры — у знатныхъ на леопардовыя, у рядовыхъ на волчьи и рысьи; для красы придѣлывали къ бокамъ сѣдла большія орлиныя крылья.

Казацкое оружіе было короткое копье, пищаль и сѣкира. Сабли имѣлись и у гусаръ и у казаковъ. Любимый цвѣтъ одежды былъ бѣлый, а верхній плащъ, накидывавшійся поверхъ вооруженія, былъ голубой или синій. Такъ выглядѣли поляки, служившіе въ Тушинѣ.

Запорожцы, вооруженные самопалами, копьями и саблями узнавались съ перваго взгляда по широкимъ краснымъ шароварамъ, чернымъ свиткамъ и большимъ бараньимъ шапкамъ. Донцы и московскіе люди были одѣты чрезвычайно разнообразно, смотря по состоянію, и отличались издали по своимъ шапкамъ-колпакамъ, высокимъ воротникамъ кафтановъ и собраннымъ въ складки длиннымъ рукавамъ. Многіе изъ нихъ были вооружены луками и колчанами со стрѣлами за плечемъ, саблями и копьями или рогатинами. Пестрота была чрезвычайная, какъ въ одеждѣ, такъ и въ нравахъ и въ рѣчи. Всего болѣе должна была слышаться тамъ рѣчь южнорусская, потому что съ южной Руси пришло болѣе половины тушинцевъ. Всего войска въ лагерѣ царика было: поляковъ

до 18.000 конницы и 2.000 пѣхоты, среди которой были и нѣмцы, и шведы, и французы,—словомъ, люди изъ того сброда, который составлялъ тогдашнія наемныя войска; казаковъ запорожскихъ считалось въ Тушинѣ тысячъ съ тридцать, а донскихъ около пятнадцати; московскихъ людей—стрѣльцовъ, служилыхъ и просто охочихъ было очень много, а сколько именно—того не могли сказать и сами начальные люди, потому что число ихъ постоянно мѣнялось: одни уходили, другіе приходили.

Главную силу вора составляли казаки и во всемъ согласная съ нимъ чернь, всѣ тѣ, кто не уживался съ порядками, господствовавшими въ Польшѣ, Литвѣ и Московскомъ государствѣ. Неясно и неопредѣленно, но они высказывали желаніе, чтобы не было знатности и родовитости въ государствѣ, чтобы существовало равенство всѣхъ, чтобы не было писаныхъ законовъ, а рѣшались бы всѣ дѣла на сходкахъ—казачьихъ кругахъ; затѣмъ ихъ требованіемъ было: установленіе выборной власти, выборнаго устнаго суда, и чтобы каждому предоставлено было право жить, гдѣ угодно, и итти, куда душа хочетъ.

Наступила осень. Стали поляки думать, какъ имъ зимовать? Нѣкоторые совѣтовали разойтись по окрестнымъ селамъ, другіе возражали на это, указывая, что раздѣлить, такимъ образомъ, силы опасно. Тогда большинствомъ рѣшили: остаться зимовать на томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ. Тогда началось устройство лагеря, и Тушино быстро превратилось въ цѣлый городокъ. Построили изъ хвороста и соломы загоны и конюшни для лошадей, для людей вырыли землянки: тѣ, кто были познатнѣй, посильнѣе и побогаче, навезли изъ ближнихъ селъ избы и ставили ихъ; для царика построили цѣлый дворецъ. Тушино сдѣлалось и мѣстомъ торговли: купцовъ набралось тамъ тысячъ дотрехъ; они стояли особымъ обозомъ отъ военнаго, и тамъ продавалась всякая всячина. Гуляки жили здѣсь шумно и весело—всего было разливанное море. Польскіе начальники отправлялись по окрестно-

стямъ, приказывали курить вино и варить пиво на войско, и русскіе приготовляли все это для нихъ; поляки поселялись въ селахъ и гоняли русскихъ на винокурни и пивоварни, собирали запасы хлѣба, мяса, соли, овса, сѣна, масла и свозили въ таборъ, тула же гнали быковъ, барановъ, гусей. Игра въ карты и кости забавляла гультяевъ и доводила ихъ до дракъ и убійствъ. Съ панами были цѣлыя псарни, и они гонялись за звѣрьми по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ"... Такъ разгульно и весело шла жизнь тушинскаго стана, разнообразясь схватками съ войскомъ царя Василія. Польскій гетманъ Рожинскій былъ настоящимъ главой въ станѣ, царикъ былъ только куклой въ его рукахъ. Изъ другихъ польскихъ начальниковъ особенно выдавались своей удалью, отвагой и отчаянной храбростью паны Сапѣга и Лисовскій.

Положеніе Москвы и государства было самое плачевное: народъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать—стоять за Шуйскаго и, слѣдовательно, за бояръ или поддерживать Тушинскаго вора, т.-е. стоять за тотъ разгромъ и безпорядокъ, какой создавали въ государствѣ его шайки. У самого Шуйскаго было мало средствъ и людей для борьбы. Южная часть государства была разорена, и въ ней хозяйничали враги Шуйскаго. На сѣверѣ отъ Москвы Шуйскій еще могъ коечѣмъ располагать, но только помощи отсюда ожидать было нельзя. Эти области приходилось защищать, потому что овладѣть ими, какъ лучшей и самой богатой частью государства, стремились и тушинцы. Ополченіе Шуйскаго, защищавшее сѣверъ, было разбито тушинцами, и только Троицкій монастырь упорнымъ сопротивленіемъ еще нѣсколько задерживалъ силы Тушинскаго вора; безъ этого отпора—сѣверъ былъ бы совершенно потерянъ для царя Василія. И такъ уже отдѣльныя большія шайки тушинцевъ пробрались сюда и принудили болѣе 20 городовъ признать власть Тушинскаго вора. Да и вообще на сѣверѣ люди колебались и не знали, какъ отнестись къ тому, что совершалось на Руси — Шуйскаго не любили и не вѣрили ему, а про вора не знали путемъ, что онъ за чело-

вѣкъ былъ? и иногда были готовы смотрѣть на него не какъ на разбойника, а какъ на дѣйствительнаго царя. Часто его признавали при первомъ появленіи его шаекъ, но тотчасъ же убѣждались, что эти шайки — не царево войско, а разбойничій сбродъ, потому что они прежде всего старались грабить населеніе.

Одновременно слушая увѣщавательныя грамоты Шуйскаго и воззванія вора, не зная, кто изъ нихъ имѣетъ больше правъ на престолъ, русскіе люди могли судить о томъ и другомъ только по поведенію приверженцевъ. Воеводы Шуйскаго старались охранять порядокъ, какъ тогда порядокъ понимали, а люди вора, обѣщая много, ничего не давали, а только брали, требовали денегъ да безчинствовали. Современникъ пишетъ: „Тушинцы, которые города возьмутъ на щитъ (т.-е. приступомъ) или хотя и волею крестъ поцѣлуютъ, то всѣ города отдаютъ панамъ на жалованье въ вотчины, какъ прежде удѣлы бывали“. Это было ужъ совсѣмъ непорядокъ на тогдашній русскій взглядъ, и заставляло сѣверные города подыматься противъ тушинцевъ; но и къ боярскому царю Шуйскому не очень манило пристать; тогда, не зная, какъ быть, что дѣлать, города рѣшаютъ выжидать. „Не спѣшите крестъ цѣловать,—пишетъ одинъ городъ другому,—еще не угадать, на чемъ совершится... еще до насъ далеко, въ случаѣ чего успѣемъ съ повинной послать“.

Тѣмъ не менѣе тушинцевъ стараются выгонять, города волнуются; выгнавъ тушинцевъ отъ себя, города спѣшатъ на помощь другимъ городамъ и даже къ Москвѣ. Поднимаются Ярославль, Нижній, Владиміръ, Вологда, выбираютъ воеводъ, собираютъ деньги и одинаково не хотятъ повиноваться ни Шуйскому, ни тушинцамъ. Межъ тѣмъ Москва и Тушино никакъ не могутъ пересилить другъ друга. Москвичи, недовольные Шуйскимъ и стѣсненные воромъ, служили и тому и другому. Эти „перелеты“, какъ ихъ тогда называли, то ходили въ Тушино, то возвращались въ Москву и, сохраняя тушинскія подачки, требовали и отъ царя Василія

наградъ за то, что „отстали отъ измѣны“. Получивъ съ него, шли опять въ Тушино. Бывало такъ: отецъ служитъ царю Василію, а сыновья — Тушинскому вору. Царь Василій сталъ тогда искать помощи за границей, у шведовъ, и отправилъ въ Новгородъ племянника своего Михаила Скопина-Шуйскаго для заключенія договора со шведами и устройства ополченія, какое могло бы вмѣстѣ со шведскимъ отрядомъ ударить на Тушино. Скопину-Шуйскому удалось и то и другое. Уже въ первой половинѣ октября 1609 г. занялъ онъ Александровскую слободу и отрѣзалъ тушинцамъ путь на сѣверъ.

Но какъ разъ въ это время, когда нѣкоторый успѣхъ сталъ улыбаться царю Василію, пришла вѣсть, что польскій король Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. Сигизмундъ объявилъ войну одинаково и царю Василію, и Тушинскому вору. Въ тушинскій станъ прибыли его послы къ находившимся тамъ полякамъ съ повелѣніемъ короля оставить самозванца. Угрожаемый тогда съ сѣвера Скопинымъ, съ юга Москвой и оставленный поляками, воръ бѣжалъ изъ Тушина въ Калугу. Вслѣдъ за его бѣгствомъ началось распаденіе всего тушинскаго ополченія. Казаки отправились вслѣдъ за воромъ въ Калугу, поляки частью послушались короля и ушли подъ Смоленскъ, частью же образовали особые отряды полувоиновъ, полуразбойниковъ и остались на Руси. Что оставалось дѣлать тѣмъ русскимъ служилымъ людямъ и людямъ другихъ чиновъ, которые служили Тушинскому вору? Тутъ было много знати. Во главѣ всѣхъ стоялъ митрополитъ Ростовскій, „нареченный“ патріархъ, Филаретъ Никитичъ, въ міру Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. Въ 1608 г. его взяли въ плѣнъ тушинцы и привезли къ своему царику. Здѣсь, по однимъ свѣдѣніямъ, митрополита держали какъ плѣнника, по другимъ—онъ добровольно остался въ Тушинѣ.

Митрополиту Филарету не очень нравилось воцареніе Шуйскаго, признавать царемъ вора онъ тоже не могъ и потому старался держаться особнякомъ, не преклоняясь ни на

десную, ни на шуюю,—какъ говоритъ одинъ ученый,—но не всегда держась и прямо. Послѣ митрополита Филарета первое мѣсто въ тушинскомъ лагерѣ, по знатности рода, занималъ давнишній „всей крови заводчикъ“ князь Григорій Шаховской; это онъ, узнавъ о воцареніи Шуйскаго, возмутилъ весь югъ, поддержалъ Болотникова и объявилъ, что названный Димитрій живъ, когда еще не было никакихъ слуховъ о второмъ самозванцѣ; были затѣмъ въ Тушинѣ другіе Шаховскіе, двое князей Трубецкихъ, Михаилъ Салтыковъ, Морозовъ, князья Засѣкинъ и Барятинскій, много другихъ князей; изъ богатыхъ и служилыхъ людей выдавались Плещеевы. Словомъ, придворный штатъ Тушинскаго вора блестѣлъ старинными и знатными именами столь же ярко, какъ и штатъ царя Василія. Нечего и говорить, что всѣ эти князья и бояре соединились около вора не потому, что вѣрили ему, а исключительно изъ ненависти къ царю Василію.

Послы короля Сигизмунда, прибывшіе въ Тушино, обратились ко всей этой знати съ предложеніемъ отдаться подъ власть короля. Въ отвѣтъ на это тушинская знать благодарила короля за милостивое къ нимъ обращеніе, но заявляла, что при всемъ желаніи видѣть на Московскомъ государствѣ его величество съ его потомствомъ, они не могутъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ совѣта всей земли. Межъ тѣмъ, когда воръ убѣжалъ изъ Тушина, русскіе тушинцы немедленно сговорились другъ съ другомъ и съ начальниками польскаго войска въ томъ, чтобы не отъѣзжать къ Василію Шуйскому и Михайлѣ Скопину, и не хотѣть на государство ни Шуйскихъ, ни иного кого-нибудь изъ бояръ московскихъ, и, въ свою очередь, завели переговоры съ королемъ Сигизмундомъ о томъ, чтобы онъ пожаловалъ на Московское государство своего сына, королевича Владислава.

Въ польскій лагерь подъ Смоленскомъ отправлено было посольство изъ Тушина. Во главѣ посольства стояли Михайло Салтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князья Юрій Хворо-

стининъ и Василій Масальскій и Левъ Плещеевъ. Посольство представилось королю 21 января 1610 г. Прося королевича на московскій престолъ, оба Салтыкова въ своихъ рѣчахъ и грамотѣ, которую они читали отъ имени всего русскаго народа, говорили о необходимости будущему царю Владиславу сохранять въ цѣлости православіе и стародавній московскій порядокъ и выражали надежду, что будущій царь не только обезпечитъ, но и увеличитъ „права и вольности“ московскаго народа. Но подъ этими правами и вольностями народа послы понимали права и вольности среднихъ служилыхъ людей, тѣхъ, которыхъ царь Иванъ Грозный и царь Борисъ старались поставить среди родовитаго боярства и которымъ воцареніе боярскаго царя Василія обрѣзало пути къ власти и значенію въ правительствѣ. Они требовали, чтобы новый царь не понижалъ ихъ въ чинахъ и жаловалъ въ чины по заслугамъ, чтобы было дозволено для науки и торговли ѣздить русскимъ людямъ за границу, чтобы крѣпостное населеніе Московскаго государства было закрѣплено еще больше за своими господами.

Пока происходили всѣ эти событія, царь Василій торжествовалъ освобожденіе Москвы. 12 марта 1610 г. князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій торжественно въѣхалъ въ Москву и тѣмъ кончилъ долговременную осаду, истощавшую столицу. Царю Василію предстояло теперь сражаться только съ однимъ врагомъ—польскимъ королемъ; избранію тушинцами въ цари королевича онъ не придавалъ значенія: побѣда надъ королемъ сразу прекратила бы этотъ замыселъ. Но царю Василію не была подъ силу эта борьба. Помогающихъ ему не было, боярскаго царя не любили, считали его захватчикомъ власти, говорили, что „во дни царствія его всяка правда успе, и судъ истинный не бѣ, и всякое любочестіе пресякну“. Не любили и всю родню царя; а когда умеръ скоропостижно любимый всѣми князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, народная молва обвинила и, кажется, не безъ основанія, въ смерти его родню царя, завидовавшую молодому князю, котораго на-

родъ прочилъ въ цари мимо прямыхъ наслѣдниковъ, братьевъ царя Василія.

Въ маѣ 1610 г. пріѣхалъ въ Москву умный и вліятельный врагъ Шуйскихъ — митрополитъ Филаретъ. Подъ вліяніемъ пріѣхавшихъ съ Филаретомъ тушинцевъ многіе бояре склонились къ мысли, что лучше имѣть на царствѣ государя изъ иноземцевъ, чѣмъ изъ своей среды. Царь Василій, межъ тѣмъ, готовился къ борьбѣ съ Сигизмундомъ, и начальникомъ арміи, вмѣсто умершаго кн. Михаила Скопина-Шуйскаго, назначилъ

Медаль съ изображеніемъ королевича Владислава.

ненавидимаго всѣми своего брата Димитрія, который и былъ разбитъ гетманомъ Жолкѣвскимъ подъ Клушинымъ. Послѣ этого разгрома царь Василій остался совсѣмъ безъ войска, и гетманъ Жолкѣвскій, зная это, двинулся на Москву.

Съ юга, съ Калуги, надвигались на Москву казачьи отряды оправившагося Тушинскаго вора. Посланные отъ казаковъ-тушинцевъ говорили москвичамъ: „Вы оставьте своего царя Василія, а мы оставимъ своего, и тогда всѣ вмѣстѣ пойдемъ на Литву“. Этотъ совѣтъ понравился въ Москвѣ, и 17 іюля толпы возмутившагося московскаго люда, предводимыя Захаромъ Ляпуновымъ и Ѳеодоромъ Хомутовымъ, рѣшили просить царя Василія, чтобы онъ царство оставилъ. Къ народу при-

соединилось боярство и служилые люди. Царь Василій былъ арестованъ и постриженъ въ монахи. Но тушинцы своего обѣщанія не исполнили и, узнавъ о сверженіи царя Василія, предложили Москвѣ въ цари своего вора, но это предложеніе не было принято, и власть очутилась въ рукахъ тѣхъ, кто уже предлагалъ московскій вѣнецъ королевичу Владиславу. Къ этому мнѣнію присоединилось и московское высшее боярство, къ которому, въ лицѣ Боярской Думы, перешло верховное руководство государствомъ. Но на этотъ разъ и бояре признали, что государя надо избрать „всѣмъ за одинъ, всею землею, сославшись со всѣми городы". И вотъ въ іюлѣ 1610 г. были разосланы изъ Москвы отъ имени бояръ во всѣ города Московскаго государства приглашенія прислать въ Москву „изо всѣхъ чиновъ, выбравъ по человѣку", для великаго дѣла—избранія царя. Впервые за все время русской исторической жизни зашла рѣчь о выборныхъ представителяхъ отъ всѣхъ чиновъ для участія на Соборѣ. Но Москва была осаждена тушинцами и поляками, и потому никакіе выборные не могли сюда прибыть. Тогда бояре рѣшили созвать Земскій Соборъ по старому—изъ находившихся въ Москвѣ служилыхъ и торговыхъ людей различныхъ городовъ. На этомъ Соборѣ, по предложенію бояръ, царемъ былъ избранъ сынъ польскаго короля, королевичъ Владиславъ.

Царю изъ иноземцевъ Соборъ предлагалъ условія, на которыхъ готовъ былъ признать его государемъ всея Руси. Прежде всего, конечно, предлагалось, чтобы королевичъ принялъ православіе, далъ бы обѣщаніе никого не казнить безъ суда, и новые законы, новые налоги издавать не иначе, какъ съ согласія совѣта бояръ и всея земли. Кромѣ того, служилые люди требовали, чтобы былъ запрещенъ крестьянскій переходъ и отняты кое-какія льготы у холоповъ. Въ остальномъ эти требованія были вполнѣ сходны съ тѣми, соблюдать какія клялся царь Василій.

Но Владиславу не пришлось царствовать въ Москвѣ. Отецъ его, король Сигизмундъ, самъ былъ не прочь занять московскій

престолъ и отвергъ условія, на которыхъ Соборъ соглашался признать его сына царемъ, а затѣмъ на Руси пошло волненіе, какъ только прошелъ слухъ, что бояре и Земскій Соборъ въ Москвѣ избрали иновѣрца на Русское царство... Волненіе усилилось, когда крестьянство и холопы узнали, на какихъ условіяхъ дворянство признало царемъ королевича Владислава. Межъ тѣмъ бояре принуждены были впустить въ Москву польское войско. Это обстоятельство усилило всеобщее замѣшательство и вмѣстѣ указало ему цѣль, на которой могло разрядиться всеобщее недовольство. Надо было выгнать поляковъ изъ Москвы. На улицахъ столицы подбрасывали подметныя письма, наполненныя нападками на бояръ; поляковъ стали обижать и убивать. Поляки, въ свою очередь, не оставались въ долгу, били и грабили русскихъ. Скоро народное движеніе противъ поляковъ приняло серьезные размѣры, и вотъ въ этомъ противодѣйствіи иноземному захвату стали понемногу сближаться разрознившіеся и враждовавшіе другъ съ другомъ разряды московскаго народа. Всѣ сошлись на мысли дать отпоръ полякамъ.

Первое такое соединеніе образовалось около рязанскаго дворянина Прокопія Ляпунова. Къ нему примкнули ополченія сѣверныхъ городовъ, а также и тушинцы, тѣснимые поляками; бояре и занятая поляками Москва, державшаяся Владислава, смотрѣли на это движеніе какъ на мятежъ, но сами возставшіе видѣли въ своей дѣятельности святой подвигъ. Стотысячное ополченіе Ляпунова подошло къ Москвѣ и заперло поляковъ вмѣстѣ съ московскимъ боярствомъ въ Кремлѣ.

Правительствомъ Московскаго государства оказалось, такимъ образомъ, въ лицѣ своихъ военноначальниковъ войско, осаждавшее Кремль. Оно и позаботилось дать нѣкоторое устройство безгосударной странѣ. Всею ратью прежде всего порѣшили „выбрать однихъ начальниковъ, кому ратью владѣть, и рати бы ихъ однихъ слушати“. На сходкѣ всего войска выбрали: Прокопія Ляпунова — главу земскаго ополченія и прежнихъ войскъ царя Василія, примкнувшихъ къ нему; князя

Димитрія Трубецкого, стоявшаго во главѣ тушинцевъ, и атамана Ивана Заруцкаго, предводителя казаковъ. Около этихъ военачальниковъ образовался совѣтъ изъ тѣхъ выборныхъ, которыми города пересылались другъ другомъ, устраивая походъ подъ Москву, и изъ начальныхъ служилыхъ людей. Грамоты въ станѣ, адресуемыя въ города, стали тогда писать отъ имени боярина князя Димитрія Трубецкого, думнаго дворянина Прокопія Ляпунова и атамана и „боярина“ Ивана Заруцкаго „по совѣту всея земли“.

Этотъ совѣтъ взялъ на себя руководство всѣмъ государствомъ, и въ приговорѣ своемъ отъ 30 іюня, объявивъ объ избраніи трехъ главныхъ воеводъ и о назначеніи имъ земельнаго жалованья, сообщилъ о жалованіи остальнымъ начальникамъ, казакамъ и служилымъ людямъ. Далѣе былъ указанъ порядокъ управленія всѣмъ государствомъ и, наконецъ, давался указъ о возвращеніи бѣглыхъ людей къ ихъ законнымъ владѣльцамъ. Въ заключеніе приговора сказано, что выбранныя въ „правительство“ лица могутъ быть всею землею лишены власти, если окажутся неспособными или нерадивыми.

Но доброму намѣренію „устроить эемлю“, какимъ былъ проникнутъ этотъ приговоръ, не пришлось осуществиться. Слишкомъ разнородно по своему составу, цѣлямъ и желаніямъ былъ ополченіе, чтобы оно могло мирно и въ согласіи дѣлать то дѣло, ради котораго оно собралось. Въ то время, какъ ополченія городовъ, дѣйствительно, заботились о возстановленіи порядка и спокойствія въ странѣ, казачьи шайки менѣе всего могли это привѣтствовать, тушинцы же сами не знали, чего хотѣли, кромѣ возможности грабежа и наживы. Всѣ три начальника, стремясь къ первенству, „были въ розни великой“. Сильный характеромъ и умомъ, умѣвшій внушить себѣ уваженіе и какъ военачальникъ, Прокопій Ляпуновъ рѣзко выдавался въ компаніи Трубецкого и Заруцкаго. Онъ былъ искренне готовъ устроить порядокъ въ странѣ и въ войскѣ и, на сколько было въ его власти, вводилъ этотъ по-

рядокъ очень энергично. Казаки ненавидѣли его за это и, позвавъ разъ на свой „кругъ“ для выясненія какихъ-то недоразумѣній, убили его.

Со смертью Ляпунова стали руководить всѣмъ „старые заводчики всякому злу,—какъ говоритъ лѣтопись,—атаманы и казаки, холопы боярскіе“. Въ подмосковномъ лагерѣ началось открытое междоусобіе. Казаки грозили служилымъ людямъ боемъ и грабежомъ, „лаяли и поносили“ ихъ. Служилые же люди, вся земская часть ополченія, подавленные смертью своего вождя, растерялись, а такъ какъ станы ихъ были расположены вперемешку съ казачьими таборами, они не смогли отдѣлиться и образовать свой особый лагерь. Тогда земское ополченіе понемногу стало расходиться изъ-подъ Москвы и „скоро,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—отыдоша вси отъ Москвы прочь“.

А король Сигизмундъ взялъ, межъ тѣмъ, Смоленскъ; шведы овладѣли Новгородомъ; казаки же, сдѣлавшись теперь правительствомъ Московскаго государства, „воровства своего не оставили, ѣздили по дорогамъ станицами и побивали“.

Что было дѣлать тогдашнимъ русскимъ людямъ? Дѣлать же что-нибудь было необходимо — иначе конецъ Русской землѣ, конецъ ея самостоятельному бытію. Многіе смутившіеся и потерявшіеся отчаялись совсѣмъ въ спасеніи и надѣялись только на помощь свыше. Люди молились и постились. Начались видѣнія и чудесныя знаменія, дышавшія увѣренностью, что Русь должна быть спасена. Были видѣнія во Владимірѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Въ это-то время и замѣчается особый подъемъ духа въ населеніи восточной части страны, которая видѣла раззореніе всей страны, но сама сравнительно мало пострадала. Подъ вліяніемъ извѣстій о повсемѣстныхъ неудачахъ и общихъ бѣдахъ, здѣсь снова усилилось движеніе противъ силъ, разорявшихъ страну, т.-е. противъ поляковъ и казаковъ. Поволжскіе и сѣверные города скоро всѣ согласились, чтобы имъ „быть въ совѣтѣ и единеніи“, охранять сообща порядокъ, не допускать грабе-

жей, не заводить усобицъ, не принимать новыхъ правителей, кто бы не назначилъ ихъ, съ казаками не знаться, слушаться святителя патріарха Гермогена, уже давно разсылавшаго грамоты, призывавшія народъ къ возстанію противъ поляковъ.

„Подъ Москвой,—писали казанцы въ Пермь,—промышленника и поборника по Христовой вѣрѣ, который стоялъ за православную христіанскую вѣру, за храмъ Пресвятой Богородицы и за Московское государство противъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ, Прокофія Петровича Ляпунова казаки убили, преступая крестное цѣлованіе. Но мы всѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ и со всѣми городами поволжскими согласились быть въ совѣтѣ и единеніи, дурное другъ надъ другомъ ничего не дѣлать, стоять на томъ крѣпко, пока Богъ дастъ на Московское государство государя, а выбрать бы намъ государя всей землей Россійской державы; если же казаки станутъ выбирать государя по своему изволью одни, не согласившись со всей землей, то такого государя намъ не хотѣть“.

Центромъ движенія сдѣлался Нижній-Новгородъ, поднятый тамошнимъ торговымъ человѣкомъ Кузьмой Захарьевичемъ Мининымъ-Сухорукимъ. Отсюда стали разсылаться грамоты, призывавшія города ополчиться за вѣру и родину, за общее земское дѣло. Совѣтомъ всѣхъ городовъ, соединившихся въ Нижнемъ, выбрали въ воеводы надъ обще-земской ратью князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, прославившагося своими военными подвигами еще во времена Шуйскаго и незапятнавшаго себя ни присягой Владиславу, ни единеніемъ съ тушинцами. Пожарскій повелъ войско къ Москвѣ вмѣстѣ съ „выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ“ Кузьмой Мининымъ, взявшимъ на себя хозяйственное устройство рати.

7-го апрѣля 1612 г. обще-земское ополченіе заняло городъ Ярославль, оттѣснивъ отсюда казаковъ.

Какъ и ополченіе Ляпунова въ свое время, оно прежде всего позаботилось объ устройствѣ порядка. Уже 7-го апрѣля

отъ имени властей земскаго ополченія, бояръ, окольничихъ, Димитрія Пожарскаго и всего войска были разосланы по городамъ грамоты съ приглашеніемъ прислать въ Ярославль „изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками“. Такимъ образомъ войско Пожарскаго приглашало всѣ города и уѣзды прислать представителей съ наказами, въ которыхъ былъ бы совѣтъ, „какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударными“. Этотъ призывъ не остался безъ отвѣта, и въ Ярославлѣ образовался около совѣта воеводъ настоящій Земскій Соборъ, представившій собой прочное и крѣпкое правительство, которое признали не только всѣ города и вся земля, очищенная отъ поляковъ и казаковъ, но и иностранцы — шведы, тотчасъ же начавшіе переговоры относительно занятаго ими Новгорода съ новымъ правительствомъ, которое они назвали „сословіями Московскаго государства“. Сами русскіе называли свое новое правительство „совѣтомъ всея земли“.

Вверху этого совѣта „по избранію всѣхъ чиновъ людей Россійскаго государства“ стали стольникъ и воевода князь Д. М. Пожарскій и „выборный человѣкъ всею землею“ Кузьма Мининъ. Собравшійся въ Ярославлѣ „совѣтъ всея земли“ прежде всего поставилъ себѣ задачу—какъ бы не остаться московскимъ людямъ „безгосударными“, но безпокойныя обстоятельства времени не позволяли отнестись къ этому важному вопросу съ тѣмъ спокойствіемъ и увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, какія для рѣшенія его требовались, и потому совѣтъ, взявъ въ свои руки управленіе государствомъ, постановилъ, что для избранія царя надо окончательно очистить землю отъ враговъ и замирить ее.

22-го октября земское ополченіе, сумѣвшее подчинить себѣ и казаковъ, взяло приступомъ Китай-городъ, а 26-го сдался Пожарскому и польскій гарнизонъ, занимавшій Кремль. Немедленно по очищеніи Москвы пошли по городамъ грамоты „о обираніи государьскомъ“.

Представители населенія, составлявшіе ярославскій Земскій Соборъ, сдѣлавъ свое дѣло, были распущены, и страна приглашалась прислать новыхъ выборныхъ для завершенія великаго дѣла. Въ янбарѣ 1613 г. новый совѣтъ всея земли уже существовалъ и уже думалъ о томъ, „кому быть на Московскомъ государствѣ“.

Соборъ 1613 года состоялъ изъ высшаго наличнаго духовенства съ тремя митрополитами во главѣ. Мѣсто Боярской Думы на этомъ Соборѣ заняли „начальники“, т.-е. князь Д. М. Пожарскій и его воеводы. Бояре, сидѣвшіе въ плѣну у поляковъ и цѣловавшіе въ свое время крестъ Владиславу, по освобожденіи изъ плѣна, не были допущены на Соборъ—такъ поступить было рѣшено съ общаго согласія, и бояре должны были разъѣхаться по своимъ деревнямъ. Ихъ возвратили въ Москву только тогда, когда избраніе новаго царя уже состоялось. Земскіе представители на Соборѣ были двухъ разрядовъ. Одни явились на Соборъ по старому правилу, всѣ безъ выбору—то были придворные чины, „большіе дворяне“ и приказные; другіе были присланы на Соборъ отъ избравшаго ихъ населенія и явились съ „договорами“ и „съ выборами за всякихъ людей руками“, т.-е. съ подписанными всѣми избирателями наказами и грамотами, удостовѣрявшими правильность избранія каждаго депутата. Всего собралось на Соборѣ 1613 г. до 700 человѣкъ.

Первымъ общимъ рѣшеніемъ Собора было не избирать на россійскій престолъ иностранца, были отвергнуты и нареченный царь Владиславъ и предложенный новгородцами шведскій королевичъ. Ближайшими кандидатами на престолъ явились тогда члены „великихъ“, т.-е. знатнѣйшихъ родовъ.

Но все высшее боярство слишкомъ уже „измалодушествовалось“ за время Смуты, служа то царю Борису, то его сыну, то названному Димитрію, то царю Василію, то Тушинскому вору, то, наконецъ, королевичу Владиславу. Родичи Годунова, со смертью царя Бориса, потеряли всякое значеніе. Изъ Романовыхъ только сынъ митрополита Филарета, нахо-

дившагося въ плѣну, по малолѣтству, не былъ ничѣмъ запятнанъ. Жизнь выдвинула въ кандидаты на престолъ, конечно, и „начальниковъ“ земскаго ополченія, т.-е. князей Пожарскаго и Трубецкого. „Многое было волненіе всякимъ людемъ, кійждо хотяше по своей мысли дѣяти, кійждо про коего говоряше,—не помянуша бо писанія, яко Богъ не токмо царство, но и власть кому хощетъ, тому даетъ, и кого Богъ призоветъ, того и прославитъ, — свидѣтельствуетъ одна лѣтопись о тогдашнемъ настроеніи московскихъ людей;—начаша совѣтовати о избраніи царя и много избирающи искаху, не возмогоша вси на единаго согласитися; овіи глаголаху того, иніи же иного, и вси разно вѣщаху и всякій хотяше по своей мысли учинити и тако препровождаху не малые дни; мнозіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быти, подкупахуся, многимъ дающи и обѣщающи многіе дары“..

Это предвыборное замѣшательство осложнялось тѣмъ, что ополченіе, освободившее Москву, сломившее казацкіе таборы и заставившее ихъ подчиниться установленной въ ополченіи власти, ослабѣло въ своей силѣ и значеніи. Это стало замѣтно уже въ первыя три недѣли по очищеніи Москвы. Слѣдуя обычному московскому распорядку, распускать войско по достиженію той цѣли, для которой оно было собрано, вожди ополченія не задерживали служилыхъ людей и позволяли имъ возвращаться въ ихъ уѣзды „по домомъ“. Къ концу ноября, по замѣчанію лѣтописца, „людіе съ Москвы всѣ разъѣхалися“, и тогда создалось очень опасное положеніе: казаки получили численный перевѣсъ надъ оставшимися служилыми людьми. Правительство ничего не могло съ ними подѣлать: распустить ихъ было некуда, потому что они были люди бездомовные, разослать же ихъ на службу въ города нельзя было по ихъ ненадежности. Къ концу 1612 г. казаки въ Москвѣ превосходили почти вдвое остававшихся служилыхъ людей и стрѣльцовъ.

Почувствовавъ свое превосходство, казаки, усмиренные было Пожарскимъ, подняли головы и стали чувствовать себя

господами положенія, стали „во всемъ бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ“.

Московскому правительству пришлось для удовлетворенія казаковъ обложить сборами все населеніе Москвы. По словамъ современника, воеводы „что у кого казны сыщутъ, и то все отдаютъ казакамъ въ жалованье, а что взяли (при сдачѣ) въ Москвѣ у польскихъ и русскихъ людей и то все поимали казаки же“. Чувствуя себя господствующей силой, казаки „примѣривали на царство“ тѣхъ, кто имъ былъ по сердцу, говорили, что, кого хотятъ, того и посадятъ на московскій престолъ; среди излюбленныхъ своихъ кандидатовъ они называли сына Тушинскаго вора и Марины Мнишекъ, увезеннаго Заруцкимъ, и сына бывшаго тушинскаго патріарха Филарета Романова. На Земскомъ соборѣ 1613 г. донской атаманъ первый произнесъ имя Михаила Романова, какъ желательнаго царя. Всѣ члены собора единогласно похоронили притязанія на престолъ королевича Владислава, за котораго было высшее боярство, слышать ничего не хотѣли о „маринкиномъ сынѣ“, о „воренкѣ“. Но имя другого казачьяго кандидата, Михаила Романова, заставило соборъ задуматься. Это имя, выдвинутое казаками по тушинскимъ воспоминаніямъ, было хорошо и прочно извѣстно въ Москвѣ; Романовы были старинный и очень любимый въ Москвѣ боярскій родъ, находившійся къ тому же въ свойствѣ съ угасшей династіей. На этомъ имени можно было помириться и предотвратить кровопролитіе.

Послѣ долгихъ и упорныхъ препирательствъ, Соборъ и остановился на томъ, чтобы быть царемъ младшему изъ Романовыхъ, сыну митрополита Филарета—Михаилу. Постановивъ это, Соборъ послалъ за разъѣхавшимися по деревнямъ боярами, требуя, чтобы они для большого государственнаго дѣла и для общаго земскаго совѣта ѣхали къ Москвѣ „на спѣхъ“. Въ то же время и во всѣ города Россійскаго царствія послали извѣстить тайно имя того, кого Соборъ намѣтилъ въ цари, и спросить народъ, кого хотятъ государемъ-царемъ.

21-го февраля, когда посланные съѣхались изъ городовъ съ хорошими вѣстями, и собрались также бояре, въ большомъ Московскомъ дворцѣ, въ присутствіи внутри его и внѣ простого „всенародства“ выборные изо всѣхъ городовъ и уѣздовъ Россіи провозгласили царемъ и великимъ государемъ всея Руси Михаила Ѳеодоровича Романова.

Составлено по слѣдующимъ сочиненіямъ: *С. М. Соловьевъ,* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. VIII; *Н. И. Костомаровъ,* „Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII в.“; *С. Ѳ. Платоновъ*, „Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.“; его же, „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“.

Начало раскола русской Церкви.

Христіанство, начавшее распространяться на Руси со временъ Владиміра Святого, не сразу искоренило языческіе обычаи въ народѣ.

Русскіе люди того времени были очень мало подготовлены къ принятію христіанства и плохо воспринимали сущность Христова ученія. Язычникъ-славянинъ привыкъ чтить своихъ боговъ больше за страхъ, нежели за совѣсть. Съ языческими богами можно было торговаться, и за обильныя жертвы, какъ думали язычники, боги охотно давали свое благоволеніе; если же они не исполняли мольбы жертвователя, то онъ не стѣснялся и наказать своего бога-идола. Зато какими нарядами украшалъ онъ его, какія тучныя жертвы приносилъ, если богъ помогалъ молившемуся въ его просьбѣ! А богъ, по тогдашнимъ вѣрованіямъ, помогалъ всегда, если его молили много и долго, и при моленіи строго соблюдали всѣ обычаи и примѣты.

Принимая христіанство, далеко не всѣ русскіе люди того времени понимали, что христіанскій Богъ хочетъ милости, а

не жертвы. Мало доступны были тогдашнему славянину и завѣты Христа: — любить ближняго, какъ самого себя, полагать душу свою за други своя.

Для большинства тогдашнихъ людей евангельское ученіе оставалось мало понятнымъ. Доступнѣе и понятнѣе были строгія требованія Церкви хранить и исполнять обряды, тѣ внѣшнія формы, въ какихъ выражается христіанское ученіе. Ничто такъ не дѣйствовало на чувство новокрещеновъ, какъ христіанскій храмъ: онъ поражалъ своимъ благолѣпіемъ, позолотою, освѣщеніемъ, иконами, торжественностью службы. При тогдашней простотѣ построекъ и незатѣйливости домашняго обихода, человѣкъ не видѣлъ вокругъ ничего, что бы по величію и красотѣ могло сравниться съ церковной обстановкой. Мысль невольно поражалась видимымъ и, ослѣпленная имъ, уже не умѣла заглянуть за видимыя формы. Бывавшіе въ Византіи люди тѣхъ временъ больше всего поражались величіемъ и красотой христіанскихъ храмовъ, торжественностью и блескомъ патріаршаго служенія въ храмѣ св. Софіи. „Не знаемъ гдѣ мы были: на землѣ или на небѣ“, такъ выражали, по лѣтописной записи, свое впечатлѣніе современники Владиміра Святого.

Во внѣшнемъ величіи и блескѣ церковнаго благочинія тогдашніе люди видѣли всю суть новой вѣры, и какъ прежде хранили языческіе обряды, такъ и теперь, по принятіи христіанства, сдѣлались хранителями обрядовъ церковныхъ. То обстоятельство, что въ тогдашней греческой Церкви, давшей древней Руси свѣтъ Христова ученія, вопросы церковной обрядности и догматики имѣли особенно важное значеніе, только способствовало тому, что мысль новокрещеновъ-славянъ тѣмъ крѣпче уцѣпилась за внѣшнія формы, въ которыхъ вѣроученіе выражается.

Въ Византіи съ давнихъ поръ всѣ — отъ императора до послѣдняго раба — были заняты богословскими и обрядовыми спорами. „Византія, — говорилъ еще св. Григорій Богословъ, — наполнена ремесленниками и рабами, глубокомыслен-

ными богословами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. Если ты придешь къ мѣнялѣ размѣнять серебряную монету, то онъ не упуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ, по его мнѣнію, въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца, а на вопросъ, спеченъ ли хлѣбъ, отвѣтитъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего". Такъ продолжало дѣло обстоять въ Византіи и послѣ. Возникали безчисленныя ереси, расколы; шли постоянные утомительные толки и споры, созывались соборы для рѣшенія недоумѣній, но какъ только принималось соборное рѣшеніе по одному вопросу, сейчасъ же возникали тысячи новыхъ: и тогда на почвѣ религіозныхъ разногласій возникали преслѣдованія, казни, война однихъ противъ другихъ.

Конечно, мысль новокрещеновъ не могла обратиться сразу къ такимъ сложнымъ богословскимъ вопросамъ, но, настроенная проповѣдниками на мелочи, тѣмъ усиленнѣе обратилась къ вопросамъ обрядности. Эти вопросы были ближе уму тогдашнихъ людей и по сходству ихъ съ языческими взглядами на богослужебную обрядность вообще. Были, конечно, свѣтлыя исключенія, для которыхъ внутренняя, духовная сторона ученія не заслонялась обрядовой, но большинство, люди рядового ума и способностей, по старой языческой привычкѣ, на первое мѣсто поставили обрядность. У священниковъ и епископовъ они меньше допытывались объясненія какихъ-либо вопросовъ вѣроученія, а больше спрашивали, что надо ѣсть и пить въ тотъ или другой день поста, какіе поклоны творить, очень ли грѣшно до обѣдни постучать яйцомъ о зубы, можно ли ѣсть удавленину, можно ли служить обѣдню на одной просфорѣ, можно ли служить священнику въ одеждѣ, въ которую вшитъ женскій платъ.

Отъ грековъ научиться иному пониманію вѣроученія было нельзя. Источникъ свободнаго знанія и мысли давно

уже изсякъ въ Византіи, и греки византійскихъ временъ не были греками временъ расцвѣта Эллады, когда греческая мысль, греческая образованность царили въ мірѣ, двигали впередъ науку и знаніе. Смѣшеніе съ другими племенами испортило самый языкъ греческій, увлеченіе религіозными и церковно-обрядовыми вопросами сосредоточило на нихъ всю мысль, заставило грековъ, византійскихъ временъ даже презирать прежнюю языческую образованность. „Не по незнанію того, чѣмъ восхищались древніе философы, но по презрѣнію къ такимъ безполезнымъ трудамъ, мы мало думаемъ объ этихъ вещахъ и обращаемъ душу къ лучшей дѣятельности“, говорилъ одинъ византіецъ. Богатѣйшія собранія древнихъ рукописей просто сжигали. Плоды древней мысли и знанія признаны были ненужными. „Языческіе мудрецы,—говоритъ преп. Исидоръ,—хотѣли рѣшить, что такое справедливость, что приличное, что законное, что истинное на свѣтѣ. Но длинными противорѣчивыми сужденіями своими они водятъ какъ бы въ лабиринтѣ читателей своихъ и оставляютъ ихъ еще въ большихъ недоумѣніяхъ. Сколько ученѣйшій Платонъ написалъ разговоровъ, стараясь объяснить, что такое справедливость? Однакоже не убѣдилъ никого. Сколько написалъ Аристотель противъ Платона, обращая въ шутку мысли его? Но и самъ не принесъ пользы, а только увеличилъ словопреніе. Какъ много писали другіе философы, опровергая Аристотеля, но и ихъ ученіе пало. Пусть считающіеся мудрыми сравнятъ со всѣмъ этимъ ясность божественныхъ словъ и да перестанутъ пустословить и да примутъ ученіе божественное, имѣющее цѣлью не удовлетвореніе тщеславію, но пользу слушателей“. Сосредоточившись на вопросахъ церковныхъ и религіозныхъ, греческая мысль византійскихъ временъ почти совсѣмъ оставила другія области знанія, стала относиться къ нимъ пренебрежительно. „Разыскивать причины естественныхъ вещей,—говоритъ одинъ византійскій писатель тѣхъ временъ,—изслѣдовать: такъ ли велико солнце, какъ оно кажется; выпукла луна или вогнута, остаются ли звѣзды неподвижны на небѣ или плаваютъ сво-

бодно въ воздухѣ; какъ велико небо и изъ чего оно сдѣлано, остается ли оно въ покоѣ или движется; какъ велика земля, на какихъ основаніяхъ она повѣшена въ воздухѣ и находится въ равновѣсіи,—спорить и дѣлать предположенія объ этихъ предметахъ значитъ совершенно то же, какъ если бы мы стали разсуждать, что мы думаемъ о какомъ-нибудь городѣ въ отдаленной странѣ, о которомъ мы не знаемъ ничего, кромѣ его имени".

Подводя итоги своей оцѣнкѣ византійской образованности знаменитый историкъ Гиббонъ говоритъ: „Константинопольскіе греки держали въ своихъ безжизненныхъ рукахъ богатства своихъ предковъ, не заботясь о пріобрѣтеніи того духа, который создалъ и облагородилъ доставшееся имъ сокровище знанія. Въ теченіе десяти вѣковъ они не сдѣлали ни одного научнаго открытія. Ни одно историческое, философское или поэтическое твореніе ихъ не было свободно отъ недостатковъ въ красотѣ языка, чувства, не страдало бы отсутствіемъ фантазіи".

Понятно, какъ и чему должны были поучать такіе учителя своихъ учениковъ. Нужды богослуженія и церковнаго обихода заставили новокрещеновъ переводить съ греческаго богослужебныя и церковныя книги. Эти книги и остались долгое время на Руси единственными книгами, единственными проводниками знанія и образованности. Въ силу этого знаніе и образованность древней Руси, исходя изъ церковнаго источника, не могли быть иными, какъ только церковно-религіозными.

Но если византійская церковная образованность покоилась на наслѣдованной отъ древности культурѣ, передавшей византійцамъ способность и умѣнье мыслить, разработанный языкъ, навыкъ и потребность къ мышленію, заставлявшіе ихъ творить въ этой области, создавать новыя и новыя сочиненія, то въ древней Руси, странѣ, гдѣ въ X в. многіе обитатели едва переставали жить „звѣринскимъ обычаемъ", церковная образованность приняла другой характеръ—характеръ вѣры въ книгу, въ то, что написано „богомудрыми мужи". Въ этомъ смыслѣ древняя Русь не поднялась выше ученика, принимающаго на

вѣру все то, что говорилъ учитель, да еще по-своему упрощавшаго слова учителя, доводя ихъ до уровня своего мало развитаго пониманія. Если грекъ-византіецъ отметался отъ языческой философіи и ставилъ на ея мѣсто христіанское ученіе, то русскій его ученикъ проклиналъ эту философію. „Братіе, не высокоумствуйте, — гласитъ одно старинное поученіе,—но во смиреніи пребывайте, по сему же прочая разумѣвайте... Аще кто тя вопроситъ: вѣси ли всю философію?— ты же ему противо того отвѣщай: учился буквамъ благодатнаго закона, еллинскихъ же борзостей не текохъ, риторскихъ острономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ; философію ниже очима видѣхъ. Учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ". Въ другомъ поученіи еще рѣшительнѣе отвергается всякая свободная наука и знаніе. „Богомерзостенъ предъ Богомъ,—читаемъ здѣсь,—всякъ любяй гіомитрію и прочая таковая; се душевніи грѣси: учитися астрологіи и еллинскимъ книгамъ... проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму послѣдующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости; величайшаго себѣ не изыскуй и глубочайшаго себѣ не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи".

Прежняя языческая вѣра въ примѣты процвѣтала во всей своей силѣ, и пастырямъ Церкви приходилось не мало бороться съ ней. „Не язычески ли мы живемъ, — говорилъ еще на самой зарѣ христіанства въ Руси преп. Ѳеодосій Печерскій, — вѣруя во встрѣчу? Если кто встрѣтитъ чернеца или свинью, то возвращается назадъ"... Въ борьбѣ съ язычествомъ подвижники христіанства указывали новокрещенамъ на высоту новой вѣры греческаго исповѣданія. Но греческая Церковь того времени сводила свои счеты съ Церковью римской; православный востокъ раздѣлялся съ католическимъ западомъ, и этотъ раздѣлъ происходилъ среди ожесточенныхъ и ярыхъ споровъ, взаимныхъ упрековъ въ

еретичествѣ и неправославіи. Это обстоятельство тоже сказалось въ пониманіи новокрещенами христіанства. Одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ и подвижниковъ христіанства на Руси преподобный Ѳеодосій училъ свою паству бѣгать „ученія вѣры латинской, гнушаться латинскихъ обычаевъ, не давать за католиковъ своихъ дочерей, не брать у нихъ, не брататься съ ними, не кланяться, не цѣловаться, не ѣсть изъ одной чаши, не принимать отъ нихъ пищи“, имъ давать, если попросятъ, но въ ихъ сосудахъ, а въ своихъ только тогда, если у тѣхъ не будетъ, но послѣ непремѣнно вымыть чаши и дать имъ молитву... все это потому, что католики „неправо вѣруютъ и не чисто живутъ“... „Нѣтъ иной вѣры лучше нашей по своей чистотѣ и святости, — говорилъ преп. Ѳеодосій, — въ этой вѣрѣ живучи, спасемся; увидимъ царство Божіе, а армяне и латиняне не увидятъ жизни вѣчной. Не подобаетъ, чадо, даже хвалить чужую вѣру: кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ, значитъ, хулитъ свою, а кто хвалитъ обѣ, тотъ двоевѣрецъ“. Только въ самомъ концѣ поученія смягчаются эти суровыя требованія, и проповѣдникъ предлагаетъ миловать не только людей своей вѣры, но и чужой: „Если видишь нищаго, или голоднаго,—говоритъ онъ,—или на холодѣ кого, или одержимаго какой-либо бѣдой, то помоги ему, хотя бы онъ былъ еврей, сарацинъ или еретикъ“.

На такихъ поученіяхъ воспитывалась у русскихъ людей, только что принявшихъ христіанство, привычка подозрительно глядѣть на инославныхъ чужеземцевъ-христіанъ и избѣгать сходиться съ ними: все за тѣмъ, чтобы сберечь *свое* православіе, сохранить *свою* чистоту. Такое отчужденіе, при очень невысокомъ уровнѣ образованности тогдашней Руси, не замедлило дорасти до простой кичливости своимъ православіемъ, до презрѣнія ко всему думающему и вѣрующему иначе, чѣмъ на Руси.

До XV вѣка Русь въ церковномъ отношеніи была подчинена византійскому патріарху, а на византійскаго императора смотрѣла, какъ на верховнаго православнаго государя.

Въ 1439 году греки, тѣснимые турками, въ поискахъ за помощью, обратились и къ главѣ католической Церкви, къ римскому папѣ. Чтобы расположить его къ себѣ, греки рѣшили сдѣлать кое-какія уступки католикамъ въ исповѣданіи вѣры. Соглашеніе между католиками и православными греками состоялось на соборѣ епископовъ, православныхъ и католическихъ, въ Италіи, въ г. Флоренціи. Отсюда и самое это соглашеніе извѣстно въ исторіи подъ именемъ Флорентійской уніи (слово унія — латинское, означаетъ соединеніе, соглашеніе).

Русскій митрополитъ Исидоръ, грекъ по происхожденію, тоже участвовалъ въ этомъ соборѣ и подписалъ соглашеніе; но тогдашній великій князь московскій, Василій II, не согласился признать унію. Да и вообще въ народѣ попытка грековъ сблизиться съ католичествомъ заронила большое сомнѣніе въ чистотѣ греческой вѣры. Вскорѣ послѣ уніи совершилось паденіе Византіи, Царьграда, взятаго турками (1453 г.). Русскіе люди увидѣли въ этомъ Божеское наказаніе грекамъ за потерю православія.

Для дальнѣйшей русской жизни событіе это имѣло громадное значеніе. Въ XV в. погибъ, такимъ образомъ, православный греческій царь, померкло въ глазахъ русскихъ людей и греческое православіе отъ уніи и отъ господства въ Греціи магометанъ-турокъ. Все это совершалось какъ разъ къ тому времени, когда Московское княжество объединило подъ собою всю Русь, побѣдило мусульманъ-татаръ, достигло независимости и большого могущества. Митрополитъ же московскій и всея Руси, прежде простой ставленникъ греческаго патріарха, сдѣлался пастыремъ свободной и сильной страны. Сопоставляя все это, русскіе люди рѣшили, что Москва должна наслѣдовать Византіи, должна имѣть царя и патріарха, тѣмъ болѣе, что великій князь московскій Иванъ III женился на племянницѣ послѣдняго греческаго царя, Софіи Палеологъ, и тѣмъ самымъ сдѣлался какъ бы наслѣдникомъ власти византійскаго императора. Внукъ Ивана III, Иванъ IV Грозный,

сталъ съ 1547 года именоваться царемъ, при сынѣ же его, Ѳеодорѣ, въ 1589 г. московскій митрополитъ Іовъ сдѣлался патріархомъ всея Руси. Для русскихъ людей Москва явно становилась на мѣсто Византіи хранительницей чистаго православія.

Послѣ паденія Царьграда только одно православное царство оставалось свободнымъ отъ вражескаго плѣненія — царство Московское. Только одинъ царь на землѣ оставался православнымъ—московскій великій государь. Стали тогда русскіе люди думать такъ: если могучая византійская имперія пала оттого, что уклонилась въ ересь, то падетъ и Москва, если потеряетъ чистоту вѣры. Стало-быть, необходимо тщательно беречь эту чистоту и не допускать перемѣнъ, могущихъ ее нарушить. Надо, слѣдовательно, прежде всего опасаться всякаго общенія съ неправославными еретиками.

Такъ какъ тогдашніе русскіе люди плохо умѣли отличать ученія вѣры (догматы) отъ обрядовъ, то, оберегая чистоту вѣры, стали и обряды, самые мелкіе, тщательно и ревниво хранить, видя въ нихъ залогъ вѣчнаго православія, а, стало-быть, и благоденствія родины. Съ обрядами легко смѣшали обычаи обыденной жизни, стали и ихъ соблюденіе ставить на одну доску съ храненіемъ вѣры.

Среди московскихъ людей развилось большое самомнѣніе. При встрѣчахъ съ иностранцами русскіе съ большою тщательностью подчеркивали, что они, русскіе, единственно православные люди, носители единаго восточнаго исповѣданія, а чужеземцы, — поганые. Иностранцы только удивлялись на такое русское православіе, гдѣ буква и обрядъ значили иной разъ больше, чѣмъ истины и самый смыслъ вѣроученія. По мнѣнію одного иностранца, наблюдавшаго тогдашнюю русскую жизнь, изъ 10 чел. жителей Московскаго государства, при всемъ ихъ самомнѣніи, еле одинъ знаетъ молитву Господню, не говоря уже о Символѣ вѣры и десяти заповѣдяхъ. На вопросъ—отчего въ Россіи крестьяне не знаютъ „Отче нашъ“ и „Богородице“, иностранцы слышали

въ отвѣтъ, „что это де очень высокая наука, годная только для царей и патріарховъ, вообще для господъ и для духовенства, у которыхъ нѣтъ работы, а не для простыхъ мужиковъ“.

Благодаря тщательному исполненію обрядовъ, желанію сдѣлать все какъ можно буквальнѣе, согласнѣе съ указаніями требника, при плохомъ пониманіи этихъ указаній, въ церковный обрядъ русскихъ людей вкралось многое такое, чего не было у другихъ православныхъ—грековъ, малороссовъ.

Ученые кіевскіе монахи и пріѣзжіе греки уже давно стали указывать московскимъ людямъ на большіе непорядки въ Церкви. Среди многихъ отклоненій они особенно отмѣчали: двуперстное крестное знаменіе, сугубую аллилуію, служеніе на семи, а не на пяти просфорахъ, разночтенія въ текстахъ Символа вѣры и богослужебныхъ книгъ, хожденіе непремѣнно по солнцу въ различныхъ церковныхъ дѣйствіяхъ, небритіе бороды, считавшееся условіемъ спасенія души, и др. Эти обычаи изъ среды общества и духовенства проникли въ церковныя книги, а при помощи книгъ, особенно со времени появленія книгопечатанія, все шире и шире распространялись въ обществѣ. На церковномъ соборѣ въ 1551 г. (Стоглавомъ, при царѣ Иванѣ Грозномъ) нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ признаны были вѣрными и спасительными. Но отцы собора вмѣстѣ съ тѣмъ признали, что въ книги вкралось много ошибокъ и надо бы ихъ исправить, надо завести школы, потому что грамотные люди въ Московскомъ государствѣ начала XVI в. были сравнительно рѣдки, такъ что приходилось ставить неграмотныхъ въ священники.

Но тогдашняя школа учила прежде всего исполненію обрядности, храненію внѣшней формы и буквы. „Всѣмъ страстямъ мати — мнѣніе: мнѣніе — второе паденіе“, учили тогдашніе книжники, и для нихъ представлялось совершенно невозможнымъ дѣломъ производить какія-либо исправленія въ книгахъ. Въ 1518 г. пріѣхалъ въ Москву съ Аѳона, по вызову великаго князя Василія III, ученый монахъ Максимъ Грекъ. Ему поручено

было просмотрѣть русскія церковныя книги и исправить все, что онъ сочтетъ нужнымъ. Преподобный Максимъ открылъ множество описокъ и ошибокъ въ русскихъ церковныхъ книгахъ. Но не такъ-то легко было ихъ исправить: русскихъ помощниковъ преподобнаго Максима охватывала „великая дрожь“, когда онъ поручалъ имъ зачеркнуть то или иное слово или даже цѣлую строчку. Преподобному Максиму не удалось довести начатое имъ дѣло до конца: его обвинили чуть ли не въ еретичествѣ, въ неуваженіи къ русскимъ святымъ, которые молились по тѣмъ книгамъ, исправлять которыя хотѣлъ преп. Максимъ, и угодили по нимъ Богу. Напрасно преподобный доказывалъ, что исправленіе написаннаго одно, а сохраненіе содержанія—другое, его не слушали, отставили отъ исправленія и осудили на заточеніе.

Межъ тѣмъ разночтенія въ церковныхъ книгахъ все увеличивались. Книги переписывались тогда людьми, часто годными развѣ только на то, чтобы механически срисовывать буквы, не вникая въ смыслъ словъ. Такіе малограмотные переписчики внесли въ церковныя книги много ошибокъ, часто искажавшихъ смыслъ и очень отдалявшихъ русскій текстъ не только отъ греческихъ подлинниковъ, но и отъ древне-славянскихъ переводовъ. При перепискѣ ошибки вкрадывались и у хорошо знавшихъ свое дѣло переписчиковъ. Случались пропуски словъ и буквъ, бывало, что вмѣсто одной буквы нечаянно писали другую (вмѣсто Едомлимъ писали, напримѣръ, Еломлимъ; вмѣсто вѣковъ—вѣкомъ и т. п.). Часто неправильно раздѣляли слова знаками препинанія, особенно когда списывали съ древне-славянскихъ книгъ, гдѣ никакихъ знаковъ препинанія не было, и текстъ писался сплошь. При письмѣ подъ диктовку легко смѣшивали созвучныя слова и рѣченія: вмѣсто „видѣста очи“, писали „видѣста отцы“; вмѣсто „помогая“—„помахая“ или „помавая“, вмѣсто „по безднѣ“—„побѣдне“ и т. п. Иногда переписчикъ замѣчалъ ошибку своего предшественника, но все-таки списывалъ ее, боясь исправить, и лишь на поляхъ страницы дѣлалъ въ поправку выноску;

на поляхъ переписчики, затѣмъ, иногда писали слова и цѣлыя выраженія, которыми думали замѣнить слова и выраженія подлинника, почему-либо непонятныя или просто сомнительныя. Послѣдующіе же переписчики, признавая выноску за пропускъ, заносили ее въ строку, при чемъ иногда въ конецъ искажался смыслъ. Порча книгъ особенно усилилась, когда нужда въ книгахъ породила писцовъ-промышленниковъ, зачастую людей уже совершенно невѣжественныхъ и малограмотныхъ. Эти переписчики-ремесленники, заинтересованные только въ одномъ—написать книгъ какъ можно больше, мало обращали вниманія на вѣрность переписки. Ихъ ошибки повторялись слѣдующими, и такимъ путемъ „опись къ описи прибывала и недописи“, по выраженію царя Ивана Васильевича.

Справщики изъ русскихъ начетниковъ, привыкшіе разбираться въ буквахъ и вѣрившіе буквѣ столько же, сколько и смыслу, правда, исправляли грубыя орѳографическія ошибки, но терялись при опискахъ, пропускахъ и перестановкахъ словъ. Большинство ихъ не знали греческаго языка и не могли провѣрить исправляемый текстъ по греческимъ книгамъ.

Такъ дѣло исправленія книгъ шло при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и первые годы царствованія Алексѣя Михайловича. Въ 1659 г. патріархъ Никонъ съ церковнымъ соборомъ порѣшилъ переиздать всѣ книги, предварительно исправивъ ихъ по вѣрнымъ греческимъ спискамъ. Изъ Греціи, изъ разныхъ угловъ Россіи, съ Аѳона навезли въ Москву цѣлыя горы рукописей греческихъ и древнихъ церковнославянскихъ. По нимъ частью исправили книги, а въ большинствѣ случаевъ переводили вновь. Отпечатанныя новыя книги разослали по церквамъ и монастырямъ.

Ужаснулись православные русскіе люди, заглянувъ въ эти новоисправленныя и новопереведенныя книги и не нашедши въ нихъ ни двоеперстія, ни сугубой аллилуіи, ни другихъ освященныхъ временемъ и преданіемъ обрядовъ. Въ новыхъ

книгахъ они усмотрѣли новую вѣру, прокляли ихъ, какъ еретическія, и продолжали служить и молиться по старымъ книгамъ. Не всѣмъ, очевидно, была ясна надобность въ исправленіи. Къ тому же патріархъ Никонъ, вмѣсто того, чтобы исправлять старый текстъ, приказалъ переводить вновь.

При новомъ переводѣ, конечно, многія слова были переданы иными рѣченіями, непривычными. Это тоже создавало не мало затрудненій. Ревнители стараго благочестія теряли голову, пытаясь объяснить себѣ, зачѣмъ понадобилось, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ, „ту же рѣчь печатать новымъ нарѣчіемъ: гдѣ церковь была — тамъ храмъ, а гдѣ храмъ—тамъ церковь, гдѣ отроцы—тамъ дѣти, а гдѣ дѣти—тамъ отроцы, вмѣсто креста—древо, вмѣсто пѣвцы—пѣснословцы. Чѣмъ сіе лучше онаго,—спрашивали ревнители старины,—и что въ старыхъ книгахъ ересь, и какое слово противно божественному писанію?“ Въ исправленіи, не понявъ его, они увидѣли только слѣпую ненависть къ старому и стали разсказывать, что патріархъ Никонъ будто бы самъ говорилъ греку-справщику: „Печатай, Арсёнъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по-старому“.

Припоминали затѣмъ, какъ четыре года тому назадъ духовный судъ усомнился въ православіи того самаго Арсенія грека, который теперь правилъ книги. Узнали также, что при исправленіи книгъ не всегда сличали ихъ съ древними греческими книгами, а правили и по новопечатаннымъ въ Италіи, въ Венеціи. Оказалось даже, что изъ всѣхъ 498 греческихъ книгъ и рукописей, привезенныхъ съ Востока, годились для исправленія по нимъ книгъ всего только семь-восемь рукописей, а остальныя и сами были не то что не безъ грѣха, но при строгомъ разборѣ не всегда могли служить подлинниками при исправленіи.

Недовольство было тѣмъ сильнѣе, что патріархъ Никонъ отстранилъ отъ исправленія книгъ прежнихъ русскихъ неученыхъ справщиковъ и поручилъ это дѣло ученымъ кіевскимъ монахамъ. Одинъ изъ друзей этихъ устраненныхъ справщи-

ковъ, знаменитый протопопъ Аввакумъ, такъ записалъ свое впечатлѣніе отъ того, что случилось: „Мы увидѣли, яко зима хощетъ быти: сердце наше озябло, и ноги задрожали; время приспѣ страданію! Подобаетъ неослабно страдати".

И страдать, дѣйствительно, пришлось очень скоро. Московскіе люди стали думать, откуда пришло зло. Многіе рѣшили, что вѣру нарушаютъ потому, что слишкомъ уже передались нѣмцамъ, которыхъ тогда во множествѣ призывали для обученія солдатъ, литья пушекъ и т. п. Русскіе люди, которымъ дорого эти новшества стоили—вѣдь деньги на введеніе новинъ брали съ нихъ,—видя, что нѣмецъ командуетъ ратными людьми и учитъ ихъ своей иностранной ратной хитрости, смутились, стали опасаться, что ихъ теперь, пожалуй, заставятъ одѣваться и брить бороду по-нѣмецки, вѣру принять нѣмецкую, табакъ курить, молоко пить по средамъ и пятницамъ, а свое древнее благочестіе покинуть. Служилъ русскій человѣкъ поэтому „со смятеннымъ духомъ", зная, по выраженію профессора В. О. Ключевскаго, что служба эта нужна царю, но очень неувѣренный, угодна ли она Богу.

Когда же стали вводить новшества и въ церковную жизнь, то темный народъ окончательно смутился. Вѣдь всѣ были увѣрены, что церковные обычаи нельзя перемѣнять, что это грѣхъ, что только существующіе обычаи и правильны. Святость церковнаго обряда была для темнаго народа равносильна святости самой вѣры. Креститься тремя перстами казалось незамолимымъ грѣхомъ, — протопопъ Аввакумъ прямо говорилъ: „Лучше человѣку не родиться, нежели три персты знаменоватися!" Протопопу указывали, что такъ дѣлается у грековъ, отъ которыхъ мы приняли христіанство: „Вся наша Палестина и сербы, и волохи, и римляне, и ляхи признаютъ трехперстіе", говорили протопопу судившіе его патріархи. Но онъ возразилъ: „Вселенскіе учители, Римъ давно палъ и лежитъ невосклонно, и ляхи съ нимъ же погибли; а у васъ православіе стало пестро отъ насилія турскаго Махмета. Пріѣзжайте къ намъ учиться благочестію: у насъ Божіею

благодатію самодержавство, мы ни отъ кого независимы, православіе у насъ чисто, и Церковь свято стоитъ".

Протопопа Аввакума, какъ и многихъ русскихъ людей того времени, новшество смущало тѣмъ болѣе, что его появленіе они приписывали появленію нѣмцевъ. „Охъ, бѣдная Русь, — говоритъ тотъ же Аввакумъ, — что тебѣ старина-то надоѣла, что тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ?" Съ появленіемъ въ Москвѣ иностранцевъ-художниковъ и образцовъ заграничнаго иконописнаго искусства стали появляться и русскія подражанія западной манерѣ иконописанія. Уже настроенный боязливо и опасливо въ эту сторону русскій человѣкъ увидѣлъ и тутъ еретическое новшество, которое ничѣмъ не могъ оправдать, какъ только слѣпою ненавистью къ своему, угодливостью нѣмцамъ: „Пишутъ Спасовъ образъ, Еммануила, — говорилъ все тотъ же Аввакумъ, обличая иконописныя новшества, — лицо одутловато, уста червонны, власы кудрявы, руки и мышцы толсты, персты надуты, тако же и у ногъ бедры толсты, и весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учиненъ, лишь сабли при бедрѣ не написано... и все то устрояютъ по фряжскому, сирѣчь по-нѣмецкому"...

Вотъ это сравненіе новшествъ въ Церкви съ новшествами въ жизни вообще, выводъ тѣхъ и другихъ новшествъ отъ „нечестивыхъ нѣмецъ", появленіе которыхъ ознаменовалось усиленіемъ податей, скоро превратили стояніе за церковную старину въ противодѣйствіе распоряженіямъ власти вообще. Стояніемъ за старину начали оправдывать сопротивленіе тяжелымъ новшествамъ въ настоящемъ, стали объяснять ихъ себѣ, какъ нечестивыя, нѣмецкія, а потому сопротивленіе всѣмъ новшествамъ вообще—и церковнымъ и въ жизни—сочли спасеннымъ, богоугоднымъ дѣломъ. Такъ какъ правительство одобрило церковныя преобразованія, то порѣшили, что царь совращенъ нѣмцами, а стало-быть, сопротивляться ему и не грѣхъ. „Какъ Никонъ царя причастилъ антидоромъ,—говоритъ Аввакумъ,—такъ съ тѣхъ поръ взяли да и начали ломать все старое, завели новую вѣру и всякія ереси". „Выпросилъ себѣ

сатана свѣтлую Россію у Бога и конечно воцарился всякимъ нечестіемъ надъ всею вселенною“. Такой взглядъ былъ быстро усвоенъ всѣми, кто обнищалъ отъ тяжелыхъ податей, кто былъ изнуренъ постоянными злоупотребленіями всякихъ чиновниковъ, — словомъ, простымъ народомъ.

Правительство отвѣтило на это броженіе въ народѣ обычными тогда суровыми мѣрами—пошли въ ходъ казни, ссылки, тюрьма, кнутъ. Къ тому же, со стороны старообрядцевъ началось даже вооруженное сопротивленіе. Соловецкіе монахи отказались принять присланные въ монастырь новоисправленныя книги. Они собрались на совѣщаніе, названное „Чернымъ соборомъ“, и рѣшили скорѣе умереть, чѣмъ принять новыя книги. Цѣлыя 8 лѣтъ отбивались монахи съ оружіемъ въ рукахъ отъ царскихъ воеводъ. Соборъ русскихъ и греческихъ іерарховъ, состоявшійся въ 1666—1667 г., осудилъ всѣхъ державшихся старыхъ обрядовъ и хулившихъ нововведенія Никона, какъ еретиковъ и раскольниковъ. „Если кто не послушаетъ нашего повелѣнія,—постановилъ соборъ,—и не покорится святой восточной Церкви и всему освященному собору, или начнетъ прекословить и противиться намъ, мы такого противника, данною намъ властью, если будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и предаемъ проклятію, а если будетъ отъ мірского чина — анаѳемѣ предаемъ и отъ Церкви отсѣкаемъ, какъ еретика и непокорника, дондеже уразумится и возратится въ правду покаяніемъ“. Осужденные соборомъ не покорились, назвали соборъ „бѣшенымъ“, рѣшили, что „не Христосъ сидѣлъ со властьми, и не Духъ Истинный училъ, но лукавый сатана“, что, хотя Церковь православна, но догматы церковные отъ Никона еретика, бывшаго патріарха, искажены новоизданными книгами, которыя первымъ книгамъ, бывшимъ при пяти первыхъ патріархахъ, во всемъ противны: въ вечерни, и въ заутрени, и въ литургіи, и во всей божественной службѣ не согласуются... Держимъ православіе бывшее прежде Никона патріарха и книги держимъ

письменныя и печатныя, изданныя отъ пяти патріарховъ: Іова, Гермогена, Филарета, Іоасафа и Іосифа московскихъ и всея Россіи, и выше ихъ отъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ московскихъ и всея Россіи, и хощемъ соборомъ, бывшемъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, правы быти, на немъ же былъ и Гурій, нашъ казанскій чудотворецъ, съ сими книгами живемъ и умираемъ".

Но по тогдашнему закону за преступленія противъ вѣры, за еретичество, полагалась смертная казнь. „Кто возложитъ хулу на Господа Бога или Христа Спасителя, или Богородицу и на Крестъ Честной, или на свв. угодниковъ Божіихъ, то сжечь", читаемъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Равно подлежалъ смерти и тотъ, кто „не дастъ совершить литургію" или „учинитъ мятежъ въ храмѣ". Прилагая эти статьи тогдашняго закона къ отколовшимся отъ Церкви и хулившимъ ея правоту ревнителямъ прежнихъ обрядовъ, соборъ 1666—67 гг. призналъ, что они подлежатъ наказанію „градскимъ казненіемъ", т.-е. должны быть судимы свѣтскимъ судомъ.

Въ 1681 г. правительство постановило учинить розыски раскольниковъ, какъ назвали тогда старообрядцевъ, запретило продажу и распространеніе ихъ сочиненій и старыхъ книгъ, учредило строгій надзоръ за самими приверженцами старины. Все это въ глазахъ простого народа казалось прямымъ гоненіемъ за вѣру и не могло не воспламенить еще болѣе ревнителей старины: въ пострадавшихъ видѣли мучениковъ за истину, въ гонителяхъ—жестокихъ слугъ антихриста. Пострадать за вѣру, погибнуть за нее огненною смертью стало завѣтнымъ желаніемъ многихъ. Воображеніе народа было возбуждено до болѣзненности, до ожиданія небесныхъ громовъ за отступленіе отъ формы благочестія: „Если я перекрещусь тремя перстами,— говорилъ на допросѣ дворянинъ Токмачевъ,—думаю, что и небо поразитъ меня страшнымъ громомъ, и земля разступится и заживо поглотитъ мя". Людьми овладѣло мужество отчаянія— они шли на все. Страхъ передъ церковными новшествами

былъ до того силенъ, что появляется страшный обычай самосожигательства. „Насильственная смерть за вѣру вожделѣнна, — доказывалъ Аввакумъ, — что лучше сего итти навстрѣчу мученичеству: въ огнѣ-то здѣсь небольшое время потерпѣть. До костра страхъ-отъ, а едва въ него вошелъ, тогда и забывъ вся“. Въ 1687 году въ 6 мѣстахъ сожглось больше 4650 человѣкъ.

Вспугнутые крутыми мѣрами начальства, ревнители старой вѣры — и иноки и міряне — побѣжали во всѣ стороны. Скоро по селамъ и деревнямъ все чаще и чѣмъ дальше, тѣмъ больше стали появляться и въ одиночку и „многолюдствомъ“ неизвѣстные люди. Въ лѣсу, въ укромныхъ оврагахъ, подальше отъ проѣзжихъ дорогъ хоронились они, а молва приводила къ нимъ и единомышленниковъ, и любопытныхъ, и равнодушныхъ. Поднявъ высоко вверхъ правую руку съ двуперстнымъ знаменіемъ креста, эти бѣглецы убѣждали людей непоколебимо стоять за „древлее благочестіе противъ новинъ Никона патріарха, предтечи антихристова“, какъ говорили они. По словамъ старообрядческихъ писателей, проповѣдники эти „нелѣностно о древлемъ благочестіи всеблагодатное простирали слово, съ умиленіемъ и слезами поучали, съ рыданіемъ молили простыхъ людей опасно беречься Никоновыхъ новшествъ, отъ Церкви Никоновой удаляться, у священниковъ никоніанъ не причащаться и въ домы къ себѣ ихъ не пускать“.

Чѣмъ строже становилось преслѣдованіе, чѣмъ жестче и безпощаднѣе были казни, тѣмъ глубже и глубже вслѣдъ за бѣжавшими отъ преслѣдованій ревнителями старыхъ обрядовъ укрѣплялась въ народѣ приверженность къ своей церковной старинѣ. Главнымъ и первоначальнымъ убѣжищемъ бѣглецовъ стали сначала сѣверныя страны Россіи, тогда еще совершенно пустынныя и безлюдныя. Здѣсь, въ дебряхъ Олонецкихъ лѣсовъ, въ Архангельскихъ ледяныхъ пустыняхъ, появились первые старообрядческіе монастырьки-скиты, устроенные выходцами изъ Москвы и соловецкими бѣглецами,

спасавшимися сюда послѣ взятія монастыря царскими воеводами. Появились селенія старообрядцевъ въ пограничныхъ съ тогдашней Россіей предѣлахъ Польши, въ лѣсахъ Поволжья, за Ураломъ, въ Сибири.

Времена на Руси становились, межъ тѣмъ, все болѣе смутными. Въ самый разгаръ развитія церковнаго раскола скончался царь Алексѣй Михайловичъ. Его наслѣдникъ, хилый отъ природы, царь Ѳедоръ, царствовалъ недолго. Съ его смертью началась дворцовая смута, разразился бунтъ стрѣльцовъ. На московскомъ престолѣ оказались два царя — Петръ Алексѣевичъ и Иванъ Алексѣевичъ, а правила государствомъ, за ихъ малолѣтствомъ, царевна Софія. Такъ появилось на Руси и еще одно неслыханное новшество: сразу царствовали два царя, а всѣми дѣлами управляла женщина, да еще незамужняя.

При общемъ тревожномъ состояніи народа такое новшество показалось очень страннымъ и дало обильную пищу для всякихъ мятежей и возмущеній, съ которыми и слилось вызванное расколомъ Церкви движеніе. Возведеніе на престолъ Ивана, устроенное по наущенію Софіи, сопровождалось убіеніемъ неугодныхъ ей людей, сторонниковъ младшаго царя Петра. Стрѣльцы и участвовавшая въ бунтѣ московская чернь кстати перебили и тѣхъ, кто особенно рѣзалъ ей глаза своею приверженностью къ заморскимъ новшествамъ; такъ были убиты А. С. Матвѣевъ, Нарышкинъ и друг.

Стрѣлецкій бунтъ, окончившійся тѣмъ, чего требовали стрѣльцы, возбудилъ въ народѣ мысль, что, пожалуй, такимъ путемъ можно добиться и другихъ перемѣнъ и измѣненій. Прежде всего поднялись ревнители старой вѣры, пораженные проклятіемъ господствующей Церкви и преслѣдуемые властью. До сихъ поръ самые рьяные изъ нихъ бѣгали въ лѣса, пустыни, а другіе прятались по городамъ. Но какъ только начались въ Москвѣ стрѣлецкія волненія, приверженцы старой вѣры сейчасъ же подняли голову. Стали по Москвѣ открыто расхаживать проповѣдники древляго благо-

честія и поучать не ходить въ оскверненныя церкви, не креститься тремя перстами, не слушаться нечестиваго начальства и не платить антихристовыхъ податей. „Неучи, мужики, бабы,—говоритъ современникъ,—не знающіе складовъ, толпами собирались тогда на Красной площади и совѣщались, какъ утвердить старую вѣру, а чуть только кто изъ противниковъ скажетъ слово, на того сейчасъ нападутъ и всенародно прибьютъ, воображая, что этимъ они правую вѣру обороняютъ“.

Правительницѣ, царевнѣ Софіи, пришлось согласиться на собесѣдованіе со сторонниками старыхъ обрядовъ во дворцѣ. Множество ревнителей старины набралось въ Грановитую палату, куда пришла и царевна съ боярами и духовенствомъ. Собесѣдованія, конечно, никакого не вышло. Пришедшіе на собесѣдованіе вели себя крайне безчинно. Одинъ изъ нихъ даже ударилъ холмогорскаго епископа Аѳанасія. Еле удалось очистить отъ нихъ дворецъ. Покинули они его такъ же безчинно, какъ и вошли. Съ криками: „Побѣдихомъ! побѣдихомъ!“ спустились они по Красному крыльцу, вышли на Лобное мѣсто и по дорогѣ въ Таганку, гдѣ были ихъ домы, служили въ попутныхъ церквахъ благодарственныя молебствія.

То же происходило и въ другихъ городахъ. „Вѣдомо великимъ государямъ учинилось,—читаемъ въ одномъ указѣ того времени,—что въ городахъ тамошніе жители и прохожіе люди про мимошедшее смутное время говорятъ похвальныя и многія непристойныя слова на смуту и на страхованіе и соблазнъ людямъ“. Боярскіе люди не стѣснялись производить шумъ и драку въ самомъ Кремлѣ, возлѣ дворца. Стрѣльцы одного изъ полковъ, собравшись на сходку, порѣшили составить прошеніе государямъ противъ патріарха и просить возстановить старую вѣру, и прошеніе не было написано только потому, что среди нихъ не нашлось ни одного грамотнаго человѣка.

Всѣмъ извѣстно, какъ круто вводилъ царь Петръ свои новшества и какъ безпощадно истреблялъ онъ всякое проти-

ворѣчіе своимъ нововведеніямъ. Старообрядству, этому поборнику старины, тяжело приходилось отъ жестокой расправы царя-преобразователя. Воинскія команды находили поселенія старообрядцевъ въ самыхъ глухихъ дебряхъ и безпощадно разоряли ихъ скиты, переписывая ревнителей старины и начисляя на нихъ двойной оброкъ.

Подъ вліяніемъ гоненій и преслѣдованій пошли въ средѣ старообрядцевъ слухи, что настали послѣднія времена, что послѣ собора 1666—67 гг., проклявшаго „старую вѣру", померкло солнце православія въ „третьемъ Римѣ", какъ тогдашніе книжники любили называть Московское государство, и, слѣдовательно, скоро долженъ наступить Страшный судъ. Люди начали уже бредить антихристомъ. Еще протопопъ Аввакумъ предрекалъ его пришествіе, и ему снился антихристъ. „Я, братья мои,—писалъ онъ,—видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную, право, видѣлъ. Платье у него все смрадъ и зѣло дурно, огнемъ дышетъ изо рта, а изъ ноздрей и ушей пламя смрадное исходитъ"... Разсчитали, что по апокалипсису власть антихриста должна продлиться два съ половиной года, а затѣмъ наступитъ свѣтопреставленіе. Рѣшивъ, что антихристъ пришелъ въ 1666 г., стали ожидать конца свѣта въ 1669 г. Въ нижегородскомъ краѣ, да надо думать и по всей Руси, многіе люди были такъ увѣрены въ наступленіи кончины міра, что уже съ осени 1668 г. забросили поля, не пахали, не сѣяли, выпустили на волю скотину, а съ наступленіемъ 1669 г. бросили и избы. Стали собираться толпами на поляхъ, сообща молились, постились, каялись другъ другу въ грѣхахъ, пріобщались св. дарами, освященными до Никона, и съ трепетомъ ждали той минуты, когда, согласно пророчеству, солнце померкнетъ, луна остановитъ теченіе свое, звѣзды спадутъ съ неба, загорится земля, попаляя злокозненный грѣхъ людской, гробы отдадутъ своихъ мертвецовъ и, наконецъ, „въ послѣдняя" зазвучитъ труба архангела, разверзнется небо, придетъ „Судія всѣхъ", разогнутся „книги животныя", рѣка огненная передъ судилищемъ потечетъ, и настанетъ Страшный судъ.

По старинному преданію, кончины міра ожидали ночью, къ полуночи. И вотъ каждую ночь, при наступленіи 12 часовъ, надѣвали люди смертныя рубахи и саваны, ложились въ долбленые изъ цѣльнаго дерева гробы и ждали трубнаго гласа, отпѣвая себя заживо.

Но всеобщія ожиданія кончины міра не оправдались. 1669 годъ наступилъ и прошелъ благополучно. Кончину міра тогда отсрочили, сдѣлавъ такой расчетъ: оказалось, что, ожидая свѣтопреставленія въ 1669 г., сдѣлали ошибку, считая годы отъ рождества Христова. Сатана былъ де связанъ на тысячу лѣтъ не съ рождества Христова, а съ воскресенія Христова. Отъ воскресенія Христова и слѣдуетъ вычислять годъ Страшнаго суда. Пришествіе антихриста приходится, слѣдовательно, отодвинуть на все время земной жизни Спасителя, т.-е. на 33 года, и ждать антихриста въ 1699 г., а кончины міра—въ 1702 г. „А пока,—такъ заключали свои вычисленія ревнители старины,—подобаетъ неослабно страдать за древнюю вѣру, да не померкнетъ свѣтъ истиннаго православія и да чисты явимся передъ Всевышнимъ Судіей“. Но вотъ и 1702 годъ пришелъ и прошелъ, а міръ стоялъ попрежнему. Невольно возникалъ тогда передъ ревнителями „древляго благочестія“ вопросъ: какъ быть теперь? Надо было устраиваться жить, а не готовиться къ смерти, и жить еще неопредѣленное и, можетъ-быть, очень долгое время.

Какъ же разрѣшили поборники церковной старины поставленную имъ жизнью задачу?

Оглянувшись на свое положеніе послѣ того, какъ пришествіе антихриста не состоялось, люди древляго благочестія прежде всего увидѣли, что у нихъ нѣтъ церкви, такъ какъ нѣтъ всей полноты церковнаго чина. Старообрядцы знали, что въ истинной церкви необходимы три чина іерархіи: епископскій, пресвитерскій и діаконскій, съ преемственнымъ отъ самихъ апостоловъ рукоположеніемъ; признавали старообрядцы и то, что безъ священнаго чина церковь — не церковь, а самочинное сборище.

Пока было много священниковъ до-никоновскаго ставленія, они и исправляли всѣ требы, а такъ какъ въ скоромъ времени ожидалась кончина міра, то отколовшіеся отъ господствующей Церкви не очень и заботились о полнотѣ своего церковнаго чина. Но вотъ прошли года. Склонные къ „древлему благочестію“ архіереи перемерли всѣ очень рано: послѣдній изъ нихъ скончался въ 1678 г. Много и священниковъ перемерло, не было ни святого мира, ни антиминсовъ для совершенія литургіи. Вставалъ вопросъ: кому же править дѣло архіерейское, судить духовныя дѣла, управлять клиромъ и церковью? Въ семействахъ старообрядцевъ младенцы возмужали, люди взрослые состарились, старые сошли въ могилы. А поповъ становилось все меньше и меньше; съ трудомъ уже находили духовнаго отца, ставленнаго еще до Никона и ревностно хранившаго „древлее благочестіе“. Некому было окрестить младенца, повѣнчать молодыхъ, напутствовать умирающаго, исповѣдывать, пріобщить святыхъ таинъ.

При такомъ „оскудѣніи священства“ однѣ старообрядческія общины рѣшили остаться вовсе безъ священническаго чина. „Самъ Христосъ,—сказали они,—будетъ намъ невидимымъ святителемъ, какъ непреложно Онъ есть невидимый глава Церкви православной“. „Сами себя освящайте, сами себѣ священниками бывайте“, вычитали они себѣ положеніе и стали на немъ основывать свое ученіе. „Благодать Божія,—сказали они себѣ, — взята на небо; нѣтъ болѣе ни священства ни освященія и не будетъ его до конца міра, оный же не замедлитъ“. Послѣдователи этого ученія стали называться „безпоповцами“.

Другія общины старообрядцевъ, признавая, что безъ священнаго чина нѣтъ церкви и нельзя спастись, предприняли мучительные и ревностные поиски за „правильнымъ священствомъ“. Сторонники такого взгляда получили названіе „поповщины“.

Безпоповщина распространилась, главнымъ образомъ, по сѣверу Россіи. По средней же полосѣ Россіи главное распространеніе получила поповщина.

Не имѣя архіерея, преемственно отъ апостоловъ получившаго власть и достоинство святителя, обладающаго властью рукополагать новыхъ священниковъ, старообрядцы толка поповщины, когда настало время „оскудѣнія священства“, стали привлекать къ себѣ для исполненія требъ священниковъ господствующей Церкви, требуя только, чтобы они были рукоположены до Никона. Когда поколѣніе священниковъ, рукоположенныхъ до 1654 года, вымерло, старообрядцы „нужды ради“ стали принимать къ себѣ, сманивая въ свой толкъ, священниковъ „новаго рукоположенія“ и только крещенія „стараго“. Когда вымерли люди, удовлетворяющіе и этому требованію, въ поповщинѣ стали принимать священниковъ и „новаго“ постановленія и „новаго“ крещенія. Сначала такихъ священниковъ, принимая ихъ въ свой толкъ, перекрещивали, а потомъ стали довольствоваться лишь тѣмъ, что повторяли миропомазаніе. Такъ пробавлялся толкъ поповщины до самаго послѣдняго времени.

Такое положеніе сторонники поповщины считали, конечно, неправильнымъ и всѣми силами стремились „снискать чинъ архіерейскій“, какъ было принято у нихъ выражаться. Сильно угнетала ихъ мысль, что старообрядчество не есть истинная церковь, такъ какъ не имѣетъ трехъ чиновъ священства. Въ ужасъ приходили старообрядцы, когда прочитывали въ церковныхъ правилахъ, въ православіи которыхъ не сомнѣвались, что безъ епископа церковь не церковь, а „самочинное сборище“. А нѣтъ церкви, значитъ, нѣтъ и спасенія; тщетны, слѣдовательно, всѣ страданія, труды, лишенія, подъятые ради „древляго благочестія“.

Во мглѣ этихъ непроглядныхъ сомнѣній и мучительныхъ стремленій имѣть у себя всю полноту церковнаго чина начались и цѣлые два вѣка длились у старообрядцевъ поповщинскаго толка исканія „епископства“. Гдѣ только не искали они „правильнаго“ архіерейства! И въ „опоньскомъ царствѣ“, т.-е. въ Японіи, куда, — какъ говорили въ старообрядческой средѣ,—скрылись во время гоненій до-никоновскіе архіереи,

не раздѣлявшіе новшествъ; искали и въ какомъ-то небываломъ Бѣловодьи, разно толкуя, гдѣ находится эта страна; искали и поближе—въ Малой Азіи, въ Греціи, въ Молдавіи, но находили или обманщиковъ или недостойныхъ людей, отъ которыхъ сами спѣшили отдѣлаться.

Значительная часть поповщины успокоилась отъ этихъ тяжелыхъ, полныхъ глубокаго трагизма и грусти исканій лишь къ половинѣ XIX вѣка, найдя себѣ іерарха въ лицѣ одного изъ безмѣстныхъ греко-боснійскихъ митрополитовъ. Поселился этотъ митрополитъ среди старообрядцевъ, проживавшихъ въ Австріи. Отсюда пошло и названіе „австрійское согласіе“ для той части поповщины, которая признала его. Не признавшая новаго митрополита часть поповщины, очень незначительная по своему количеству, осталась жить на прежнихъ основаніяхъ.

Не мало старообрядцевъ согласились въ 1790-хъ годахъ принять священниковъ отъ архіереевъ господствующей Церкви, но съ условіемъ, чтобы они были посвящены по старому обряду, служили бы по старымъ книгамъ и свято соблюдали всѣ правила и обычаи старообрядчества. Въ 1800 году были утверждены императоромъ Павломъ I правила для такихъ соглашавшихся, при условіи сохраненія старыхъ обрядовъ, получать священниковъ, поставленныхъ православнымъ архіереемъ. Эта часть ревнителей древляго благочестія носитъ названіе „единовѣрцевъ“ и, кромѣ обрядности, ничѣмъ не отличается отъ православныхъ, признавая однихъ съ ними іерарховъ.

Пособіемъ при составленіи очерка служили слѣдующія сочиненія: *С. М. Соловьевъ,* „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. XI, XII, XIII; *П. Смирновъ*, „Исторія русскаго раскола старообрядчества“; *преосв. Макарій*, „Исторія русской Церкви“, т. XII; *В. А. Мякотинъ,* „Протопопъ Аввакумъ“; *В. Иконниковъ*, „Культурное значеніе Византіи въ русской исторіи“; *П. Мельниковъ*, „Очерки исторіи поповщины“; *В. О. Ключевскій*, „Западное вліяніе въ Россіи XVII в.“; *Н. Каптеревъ*, „Патріархъ Никонъ и его противники“.

Заставка съ заглавнаго листа рукописнаго Катихизиса и изображаетъ засѣданіе справщиковъ въ книжной палатѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

